БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ 15

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ

15

XVII век

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2006

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
Н. В. ПОНЫРКО

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 95-06-18703, в рамках гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ (НШ—2193.2006.6)

ТП-03-II-№ 119
ISBN 5-02-027075-X (Т. 15)
ISBN 5-02-028307-X

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Если кратко определить значение XVII века в истории русской литературы и в истории русской культуры в целом, то придется сказать, что главное было в том, что век этот был веком постепенного перехода от древней литературы к новой, от средневековой культуры — к культуре Нового времени.

Русская литература на грани XVI—XVII веков стояла перед необходимостью подчинения литературы личностному началу, выработке личностного творчества и стабильного, авторского текста произведений. Она стояла перед необходимостью освобождения всей системы литературных жанров от их подчинения «деловым» задачам и создания общих форм литературы с западноевропейскими. Развитие критики и литературных направлений, периодической печати, театра и стихотворства, активизация читателей и освобождение литературы от подчинения церковным и государственным интересам, проявление самостоятельности писательских мнений, оценок и т. д., — все это должно было появиться в XVII веке, чтобы сделать возможным окончательный переход во второй четверти XVIII века к новому типу структуры литературы, к новому типу литературного развития и к новому типу взаимоотношений с литературами стран европейского Запада. «Европеизация» русской литературы в XVIII веке состояла не только в том, что Россия стала на путь простого знакомства с литературами Запада, но и в том, что это знакомство в результате внутренней подготовленности русской литературы смогло принести обильные плоды.

Развитие культурных явлений в XVII веке не отличалось стройностью и ясностью. Так бывает всегда, когда историческое движение сбито посторонними силами, внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Историки литературы обычно представляют себе эмансипацию личности в литературе XVII века как эмансипацию поведения действующих лиц произведения. Герои начинают нарушать старозаветные нормы, выработанные в русском быту предшествующих столетий.

Эмансипацию личности видят в «Повести о Фроле Скобееве» в образах Аннушки и Фрола Скобеева, в их «вольном поведении». Эмансипированными личностями представляются и Савва Грудцын, и девица из «Притчи о старом муже и молодой девице», и даже герой «Повести о Горе-Злочастии» — безымянный молодец. Все эти молодцы и девицы не слушаются родителей, не следуют нормам поведения, предписывавшимся старозаветным укладом жизни.

Дело, однако, не в появлении своевольных личностей, нарушающих заветы старины: такие личности были всегда. Новые герои литературы не являются носителями каких-либо новых идей. Дело, как мы увидим в дальнейшем, в новом к ним отношении авторов и читателей. Но самое главное в том, что сама литература как целое начинает создаваться под действием этого личностного начала. В литературу входит авторское начало, личная точка зрения автора, представления об авторской собственности и неприкосновенности текста произведения автора. Происходит индивидуализация стиля и многое другое.

В художественном методе средневековой литературы личность автора сказывалась до XVII века значительно слабее, чем в литературе Нового времени. Причины тому две. С одной стороны — постоянные последующие переделки произведения, не считавшиеся с авторской волей и уничтожавшие индивидуальные особенности авторской манеры. С другой же стороны, авторы средневековья гораздо менее стремились к самовыявлению, чем авторы Нового времени. В литературе Древней Руси гораздо бо́льшую роль, чем авторское начало, играл жанровый признак. Каждый литературный жанр имел свои традиционные особенности художественного метода. Особенности художественного метода, присущие тому или иному жанру, вытесняли индивидуальные авторские особенности. Один и тот же автор способен был прибегать к разному методу изображения и к разным стилям в зависимости от того — в каком жанре он писал. Пример тому — произведения Владимира Мономаха. Летопись его «путей» (походов) и «ловов» (охот) составлена в летописной манере (по художественному методу и по стилю). Совсем иной художественный метод и иной стиль в нравоучительной части «Поучения». Здесь перед нами художественный метод церковных поучений. Письмо к Олегу отделяется и от того и от другого — это одно из первых произведений эпистолярной литературы, своеобразное по художественному методу и по стилю.

Древнерусские литературные произведения до XVII века очень часто говорят от имени автора, но этот автор еще слабо индивидуализирован. В проповеди — это проповедник, в житии святого — это агиограф, в летописи — летописец и т. д. В средневековой литературе авторское «я» в большей степени зависит от жанра произведения, почти уничтожая за этим жанровым «я» индивидуальность автора. Существуют как бы жанровые образы авторов. Будь летописец стар или молод, монах или епископ, церковный деятель или писец посадничьей

избы — его манера писать, его авторская позиция — одна и та же. И она едина, даже несмотря на совсем разные политические позиции, которые могут летописцы занимать.

Правда, авторская личность начинает заявлять о себе с достаточной определенностью уже в XVI веке в произведениях, принадлежащих перу властного и ни с чем не считающегося человека: Иван Грозный — это в какой-то мере первый писатель, сохраняющий неизменным свою авторскую индивидуальность, независимо от того, в каком жанре он писал. Он не считается ни с этикетом власти, ни с этикетом литературы. Его ораторские выступления, дипломатические послания, письма, рассчитанные на многих читателей, и частная переписка с отдельными лицами всюду выявляют сильный неизменный образ автора: властного, ядовитого, саркастически настроенного, фанатически уверенного в своей правоте, все за всех знающего. Это сильная личность, но жестоко подавляющая другие личности, личностное, ренессансное начало.

События «Смуты» начала XVII века перемешали общественное положение людей. И родовитые, и не родовитые люди стали играть значительную роль, если только они обладали способностями политических деятелей. Поэтому и официальное положение автора не стало иметь того значения, что раньше. Вместе с тем каждый автор стал стремиться к самовыявлению, иногда самооправданию, начал писать со своей сугубо личной точки зрения. Князь Иван Хворостинин, князь Семен Шаховской пишут свои произведения о «Смуте» в целях самооправдания и самовозвеличения. Чисто личные причины для составления его произведений были и у Авраамия Палицына. В их сочинения проникает элемент автобиографизма. Они даже и не скрывают, что высказывают не объективную точку зрения на события, а сугубо субъективную — личную. В «Словесах дней и царей и святителей московских» Иван Хворостинин дает характеристику тем деятелям «Смуты», которые были ему лично знакомы. Авторы повестей о «Смуте» — участники событий, а не только их свидетели. Поэтому они пишут о себе и о своих взглядах, оправдывают свое поведение, ощущают себя не только объективными историками, но в какой-то мере и мемуаристами.

Позиция мемуариста появляется даже у агиографа. Сын Ульянии Осóрьиной — Дружина Осóрьин — пишет житие своей матери с позиций человека, близкого Ульянии.

Автобиографии составляют во второй половине XVII века многие деятели этого времени: Епифаний и Аввакум, игумен Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич.[1] Автобиографическими элементами полны стихи Симеона Полоцкого и справщика Савватия.

---

[1] См.: Голубев С. История Киевской духовной академии. Киев, 1888. Т. 1, приложение, с. 74—79 — текст автобиографии. Об Игнатии см.: Белецкий А. И. Из начальных лет литературной деятельности Симеона Полоцкого // Сб. *ОРЯС*. Т. 101. № 3. Л., 1928.

Если профессиональные писатели-ремесленники появляются уже в XV веке (Пахомий Серб), то теперь, в XVII веке, появился тип писателя, осознающего значительность того, что он пишет и делает, необыкновенность своего положения и свой гражданский долг. Самосознание писателя в XVII веке стоит уже почти на уровне нового времени.

Рост самосознания автора был только одним из симптомов осознания в литературе ценности человеческой личности. Ценность человеческой личности самой по себе осознавалась не в абстрактном (например, в соответствии с принципами: «человек по своей природе добр», «нет людей злых» и пр.), а в самом обыденном, конкретном. Постепенно отмирало и уходило в прошлое именно абстрактное понимание человеческой природы, заставлявшее средневековых книжников однообразно делить всех людей на хороших и плохих: тех, что после смерти пойдут направо и получат награду за свою праведность, и тех, что пойдут налево и воспримут воздаяние за грехи. Человек все больше выступал как сложное в нравственном отношении существо, связанное при этом с другими людьми, с обстоятельствами, приведшими его к тому или иному поступку, с бытовой обстановкой. Раскрепощение человеческой личности в литературе было и своеобразной конкретизацией ее изображения. Человек все более начинал восприниматься как конкретный индивидуум в сложной обстановке быта и общества. Правда, этот быт и это общество виделись еще глазами автора, не совсем обвыкшими к дневному освещению. Вырисовывались лишь контуры соотношений и отдельные детали. Однако принципиально важен был самый переход к детализированному ви́дению.

Герои литературных произведений «спускаются на землю», перестают ходить на ходулях своих официальных высоких рангов в феодальном обществе, как это было в предшествующие века. Их положение по большей части снижается, соответствуя отчасти положению нового читателя, пришедшего в XVII веке из масс, своими собственными силами выдвинувшегося или по своей собственной беспечности не выдвинувшегося в обществе.

Для нового читателя герой литературного произведения не вознесен над ним, а вполне с ним сопоставим. Отсюда отношение к нему автора становится все лиричнее. Герой не поднимается над читателем и в моральном отношении.

Во всех предшествующих произведениях средневековья действующие лица как бы витали в особом пространстве, куда читатель, в сущности, не мог проникнуть. Теперь герой лишен какого бы то ни было ореола. Герой опрощен до пределов возможного. Молодец «Повести о Горе-Злочастии» наг или одет в «гуньку кабацкую». Таков же герой «Азбуки о голом и небогатом человеке». Он голоден. Он не признан родителями, изгнан от друзей, скитается «меж двор». Натуралистические подробности делают эту личность «низкой» и почти уродливой. Но замечательно, что, так приближая своего героя к читателю, автор дела-

ет его тем самым достойным жалости и утверждает его ценность как личности. При этом оказывается, что у этого падшего героя не отнято главное — ум и самосознание. На самой низкой ступени падения он сохраняет чувство права на лучшее положение и сознает свое умственное превосходство. Герой иронизирует над собой и окружающими, вступает с ними в конфликт. Этот конфликт тоже чисто бытовой. Ирония становится средством самовыявления героя, но она же властно овладевает автором во всех случаях его отношения к действительности. Снижается не только герой, снижается сама действительность, язык, которым эта действительность описывается, отношение автора к своему произведению и пр.

Демократическая литература с ее сатирой и пародией в какой-то мере показательна для всей эпохи в целом. Родственные демократической литературе черты мы можем встретить и в «высокой» придворной литературе. Сатира проникает в придворную поэзию Симеона Полоцкого. Герой снижается не только в произведениях демократической литературы. Всюду в литературе устанавливается связь с бытом. Пародия и сатира знаменовали собой снижение литературы, литературного героя, действительности. Но развенчание действительности и героя было одновременно их увенчанием новыми ценностями, иногда более глубокими и более гуманистическими.

Но вернемся к пародии. Демократические писатели XVII века забавлялись созданием пародий на челобитные, судопроизводственный процесс, лечебники, азбуки, дорожники (дорожники — это своего рода путеводители), росписи о приданом и даже богослужение. Вместе с тем в литературу обильно входили разные «прикладные» (развлекательные) и «потешные» сюжеты, различные забавные повестушки и описания приключений героев.

Все эти внешне «несерьезные» сюжеты были очень «серьезны» по существу. Только серьезность их была особая и вопросы в них стали подниматься совсем иные — не те, что волновали торжественную и помпезную политическую мысль предшествующего времени или проповедническую литературу Церкви, — они касались повседневной жизни мелких по своему положению людей. Серьезность вопросов, стоявших перед новой демократической литературой XVII века, была связана с социальными проблемами своего времени. Авторов непритязательных демократических произведений XVII века начинали интересовать вопросы социальной несправедливости, «безмерная» нищета одних и незаслуженное богатство других, страдания маленьких людей, их «босота и нагота». Вопросы социальной справедливости затрагивались и в предшествующей литературе XVI века, но там это были философские рассуждения сторонних наблюдателей. Сейчас об этом пишут сами «босые» и «голодные». Изложение идет от их лица, и они вовсе не думают скрывать свои недостатки. Герой не витает в особом пространстве над читателем — пространство объединяет читателя и героя. Читатель чувствует свою близость к тому, что происходит в литературном

произведении, а поэтому сочувствует маленьким людям с их часто маленькими же житейскими тревогами.

Впервые в русской литературе грехи этих маленьких людей вызывали не осуждение, а симпатию, сочувствие, сострадание. Безвольное пьянство и азарт игры в «зернь» вызывали лишь сострадательную усмешку. Однако беззлобие в отношении одних оборачивалось величайшей злостью против других — тех, что «внидоша в труд» бедных, «черт знает на что деньги берегут» и не дают есть голым и босым.

Новый герой литературных произведений не занимает прочного и самостоятельного общественного положения: то это купеческий сын, отбившийся от занятий своих степéнных родителей (Савва Грудцын, герой «Повести о Горе-Злочастии»), то спившийся монах, то домогающийся места иерей и т. д. Отнюдь не случайно появление в литературных произведениях XVII века огромного числа неудачников или, напротив, героев, которым, что называется, «везет», — ловкачей вроде Фролки Скобеева или «благородных» искателей приключений вроде Еруслана Лазаревича. Эти люди становятся зятьями бояр или купцов, легко женятся на царских дочерях, получают в приданое полкоролевства, переезжают из государства в государство, попадают к морским разбойникам или оказываются на необитаемом острове, чтобы быть счастливо вызволенными и оттуда. Оживают вновь сюжеты эллинистического романа. Образуется как бы перекличка эпох. Фатальная неудачливость или, напротив, фатальная удачливость героев позволяет развивать сложные и занимательные сюжеты старого эллинистического типа, но для XVII века совершенно нового характера.

Что же такое — эта фатальность в судьбе героя XVII века? Это явление новое и тесно связанное, как это ни странно, опять-таки с освобождением личности, с ее эмансипацией от опеки рода и корпорации.

В русской литературе предшествующих веков отразились по преимуществу представления о судьбе рода. Судьба владеет всем родом, к которому принадлежит герой, и представления об индивидуальной судьбе еще не развились. Судьба не была еще персонифицирована, не приобрела индивидуальных контуров. Эти представления о родовой судьбе явны в летописи. Там князя избирают или изгоняют жители Новгорода, сообразуясь с его принадлежностью к определенной княжеской линии. Предполагается, что князь будет идти по пути своих дедов и отца, придерживаться их политической линии. Поэтому избирается не сам князь, а род, к которому он принадлежит.

Эти представления о родовой политике и родовой судьбе служили средством художественного обобщения в «Слове о полку Игореве». Не случайно «Слово...» характеризует внуков по деду. Образ внуков воплощается в деде. «Ольговичи» характеризуются через их деда — Олега «Гориславича», полоцкие князья «всеславичи» — через их родоначальника Всеслава Полоцкого. Именно поэтому Олегу и Всеславу уделяется в «Слове...» так много внимания. Рассказы

«Слова...» об Олеге и Всеславе кажутся иногда современным исследователям историческими отступлениями, слабо оправданными вставками. На самом деле рассказы об Олеге и Всеславе — это характеристики «ольговичей» и «всеславичей». Автор «Слова...» прибегает к изображению потомков через рассказ об их родоначальниках, для изображения их фатальной «неприкаянности».

В последующие века судьбу героя определяет не только принадлежность его к определенной родовой линии, но и принадлежность к определенной общественной корпорации. Герой ведет себя так, как должен вести себя в определенных обстоятельствах князь, монах, иерарх Церкви, проповедник и т. д. «Литературный этикет» средневековья утверждает власть корпорации над личностью. Это обстоятельство очень важно для понимания самого духа средневекового этикета, повторяемости сюжетов, мотивов, средств изображения, известной косности литературного творчества, варьирующего и комбинирующего ограниченный набор художественных трафаретов.

В XVII веке с развитием индивидуализма судьба человека становится его личной судьбой, она «индивидуализируется». Судьба человека оказывается при этом как бы его вторым бытием и часто даже отделяется от самого человека, персонифицируется. Эта персонификация происходит тогда, когда внутренний конфликт в человеке — конфликт между страстью и разумом — достигает наивысшей силы. Конфликт между страстью и разумом часто оборачивается также конфликтом между человеческой личностью и его судьбой. Человек в какой-то мере начинает сопротивляться фатуму. Он сознает, что подвергается насилию, хочет изменить свою судьбу, жить иначе, лучше. Предшествующая литература не знает такого конфликта. Никто не борется против родовой судьбы, не вступает в конфликт с родовой традиционной политикой, с родом, с этикетом корпорации. Личность там растворена, она себя не осознает как противостоящую той среде, к которой принадлежит. Только с появлением индивидуальной судьбы стал возможен и бунт личности против этой судьбы, стало возможным ощущать судьбу как насилие, как беду и горе. Вот почему судьба человека воспринимается теперь как его второе бытие и часто отделяется от самого человека, персонифицируется, приобретает почти человеческие черты. Судьба отнюдь не прирождена человеку, она появляется иногда в середине его жизненного пути, «привязывается» к человеку, преследует его. Она приходит к человеку извне, становится злым враждебным началом, а иногда выступает в образе беса. В «Повести о Горе-Злочастии» Горе возникает перед молодцем только на середине его жизненного пути. Оно сперва является ему в ночном кошмаре как порождение его собственного воображения. Но затем внезапно, из-под камня, предстает перед ним наяву в момент, когда молодец, доведенный до отчаяния нищетой и голодом, пытается утопиться в реке. Судьба и смерть близки! Судьба-Горе требует от молодца поклониться себе до «сырой земли» и с этой минуты неотступно преследует его. Горе — и двойник молодца, и враг молодца, и его доброжелатель.

Оно обладает необыкновенной «прилипчивостью» — наглой и ласковой, веселой и страшной одновременно. Уйти от Горя невозможно, как нельзя уйти от своей тени, но вместе с тем Горе-судьба — постороннее начало, избавиться от которого молодец стремится всю жизнь. Горе показано как существо, живущее своей особой жизнью, как привязчивая сила, в своем роде могущественная, которая «перемудрила» людей, «мудряе» и «досужае» молодца. Молодец борется с самим собой, но не может преодолеть собственного безволия и собственных страстей, и вот это ощущение ведóмости чем-то посторонним, вопреки голосу разума, и порождает образ Горя. Избыть Горе, освободиться от беса можно только с помощью другого внешнего для человека начала — Божественного вмешательства, и вот молодца избавляет от Горя монастырь, то есть возвращение в лоно корпорации, отказ от личности.

Родовые муки эмансипирующегося личностного начала принимали разные формы. Еще более многозначителен в отношении своей сюжетной и идейной роли бес в «Повести о Савве Грудцыне». Бес также возникает перед Саввой внезапно, как бы вырастая из-под земли, тогда, когда Саввой полностью, вопреки рассудку и как бы извне, овладевает страсть и когда он окончательно перестает владеть собой. Савва носит в себе «великую скорбь», этой скорбью он «истончи плоть свою». Бес — порождение его собственного воображения и собственной страсти. Он является как раз в тот момент, когда Савва подумал: «...еже бы паки совокупитися мне с женою оною, аз бы послужил диаволу». Прилипчивость судьбы здесь получает свое материальное воплощение: Савву с его судьбой-бесом связывает «рукописание», письменное обещание отдать дьяволу душу. Возникает сюжет «Фауста», кстати, вышедший из общих корней: старинная новогреческая, вернее раннехристианская, Повесть об Еладии, продавшем дьяволу душу, породила и «Повесть о Савве Грудцыне», и через множество промежуточных звеньев — Легенду о докторе Фаусте. Эллинистические сюжеты возрождаются на Руси в эпоху своеобразного русского Возрождения XVII века.

Упорно сопротивляющееся злое начало становится постепенно началом еще более общим и еще более жестоким... Личность самоопределяется в борьбе, в утверждении своего благополучия, а потом в утверждении своих взглядов, своих идей против идей господствующих, властвующих, гнетущих свободу личности с помощью государства, Церкви, различного рода разжиревших и раздобревших «óсобей», лишенных, однако, личностного начала и цепляющихся только за свое положение. И с этой точки зрения борьба Аввакума с государством и церковью, с людьми благополучными и косными — это только новый этап борьбы за освобождение человеческой индивидуальности. Освободившись, сама эта личность грозит начать угнетать других... Но здесь «Житие» протопопа Аввакума стоит на грани новой трагедии — трагедии индивидуализма.

Как бы то ни было — Аввакум ведет индивидуальную борьбу. Его сторонники мало чем ему помогают в этой борьбе. Он вызвал против себя на едино-

борство все современное ему общество и государство. Он ведет титаническую борьбу один на один. Недаром во сне кажется ему, что тело его наполняет собой весь мир. Это борьба не только духовная, но и физическая, борьба силы с инерцией материи, сопротивление материальной среды в «Житии» Аввакума поразительно сильно. Ему приходится преодолевать холод и голод, окружающая его природа то громоздится над ним горами, то топит его дощаник бурными водами Иртыша, то наступает на него льдами и, наконец, засыпает его землей в Пустозерской тюрьме. Борьба Аввакума — не только духовная — за духовную, умственную свободу личности, но и борьба физическая. В этой борьбе Аввакуму удается одолевать сопротивление самих законов природы, он совершает чудеса — чудеса особого склада, побеждающие косность материи. Эта борьба Аввакума носит действительно барочные формы. Но это особое барокко — барокко, ставшее на место Ренессанса... Но об этом ниже. Вернемся к вопросу о связи освобождения личности с появлением в литературе быта, снижением действительности и самой личности до уровня, на котором мог находиться рядовой читатель.

Итак, герои литературных произведений в процессе эмансипации личности «спускаются на землю», перестают ходить на ходулях своего высокого общественного положения, описываются как обычные люди со своими повседневными заботами. Их все теснее окружает быт. Быт обступает действующих лиц, помогает авторам в создании все усложняющихся обстоятельств, в которые попадают герои литературных произведений, объясняет их мучения и служит той сценической площадкой, на которой разыгрываются перед читателем их страдания от окружающей несправедливости.

Быт проникает даже в чисто церковные произведения. Показательны два агиографических произведения, которым литературоведы не совсем точно присвоили название «повестей»: «Повесть о Марфе и Марии» и «Повесть об Ульянии Осорьиной». «Повесть о Марфе и Марии» в сюжетной своей основе — типичное сказание о перенесении святыни из Царьграда на Русь, но этот сюжет вставлен в окружение бытовых отношений. Перед читателем проходят местнические споры мужей обеих сестер, бытовая обстановка длинного путешествия, погони за чудесными старцами и т. п. Быт окружает и Ульянию Осорьину в повести о ней. В лице Ульянии церковной идеализации подвергся впервые средний человек, «бытовая личность», человек, не вознесенный над бытом, а погруженный в быт. Внешне Ульяния ничем не примечательная женщина: она родилась в семье служилого человека. Как и все женщины в те времена, она выходит замуж очень рано, в шестнадцать лет. Муж ее обычный служилый человек. Ульяния рожает ему детей, ведет свое «домовое строение» с помощью многочисленной челяди. Ее окружает семья — муж, свекор, свекровь, дети. Ей не только не удается осуществить свое заветное желание — постричься в монахини, но порой нет даже возможности посещать церковь... Идеализация ее образа идет своими

путями, далекими от прежних житийных трафаретов. Она идеализируется в своих хозяйственных распоряжениях, в своих отношениях к слугам, которых она никогда не называла уменьшительными именами, не заставляла подавать себе воды для умывания рук или развязывать свои сапоги, а всегда была милостива и заботлива к ним, наказывая их «со смирением и кротостию».

Она идеализирована и в своих отношениях с родителями мужа, которым она тихо подчинялась. Она слушает и своего мужа, хотя он запрещает ей уйти в монастырь. Свекор и свекровь передали ей, в конце концов, все хозяйство, увидев ее «добротою исполнену и разумну». И это несмотря на то, что она потихоньку обманывала их, правда с благочестивыми намерениями. Не обходится в доме и без крупных конфликтов: один из слуг убивает ее старшего сына. Прядение и «пяличное дело» рассматривается в ее житии как подвиг благочестия. Ночная работа приравнивается к ночной молитве: Ульяния «в прядивом и в пяличном деле прилежание велие имяше, и не угасаша свеща ея вся нощи».

Соединение идеализации с бытовыми подробностями придало идеализации особую художественную убедительность. Это был новый этап в развитии житийной литературы, особенно той ее части, которая распространилась в крестьянской среде на Севере. Жития эти удобнее всего называть «народными житиями».

Народные жития мало следуют житийному этикету и главное внимание обращают на чудеса, которым придают бытовой и сказочный характер. К таким житиям относится, например, «Житие Варлаама Керетского» — святого, жившего в XVI веке, но почитание которого развилось в XVII. Святой этот «воспитание имел в Керецкой волости на море-окияне».

О подвигах благочестия этого святого говорится довольно мало. Благочестие его мотивировано при этом не совсем обычно, и, очевидно, так, как оно произошло в действительности. Варлаам из ревности убивает свою жену. Тело ее он берет с собой в карбас и молится о прощении. «И бе видети праведнаго труды единаго по морю в карбасе ездяща с мертвы телом от Колы около Святаго Носа даже и до Керети. И не якоже протчии человецы ожидаху парусного плавания, но он плаваше против зелнаго обуревания и весла из рук своих не выпущаше, но труждашеся велми и псалмы Давидовы пояше, то бо ему пища бяше». Сразу же совершаются первые чудеса. Он выводит у Святого Носа всех червей, которые точили карбасы поморских рыбаков. После его смерти ручей, появившийся из его могилы, тушит пожар в соседней церкви. Святой является после смерти и спасает рыбаков в Белом море. При этом, вопреки христианскому смирению, «объявляется» этим рыбакам и требует, чтобы они оповестили всех, что именно он спас их от бури.

Варлаам совершает чудеса в помощь рыбацкому труду, в помощь рыбакам «в рыбных ловитвах». Географические места чудес точно определены («у Шарапова наволока», «в Соностровах» и т. д.). Чудеса описаны профессиональ-

но точно с мореходной точки зрения. При этом употребляется бытовая и мореходная терминология: «карбас», «отишье», «зыбь», «поносный (попутный) ветер», «тоня», «стоять в корме» (управлять ладьей), «пробежать остров», «путь чист», «бити дубцы» и т. д.

Несомненна близость к этого рода житиям «Жития» протопопа Аввакума: та же точность, тот же детализированный быт, повседневность, те же народного характера чудеса в помощь человеку, то же бытовое просторечие и бытовая терминология. Разве что все это у Аввакума смелее, талантливее, ярче, значительнее, да и сама жизнь освещена идейной борьбой, которой нет в народных житиях XVII века.

Рост бытового начала в литературных произведениях тесно связан с ростом изобразительности в литературе. Обозначение всегда отвлеченно и в какой-то степени возвышенно, изображение же всегда в известной мере снижает предмет литературы. Изображение делает предмет литературы конкретным и близким читателю. Вот почему в это же время появляется в литературе и изображение: пейзаж, пейзаж статически описанный, пейзаж ценный сам по себе, тесно прикрепленный к определенной местности и имеющий национальный характер.

В XI—XIII веках отдельные, очень краткие картины природы (в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Слове на антипасху» Кирилла Туровского) имели своею целью раскрыть символическое значение тех или иных явлений природы, выявить скрытую в ней Божественную мудрость, извлечь моральные уроки, которые природа может преподать человеку. Птицы летят весной из рая на уготованные им места, большие и малые, — так и русские князья должны довольствоваться своими княжениями, большими и малыми, и не искать бóльших. Так рассуждает на рубеже XI и XII веков Владимир Мономах. Весеннее пробуждение природы — символ весеннего праздника Воскресения Христова, — так рассуждает в XII веке Кирилл Туровский. Вся природа, с точки зрения авторов природоведческих сочинений средневековья, лишь откровение Божье, — это книга, написанная перстом Божьим, и в ней можно читать о чудесных делах Всемогущего. Природа почти не имеет в прошлом индивидуальных черт. Индивидуальность места не описывается. В ней нет и национальных черт. Природа имеет значение лишь постольку, поскольку она «Божье творение» или влияет на развитие событий то засухой, то бурей или грозой, то морозом, мешает сражающимся дождем и т. д. Однако постепенно начиная с XII века и более интенсивно в XIV и XV веках в изображение природы и пейзажа вкрадываются новые черты: буря в природе вторит бурным излияниям человеческих страстей, тишина окружающей природы подчеркивает умиротворенное безмолвие пустынника. Пейзаж приобретает новое символическое значение: он уже символизирует не мудрость Бога, а самые душевные состояния человека, как бы аккомпанирует им и подчеркивает их, создает в произведении настроение. Но уже в XVI веке

мы найдем и более сложные отношения природы и человека. В «Казанской истории» описываются, например, страдания русского войска от жажды на фоне изумительного описания жаркой и безводной степи, по которой с трудом движется изможденное войско. Пейзаж не только фон — это «сценическая площадка», на которой разыгрывается действие. Пейзаж конкретизирует изображение событий. В XVII веке роль пейзажа еще более подымается, и здесь он приобретает конкретные, местные черты. Описание природы Сибири в сибирских летописях не может относиться ни к какой другой местности, кроме Сибири. Даурский пейзаж в «Житии» Аввакума есть именно даурский пейзаж, и вместе с тем это описание природы Даурии имеет уже все функции пейзажа, свойственного литературе Нового времени. Он служит своеобразным обрамлением для душевных переживаний самого Аввакума, подчеркивает его смятенное состояние, титаничность его борьбы, его одиночество, создает эмоциональную атмосферу, пронизывающую рассказ, позволяет зрителю представить себе происходящее. Он служит изображению, и он все более приобретает индивидуальные черты, сопутствуя росту личностного начала в русской литературе XVII века.

Рост личностного начала в литературе XVII века сказался и в некоторой индивидуализации прямой речи действующих лиц. Процесс этот только-только начался, но он тем не менее уже очень значителен.

Древняя русская литература до XVII века обильно насыщена прямой речью героев. Герои произносят длинные речи, молитвы, обмениваются короткими обращениями друг к другу. Но при всем обилии прямой речи действующих лиц — речь эта не индивидуализирована. Прямая речь по большей части носит книжный характер. В речах действующих лиц дается мотивировка их поступков, изображается их душевное состояние, их мысли — при этом в предписываемых литературным этикетом формах. Между речами персонажей и изложением автора нет ни стилистических, ни языковых различий. Действующие лица говорят «гладко» и литературно. Поэтому до XVII века по большей части речь действующего лица — это речь автора за него. Автор — своего рода кукловод. Кукла лишена собственной жизни и собственного голоса. За нее говорит автор своим голосом, своим языком и привычным стилем. Автор как бы переизлагает то, что сказало или могло сказать действующее лицо. Персонажи еще не обрели своего собственного языка, своих, только им присущих слов и выражений. Этим достигается своеобразный эффект немоты действующих лиц, несмотря на всю их внешнюю многоречивость. Литературное произведение — как бы пантомима, комментируемая авторским голосом. Даже во многих произведениях XVII века мы еще не слышим героев, а только читаем их речи. Так, например, при всей новизне и остроте образа молодца в «Повести о Горе-Злочастии» — это еще «немой» персонаж: как бы некоторая тень. Вместе с тем прямая речь не выделена не только в своих индивидуальных особенностях, но и в своих профессиональных и социально-групповых разветвлениях и диалектных формах. Прямая

речь до XVII века — это главным образом способ повествования, а не способ показа происходящего.

Все, что я только что сказал, — это, конечно, в какой-то мере неизбежная в кратком изложении схематизация. Внимательное изучение истории прямой речи покажет в будущем множественность ее функций и обилие исключений. Однако об одном исключении следует сказать уже сейчас. Прямая речь в летописях, особенно древнейших, отнюдь не лишена характерности для персонажей. Очень часто, даже чаще, чем обратное, — это речь именно действующих лиц, а не летописца. Этому есть конкретная причина: летописец очень близко передавал речи своих персонажей к действительно произнесенным. Речи в летописях документальны. Не все, конечно, но очень многие. Естественно, что эти речи сохраняют индивидуальные особенности тех, кто их произносит. Сознательно или несознательно сохраняет летописец индивидуальные особенности речи — это сказать пока еще трудно. Необходимы дальнейшие исследования. Одно можно сказать: по мере того как в литературе усиливается элемент художественного вымысла — речи действующих лиц не индивидуализируются, а, напротив, нивелируются, сливаются с речью автора. Такие нивелированные речи мы встретим в житиях святых, в хронографах и степенных книгах, где, как известно, вымысла больше, чем в летописях. Даже в первой половине XVII века в повестях о «Смуте», а в конце XVII века в «Повести о Савве Грудцыне» речь действующих лиц книжна и бесцветна. Действующие лица говорят, но не разговаривают. В их речах нет живых интонаций и нет индивидуальной манеры говорить. Попытка индивидуализации прямой речи в «Повести о Савве Грудцыне» сделана только для беса, но эта индивидуализация касается не речи самой по себе, а только манеры, в которой бес говорит Савве: то «осклабився», то «рассмеявся», то «возсмеявся», то «улыбаяся». В языковом же отношении речи беса, Саввы, Бажена Второго, его жены, главного сатаны и других не различаются между собой.

Прямая речь вводится часто как мотивировка действий или для раскрытия внутреннего состояния действующих лиц. При этом характерно, что мысли беса скрыты автором от читателя. Монологически выражаются лишь мысли Саввы: Савва постоянно «помышляше в себе», «он же помышляше, глаголя в себе», «и помыслив такую мысль злую во уме своем, глаголя», «рад бысть, помышляя в себе» и т. д. Часто в форме прямой речи автор объявляет о решении действующего лица. После прямой речи автор прямо сообщает о случившемся или об исполнении решения как о чем-то самой собой разумеющемся. Сам по себе диалог в повести развит слабо, не выходит за пределы вопросов и ответов, предложений и согласий или отказов. Так или иначе прямая речь в повести является лишь способом повествования, а не способом показа действия, события. Она объясняет мотивы поступков, но не характеризует действующих лиц.

Прежде чем индивидуализироваться, речь действующих лиц становится разговорной, живой. Она органически связывается с ростом в литературе бытовых элементов и со снижением сюжетов и персонажей. Вот почему живые интонации прежде всего проникают в демократическую литературу, в демократическую сатиру, в произведения, связанные с фольклорной стихией.

Индивидуализация прямой речи идет по мере того, как снижается речь самого автора, становится менее высокопарной и книжной. Разговорные элементы проникают в демократической литературе второй половины XVII века в повествование и в прямую речь. Только с этой поры стала возможной и индивидуализация речи. Речь действующих лиц не может индивидуализироваться сама по себе, независимо от других процессов в языке и содержании литературы.

Живостью прямой речи отличается прежде всего «Повесть о Фроле Скобееве».

Прямая речь действующих лиц «Повести о Фроле Скобееве» еще слабо индивидуализирована, но тем не менее она уже резко отличается от авторской речи. В ней соблюдены живые интонации устной речи. Ср., например: «Поди скажи той мамке...», «Ну, сестрица, пора тебе убиратся и ехать в гости», «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я...», «Полноте, девицы, веселица!», «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры», «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою», «Настоящей ты плут, что ты надо мною зделал?..», «Встанъ, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань скажи, что твоя вина?»; «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» — и т. д.

Замечательно и то разнообразие, с которым вводится в повесть прямая речь действующих лиц: то Нащокин «закричал», то он «плачет и кричит», то стал «рассуждать з женою», то «приказал», то «спрашивает ево», то стольники «имели между собой разговоры», то Ловчиков «объявил» и т. д. Может быть отмечено в «Повести о Фроле Скобееве» и искусное ведение диалога.

Живые интонации и живая разговорная лексика свойственны всем действующим лицам «Жития» протопопа Аввакума. Это произведение хорошо известно, и поэтому нет необходимости приводить примеры. Но вот на что следует обратить внимание. Речи действующих лиц сильно разнообразятся в зависимости от того, при каких обстоятельствах они произнесены. Сам Аввакум говорит по-разному в зависимости от того, молится ли он, проклинает ли никониан, «лает» ли своего мучителя Пашкова, взывает ли о помощи к Богу, разговаривает ли со своими последователями. Речи разнообразны, но при этом все же слабо индивидуализированы. Трудно отличить речи врагов Аввакума от речей самого Аввакума, и тем не менее в общей массе это различие есть. Речи Аввакума отличаются от речей его последователей и даже врагов большей «сниженностью»,

обилием бранных и просторечных выражений, но это пока сделано не для того, чтобы подчеркнуть неуимчивый характер Аввакума, а из авторской скромности: Аввакум унижает себя низкой речью, подчеркивает свою «грубость», необразованность, некнижность. Конечно, в этом есть уже доля речевой самохарактеристики.

Живая разговорная речь, казалось бы, должна была бы прежде всего отразиться в русской драматической литературе — уже в первых пьесах русского театра. Но этого не случилось. Мешала «высокая тематика» этих драм. Речи персонажей «Артаксерксова действа» не менее приподняты и искусственны, чем речи Хронографа. Только с появлением интермедий с их сниженной тематикой достижения демократической литературы в передаче разговорной речи стали достоянием театра.

Дальнейшая индивидуализация прямой речи, разделение ее по профессиональным и социальным признакам, индивидуально-характеристические черты речей отдельных лиц и пр. могли проявиться только с развитием чувства стиля и потребовали почти столетия для своего осуществления.

Эмансипация человеческой личности в литературе шла по многим линиям. Она была одновременно и эмансипацией сюжетного построения литературного произведения. Если раньше самостоятельность действия произведения была скована Божественным вмешательством, Божественной волей и действие совершалось в пределах извечной борьбы добра и зла, то теперь повествование начинает развиваться по преимуществу по законам жизни и сюжетного построения.

Одно из самых замечательных произведений XVII века — «Повесть о Тверском Отроче монастыре» — позволяет проследить развитие повествовательного искусства. Повесть рассказывает о довольно обычной житейской драме: невеста отказывает своему жениху и выходит замуж за другого. Конфликт возрастает оттого, что оба героя повести, и бывший жених, и будущий супруг, связаны между собой дружбой и феодальными отношениями: первый — слуга, «отрок» второго. Второй — его господин. Замечательную особенность повести составляет то, что она не строится на обычном для средневековых сюжетов конфликте добра со злом. Борьба злого начала с добрым, которая всегда почти являлась «двигателем сюжета» древнерусских произведений, вызывала потребность следить за его развитием, желать торжества добру над злом, — в сюжете «Повести о Тверском Отроче монастыре» отсутствует полностью. В повести нет ни злых персонажей, ни злого начала вообще. В ней отсутствует даже социальный конфликт: действие происходит как бы в идеальной стране, где существуют добрые отношения между князем и его подчиненными. Крестьяне, бояре и их жены строго выполняют указания князя, радуются его женитьбе, с радостью встречают его молодую жену — простую крестьянку. И тем не менее конфликт налицо — конфликт острый, трагичный, заставляющий страдать всех действую-

щих лиц повести, а одного из них, отрока Григория, уйти в леса и основать там монастырь. Это происходит потому, что впервые в русской литературе конфликт перенесен из сферы мировой борьбы зла с добром в самую суть человеческой природы. Двое любят одну и ту же героиню, и ни один из них не виноват в своем чувстве. Виновата ли Ксения в том, что предпочла одного другому? Конечно, и она ни в чем не виновата, но в оправдание ее автору пока еще все же приходится прибегать к типично средневековому приему: Ксения следует Божественной воле. Она послушно выполняет то, что ей предначертано и чего она не может не сделать. Этим самым автор как бы освобождает ее от тяжести ответственности за принимаемые ею решения: она, в сущности, ничего не решает и вовсе не «изменяет» Григорию; она только следует явленному ей сверху. Разумеется, это вмешательство сверху ослабляет земной, чисто человеческий, характер конфликта, но об этом вмешательстве рассказывается в повести в высшей степени тактично. Вмешательство судьбы не имеет церковного характера. И в этом новизна повести. Нигде не говорится о видéниях Ксении, о ее вещих снах, слышанном ею голосе или о чем-либо подобном. У Ксении дар прозорливости, но эта прозорливость имеет не церковный, а вполне фольклорный характер. Она «знает» то, что должно совершиться, а почему знает — об этом читателю не сообщается. Она знает так, как знает будущее мудрый человек. Ксения — «мудрая дева», персонаж, хорошо известный в русском фольклоре и отразившийся в древнерусской литературе: вспомним деву Февронию в «Повести о Петре и Февронии Муромских» XVI века.

Повествовательность представлена в «Повести о Тверском Отроче монастыре» в более развитом и усложненном виде. Автор ее нашел средства в самом сюжете для выражения своей всепримиряющей точки зрения. Конфликт повести вызван не наличием в мире добра и зла, но самой природой человека. Любовь к одной и той же героине ведет к трагическому разладу двух одинаково хороших, совсем идеальных людей: великого князя и его отрока. Любовь к Ксении двух юношей безраздельно господствует в повести и мотивирует их поступки. Она захватывает действующих лиц сразу, и вызывается она только красотой дочери простого сельского пономаря. Перед этой красотой преклоняются все, и она всех примиряет с неравным браком князя: селян и горожан, слуг и бояр. Эта черта нового времени. Необычайная судьба Ксении всячески подчеркнута в самом сюжете: своего согласия на брак с нею своего слуги не давал сам великий князь — истинный жених и «суженый» Ксении. Вещие сны князя, не имеющие, однако, характера церковных «видений», мудрое предвидение Ксении, сказочно-вещее поведение сокола князя — увеличивают интерес повествования, интерес ожидания конца, подчеркивают необычайность совершающегося. Автор почти не интерпретирует событий от своего собственного имени. Оценка событий дана самими событиями — тем, как они развиваются и что случается с людьми.

Поступки действующих лиц определяются до женитьбы князя не расчетом, а чувствами всех троих. Чувство — как двигающая сила сюжета, и при этом сила «благая» — впервые входит в русское повествование в такой форме и с такой интенсивностью.

В результате сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» собран и един, прост и мотивирован внутренне. Искусство повествования нашло новый источник логики повествования в самой природе человека. Сюжет развивается по своим законам и по законам жизни, а не по велениям церковной морали. Он тоже эмансипирован и «индивидуализирован». Чтобы понять, как и вследствие чего это происходит, — обратим внимание на роль расширения среды, в которой развиваются «эмансипирующиеся» сюжеты.

Не меньшее значение для литературы, чем расширение социального круга читателей и авторов, имело и расширение социального круга, в котором происходило действие произведений.

В русской средневековой литературе отчетливо выступает связь среды, в которой развертывается действие произведения, с самым типом повествования. Вот, например, жития святых. В основном святые в Древней Руси были либо рядовыми монахами (основатели монастырей и подвижники этих монастырей), либо иерархами Церкви (епископы, митрополиты), либо князьями-воинами и князьями-мучениками. Соответственно делились и типы агиографической литературы. Не только каждый из святых действовал согласно этикету своей среды, но и самый сюжет развивался согласно литературному этикету. Рассказчик-церемониймейстер вводил своего героя в событийный ряд, соответствующий занимаемому героем положению, и обставлял рассказ о нем подобающими этикетными формулами.

Следовательно, искусство повествования было ограничено рамками литературного этикета. Ограничения эти, впрочем, касались не всех сфер, а лишь наиболее официальных, — тех, в которых поведение действующих лиц подчинялось официальным церковным идеалам и официальным способам изображения. Там, где свобода творчества была сравнительно мало подчинена этим требованиям, — повествование развивалось более свободно.

Рассказы о чудесах святого были гораздо реалистичнее самого жития, — как клейма иконы реалистичнее изображения в среднике. В рассказах о чудесах внимание повествователя сосредоточивалось не столько на самом святом, сколько на тех, кто его окружал, кто был объектом его нравственного или сверхъестественного воздействия. Поэтому чудеса происходят в более разнообразной и часто в гораздо менее «официальной» среде: в купеческой, крестьянской, ремесленной и т. д. Действующие лица оказываются рядовыми людьми, они ведут себя свободнее, они важны не сами по себе, а как объект воздействия чудесной силы молитвы святого. Особенное значение имели те чудеса, в которых действие разворачивалось в купеческой среде. Эти чудеса дали постепенно

особую жанровую разновидность повествования литературы Древней Руси — повести о купцах.

Повести о купцах в какой-то мере продолжают эллинистический роман, приемы и сюжеты которого проникли к нам через многие переводные жития — типа «Жития Евстафия Плакиды». Эти жития-романы были распространены на Руси в Четьих-Минеях, Прологах и патериках. Так же как жития-романы, повести о купцах рассказывают об опасных путешествиях, во время которых происходят всяческие приключения героев: главным образом кораблекрушения и нападения разбойников. В повестях о купцах обычны испытания верности жены во время долгого отсутствия мужа, кражи детей, потом неузнанных или узнанных, предсказания и их исполнения. Важно, что повествование о купцах не подчиняется в такой мере этикету, как повествование о героях более «официальных» — церковных деятелях или военных. Чудесный элемент повествования получает в повестях о купцах иное значение и имеет иной характер, чем в агиографической литературе. В агиографической литературе чудо — вмешательство Бога, восстанавливающего справедливость, спасающего праведника, наказывающего провинившегося. В литературе о купцах чудесный элемент часто — чародейство. Это чародейство иногда не может осуществиться, а иногда сводится на нет, усилиями героя или вмешательством Божественной силы. Чудесный элемент — это и вмешательство дьявола, злой силы, тогда как в житиях ему противостоит вмешательство Бога. Вмешательство Бога в житиях уравновешивает, восстанавливает справедливость, сводит концы с концами. Чародейство, волхвование и пр. в купеческих повестях, наоборот, завязка действия.

Но расширение социальной сферы действия литературных произведений не ограничивается купцами. Действие перебрасывается в сферу низшего и при этом также не отличающегося святостью поведения мелкого духовенства — белого и черного («Стих о жизни патриарших певчих»), кабацких ярыжек, кабацких завсегдатаев, мелких судебных служащих, крестьян и т. д. Это расширение сферы действия снижало изображение и изображаемое, повышало изобразительность литературного изложения, вводило в литературу новые сюжеты, усложняло интригу и т. д. Расширение социального круга действующих лиц идет все время параллельно с расширением круга «возможностей» литературы: в области сюжетов, мотивов, изобразительных средств и т. д.

*

Что такое барокко в России XVII века? Литературное направление или «стиль эпохи»?

Стиль эпохи развивается в те периоды, когда художественное творчество, наука и религия недостаточно дифференцированы. Художественность пронизывает собой все стороны культуры. Эстетические импульсы проникают в

представления о мироустройстве, оформляют религиозную концепцию. Даже удобства быта приносятся в жертву художественности. Все социальные установления подчиняются развитой церемониальности, символике, этикету, согласующимся с эстетическими идеалами эпохи. Таково средневековье — особенно раннее, эпоха господства могущественнейшего стиля эпохи — романского (стиль этот называется еще «романеск», а в Англии — «норманским»; для Византии, южных славян и Руси он не имеет названия).

Романский стиль захватывает собой не только зодчество, с ним согласуются эстетические нормы в изобразительных и прикладных искусствах, в словесном искусстве, в музыке. Ему подчиняется стиль политической мысли, стиль науки, стиль церемониальности.

Столь же широки ренессанс и отчасти барокко. Однако по мере дифференциации человеческого творчества сфера действия стиля становится все у́же. Думаю, что барокко не захватывает собой науку, оно менее определенно, чем стиль романский, выражено в политической мысли и в быту.

Классицизм захватывает собой только зодчество, изобразительные искусства, музыку, литературу, искусства прикладные, садово-парковое искусство.

Романтизм еще у́же. Ему слабо подчиняется зодчество, хотя он еще могуществен в литературе, музыке, живописи, балете.

Реализм — это стиль литературы (и прозы по преимуществу) и изобразительных искусств, но он уже менее ярко представлен в музыке, с ним не согласуется балет. Его не может быть в архитектуре.

Дальше идут только направления в литературе, живописи, зодчестве.[1] Это неизбежное следствие роста человеческой культуры — процесс ее дифференциации.

В Древней Руси XVII века не было литературных направлений. Литература подчинялась стилю эпохи. Для авторов литературных произведений не было выбора между тем или иным направлением в искусстве. Искусство, наука, религия, быт в своем стилистическом выражении были едины. Литература разнообразилась в выражаемых ею идеях резче, чем в Новое время, более отчетливо проходили границы литературных жанров, но «знаковая система» искусства была общей. XVII век — это век решительного углубления процесса дифференциации во всех областях культуры. Литература дифференцируется по классовому признаку. Появляется новая, отсутствовавшая до того народная литература — литература демократических слоев населения; создается литература при-

[1] Три категории стилей в зависимости от широты их распространения в различных искусствах устанавливает Тибор Кланицаи в своей интересной статье: Styles et histoire du style. «Littérature hongroise — littérature européenne» // Etudes de littérature comparée, publiées par l'Académie des sciences de Hongrie à l'occasion du IVe Congrés de l'A. J. L. C. Budapest, 1964. P. 22—23.

дворная. Резкое разграничение возникает между светской частью литературы и церковной, между научной и художественной.

Барокко явилось на Руси со стороны: из Польши, Украины, Белоруссии. На Руси оно стало иметь другое значение, чем в Западной и Центральной Европе. Оно выполняло в XVII веке в России роль ренессанса.[1]

Это парадоксальное положение коренным образом изменило характер стиля.

Барокко в его незаимствованных формах — там, где оно выступает в творчески переработанном на Руси виде, не переламывает человеческой натуры, не пугает контрастами и нечеловеческими усилиями, не сгибает и не перегибает крупные массы: оно жизнерадостно и декоративно, стремится к украшениям и пестроте. Не случайно так называемое нарышкинское барокко в архитектуре так ярко в цветовом отношении, так охотно использует контрастную окраску, наружную позолоту, затейливые формы.

Наиболее ранний образец барокко в живописи России — роспись церкви Троицы в Никитниках (Москва, 1652—1653 гг.). Этот великолепный памятник необыкновенной сохранности и эстетической привлекательности несомненно принадлежит к барокко, но барокко росписи в Никитниках жизнерадостно и декоративно. Сцены ужасов смягчены. Композиция Страшного Суда с западной стены центрального помещения перенесена в притвор. Излюбленная идея барокко — vanitas (суетность мира сего) и discordia concors (объединение неожиданностей) отсутствуют.

Литературное барокко сказалось по преимуществу в литературе верхов феодального общества — в поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Андрея Белобоцкого и др., в театре, в официальной историографии, в переводной литературе и т. д. Барокко неравномерно захватило

---

[1] В своем ответе на вопрос «Была ли так называемая „литература барокко" в славянских странах?» И. П. Еремин писал: «Восточно-славянские литературы — и в этом их своеобразие — эпохи Возрождения не переживали. К барокко они пришли, минуя Возрождение, непосредственно от средневековья» (Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958. С. 84). Однако И. П. Еремин не сделал из этого соответствующих выводов для определения роли, значения и характера русского барокко. В своей интересной статье «Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века» А. А. Морозов писал в связи с утверждением И. Н. Голенищева-Кутузова, что в XVII в. у славян «обнаружится (в результате будущих исследований. — *Д. Л.*) наследие Возрождения может быть гораздо более значительное, чем в ту же эпоху на Западе»: «Это предположение вполне оправданно, если принять во внимание сложные условия рецепции Ренессанса, в особенности у восточных славян, где барокко как бы приняло на себя функцию Ренессанса, облекая в свои формы его запоздалые проявления». Это драгоценное замечание о барокко у восточных славян не было, однако, достаточно развито А. А. Морозовым (см.: Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века // Русская литература. 1962. № 3. С. 17).

собой литературу, позволяя авторам делать выбор: примыкать или не примыкать к нему, барокко в России было поэтому не столько «стилем эпохи», а в полном смысле этого слова направлением, одним из течений в литературе, в архитектуре, в живописи.

Чем характеризуется это первое направление русской литературы? Барокко служило эмансипации человеческой личности, секуляризации литературы. Оно развивало веру в человеческий разум, в науку, впервые после средневековья создавало в России представления о социальном прогрессе и вызывало надежды на реформы в государственной и социальной жизни. В этом отношении не случайно его появление накануне Петровских реформ. Поскольку барокко в России приняло на себя функции ренессанса, оно тесно связано с просветительством. Сборники стихов Симеона Полоцкого напоминают собой энциклопедические словари. Темы его стихов и самые общие — «купечество», «неблагодарствие», любовь к подданным, славолюбие, закон, труд, воздержание, согласие и т. д., и конкретные — различные звери, гады, рыбы, птицы, деревья, травы, драгоценные камни и пр. Трактуются в стихах Симеона Полоцкого и отдельные исторические личности, исторические события, описываются дворцы, церкви и пр. Стихи сообщают сведения и учат морали. Это поэзия «педагогическая». Искусство лишь стилистически организует сообщаемые сведения. Оно превращает стихи в орнамент, пестрый, веселый и занимательный. Орнаментальность достигает пределов возможного. Изображение дробится и мельчится. Сюжет построен замысловато. В целом орнамент барокко динамичен, но без свойственного западному барокко борения масс. Орнамент курчавится по поверхности, не столько выражает существо предмета, сколько украшает его. Литературные сюжеты многопредметны. Сами стихи строятся в виде орнамента или простых фигур: креста, ромба, орла, звезды и пр. Стихи напоминают строгановские или царские письма в иконописи — та же орнаментальность, та же «мелкопись», та же «драгоценность» и украшенность. Содержание в значительной мере заслонено драгоценным окладом формы.

Ужасы барокко дошли до России лишь в заимствованных и переводных формах и произведениях. Русское барокко, там, где оно действительно русское, а не переводное, — человечно, а не сверхчеловечно.

Венгерский ученый А. Андьял связывает с барокко творчество Аввакума.[1] Вслед за ним объявляет Аввакума барочным писателем и А. А. Морозов.[2] В Аввакуме действительно есть барочные черты. Но насколько аввакумовское барокко человечнее барокко западноевропейского! А. Андьял и А. А. Морозов подчеркивают ужасы и мучения, изображенные в «Житии» Аввакума. Но на

[1] Angyal A. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961. S . 61—64 и др.

[2] Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века. (Состояние вопроса и задачи изучения) // Русская литература. 1962. № 3. С. 29 и след.

изображении ужасов сосредоточивалась в той или иной мере вся русская средневековая литература. Их можно найти в Хронографе и в житиях святых. Новое в «Житии» Аввакума — это не столько ужасы, сколько человеческий быт, человеческие чувства, умение войти в психологию другого человека — даже врага. Новое в «Житии» — это курочка, несшая Аввакуму по два яйца в день, это щи, которые приносил ему похлебать ангел в тюрьму Андроникова монастыря, это рыба, которую давал Бог в сети Аввакуму, и т. п. В самих мучительствах Аввакум находил смягчающие их черты, а в мучителях — человеческие свойства. Рассказывая об ужасах своей жизни (а они ведь действительно были, и не придуманы для стилистической выдержанности), Аввакум всячески смягчает их: «И смех с ним и горе». Не устрашает его и бесовская «игра». Аввакум всячески подчеркивает, что ему не страшно, когда раскрывается верхняя доска на гробе или саван на мертвеце шевелится, «устрашая» его. Аввакум, помолясь, осеняет мертвеца «и бысть по-прежнему все». С верою да с молитвою ничего не страшно. Даже когда бес стал бить Аввакума, то и боли он на себе не чует: «бьет, а ничто не болит». Аввакум не устрашает читателя, а, наоборот, хочет внушить ему уверенность: с Богом да с правою верою нет в жизни ничего страшного. Есть в жизни только один страх — страх Божий. И все ж таки даже Бог не страшен. «Татарский бог Магмет, — пишет Аввакум, — написал во своих книгах сице: „Непокараящихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити". А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел». О своих мучителях Аввакум говорит: «Я своево мучения на них не спрашиваю... Молитися мне подобает о них, живых и о представльшихся». Мучителей он называет «бедными», «горюнами», жалеет их, считает глупыми, ничтожными, невежественными. Даже своего главного мучителя в Даурской земле — Пашкова — он описывает не без симпатии. Железы, наложенные на правоверных, рассыпаются; битье не больно; урезывание языка ни к чему не приводит — языки отрастают вновь.

И юмор Аввакума — не барочный, не стремится к гротеску. Юмор Аввакума как бы слегка светится и как бы согревает воспоминания. Припоминается ему, как валились друг на друга его люди, совсем как в комической сцене какого-нибудь скоморошьего или кукольного представления: «Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „Матушка-государыня, прости!" А протопопица кричит: „Что ты, батько, меня задавил?"». Если все это в «Житии» Аввакума барокко, то барокко это тесно примыкает к реалистичности.

В барокко участвовали разные силы, среди них были и такие, которые тянули к быту и к человеку. Они-то и оказались сродни тому «ренессансному ба-

рокко», которое было характерно для России. Повторяю: в России XVII века барокко играло роль ренессанса, поскольку стадия настоящего и полнокровного ренессанса была в России пропущена, и это недостающее звено развития надо было восполнить.

А чем, собственно, были представлены барочные элементы в русской живописи: иностранных живописцев, приглашенных в Оружейную палату, заставляли прежде всего писать портреты, а русских — украшать, декорировать, орнаментировать, создавать произведения, радующие глаз, интригующие воображение, заставляющие удивляться, искать разгадки мастерства.

*

Рост личностного начала во всех сферах литературного творчества, развитие изобразительности, эмансипация вымысла, появление первого литературного направления, расширение круга читателей, появление народной литературы, рост национальных черт в литературе — все это было симптомом зарождения новой литературной системы — системы, отошедшей от средневекового типа.

XVII век был веком необычайной пестроты литературных жанров. Наряду со средневековыми жанрами, основанными на принципах их употребления в церковном, государственном и частном обиходе (жанры средневековой литературы в той или иной мере имели «деловую» предназначенность), возникают новые жанры, предназначенные только для частного чтения. Те и другие существуют одновременно. Так, например, наряду с подлинными дипломатическими посланиями появляются послания «подложные», вымышленные, предназначенные для чтения только. Создается, например, занимательная переписка Ивана Грозного с турецким султаном. Наряду с подлинными дипломатическими отчетами русских послов, так называемыми «статейными списками», создаются вымышленные статейные списки — Сугорского и Ищеина. Деловые документы все чаще составляются в расчете на их прочтение многими читателями. Возникают пародии на деловые документы, на судебные процессы («Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде»), на богослужение («Служба кабаку»), на путники и дорожники, даже на лечебники («Лечебник на иноземцев»). Возникает сатира и сатирические жанры. Появляется систематическое стихотворство и многочисленные стихотворные жанры. Зарождается театр и драматургия с ее особыми жанрами. Фольклор осознается как особый вид словесного творчества и начинает записываться. Вместе с тем возникают первые книжные подражания фольклору и его жанрам: песни, написанные для Ричарда Джемса, лирические песни Квашнина-Самарина, «Повесть о Горе-Злочастии». Разнообразятся исторические жанры, которые все больше и больше входят в развлекательное чтение. Появляются историко-фантастические повести вроде «Сказания о начале

Москвы», летописи приобретают характер связного исторического повествования, не только рассказывающего об истории той или иной области (например, Сибири), города, исторического лица, но и осмысляющего эту историю, преподносящего ее в литературно украшенной форме. Возникают плутовские повести (повесть о «плуте» Фролке Скобееве), приключенческие повести. Все богаче становится литература легенд. Возникает мемуарная литература.

Никогда еще ни до XVII века, ни после русская литература не была столь пестра в жанровом отношении. Здесь столкнулись две литературные системы: одна отмиравшая, средневековая, другая зарождающаяся — Нового времени.

В спорах об искусстве (сочинениях Симона Ушакова, Иосифа Владимирова, Аввакума) зарождалась эстетическая критика, но не было еще периодики, столь необходимой для развития литературы нового типа. Переводная литература еще не захватывает собой первоклассных произведений современной литературы Западной Европы. Секуляризация литературы не была еще полной.

Из двух борющихся и смешивающихся литературных систем литературная система Нового времени не одержала еще в XVII веке полной победы.

*

Те историки древней русской литературы, которые когда-то видели в новом ее периоде только результат петровской «европеизации», механического приобщения к ценностям европейского литературного опыта через петровское «окно в Европу», рассекали единое развитие русской литературы. Они, с одной стороны, механически пресекали ее развитие, считали его искусственно, внешне прекращенным, а с другой стороны, готовы были счесть, что новая русская литература возникла в результате усвоения западноевропейского опыта на бесплодной почве, как источник, высеченный из скалы. Эти представления были, конечно, связаны с крайним преувеличением роли Петра в русской исторической науке, с отрицанием непрерывности национальных традиций и предположениями, что литература может возникнуть только из одного опыта иностранной литературы, не будучи к тому подготовлена внутринациональным развитием.

Как мы видели, в течение всего XVII века совершался длительный процесс перехода от средневековых художественных методов в литературе к художественным методам литературы Нового времени, от средневековой структуры литературных жанров к структуре жанров нового типа, от средневековой корпоративности к индивидуализированному творчеству Нового времени. Именно этот переход подготовил возможность приобщения русской литературы к опыту передовой литературы Западной Европы, ее «европеизации», но вместе с тем этот же переход к новой системе литературы уже сам по себе был ее «европеи-

зацией». Литературная система Нового времени была подготовлена в России до восприятия литературой передового западноевропейского опыта — еще в XVII веке. Форма в данном случае пришла до содержания. Новое вино было влито в новые мехи, как бы специально для этого сшитые.

Древняя русская литература и новая русская литература — не две разных литературы — одна внезапно прервавшаяся, а другая внезапно начавшаяся, а единая литература, но с опозданием совершившая переход от средневековой литературной системы к литературной системе Нового времени, а поэтому вынужденная на ходу перестраивать и восстанавливать свои связи с передовой литературой Западной Европы.

В силу своего средневекового типа русская литература в XV—XVII веках ограничивала свои европейские связи только теми европейскими литературами, которые сохраняли тот же средневековой тип литературной системы, или ограничивала свои переводы только теми произведениями, которые были у себя на родине уже далеко не новыми и не передовыми. Когда же в XVII веке переход к новому периоду русской истории совершился и литература древнерусская перестала быть средневековой по всему своему строю, — стал возможным и интенсивный процесс усвоения опыта лучшей западноевропейской литературы: литературы личностной, создаваемой гениальными писателями.

В так называемую Петровскую эпоху, занятую ускоренным развитием экономики и государственности, было «не до литературы». Но со второй трети XVIII века усвоения опыта передовых западноевропейских литератур начинает совершаться интенсивно, и именно с этого периода можно считать окончательно утвердившимся новый период русской литературы.

Система жанров средневековой литературы в XVIII веке не отмерла. Она продолжала существовать в церковной, старообрядческой среде и среде крестьянства и простого городского люда. Продолжали читаться и составляться жития, возникали новые редакции старых известных житий. Переписывались старые сборники, составлялись даже летописные заметки, усиленно читались и такие памятники, как Пролог, Четьи-Минеи (особенно в редакции Димитрия Ростовского), Степенные книги, «Казанская история» и т. п.

По количеству списков средневековых русских произведений XVIII век не уступает предшествующим векам. И дело здесь не только в простой их сохранности. Сохраняется и европейское значение средневековой русской литературы для Молдавии, Валахии, Болгарии, Сербии, куда продолжают вывозиться русские рукописи и печатные издания. И тем не менее средневековая русская литература утратила свое значение в литературном развитии России. Средневековая литературная система отступила на второй план. Первый план занят теперь новой литературной системой, системой жанров, соответствующей западноевропейской. Появляется литературная периодика, в литературу входит новый способ распространения произведений — с помощью печатного станка.

Литература получает новое культурное «окружение» и поддержку: в театре, критике, журналистике, в новой науке и новой философии.

Литературная система русского XVIII века ничем уже не отличается от литературной системы передовых западноевропейских стран. И это сделало возможным усвоение опыта всех европейских литератур, а не только тех, которые принадлежали к средневековому типу. Образование новой литературной системы не было простым результатом Петровских реформ. Эта система издавна подготовлялась в русской литературе, и ее появление не явилось неожиданностью. XVII век — это мост между древним и новым периодом русской литературы, перейдя через который русская литература могла считать себя уже в новом периоде. Значение этого века в истории русской культуры приближается к значению эпохи Возрождения в истории культуры Западной Европы.

Д. С. Лихачев

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТИИ, КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИНЪ

Изволениемъ Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа Вседержителя,
от начала вѣка человѣческаго.
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сотворил *Бог* небо и землю,
сотворил Богъ Адама и Евву,
повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
дал имъ заповѣдь божественну:
не повелѣл вкушати плода винограднаго
от едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстилъся Адамъ со Еввою,
позабыли заповѣдь Божию,
вкусили плода винограднаго
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
Господь Богъ на них разгнѣвался,
и изгнал Богъ Адама со Еввою
из святаго рая изъ едемского,
и вселил он их на землю на нискую,
благословил их раститися-плодитися
и от своих трудов велѣл имъ сытымъ быть,
от земных плодов.
Учинил Богъ заповѣдь законную,
велѣлъ он бракомъ и женитбамъ быть
для рождения человѣческаго и для любимых дѣтей.
Ино зло племя человѣческо,
в началѣ пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,

к своей матери непокорливо
и к совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, [1]добру божливи[1],
а на безумие обратилися
и учели жить в суетѣ и в *неправдѣ*,*
в *перечине*[2]* великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них Господь Богъ разгнѣвался,
положил ихъ в напасти великия,
попустилъ на них скорби великия
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотие[3] злое, сопостатныя находы[4],
злую немѣрную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки послѣдние,
все смиряючи насъ, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человѣческое
от отца и от матери.
Будетъ молодецъ уже в разумѣ, въ беззлобии,
и возлюбили его отецъ и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дѣла наставлять:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будетъ тебѣ нужды великия,
ты не будешь в бѣдности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на мѣсто болшее,
не пей, чадо, двух чар за едину,
еще, чадо, не давай очамъ воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных женъ,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в мѣсто заточное[5],
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих портъ,
не доспѣли бы[6] тебѣ позорства и стыда великаго

[1—1] оскудевшие в отношении к добру; [2] в распре; [3] бедность, нищета; [4] нападения врагов; [5] отдаленное, пустынное; [6] не сделали бы, не причинили бы.

и племяни укору и поносу бездѣлнаго.
Не ходи, чадо, х костаремъ[1] и корчемником,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, зъ глупыми, немудрыми,
не думай украсти, ограбити,
и обмануть, солгать,
и неправду *учинить*.
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай *богатства* неправаго,
не буди послух лжесвидѣтелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человѣка,
да и тебѣ покрыетъ Богъ от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имѣй всѣх равно по единому,
а знайся, чадо, с мудрыми
и *с* разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глупъ,
не в полномъ разумѣ и несовершен разумомъ:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жити, какъ ему любо.
Наживал молодецъ пятьдесят рублевъ,
залѣзъ[2] он себѣ пятьдесятъ друговъ,
честь его яко рѣка текла,
друговя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен другъ,
назвался молотцу названой братъ,
прелстил его рѣчми прелесными[3],
зазвалъ его на кабацкой двор,
завелъ ево в ызбу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена вина
и крушку поднесъ пива пьянова;
самъ говоритъ таково слово:
«Испей ты, братецъ мой названой,
в радость себѣ, и в веселие, и во здравие.

[1] к игрокам в кости; [2] приобрел; [3] обманными.

2 Зак. № 3610

Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду* сладково;
хошь и упьешься, братецъ, допьяна,
ино гдѣ пил, тутъ и спать ложися,
надѣйся на меня, брата названова.
Я сяду стеречь и досматривать,
в головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку *меду* сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близъ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил другъ, тебя накрѣпко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
В тѣ поры молодецъ понадѣяся
на своего брата названого, —
не хотѣлося ему друга ослушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду сладково,
и пил он, молодецъ, пиво пьяное,
упивался он без памяти
и гдѣ пил, тут и спать ложился,
понадѣялся он на брата названого.
Какъ будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодецъ пробужаетца,
в тѣ поры молодецъ озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чары[1] и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина[2] у его ограблена,
а кирпичекъ положен под буйну его голову,
он накинут [3]гункою кабацкою[3],
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нѣтъ.
И вставал молодец на бѣлыи ноги,
учалъ молодецъ наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал от гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое,

[1] обычно это понимают как обувь; [2] собственность; [3—3] старая изношенная одежда.

умывал он лице свое бѣлое.
Стоя молодец закручинился,
самъ говоритъ таково слово:
«Житие мнѣ Богъ дал великое,
ясти-кушати стало нечево!
Какъ не стало денги, ни полуденги,
такъ не стало ни друга, ни полдруга;
род и племя отчитаются[1],
всѣ друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашелъ двор, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ, что высокъ теремъ,
а в избѣ идетъ великъ пир почестен,
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честен пир,
крестил он лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ[2],
бил челомъ он добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.
А что видятъ молотца люди добрые,
что гораздъ он креститися,
ведет он все по писанному учению, —
емлютъ его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой столъ,
не в болшее мѣсто, не в меншее,
садятъ ево в мѣсто среднее,
гдѣ седятъ дѣти гостиные.
Какъ будет пир на веселие,
и всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
и сѣдя всѣ похваляютца,
молодецъ на пиру невеселъ сѣдитъ,
кручиноват, скорбенъ, нерадостенъ,
а не пьетъ, ни ѣстъ он, ни тѣшитца,
и нѣче́мъ на пиру на хвалитца.
Говорятъ молотцу люди добрыя:

---

[1] удаляются, отрекаются; [2] иконам.

«Что еси ты, доброй молодецъ,
зачемъ ты на пиру невесел сѣдишъ,
кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
ни пьешь ты, ни тѣшышся,
да ничѣмъ ты на пиру не хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей,
или *малые* дѣти тебя изобидили,
или глупыя люди немудрыя
чѣм тебѣ молотцу насмеялися,
или дѣти наши к тебѣ неласковы?»
Говоритъ имъ сѣдя доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя!
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
про свое ослушание родителское,
и про питьѣ кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Язъ какъ принялся за питье за пьяное,
ослушался язъ отца своего и матери, —
благословение мнѣ от них миновалося;
Господь Богъ на меня разгнѣвался
и на мою бѣдность великия
мгогия скорби неисцѣлныя
и печали неутѣшныя,
скудость и недостатки и нищета послѣдняя.
Укротила скудость мой рѣчистой языкъ,
изъсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло.
Ради того мое сердце невесело,
а бѣлое лице унынливо,
и ясныя очи замутилися;
все имѣние и взоры у мене изменилися,
отечество[1] мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
на чюжей сторонѣ, в чюжих людех,
и какъ залѣсти мнѣ милых друговъ?»
Говорятъ молотцу люди добрыя:

[1] достоинство.

«*Доброй* еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесивъ на чюжей сторонѣ,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дѣлъ не обьявливай,
а что слышышь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имѣй ты [1]упатки вилавыя[1],
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всѣмъ имѣй и ты с кротостию,
держися истинны с правдою, —
то тебѣ будетъ честь и хваля великая.
Первое тебѣ люди отвѣдаютъ
и учнутъ тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вѣжество,
и будутъ у тебя милыя други,
названыя братья надежныя».
И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону,
и учалъ он жити умѣючи,
от великаго разума
наживал он живота болшы старова,
присмотрил невѣсту себѣ по обычаю,
захотѣлося молотцу женитися.
Средил молодецъ честенъ пир,
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молотцу
и по Божию попущению,
а по дѣйству дияволю, —
пред любовными своими гостми и други
и назваными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала[2] живетъ человѣку пагуба.
«Наживал-де я, молодецъ,
живот болши старова!»
Подслушало Горе-Злочастие
хвастанье молодецкое,
само говоритъ таково слово:

---

[1]—[1] обычно это понимают как «изворотливые, хитрые повадки»; [2] похвальба.

«Не хвалися ты, молодец, своим счастиемъ,
не хвастай своим богатествомъ!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
и учинися имъ злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во зломъ злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уѣхати,
*нази** они во гробъ вселилися,
от мене накрѣпко они землею накрылися,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на их въ могиле осталось.
Еще возграяло я, Горе,
к иным привязалось,
а мнѣ, Горю и Злочастию, не в пусте же жить —
хочю я, Горе, в людех жить,
и батагомъ меня не выгонить,
а гнездо мое и вотчина во бражниках».
Говорит сѣро Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ молотцу появитися».
Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидялось:
«Откажи ты, молодецъ, невѣсте своей любимой —
быть тебѣ от невѣсты истравлену,
еще быть тебѣ от тое жены удавлену,
из злата и сребра быть убитому.
Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабакомъ то Горе избудетца,
да то злое злочастие останетца[1]:
за нагимъ то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодецъ не повѣровал.
Ино зло то Горе излукавилось,

---

[1] отстанет.

Горе архангеломъ Гаврииломъ молотцу
по-прежнему *явилося*,
еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
нагота и босота безмѣрная,
[1]легота, безпроторица[1] великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодецъ, и такъ живешь.
Да не бьютъ, не мучатъ нагих-босых
и из раю нагихъ-босых не выгонятъ,
а с тово свѣту сюды не вытепутъ,
да никто к нему не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой».
Тому сну молодецъ он повѣровал,
сошелъ он пропивать свои животы,
а скинулъ он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое.
Стало молотцу срамно появитися
своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну, далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просятъ у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везутъ молотца безденежно.
Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
миновался день нидообѣднемъ,
не ѣдал молодецъ ни полу куса хлѣба.
Вставал молодецъ на скоры ноги,
стоя, молодецъ закручинился,
а самъ говорит таково слово:
«Ахти мнѣ, Злочастие горинское,
до бѣды меня, молотца, домыкало,
уморило меня, молотца, смертью голодною,
уже три дни мнѣ были нерадошны,
не ѣдал я, молодецъ, ни полу куса хлѣба.
Ино кинусь я, молодецъ, в быстру рѣку,
полощь мое тѣло, быстра рѣка,

[1]—[1] свобода, безубыточность, вследствие совершенной нищеты.

ино ѣште, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лутчи мнѣ жития сего позорного,
уйду ли я, я у горя злочастного».
И в тотъ час у быстри рѣки
скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нѣтъ на Горе ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
багатырскимъ голосомъ воскликало:
«Стой ты, молодецъ,
меня, Горя, не уйдешъ никуды!
Не мечися в быстру рѣку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодецъ, житие свое первое,
и какъ тебѣ отецъ говорил,
и какъ тебѣ мати наказывала!
О чемъ[1] тогда ты их не послушалъ,
не захотѣлъ ты имъ покоритися,
постыдился имъ поклонитися,
а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушаетъ,
того выучю я, Горе злочастное,
[2]не к любому[2] он учнетъ упадывать,
и учнетъ он недругу покарятися».
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
а нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣте,
и ты будешъ перевезен за быструю рѣку,
напоятъ тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неменучюю,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошелъ-поскочилъ доброй молодецъ
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику;
идетъ веселъ, некручиноватъ,
утѣшил он Горе-Злочастие,

---

[1] зачем, почему; [2—2] к нелюбому, немилому.

а самъ, идучи, думу думаетъ:
«Когда у меня нѣтъ ничево,
и тужить мнѣ не о чемъ».
Да еще молодецъ некручиноватъ,
запѣлъ он хорошую напѣвочку
от великаго крѣпкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешкомъ кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одѣяла
и отшед под ручку посмотрила,
хорошо ли мое чадо въ драгих портах? —
А въ драгихъ портах чаду и цѣны нѣтъ.
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
что не класти скарлату[1] без мастера,
не утѣшыти дѣтяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю въ славѣ доброй.
Завѣчен[2] я у своих родителей,
что мнѣ быти бѣлешенку,
а что родился головенкою».
Услышали перевощики молодецкую напѣвочку,
перевезли молотца за быстру рѣку,
а не взели у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские,
говорятъ молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честнымъ своимъ родителемъ,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
с отцемъ и материю,
возми от них благословение родителское».
И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередь зашло,

---

[1] название ткани; [2] заветным желанием моих родителей (исполнения которого они ожидали с надеждой) было, чтобы я родился удачливым, счастливым.

на чистомъ поле молотца въстрѣтило,
учало над молодцемъ граяти,
что злая ворона над соколомъ.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушелъ, доброй молодецъ!
Не на час я к тебѣ, Горе злочастное, привязалося,
хошь до смерти с тобою помучуся.
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
всѣ мы гладкие, умилныя,
а кто в семю к нам примѣшается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую».
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
а Горе за ним бѣлымъ кречатомъ.
Молодецъ полетѣлъ сизым голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрым ястребомъ.
Молодецъ пошелъ в поле сѣрым волкомъ,
а Горе за нимъ з борзыми вѣжлецы[1].
Молодецъ сталъ в поле ковыл-трава,
а Горе пришло с косою вострою,
да еще Злочастие над молотцемъ насмиялося:
«Быть тебѣ, травонка, посѣченой,
лежать тебѣ, травонка, посѣченой
и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».
Пошелъ молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонке, у бережку уловленой,
быть тебѣ да и съѣденой,
умереть будетъ напрасною смертию».
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
а Горе под руку под правую,
научаетъ молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повѣсили

[1] с гончими собаками.

или с камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
и оттоле молодецъ в монастырь пошел постригатися,
а Горе у святых воротъ оставается,
к молотцу впредь не привяжетца.
А сему житию конец мы вѣдаемъ.
Избави, Господи, вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлы рай.
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

ПОВѢСТЬ ЗѢЛО ПОЛЕЗНА, ЯЖЕ БЫСТЬ ВО ДНИ НАША, КАКО ЧЕЛОВѢКОЛЮБЕЦЪ БОГ ЯВЛЯЕТЪ НЕИЗРЕЧЕННОЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИЕ СВОЕ НАД НАРОДОМЪ ХРИСТИАНСКИМЪ. ХОЩУ УБО ВАМЪ, БРАТИЯ, ПОВѢСТЬ ПРЕДИВНУЮ ПОВѢДАТИ, СТРАХА И УЖАСА ДОСТОЙНУЮ, КАКО ГОСПОДЬ ДОЛГОТЕРПѢЛИВЪ И МНОГОМИЛОСТИВЪ, МОЛИТВАМИ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ ИЗБАВЛЯЕТЪ РОДЪ ХРИСТИАНСКИЙ

Бысть убо во дни наша, в лѣто 7114-го (*1605—1606*) году, за умножение грѣховъ нашихъ попусти Богъ на Московское государство многомерзскаго отступника и еретика Гришку Отрепьева, пох*ити* престолъ Российскаго государства, разбойнически, а не царски восприят. Тогда по всему Российскому государству умножися злочестивая литва, и много пакости и разорения народомъ российскимъ на Москве и по градомъ творяху, и от того литовскаго разорения мнози домы своя оставляху, из града во градъ бѣжаху.

В то же время во граде Устюге некто былъ житель града того Фома, по прозванию Грудцынъ-Усовъ, и*х*же родъ и доднесь во граде томъ влечется. Той убо Фома, видя в России таковое нестроение и нестерпимыя пакости от нечестивых ляховъ и не хотя жити, оставляетъ великий градъ Устюгъ* и домъ свой и преселяется з женою в понизовый славный градъ Казань, зане[1] не бысть в понизовыхъ городехъ злочестивыя литвы. И живяше той Фома во граде Казани даже до лѣтъ благочестиваго царя и великаго князя Михаила Федоровича* всеа России.

Имѣя же той Фома Грудцынъ сына единороднаго именемъ Савву, двунадесятъ лѣтъ возраста. Обычай же имѣяше той Фома куплю дѣяти,* отезжая внизъ Волгою рѣкою, иногда к Соли Камской, иногда в Астрахань, иногда же в Персию в шахову область. *Тому же и сына своего Савву поучаше и нелѣностно таковому дѣлу прилѣжати повелеваше, дабы по смерти его наслѣдникъ былъ имѣнию его. По нѣкоем же времяни восхотѣ той Фома отплыти на куплю в шахову область*, и обычныя суда с товаромъ устроиша по обычаю. Сыну же своему Савве устроивъ суда собственные с особливыми товары, и повелеваетъ ему плыти к Соли Камской и тамо купечество дѣяти со всякимъ опасениемъ и прилежати повелѣваетъ. И потомъ обычное[2] цѣлование женѣ своей и сыну подаде, пути касается в Персию. Мало же дней помедливъ, и сынъ его Сав-

---

[1] ибо, так как; [2] здесь: прощальное.

ва на *у*строенныхъ судахъ по повелѣнию отца своего к Соли Камской плавание творить начинаетъ.

Достигшу же ему *Усолского* града Орла, абие[1] пристаетъ ко брегу, у некоего нарочита[2] мужа пребываетъ и обитаетъ в гостиннице. Гост*инникъ* же той и жена его, помня любовь отца его, и не мало прилежание и великое ему благодѣяние творяху, яко о сыне своемъ. Он же пребысть у гост*инника* того немало время.

В том же граде Орле нѣкто бысть мещанинъ именемъ Баженъ *Вторый*,* уже старъ в лѣтехъ и знаемъ во многихъ градехъ, понеже богатъ зѣло, и попремногу друженъ отцу Саввину Фоме Грудцыну. Увѣдав же Баженъ *Вторый*, яко ис Казани Фомы Грудцына сынъ во граде обретается, и помысли въ себѣ: «Отецъ его со мною многую любовь и дружбу имѣлъ, азъ же нынѣ пре*з*рѣхъ[3] его, но убо возму сына ево в домъ свой, да обитаетца у меня и питается со мною от трапезы моея».

И сия помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву путемъ идуща, призвав же его к себѣ и нача ему глаголати: «Друже мой Савва! Или ты не вѣси[4], яко отецъ твой со мною многую дружбу и любовь имелъ, ты же почто презрѣлъ еси и не присталъ в домъ мой? Нынѣ не преслушай мя, прииди и обитай в дому моемъ и питайся общия трапезы моея. Азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына своего, прииму тя».

Слышавш*е* Савва от мужа такия глаголы, велми радъ бысть, яко от таковаго славнаго мужа любовь такую приниялъ. И приятенъ хощетъ к нему быти, и ниско поклонъ отдаетъ, и немедленно от гост*инника* того отходитъ в домъ Баженов. И живяше во всякомъ благодарствии, радуяся. Мужъ же Баженъ старъ бысть, имѣл у себя жену младу, третьимъ убо себѣ бракомъ обрученну, и поятъ ея сущую дѣвою.*

Ненавиде же добра супостатъ диаволъ, виде мужа добродѣтелное житие, и хотя возмутити[5] домъ его, *и уязвляетъ*[6] *жену его* на юношу онаго Савву к *скверному* смешению *блуда*, растлити жену оную любовию к Савве. И начатъ уловляти юношу лстивыми[7] словесы к грехопадению, блудно вѣсть бо женское естество, уловляетъ умы младыхъ отроковъ к блудодѣянию. И тако лестию той жены, *паче же* рещи *от* зависти диаволской, запят[8] бысть, паде[9] в сети к блудодѣянию, з женою оною несытно творяше блудъ и безвременно[10] во ономъ дѣле скверно пребывающе с нею, ниже день воскресения, ниже праздника Господня знаша, но, забывъ страхъ Божий и часъ смертный, всегда в блуде пребываше, яко свиния в кале валяшеся.

И некогда же приспѣвшу празднику Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в навечерии праздника той муж Баженъ поимъ[11] юношу

---

[1] тотчас; [2] именитого; [3] пренебрег им; [4] знаешь; [5] взволновать раздорами и смутой; [6] совращает; [7] коварными; [8] запнулся, споткнулся; [9] пал; [10] постоянно, всегда; [11] взял.

онаго Савву с собою, и поидоша до святыя церкви к вечернему пѣнию. И [1]по отпущении вечерняго пѣния[1] паки[2] приидоша в домъ свой, и каждой на ложи своемъ возлегати спати нача. И егда Баженъ заспа крепко, жена же его, диаволомъ подстрекаема, воста от ложа своего, и прииде к постеле онаго юноши Саввы и возбуди[3] его, понуждаш*е* его к смешению блуда. Он же, аще и млад, но яко нѣкою стрелою страха Божия уязвленъ бысть и бояся суда Божия и часа смертнаго, помышляше в себѣ: «Како в таковый Господский праздник азъ таковое скверное дѣло сотворити похощу?» И, сия помысливъ, начатъ отвращатися, с клятвою[4] глаголя, яко «не хощу всеконечно погубити душу свою и в такой торжественный праздникъ осквернити тѣло свое». Она же несытно распалилася похотию блуда, понуждаш*е* его ово[5] ласками, ово прещениемъ[6] нѣкимъ, угрожая ему, дабы исполнил желание ея. И много увещевала его, никако его возможе приклонити к воли своей. Видя же оная лукавая жена то, яко не возможе прелстити юношу к себѣ, абие[7] злою яростию на юношу распалися и, яко лютая змия, востонавше[8], отиде от ложа его *помышляше волшебнымъ зелием опоити его и злыя свои помыслы сотворити хотя на него. И елико*[9] замысли, тако и сотвори.

Егда же начаша клепати ко утрени[10], благолюбивы же оны мужъ Баженъ *Вторый* скоро воста от ложа своего, возбудив же и оного юношу Савву к заутрени. И отслушавше со вниманиемъ и страхомъ Божиимъ, и приидоша в домъ свой. И егда же *приспѣ время Божественнѣй литоргии, поидоша* паки к Литоргии с радостию до святыя церкви. Проклятая же оная жена тщателно устроише волшебная зелия на юношу, яко лютая *змия* хотяще ядъ свой изблевати на него. По отпущении же Божественныя литоргии Баженъ и Савва изыдоша из церкви, хотяше итти в домъ свой. Воевода же града того пригласи Бажена, *да обѣдуетъ с ним.* Вопросил же и о Савве, чей есть и откуду онъ. Повѣдав же Баженъ, *яко* ис Казани, Фомы Грудцына сынъ. Воевода же пригласи и Савву в домъ свой, зане добре знающа отца его. Бывшу же в дому воеводскомъ, обычно трапезы причастившеся и возвратишася в домъ свой.

Бажен же повелѣ принести вина женѣ, да испиютъ в дому своемъ чести ради праздника, ничтоже бо лукаваго умышления жены своей знаяше. *Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу в сердцы своемъ* и подпадаетъ[11] лестию къ юноше оному. И принесену бывшу вину, наливаетъ чашу и подносит мужу своему. Он же, испивъ, благодаря Бога. И потом вливаетъ сама себѣ , и потомъ, испивъ, наливаетъ отравнаго зелия и подносит Савве. Он же, нимало помысливъ, ниже бояся лукавствия жены оныя, чающе[12], *яко* никоего зла *мыслитъ на него*, и безо всякаго размышления выпиваетъ лютое оное вино зелное. И се начатъ

[1]—[1] после чтения священником молитвы, заключающей службу; [2] опять, снова; [3] разбудила; [4] здесь: побожившись; [5] то; [6] угрозами, стращая; [7] тотчас; [8] застонав; [9] здесь: как; [10] звонить в колокол; [11] подлаживается; [12] думая, ожидая.

яко огнь горети в сердце его. Он же помышляше в себѣ, яко «*много различных питей пияхъ* в доме у отца моего, *такого пития* николиже пивахъ, якоже нынѣ».

Егда же испивъ пития онаго, начатъ сердцемъ болѣти и тужити по жене оной. Она же, яко лютая змия и лвица, яростию погледѣша на него и приветъства не являше ему. Он же, сокрушаяся, по ней тужа. Она же начатъ мужу своему клеветати и нелѣпо[1] глаголати на него и из*г*нати его вонъ хотя*ше* из дому своего. Богобоязливый же онъ мужъ, и ж*а*лѣя в сердце своемъ по юноше, обаче[2] уловленъ бысть лестию женскою, повелѣвает юнош*е* изыти из дому своего, сказа ему вину нѣкую. Юноша же с великою жалостию отходитъ от него, тужа и сетуя о лукавой женѣ оной.

И прииде в домъ гостинника, идеже сперва живяше и *обитающе*. Он же вопрошаетъ ево, каковыя ради вины изыде вонъ из дому Баженова. Он же сказа ему, *яко* самъ не восхоте жити у него, а сердцемъ своимъ скорбя по той лукавой женѣ. И нача от великия жалости красота лица его изменятися и плоть его истончевати. Видев же гост*инникъ* юношу сетующ*а* и скорбящ*а* зѣло, нѣдоумѣвающе, что ему бысть.

Бысть же во граде томъ нѣкто врачь, чарованиемъ[3] своимъ сказуя, кому какая скорбь[4] прилучится, он же знаетъ, кому жити или кому умрети. Гост*инникъ* же и жена его, благонравны суще, и немало попечение по юноше *имѣяху*. И призвавъ тайно волхва онаго, хотяще увѣдати, какова скорбь приключися къ юноше. Волхвъ же оной посмотри в волшебныя своя книги, сказалъ имъ истинну, яко онъ никакой скорби юноша не имать в себѣ, токмо скорбитъ по женѣ Баженовой, ибо в блудное дѣло впаде с нею, нынѣ же отстуженъ[5] от нея бысть, и по ней тужа, и сокрушается. Гост*инникъ* же и жена его, таковая от волхва слышаше, и не имѣяше вѣры, занеже Баженъ мужъ благочестив и бояся Бога, и ни во что же то дѣло вмени. Савва же, непрестанно скорбя и тужа по ней день от дне, и истончи плоть свою, якобы кто великую скорбь и болѣзнь имѣлъ.

И нѣкогда той Савва изыде из града на поле единъ, и никого за собою или пред собою видѣ. И помышляше о разлучении своемъ от жены оной. И, помысливъ такую злую мысль во уме своемъ, глаголя: «Егда бы *кто* от человѣкъ или самъ диаволъ сотворилъ бы сие, еже бы паки совокупитися з женою оною, азъ бы послужил диаволу». И такую мысль положи во уме своемъ, аки бы ума иступленъ бысть.

И идяше же единъ по пустыни[6] и, мало пошед, слыша за собою гласъ, зовуще его: «Савва, Савва!» Он же, обратишася назад, зря за собою юношу к нему борзо текуще в нарочитом[7] одѣянии, махающе рукою, пождати себя повелевающе. Он же стоя, ожидающе, юноша же той *пришед* к нему, [8]*паче же рещи*[8] *супостатъ* диавол, иже[9] непрестанно рыщеть и ищетъ человѣческия погибѣли.

---

[1] лживо; [2] но; [3] чародейством; [4] болезнь, хворь, кручина; [5] отдален; [6] пустынному месту; [7] богатом; [8—8] вернее же сказать; [9] который.

И пришедъ к нему, по обычаю поклонишася между собою, и глаголя бѣсъ к Саве: «Брате Савва, что убо яко чуждъ[1] бѣгаеши от меня? Азъ убо давно ожида тя, да како бы *пришел еси* ко мне *и* сродственную любовь имѣлъ. Азъ убо тя давно знаю, яко от рода ты Грудцынъ-Усовъ и града Казани. А о мнѣ аще[2] хощеш увѣдати, и я того же града Казани и недавно здѣсь пребываю ради конной купли И убо по плотскому рождению братья мы с тобою есмы, а нынѣ буди убо мн братъ и другъ и не отлучайся от меня. Азъ убо вспоможения во всемъ тебѣ рад чинить». Савва же, слышавъ от мнимаго брата, паче же рещи от диавола, обачо таковыя к себѣ лепыя глаголы, вмени в правду, и велми о томъ возрадовашася яко в такой далней и незнаемой стране сродника к себѣ обрете. И поидоша оба вкупе *по пу*стыни оной.

И рече бѣсъ к Савве: «Брате Савва, какую ты скорбь имаши в себѣ, яко велми изчезе юно*ш*еская красота твоя?» Он же всяко лукаво[3] сказывающе ему нѣкую скорбь быти в себѣ. Бѣсъ же усмѣхнувся и рече ему: «Что убо скрываешися от мене? *Аз бо вѣм скорбь твою*, азъ убо помогу скорби твоей». Савва же рече: «Аще убо истинно вѣдаеши скорбь мою, то поиму вѣры, яко можеши мнѣ помощи подати». Бѣсъ же рече ему: «Ты убо сокрушаешися по женѣ Баженовой, зане еси отлучен от любви ея. Да что мнѣ даси[4], азъ учиню ти с нею по-прежнему в любви быти». Савва же рече: «Азъ убо, елико[5] имамъ здѣсь товаровъ отца своего и прибытковъ, все тебѣ отдаю. Токмо прошу, братецъ, сотвори м*и* по-прежнему любовь имѣти з женою оною». Бесъ же, расмеявся, рече ему: «Почто убо искушаеши мя? Азъ убо вемъ, яко отецъ мой седмерицею богатее тебя и отца твоего, что ми будетъ в товарехъ твоихъ? Но даждь мнѣ на себя рукописание малое некое, азъ исполню желание твое».

Савва же радъ бысть, яко «богатство отца моего все цѣло будетъ, и азъ дам ему рукописание, что велитъ написать». А в какую пагубу хощетъ *впасти*, того не вѣдая, *еще* и писати и ниже слагати[6] совершенно[7] не умѣя. О безумный юноша! Како уловленъ женскою лестию, тоя ради хощетъ в такую пагубу пасти к диаволу! И егда бѣсъ рече к Савве словеса тои, он же с радостию обѣщася дати ему рукописание. Мнимы же его братъ скоро участвуя изо чпага[8] свою хартию[9] и чернила, даетъ юноше и повелѣваетъ немедленно написати писание. Савва еще и совершенно не умѣяше писати, и елико бѣсъ сказываше ему, Савва же тако и писаше, не слагая. И тем писаниемъ отречеся от Христа, истинънаго Бога, и предадеся в служения диаволу, мнимому своему брату. И поидоша убо во градъ Орелъ.

Вопроси же Савва бѣса: «Повѣждь ми, брате, гдѣ обитаешися, да увемъ[10] домъ твой?» Бѣсъ же рече ему: «Азъ убо своего дому не имѣю, гдѣ мне

---

[1] как чужой; [2] если; [3] притворно; [4] дашь; [5] сколько; [6] излагать; [7] в совершенстве; [8] из кармана, сумы, кошеля; [9] пергамен (здесь: лист хорошей бумаги, использовавшейся для документов); [10] узнаю.

прилучится, тамо и ночую. Аще ты хощеши видетися со мною часто, то ищи меня на конной площадке, яко здѣ живу для конной купли. Азъ же самъ не обленюся, часто стану тебя посещати. Ты же, Савва, иди к лавке Баженовой, вѣм бо, с радостию он призоветъ тя в домъ свой». Савва же по глаголу брата своего диавола с радостию притече к лавке Баженовой.

Бажен же, егда увиде Савву, усердно приглашаш*е* к себѣ, глагола: «Господине Савва, какую злобу сотворил тебе я? Почто изшелъ еси из дому моего? Молю тя, прииди паки обитать в дому моемъ. Азъ убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну радъ тебѣ всеусердно». Савва же, егда услыша от Бажена таковые речи, тече в домъ Баженовъ. И жена его, увидевъ Савву, и диаволскимъ жалом подстрекаема, радостно течаш*е* и стречает его со всякимъ ласканиемъ и лобызаетъ его. Он же уловленъ бысть женъскою лестию, паче же диаволомъ, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою. Савва же не знаш*е* ни праздника, ниже воскреснаго дне, ниже страха Божия помня. Непрестанно с нею в кале блуда, аки свиния в кале, валяшеся.

По многом же времени абие *входитъ* слухъ во градъ Казань к матери Саввиной, яко сынъ ея живет неисправно и непорядочное житие имѣетъ. Елико было с ним отеческихъ товаровъ, все изнурилъ[1] въ пьянстве и блуде. Мати же, о нем таковое слыша, и непостоянством зѣло огорчися, и пишетъ к нему писание, дабы оттуда возвратился во градъ Казань в домъ отца своего. Егда же прииде к нему писание, он же, прочетъ, посмѣялся и ни во чтоже вменилъ. Она же паки посылает второе писмо, и третие, ово с молениемъ, ово и с клятвою[2], и *за*клинаетъ его, дабы немедленно оттуду ехал во градъ Казань. Савва же нимало внятъ матернѣе моление, и клятву ни во что же вмени, токмо в несытстве блуда упражняшеся.

По нѣкоем же времени поемъ[3] бесъ Савву, и поидоша оба из града. И глаголетъ бѣсъ Савве: «Брате Савва, вѣси ли ты, кто *есмь азъ*? Ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыныхъ, *но нѣ*сть тако. Нынѣ за любовь твою повѣм ти всю истинную, ты же не убоися, ниже устыдися братом звати меня. Азъ убо совершенно возлюбих тя во братство себѣ принять. Но аще хощеши о мнѣ вѣдати, азъ убо есмь сынъ царев. Поидемъ прочь, да покажу ти славу[4] и богатство отца моего».

И сия глаголя, прииде в пустое мѣсто на некой холмъ показа ему в нѣкоей раздолине[5] град великъ и велми славенъ, **ст*ѣны и помостъ и покровы*[6] *от злата чиста блистаяся. И рече ему бѣсъ: «Сей есть градъ творения отца моего. Поидем убо и поклонимся купно отцу моему. А еже ми дал еси писание, ныне веземъ, сам вручи его отцу моему, и великою честию будеши почтенъ от него». И сия изглагола, бѣсъ отдаетъ Саввѣ богоотметное писание.*

---

[1] расточил, извел; [2] с проклятием; [3] взял; [4] величие, блеск; [5] в логу, в долине; [6] кровли.

Оле[1] *безумия отрока! Вѣдый бо, яко никоторое царство прилѣжитъ в близости к Московскому государству, но все обладаемо царемъ московским. Аще бы тогда вообразилъ на себѣ образъ креста честнаго, вся бы сия мечты*[2] *диаволския, яко сѣнь*[3]*, погибли бы. Но на предлежащее возвратимся.*

Внегда же приидоша к привиденному оному граду и приближився им ко вратам града, срѣтают[4] *их юноши темнообразни в ризахъ и поясы украшены златыми, и тщанием*[5] *покланяющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бѣсу, такожде и Саввѣ покланяющеся. Вшедшим же им во дворъ царевъ, паки срѣтают инии юноши, ризами блистающеся паче первых, такожде покланяющеся им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии*[6] *юноши срѣтают ихъ с честию. И* [7]*диаволом превозходящем*[7]*, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедшим же в полату, глас бысть Саввѣ: «Брате Савво, пожди мя здѣ мало. Азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему и веду тя к нему.*** Егда же будеши пред отцемъ моимъ, ничтоже размышляй или убоися, подаждь ему писание свое». И се рекъ, поиде бѣсъ во внутренную полату и оставилъ Савву единаго. И, помедливъ тамо мало, и приходитъ к Савве и поемъ его и приведош*е* пред лице царя.

Он же седя на престоле велице, драгимъ камениемъ и златом преукрашен, сам же той славою велицею и *одѣяниемъ* блисташеся. И около его стояща множество юношей крылатыхъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ б*а*гряны, иныя яко смола черная.* Пришедш*и* же Савва пред лице царя онаго, падъ на землю, поклонися ему. Вопроси же его царь: «Откуду пришелъ еси семо[8] и что есть твое дѣло?» Безумный же Савва подноситъ ему богоотметное писмо свое, глаголетъ, яко «приидохъ, великий царю, послужить тебѣ». Древний же змий Сатана приемлетъ писание и прочетъ его. Обозреся к темнообразнымъ своимъ воиномъ, рече: «Аще ли прииму сего отрока, не вѣмъ, крепок ли онъ будетъ намъ или нетъ?» Призвавъ к себѣ сына своего, Саввина любимаго брата, глаголя ему: «Иди, прочая[9], и обѣдай з братомъ своимъ». И тако оба поклонишася царю, изыдоша в преднюю полату и начаша обѣдати.

Неизреченныя благово*н*ныя яди[10] приношаху, такожде и питие, яко дивишася[11] Савва, глаголя, яко «никогда в дому отца моего таковых ядей не вкушахъ или пития *ис*пихъ». По ядении же поемъ бѣсъ Савву и поидоша паки из града царева и изыдоша вон. *В*опроси же брата Савва своего, бѣса, глаголя: «Что, брате, яко видехъ у отца твоего окрестъ престола множество юношей крылатыхъ стояща?» Бѣсъ же, усмѣхнувся, рече ему: «Или ты не вѣси, яко у отца моего мнози языцы[12] служат, персиды, турки, арапы и ины мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братомъ звати меня. Азъ убо тебѣ менши братъ. Ток-

---

[1] о (междометие); [2] наваждение; [3] тень; [4] встречают; [5] усердно, старательно; [6] другие; [7—7] когда проходили черти; [8] сюда; [9] пребыв в ожидании; [10] яства; [11] дивился, удивлялся; [12] народы.

мо елико аще реку тебѣ, и ты во всемъ буди мнѣ послушенъ. Азъ же всякаго добра рад тебѣ дѣяти и споможение во всемъ творити». Савва же во всемъ обѣщася послушенъ быти, и тако уверишася[1].

Паки приидоша во градъ Орелъ, и оставилъ бѣсъ Савву. Савва же паки прииде в домъ Баженовъ и пребываше в прежнем скаредномъ дѣле. И в то время прииде во градъ Казань ис Персиды со многими прибытки отецъ Саввинъ Фома Грудцынъ. И яко обычное цѣлование подаде женѣ своей, и вопрошаетъ о сыне своемъ, жив ли есть сынъ или нетъ. Она же повѣда ему, глаголя, яко «от многихъ слышахъ[2], что по отшествии твоемъ в Персиду отеде он к Соли Камской, тамо и доднесь живетъ житиемъ неудобнымъ[3], и непорядочно все богатство избылъ в пьянстве и блуде. Азъ же много писавъ к нему, дабы возвратился в домъ нашъ, он же ни единой отповѣди[4] не даде мне. Живъ ли есть нынѣ или нѣтъ, о семъ не вѣмъ».

Фома же, слышав от жены таковые глаголы, зѣло смутися и скоро написав епистолию со многимъ молениемъ, дабы безо всякого размышления оттуда ехалъ во градъ Казань, «да увижу, чадо мое, красоту лица твоего, понеже давно не видахъ тя». Савва же таковое писание принялъ и прочетъ, ни во что же вменивъ, ниже помыслилъ ехать ко отцу своему, токмо упражняшеся в ненасытном блудении. Видев же Фома, яко ни во что вмѣняетъ писание его, повѣлеваетъ готовити суда с товары, и пути касается к Соли Камской, яко «самъ поиму его в домъ свой».

Бѣсъ же, егда увѣда, что отецъ его, Саввинъ, путешествие творитъ к Соли Камской, хотя Савву поимати, сына своего, и привести во градъ Казань, и абие бѣсъ к Савве рече: «Брате Савва, доколе здѣ во единомъ граде маломъ намъ жити будетъ? Пойдем во иный градъ и погуляемъ, и паки семо приидемъ».

Савва же нимало отречеся[5], глаголя ему: «Брате, како идемъ, то пожди мало, да возму от богатства моего». Бѣсъ же возбраниш*е*[6] ему, глаголя: «О семъ не веси ли ты славы отца моего, како слава его вездѣ есть? Гдѣ приидемъ, тутъ и денегъ у насъ много будетъ, елико потребно». И поидоша из града Орла никому же вѣдомы, ниже той и самъ Баженъ, и ни жена его *увѣдавши*.

Бѣсъ же Савву постави во единую нощь от Соли Камской на реке Волге во градъ, нарицаемый Козмодемьянскъ, а растояние имѣюще от Соли Камской тысяча и болше поприщ[7]. И глаголетъ бѣсъ к Савве: «Аще кто тя узритъ знаемый здѣсь, и откуду пришелъ еси спросятъ, ты же глаголи: от Соли Камской в третью неделю приидохомъ». Савва же глагола, елико заповѣда ему бѣсь. Тако пребывавше в Козмодемьянском несколко дней.

И паки бѣсь поемъ Савву, и об едину нощь оттуда приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павловъ Перевозъ, и бывшии тамо в день четверга. В той бо

[1] сговорились, присягнули друг другу; [2] слышала; [3] негодным; [4] ответа; [5] не отказался; [6] запретил; [7] здесь: верст.

день в томъ селѣ торгъ бывше. Ходяще же они по торгу, узрев же Савва нѣкоего старейша нища мужа стояще, зѣло худо одѣяние на немъ. И зряще на Савву велми прилежно и плачуще горко. Савва же отиде мало от бѣса и притече к старцу оному, хотя увѣдати вину[1] плача его. И притече к старцу, рече: «Кая ти, отче, вина плача твоего, яко тако неутѣшно плачешися?» Старецъ же глагола ему: «Плачу, чадо, о погибѣли души твоея. Не вѣси бо, погубилъ еси ты душу свою и волею предался диаволу. Веси ли, человѣче, с кемъ нынѣ ходиши и кого себѣ братомъ называеши? Но сей не человѣкъ, но бѣсъ с тобою ходитъ, доводитъ тя до пропасти адския». Егда же изрече старецъ к Савве глаголы сия, он же обозревся на брата своего бѣса. Он же издалеча стоя*ш*е, угрожая ему. Савва же оставилъ святаго старца, скоро притече к бѣсу. Он же велми начатъ поносити его и глаголати: «Чего ради с такимъ душе*п*агубцомъ сообщился еси? Не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляет, на тебѣ же, видя одеяние нарочито, и глаголы к тебѣ лестные испущает, хощетъ тебя от людей отлучити и до смерти удавити и содрать с тебя одѣяние. И егда аще оставлю тя единаго, то вскоре имаши погибнути». И сия изрече со гневомъ, и потомъ поемъ Савву, оттуда приходитъ во градъ, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколикое время.

Фома же Грудцынъ-Усовъ пришедъ во градъ Орелъ и вопрошаетъ о сыне своемъ, и никто можетъ повѣдати ему о немъ. И вси дивляхуся, яко пред*ъ* его приездомъ сынъ его во граде живяше и всемъ видимо. Егда же внезапу скрылся, никтоже вѣсть. И глаголаху, яко «убоялся приезду твоего, зане все здѣсь избылъ имения твое и богатство, и сего ради скрылся». Паче же всехъ Баженъ и жена его дивишася, глаголаху: «В сию ночь спаше у насъ, заутра же пошедъ не вѣмъ куды, мы же ожидахомъ его обѣдати, он же от того часа нигдѣ же не явишася во граде нашемъ. А куда поиде, азъ и жена моя не вѣмы».

Фома же слезами облияся, ожидаш*е* сына своего, и возвратися в домъ свой, и нерадостной случай возвещаетъ женѣ своей. И оба вкупе сетуя и скорбяше о лишении сына своего, и в таковомъ сетовании Фома, поживъ неколикое время, ко Господу отиде. Жена же его остася вдовою.

Бѣсъ же и Савва живяше во граде Шуе, и в то время благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаил Феодоровичь всеа России изволилъ послать воинство свое противъ короля полскаго под градъ Смоленскъ. И по ево, великаго государя, указу во всей России набираху новобраныхъ салдатъ.* Во град*ъ* Шу*ю* и для набору салдатскаго прислан былъ с Москвы столникъ Тимофей Воронцовъ, и новобраныхъ салдатъ по вся дни воинскому артикулу учаша. Савва же и бѣсъ поидоша для смотрения ихъ. И рече бѣсъ к Савве: «Брате Савва, хощеши ли ты послужить царю? Да запишемся в салдаты». Тако и записашася в салдаты, и нача ходити на учение. Бѣсъ же Савве в воинском учении такову мудрость дарова, яко и старыхъ салдатъ лутче и началниковъ всѣхъ

[1] причину.

во учении происходитъ[1] лутче жъ. Сам же бѣсъ слугою за Саввою ходяше и оружие носяше за нимъ.

Егда же всехъ новобраныхъ салдатъ приведоша в Москву и отдаша ихъ в научение немѣцкому полковнику, той же полковникъ, егда прииде к полку водити салдатъ на учении, и видя Савву млада суща, а в учении воинском зѣло изрядно поступающе и ни малого порока во всем артикуле не имѣюще, и многихъ старых воиновъ и началников превосходяще, и велми удивися остроумию его. Савва же сказа ему всю истинную, какого рода онъ. Полковникъ же велми его возлюби и назва его сыномъ своимъ, даде ему шляпу з главы своея и вручи ему три роты новобраныхъ салдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва.

Бѣсъ же тайно припаде к Савве, рече ему: «Брате Савва, егда недостатокъ денегъ будетъ ратнымъ людемъ на жалованье, тогда повѣждь мне. Азъ тебѣ принесу, елико тебѣ потребно будетъ, дабы в команде твоей роптания и жалобы не было на тебя». И тако у онаго Саввы все салдаты во всякой тишине и в покое пребываху, в протчих же ротахъ молва и мятежъ бысть непрестанно, яко иногда от глада и наготы, не пожалованы, и по миру ходятъ. И вси дивляхуся остроумию Саввину.

По нѣкоем же случае явственно учинися о немъ и самому царю. В то же время в Москве и немалу власть имяше шуринъ царевъ *болярин* Семенъ *Лукояновичь* Стрешневъ.* Увѣда про онаго Савву, и повеле его привесть пред себя, и рече ему: «Хощеши ли, Савва, да прииму в дом мой и немалой чести сподоблю тя?» Он же поклонися, рече ему: «Господине мой! Есть братъ у меня, поиду и вопрошу его. Аще повелитъ, с радостию послужу тебѣ». Болярин же, нимале возбравнивъ[2] *ему*, отпусти его, да вопросит брата своего. Савва же, пришедъ, повѣда сие мнимому брату своему бѣсу. Он же яростно рече ему: «Почто убо хощеши презрѣти цареву службу и хощеши служити холопу его? Ты убо и самъ нынѣ в том же порядке и чести, уже и самому царю знатен[3] учинил*ся* еси. Егда бо царь увѣдаетъ верную твою службу, тогда и чином повыше будеши».

И по повѣлению цареву вси новобраныя салдаты розданы по стрелецкимъ полкамъ в добавку. Той же Савва поставленъ бысть на Устретенки в Земляномъ городе в *Зиминѣ приказѣ* в доме сотника стрелецкаго Якова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы и благоразумны *суще видя Саввина остроумия*, зѣло почитаху его. Полки *же* в Москве во всякой готовности ко отшествию во градъ Смоленскъ *бяху*.

Во единый же день прииде бѣсъ к Савве и рече ему: «Брате Савва, поидем прежде полковъ в Смоленскъ и увидимъ, что творятъ поляки, како градъ укрепляютъ и *бранныя сосуды*[4] *устрояют*». И абие об едину нощь стали с Москвы в Смоленскъ, и пребываху в немъ три дни, никому же видимы, а они всѣхъ

---

[1] превосходит; [2] не запретив, не воспрепятствовав; [3] известен, ведом; [4] военные орудия.

видяху. И созирающе[1], како поляки градъ укрѣпляютъ на приступных мѣстах, всякия *га*рматы[2] поставляют. В четвертый же день обяви бѣсъ себя и Савву полякомъ. Поляки же, егда узрѣша ихъ, зѣло возсмятошася и начаша гнати за ними, хотяху уловити ихъ. Бѣсъ же и Савва скоро избѣгша из града и притекоша к рецѣ Днепру, и абие раступишася вода, преидоша оную великую реку, аки посуху. Поляки же много стреляху по нихъ, но ничимъ вредиша[3] ихъ, глаголюще, яко «бѣсове суть во образ*ѣ* человѣка прии*доша и бывше* во граде нашем». Бѣсъ же и Савва паки возвратишася в Москву и сташа у того же сотника Якова Шилова.

И егда же по указу государеву полки с Москвы поидоша под Смоленскъ, тогда той Савва з братомъ своимъ поиде. А надо всеми полками тогда былъ командующим боляринъ Федоръ Ивановичь Шеин.* На пути же бѣсъ Савве рече: «Брате Савва! Егда убо под Смоленскимъ будемъ, тогда от поляков из града выедетъ единъ *исполинъ* и станет звати противника себѣ. Ты же не убоися ничего, изыди противу его. В другий же день паки выедетъ другий, ты же и того поразиши. В третий же день выедетъ из Смоленска *третий* поединщик[4], ты же ничего убоися противъ его, вѣмъ убо, что и того поразиши, но и сам уязвленъ[5] будеши от него. Аз же твою рану скоро излечу». И тако увѣривъ его, и приидоша под градъ Смоленскъ, ставше в удобное мѣсто.

По глаголу же бѣсову посланъ бысть из града нѣки воинъ *страшен* зѣло, на коне скакаша, из московскихъ полков противника себѣ зваша, и никтоже смѣяш*е*[6] противу его ехати. Савва же обявляетъ себя в полках и глаголя: «Аще бы мне былъ добрый конь, азъ бы пошел противу ево на брань»[7]. Другии же, его слышаше похваление, скоро возвестиша болярину о семъ. Болярин же, услыша, повелѣ Савву привести пред себя и повелѣ ему коня нарочита[8] дати и оружие, и мнитъ, яко скоро имать погибнути от такого страшнаго воина. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя и ни бояся, выехал противу того богатыря и порази его, *и* приводитъ и с конемъ в полки свои, и от всехъ похваляемъ. Бѣсъ же *ѣ*здяше по нем, служаш*е* ему и оружие его носяще.

Во вторый же день паки выезжаетъ славны нѣки воинъ, иска себѣ противника. И паки выѣезжаетъ Савва противу его и скоро поражаетъ его, и вси дивляхуся храбрости Сав*в*иной. В третий же день еще выезжаетъ из града Смоленска нѣкий славны воинъ, паче первыхъ въ храбрости, и ищетъ себѣ сопротивника. Савва же уже того устрашишася, ехати противу того, однако же *по словеси* бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ, и абие полякъ той яростно напусти на Савву и уязви его копиемъ в лево стегно[9]. Савва же исправися, нападаетъ на поляка онаго и убиваетъ его, но и с конемъ в таборы привлече и немалъ зазоръ[10] поляком учини. Потом же нача из града выходити и свалным[11] боемъ битися.

[1] высматривая; [2] пушки; [3] здесь: не ранили; [4] одиночный боец; [5] ранен; [6] не смел; [7] на битву; [8] отменного; [9] в бедро; [10] срам, поношенье, позор; [11] рукопашным.

Савва же з братомъ своимъ с котораго крыла выезжаху, тамо поляки от нихъ невозвратно бѣжаху. И многихъ убиваху, и тако от них бѣжаху, токмо слѣдъ свой показываху, сами же ни от кого ни малого повреждения себѣ, вреды́, не имѣяху.

Слышав же боляринъ о храбрости Саввиной, не могъ скрыти гнева своего в сердце своемъ, призва Савву к шатру своему и глагола ему: «Повѣждь ми, Савва, какова ты роду и чей есть ты сынъ?» Он же повѣда ему, яко ис Казани, Фомы Грудцына сынъ. Болярин же нача его нелѣпыми словами поносити* *и* глагола: «Какая ти нужда в такой случай? Пришелъ еси к смерти! Азъ убо знаю отца твоего и сродниковъ твоих, яко безчисленно богатство имѣютъ. От какого гонения или скудости пришел еси ты семо? Сия глаголю ти: поиди в домъ родителей твоих и тамъ благодѣнствуй, с родители своими пребывай. Аще *же* не послушаеши мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывати, то без всякаго милосердия здѣ имаши погибнути, и главу твою скоро повелю мечемъ отсещи». И сия болярин изрече сь яростию.

Он же отиде от него, печаленъ бысть. И рече бѣсъ к Савве: «Что убо, брате, печалуешися о семъ? Аще неугодна наша служба, поидем в Москву и тамо п*ре*бываемъ». И тако скоро отидоша в Москву и нача обитати в доме того же вышереченнаго сотника. Бѣс же днемъ быва*ше* у Саввы, в нощи же отхождаше до пропасти адския, идеже жилище ихъ, искони обычай окаянному пребывати.

И немалу же времяни минувш*у*, абие разболѣся Савва, и бѣ болѣзнь его велми тяжка зѣло, и быти ему к смерти. Жена же онаго сотника, благоразумна суща и всякое попечение и прилѣжание имуща о Савве, и глагола ему многажды, дабы повелѣлъ призвати иерея исповѣдати грѣхи своя, и причастился бы Святыхъ Христовыхъ Тайн, да некако в такой тяжкой скорби без покаяния умретъ. Савва же отрицашеся и глагола: «Аще и тяжко боленъ, но несть моя болезнь к смерти». И день от дне болезнь еще тяжщая *бяше*.

Жена же оная неотступно принуждаш*е* его, дабы покаялся, и едва принудиш*е* Савву оная благоразумная жена. И повелѣ Савва призвати священника. *Жена же велѣ вскорѣ итти ко храму святаго Николы чюдотворца, и повелѣваетъ призвати тоя церкви иерея. Иерей же, нимало замедливъ, притече к болящему, бѣ бо* священникъ же той мужъ благочестив и бояся Бога. И, пришедъ, нача молитвы покаянные глаголати, якоже обычно. Егда же всемъ людемъ из храм*ины*[1] изшедш*имъ*, иерей же нача болнаго исповѣдати.

И се внезапу зритъ болны: в храм*ину* т*ую* вшедше множество бѣсовъ. Мнимый же его братъ, паче же рещи диаволовъ, прииде с ними, — не якоже человѣческимъ образомъ, но существенным[2] своимъ звѣринымъ образомъ. И ста созади всехъ бѣсовъ и зубы на нем скрежета*ше*, показуя ему богоотметное писмо, *еже* даде Савва у Соли Камской, и глагола бѣсъ болящему Савве: «Зриши

[1] из хором, жилья; [2] истинным.

ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писалъ еси? Или мниши, яко покаяниемъ хощешъ отбыти[1]? Азъ убо великою силою моею подвигнуся на тя, и болѣе сихъ узриши».

Болны же, зря *оче*видно[2] ихъ, ово ужасаяся, ово же на силу Божию надеяся, и до конца все подробну исповеда священнику оному. Священникъ же онъ, мужъ святъ, обаче убояся онаго страха, зане людей во храмине единаго нѣсть, кроме болнаго. Гласъ же великъ слыша*ше* от бѣсов*ския* оные силы, и с нуждою[3] с великою исповѣда болнаго и отиде в домъ свой, ничтоже никомуже поведа. По исповѣди же оной нападе на Савву *духъ* нечисты и начатъ немилостивно мучити, ово об стену бияше, ово о мостъ[4], с одра его меташ*е* на полъ, ово храплениемъ[5] и пеною давляше[6], и всякими различными томлении мучаш*е* его.

Благочестивый же онъ мужъ сотникъ со благонравною и разумною женою видяше такое незапное на него от диавола нападение и несносное мучение, велми жалѣюще по юноше ономъ, но никакой же ему могутъ помощи подати. Бѣсъ же день от дне на болнаго люте нападаетъ и мучаше его, но и всем предстоящимъ тутъ уж*а*съ бывает. Господин же дому того, видя над собою такову необычную вещь, паче увѣдевъ[7], яко юноша той Савва вѣдомъ и царю, но есть же у нихъ сродница, в дому царском пребываше, и сия помысливъ, немедленно посылаетъ жену свою ко оной сроднице, повелеваетъ ей, да все подробно возвестила бы царю, да «никако бы, — *рече*, — Савва в таком зле умретъ, а мы за то истязаны[8] будемъ от царя, за неизвѣщение наше».

Жена же его, нимало помедливъ, скоро тече *к сроднице своей, и вся повелѣнная от мужа по ряду сказа. Сродница же оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово бо болѣвъ по юноше, паче же скорбяше по сродниках своих, да некако и вправду от таковыхъ случаевъ бѣду приимутъ. И нимало помедливъ, скоро тече* из дому своего до полатъ царевыхъ. И внидохъ, по времени донесла царю о семъ.

Царь же, слышавъ о Савве таковы глаголы, рече предстоящимъ, да бываетъ у онаго сотника, у болнаго онаго, повсядневное изменение[9] караулщиковъ. И посылаютца по два караулщика, да надзираютъ опасно[10] *юношу онаго* от соннаго бѣсовскаго мучения, да во огнь или в воду никако ввержется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повсядневную пищу. И егда здравъ болны явитца, повелѣваетъ возвѣстити себѣ.

И сему тако бывшу, болны немало время в таковомъ бѣсовскомъ томлении пребысть. И месяца июля в 1 день Савва же необычно от беса мучен бысть. Заспа мало, и бысть: во сне яко наяву глагола, изливая слезы из очей своихъ, сице рече: «О Всемилостивая Госпоже Дѣво Владычице Богородице, помилуй

---

[1] отделаться, избыть; [2] явственно; [3] здесь: принуждая себя; [4] помост; [5] хрипением; [6] давил (душил) бес; [7] узнав; [8] наказаны, подвергнуты строгому допросу; [9] смена; [10] бережно, заботливо.

мя! Не солгу в сердце, но исполню обѣщанием, якоже обѣщахся тебѣ». Дому же того людие, слыша таковые глаголы от болнаго, зѣло удивишася, глаголюще, яко видение нѣкое видитъ.

Егда же болны возбудися[1], приступи к нему сотникъ и рече: «Повѣждь ми, господине Савва, что таковые глаголы во сне видевъ и кому реклъ еси?» Он же, паки начатъ убо омывати лице свое слезами, глаголетъ: «Видехъ ко одру моему пришедшу жену святолѣпну, свѣтлостию сияющу и ризу багряну носяще, с нею же два мужа, сединами украшены, во одежде единъ в архиерейской, а другий во апостолской одѣяны. И я *мню* быти жену оную Пресвятую Богородицу, *мужей же*: единаго же наперсника[2] Господня Иоанна Богослова, втораго неусыпнаго града нашего Москвы архиерея Петра митрополита, их же подобия образъ виделъ. И рече ми святолѣпная оная жена: „Что ти есть, Савва, и что скорбиши?" Азъ же реклъ ей: „Скорблю, моя Владычица, прогневахъ Сына твоего и Бога моего и тебя, заступницу рода христианскаго, и за то бѣсъ мучитъ мя". Она же *осклабися*[3] и рече ми: „Како ты можешъ выручити писание свое, еже ты подал самому Диаволу?" И аз рекъ ей: „Не могу, Владычице, аще не помощию Сына твоего и твоею милостию". Она же ми рече: „Азъ убо о тебѣ Сына моего и Бога упрошу, токмо единъ мой глаголъ исполни: аще избавлю тя от бѣды сея, хощеши ли инокъ быти?" Азъ же молебные глаголы со слезами глаголахъ ей, якоже и вы слышавше. Она же паки рече: „Слышиши ли, Савва? Егда убо приспѣет[4] праздникъ явления образа моего, еже в Казани, ты же прииди во храмъ мой, иже на площади у Ветошнаго ряду, и азъ пред всемъ народомъ покажу велие чудо". И сия изрече, невидимы бысть».

Сия же сотникъ от Саввы слышавше, паки повелѣваетъ и посылаетъ жену свою к вышереченной сроднице, дабы возвестила паки царю о семъ, и абие возвѣщено бысть видение царю. Царь же повелѣваетъ хранити его.

И егда же прииде праздникъ Казанския Богородицы, что в Китае,* июля 8-го числа, и повелѣ царь привести болящаго во храмъ ея, Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, нарицаемыя Казанския. Якоже николи[5] же болев, поиде ко образу и падъ на землю и начатъ глаголати со слезами и сокрушениемъ сердца, рече: «О Преблагословенная и Преблагая, Честнейшая Мати Христа Бога нашего! Благодарю тя за неизреченное твое милосердие, яко избавила мя еси от погибѣли и настави мя, на путь покаяния обрати мя». Народу же зрящу на онаго Савву и слышавше глаголы его, удивишася.

Царь же узрѣвъ его. И егда нача пѣти Божественную литоргию, а Савве лежащу среди церкви на ковре, и видевъ Савва пришедшу жену, в бѣлых ризахъ одѣянну, всякими лѣпотами сияющу, глагола ему: «Савва, отселѣ будеши здравъ; к тому не согрѣшай и повелѣние мое да исполни: буди инокъ». И с того часа получи Савва себѣ здравие, и се невидима бысть. И тако получи неизре-

---

[1] проснулся; [2] любимца; [3] улыбнулась; [4] настанет, наступит; [5] никогда.

ченную славу Савва, и прииде во ум свой и не чающе болѣзни в себѣ, яко никогда болѣ, и воста на нозѣ[1] свои.

Царь же рече: «Не сей ли трудившийся[2], еже по повѣлению моему принесенъ бысть во храмъ?» Отвѣщав же нѣкто бояринъ его, стояще, яко «той есть Савва». Царь же повелѣ его вопросити, како воста от таковыя тяжкия болѣзни. Вопрошенну же бывшу Савве, Савва же повѣдати о себѣ нача вся бывшая над нимъ, и о неизреченномъ чудеси явления образа Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, како избави его от тмы грѣховныя.

Царь же, благодаря Бога (возвѣщено о чудеси надъ онымъ Саввою) и Пречистую Богородицу, и возрадовася радостию велиею. И какъ отпевше святую литоргию, Савва же нача молѣбное пѣние пѣти Пресвятѣи Богородице и, немного дней помедливше, прииде в церковь святаго архистратига Михаила и восприятъ монашеский чинъ и благодарив Пресвятую Богородицу. И поживъ лѣтъ доволно, и преставися, ко Господу душу предаде. Богу нашему слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] на ноги; [2] здесь: страдалец, измученный болезнью.

ПОВЕСТЬ НИКОДИМА ТИПИКАРИСА СОЛОВЕЦКОГО О НЕКОЕМ ИНОКЕ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА СТАРЦА НИКОДИМА СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ О НѢКОЕМЪ ИНОКѢ

Повѣда намъ отецъ Никодимъ* типикарисъ[1] о нѣкоемъ братѣ,* сице[2] глаголя: «Живущу ми, — рече, — во обители преподобных отецъ наших киновиархъ Зосимы и Саватия,* иже близ сущи понта[3] от акиана Соловецкаго отока[4], и тамо пребывающу ми лѣта доволна и типикарийскую службу хранящу. В то время прииде нѣкий братъ в той же монастырь, юнъ сый лѣты, добръ возрастом, повѣда ми о себѣ повѣсть страшну, исполнь сущу ползы и умиления и слезам достойну, могущую слышащих удивити и устрашити, и во умиление привести. Самъ же со многими слезами, со воздыханьми же и рыданьми глаголя сице:

«Бысть, — рече, — в лѣта 7146 (*1638*) году при державѣ благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича* всеа Росии самодержцѣ. Сущу ми во обители Пресвятыя Живоначалныя Троицы Сергиева монастыря, близ сущи царьствующаго града Москвы. Тамо пребывающу ми во всякомъ небрежении о своем спасении, и свою всю жизнь злѣ провождающи, и о душевномъ своемъ спасении не пекущуся, заповеди же Божия преступающу ми и во всякой нечистотѣ и в пиянствѣ пребывающу и в небрежении, о своем спасении не радяще, и иноческаго пребывания обѣщание забывшу и во всем презрѣвшу, и яко скоту невоздержно живущу. [5]Испроста рещи[5]: яже суть Богом любима, сих отвращахся, а яже Богъ ненавидитъ, сия любима быша мнѣ, и сими душу свою помрачах — и тако пребывающу ми. Абие[6] посылает ми ся жезлъ наказания за грѣхи моя, внезапу бо злѣ пострадах и мзду по дѣлом моим восприях. И аще[7] не Господь Богъ помоглъ бы ми, вмалѣ[8] вселилася бы в*о* ад душа моя,* понеже[9] той, яко чадолюбивый отецъ, наказует, но оба*че*[10] с милостию, по реченному: „Накажет мя праведникъ милостию и обличитъ мя, не хощет бо той смерти грѣшному, но яко еже обратитися и живу быти ему, и хощет всѣм спастися и в разум истинный приити".*

---

[1] уставщик; [2] так; [3] моря; [4] острова; [5—5] попросту сказать; [6] внезапно, вдруг; [7] если; [8] вскоре; [9] потому что; [10] однако.

И тако ми, — рече, — нѣкогда во едину от нощей во дни пентикостиа, близ празника Святаго Духа сошествия* во мнозѣ пиянствѣ пребывающу ми, по реченному: „Спящии бо в нощи спят, и упивающиися в нощи упиваются".* Приспѣ время спати и от пианства душегубителнаго престати. Обычай же имѣх от юности моея сицев: егда хотящу ми спати, тогда вся чювства своя рукою своею не забывах крестити. Сице ми и тогда такожде сотворшу и уснувшу, и не вѣмъ[1], колико[2] спавшу. И убудивъшу ми ся от сна, и зрящу: внезаапу разтворишася двери храмины, в нейже лежах на одрѣ грѣховнѣмъ лѣности моея, и сосуды грѣховныя окрестъ мене на ложи моем со мною быша. И се зрю идущих к себѣ во храмину множество темнообразных ефиопъ, сирѣчь[3] бѣсовъ, во одеждахъ худых, синих и червленых, со многою яростию, с воплемъ и кричаниемъ, и безчинныя гласы испущающе, и страшаще мя, и яко звѣрие дивии[4] внезаапу хотяще мя поглотити. Тогда нападе на мя боязнь, и страх, и трепет, и ужасъ объятъ мя.* Гласъ же кричания ихъ сицевъ бысть: „Глаголи, черноризче: «Ваш есмь!»" Овии[5] же глаголаху: „Отчайся! Яко уже нѣсть ти спасения, понеже нашъ еси, нам предан". Инии же, страшаще, вопияху: „Аще сего не сотвориши повелѣнная нами и *не* отчаешися, да вѣси, яко злою мукою погубим тя и скоро умреши в руках наших. Уже бо лѣта твоя скончашася, и [6]время исчезе живота твоего[6] ". Аз же яко от сна воспрянув и страх весь отвергъ, начатъ глаголати к ним: „У Бога милость *велика*, Божий есмь аз, а не ваш, якоже вы глаголете. Не отчаюся его милости, понеже вѣм, яко щедроты его на всѣх дѣлех его".*

Единъ же от них, яко князь над ними, повелѣваше им, глаголя: „Что стоите праздни? Поженѣте[7] и имѣте[8] его".* И внезапу все множество их устремишася и нападоша на мя, [9]во еже[9] разсторгнути мя, и удавити, и погубити, и снѣдь своей злобѣ сотворити, и фиалъ[10] горести своея на мя излиати.* И приступиша ко главѣ моей и к ногама, яко пчелы сот обыдоша[11] мя. Аз же именем Господним противляхся им.* Мнимому же князю их бѣсовскому повелѣвающу имъ, онѣм же к нему отвѣщающим и глаголющим: „Невозможно есть нам со главы его дѣйствовати и сокрушити его крестнаго ради[12] бывшаго на нем знамения и глаголания ради стиха «О тебѣ радуется»".* И глагола им князь их мнимый: „Возмите свиту его, снизу и с ног его подидите нань[13] и сокрушите его". Они же абие, яко звѣрие, устрѣмишася со многою яростию, и нападоша на мя немилостивно, и тако подидоша под ребра моя. И наполнися их чрево мое и пазухи[14]. И начаша мя мучити злѣ, и прегибающе с чрева на хребет, якоже и кольцем. И яко огнь воспалиша во внутреннихъ моих болѣзнию лютою. Аз же от сего велми[15] изнемогох, и возжадахся пити, и возбудих близ мене спящих отроков. Они же, видяще мя тако страждуща, и болѣзненно вопиюща, и пити просяща, зѣло[16]

---

[1] не знаю; [2] сколько; [3] то есть; [4] дикие; [5] другие; [6—6] время жизни твоей истекло; [7] преследуйте; [8] схватите; [9—9] чтобы; [10] чашу; [11] окружили; [12] по причине; [13] на него; [14] грудь, бока; [15] очень; [16] очень.

устрашишася и принесоша ми воды пити. Аз же испих чашу едину и абие изблевах вся брашна и пития ис чрева моего, настоящая и прежнее, устнама и низом. И от зѣлнаго[1] огненнаго зазжения иже во чревѣ моем зѣло изнемогающу ми. И паки возжадахся, и испих вторую чашу воды, и такожде изблевах, якоже и первую, з брашном и питием. Испих же и третию чашу воды: изыде из мене пиемая вода усты и низом чиста, без брашна и пития. И абие [2]возмогохъ мало[2], и устрабихся[3] от немощи моея, и легчае ми бысть. И свиту свою измѣних, и в чистую облекохся, и благодарих Бога, избавльшаго мя от врагов моих. И мнѣх[4] имѣти миръ и утвержение души моей.

И во вторый же день внезаапу нападе на мя всегубителство.* Паки[5] *по* прежнему образу приидоша множество бѣсовъ, [6]стужающе ми[6], кричаще, вопиюще и глаголюще: „Отчайся и глаголи: «Вашъ есмь». Аще сего не сотвориши и не послушаеши нас, злою смертию уморим тя". Аз же глагола к ним: „Уповаю на щедроты Божия и не отчаюся милости его. Васъ же не послушаю, погубити мя хотящих". Они же, слышавше, [7]мало усумнѣшася[7], отидоша, не мучивше мене, точию[8] се глаголющу ми с поношением и страшаще: „Свиту переменил еси, и крестишися, и стихи глаголеши, и на книги надѣешися, и на старца своего уповаеши, а душу и тѣло свое *нечисто* имѣеши. Не очиститъ тебе чистая свита твоя, и не помогут тебѣ образы и книги твои, старецъ твой не избавит тя от рукъ наших. И ты мнишися тѣмъ очиститися, избыти от нас? Но сотворим тебѣ, якоже хощем".

Имѣх же аз стара наставника своего, древня мужа, и добра, и зѣло искусна во иноческих исправлениих. И прихождах к нему правило совершати, рекше каноны и часы пѣти, и у него благословение и прощение приимах, отхождах во свою службу, свойствѣннѣйше[9] же рещи: отхождах на погубление души своея и на дѣлание беззакония. И в то время, в неже аз без своего старца пострадах, и старца наставника моего не бысть тогда в монастырѣ, отшел бо бяше во царьствующий град Москву потреб ради монастырьских. В то же время аз без своего наставника, *аки овца*, не имущая пастыря, заблудих от пути истиннаго и к путемъ нечестия уклонихся. Правило свое все презрѣхъ и по обычаю своему иноческому ничтоже совершах — и сего ради злѣ пострадах [10]от лица моего[10]. Врази мои совѣтъ зол совѣщаша на мя, ощутиша бо мя без наставника моего и кромѣ[11] правила благих дѣлъ пребывающа, и в нечистотѣ и пиянствѣ живуща. Глаголюща к себѣ человѣкоубийцы: „Нынѣ обрѣтохом время благопотребно дѣйству нашему: до*н*деже[12] без правила и *в* нечистом житии и пианствѣ пребываетъ, приидемъ и та*ко* злѣ умучимъ и уморим его, якоже хощем".

---

[1] сильного; [2—2] немного укрепился; [3] исцелился; [4] полагал, надеялся; [5] опять; [6—6] нападая на меня, досаждая мне; [7—7] несколько усомнились, устрашились; [8] только; [9] правильнее; [10—10] по собственной вине; [11] без; [12] пока.

В третий же день и в третий час дня по мучениих перваго дня лежащу ми в нѣкоей храминѣ единому, изнемогающу зѣло. И абие забывшу ми ся и бывшу яко во иступлении: [1]зрю свой живот яко на двѣ части раздѣлен[1]. И внезаапу яко врата разворишася, и мене яко за руку ятъ нѣкто и исторгнувъ из вратъ внѣ, и паки врата затворишася. И обрѣтохся нѣгдѣ, яко на зеленѣ травѣ стою, а тѣло свое зрю на земли лежащее пред собою. И прежде удивихся сему и размышляя в себѣ: како единаго себе положена сугуба[2] суща зрю и раздѣлѣна? И в недоумѣнии о семъ бысть. Потом же зѣло ужасеся, и нападе на мя страхъ и трепет. И се внезапу явишася окрестъ мене множество бѣсовъ, полъкъ велик зѣло. Аз же сугубо[3] убояхся и вострепетах, видя ихъ звѣрски устремившихся на мя. И абие все множество их обступивше мя и удержаша мя крѣпко, по реченному: „Врази мои душу мою удержаша, уста их глаголаша гордыню, изгонящии мя нынѣ обыдоша мя".* И начаша глаголати мнѣ с поношением: „Гдѣ суть Богъ твой?* Се день, егоже чаяхом, и час, егоже многа лѣта ждахомъ: нынѣ в руки наша пришел еси и в сѣти наша впал еси". И тако врази мои рѣша мнѣ злая: „Се нынѣ уже умерлъ еси, и погибе имя *твое* от земля живыхъ".* Держаще и душу мою и вкупѣ глаголюще: „Нынѣ уже нѣсть ему спасения о Бозѣ его, Богъ оставил его. Поженѣте и имѣте его, яко нѣсть избавляяй его".* И бяху ликующе, веселящеся и радующеся о грѣшнѣй души моей, яко обрѣтоша сю корысть многу. И тако на мя шептаху вси врази мои, на мя помышляху злая и глаголюще: „Сердце его собра беззаконие ему".* И начаша приносити свитки, в нихже писана суть грѣховная дѣла моя от юности моея. И развивающе их, показующе мнѣ, обличающе душу мою, и сотвориша, якоже восхотѣша. Сия же имъ творящим, и веселящимся, и душу мою держащим, и внезаапу друг ко другу шептати начаша, и глаголюще: „Михаил* грядет!" Сами же устрашишася, побѣгоша и невидими быша, а мене единаго оставиша на том же мѣсте, идѣже держаша.

Аз же сия от них слышах, яко Михаил грядет и яко Михаилом нарицают, и не вѣдѣх, кто есть. И се абие архистратиг силы Господня Михаил прииде и яко свѣтъ блистаяся, солнечныя лучи испущая, и глагола ко мнѣ: „Послѣдствуй ми". И тако поиде на небеса выспрь. Аз же вослѣдъ его радованною ногою идях безтрудно, яко вѣтром носимъ. Егда же идох на небо, и аз припадох к нему, поклонихся на ногу его и глагола ему: „Господи мой, великий архистратиже Божий! За что тако благодѣтелствуеши мя и руководствуеши раба твоего грѣшнаго? Аз бо к тебѣ не сотворих ни единаго блага, точию се едино помню: написах твой канонъ — и сей за пѣнязь* отдах". Он же рече ми: „Аз ни единаго от человѣкъ требую к себѣ приношения, точию повелѣние Творца нашего совершаю. Порученно бо ми от Бога всѣх крещеных душа к нему водити на поклонение и объявляти вся вѣдущему по повелѣнию его". И доидох до облакъ, облацы же пред нимъ растпахуся. И доидохом до вод, якоже выше облакъ, и до тверди ле-

[1]—[1] вижу, ощущаю себя разделенным на две части; [2] разделенного надвое; [3] еще больше.

деновитой. И видѣх иныя облаки, красны зѣло, яко огненовидны. И потом доидохомъ до небесъ, яже выше вод. Твердь же и воды и небеса разступахуся пред нимъ якоже улицею ввыспрь. И видѣхъ тамо свѣтъ неизреченный. И рече ми архистратигъ Божий Михаил: „Стани, не достоин бо еси тамо итти". Аз же стах. И рече мнѣ: „Поклонися престолу величествия Божия". Азъ же прекрестихся и поклонихся, якоже повелѣ ми, ко свѣту оному, егоже видѣхъ на небесѣх.

И паки архистратигъ обрати лице свое к земли и сниде на землю низу, аз же вослѣдъ его идях. И абие разступися земля, и внидохом в ню. И доидохом до воды, иже под землею, и вода такоже пред нимъ растулися. Под водою же приидохом в мѣста темная нѣкая зѣло, в немже мнѣхъ зрѣти свѣтъ точию от свѣтлости архангеловы. И видѣхъ тамо якоже улицы нѣкия и полаты. И в нѣкую во едину от них внидохом, яко в проходную полату, по обѣма странама имущу окна. На едину же от окон воззрѣ очима своима Михаилъ. И абие разстворися окно, изыде из него огнь горѣ[1] пламенем, яко гром страшен зѣло. И глагола ми архангел Михаилъ: „Се есть мѣсто, идѣже повелѣ быти тебѣ праведный Судия до втораго его пришествия". Аз же, сия услышав от него, зѣло вострепетах, и убояхся, и страхом великим объятъ быв, припадох к ногама его и глагола ему: „Господи мой, великий архистратиже Михаиле! Возможно ли есть грѣшному покаятися и избыти от сея огненныя муки?" Он же, сия слышав, умолча, и отвратися лицем своим от мене, и возведъ очи свои выспрь. И абие разступися вода и земля горѣ, растулишися же облацы, и твердь, и воды яже выспрь, и небеса якоже трубою вверхъ. Архангелъ же горѣ зря. Такоже и аз возрѣвъ и видѣхъ вверхъ яко трубою же даже до оного свѣта, егоже прежде на небеси видѣхъ, не слышах же его глаголюща ничтоже. И паки обрати лице свое ко мнѣ и глагола ми: „Милостивъ ти бысть праведный Судия. И се дал тебѣ сохранити три заповѣди сиа: иже престани от нечистоты и не пити вина и табака. Аще сия сохраниши, избавленъ будеши от муки сея". Аз же с радостию великою и с клятвою обѣщахся сохранити и поклонихся до земли. Он же глагола ми: „Послѣдъствуй ми". И поидохомъ от тоя полаты. И се на другой странѣ тоя улицы — яко полата же, и окна имущи. Михаил же возрѣвъ на едино от них окно, излияся из него смола со огнемъ. И ничтоже ми архангелъ глагола, проидохом мимо якоже улицею. И разступися вода и земля, и изыдохом по тому же пути вверхъ, имже прежде в землю снидохом, и тако изыдохом на землю.

И внезаапу обрѣтохомся на мѣсте, идѣже тѣло мое грѣшное лежаше. И глагола ми архангелъ: „Сохраниши ли заповѣди, ихже рекох?" Аз же паки глаголах ему: „Ей, господи мой, сохраню, точию помилуй мя". И нача его молити и глагола ему сице: „Велика ми есть вѣра, господи мой, во обѣщании моем быти, в Соловецком монастырѣ: да идѣже власы своя остригох, тамо бы и кости своя положити". Он же рече: „Просися у старца, наставника своего. И аще отпу-

[1] вверх.

стит тя, мощно ти есть. А нынѣ, аще хощеши, можеши, тамо шед, помолитися и паки возвратитися и здѣ быти". Аз же отвѣщах: „Ей, господи мой, желаю того и тамо итти помолитися". И се внезапу обрѣтеся нѣкто зовомый Елисѣй,* иже есть в царьствующем градѣ Москвѣ странствуя Христа ради ходил. И сего позвал архангелъ и глагола ему: „Проводи сего до Соловецкаго монастыря помолитися тамо и паки возвратися сѣмо[1]". И абие, не вѣмъ како, обрѣтохся в Соловецком монастырѣ со преждереченным Елисѣемъ, и у гробовъ чюдотворцовых быхом и помолихомся, якоже лѣпо[2] и по чину. Елисѣй же он и во церковь Спасову* внидѣ и благословение прият. Аз же не смѣхъ дерзнути еже в церковь Спасову внити — сего ради, чтобы мене не познали, но стоях во церкви преподобных.* И, тако помолившеся, не вѣмы како, в мегновении ока обрѣтохомся во граде Костромѣ, в немже мати моя живяше. И с нею видѣхся, еще бо тогда жива бяше.

Идущим же намъ от града того путемъ, иже к Москвѣ лежащим, и внезаапу срѣте[3] нас видъ нѣкий бѣсовескъ, женска обличия имущи, простовласы и без пояса. Ошибъ[4] же ея за нею бысть на воздусѣ ввыспрь, яко круг великъ зѣло, всякими бесовскими мечты[5] испещрен. Сама же вопиетъ, велми кричаще, яко обидима или досаждаема от кого. Глас же ея слышашеся к нам сицевъ: „Согнаша сестру мою с Москвы, но обаче не по мнозѣ времяни и всѣ будем к Москвѣ". И мнѣ мнится, яко се есть зовомая кикимора,* иже бысть на Москвѣ не в давных времянех. И тако оно бѣсовское мечтание зайде от очию нашею, мы же своим путем идохом.

И внезаапу обрѣтохомся у тѣла моего, Елисѣй же от мене невидим бысть. И видѣхъ архангела Михаила стояща, и зрях, яко врата растворишася. И глагола ми архангелъ: „Поиди во врата сия". Аз внидох и, не вѣм како, обрѣтохся в тѣле моемъ. И возведъ очи мои, яко от сна возбнувъ[6], и видѣхъ старца нѣкоего сѣдяща с кадиломъ у тѣла моего. И рече ми старецъ: „Мы вси видѣхом, яко мертвъ был еси с полча*са*, и тѣло твое осязахом, и свѣщу ко устом твоимъ приносихом [7]тонкаго ради дыхания[7] твоего. Отнюдъ[8] без дыхания лежал еси — сего ради и кадихом тя. И како нынѣ ожил еси, не вѣмъ, Богъ вѣсть единъ". Аз же о сем не повѣдах ему ничтоже. И потом зѣло изнемогохъ болѣзнию лютою, десять дней не могох брашна вкусити. Аще что и покушахся вкусити, но утроба не принимаше. И тако помалу едва устрабихся от немощи во многи дни и оздравих благодатию Христовою. И пребых во обители Живоначалныя Троицы до Великия четыредесятницы.* Потом посланъ бых от настоятеля обители тоя в монастырьское село и тамо лѣто едино пребых. И забых испытающаго сердца и утробы[9], праведно истязающаго тайная, тамо пребывая, по реченному: муринъ[10] не обеляшеся, и ракъ прямо ходити не научашеся. Наступих бо на ти*м*ѣние[11]

---

[1] сюда; [2] дóлжно; [3] встретил; [4] хвост (воздушный след?); [5] призраками, наваждениями; [6] пробудившись; [7—7] чтобы установить, есть ли дыхание; [8] совсем; [9] ум, мысли; [10] эфиоп, негр; [11] грязь.

грѣховное, избодох ноги моя душевныя, и благия пути погладих[1], и правыя стезя порастих былием лѣностнымъ, и яко в безлунной нощи кривыми стопами жизнь мою измѣрихъ — и сими душу мою помрачих, и в покое тѣлѣснем и во всяком сладострастии живях. И что архангелъ три заповѣди сохранити мнѣ повелѣ, и тѣ всѣ преступихъ. И паки во обитель приидохъ и едино лѣто в ней пребых. И паки послан бысть на службу в другую монастыръскую весь и тамо такожде по прежнему обычаю вся притяжах, яже ненавидит Богъ.

В то же время бысть Божие посещение на люди: прииде бо язва смертоносная, глаголемая пострѣлъ. Язва же та не на долгое время простреся, но обаче кого постреляше, того в третий день и гробу предаяше. В то же время ятъ бых и аз тою же язвою и в лицѣ устрѣленъ наказаниемъ Божиимъ. Носъ мой и лицѣ все опухло бяше, и очи воглубившеся и невидими быша, покрышася кожею иже со главы, яко мѣхомъ, даже и до носа. И отнюдь[2] страшно видѣние бысть зрящимъ на мя. Объятъ же мя страх велий, и вниде трепетъ в кости моя,* во мнѣ смятеся крѣпость моя, и [3]исчезох о обличении моемъ о беззакониих моих[3].* И помышлях в себѣ, яко зол душа моя наполнися, и живот мой аду приближихся,* и яко страшно есть еже впасти в руцѣ Бога живаго.* И помышлях в себѣ виновна быти таковыя язвы грѣховъ ради моих и преступления ради заповѣдей оных, ихже архангелъ мнѣ рекъ сохранити и не соблюдохъ. И сего ради вмалѣ[4] не отчаяхся спасения своего. Обаче уповаю на милость Божию,* вѣде, яко милостивъ и щедръ* есть, дерзнух поискати своей немощи во умѣ, приемъ пророческое слово, глаголюще: „Поражю и аз исцѣлю".* И паки глаголет Господь: „Во гнѣвѣ же моем поразих его и за милость мою исцѣлихъ и́".* И тако язвою тою лютою люди уязвляеми, скорбяще зѣло и умирающе мнози.

И внезапу исцѣление обрѣтше своим болѣзнемъ сицевымъ образомъ. Село есть глаголемая Нерехта, отстоит от града Костромы тридесять поприщь.* В том селѣ есть монастырь девический, и в том монастырѣ во церкви поставлена чюдотворная икона Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы нареченныя Владимерския.* К той тогда притекаху людие мнози и яко от источника приснотекущаго[5] здравие почерпающе, исцѣление приемлюще болѣзнемъ своим, влекущеся прихождаху и скачюще отхождаху в домы своя, радующеся и славяще Христа Бога и Пречистую его Матерь. Слышав же и аз сия неизреченная чюдеса, творимая Богоматерию, и повелѣ себе тамо вести, негли[6] и аз, грѣшный, милостию Богоматере отраду получю своея болѣзни и живъ буду. И яко приидохъ во церковь, идѣже чюдотворная икона Богоматере, и по обычаю молебная пѣния соверших и помолихся Богоматери с вѣрою по силѣ своей, [7]елико мощно[7]. Оле силы твоея, Христе Царю и Богоматере твоея! И якоже окропихъся священною водою, и абие милостию Божиею и молитвами Пречистыя Богородицы, христи-

---

[1] здесь: оставил; [2] очень; [3—3] погиб в обличении моих беззаконий; [4] едва; [5] неиссякаемого; [6] может быть; [7—7] насколько возможно.

3 Зак. № 3610

янския теплыя заступницы и скорыя помощницы, весь здравъ и цѣлъ бых, яко николиже болѣхъ, ни слѣда почюх[1] немощи своея. Идѣже умножися грѣхъ, ту преизбыточествова благодать.* И благодарих Господа Бога, разорителя ада и побѣдителя смерти, и спасшаго от толиких[2] смертоносных бѣдъ и погубления молитвами Матере своея Пресвятыя Богородицы. И помышлях в себѣ, яко ждетъ мя Господь Богъ на покаяние, и гдѣ ключимо[3] есть мнѣ со Давыдом глаголати: „Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ нашъ, творяй чюдеса един.* Слава тебѣ, Боже мой! Наказал[4] мя еси от юности моея, и донынѣ возвѣщу чюдеса твоя и даже до старости и матерства[5]. Боже, кто подобен тебѣ? Елики[6] явил ми еси скорби многи и злы, и обращъ[7] оживил мя еси, и от бѣзднъ земли возведе мя. Умножил еси на мнѣ величествие твое, и обращъ утѣшил мя еси, и от бѣзднъ грѣховных паки возвелъ мя еси".*

И от того времяни начах в чювство приходити о согрѣшениихъ своих. И размышлях в себѣ, глаголя сице, яко сия вся пострадах грѣх ради моих, раждателенъ бо есть грѣхъ казни и смерти. И во всемъ себе зазрѣхъ[8] и сердечныма очима к Богу возрѣвъ, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣков. Аминь».

---

[1] почувствовал; [2] стольких; [3] надлежит; [4] наставил; [5] почтенной старости; [6] какие; [7] обратив; [8] укорил.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

ИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМЪ НОВГОРОДСКОМЪ ДВОРЯНИНЕ ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ, СТОЛНИЧЕЙ *ДОЧЕРИ* НАРДИНА-НАЩЕКИНА АННУШКИ

В Новгородском уезде имелся дворенинъ Фролъ Скобеевъ. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина,* имеласъ дочъ Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинахъ.

И, проведав Фролъ Скобеевъ о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовъ с тою Аннушкой и видить ее. Однако ж умыслил спознатся той вотчины с прикащиком и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилосъ быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме, и в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрелъ Фрол Скобеевъ, что та мамка живет всегда при Аннушки. И какъ пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фролъ Скобеевъ вышелъ за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господинъ Скобеевъ! Не по заслугам моим ко мне милостъ казать изволишъ, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что!» И пошелъ от нее прочъ, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о томъ не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой.

И во время увеселителных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию Святки,* и та столника Нардина-*Нащокина* дочъ Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которыя во близости той вотчины столника Нардина-Нащокина имеет жителство и у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведаетъ, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица, и приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке *пообождати* малое время: «Я схожу к братцу своему, ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и *объя-*

вим». И какъ пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка *от* столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди скажи той мамке, что ты будешъ не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однако жъ не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке.

И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убиратся в девичей уборъ, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что «ежели признает ево, то, конечно, быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки.

Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать. И стали все девицы веселитца разными играми и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать его никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Какъ, мамушка, много наших сестеръ, дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынев денех пять рублев, подарил тое мамку с великим принуждением, и те денги мамка взяла. И Фролъ Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И какъ усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однако жъ, помяну ево к себе два многия подарки: «Добро, господинъ Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покой, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитца, я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, какъ твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою». А на Фрола Скобеева показала: «Сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, какъ водится в свадбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселилисъ. И та мамка велела

тем девицам петъ громогласныя песни, чтоб им крику от нихъ не слыхать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего, и надеется, что [1]конечно будет притчина[1].

И Фрол Скобеев лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фролъ Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеевъ, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство. По том просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб онъ не обнесъ[2] ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна, а девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку взяла за руку и отвела от тех девицъ и стала ей говорить искусно[3]: «Что ты надо мною зделала? Ета не девица со мною была, он мужественной человекъ, дворянин Фрол Скобеев». И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая жа девица, как и протчия. А когда онъ такую безделицу[4] учинил, ведаешь, что у насъ людей доволно, можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка сожелея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть такъ, того мне не возвратить». И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же и Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой, Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разьезжаться по домам своим, також и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девицъ, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошестви трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублев.* И Фрол Скобеев приехал в дом свой, весма рад бысть и делал банкеты, и веселился с протчею своею братию дворян.

И пишет из Москвы отецъ ея, столникъ Нардин-Нащокин, в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала[5] воли родителя своего, собрався вскоре и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того что он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение какъ можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправлятся в Москву, а сестра ево весма о том соболезнуетъ, об отлучении ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот[6] свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник. Ежели что зделается по намерению моему,

---

[1—1] что в конце концов, как-нибудь обойдется; [2] осрамил; [3] испытующе; [4] обман, поругание; [5] не ослушалась; [6] жизнь.

то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастие, то поминай брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву, и стал на квартире близъ двора столника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшествии Литургии вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И какъ вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И какъ мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взела б с собою денегъ 200 *рублев* и отдала Фролу Скобееву. То учинила по воли ея.

И у того столника Нардина-Нащокина имелась сестра, пострижена в Девичьем манастыре. И тот столникъ приехал к сестре своей в манастырь, и сестра ево встретила по чести, брата своего. И столникъ Нардин-Нащекинъ у сестры своея был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб онъ отпустил к ней в манастырь для свидания дочъ свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видаласъ. И столникъ Нардинъ-Нащекинъ обещал к ней отпустить. И просила ево: «Когда и в небытностъ твою дома пришлю я по ея корету и возников[1], чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришлет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошъла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, какъ можно, выпросил корету и с возниками и приехал сам к ней, и сказался, бутто от сестры столника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева манастыря. И там мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказал*а* ему все по приказу ея.

И какъ услышел Фрол Скобеев от мамки, и не ведает, что делать, и не знаетъ, какъ кого обмануть, для того что ево многия знатные персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябида,* ходотайствуетъ за приказными делами. И пришло в памятъ Фролу Скобееву, что весма к нему добръ столникъ Ловчиков. И пошел х тому столнику Ловчикову, и тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками.

И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру и того кучера поил весьма пьяна, а сам убрася в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрела та Аннушк*ина мамка*, что приехалъ Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей,

[1] лошадей.

якобы прислала тетка по нея из манастыря. И та Аннушка убралась, и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева.

И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучеръ Ловчикова не в таком сылном пьянстве, и напоя ево весьма жестока пьяна, и положил ево в карету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныков и с коретою на дворъ. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныки, а кучеръ лежит в корете жесто*ко* пьян, пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучеръ пьян в корете, а кто их на дворъ привел, не знаем». И Ловчиков корету и возников велел убрать и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И наутре стал спрашивать Ловчиковъ того кучера, где он был со Фроломъ Скобеевым, и кучеръ сказал ему: «Толко помню, какъ приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардинъ-Нащокин приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки, то мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в манастырь, для того что она прислала корету и возников». И столникъ Нардин-Нащокинъ сказал: «Изрядно!»

И столникъ Нардин-Нащокин долгое время не бывалъ у сестры своей и надеется, что дочъ его в манастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столникъ Нардин-Нащокинъ поехал в манастырь к сестре своей, долгое время и не видит дочери своей, и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братецъ, издиватся! Что мне делать, когда я бесчастна[1] моим прошением к тебе? Просила ея прислать ко мне; знатно[2], что ты мне не изволишъ верить, а мне время таково нет, чтобъ послатъ по нея». И столникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ сестре своей: «Какъ, государыня сестрица, что ты изволишъ говоритъ? Я о том не могу разсудитъ, для того что она отпущена к тебе уже тому месяцъ, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостяхъ и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никакъ я, братецъ, возников и кореты не посылала, никогда и Аннушка у меня не бывала!» И столникъ Нардинъ-Нащокинъ весма сожелелъ о дочери своей, горко плакалъ, что безвестно пропала дочъ ево. И приехалъ в домъ, сказалъ жене своей, что Аннушка прапала, и сказалъ, что у сестры в манастыре нет. И сталъ мамку спрашиватъ, кто приезжалъ с возниками и с коретою кучеръ. И сказа*ла*, что «из Девичьева манастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о томъ столникъ и з женою весма соболезновали и плакали горко.

И наутре столникъ Нащокинъ поехал к государю и объявилъ, что у него безвестно пропала дочъ. И государъ велелъ [3]учинитъ публику[3] о ево столничей дочери: «Ежели ея кто содержит тайно, чтоб объявили! Ежели кто ея не объя-

[1] здесь: обижена невниманием; [2] видно, понятно; [3—3] объявить розыск.

вит, а после обыщется, то смертию казненъ будетъ!» И Фролъ Скобеевъ, слышав публикацию, не ведаетъ, что делатъ. И умыслил Фролъ Скобеевъ, чтоб итить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиковъ весма к нему добръ. И пришелъ Фрол Скобеевъ к Ловчикову, имел с ним много разговоров, и столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобеева: «Что, господинъ Скобеевъ, женился ли?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». — «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господинъ Скобеев, живи уже постоянно[1] отстань за ябидою ходить, живи в отчине[2] своей, лутче здравию».

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчика, чтоб он был предстателем[3] ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся!» И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардина-Нащокина дочъ Аннушка у меня, и я женился на ней». И столникъ Ловчиков сказал: «Какъ ты зделал, такъ сам и ответствуй!» И Фрол Скобеев сказалъ: «Ежели ты предстателствовать не будешъ обо мне, то и тебе будет не без чево[4]: мне уже пришло[5] показать на тебя, для того что ты возников и корету довал. Ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящей ты плут, что ты надо мною зделал? Добро, какъ могу, будут предстателствовать!» И сказал ему, чтоб завтрешней день пришел в Успенской собор: «И столникъ Нардин-Нащокин будет у обедни, и я с ним буду. И после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площеди, и в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери. А я, какъ могу, о том буду предстателствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни, и столникъ Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники все были. И по отшестви Литурги в то время в собрани на Ивановской площеди* против Ивана Великого, и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что имъ надобно. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столникъ Ловчиковъ разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришелъ Фрол Скобеевъ и отдал всем столникам, какъ по обычаю, поклонъ. И все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех столников палъ пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину и просит прощения: «Милостивой государъ, столникъ первы! Отпусти виновнаго, яко раба, которой возымелъ пред вами дерзновение». И столник летами древенъ, однако жъ еще усмотретъ могъ, натуралною клюшкою подымаетъ Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таковъ, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти!»[6] И столникъ Ловчиковъ подшел к Нардину-Нащокину и ска-

---

[1] порядочно; [2] здесь: в вотчине; [3] заступником; [4] и до тебя дело дойдет; [5] я уже решил; [6] прости.

зал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев». И столникъ Нардинъ-Нащокинъ закричалъ: «Встанъ, плут! Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе, а когда несносно, как хочешъ. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встанъ, скажи, что твоя вина!»

И Фрол Скобеев встал от ногъ ево и объявил ему, что дочъ ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекинъ услышалъ от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался, и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделалъ? Ведаешъ ты о себе, кто ты таков? Нетъ тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Поиду к государю и стану на тебя просить о твоей плутской ко мне обиде!» И вторително пришелъ к нему столникъ Ловчиков и стал ево разгаваривать[1], чтоб онъ вскоре не возымел докладу к государю: «Изволишъ сьездить домой и объявить о семъ сожителнице своей и посоветуй обще! Какъ к лутчему уже быть, такъ того времяни не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуды не может скрытца». И столникъ Нардин-Нащокинъ совету столника Ловчикова *послушал* и не пошел к государю, и сел в корету, и поехалъ в домъ свой. А Фролъ Скобеев пошелъ на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будетъ намъ с тобою, не ведаю! Я объявилъ о тебе отцу твоему!»

И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приехал в дом свой и пошелъ в покои, жестоко плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешъ, я нашелъ Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказалъ жене своей: «Вор-от, плут и ябедникъ Фролъ Скобеев женился на ней!» Жена его услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в серцах своих бранят дочъ свою и проклинают и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека и сказать, где он, плут, живет, и проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали человека своего, и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человекъ искать квартиру Фрола Скобеева на дворъ. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришелъ человек, и велел жене свое лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человекъ вошелъ в покои и отдалъ, как по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человекъ и каку нужду имеешъ ко мне?» И человекъ тот сказал, что онъ присланъ от столника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишъ ты, мой другъ, какое здравье! Таков-та родителской гневъ: видишъ, они заочно бранят и кленутъ, и оттого она при смерти лежит. Донеси ихъ мило-

[1] отговаривать.

сти: хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человекъ тот отдал им поклон и пошел от них.

И пришелъ к господину своему, столнику Нащокину. И спросил ево: «Что, нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человекъ тот обьявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива «и требует от вас хотя словесно заочно благословение». И столникъ и з женою своею соболезновали о н*ей*, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Богъ судил. Надобно, другъ мой, послать к ним образъ и благословить их, хотя заочно. А когда сердце наше умилостивитца к ним, то можем и сами видится». Сняли *с* стены образъ, которой обложен был златом и драгим камением, како прикладу всего на 500 ру*блев*, и послали с тем человеком, и приказали сказать, чтоб она сему образу молилась, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб онъ ево не проматалъ».

И человекъ приняв образъ и пошелъ на дворъ Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришедъ тот же человекъ, сказалъ жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала и села вместе со Фролом Скобеевым. И человекъ тот вошелъ в покои и отдает образъ Фролу Скобееву. Приняв образъ, поставил, где надлежит, и сказалъ тому человеку: «Таково-то родителское благословение: и заочно намерены благословить, и Богъ далъ, Аннушке лехче, слава Богу, здрава!» И сказал Фролъ Скобеев: «Также и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родителскую милостъ». И человекъ пришел к господину своему и обьявил об отдани образа и о здравии Аннушки, и о благодарени их, и пошелъ в показанное свое место.

И столникъ Нардинъ-Нащокинъ сталъ разсуждать и сожелеть о дочери своей, и говорил жене своей: «Какъ, другъ, быть? Конечно плут заморитъ Аннушку: чем ея кормить, и сам, какъ собака, голоденъ. Надобно послать какова запасу на 6 лошедях». И послали запасъ и при том запасе реэстръ. И Фрол Скобеевъ не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место, и приказалъ тем людем за их родителския милости благодарить. Уже Фролъ Скобеевъ живетъ роскочно и ездит везде по знатным персонам. И весма Скобееву удивлялисъ, что онъ зделал такую притчину так смело.

И уже чрезъ долгое время обратились сердцем и соболезновали о дочери своей, також и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним и просить ихъ, чтоб Фролъ Скобеев и з женою своею, а сь ихъ дочерью, приехал к столнику Нардину-Нащокину кушать. И пришелъ присланной человекъ и стал просить Фрола Скобеева, чтоб онъ изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказалъ человеку: «Донеси батюшку: готовъ быть сей день кь их милости!»

И Фролъ Скобеевъ убрался з женою своею Аннушкою, и поехалъ в дом тестя своего, столника Нащокина. И какъ приехалъ в дом тестю, и Аннушка

пришла к отцу своему, и пала пред ногами родителей своих. Усмотрилъ Нащокинъ дочь свою и з женою своею и стали ея бранитъ, наказывать гневом своим родителским. И, смотря на нея, жестоко плакали, какъ она такъ учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весъ свой гневъ родителской, отпустя ей вину, и приказалъ сестъ с собою. А Фролу Скобееву сказалъ: «А ты, плут, что стоишъ? Садисъ тут же. Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?» И Фрол Скобеев сказалъ: «Ну, государъ-батюшка, уже тому такъ Богъ судил!» И сели все вместе кушать. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ людем своим, чтоб никого в дом посторонних не пущали: «Ежели кто приедет и станет спрашивать, что дома ли столникъ Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видить столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает».

И по окончании стола столникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашивалъ: «Ну, плутъ, чем станешъ жить?» — «Изволишъ ты ведать обо мне: более нечим, что ходить за приказным деламъ». — «Перестанъ, плут, ходить за ябедою! И имения имеется, вотчина моя, в Синбирском уезде, которая по переписи состоит въ 300-х сот дворех. [1]Справь, плут, за собою[1] и живи постоянно!» И Фрол Скобеев отдалъ поклонъ и з женою своею Аннушкой и пренося пред ним благодарение. «Ну, плутъ, не кланейся, поди сам справляй за себя!» И сидев немного время и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столникъ Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говоритъ: «Ну, плут, чем ты справишъ? Ест ли у тебя денги?» — «Известенъ, государъ-батюшка, какия у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продавай! Возми денегъ, я дамъ». И приказалъ дать 300 ру*блев*, и Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру.

И со временем справил тое вотчину за себя. И пожив столникъ Нардин-Нащокин немного время и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимомъ и недвижимом имени. И сталъ жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столникъ Нардин-Нащокинъ умре и з женою своею. А Фрол Скобеев после смер*ти* отца своего сестру свою родную отдалъ за некоторого столничьева сына, а которая при них имеласъ мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея.

Сей истори*и* конецъ.

---

[1]—[1] оформи, перепиши на себя.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

ПОВЕСТЬ О НЕКОТОРОМ ГОСТЕ БОГАТОМ И О СЛАВНОМ О КАРПЕ СУТУЛОВѢ И О ПРЕМУДРОЙ ЖЕНЕ ЕВО, КАКО НЕ ОСКВЕРНИ ЛОЖА МУЖА СВОЕГО

Бѣ некто гость велми богат и славенъ зело, именемъ Карпъ Сутуловъ, имеяй жену у себя, именем Татиану,* прекрасну зело. И живяше онъ с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуще во граде некоемъ, и в том же граде другъ бысть велми богат и славенъ, и веренъ зело во всем, именемъ Афанаси Бердов.* Тому ж преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челомъ другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме Афанасе! Се ныне приспе мнѣ время ехати на куплю свою в Литовскую землю, азъ оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейши друже, жену мою, о чем тебѣ станет бити челомъ, во всем снабди. Аз приеду от купли своей, буду тебѣ бити челом и платитися». Другъ же его Афанасий Бердовъ глаголя ему: «Друже мой Карпе, аз радъ снабдевати жену твою». Карпъ же шедъ к жене своей и сказа ей: «Аз былъ у друга своего Афанасия и би челомъ ему о тебѣ, аще какая без меня тебе будетъ нужда в денгахъ, да снабдить тебя во всемъ другъ мой Афанасий; рекохъ мнѣ онъ: „Аз радъ снабдевати без тебя жену твою"».

Карпъ же наказа и жене своей Татиане тако: «Госпоже моя Татиана, буди Богъ между нами. Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ, азъ тебѣ оставляю денегъ на потребу *на* что купити брашна на добрыхъ женъ, на своихъ сестеръ, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денегъ, и онъ тебе дастъ сто рублев, и ты, чай, темъ до меня и проживешь. А моего совѣту блюди, без меня не отдавай и ложа моего не скверни».

И сия рекъ, отиде на купл*ю*. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многия добрыя жены частыя пиры, и веселеся с ними велми, воспоминая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому 3 года, какъ поеде мужъ мой, она же

шетъ ко другу мужа своего, ко Афанасию Бердову, и рече ему: «Господине другу моему, друже мужа, мужа моего! Даждь ми сто рублев денегъ до мужа. А муж мой Карпъ, когда поехал на куплю свою и наказал, — наказал: „Егда до меня не станетъ денегъ на потребу на что купити, и ты поиди моимъ словомъ ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себѣ брашна денегъ сто рублевъ". И ты же нынѣ пожалуй мнѣ на потребу на брашна денегъ сто рублевъ до мужа моего. Егда мужъ мой приедет от купли своей, и тогда все тебѣ отдастъ». Онъ же на ню зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая к ней плотию своею, и глаголаша к ней плотию своею: «Азъ дамъ тебѣ на брашна денегъ сто рублевъ, толко лягъ со мною на ночь». Она же о том словеси велми засумневашася, и не ведаетъ, что отвещати, и рече ему: «Азъ не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго»; и рече ему: «Иду и вопрошу отца своего духовнаго, что ми повелитъ, то и сотворю с тобою».

И шед вскоре, и призвавъ к себѣ отца своего духовнаго, и рече ему: «Отче мой духовны, что повелиши о семъ сотворити, понеже мужъ мой отиде на куплю свою и наказавъ мне: „Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денегъ, чемъ до меня, и ты жъ иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и онъ тебе по моему совету дастъ тебе денегъ сто рублевъ". Нынѣ же мнѣ у меня не доставшу сребра на брашна, и азъ идохъ ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: „Азъ ти дамъ сто рублевъ, толко буди со мною на ночь спать". И азъ не вемъ, что сотворити, не смею тебѣ, отца своего духовнаго, того с нимъ сотворити без повеления твоего, и ты ми сотворити повелиши?» И рече ей отецъ духовный: «Азъ тебе дамъ и двести рублевъ, но пребуди со мною на ночь». Она же о томъ словеси велми изумилася и не ведаетъ, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: «Дай ми, отче, сроку на малую годину».

И шедъ от него на архиепископовъ двор тайно, и возвести архиепископу: «О, велики святы, что ми повелеваеши о семъ сотворити, понеже мужъ мой купецъ славен зело, Карпъ Сутуловъ, отиде на куплю свою в Литовскую землю, се уже ему третие лето, и после себя оставилъ мне на потребу денегъ. Отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него. И как мужъ мой *поехал* на куплю свою и наказалъ мне: „Аще ли не достанетъ тебѣ денегъ, чемъ до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и онъ по моему приказу дастъ тебе на потребу на брашна денегъ сто рублевъ, на потребу брашна". И азъ шедъ нынѣ ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себѣ денегъ до мужа своего сто рублевъ. Онъ же рече ми: „Азъ дам тии сто рублевъ, толко лягъ со мною на ночь". И азъ не смела того сотворити без повеления отца своего духовнаго, и шед ко отцу своему духовному, и вопроси о семъ отца своего духовнаго, что ми повелит. Он же рече ми: „Аще ты со мною сотворишь, азъ дам ти и двести рублевъ". И азъ с нимъ не

смела того сотворить». Архиепископ же рече: «Остави обоихъ ихъ, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и азъ дамъ тебе и триста рублевъ». Она же не ведаетъ, что ему отвещати, и не хотяше таковыхъ словъ преслушати, и рече ему: «О, велики святы, како я могу убежати от огня будущаго?»* Онъ же рече ей: «Аз тя во всемъ разрешу».*

Она же рече, повелеваетъ ему быти в третием часу дни. И тако шедъ ко отцу своему духовному и рече ему: «Отче, будь ко мнѣ въ 6 часу дни». Потом же иде к другу своего мужа, ко Афанасию Бердову: «Друже мужа моего, приди ко мнѣ в 10-м часу дни».*

Прииде же ныне архиепископъ, она же встретила его с великою честью. Онъ же велми разжигая плоть свою на нея, и принесе ей денегъ триста рублевъ, и даде, и хотяше пребыти с *нею*. Она же рече: «Что требуеши облещи на ся одежду ветхую самую пребыти со мною; в нейже пребываеши пр*и* многоцветущемъ народе и Бога славиши, в том же и самому паки к Богу быти». *Он* же рече: «Не виде никто мя и в етомъ платеи, что мне и оно облещи, но некоему насъ с тобою видети». Она же рече ему: «Богъ, отче, вся видит деяния наша, аще от человѣка утаимъ странствие наше, но онъ вся весть, обличения не требуетъ. И самъ-то Господь не придетъ с палицею на тя и на вся злотворящаго, таковаго человѣка зло пошлетъ на тя, и тот тя имат бити, и безчествовати, и предати на обличение протчимъ злотворящимъ». И сия глаголаше ко архиепископу. *Он* же рече ей: «Толко, госпоже моя, не имею никакой иные одежды, какие в мире носятъ, разве азъ тебѣ требую какую ни есть одежду». Она же даде ему свою женскую срачицу[1], якоже сама ношаше на теле, а тот санъ сняше с него и вложиша и҆ себе в сундукъ, и рече ему: «Азъ кромѣ *сея* одежды не имею в дому своемъ, понеже отдала портомоице, что носяше мужъ мой». Архиепископъ же с радостию взяше и воздѣ на себѣ з боромъ[2] женскую рубаху: «На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую *пребыти* с тобою». Она же отвещаше к сему: «Се азъ сотворю, но еще прежде покладимся[3] со мною».

И в то время прииде ко вратомъ попъ, отец ея духовны, по приказу ея и принесе ей с собой денегъ двести рублевъ, и началъ толкатися во врата. Она же скоро возрѣ в окошко и восплеска рукама своима, а сама рече: «Благъ Господь, понеже подаст ми безмерную и превеликую радость». Архиепископъ же рече: «Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Се мужъ мой от купли приехалъ, аз же в симъ времени ожидала его». Архиепископъ же рече ей: «Госпоже моя, гдѣ мнѣ деватися срама ради и безчестия?» Она жъ рече ему: «И ты, господин мой, иди в сундукъ и сиди, и аз во время спущу тя». Он же скоро шедъ в сундукъ, она же замкнула его в сундуке. *Поп же* идя на крылцо, она же встретила его, он же даде ей двести рублевъ и нача с нею глаголати о

---

[1] сорочку; [2] со сборками; [3] уговоримся.

прелюбезных словесехъ. Она же рече: «Отче мой духовный, какъ еси ты прелстился на мя? Единаго часа *ради* обоимъ с тобою во веки мучитися». Попъ же рече к ней: «Чадо мое духовное, что аз ти скажу, аще ли в коемъ греси Бога про*гнев*ляеши и отца своего духовнаго, то чемъ хощеши Бога умолити и милостива сотворити?» Она же рече ему: «Да ты ли, отче, праведны судия? Имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?»

И глаголющим имъ много, ажно ко вратом гость богатъ, другъ мужа ея, Афанасий Бердов и нача толкатися во врата. Она же скоро прискочила к окушку и погляде *за о*конце, узрѣ гостя богатаго, друга мужа своего, Афанасия Бердова, восплеска рукама своима и поиде по горнице. Поп же рече к нея: «Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехалъ и что ты радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Видиш ли, отче, радость мою, се же мужъ мой от купли приехал ко мнѣ и светъ очию моею». Попъ же рече ей: «Побѣда[1] моя! Где мнѣ, госпоже моя, укрытися срама ради?» Она же рече ему: «Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, грѣха смертнаго; единою умрети, а грехъ сотворяй мучитися имаши во веки». И во оной храмине указа ему сундукъ. *Он* же в одной срачицѣ и без пояса стояше. Она же рече ему: «Иди, отче, во иной сундукъ, азъ во время испущу тя з двора своего». Он же скоро шедъ в сундукъ. Она же замкнула его в сундуке и шедъ скоро пусти к себѣ гостя. Гость же пришедъ к ней в горницу и даде ей сто рублей денегъ. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ея велми прилежно. Она же рече ему: «Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? А не ли же некоему человѣку мнози люди похвалиша жену, она же зело *зла бяше*, он же целомудренны тогда похвалу».* Онъ же рече ей: «Госпоже моя, егда азъ насыщуся и наслаждуся твоея красоты, тогда прочь отиду в домъ свой». Она же не ведаше, чимъ гостя того от себя отвести, и повелѣ рабѣ вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своея шед *вон* и начаше у врат толкатися велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: «О, всевидимая радость, о, совершенныя моея любви, о, свете очию моею и возделесте души моея радость!» Гость же рече к ней: «Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошкомъ?» Она же рече к нему: «Се мужъ приехалъ от купли своея». Гость же послыша от нея таковыя глаголы и нача по горнице бѣгати и рече к ней: «Госпоже моя, скажи мнѣ, где от срамоты сея укрытися?» Она же указа ему 3 сундукъ и рече ему: «Вниде семо, да по времени спущу тя». Он же скоро кинулся в сундукъ. Она же замкнула его в сундукѣ томъ.

И на утре шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводѣ,* чтоб вышелъ к ней. И рече к ней: «Откуда еси жена пришла и почто ми велела вытти к себѣ?» Она же рече к нему: «Се язъ, государь, града сего гостиная жена, знаеш ли ты, государь, мужа моего, богатого купца, именемъ Сутуловъ?» *Он* же

---

[1] беда.

рече к ней: «Добрѣ знаю азъ мужа твоего, понеже мужъ твой купецъ славенъ». Она же рече к нему: «Се уже третие лето, какъ мужъ мой отиде на куплю свою и наказал мне взяти у него купца, купца же града сего, у Афанасия, именемъ Бердовъ, сто рублевъ денегъ — мужу моему другъ есть, — егда не достанетъ. Азъ же деяше после мужа своего многия пиры на добрыхъ женъ, и ныне мнѣ недоставъши сребра. Азъ же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца оного дома не получила, у которого велел мне мужъ мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублевъ, азъ тебѣ дамъ три сундука в заклатъ з драгими ризами и многоценными». И воевода рече ей: «Азъ слышу, яко добраго мужа есть ты жена и богатаго, аз ти дам и без закладу сто рублевъ, а как Богъ принесетъ от купли мужа твоего, азъ и возму у него». Тогда она же рече ему: «Возми, Бога ради, понеже ризы многия и драгия велми в сандукахъ техъ, дабы тати[1] не украли у меня сандуковъ техъ. Тогда, государь, мнѣ от мужа моего быть в наказании, в те поры станет ми говорить, ты бы де положила на соблюдение человѣку доброму до меня». Воевода же слышавъ, велел привести вси три сундука, чаяше истинно драгия ризы.

Она же шед от воеводы, взяша воевоцкихъ людей пять человѣкъ, с коими и приехаша к себѣ в дом и поставиша, и к себе в дом приехаша опять с ними, и привезоша сундуки на воевоцки двор, и повеле воеводѣ, повелеша она воеводѣ ризы досмотрити. Воевода же повелѣ ей сундуки отпирати, и открыша все 3. И видяше во единомъ сундуке гостя седяща во единой срачице, а в другомъ сундуке попа во единой же срачице и без пояса, а в третиемъ сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса. Воевода же видя ихъ таковыхъ безчинныхъ во единых срачицахъ седяща в сундукахъ и посмеяхся, и рече к нимъ: «Кто васъ посади тутъ в одныхъ срачицахъ?» И повелеша им выти из сундуковъ, и быша от срамоты, яко мертвы, посрамлени от мудрыя жены. И падше они воеводе на нозе, и плакася велми о своемъ согрѣшении. Воевода же рече имъ: «Чесо ради плачетеся и кланяетеся мнѣ? Кланяйтеся жене сей, она бы вас простила о вашемъ неразу*мии*». Воевода же рече пред ними и жене той: «Жено, скажи, жено, коихъ в сундукахъ запирала?»

Она же рече к воеводѣ: «Какъ поехалъ мужъ мой на куплю свою и приказал мне у гостя того просить денегъ сто рублевъ, и какъ Афанасию ходила просити денегъ сто рублевъ, и како гость той хотя со мною пребыти». Такоже поведа *про* попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часехъ приходити, и како ихъ обманывала и в сандукахъ запирала. Воевода же, сие слышав, подивися разуму ея, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: «Доброй, жено, заклат твой и стоит техъ денегъ». И взя воевода з гостя пятьсот рублевъ, с попа тысящу рублевъ, со архиепископа тысящу пятьсот рублевъ и повелеша воевода ихъ отпус-

[1] воры.

тить, а денги с тою женою взяша и разделиша пополам. И похвали ея целомудренны разумъ, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла иму, ложа своего не осквернила.

Не по многемъ времени приехал мужъ ея от купли своей. *Она* же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми мужъ ея о том возрадовася.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, КУПИВШЕМ МЕРТВОЕ ТЕЛО И СТАВШЕМ ЦАРЕМ

ПОВѢСТЬ О НЕКОТОРОМЪ КУПЦЕ, КАКО МЕРТВОЕ ТЕЛО У ЖИДОВИНА СКУПИ И ЦАРСТВО СЕБѢ ПРИОБРЕТѢ

В некоторой стране живяше купецъ *славный* и богобоязнивъ, и нищелюбив, имея у себя жену велми благообразну и благонравну, имяше же у себя единаго сына, первенца, в малых летех, которого велми любляше и Бога о нем моляше. По некотором времени и сын их хождаше по торгу и пременяяся к товаром, которой товар и по какой ценѣ купитца и [1]по чему[1] надлежит ево продать. И прииде ко отцу своему и рече ему: «Отче, аз нынѣ бых на торжище и пременился к товаромъ и *такой* товар давал по такой ценѣ, а надлежит ево продать по такой же ценѣ». Отецъ ево слыша от него такой разум и прииде к жене своей, и рече женѣ: «Госпожа моя! Сей сынъ нашъ хощет быть в торгу смыслом лутче меня и хощет жити *славнѣе* и богатее». Мати же его о том велми радовашеся о разуме сына своего.

По некоторых днех сташа збиратися родственники того купца за моря торговать. Сынъ же купцев услыша то и прииде ко отцу своему и рече: «Государь мой милостивый батюшка и милостивая матушка, сотворите надо мною свое отеческое милосердие! Нынѣ збираютца дядья за моря торговать. Дайте мне триста рублев и отпустите с ними!» Отецъ же его даде триста рублевъ и отпусти, и наказа родственником своим, дабы его ни в чем ни покинули. Онъ же поклонишася им, и поехаша в корабле.

[2]По *наказании*[2] же сына своего, и вручи родствеником своимъ, даде ему триста рублевъ, и отпустиша с великою печалию. Сынъ же купцевъ вземъ у отца и матери деньги, взял и благословение получилъ, паде, поклонися имъ, и сяде на корабль.

И ехоша три года и три месяца по морю, и приехаша в царство *некоего* града, и престаша у брегу. Они же взяша дары и поидоша к царю, потомъ ста торговати и такожъ и товаровъ закупати. *Купецкий* же сынъ, ходя за ними, применяяся к товаромъ и ничего не купитъ.

[1—1] по какой цене; [2—2] после того, как дал наказ.

Потомъ же выде на площетъ и видехъ: по торжищу жидовинъ немилостивно мертвое тѣло влачаше; *он* же, не смея к нему приступити и вопрошаше, чесо ради волочитъ. Потомъ же виде во вторый и в *третий* — жидовин паки то тело влачаше.

Он же приступи к нему и вопроси жидовина: «Чесо ради сие ты мертвое тѣло волочишъ?» Жидовин же отвеща ему: «За то сие мертвое тело влачу: сей человек бысть християнин и взяша у меня [1]в животе своемъ[1] взаемъ денегъ триста рублевъ. Я же у него просяше, онъ же мнѣ не отдаде, в том и умре. Послѣ умертвия его прихождаше к *сродникомъ* его и просяше, они же мнѣ не отдаша, и я вынул его из могилы и таскаю по торжищу имъ в поругание и в посмеяние, дабы они мертвое тело скупили». Купецкий же сынъ рече: «Жидовине *немилостивый*, отдажъ ми сие тело *мертвое*, а у меня возьми за него триста рублевъ!» Жидовинъ же рад о томъ бысть и взя у него деньги, а тело мертвое отдаде ему.

Потом же тот *купецъкий* сынъ взяша *тѣло* и не ведаетъ, куды схоронити, и не смеет идти к дядемъ своимъ на корябль, и размышляше *в* себѣ: «Како я приду и что себѣ сотворю? Сродники мои меня спрошают, что за товар купилъ, и станут мнѣ смеятца, такожъ скажут отцу моему, и мнѣ от того будет великой срамъ, а родителемъ моимъ — велия[2] печаль. Не поиду нынѣ к нимъ и не скажю, и поиду на другую страну пристанища морскаго, и наиду корабелщиковъ иных, авось либо поверятъ и свезут ко отцу моему!» Тело же спрята во удобное мѣсто, а самъ поидоша искати корабля.

И придоша на пристанища морское и видеша корабль. Онъ же имъ, падъ, поклонися. Они же вопросиша его, *что* за человекъ, ис которого града и чесо ради семо пришел еси. Он же имъ поведа всю правду: «Аз, *господие*, такого града и такого отца сынъ». Они же реша ему: «Мы знаемъ добрѣ отца твоего. Токмо чесо ради семо[3] пришелъ?» Онъ же отвеща имъ: «Аз егда поехалъ от *отца* своего с сродниками своими в сие царство с товаромъ, и на море корабль нашъ разбиша, а мы вси оскудеша и нынѣ не имеемъ, что дати *в* наемъ — доехати до отца моего». Они же реша ему: «Мы отца твоего знаемъ. Садися в *корабль* без *найму*, мы довеземъ тя до отца твоего». Он же паки, пад, поклонися имъ: «Господа мои милостивыя! Азъ зде бых з дядею своимъ. Он же, дядя мой, с такой печали, что корабль разбиша, и умре, а похоронить в семъ царстве негдѣ, понеже некрещеные живутъ». Они же реша ему: «За хлебъ, за соль отца твоего не токмо единое мертвое тело клади в корабль, хотя десять!» Онъ же велми о томъ возрадовася, и принесе мертвое тѣло, и положиша в корабль, и поплы по морю.

Сродники же ево хватишася и ста по граду *искати*, и не обретоша нигде. И поехаша до *царства* своего. И какъ приехаша ко отцу *ево*, отецъ же ево и мати вопросиша о сыне своемъ. Они же поведаша: «Не *вемы*, где осталъ». Они же, отецъ его и мати, горко о томъ плакаше, о *разлуки* сына своего.

---

[1]—[1] при жизни своей; [2] великая; [3] сюда.

Сынъ же купцев съеха со ономи купцами и приеха ко острову, на *немже* манастырь чудотворца Николая.* А как купцы сташа с коробля и поидоша молебное пение *воздавать*. Онъ же сниде с корабля и пад, и имъ поклонися: «Господа *мои* милостивыя, аще вы отца моего знаете, то *сотворите* такую любовъ, дайте мнѣ сто рублев. А когда ко отцу моему приедемъ, *то* въторицею[1] имамъ вамъ заплатити». Они же даша ему. Онъ же наня ерыжных[2] и отнесе мертвое тело в монастыръ, и погребѣ его чесно, и разда по немъ сорокоусты.* Сам же размышляше: «Что я *сие* сотворил? Четыреста рублевъ истратилъ, а что купил, не вемъ! И то отцу моему донесетца, великую скорбь возсприму, а мнѣ великую срамоту доспеетъ. Поиду и куплю лошеть, и поеду от нихъ прочь сухимъ путемъ, и приеду ко отцу своему, выпрошу на выкупку товаровъ еще сто рублевъ и поеду, куды *очи* несут, чтобъ родителемъ моимъ не было печали». И купи лошеть и поехал сухимъ *путемъ*. Они же поехаша восвояси.

Он же приехаша ко отцу своему и, падъ, поклонися ему. Отецъ же велми милостивно его приятъ и возрадовася, и во слезах едва слова изрекли: «О, чадо нашъ *дражайший*, откуда еси семо пришел и како, чадо наше, и где такое многое время пребых?» Он же имъ отвеща: «Аз же приехавъ, отче, *с* сродникоми своими в то царство, о которомъ они тебѣ возвещали, и, умедлихъ на час, купих товару на четыреста рублевъ, которой стоитъ десяти тысячь. У *дядевъ* своих стал денех просить, они же мне не даша, зна-де, что товар дешевъ купилъ. И оставиша меня в томъ царстве, а сами уехаша. Я же, отче, пришед на другую страну к пристанищу московъскому, и, пад, поклонися имъ. Они жъ меня вопрошаша, которого царства и какова чину». Он же имъ *об* отце поведал, и о царстве, и о роде. Они же сказаша, что «мы родителя твоего *знаемъ* и хлебъ-соль с нимъ *водимъ*». Я же у них попрос*и* сто рублевъ на оной таваръ. Они же мнѣ даша, и я с ними, отче, приехал, еже видиши мя». Отецъ же его вопроси: «Да где тот таваръ, который ты купил?» Он же отвеща: «Я, отче, оставих у нихъ, *а послали* меня к тебѣ, дабы сто рублевъ дал, а товаръ взялъ». Отец же его даде ему сто рублевъ, чая, что вправду товаръ принесетъ.

Он же взявъ сто рублевъ и поехавъ от отца, куды очи несутъ. И *ехаша* многа дней и много нощей, и плакаше горко и рыдая о разлучении родителей своихъ, такожде и от наследства.

И приеха к великому непроходимому лесу, чрез которой лежат две дороги: одна через лесъ, а другая кругомъ лесу. Онъ же размышляя, како ему ехать, и которою *дорогою*, и в которое царство. И плакашеся горко и размышляя *в* себѣ: «Аще бо кто мнѣ нынѣ послужил, то бы я дорогою ценою поредил»[3]. Внезапу виде в лесу на дороге стоит человекъ велми великъ, в руках держитъ клещи железныя. Онъ же велми ужасеся, чая, что стоит разбойникъ, не смея к нему

[1] вдвойне; [2] слуг; [3] нанял.

ехати, измышляя: «Лутче мнѣ зде одному умрети, нежели родителемъ моимъ велию скорбь привести». И поехал к нему прямо.

И приеха к нему, вопроси его, что за человекъ и которого града. Он же сказа ему все поряду: «А езжжу я по разным государствамъ для торгу *и* торговых извычаевъ[1] других государствъ». Купецъ же вопраси предстоящего: «А ты что за человекъ?» Он же ему повѣда: «Аз есмь ищу господина, у кого бы нанятца служити». Купецъ же о сем велми возрадовался и рече: «*Человече*, поиди ко мне во служение, аз имамъ дати великую плату». Онъ же отвеща: «Готовъ тебе служити, токмо сотворим мы с тобою обѣт, чтобъ тебе мяня во всемъ слушатца. А ежели слушатца не будешь, то не иду к тебѣ во служение». Купецъ обѣщая ему тако сотворити.

И чрез тотъ лесъ лежаще две дороги: одна — чериз лес, а другая — кругомъ лесу. Онъ же *вопроси* его: «Сие дороги в которое царство лежатъ? В разныя *царства* или в одно царство?» Онъ же сказа ему, *что сии две дороги* лежат к одному царъству. Купецъ же рече: «Для чего две дороге и которая ближе?» Человек же рече: «Кругомъ лесу — тысяча верстъ, а чрезъ лесъ — пятьсотъ веръстъ. И кругомъ лесу ехать — никакой нетъ опасности, а чрезъ лесъ, хотя и ближе, точию по ней великой разбой, никому проезду нетъ». Купецъ же рече: «Лутче намъ ехать кругомъ лесу, здоровие будетъ». Слуга же отвеща: «Поедемъ прямою дорогою, чрезъ лесъ, ближе до царства». Купец рече: «Не хощу ехать». Слуга же рече: «Да ты меня слушатца обещалса». Он же не преступи слова своего.

Поехали чрезъ лесъ. И как быша среди лесу на поле, и тутъ стоит дворъ превеликой, в которомъ разбойники живутъ. Разбойники же, видя ихъ, что стоящы в думе, и все бежаша из храмины[2] и спряташася во единъ анбаръ, хотя их сонныхъ погубити. Слуга же все то видя, а господинъ ево не виде ничего сего, спрошаше у него о дворе: «*А сей двор чей?*»* Слуга же отвеща: «Сей двор постоялой, тут намъ начевать». И стало на дворе смеркатца, слуга рече: «Господине, начуй здесь, а я поиду на двор к лошаде спать». Он же велми о томъ печаленъ бысть и не хотяше остатися во храмине и хотяще ити с нимъ на дворъ спать, *с* слугою. Слуга же рече: «Да ты хотел, господине мой, во всемъ меня слушетца, а нынѣ ты меня преслушаешь!» Он же с *великою* печалию и со страхомъ остася начевать во храмине. Слуга же поиде и легъ спать в телеге.

И едва приде полночь, разбойницы же *совещаша* в онбаре промеж собою и хотяше ихъ погубити. Слуга же, слыша тот ихъ совет, воста и взя клещи, и стал у притолоки дверей. Разбойники же един по единому стали из онбаря *выходити*. Он же их клещами хваташе по единому за голову, и примаше их за шею, и дави их в руду[3]. Разбойники же видеша, что ихъ единъ человекъ подавляше, уже и не смеяша из *анбаря* вон выходить. Слуга же купцевъ вниде в онбаръ

---

[1] обычаев; [2] дома; [3] в кровь.

и передавиша всех до смерти, и покладе всех в онбаре, и запре их. Какъ свету светающу, поиде во храмину к господину своему. Господин же его не спит от страха, яко *един* начеваше, а того не ведаше, что *слуга* их, *разбойниковъ*, подави. И запрягши лошедь, и поехали до царства.

И приехаша во царство и ста на постояломъ дворе. Егда же сташа, купецъ же по обычею поиде по царству и применяяся ко всякимъ товаромъ. И егда будет среди торжища, встрете его того царства сенатор, которой ближе при царе, и удивляяся на красоту его. Самъ же поиде за ним вослед, куда он поидет и коего царства. Купецъ же приде на постоялой дворъ, а сенаторъ смотрелъ и поехал до царя.

Во утрий же день приехаша в то *царство* из ыные земли гости корябленики и придоша к царю з дарами. Царь же дары у них принял и унелъ[1] их *у себя* обедать. Сенатор же вошедъ к царю и рече: «*Пресветлейший* царю! Есть в нашемъ царстве иностранной купецъ, которой велми прекрасен, а на обеде зде его нетъ, не вижу». Царь же рече: «Да где тот купецъ стоит?» Он же сказа: «Аз, царю, видех его, где онъ стоит». Царь же посла по него. Сенаторъ же приде х купцу и просиша его, дабы к царю шел на обед. Купецъ же обещася и купи дары царю. Слуга же купцевъ рече: «Господине! Ты идешъ к царю на обед, возми и меня с собою!» *Купец же* отвеща ему: «Да како я могу тебе взяти *с собою?*»* Слуга же рече: «Да ты хотел меня во всем слушатца!» *Купецъ* же взя его с собою. А слуга же рече: «Когда ты, господине, придешь к царю в полаты, и царь увидит тебя, и востанет *с своево* места, и возметъ тебя за руку, и посадит подле себя, и станет *потчивать* лутче всех, аз же, господине, стану у *дверей*, и царь взглянет на меня и спросит тебя: „Что за человекъ?", и ты скажи, что слуга. И он велит меня выслать вон. И ты ему поведай: „Царю, сей слуга лутче мнѣ отца родного!" И он велит мне сесть тут же, посадит за столомъ».

И пришел купецъ к царю, и увиде его, и ста и-своего места, и взя его за руку, и посади подле себя, и стал его потчивать лутче всехъ. Слуга же купцевъ стоя у дверей. Царь же увиде его и вопроси и о семъ, что за человекъ. *Купец же рече*: «Рабъ мнѣ». Царь же рече: «Аще ли рабъ, посли ево в другую полату, где люди[2] сидятъ». Купецъ же отвеща к царю: «Сей мнѣ слуга лутче отца родного!» Царь же повеле и слуге сести за стол и посадил через человека *от* купца.

По окончанию же обеда царь взялъ купца за руку и веде его во особливую полату, и ста ему *глаголати*: «Аз тебѣ, купче, глаголю, не почитаю тебя за купца, почитаю тебя за сына и за зятя. Есть у меня единая дщерь, даю тебѣ в жену и будеши царству моему *держатель*, понеже не имел по обычаю себѣ зятя выбрать никого, и нынѣ един ты мне угоденъ». И выведе дщерь свою и показа ему. *Купецъ* же, пад, поклонися ему. Царь же обеща за нею приданые дати треть царства и заповеда ему, дабы сие никому не поведал: «Аще ли поведаеши, то

---

[1] пригласил; [2] слуги.

злою *смертию* умреши. А токмо будем ведать ты да я, да невеста твоя, попъ *да* друшка». И udариша по рукамъ, *и отпустиша* его, а самъ наказа: «Жди дня уреченаго, когда аз пришлю к тебе оного же сенатора». Купецъ же поклонися и поиде да квортеры своея.

И како идоша дорогою, слуга же купцевъ поздравляше ему: «*Здравствуй*, господине, на царской дщере зговорившись и треть царства взявши!» Купецъ же удивися сему, како он про сие сведа, никто не был в полате, кроме царя и невесты, а онъ про сие сведа. И приидоша до квартеры своей.

Уреченный же день приде. В полунощи прислал царь к нему того сенаторя, дабы ехал к венчанию. Купецъ же сорежаетца для *сочетования* законного брака. Слуга же рече: «Господине, возми меня с собою!» Он же сказа ему: «Да како *могу* тебя взяти *с* собою? Царь не велел никому о семъ поведати. А тебя взять — он меня злою смертию казнит!» Слуга же рече: «Да ты хотел меня слушатца!» Купецъ же чрез [1]великую мочь[1] взял ево с собою и *поехаша* до царя к *вѣнчанию*.

И какъ приехаша на царский дворъ, царь же повеле ихъ вести в церковь и *обвенчать* свещенику. По венчанию же ихъ посади за стол, потомъ повеле ихъ вести на ложу спать. Слуга же купцевъ кликнуша его к себѣ: «Господине, поиди ко мнѣ до слова!» Царь же то *услыша* и рече: «Како еси смел сотворити сие, слуге поведати? Ведаешь, что смертию да умрешь!» Он же рече: «Царю, но не могу сего сотворити, что его ослушатися, понеже под великою клятвою», и *выйде* к слуге своему. Он же рече: «Господине, *аще* поидешь спать на ложу с царевною, возми меня с собою!» Он же ему сказа: «Да како магу тебя взяти с собою?» Слуга же рече: «Да ты меня слушатца хотелъ!» Купец же рече: «Да како магу тѣбѣ пустити, понеже нас запрутъ двоих? Да како же ей, девичье дѣло, како ей раздетца при тѣбѣ?» Слуга же отвеща: «Ты сего не моги! Токмо повели, хотя и двоих запрутъ, а я уже тамо буду. А коли она станетъ стыдитися, и ты ей скажи: „Чего тебѣ стыдитися, *сей* слуга всегда при нас будетъ". И станетъ она с табою играть, и захочетъ спать, ты же не спи и сматри на лице ея. Аще же ана здрогнетъ, *ты* еще смотри. Ежели же в другой раз вздрогнетъ, то ты соиди с постели и стань на мое мѣсто, а я возлягу на одре с нею».

Потом *друшка** *взяша* купца и царевну и поведоша в особливую полату припочинуть. И запре токмо двоих. Царевна же по обычаю раздевшися, и сташа в одной сорочке, и *огленулась* ко дверемъ, и видитъ человека *стояща*. Она же вопроси его: «Господине, аки что за человекъ стоитъ, понеже дело мое девичье? Како он семо[2] зашел?» Купецъ же рече: «Чесо тебѣ, душа моя, ево стыдится, понеже сей рабъ всегда при нас будетъ служить!» Она же сташа с нимъ играть. По *игранию* же восхоте спати и рече: «Господине, не мешай, аз хощу спати!» Он же повеле *ей* спати, а самъ ста на нее гледети. И какъ засне, вздрогнула необычно,

---

[1]—[1] через силу, нехотя; [2] сюда.

онъ же *прилежно* ста смотрети на нее. Потом во вторый такождѣ вздрогнула так сильно, что от постели в высоту на аршинъ поднело ея и удари о постель. Купецъ же велми ужасеся и сниде с постели долой, и ста на мѣсте слуги своего. Слуга же взя клещи и возляже на постелю. Потом изо устъ ея бысть пламе огненное и искры по всей полате. Купецъ же, сие видя, велми ужасеся, и паде на землю, и бысть аки мертвъ, уповая, что слуга его уже умертве. Слуга же вста с постели, и взя клещи, ста у кровати, *и виде* изходяще изо устъ ея змия велика, взя клещами за шею и удави его и, раздробя в мелкие части, спрята. И *подня* господина своего едва жива и рече: «И возляжи на *одре* с женою своею!» Он же не хотяше возлещи с нею, но с *нуждею* ево привлекъ и по обычею сотвори, по закону брака.

Потом *утру* же светающу, царь же послаше друшку: «*Поиди*, выкини кости, *чаю*, давно уже *змий* заѣлъ». Друшка же приде и отпер двери и ста отваряти, двери изнутри заперты. Друшка же удивися сему. Слуга же купцевъ *вопроси*: «Ты кто еси?» Он же отвеща: «*А ты кто еси и како взошел сюда?*» *Слуга же отвеща*: «Аз купцевъ слуга». Друшка же рече: «Да кто тебя пустил?» Слуга же рече: «Господинъ мнѣ повелел, не вас бо слушаюсь!» Друшка же рече: «В добромъ ли *здравии* молодыя?» Слуга же отвеща: «В добромъ *здравии* и лиходея нашего, змия, уходили!» Друшка же *воззопи* великимъ гласомъ к царю: «Поиди скоро! Злодея нашего змия *уходили*, а молодые в добром *здравии*!» Царь же велми *воздрадовася* и поиде с царицею и велможеми, и виде молодых в добромъ здравии, а змия убита, *возрадовашеся* радостию велиею зѣло, а слугу почти и одари дарами честно. И живяше тутъ в царстве много летъ.

Потом восхоте ехати ко отцу своему и просиша у царя. Царь же отпусти ихъ и даша ему треть царства своего. Слуга же не велелъ ему силы[1] брать, а велел взять триста подводъ *бѣз* людей. Купецъ же рече: «Да-ко кто может ихъ гнать?» Он же ему сказа: «Ты о семъ не тужи, я *уже* управлюся с ними, возми подводы!» Царь же даде ему и отпусти ихъ с *щестию*.

Потомъ ехаша они дорогою, купецъ же с царевною, а слуга подводы гонит. И приехаша на тот разбойнический двор, где онъ давил разбойников, и въехаша, ста начевати. И проводиша ихъ в хоромы, а самъ легъ на дворѣ. Он же в храмине спаша с царевною своею, а слуга насыпал все подводы злата, и сребра, и камения дрогоценава. Поутру же вышедша *из* храмины и видеша возы *насыпана* златомъ, и сребромъ, и удивишася сему и поехаша в путь свой.

Потомъ приехаша х тому месту, где у него нанелся, слуга же сталъ говорить: «Господине, аз теперя от тебя иду, даси мне ряжено»[2]. Купецъ же даде ему и разделиша возы пополамъ. Слуга же рече: «Да не обидно ли мнѣ будетъ? Ты владеешь царевною, а мнѣ что?» Он же вопроси его: «Да *како* намъ ея делити? Возьми ты все триста подводъ, а ея не замай у меня!» Он же ему отвеща: «Тебѣ

---

[1] слуг; [2] как договорились.

обидно будет. Ты ея разруби пополамъ!» Купецъ же заплака: «Возьми ея один к себѣ, а не замай ея, живу!» Слуга же, не послушав его, выняша мечъ и удариша ее. Она же паде на землю, аки мертва. И выскочиша из нея, иза устъ, *змеиное* гнездо, в немъ же *змеенков* семъдесятъ, аки черви колышуща. Слуга же поднявъ ее и перекрести и даде ему живу: «И поди ты живи с нею без опасения, а то бы она тебя съела от сихъ змиевъ. И возми все подводы себѣ и мое наемъное». И рече: «Знаеши ли ты меня?» Купецъ же рече: «Воистину, не знаю». Он же ему поведал: «Аз есмъ аггелъ *Божий*. Послал меня Господь Богъ к тебѣ, за *добродетель* твою царство *даровати*, что ты у жидовина мертвое тело скупил и похаронил, и за то тебѣ царство и богатство». И пусти ихъ, а самъ невидимъ быстъ.

Купецъ же взял подводы и приехаша ко отцу своему с великою славою и честию. Отецъ и мати его велъми о томъ возрадовашеся. Потомъ поживе малое время у отца своего и взялъ его со всемъ домомъ своимъ, и поехаша к царю, тестю своему. По преставлению царя, сяде на царство и правилъ царство свое добре и *благополучно*. Конецъ.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, ЗАЛОЖИВШЕМСЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ ЖЕНЫ СВОЕЙ

ПОВѢСТЬ ЗѢЛО ПОЛЕЗНА О ДВОЮ КУПЦѢХЪ, О ВИКЕНТИИ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТ ГРАДА ЕНЕВЫ, ДА О АМБРОСИИ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТ ГРАДА ПЛЯЦ*ЕНТИИ*, *ЯКО* ЕДИНЪ СО ДРУ*ГИМ ПОБИЛИСЯ* О ВЕЛИКИЙ *ЗАКЛАД О* ДОБРОДѢТЕ*ЛѢХЪ ЖЕНСКИХ*Ъ, ВЫПИ*САНО ИЗ КНИГИ* ЛѢТОПИСЦА

Во градѣ Париже быша от инѣхъ странъ купцы приѣзжие и обѣщание учинили себе у нѣкоего человѣка во единомъ дому пребывати. И кииждо[1] купецъ во своемъ упражнении тамо пребываше. Прилучи же ся единою[2] сѣдѣти имъ на обѣде и между собою начаша о житии своемъ, и о домѣхъ, и о пожитияхъ[3] глаголати. И между нѣкиими глаголы предложили нѣкий глаголъ, яко та есть вещь дивна и поистинѣ сумнителная, яко купеческия жены имутъ быти добродѣтелны къ мужемъ своимъ: «В разлучении дают обѣщание благо и постоятелно, еже домъ коегождо насъ[4] добрѣ пасти и самой ей себе во всемъ непорочно блюсти, понеже наша братия, купеческия люди, и всѣхъ странъ и градов, часто домов своихъ лишаются, и от женъ своихъ разлучаются и, многое время чюждеземствующе, в домы своя не возвращаются. Жены же ихъ купеческия мъножае в домѣхъ своихъ без мужей своих пребываютъ, нежели с мужьями жителствуютъ».

И между тѣми купецкими людми бысть нѣкоторый купецъ именем Амбросий, от града Пляцентии, нравом же человекъ непостоянный и блудолюбивый. И х купецким рѣчемъ свою рѣчь изрече: «Азъ поистинѣ про свою жену с похвалою рещи не могу и не ручаюся за ню, но дахъ ей волю по своей воли жити, и како может, сама себе да хранит. Всегда приказываю ей аз, дабы жила во всяком благочестии, и по се время жена моя честь хранила и мене при своей братии никогда в стыд житиемъ своимъ не вводила, и мнѣ во всемъ угодила». И иныя смѣхотворныя и блудолюбныя рѣчи про свою жену изглагола, яко всѣмъ слышащим сотвори смѣятися.

Тамо же бысть нѣкий купецъ именемъ Викентий, от града Еневы, человекъ постоянный и добронравный, и благоразумный, ничего пустошнаго не глагола, ниже смѣяся, и ни смѣхотворному глаголанию внимая. И нѣкий от купецъ вопроси его, глаголя: «Викентий, ты что сѣдиши печаленъ зѣло? Чесо ради к симъ глаголомъ ничего не глаголеши?» Викентий же отвѣща к нимъ, глаголя:

---

[1] каждый; [2] однажды случилось; [3] временное житье, проживание; [4] каждого из нас.

«Господие мои и братия возлюбленная, кая ваша смѣхотворная словеса слышю и недоумѣваюся, и къ сердцу ихъ не прилагаю. Еже, воспоминая жены своя, смѣхотворно глаголати, или, вѣдая их безпорочное житие, за нихъ не поручитися, то бо есть сожителницы своей самое презрѣние и немилосердие. От коегождо насъ развѣ кто каков порокъ вѣсть[1] за женою своею и во мнѣнии злом пребывает, и за ню ручатися не хощет. И по семъ видимому не вѣмъ, коею радостию таковых, господие мои, уподобляете, яко развѣ кто таковый порокъ вѣдаетъ за женою своею, что она мужю своему невѣрна в домовном житии. И тии мужие во злом мнѣнии отъѣзжаютъ в путь свой, всегда воспоминаетъ злым жену свою, и чада, и рабы, и рабыни. Таковый бо всегда долженъ быти имать в печали и не в смѣхотворении, и отнюдь бы того зла не воспоминати, и всеконечно мощно в забвении такову жену в дому своемъ предати. И се убо воистинну вѣмъ, яко может быти тому человеку добрѣйшему и радостному, егда вѣдает в дому своемъ оставлену благонравную жену свою, с нею же купно приобрѣтают благопрепитания себѣ и чадомъ своимъ, и рабомъ, и рабыням. И который мужь и жена другъ о другѣ любезно прилѣжатъ[2], тамо всякое согласие бываетъ и приобрѣтение. А идѣже нѣсть любви и сожития, тамо всегда раздоры и нестроения, и другъ от друга разлучившеся, всегда глаголютъ злая — мужь про жену, а жена про мужа все злое вѣщаетъ, и всегда в радости не зъѣзжаются. Тогда токмо и радуются, егда другъ от друга разлучаются». И паки рече Викентий: «Аз же, господие мои и братия, смѣло изрещи могу и похвалитися добродѣтелною моею женою, яко вселюбезно и нелицемѣрно со мною живетъ и добрѣ домъ мой без мене управляет, и честь свою безпорочно хранит, понеже даровалъ ми ю есть Господь Богъ добронравну и добродѣтелну ко странным и убогимъ, и благоприятну къ чадомъ, к рабом и рабынямъ милостивну и разсудителну, и во многомъ моемъ имѣнии крѣпкоблюстителну, и никоея тщеты не творящю. И того ради азъ люблю ея всею душею моею и во многом моем имѣнии вѣру имѣю без сумнѣния к ней. И, вѣмъ ея благочестие, вседушевно за ню ручаюся, что она мнѣ ни в чемъ не измѣнитъ и доброго своего нрава не пременит. И аще бы любезнѣйшая жена моя мене не любила и имѣние бы мое тощила[3], и которое бы пронырство и лукавство хотя единожды учинила, и аз бы не токмо изрядною ея красотою вожделѣнъ *не* быхъ и в толиком своемъ имѣнии ей *не* повѣрилъ, но никогда бы моглъ к ней возвратитися, ниже ю видѣти радостнымъ лицемъ, но всегда странствовалъ и былъ с печали убогъ и безприютенъ, и благополучия бы во своихъ купеческихъ дѣлахъ с великия печали никогда имѣти моглъ».

И тѣм похвалным Викентиевым словам супостат диаволъ позавидѣ. Купецъ Амбросий, иже от града Пляцентии, воста и нача глаголати: «Любимый мой господине Викентии! Что ты намъ про жену свою глагола, *не* можем *в* томъ вѣру яти, ибо вся быти в добродѣтелных женахъ могл*о* и может быти, дабы

---

[1] знает; [2] заботятся; [3] расточала.

жены наша без насъ, мужей своихъ, были во всем добры и с нами бы жадныхъ[1] дѣлъ не имѣли. Но понеже мы всегда странствуемъ и от любви ихъ на многое время разлучаемся, а в домѣхъ своих имѣемъ всякое преполнение и изобилие, и есть вещь явственна, яко жены, во младости и во всяком изобилии оставлшиися, по своей воли живущия, зѣло друголюбны и не постоянныи суть бывают, и скоро имутъ вѣру бесѣдамъ сказания. Показуютъ при юношахъ мяхкая глаголания и плясания, и радостны ся творят о похотной вещы. Юноши же, видяще ихъ благоприятных к себѣ, радостнѣ с ними бесѣдующих, наипаче к таковой любви безстыдно прилѣпляются. И всякими кознми и злохитростми онѣхъ подходятъ, и с праваго пути совращаютъ, вселюбезно во блудныхъ похотѣхъ пребывают и всяким*и* дарами онѣхъ юношъ дарятъ. Гораздо с труд*н*остию такову нашю жену купеческую мочно обрѣсти, которая бы к такову диаволскому совѣту не пристала, ко юношы во своей младости не пребывала, и дарами бы ихъ не дарила, и ко прелести бы ихъ къ себе не вдавала. А ты, господине мой Викентий, зѣло жену свою над инѣми нашими женами похваляешъ, но и во всякой добродѣтели возносишь. Смѣлъ бы я с тобою о тысящи златыхъ заложитися! Хотя азъ жены твоея не знаю, токмо о семъ гораздо вѣмъ, что она от мене не отстоится, имать быти должна в моей воли».

Викентия же сия рѣчь уязвила велми, и глагола Викентий Амбросию: «Хощю за то главу мою заложити, что ты не имаши такова дѣла над женою моею сотворити и по ея добронравию то учинити». И иныя же купцы, слышавше то, посмѣяшася, прочии же совѣтующе, дабы како тое рѣчь промежду ими унять. Но Викентий всячески хотѣ со Амбросиемъ *в* закладъ за такое досаждение главу свою положити. Амбросий же рекъ: «О главѣ в закладъ положити не хощю, но положимъ заклад со мною о пяти тысящахъ златых. Обаче доволно есть и сего, и ничто же насъ заклад сий вредитъ». Викентий же на томъ закладѣ подав Амбросию руку, и дали разнять прочимъ другомъ своимъ, которыя хотѣли то между ими развѣсти, и писаниемъ в томъ залогу утвердишася крѣпце. Наипаче же Викентий той залогъ крѣпце закрѣпи: понеже онъ в Веневѣ градѣ многое время уже не бысть и до жены своея не имѣлъ ничего написати, ниже с посланники чего къ женѣ своей сказати, дабы жена его о томъ закладѣ отнюдь не вѣдала, понеже вѣды ея во всемъ себѣ вѣрну и добронравну и велми на ню надѣяся, яко не вдастъ себе ко блудной похоти и не повинется[2] воли не своего мужа. И тако разыдошася киждо о себѣ.

Амбросий же отплывъ от града Парижа и приѣха ко граду Веневы. И начатъ прилѣжно искати, како бы и коимъ образом моглъ бесѣдовати с Викентиевою женою. И не возможе времяни такова улучити, дабы гдѣ ея узрѣлъ и самъ собою побѣсѣдовалъ, понеже из дому своего не исходима есть. И от многихъ честныхъ женъ и цѣломудренных Амбросий же слышавъ сие, яко во всем благо-

[1] никаких; [2] не покорится.

нравна и благочестива есть, понеже и крѣпкожителна[1]. И начатъ искать инаго к ней пути злокозненнаго и умышлениемъ лукавымъ начатъ под ню подходити.

Слышите, любимицы, сию притчю: идѣже диаволъ чего не можетъ сотворити, той научитъ и послет человека, волю диаволю творящаго. Посла же ко Амбросию таковое зло — бабу обавницу[2], та же баба прежде сего зѣло знаема была в дому Викентиевѣ. Амбросий же, изыскавъ тое бабу, увѣщавъ и зѣло одаривъ, и повѣда ей намѣрение свое: «Аще сие ми сотвориши, еже быти ми в дому Викентиевѣ и видѣти жену его, азъ за клятвою великою обѣщаюся дати тебѣ болша тѣхъ дарований. Буди ми в сем дѣле помощница!» И тако Амбросий со оною бабою умыслиша лукавство сотворити: приготоваша скрыню велию, или сундукъ, яже сокровища влагахуся или драгое одѣяние, на той же скрынѣ учиниша утлину, или скважню, дабы мочно извнутрь зрѣти, и замокъ придѣлаша извнутри же. Потомъ оная баба пришедъ в домъ Викентиевъ и молила жену его Флорентию: «Молю тя, госпоже моя, не презри прошения моего! Имам нѣкую нужду отъѣхать от града сего недалече. И аще милость твоя взыщется надо мною, повели ми скрыню мою со имѣнием моимъ в домъ свой привести и соблюсти ю при себѣ токмо едину нощь, понеже вѣмъ тя во всемъ благочестиву и боящююся Бога. А окрестныя сосѣди имамъ близ дому моего не постоянныи и зѣло радующиися чюждему имѣнию, и насилующе похищаху, и того ради велми опасаюся вещей моихъ, яже в скрынѣ, тамо без себе оставити». Слышавши же то жена Викентиева, не разумѣ лукавыя козни, но простодушно повелѣ ей скрыню свою принести на соблюдение имѣния ея, понеже первѣе оная баба в дом Викентиевъ много прихождаше и пакости никоея не дѣяше.

Баба же, шедши, повѣдала Амбросию: «Господине, трудно тебѣ таковы госпожи достовати и никогда до нее доити невозможно. Дабы тое добронравную жену имѣти моглъ к твоей воли, едино тебѣ учинити могу, что в ложи ея чрезъ едину нощь будеши. И тако тя никто же знати не будетъ, и не возможеши никому явитися. Но егда будеши внутрь ложа Викентиева, тогда по твоему разуму твори како можеши». Амбросий же сему рад бысть. И влѣзши в скрыню, повелѣ себе замкнути, извнутри же может самъ себе отмкнуть. И тако замкнувши Амбросиа, повелѣ баба за собою нести четыремъ человеком наемшимся до жены Викентиевы и упросила, дабы велѣла тое скрыню поставити во своей ложницы пред очима ея. Флорентия же повелѣ ей тое скрыню во своей клѣти поставити, идѣже сама опочиваше. И тако внесши и поставиша ю прямо ложа ея. Баба же, поклоншися Викентиевѣ женѣ, скоро из дому ея пойде, яко бы в путь готовяшеся пойти: «Есть ли дастъ Господь здраво возвратитися, то наутрѣе паки по тое скрыню прииду».

Амбросий же, послушав то, яко уже в скрыни стоит в клѣти, и *ис* скрыни утлиною посмотривъ по клѣти, и не видѣвъ никого же, ниже слышавъ глаго-

---

[1] ведущая строгий образ жизни; [2] ворожею, колдунью.

лющих, вси бо, поставиша оную скрыню, ис клѣти изыдоша и замкнуша. Онъ же отомкнувъ скрыню и излѣзе вонъ, и прииде ко клѣтным дверемъ, и, усмотрив тамо, укрѣпився извнутри добрѣ, дабы кто к нему не вшелъ. Онъ же присмотривъ во клѣти всему прилежно — одеждам и коврамъ, и на одрѣ посланной ложи, и иннымъ всякимъ узорочным[1] вещемъ. И узрѣвъ при возглавии стоящю шкатуну[2], добрѣ изрядную работою содѣянну, и веземъ, отомкнувъ, со многоцѣнным сокровищем госпожи Флорентии. И много ту было различных именитых вещей. Онъ же взя оттуду два клейно*та*[3], что наилучшия и дражайшия, да поясъ и перстень. И веземши, паки замкнувъ. И с тѣми вещами убрався, клѣть отомкнувъ, и самъ, в скрыню свою влѣзши, заперся. А перстень и поясъ бысть Флорентии, жены Викентиевы.

Дню же мимошедшю[4], приближися вечеръ. Прииде же оная целомудренная жена со своими девицами в клѣтъ свою и сяде на ложи своемъ, и побесѣдовавши с ними чрез малое время, и восхотѣ опочити. И начат раздѣватися, и совлекла съ себе со оною одеждою и срачицу. Амбросий же из скрыни увидѣвъ скважнею тѣло ея и под лѣвым сосцемъ усмотривъ борадавку с нѣкоторыми власы лисоватыми[5], и то себѣ в память взем. И, дойде своея злыя хитрости, рад бысть.

На утрии же прииде оная баба обавница, веземши свою скрыню и повелѣ паки нести ю во свой дом. Егда же принесеннѣй бывши, отсла прочь принесших. Амбросий же вышедъ и*с* скрыни и одаривъ бабу добрѣ. И взяв оное драгое сокровище съ собою, и доѣхавъ до града Парижа.

Приѣхав же, пойде до онаго дому мужа, идѣже пребываше Викентий, и до инѣхъ купцевъ, и взыскивает своего закладу, пяти тысящь златых. И начатъ Викентию при инѣхъ купцѣхъ глаголати, яко: «Аз имѣхъ жену твою в воли моей. Аще ли не имеши словесемъ моим вѣры яти, что жена твоя въвела мене в клеть свою и до ложницы, и показа ми в клѣти вся драгия вещи и ковры. И все подобие во клѣти твоей аз видѣхъ» — все по ряду[6] ему сказа. «Аще ли и сему видѣнному мною не имеши вѣры, покажю ти явственно, яже имам в руку моею аз драгия вещы твоего сокровища, которыя мнѣ жена твоя, отверзши подобную шкатуну, казала и выбрати велѣла между инѣми многоцѣнными вещми на знакъ любве ея ко мнѣ». И вынявъ два клейноты и показавъ Викентию: «Имѣлъ ли еси в дому твоемъ сия клейноты?» Викентий же видѣвъ свои клейноты и позна. Потом же показа Амбросий перстень жены его драгоцѣнный и пояс. Тогда добрѣ позна Викентий, яко та сокровища любезныя жены его, зѣло усумнѣся и недоумѣвашеся, како содѣяся, и рекъ Амбросию тако о семъ: «Мя увѣрилъ еси, Амбросие, и мню, яко нѣкую козньтворилъ еси, да тебѣ сия драгия моя вещи раби мои вдаша за нѣкое дарование к нимъ. А сего поистиннѣ не вѣмъ, да еже бы видѣти тебѣ само-

[1] драгоценным; [2] шкатулку, ларец; [3] сокровища, драгоценности; [4] когда же день прошел; [5] рыжеватыми; [6] по порядку.

му жену мою и сия вещи дати на знакъ любления, понеже никогда таковое безстыдство бысть в ней». Амбросий же рече ему: «Господине Викентий, аще ли мнѣ не имеши вѣры, то азъ пред всѣми людьми явственно и о сокровенной запазушной вещи повѣдаю ти, аще подлинно хощеши увѣритися. Твоя бо жена под лѣвым сосцем своим имат червленую борадавку съ пятию или з шестию власы лисоватыми». Людие же, слышавше то, доволно тому Амбросию вѣру яша. Викентий же с великою болѣзнию воздохнувъ и велми прослезися о разлучении жены своея. Той же залог Амбросию, пять тысящь златых, товарами многоцѣнными отдаде и от великаго стыда от града Парижа со слугою своим до другаго града пойде в велицѣй печали и скорбию обдержим.

И оттуда писа Викентий к женѣ своей Флорентии: «А какъ мое сие писание къ тебѣ прийдетъ, и тебѣ бы немедленно до мене ѣхати». А слугѣ своему приказалъ под великим запрещениемъ скоро жену свою в путь выпровадить и на пути в темном лесу ея задавити или заклати: «А азъ ти за сие обѣщаюся добрѣ одарити». Той же слуга обѣщася господину своему тако сотворити и повѣление его исполнити. И тако отъѣха от господина своего къ женѣ его сь епистолиею[1].

И приѣха до града Еневы, до госпожи своея, и епистолию ей поднесѣ. Она же прочетши епистолию и велми о томъ начат дивитися, и рече: «Когда таково было, еже господинъ мой повелѣ ми скоро к себѣ приѣхати? Прежде бо сего отнюдь таково не бывало!» И начатъ слуги присланнаго со всяцѣмъ испытаниемъ вопрошати. Онъ же отнюдь ей не повѣда, но токмо рек: «Мню, яко того ради ѣхати тебѣ до себе повелѣ, яко еще онамо[2] медлити долго будет». Она же, яко добропослушная и добрая жена, рекла: «Тако буди воля господина моего надо мною! Не могу ослушатися его». И так, уготовившися в путь, поѣха со онымъ слугою.

И егда приѣхаша в лѣсъ, приступи слуга ко госпожи своей з жалостию и с великимъ плачемъ. Нача ей наединѣ глаголати, повѣдая повелѣние господина своего, яко «на семъ лесу с великимъ запрещениемъ повелѣ тебе удавити». Она же вопрошая вины: «Чего ради тако мужь мой повелѣ тебѣ надо мною сотворити? Понеже не вѣмъ, в чемъ бы я пред нимъ была неисправна[3]». Слуга же отповѣда ей: «Воистинну сего не вѣмъ, госпоже моя, чесо ради сице прогнѣвася на тя». Госпожа же начат раба того молити со слезами и с великимъ рыданиемъ, и с хлипаниемъ многимъ, дабы к ней явился милостивъ в таковый горкий смертный час и не погубилъ бы ея. Рабъ же той, видѣвъ госпожю свою горко и зѣлне плачющюся о скором убиении, зжалился, зря на ню, и совлеклъ с нея ризы ея, и облече ю во свое мужеское платие в ветхое. И глагола ей: «Гряди, госпоже моя милостивая, во здравии твоем, идѣже нѣсть тебѣ твоих сродников и знаемых, дабы тебе ради азъ главы моея не потратилъ. А азъ твое платие донесу господину своему, а твоему сожителю Викентию, для увѣрения и забытия твоего». Потом

[1] письмо, послание; [2] там; [3] виновата.

же Флорентия остригши власы главы своея, и облечеся въ мужеское платие, и нарече себе Истваном. И поклоншися рабу своему на нозѣ, плачющися, и во хлипании своемъ не возможе ни единаго слова проглаголати. Рабъ же подъемъ ю от земли, и паки другъ з другом прощение сотвориша. И поѣха рабъ той ко господину своему.

Истван же пойде въ путь свой незнаемый и, шедши, нача плакати и глаголати в себѣ: «О дражайши сожителю мой и прелюбезны хранителю моея младости и тлѣнныя красоты! Что азъ тебѣ злое сотворила? И чимъ толико прогнѣвала тебе? Кто разруши нашю промеж собою нелицемѣрную любовь? И кто нас разлучи союза законнаго, когда ты, любезный мой господине Викентий, таковъ немилосердъ ко мнѣ былъ еси? Воистинну злобнаго словесе никогда же ми сотворил еси, за которое неисправление реклъ еси. Всегда яко зѣницу ока любезно хранилъ мя еси. Но какое сие твое немилосердие прииде на мя, не вѣмъ, Богъ вѣсть. И излиялъ еси скоро и незапно на мя гнѣвъ твой. Которую твою заповѣдь аз, окаянная, преступила? И в чем твоей честности когда преслушала? Но за помощию Божиею, любя тебе, моего Богомъ дарованнаго пастыря и любезнаго сожителя, волю твою во всемъ творила и честь свою хранила, преисполненный домъ твой добрѣ соблюдала и имѣния твоего бездѣлно никогда не истощила, дѣти твоя в добрѣ наказании и в любви воспитала, рабы и рабыни гладомъ и наготою не томила, и никакому их злу не учила, и поругателства над ними никогда не чинила, но во всемъ по твоему благочестию яко мати ко приснымъ чадомъ нелицемѣрную любовь казала. А се днесь азъ, бѣдная, вмѣсто онѣхъ болѣзнь восприемлю злую, яко едина есть от убогихъ и безкровных сирот, скитаюся по пустыни, не имѣющи, гдѣ главы моея бѣдныя подклонити». И, воздѣвъ руцѣ свои на небо, с великимъ плачемъ вопияше: «О Владыко человѣколюбче, Господи, Творче небесе и земли! Не постави имъ во грѣхъ сего, иже мя, злочастную, разлучиша от любезнаго моего сожителя и дѣти наша осиротѣша. Но от всея душы моея тебѣ, Творцу моему и Содѣтелю всего мира, отселѣ чада моя вручаю. Буди ты, Господи, тѣмъ сирымъ *о*троковицом помощникъ и заступникъ, и хранитель, и милостивъ, понеже бо ты единъ вся вѣси, яко без мене, горкия и безчастныя матере, иже некому уже ими попещися и в добромъ учении, наказании миловати и призирати, отвсюду бо вскорѣ осиротѣша. О Боже мой, Боже мой, премилостивый Царю! Чесо ради прежде сего незапнаго разлучения не повелѣлъ еси изъяти из мене мою душю грѣшную, дабы азъ, грѣшная и бѣдная раба твоя, не вѣдала безпокровнаго сиротства любезным чадомъ моимъ! Не даждь имъ, Господи, премилостивый Владыко, Царю Небесный, дабы когда могли в безпризрѣнии своемъ ко срамному и студному дѣлу прийти! И коснися имъ с высоты славы твоея, симъ сирым отроковицам, десницею твоею, и воздержи ихъ от всѣхъ злых творени*й* ⟨...⟩, и всели страхъ твой в сердца их, и научи ихъ ходити право по стезям заповѣдей твоих, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь». И потомъ, воздѣвъ руцѣ, ко Приснодевѣ и Божии Матери сице вопиюще и глаго-

люще: «О всемилостивая Госпоже Царице и Богородице, Мати Господа вышняго! Внуши и услыши гласъ мой и вопль, и стенание сердца моего, и слезы, проливаемыя ко Господу Богу и тебѣ, помощнице и наставнице всего мира! Призри на мя, убогую и вскорѣ внезапу обнищавшую рабу твою! Буди мнѣ наставница тверда и путеводителница крѣпка. О прелюбезная и премилосердная Мати Царице и Богородице, помилуй мя, вскорѣ обнищавшую! Благоволи же, Господи Боже мой, единъ вѣдый тайная сердца моего, мужеви моему, рабу твоему Викентию, сие незлобие мое явѣ возвѣстити и еще объявити ему о мнѣ в жизни моей. Ими же вѣси, судбами. Ты, Господи, едина надежда моя, ты единъ упование мое, и в руцѣ твои предаюся. Что ми по твоему Божию смотрению тако терпѣти, твори, Создателю мой, что ти есть годно. Время мнѣ таково прийде и час терпѣнию приближися. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка». И тако от плача и рыдания едва преста и Божиим наставлениемъ пойде по пустыни в путь незнаемый.

И вскорѣ дойде до града Александрии. И пребысть тамо нѣколико время, скитаяся во градѣ между началствующими людми и всѣмъ с радостию служаше. И тако познася от онѣхъ началствующих самому александрийскому салтану, яко «прекрасный прииде отрокъ и явися в державѣ твоей, и зѣло разуменъ, и достоинъ есть быти при твоемъ величествии». Салтанъ же повелѣ Иствана пред себе привести. Приведену же бывшю[1], абие зря салтанъ на Иствана, вельми удивися красотѣ лица его и многому разуму. И повелѣ Иствану во градѣ Александрии началным человекомъ над купецкими людьми быти, да у приѣзжих купецких людей заморския товары переписывает и досматривает, да с тѣхъ купеческих многоцѣнныхъ товаров пошлину и оброки царю салтану собирает. И по его, Истванову, собранию у царя салтана казна велми умножися. Истванъ же в толиком собрании салтану зѣло бысть вѣренъ и собираше салтану многое богатство, яко инъ никто же тако прежде не собираше. И того ради салтанъ Иствана велми любляше и от своих богатых сокровищь Иствана по премногу обогатил есть. И бысть Истванъ повсюду славенъ и всѣм началствующим и купецким людем знаемъ. И любимъ бысть, и пребываше в величествии.

Муж ея Викентий от великия своей печали едва в добрый разумъ прииде. И воспомяну о дому своемъ. И тако прииде во град Еневъ и вниде в дом свой. Срѣтоша же его с великимъ плачемъ и горкимъ рыданиемъ осиротѣвшия двѣ дщери его с рабы своими. Онъ же узрѣ ихъ, яко едины есть от убогих сирот, в худѣй и чернѣй одежди облеченныи и образомъ побледнѣвшия, власы же имѣющие до пояса простертыя и свившияся, яко стрѣлы. Онъ же объемъ ихъ и напад на выя ихъ, плача и рыдая, и не возможе во слезахъ своих и во хлипании ни единаго слова к ним проглаголати. И самъ себе обличаше, яко в толиком сиротствѣ презрѣл ихъ и забвенных учинилъ. И бысть в дому его плачь и стенание, и вопль

[1] когда же его привели.

4 Зак. № 3610

многъ. Осиротѣвшия дщери плакахуся любезныя матери своея, рабы же и рабыни премилостивыя госпожи своея Флорентии. И пребысть Викентий в дому своем нѣколико время, плача и сѣтуя, и от всѣхъ спрашивая вины жены своея. Дѣти же его и рабы и рабыни с плачемъ ротящиися[1], глаголаху, яко: «Ни нинъ от насъ сего и до сего дне и слухом ни от кого не слыхали, яже глаголеши, не токмо самѣмъ таковое дѣло, нашедше на ны[2], видѣти. Но токмо вѣмы, яко внезапу рожшия нас матере лишихомся и таковаго ради скораго разлучения доднесь не видѣхом ни дне, ни часа радостна. А что над нею содѣяся и чесо ради, не вѣмы, Богъ единъ вѣсть». Викентий паки приложи слезы ко слезамъ. И пребысть нѣколико время в дому своем со дщерми своими во многом сѣтовании.

В то же время во Александрии бысть великое и преславное торжище. Собравшася множество купеческих людей от всѣх странъ и великихъ градов со всякими драгими товары. Истван же с приѣзжими купеческими людми зѣло изрядно и со всѣми любезно пребываше, а наипаче со своими единостранными влохами[3], с которыми языкъ изрядно разумѣ. И с ними сошедшися, с радостию о всякихъ прилучаяхъ бесѣдоваше. Тамо же приѣха и лстивый Амбросий от града Пляцѣнтии, который злым своим лукавством разлучилъ Иствана съ мужемъ своимъ Викентиемъ, а неправедным залогом Викентиевымъ дойде великаго богатства. И, приѣхавъ во Александрию, постави дворъ себѣ между венецких купецких селениих.

И моляше Амбросий Иствана, дабы изволилъ приѣхать и посѣтити его, и посмотрилъ быхъ у него драгоцѣнных вещей «и что твоей честности полюбится». А самъ Амбросий богатством и драгими вещми Викентиевыми возношашеся: «Не имаши от мене драгоцѣнно приобрѣсти ничто же?» Истванъ же, ѣздя по торговищю, и приѣха ко Амбросию, и вниде к нему в дом. Амбросий же встрѣте Иствана с радостию, и веде его внутрь селения своего, и показа ему вся драгия вещи. И промежду тѣми товары узрѣ Истванъ свой поясъ и перстень многоцѣнный, который украде Амбросий въ дому Викентиевѣ, будучи во скрыни своей. Лукавнѣ[4] смотря Истванъ на то свое похищенное драгое сокровище, дивися и недоумѣвашеся, како и в кое время таковое сокровище Амбросию досталася. И нача Истванъ Амбросия вопрошати с велицѣм испытанием: «Како тебѣ, господине, сия драгия вещи, откуду досташася и каковою цѣною купилъ еси я?» Амбросий же отвѣща, посмѣявся: «Господине мой, честнейши Истване! Аще годны честности твоей сия вещи, клейноты и перстень, и сий поясъ, благоволи себе възяти их, яко мнѣ сия вещи не драгою цѣною пришли: во градѣ Еневѣ нѣкая прекрасная госпожа купца Викентия, жена его, дарова мнѣ на знакъ любви своея». Истванъ же разумѣ то, яко Амбросий злодѣй бысть им и разлучникъ союза ихъ. И тако у Амбросия прия сия вещи с радостию и за то обѣщася ему

[1] клянущиеся; [2] на нас; [3] итальянцами; [4] тайком.

нѣкакую мзду воздати. И тако с ним увѣщася, доколѣ онъ, Амбросий, вси товары своя испродастъ.

И нача Истванъ у инѣхъ купцѣвъ о мужи своемъ Викентии вопрошати *при*лѣжно, живъ ли есть и гдѣ пребываетъ. Купцы же повѣдаша, яко живъ есть, но в великом убожествѣ в дому своемъ пребывает. Истванъ же оным купцемъ показа оныя драгия вещи, клейноты, и перстень, и пояс. Купцы же познаша и начаша повѣдати Иствану: «Господине честный Истване, сия клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный неблагодарный Пляценский Амбросий от дому благонравнаго и смиреномудраго купца Викентия своим злым умышлениемъ досталъ, будучи во градѣ Еневѣ. Той бо благонравный Викентий, вѣдый[1] благочестивую и доброжителну жену свою Флорентию, похвали ея во всѣх добродѣтелехъ, бывши во градѣ Париже. Той же злонравный муж Амбросий позавидѣ ихъ доброму сожитию, похвалися на домъ его, яко имать жену его привести во свою волю. И о сем Викентий велми поболѣвъ сердцемъ, не терпя Амбросиева досаждения, биша о великий заклад в пяти тысящ*ах* златыхъ, яко не имать в дому его быти и жены его видѣти, не токмо ея до воли своея привести. Той же многокозненный врагъ, купецъ Амбросий, по залогѣ ходилъ во град Еневъ и своим злохит*р*ствомъ бывъ в дому Викентиевѣ. И сия драгоцѣнныя вещи невѣдом*о* гдѣ и како похитивъ и во град Парижь на показание всѣмъ принесе. Викентий же видѣвъ драгия вещи сия и позна, яко его дому сокровища та, и вѣру сему ят. И оный залогъ многими драгими товарами и вещми за пять тысящь златыхъ оному Амбросию отдаде. И того ради Амбросий великимъ богатством хвалится. А Викентий всеконечно с женою своею Флорентиею разлученъ бысть, зане повелѣ жену свою вскорѣ рабу своему убити нѣ в коемъ темнѣ лесу. Рабъ же той милосердовавъ о ней, дарова ей вмѣсто смѣрти животъ, яже самъ втайнѣ за клятвою нам сказа. И нынѣ жена его, Викентиева, скиташеся яко едина есть от убогих». Истванъ же, сие слышавъ, велми прослезился. И онѣхъ купцѣвъ, иже ему повѣдаша правду, попремногу одаривъ и начатъ велми жаловати, и смѣло им повелѣ во Александрии в торговли пребывати.

И молитъ Истванъ онѣхъ купцевъ, дабы за его прошение отписали во град Еневъ къ Викентию, чтобы во Александрию скоро пришелъ, яко: «Вси твои залоги в руцѣ твои возвратятся, и печаль твоя на радость преложится, и взыдетъ печаль на главу оскорбившему тя. Ты же безо всякаго сомнѣния подщися прийти не мѣшкавъ. О семъ бо твоемъ пришествии вси поручаемся, яко не водще твое пришествие будетъ во град Александрию». Оныя же купцы по прошению Иствана писаша во градъ Еневъ ко оному купцу Викентию и за поручениемъ своимъ с великою вѣрностию. И по семъ Истванъ моли оных купцевъ, чтобы то его моление к нимъ тайно было и никто бы того отнюдъ не вѣдалъ, дондеже Господь Богъ по своей праведной воли что сотворитъ. Купцы же Иствану сие сотво-

[1] зная.

риша за велиею клятвою, яко ни единъ развѣ ихъ может вѣдати, доколѣ Викентий во Александрию приидет.

И послаша к Викентию вѣрна человека сь ѣпистолиею. Викеньтий же епистолию прочетъ и недоумѣваяся, дивяся бывшему, глаголя в себѣ: «Господи Боже мой, ты вся вѣси! Что сие бысть? И кто может толикую печаль от сердца моего отъяти, иже мя в конецъ сокруши? Но обаче[1] буди воля твоя надо мною, Боже и Творче мой, Создателю и Избавителю, твори, еже благоволиши». И тако упование свое возложи на Господа Бога Вседержителя, глаголя: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка, аминь». И тако пойде в путь свой. В пути же его помогая ему во всемъ Господь Богъ. И скоро приплове во град Александрию.

Истванъ же реченный, жена Викентиева, зѣло соблюдаше лукаваго Амбросия и надзираше его, дабы не ушелъ из града Александрии. И часто его к себѣ емлюще, и всячески его угостѣвая и любовь к нему яко ко присному другу показоваше, и самъ его посѣщаше всегда, чимъ бы его удержати до Викентия. И единою[2] того Амбросия Истванъ приведе пред лице салтаново и первѣе упокоивши его всякими питии с великою честию. И похвалися Истванъ пред салтаномъ милостию оного Амбросия, яко драгими вещми одари его. И положи Истванъ пред салтаномъ оныя драгия вещи, клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный. Салтанъ же видѣвъ тыя драгия вещи, зѣло дивися и начатъ Амбросия вопрошати: «Како и откуду таковыя драгия вещы в руку твоею приидоша?» Амбросий же, не чая себѣ ничего злаго, повѣда салтану всю истинну, яко похваляяся или величание себѣ в том творяше. Салтанъ же удивляяся, а Истванъ, слушая, от великия болѣзни сердечныя воздохнувъ, обаче яко нѣкое новое благополучие обрѣте — очима плачася, сердцемъ же велми радуяся.

И услыша Истванъ от онѣхъ купцевъ, яко Викентий во Александрию прииде. И начатъ Истванъ молити царя салтана, да повелитъ пред себе купцевъ представити, Викентия от града Еневы да Амбросия, иже от града Пляцѣнтии. Салтанъ же для моления вѣрнаго и любимаго своего слуги Иствана повелѣ к себѣ боляръ своих и думных созвати и сѣде с ними на судище, и онѣхъ купцевъ вскорѣ повелѣ пред собою представити. Викентий же и Амбросий сташа пред царемъ. И абие Истванъ принесе оныя драгия вещи, клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный, и положи на столъ пред царемъ и пред всѣми боляры. И паде пред царемъ Истванъ и начатъ со слезами у царя просити милости: «Прошю тя и молю, вседержавнѣйши и великий царю, сотвори судъ между нами праведный. Сия драгия клейноты и поясъ, и перстень, еже за твою царскую ко мнѣ милость даровалъ ми есть сий онъ купецъ Амбросий. Изволи, великий царю, вопросити его при всѣхъ предстоящихъ и присѣдящихъ твоему царскому сигклиту, гдѣ онъ, Амбросий, и какимъ промысломъ сия драгия вещы досталъ, дабы

[1] однако; [2] однажды.

онъ при твоей царской милости и пред всѣмъ твоимъ честнымъ сигклитомъ истинну повѣдал». Царь же салтанъ тако рекъ: «Зѣло бо азъ имѣю в памяти прежнее Амбросиево о сихъ вещехъ повѣдание, но токмо сигклитомъ и всѣмъ боляром о семъ истину повѣдай». И рекъ Амбросию: «Повѣждь ми при всѣхъ самую истинну и не погрѣши ни в чемъ. Не убойся мене, ниже кого постыдися. Аще будетъ сия вина, но обаче явенъ грѣхъ малу вину творитъ. Слышахъ бо азъ про сего купца Викентия, яко былъ есть зѣло благославенъ в куплѣхъ своихъ, но како в толикое убожество прииде, не вѣсть бо здѣ никто же, токмо ты, Амбросие. Повѣдай правду сигклитом моим. А азъ от тебе прежнее повѣдание добрѣ в памяти своей вѣмъ. Повѣдай нынѣ истинну свою явѣ, да вси слышащии увѣдят».

Сердце же оному злодѣю Амбросию зѣло ужасеся, видя близ себе купца Викентия стояща. И помысли в себѣ, яко: «Аще и истину азъ пред царемъ повѣмъ или не истинну, не будетъ обличающаго». Зане чаяше, яко жена Викентиева убиена есть, а инѣхъ на сию истину свидѣтелей нѣсть. А о семъ недоумѣвашеся, что Истванъ жена Викентиева есть. И паки то в себѣ помысли, яко: «Аще за неправду мою и повелитъ царь салтанъ оный залогъ вспять возвратити сему Викентию, и то мнѣ тщета будетъ неболшая, понеже чюждее отдать неболѣзненно, но азъ тѣмъ залогом приобрѣтохъ себѣ богатство многое». И повѣда Амбросий царю при всѣхъ болярехъ и думныхъ весь свой злокозненный поспѣхъ[1] того дѣла, како, будучи во градѣ Парижи, похвалился онъ Викентий многими добродѣтелми, и крѣпким житием, и милостивымъ нравомъ жены своея Флорентии, и противу сего глаголах с похвалою, яко: «Аще и попремногу добронравна жена твоя, но от мене не отстоится, но сотворитъ волю мою, его же азъ пожелаю. Сей же Викентий за оную мою досаду хотѣ залогъ со мною положити за добродѣтель жены своея главу свою, что отнюдь воли моей не имать сотворити. Азъ же о главѣ залога положити не восхотѣхъ и рекъ ему, Викентию: „Положимъ между собою залогъ о пяти тысящахъ златыхъ". И тако договоришася, положихом таковый залогъ. Прилучиша же ся ту с нами наша братия, разных градов купцы, и на томъ залогѣ руки наша разняша. Сей же Викентий остался во градѣ Париже, азъ же отплыхъ оттуду и доплыхъ до града Еневы. И начат тамо окрестъ живущихъ дому Викентиева сосѣдей спрашивати о женѣ его, како бы сподобился ея видѣти и побесѣдовати с нею. Сосѣди же повѣдаша ми, яко отнюдь с нею невозможно нигдѣ снити[2], понеже бо неисходима есть из дому своего и пребывает в великой крѣпости и добронравии. Азъ же начах искати к ней иного пути. И обрѣтох нѣкоторую бабу по своему намѣрению, *е*же поползновенна есть на приятие даровъ и в домъ Викентиевъ входима есть. Азъ же начатъ любезно к ней припадати и дары ей вдахъ. И посла ея в домъ Викентиевъ, да присмотрит тамо входы и исходы, и что есть в дому Викентиевѣ от нарочитыхъ ве-

[1] успех, удача; [2] сойтись.

щей, и гдѣ, и в какихъ мѣстахъ лежащия, да возвѣститъ ми о всем явственно, чтобы мнѣ и чимъ увѣрити Викентия. Оная же баба бысть в дому ихъ и видѣ, яко инако ми въ дому Викентиевѣ видѣти жену его невозможно, умысли мя в скрыни тамо принести. И тако молила жену его, Викентиеву, дабы ей повелѣла скрыню ея в дому своемъ в клѣти поставити на едину нощь, идѣже ложе ея. А о себѣ повѣда женѣ Викентиевѣ, яко бы отъити от града недалече нѣкоея ради потребы. Добронравная же и простодушная она госпожа Флорентия повелѣ ей скрыню свою принести. Баба же, пришедши, возвѣсти ми о семъ, яко и како быти тебѣ невозможно в дому Викентиевѣ, но токмо развѣ сокрытися в скрыни и отнесенну быти тамо. Сотворихом же скрыню велию и утлину потаенную из нея. И тако в скрынѣ оной отнесенъ бысть в домъ Викентиевъ и поставленъ в клѣти при ложи жены его. И посмотрихъ оною потаеною утлиною по всей клѣти, и не видѣ мя тамо никто же, отомкнувся извну и вышед *ис* скрыни, и ходих единъ по клѣти, и вся вещы, тамо бывшия, присмотрихъ. И узрѣ при возглавии ложнѣмъ[1] шкатуну водовейную и отворихъ ея, и сия драгия клейноты и поясъ, и перстень из шкатуны взяхъ съ собою, и тако в скрыню свою влѣзохъ и замкнувся извнутри. И егда прейде день и приближися вечеръ, прииде оная госпожа Флорентия в клѣть свою з дѣвицами, и сяде на ложи своем, и начат раздѣватися. И с прочею одеждою и срачицу съ себе совлечет. Азъ же утлиною прилѣжно смотрях и узрѣ на тѣле ея под лѣвымъ сосцемъ борадавку з пятию или з шестию власы лисоватыми. А с нею ни единаго слова не глаголах и гласа моего не смѣяхъ явити ей, а потомъ нигдѣ никогда же не видѣхъ ю».

Викентий же услыша от Амбросия таковыя глаголы и от великия болѣзни паде на землю, яко мертвъ. И едва отдохнувъ, и начат рыдати и глаголати: «О злый и многокозненный Амбросие! Порадовахся тлѣнному богатству, неправду ми еси прежде о женѣ моей повѣдалъ! Азъ же простою моею душею пояхъ вѣры ложному твоему доводу и того ради залог той отдахъ и добронравную жену мою без всякаго милосердия рабу своему в пустѣ мѣсте повѣлѣхъ за то убити и полскимъ[2] звѣремъ и птицамъ небеснымъ на снѣдение оставити». И сия слышавшии царь салтанъ, князи и боляре и весь сигклитъ царский зѣло о семъ печални быша, и мяхкосердечнии же велми прослезившеся, и увѣщающе Викентия от плача и рыдания.

Истванъ же, не могий от слез удержатися, начат с великимъ рыданиемъ плакати. Приступи близ Викентию и паде пред царем, глаголя: «О пресвѣтлый и вседержавный царю! Благодарю тя за премногую твою ко мнѣ милость, яко на правду сего Амбросия привелъ еси. Его же азъ, окаянная, отнюдъ никогда же видѣла. Се бо мужа моего Викентия ложно до великаго убытку доведе и нестерпимыя срамоты достави. А мене, бѣдную и убогую, в погибель врину и *в* вѣчное

[1] в изголовье постели; [2] полевым.

позорище и посмѣятелство приведе, и худыя славы доставилъ. А сей Викентий есть воистинну возлюбленный мой мужь!» И, объемши Викентия, начат рыдати зѣлне и облобыза его, и рече ему: «Сожителю мой драгий и прелюбезный! Аз есмь возлюбленная жена твоя Флорентия». И отложа стыдъ, открывъ перси своя и показа мужеви своему Викентию для достовѣрия под лѣвымъ сосцемъ своимъ борадавку с лисоватыми власы. Викентий же добрѣ увѣрився. И вси, зряще в той часъ, познаша ю быти жену. Царь же салтанъ начатъ дивитися з боляры своими доброму разуму и смиреномудрию жены Флорентии, яко в толикой печали и во многом сѣтовании и скорби велицѣй не премѣни благочестия своего, но обаче уцѣломудрися и во всемъ служении своемъ царю салтану любима велми бысть.

И въ той часъ повелѣ царь салтанъ залогъ Викентиевъ у Амбросия скоро взяти и вся имѣния, еже приобрѣлъ есть Амбросий тѣмъ богатствомъ, повелѣ Викентию и женѣ его отдати. Купца же Амбросия нага поставляше. И повелѣ царь вскорѣ медомъ намазати его по всему тѣлу и, отвезше в лѣсъ, за ребра повѣсити. И тако от различныхъ червей, и от осъ, и от пчелъ, и от шерсней, и от мухъ, и от павуковъ, и от слепней на долгое время яденъ бысть и злѣ замучися.

Викентий же з женою своею Флорентиею царю салтану воздаша благодарение за истинное его правосудство. И облечеся Флорентия в женское платие, и бысть велми прекрасна, добротою своею процвѣтая, якоже доброплодный финикъ, и добронравиемъ украшаяся, яко маслина плодовита, паче многихъ славныхъ женъ. Царь же отпусти ихъ с миромъ и проводити ихъ повелѣ до града Еневы со всѣм имѣниемъ Амбросиевымъ до дому ихъ во всякомъ благочестии и славе велицѣй. И своими царскими дары по премногу одари ихъ за оную вѣрную службу и за великое терпѣние Истваново.

Баба же оная, которая помогала злокозненному Амбросию во злодѣйствѣ его, должна бы была по повелѣнию цареву велицѣй муцѣ. Но прежде увѣдала, яко за ея промыслом повелѣ Викентий жену свою убити, убояся велми и прежде пришествия ихъ во град, скоро шед в нѣкое мѣсто, сама ся объсила[1].

По сем же Викентий з женою своею доидоша до града Еневы и до дому своего и начаша жити в велицѣй радости и в веселии, славяще Христа Бога и Пречистую его Богоматерь. И от имѣния своего начаша милостыню многу творити, рабы и рабыни своя надѣляти добрѣ и вся убогия и бѣдныя, хромыя и слѣпыя в домъ свой приводити и питати, и нагия одѣвати, и того ради наипаче богатством отвсюду множащимся. И тако в великом богатствѣ и славѣ пожиша лѣта доволна. Чада своя воспитавше и добрѣ их управиша со всяким преполнениемъ. И рабы своя, якоже и чада своя, богатством преисполниша и свободу коемуждо ихъ даша. Раби же до живота ихъ не восхотѣша отъити никако, они же самоволно, яко отцевъ чада, держахуся и служахуся имъ вѣрно во всем.

[1] повесилась.

Оного же раба, иже дарова Флорентии живот вмѣсто незапныя смерти, начаша зѣло любити и жаловати по премногу, яко сына своего единороднаго, и вся имѣния своя ему вручиша. Онъ же вмѣсто господина своего бысть во градѣ Еневѣ славный купецъ и во вся страны и в помория своими корабли плавания творяше, и во многихъ окрестных царствах славенъ и честенъ купецъ, якоже и Викентий.

Зрите, любимицы, яко правда от смерти избавляет,
иже кто ея крѣпцѣ в себѣ сокрывает.

Конецъ.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ГРИГОРИИ

ПОВѢСТЬ О НѢКОЕМЪ КУПЦЕ ГРИГОРИИ, КАКО ХОТѢ ЕГО ЖЕНА З ЖИДОВИНОМЪ УМОРИТИ

Бысть во граде Римѣ человекъ купеческий[1], именемъ Григорий, имѣя богатства мъного. Прилучи же ся[2] ему нѣкогда отплыти на куплю[3] с кораблемъ и замѣдлѣвъшу ему тамо два лѣта[4]. Бѣ же у него жена красна, младостию цвѣтуще. По дѣйству диаволю без него впаде въ блуд с нѣкоимъ жидовиномъ. Той же жидовинъ, исполненъ въсякого волхвавания, сотвори, еже не любити ей мужа своего, но возлюбити вельми того жидовина, мужа же своего Григория не хотя и имени слышати.

Нѣкогда же глагола ей жидовинъ: «Аще хощеши мнѣ быти женою, то азъ мудростию учиню мужа твоего заочно мертва». Она же глаголаше: «Твори, господине, еже хощеши. Азъ тебѣ предаю себе и домъ весь, токмо врага моего потщися[5] избыти Григория. Азъ бо с тобою вѣчно хощу жити». Той же окаянный жидовинъ слия в воску[6] образъ подобия Григориева и чарова над нимъ много. И повелѣ ей принести лукъ и стрелу, хотя стрелити во образъ той.

В то же время прилучися Григорию купцу возвратитися с купли в домъ свой и приближися к Риму. И нѣкто, человекъ незнаемый, ста во срѣтение[7] ему: «Радуйся, Григорие, яко возвратился еси с прибытком многимъ! Но скоро в сий час злою смертию живота лишишися от чародѣя злаго. Аще же хощеши такия смерти избыти, послушай совѣта моего: повели въскорѣ, да привезут здѣ тчанъ[8] великий с водою, чтобь тебѣ вмѣститися в него».

И скоро устроиша тако. Еще жъ той мудрецъ устроил зерцала великое и много над тою водою мудръствовахъ. И повелѣ Григорию во тчанъ внити и вскоре погрузитися единожды. Он же сотвори тако. Повелѣ же ему посмотрити в зерцала и рече: «Что видиши? Понеже[9] узриши в семъ зерцалѣ себе смерть и животъ». Григорей же, егда погрузися въ воду и посмотре въ зерцало, рече доб-

---

[1] купец; [2] случилось; [3] торговые дела; [4] задержался он там на два года; [5] постарайся; [6] сделал из воска; [7] повстречался; [8] чан, ванна; [9] потому что.

рому приятелю своему: «Вижу, что въ дому моемъ жидовинъ взя лукъ, жена же моя подаетъ ему стрѣлу. Той жидовинъ хощетъ стрелити во образъ мой, в воску слиян». И рече *мудрец*: «Зло сие знамение, понѣже близъ есть смерть твоя. Обаче[1] не буди печален, блудися, зря[2] в зерцало беспрестанно. Егда неприятель той натянетъ лукъ той, в той часъ въскоре погрузися въ водѣ сей». Григорий же сотвори тако. Посемъ паки[3] в зерцало посмотре. Мудрецъ же паки вопроси его: «Что видеши?» Он же рече: «Вижу жидовина печална, что не попаде во образ мой. И, разъяривъся, приимъ у жены моей вторую стрелу и хощетъ стрелиты во образ мой». Мудрецъ же рече: «Твори, якоже тебе азъ заповѣдалъ». Сотвори же Григорей тако и возре в зерцало. И видѣ жидовина печална и рыщюща по полатѣ, много волъхвуя, зубы скрежетая[4] и власы терзающа, яко второе не получи[5] желания своего. И взя лукъ, жена же его подаде ему третию стрѣлу. И прииде жидовинъ близъ образа Григориева, хощетъ стреляти в него. Григорий же ужасеся и сказа все, яко «прииде близъ образа моего жидовинъ». Мудрецъ же рече ему: «Зѣло блюдися сей часъ. Аще не сохранишися в воду въскоре, то злѣ умреши!» Григорий же, весь трепетенъ, стоя и в зерцало непрестанно взирая. Егда же жидовинъ нача лукъ натягати, а Григорей весь сохранися въ воду. И, егда погружися, посмотре в зерцало, нача смѣятися. Мудрецъ же вопроси его: «Что тако радуешися?» Онъ же отвѣща: «Вижу, господинѣ мой, что стрѣлилъ жидовинъ во образ мой и не попаде в него, но стрѣла та прииде в стену и, отскочивши, уязви его самого. Онъ же злѣ скончася, жена же моя тѣло его закопа под мостъ[6] въ полатѣ той». Мудрецъ же рече: «Нынѣ благодари Бога, здравъствуй, иди в домъ свой». Григорий же поклонися ему до земли и много надаривъ его.

И прииде здрав въ домъ свой, жена же его облечеся в драгия одѣжды, изыде во стрѣтение ему, радуяся и обънимая его, глаголя: «Откуду мнѣ солнце возсия и от печалныя зимы обогрѣло?» И слезивши много, потомъ нача радоватися о здравии его, что в добромъ здравии от пути Богъ принесъ.

Григорий же созва всѣхъ и отца духовнаго, нача имъ на нея жаловатися, како, согласившися с мужемъ новымъ, жидовиномъ, хотя его злой смерти предати и како той жидовинъ слия въ воску образъ его «злохитрством своимъ для смерти моей». И показа имъ образ той на стенѣ. «И нынѣ азъ не хощу с нею жити, но якоже вы хощете, тако с нею творите. А нынѣ не имать быти[7] мнѣ женою». Она же нача плакати и клятися, что «отнюдь сего не знаю и образ твой того ради сотворила, чтобы мнѣ зрѣти на него *и твою б* любовь во всякъ часъ поминати. А ты мене нынѣ поносиши злодѣйственными словами! Азъ ни зла какого повиннаго, ни жидовина не знаю». И начаша его сродницы ея обличати: «Что неправдою на невинность возлагаеши[8], понеже не хощеши ея любити!» Он

[1] однако; [2] смотря; [3] опять, снова; [4] скрежеща зубами; [5] вторично не исполнилось; [6] пол; [7] не будет; [8] ложно невинную обвиняешь.

же много о семъ глаголя с ними и како его о семъ Богъ избавилъ от тоя горкия смерти. «И аще о томъ вѣры мнѣ не имѣте,[1] то покажу вамъ на обличение чюдное свидетельство». И повелѣ Григорий подмостъ[2] разломати и выняти того злодѣйственнаго жидовина. Видевши же сие, жена его от страха не вѣдая, что глаголати, сродницы же такожде постыдѣшася.

И отдаша ея суду градъскому, и тако много мучиша ея и предаша горкой смерти.

---

[1] не верите мне в этом; [2] подполье.

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

МѢСЯЦА ГЕНВАРЯ ВО 2-Й ДЕНЬ. УСПЕНИЕ СВЯТЫЯ ПРАВЕДНЫЯ УЛЬЯНѢИ, МУРОМЪСКИЕ ЧЮДОТВОРИЦЫ

Во дни благовѣрнаго царя и великого князя Иоанна Василиевича* всея Русии от его царьского двора бѣ мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Иустинъ, пореклом Недюревъ,* саномь ключникъ, имѣя жену, такову же боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григориеву дщерь *Лукина*,* от града Мурома. И живяста во всякомъ благовѣрии и чистотѣ, и имяста сыны и дщери, и много богатьства, и рабъ множество. От нею же родися сия блаженная Улияния.

Бывши же ей 6 лѣт, умре мати ея, и поятъ ю[1] в предѣлы муромъские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия, Никифора Дубенского *дщи, и воспитающе* во всякомъ благовѣрии и чистотѣ 6 же лѣтъ. И умре баба ея, и по заповѣди ея поятъ ю к себѣ тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова.

Сия же блаженная Улияния от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имѣя во всемъ послушание и смирение, и молитвѣ и посту прилѣжаше. И того ради от тетки много [2]сварима бѣ[2], а от дщерей ея посмѣхаема. И глаголаху ей: «О безумная! Что в толицѣй младости плоть свою изнуряеши и красоту дѣвьственую погубиши?» И нуждаху ю рано ясти и пити. Она же не вдаяшеся воли ихъ, но все со благодарениемъ приимаше и с молчаниемъ отхождаше, послушание имѣя ко всякому человѣку. Бѣ бо измлада кротка и молчалива, небуява,[3] невеличава и от смѣха и всякия игры отгребашеся, аще и многажды на игры и на пѣсни пустошные от сверьстницъ нудима бѣ[4]. Она же не приставаше к совѣту ихъ, [5]недоумѣние на ся возлагаше[5], и тѣмъ потаити хотя своя добродѣтели. Точию [6]въ прядивномъ и в пяличномъ дѣлѣ[6] прилѣжание велие имяше, «и не угасаше свѣща ея вся нощи».* А иже сироты и вдовы немощныя в веси[7] той бяху, и всѣх обшиваше, и всѣхъ нужных[8] и больныхъ всяцѣмъ добромь назираше[9], яко всѣмъ дивитися ра-

---

[1] ее; [2—2] бранима была; [3] незаносчива; [4] принуждаема была; [5—5] притворяясь неумеющей; [6—6] в прядении и вышивании; [7] в селе; [8] нуждающихся; [9] снабжала.

зуму ея и благовѣрию. И вселися в ню страхъ Божий, не бѣ бо в веси той церкви близъ, но яко два поприща.* И не лучися ей в дѣвичестѣмъ возрастѣ в церковь приходити, ни слышати словесъ Божиихъ почитаемыхъ, ни учителя учаща на спасение николиже, но смысломъ бо Господним наставляема нраву добродѣтелному.

Егда же достиже 6-го на 10 лѣта[1], вдана бысть мужу добродѣтельну и богату, именемъ Георгию, прорекломъ Осорьину, и вѣньчани быша от сущаго ту попа, именем Потапия,* въ церкви праведнаго Лазаря в селѣ мужа ея.* Сей поучивъ ихъ по правиломъ святымъ закону Божию, она же послуша учения и наказания[2] внятно и дѣломъ исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животѣ сущимъ,* иже видѣвъше ю возрастомъ и всею добротою исполнену и разумну, и повелѣста ей все [3]домовное строение правити[3]. Она же со смирениемъ послушание имяше к нимъ, ни в чемъ не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе ꙗ[4] и вся повелѣнная ими непреткновенно[5] соверьшааше, яко всѣмъ дивитися о ней и многимъ искушающимъ ꙋ в рѣчах и во отвѣтѣхъ. Она же ко всякому вопросу благочиненъ и смысленъ отвѣтъ даяше, и вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога. По вся же вечеры довольно Богу моляшеся и колѣнопреклонения по 100 и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужемъ своимь.

Егда же мужу ея на царьскихъ службах бывающу лѣто или два, иногда же по три лѣта во Асторохани,* она же в та времена по вся нощи без сна пребывающи, в мольбахъ и в рукодѣлии, в прядиве и в пяличномъ дѣлѣ. И то продавъ, нищимъ цѣну[6] даяше* и на церковное строение; многу же милостыню отай[7] творяше в нощи, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своими руками омывая, и корьмя, и напаяа. Рабы же и рабыни удовляше[8] пищею и одеждею, и дѣло по силѣ полагаше, и никого простымъ именемъ назваше,* и не требоваше воды ей на омовение рукъ подающаго, [9]ни сапогъ разрѣшающа[9], но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смирениемъ и кротостию наказуя* и исправляше, и на ся вину отлагаше, и никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше и великого чюдотворьца Николу на помощь призываше, от негоже помощь приимаше.

Во едину же нощь, воставъ по обычаю на молитву без мужа, бѣси же страхъ и ужасъ великъ напущаху ей. Она же, млада еще и неискусна *тому*, убояся и ляже на постели, усну крѣпко. Увидѣ много бѣсы, при*ш*едша на ню со оружиемъ, хотяще ю убити, рекуще: «Аще не престанешъ таковаго начинания, абие[10] погубим тя!» Она же помолися Богу и Пречистой Богородицѣ и святому Николѣ. И явися ей святый Никола, держа книгу велику,* и разгна бѣсы, яко дым бо изчезоша.* И воздвигъ десницу[11] свою, благослови ꙋ, глаголя: «Дщи

[1] шестнадцати лет; [2] наказа, наставления; [3—3] управлять домашним хозяйством; [4] их; [5] безотказно; [6] вырученные деньги; [7] тайно; [8] снабжала; [9—9] обувь снимающего; [10] тотчас; [11] правую руку.

моя, мужайся и крѣпися и не бойся бѣсовъскаго прещения[1]: Христосъ бо мнѣ повелѣ тебе соблюдати от бѣсовъ и злыхъ человѣкъ!» Она же, абие от сна возбнув[2], увидѣ явѣ мужа, из храмины дверьми изшедъша скоро, аки молнию. И воставъ, скоро иде вослѣдъ *его*, и абие невидимъ бысть, но и притворъ[3] храмины тоя крѣпко запертъ бяше. Она же оттолѣ, извѣщение приемши, возрадовася, славя Бога, и паче перваго добрыхъ дѣлъ прилѣжаше.

Помалѣ же Божию гнѣву Русскую землю постигъшу за грѣхи нашы: гладу велику зѣло бывшу, и мнози от глада того помирааху. Она же многу милостыню отай творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на полъденное ядение и все нищимъ гладнымъ даяше. Свекры же глагола ей: «Какъ ты свой нравъ премѣни! Егда бѣ *хлебу* изообилие, тогда не могох тя к раннему и полуденному ядению принудити. А нынѣ, егда оскудѣние пищи, и ты раннее и полъдневное ядение взимаешъ». Она же, хотя утаитися, отвѣща ей: «Егда не родихъ дѣтей, не хотяше ми ся ясти. И егда начахъ дѣти родити, обезсилехъ и не могу не ясти. Не точию[4] в день, но и нощию множицею хощетъ ми ся ясти, но срамляюся у тебе просити». Свекры же, се слышавъ, рада бысть и посылаше ей пищу довольну не точию в день, но и в нощь, бѣ бо у нихъ в дому всего обилно, хлѣба и всѣх потребъ. Она же, от свекрови пищу приимая сама, а не ядяше, гладнымъ все раздаяше. И егда кто умирааше, она же наймаше омывати, и погребальное даяше, и на погребение сребреники даяше. А егда в селѣ ихъ погребахутъ мертвыхъ кого ни буди, о всякомъ моляся о отпущении грѣхъ.

Помалѣ же моръ бысть на люди силен, и мнози умирааху пострѣлом[5], и оттого мнози в домѣхъ запираахуся, и уязвенных пострѣломъ в домъ не пущаху, и ризам не прикасахуся. Она же, отай свекра и свекрови язвенныхъ многихъ своима рукама в бани омывая, цѣляше и о исцѣлении Бога моляше. И аще кто умирааше, она же, многи сироты своими руками омывъ и погребальная возложъ, погребати наймая и сорокоустъ* даяше.

Свекру же и свекрови ея въ глубоцѣй старости во иноцѣх умерьшимъ, она же погребе ихъ честно. Многу милостыню и сорокоусты по нихъ разда, *и повеле* служити по нихъ литоргию,* и в дому своемъ покой мнихомъ и нищимъ поставляше во всю 40-цу* по вся дни, и в темницы[6] милостыни посылаше. Мужу бо ея в то время на службѣ во Астарохани три лѣта и болѣ бывшу, она же по нихъ много имѣния в милостыню истроши, не точию в ты дни, но и по вся лѣта творя память умерьшимъ.

И тако поживъ с мужемъ лѣта довольна во мнозѣ добродѣтели и чистотѣ по закону Божию, и роди сыны и дщери.* Ненавидяй же добра врагъ тщашеся спону[7] ей сотворити, часты брани воздвизашася въ дѣтехъ и рабѣхъ. Она же, вся смыслено и разумно разсуждая, смиряше. Врагъ же наусти[8] раба ихъ —

---

[1] запрета; [2] пробудившись; [3] сени, передняя; [4] не только; [5] от моровой язвы; [6] в тюрьмы; [7] препону, препятствие; [8] подстрекнул, подговорил.

и уби сына ихъ старѣйшаго. Потомъ и другаго на службѣ убиша. Она же вмалѣ *аще* и оскорбися[1], но о душяхъ ихъ, а не о смерти, но почти ихъ пѣниемъ, и молитвою, и милостынею.

Потомъ моли мужа отпустити ю в монастырь, и не отпусти. Но совѣщавшеся вкупѣ жити, а плотнаго совокупления не имѣти. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозѣ молитвѣ возлегаше на пещи без постели, точию дрова острыми странами к тѣлу подъстилаше, и ключи желѣзны под ребра своя подлагаше, и на тѣхъ мало сна приимаше, дондеже[2] рабы ея усыпааху. И по томъ вставаше на молитву во всю нощь и до свѣта. И потомъ въ церковь вхожаше к заутрени и к литоргии, и по томъ ручному дѣлу прилѣжаше и домъ свой богоугодно строяше. Рабы своя довольно пищею и одѣяниемъ удовляше и дѣло комуждо по силѣ задавааше, вдовами и сироты печашеся и бѣднымъ во всемъ помагааше.

И поживъ с мужемъ 10 лѣтъ по разлучении плотьнѣ, и мужу ея преставльшуся, она же погребе ѝ[3] честно и почти пѣниемъ и молитвами, и сорокоусты, и милостынею. И паче мирская отверже, и печашеся о душѣ, какъ угодити Богу, ревнуя прежнимъ святымъ женам, моляся Богу, и постяся, и милостыню безмѣрну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищимъ милостыню, и въ церковь по вся дни хождааше к пѣнию. Егда же прихождааше зима, взимаше у дѣтей своихъ сребреники, чимъ устроити одежду, и то раздая нищимъ. Сама же без теплыя одежды в зиму хождааше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозѣ своѣ орѣховы скорлупы и чрепие[4] острые вмѣсто стелекъ подъкладаше и тѣло томяше.

*В*о едино же время зима бѣ студена зѣло, яко земли разсѣдатися от мраза. Она же нѣколико время к церкви не хождааше, но в дому моляся Богу. Во едино же время зѣло рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему гласъ от иконы Богородичны: «Шедъ, рцы милостивой Ульянѣи, что в церковь не ходитъ на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная. Вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лѣтъ, и Духъ Святый на ней почиетъ».* Попъ же, в велицѣмъ ужасѣ бывъ, абие прииде к ней, падъ при ногу ея, прося прощениа, и сказа ей видѣние. Она же [5]тяжко внятъ[5], еже онъ повѣда предъ многими, и рече: «Соблазнился еси[6], егда о себѣ глаголеши. Кто есмь азъ, грѣшница, да буду достойна сего нарицания». И закля его[7] не повѣдати никому. Сама же иде въ церковь и, с теплыми слезами молебная совершивъ,* цѣлова икону Богородицыну. И оттолѣ болѣ подвизася к Богу, ходя к церкви.

По вся вечеры моляшеся Богу [8]во отходной храминѣ[8]. Бѣ же ту икона Богородицына и святаго Николы. Во единъ же вечеръ вниде в ню по обычаю на

---

[1] поскорбела; [2] пока... не; [3] его; [4] черепки; [5—5] с опасением выслушала; [6] ошибся; [7] взяла с него клятву; [8—8] в уединенном помещении.

молитву, и абие бысть храмина полна бѣсовъ со всякимъ оружиемъ, хотяху убити ю. Она же помолися Богу со слезами, и явися ей святый Никола, имѣя палицу, и прогна ихъ от нея, яко дым исчезоша. Единого же бѣса поймавъ, мучаше. Святую же благослови крестомъ и абие невидимъ бысть. Бѣсъ же плачя вопияаше: «Азъ ти многу спону творяхъ по вся дни: воздвизах брань в дѣтех и в рабѣхъ. К самой же не смѣяхъ приближитися ради милостыни, и смирения, и молитвы». Она бо, безпрестани в руках имѣя чотки, глаголя Исусову молитву.* Аще ядяше и пияаше *или* что дѣлая,* непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба подвизаст*ася*[1] на славословие Божие. Многажды видѣхомъ ю спящу, а рука ея чотки отдвигаше. Бѣсъ же бѣжа от нея, вопияаше: «Многу бѣду нынѣ прияхъ тебе ради, но сотворю ти спону на старость: *начнеши* гладомъ измирати, не чюжихъ корьмити». Она же знаменася крестомъ — и исчезе бѣсъ от нея. Она же к намъ прииде ужасна вельми[2] и лицемъ премѣнися. Мы же, видѣхомъ ю смущену, вопрашахомъ, — и не повѣда ничтоже. Непомнозе[3] же сказа намъ тайно и заповѣда не рещи никому.

И поживъ во вдовъствѣ 9 лѣтъ, многу добродѣтель показа ко всѣмъ, и много имѣния в милостыню разточи, точию нужные потребы домовъные оставляше, и пищу точию годъ до года розчиташе, а избытокъ вся требующимъ растакаше[4]. И продолжися животъ ея до царя Бориса. В то же время бысть гладъ крѣпокъ* во всей Русстѣй земли,* яко многимъ от нужды скверных мясъ и человѣческихъ плотей вкушати, и множество человѣкъ неизчетно гладомъ изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всѣхъ потребных, яко отнюдъ не прорасте из земли всѣеное жита ея. Кони же и скоты изомроша. Она же моляше дѣти и рабы своя, еже отнюд ничему *чужу* и татьбе[5] не коснутися, но елико оставшыя — скоты, и ризы, и сосуды — вся роспрода на жито, и от того челядь корьмяше, и милостыню довольну даяаше, и в нищетѣ обычныя милостыни не розстася, и ни единого от просящих не отпусти тща[6]. Дойде же в послѣднюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея. И о томъ не смятеся, но все упование на Бога возложи.

В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградъцкия,* и не бѣ ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не хождааше к церкви, но в дому молящися. И о томъ немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва,* и иныхъ святыхъ. Велицѣ же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладомъ. От них же доброразъсуднии обѣщахуся с нею терпѣти, а инии отъидоша. Она же со благословениемъ и молитвою отпусти я, не держа гнѣва нимало. И повелѣ оставшим рабомъ собирати лебеду и кору древяную, и в томъ хлѣбъ сотворит*и*. И от того сама съ дѣтьми и рабы питашеся, и

---

[1] устремлялась; [2] в сильном смятении; [3] вскоре; [4] раздавала; [5] воровству и грабежу; [6] с пустыми руками.

молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ.* От того же нищимъ даяаше и никого *тща* не отпусти, в то бо время без числа нищих бѣ. Сосѣди же ея глаголаху нищимъ: «Что ради в *Ульянин* домъ ходите? Она бо и сама гладомъ измираетъ». Они же повѣдаша имъ: «Многи села обходим и чистъ хлѣбъ вземлемъ, а тако в сладость не ядохомъ, яко сладокъ хлѣбъ вдовы сея». Мноз*и* бо имени ея не вѣдаху. Сосѣди же, изобильн*и* хлѣб*омъ*, посылаахху в домъ ея просити хлѣба, искушающ*е ю*. И такоже свидѣтельствующа, яко вельми хлѣбъ ея сладокъ. И дивися человѣку к себѣ: «Горазди рабы ея печь хлѣбовъ!» И не разумѣюще, яко молитвою ея хлѣбъ сладокъ. Потерпѣ же в той нищетѣ два лѣта, не опечалися, ни смутися, ни поропта, и «не согрѣши ни во устах своихъ, [1]и не дастъ безумия Богу[1]».* И не изнеможе нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела бѣ.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболѣся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. Въ день лежа моляшеся, а в нощи, воставая, моляшеся Богу, особь[2] стояше, никимъ подъдержима, глаголаша бо: «И у больнаго Богъ истязуетъ[3] молитвы духовныя».

Генваря въ *2*-й день, свитающу дню[4], призва отца духовнаго и причастися Святыхъ Таинъ. И сѣдъ, призва дѣти и рабы своя и поучая о любви, и о молитвѣ, и о милостыни, и о прочихъ добродѣтелех. Прирече же и се: «Желаниемъ возжелах* ангельскаго образа иноческаго, не сподобихся грѣх моихъ, нищеты ради, понеже[5] недостойна быхъ, грѣшница сый убогая. Богу такъ извольшу, слава праведному суду его». И тутъ повелѣ уготовити кадило и фимиямъ положити, [6]и цѣлова вся сущая ту[6], и всѣмъ миръ и прощение дастъ, возлеже и прекрестися 3-жды, обьвивъ чотки около руки своея, послѣднее слово рече: «Слава Богу всѣхъ ради. „В руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой".* Аминь». И предастъ душу свою в руцѣ Божии, егоже возлюби. И вси видѣвше около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околъ главъ святыхъ пишется. И омывше, положьше ю в клѣтѣ, и в ту нощь видѣша свѣтъ, и свѣща горяща, и благоухание велие повѣваше ис клѣти тоя. И вложьше ю во гробъ дубовый, везоша в предѣлы муромския, и погребъше у церкви праведнаго Лазаря подлѣ мужа ея, в селѣ Лазаревѣ за четыре версты от града, в лѣта 7112-го ⟨1604⟩ генваря въ 10 день.

Потомъ над нею поставиша церковь теплую[7] во имя архистратига Михаила. [8]Над гробомъ ея лучися пещи быти[8]. Земля же возрасташе надъ нею по вся лѣта. И бысть в лѣто 7122-го ⟨1614⟩ августа въ 8 день преставися сын ея Георгий. И начаша въ церкви копати ему могилу в притворѣ между церковию и пещию, бѣ бо притворъ той без моста[9], и обрѣтъше гробъ ея на верху земли цѣлъ, не врежденъ ничимъ. И недоумѣваху, чий есть, яко от многихъ лѣтъ не бѣ ту погребаемаго. Того же мѣсеца въ 10 день погребше сына ея Георгия подьлѣ гроба

[1—1] и не роптала на Бога; [2] самостоятельно; [3] требует; [4] на рассвете; [5] потому что; [6—6] и попрощалась со всеми; [7] отапливаемую, зимнюю; [8] случилось так, что над ее могилой поставили печь; [9] без настила.

ея и поидоша в домъ его учредити погребателей. Жены же, бывъшыя на погребении, открыша гробъ и видѣша полнъ мира* благовонна, и в той часъ от ужасти не повѣдаша ничтоже, по отшествии же гостей сказаша бывъшая. Мы же, слышавъ, удивихомся и, открывше гробъ, видѣхомъ такъ, яко и жены рѣша[1] от ужасти, начерпахомъ малъ сосудец мира того и отвезохомъ во градъ Муромъ в соборную церковь. И бѣ видѣти в день, аки квас свекольный, в нощи же сгустѣвашеся, аки масло богряновидно. Тѣлеси же ея до коньца от ужасти не смѣяхомъ досматрѣти, точию видѣхомъ нозѣ ея и бедры цѣлы суща, главы же ея не видѣхомъ того дѣля, понеже на коньцѣ гроба бревно пещьное налегаше. От гроба же подъ пещь *бяше* скважня[2], еюже гробъ той ис подъпещья идяше на востокъ с сажень, доньдеже, пришедъ, ста у стѣны церковныя. В ту же нощь мнози слышаху у церкви тоя звонъ и мнѣша пожаръ и, прибѣгше, не видѣша ничтоже, точию благоухание исхождаше. И мнози слышавше, и прихождаху, и мазахуся миромъ тѣм, и облегчение от различных недугъ приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подлѣ гроба исходити перьсть[3], аки пѣсокъ. И приходятъ болящии различными недуги, и обътираются пескомъ тѣмъ, и облегчение приемлютъ и до сего дня. Мы же сего не смѣяхомъ писати, [4]яко не бѣ свидѣтельство[4].*

От части чюдесъ праведныя Улиянии

И прииде от града Мурома человѣк именемъ Иеремий Червевъ съ женою. И приведе с собою двое дѣтей — сына именемъ Андрея и дщерь дѣвицу. Оба больна: из рукъ и из ногъ кровь течаше, и из голенъ и из ручныхъ лактей. И пѣвъ молебенъ и понахиду, и от гроба святыя пескомъ отре. И абие в той часъ облегчися болѣзнь их. Егда же принесе ихъ в домъ свой, нападе на ня сонъ, и спаху день да нощъ. И воставше от сна, начаша рукама своима креститися, а преже того не можаху и ко устомъ донести болѣ двою лѣтъ. Язвы же ихъ исцѣлѣша единою недѣлею. А инии мнози изцѣлѣвъшеи тоятъ чюдеса, боящеса осуждения. В*с*его же болѣ от тресавицъ[5] изсцеление приемлютъ.

И оградихомъ гробъ той дсками околъ его менши пяди на всѣ страны. Иногда видѣхомъ к правой странѣ приклонився верхъ гроба того, а иногда — к лѣвой. И о семъ дивихомся, последи же разумѣхомъ, яко возрасташе земля подъ гробомъ тымъ и тако помалу кверху подвизашеся. И бяше вода приходя около гроба ея, и о семъ ужасохомся, яко мѣсто бѣ высоко. И явися блаженная во градѣ Муроме в девичьѣ монастырѣ дщери своей инокѣ Феодосиѣ, повелѣ выняти ся из земли. Она же пришедъ, подня гробъ ея мало и подложи под него дцку дубову. Оттолѣ же и донынѣ вода не приходитъ.

---

[1] сказали; [2] отверстие; [3] прах; [4—4] так как не было церковного освидетельствования чудес; [5] от лихорадки.

Человѣкъ именемъ Иосифъ деревни Макаровы, боляше зубы, яко многи дни ему не ясти, ни спати. И хотя от велия болѣзни удавитися. И глагола ему жена ити к рацѣ блаженныя Ульянѣи. Онъ же послуша ю, прииде единъ в польдня и помолився, отре пескомъ болящыя зубы. И абие ощути облегчение, и пришедъ в домъ свой, усну. И убудився ничимъ не врежденъ, и пойде на дѣло сѣно сѣщи.

Во едину же нощь загорѣся село то. И обьятъ *огнь* 4 двора средния, бѣша бо соломою крыты. И воста буря велия, и уже огню к церкви приближающуся. Азъ же едва возмогъ от зноя вскочити въ церковь и похвативъ перьсти[1] от гроба ея обѣма рукама. И явися в рукахъ моихъ аки вода, и вверьгохъ во огнь противъ вѣтра, такоже и съ другия страны пожара. И абие вѣтръ возвратися въспять и нача свиватися кругомъ, и двѣ храмины, сущыя от края, угасихомъ. А по обѣ странѣ по 4 двора, такоже вкупѣ саломою покрыты, соблюде Богъ от огня невреждены молитвою святыя.

Соборныя церкви попа Михаила поподия лежа въ болѣзни 5 мѣсецъ. И отпѣвъ молебенъ и понахиду, и воду святивъ, и пивъ, и отреся пескомъ от гроба святыя. И абие бысть здрава, аки не болѣвъ николиже.

Деревни Пансыревы человѣкъ именемъ Иосифъ разболѣся, и боляше горло, и не можаше глаголати, но едва перстомъ указываше. И даша ему воды с мощей святыя Ульянии, и абие в той часъ здравъ бысть и нача глаголати ясно, яко николиже боле*в*ъ.

Села Лазарева христианка Фекла бѣсом одержима много время. И приведоша ю к рацѣ святыя, и молебенъ пѣвше. И бысть здрава и смыслена.

Деревни Гороховы нѣкая жена слепа бѣ много время, не видя отнюдъ нимало. И приведена бысть к рацѣ святыя, и пѣв молебенъ — в той часъ прозрѣ, аки николиже болѣвъ, отиде в дом свой, славя Бога.

Деревни Коледина человѣкъ именемъ Климентъ боляше ногою: бысть язва, зовомая пострѣлъ, еюже мнози умирааху, бѣ бо в то время на скоты повѣтрие велико. И бысть недугъ той к смерти. Онъ же, слышавъ чюдеса преподобныя Ульянѣи, отчаявся живота и повелѣ вести ко гробу ея. И молебная соверьшивъ, отре пескомъ и въскорѣ получи здравие, очистися от язвы.

Села Корочарова человѣкъ именемъ Селивестръ бысть разслабленъ[2] три лѣта. И привезенъ бысть в село Лазарево, и, соверьшив молебная, отреся пескомъ, и вскорѣ исцѣление получи, и отиде радуяся.

Деревни Подъболотья человѣкъ именемъ Андрей бѣ разслабленъ и горбатъ, не могъ въсклонитися два лѣта. И прииде к праведной Ульянѣи и, соверьшивъ молебное, отреся пескомъ и святою водою окропися, — въскорѣ исцѣление получивъ, прослави Бога.

---

[1] праха; [2] был парализован.

Града Мурома с пасаду Матфея Черкасова* раба именемъ Мария бѣ слѣпа, не видя нимало. И приведъше ю к рацѣ святыя Ульянѣи, и совершивъ молебная и понахиду, и абие вскорѣ исцѣление получи, отиде в домъ свой, радуяся о себѣ, и на пути начя ягоды и грибы брати, аки николи болѣв.

Нѣкий отрокъ младъ, яко 10 лѣт, слѣпъ и разслабленъ, немощно и на другую страну обратитися ему; принесенъ бысть к церкви Архангела Михаила, и, совершивъ молебная, абие прозрѣ и узрѣ свѣща горяща. И болѣзнь его облегчися, и по малѣ дний воста здравъ, прослави Бога и святую.

Села Лазарева церкви Архангела Михаила клирикъ именемъ Феодоръ, и лучися болѣзнь женѣ его Агафии: десная рука отъяся, и не може ею двигнути нимало. И явися ей во снѣ блаженная Ульянѣя, глагола: «Иди въ церковь Архангела Михаила и приложися ко иконѣ праведныя Ульянѣи. И есть у тебе во ономъ мѣстѣ двѣ сребреници». И показа ей мѣсто, гдѣ лежатъ, и повелѣ ей дати попу, да приложитъ ко образу ея. Она же сотвори тако, и слушавъ молебна и понахиды, пивъ святую воду и отреся пескомъ, и абие въ той часъ исцѣлѣ, и прослави Бога и святую Ульянѣю, отиде радуяся.

Села Лазарева нѣкая жена именем Фекла, Артемьева жена Мартьянова, боляше очима зѣло. И приведъше ю въ церковь, и совершивъ молебная, и омыся святою водою и вскорѣ, исцѣление получивъ, прослави Бога и святую Ульянѣю.

Сынъ боярский именемъ Феодоръ, проректомъ Пансыревъ, лежя в болѣзни боле года воднымъ трудомъ[1] и чревомъ, понос безпрестани афендрономъ[2] идяше. И привезоша к нему песку от гроба святыя Улиянии и святыя воды. И егда испи святыя воды и треся пескомъ, абие в той часъ отокъ отпаде и поносъ закрѣпися.

Сынъ его именем Симеонъ ума изступи много время и, пришед, сверьши молебная, абие в свой умъ возвратися и бысть здравъ до сего дня.

Муромецъ дворенинъ Стефанъ Скрыпинъ, обѣ руцѣ его больны бѣста, не владѣ ими много время. И приѣхавъ к мощемъ святыя Улиянии, и молебная совершивъ. И егда священникъ прочте Евангелие, онъ же приложився, получи исцѣление, нача креститися и отиде здравъ, радуяся и славя Бога.

Московский дворянинъ Иосифъ Ковковъ* разболѣся великою болѣзнию, яко живота отчаятися. И присла слугу своего Аникиа, и совершивъ молебная, и вземъ святые воды и песку, и пивъ ю, и омывся, и пескомъ отреся — абие здравъ бысть. И получивъ исцѣление, прииде пѣшъ своима ногама, и приложи ризы поповския к церкви той, славя Бога.

154-го ⟨1645⟩, сентября въ 1-й день. Исцѣли Богъ Михаила Яковлева сына Мелникова, одержимъ бяше бѣснымъ недугомь[3].

---

[1] водянкой; [2] через задний проход; [3] буйством, сумасшествием.

155-го ⟨1646⟩, октября въ 19 день. Прикладныя копейки позлащеные тати покрали от образа и на улицѣ изронили. Всѣ цѣлы, только не обьяви Богъ, кто кралъ.

157-го ⟨1649⟩, маия во 8-й день. Везниковъския области жена нѣкая именемъ Елена, прозвищемъ Васильевы, во младыхъ лѣтѣхъ была слѣпа годъ и ко многимъ прощамъ и святымъ мѣстамъ приходила молитися.* И впади ей во умѣ о праведной Ульянѣи: итти в село Лазарево приложитися ко гробу ея и молебная соверьшити. И в томъ часѣ начатъ видѣти. И прииде к преподобнѣй здрава, яко николиже болѣвъ. И пребысть в Муроме два лѣта, приходя на память ея и погребение, молебная исправляя.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРНАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ, ИЖЕ ЕСТЬ В МУРОМСКОМ УѢЗДЕ. СПИСАНО ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МОИСѢЯ, АРХИЕПИСКОПА РЯЗАНСКОГО И МУРОМСКОГО*

Благослови, отче!

[1]Понеже убо[1] мнози слышавше, [2]нѣцыи же вѣдуще и зряще[2] о чюдотворномъ крестѣ Господне, иже из древних лѣтъ и до дьнесь пребываетъ во области града Мурома, многа содѣвая[3] преславная чюдеса и исцеления, сего ради мнози от нихъ, воспалившеся желаниемъ и вѣрою влекоми, [4]ищут увѣдети[4], откуду и како обрѣтеся[5] той бесцѣнный бисеръ[6], и вопрошаху самѣхъ служителей того чюдотворнаго креста. Они же о сем [7]ничтоже извѣстно рекоша[7], зане убо многим лѣтом претекшимъ, еще же и многа ради иноплеменныхъ нашествия на страну ону, паки же и частого ради татарского распленения древняя изгибоша писания, в кия лѣта и при коих содержателех[8] быша сия, но токмо на малей хартиице[9] просторѣчием, якоже поселя*не*[10] *написано*, держаху памяти ради.

[11]Сице убо от многих лицъ о том бываху иереемъ тѣмъ истязания[11] на многа времена. И тако тии служителие [12]стуживше зазрѣша себѣ о семъ, абие припадают[12] ко архиерею града своего, просяще молитвы от него и благословения изыскати на дѣло сие, еже и бысть: да негли како обрящутъ мужа, могуща повесть сию о чюдотворнемъ крестѣ Господне [13]благохитростне преписати[13], аки нѣкую златотканную пленицу[14] словесне украсити, елико возможно, Богу ему поспешествующу.

[15]И тако убо не вѣмъ, что ради симъ изволися оставити мнозѣхъ премудрейших на дѣло сие и достойнѣйших[15], якоже нѣгде речеся, «оставльше источников, к суху потоку приидоша, и, оставльше главу, к ногам бесѣдовати изволиша». Сице убо понуждают мое недостоинство, [16]не вѣдуща ни десна, ниже шуя[16], но токмо греху присно[17] прилежаща, еще же и мирскими всячески суетами оплетшася, груба[18] суща и витийския бесѣды ничтоже свѣдуща. Мнѣ убо,

---

[1—1] так как; [2—2] некоторые же знали и видели; [3] совершая; [4—4] стремятся узнать; [5] появился; [6] здесь: сокровище; [7—7] ничего определенного сказать не могли; [8] правителях; [9] грамотке; [10] простолюдинами; [11—11] таким образом, многие расспрашивали об этом священников; [12—12] осознав свою вину в этом, незамедлительно обращаются; [13—13] искусно написать; [14] плетеное украшение; [15—15] и не знаю, почему выбрали они меня, оставив многих, более мудрых и достойных для этого дела, чем я; [16—16] не знающего где право, а где лево; [17] всегда; [18] необразованного.

грѣшному, исперва много отрицающуся толикия дерзости дѣлу сему прикоснутися, понеже убо выше *силы* и сана моего, еще же и за немощь и недостаточества ума моего. [1]Сии же многорачителне не преслушати ми ся прилежаху[1] и честнаго креста оного самого силу в помощь на се быти ми предглаголаху. Аз же, окаянный, от обою содержимъ бѣхъ, страхом и радостию, понеже бо стърах за недостоинство претит ми глаголати, радость же и любы влечет мя вѣщати. Но обаче[2] возложих надежду на Бога, рекшаго: «Просите и приимите, [3]толцыте и отверзется[3] вамъ»,* всякъ бо, рече, — [4]«просяй — приимет и ищай — обретает»[4],* и паки рекъ, яко: «Не можете без мене творити ничесоже».* И тако убо к сему со воздыханием припадая, рекох сице: «Милосердъ буди ми, Владыко, и прости мою дерзость о нихже хощу глаголати, недостойны устнѣ имый и мысль непотребну». Рекох от сердца: «Ты убо, наставниче премудрости и смыслу давче, немудрым наказателю и нищим защитителю, утверди и вразуми сердце мое, Владыко! Ты даждь ми слово во отверзение устъ моих, иже Отчее единородное Слово, и содѣйствуй ми силою креста твоего, якоже нѣкогда немому повелѣ глаголати и глухому слышати».* И тако прострох греходѣлную мою руку и яхся[5] по дѣло сие, о немже нам слово. [6]Но убо небщу*ю*, аще и слово небытию покрывшу того славу, иже от лѣтъ прием помощь, якоже преже рѣх, к невѣдению препущаше недобре и многие ползы отщетеваше ны[6]. [7]Аще убо маргаритом от своих скал не производимом, кому тѣхъ добра познаваетца?[7] И злату во своих флевахъ[8] лежащу, киим очесемъ того блистание будет? Тако и мы, изряднее нынѣ от глубины забвения и молчания восторгшеся, мало нѣчто о явлении чюдотвориваго того креста хощем побесѣдовати, елико возможно есть, а о летѣхъ и о временнѣх, якоже преди рекох, да не зазритъ ваша святыни, не обрѣтшу ми, но едино се, иже суть ни от человекъ, ни человеки, но самѣм Тѣмъ, изволившем распятися спасения ради человеческаго, послася сице.

Бѣша убо в прежняя времена двѣ дѣвы, сестрѣ сущи, дщеря нѣкоего мужа благочестива от дворянска рода; имя единой Марфа и имя вторѣй Мария. По времени же возраста ею даны бѣша на бракъ благовѣрным мужемъ от пресловущихъ[9] градов, еже есть Рязани и Мурома: Марфа убо мужу нѣкоему от честна[10] рода рязанские земли, именем Иванну, но зело небогату; Мария же мужу от племяни нарочита[11] земли муромския, имянемъ Логвину, богатством же преизобилующу, аще и не зело велика суща рода. [12] О отечествии же имян ею и прослытия роду[12] не повѣдано ми бысть.

[1—1] они же настойчиво упрашивали меня не отказываться; [2] однако; [3—3] стучите и откроется; [4—4] «просящий — получает, ищущий — находит»; [5] взялся; [6—6] но и тогда, думаю я, если и слово не раскроет всю его славу, которая с годами померкла, как я уже сказал, это приведет ко многим заблуждениям и пользе дела нашего повредит; [7—7] если жемчужины не вынуть из их раковин, кто узнает о их красоте?; [8] жилах; [9] преславных; [10] знатного; [11] известного; [12—12] об именовании же их по отцу и происхождении рода.

Та же по нѣкоемъ времени Иванну и Логьвину случися има снитися[1] к сродникам жену своею. Егда же приспѣ время вечери быти, бысть между има пря[2] о сѣдении мѣста:* Иванну убо хотящу первосидѣния честнаго ради отечествия своего, такожде и Логвину желающу богатства ради своего. И таковаго ради начинания и гордости своея — вина[3] бысть разлучитися има от себе, не помянуша бо реченнаго Господемъ: «Егда званъ будеши ким на бракъ и на вечерю, шед не сяди на преднемъ мѣсте» и прочая, и паки: «Иже хотяй в вас болий быти, да будетъ послѣдний»* и прочая. И апостолу глаголющу: «Иже высоко в человецех, мерзость есть пред Богомъ».* И за сию убо вину не токмо сии едини разлучастася друг от друга, но и женама своима между себе до смерти своея изволиша ни писании[4] ссылатися.

По нѣколицех же лѣтех, якоже последи рекоша, случися Божиим судом преставитися Иванну и Логвину во единъ день и во един часъ. [5]Женама убо ею[5], Марфе не свѣдомо бысть про Логвинову смерть, Марии же про Иваннову смерть. Тогда же убо по лишании мужу своею встуживешемася има сестра по сестрѣ. И рече болшая сестра Марфа к себѣ сице: «Шедъ, посещу аз зятя своего Логвина и поклонюся ему и сестру свою да вижду. И, аще будетъ зять мой призритъ[6] на мое смирение, аз же потщуся в дому его и пребывати. Аще ли презритъ[7], аз же, токмо с сестрою си созрѣвся[8] и прощения получивши, восвоя возвращуся». Такожде и меншая сестра Мария рече в себѣ: «Иду к зятю Иванну. Поклонившася ему, с сестрою ся узрю. И аще зять мой приятелствен ми явится, и аз от имѣния своего удоволю его, и он такоже, яко и муж мой, богат и славен будет по своему достоинству». И тако поидоста сестра к сестрѣ.

И по Божию изволению снидостася на пути бълиз града Мурома и сташа [9]каяждо к себѣ[9]. Тогда пославъ меншая сестра слугу своего извѣстно испытати, кто есть ста ту: «Егда ли будет кая, рече, жена, и мы вкупе снидемъся. Аще ли будетъ мужескъ пол, и мы вдале отидем». И шедъ слуга ея и вопроси тѣхъ: «Къто сим путемъ грядет?» И отвещаша ему: «Идет вдова к сестрѣ своей». И, пришед, слуга возвести сия госпожѣ своей. И госпожа его рече: «Добре убо нама снитися вкупе!» И тако сошедьшеся и поклоншемася друга друзѣ, в лицехъ же своих не познастася, яко бѣша сестрѣ. И восхотѣвшима вопроситися има между себѣ о отечествии и сродствѣ своемъ. И рече болшая сестра к Марии: «Госпоже моя! Кто ты и откуду еси?» И отвещавъше Мария къ сестрѣ своей Марфе: «Аз многогрѣшная, имя ми есть Мария. Ѣду к сестрѣ своей Марфѣ». Сице же вопроси и Мария Марфы: «А ты, госпоже моя, кто и откуду еси и что ти есть имя?» И отвеща Марфа к Марии: «Аз же многогрѣшная Марфа. Ѣду к сестрѣ своей Марии». И тако познастася во отечествии, яко сестрѣ бѣша, такоже и о смерти мужу своею известистася. Тогда начаша сии между себѣ лобзани-

---

[1] сойтись; [2] спор; [3] причина; [4] письмами; [5—5] женам же их; [6] примет; [7] отвергнет; [8] повидавшись; [9—9] отдельно, сама по себе.

ем любезным целоватися, якоже обычай им бѣ, и плакатися о мужу своею, занеже жиста не в совѣте между себе, по смерть свою ни съѣзжахуся, еще же ни писанием изволиша ссылатися. И елико бо по мужу своею плачющеся, [1]сугубейши сего[1] ради себе за многовременное между себе незрѣние и безсовѣтие. И едва мало от плача преставше, порадовашася о Бозѣ и благодариста того, яко не лиши ею спребывания[2] на кончине вѣка ею. И ту представити повелѣста себѣ трапезу и ядше пиша[3] в славу Божию и веселистася. И по вечери сей успоша на мѣсте том.

И въ тонце снѣ явися има ангелъ Господень, глаголя Марфе и Марии коейждо особь на имя: «Господь посла к тебѣ злато по вѣре твоей к нему», такоже и другой: «сребро». Злато же убо даде Марфе, сребро же Марии. И повелѣ в златѣ крестъ Господень устроити, в сребрѣ же ковчегъ[4] кресту сковати. Вдати же оно повелѣ има, [5]иже заутра преже идущимъ человеком путем симъ[5]. Слышаста же сия, аки наявѣ мнящемася, вземше и ввивше[6] каяждо злато и сребро в зарукавие си. И егда же има возбнувшима[7] от сна, исповѣда Марфа сестрѣ си Марии виденное, такожде и Мария Марфѣ возвести от ангела явлшееся има вкупѣ единако. Тогда восхотѣста си увѣрити видѣние, аще истинна суть, и абие обретосте в зарукавие си Марфа убо злато, Мария же сребро. И возрадовастася о предивном томъ видѣнии, паче же Божии даровании, и слезы от радости испустивше, Богу благодать воздаяху, и печастеся[8] о семъ, како бы има повелѣнное от Бога сотворити.

Во утрии же день узрѣвше грядущих мимо путем тѣмъ триехъ мужей во образе инок и возвасте къ себѣ сих и возвестисте им вся о себѣ бывшая, еже от анггела има во снѣ видѣние и како приясте от него во снѣ злато, содѣлати крестъ Господень, сребро же сотворити кресту ковчегъ, отдати же сия во устроение человекомъ, заутра первошествующим путем сим. Слышавше же чаемии[9] иноцы от нею глаголы сия и рекоша к нима: «Не скорбита о семъ, мы сего ради дѣла к ваю приидохом!» Тогда Марфа и Мария отдасте старцем тѣмъ в злате слити крестъ Господень, в сребрѣ же кресту ковчегъ устроити. И тако мнимии иноцы, вземше от рукъ сестру злато и сребро, отидоша от очию их. Сестрома же Марфе и Марии дошедшема града Мурома и ту обитаста в дому си.

Слышавше же ближницы[10] и сродственницы пришествие ею, сошедшеся к нима, начаша о преже бывших има и мужию их и скорбѣти и сѣтовати. Еще же и самѣма плачющемася за безсовѣтное и несогласное между себе житие, паче же вдовства и сиротства. Та же возвестиста о себѣ сродником своимъ, како подвигшимася *коейждо от себе в путь к сестрѣ си, не согласившимася*, [11]ниже сославшимася[11], и како сретостася на пути, идѣже и пъреславное оно видѣние

---

[1]—[1] более того; [2] побыть вместе; [3] пили; [4] ларец; [5]—[5] кто первым пойдет утром этой дорогой; [6] завернувше; [7] пробудившимся; [8] заботились; [9] ожидаемые; [10] близкие; [11]—[11] не сговорившись даже, не списавшись.

ото анггела видеша во снѣ, дающа има злато — сотворити крестъ Господень, сребро же — устроити ковчегъ кресту, и заутра прежешествующимъ человеком, еже и отдаша има на пути, и все по ряду, еже преже написася. Слышавше же сия, ужики[1] ею вознегодоваша и рѣша к нима: «То како сицево сокровище, паче же Божие дарование, с небрежением отдаста, а не вѣсте[2] кому! Или не чаясте здѣ обрести златаря[3], в семъ велицем и многонароднемъ граде, на устроение Божия делеси[4]!» [5]Сице истязующе ею[5]. Онѣма же отвещавшема к нимъ: «Иже явився и давый нама злато и сребро, имже повелѣ отдати сотворити дѣло Божие, отдахом».

Бѣ же тогда собравшеся к нима не ѣдины сродницы ею, но и от нарочитых града, боляръ же и дворян, вопросиша о мѣсте том, идѣже явися чюдное видѣние то, и злато и сребро обрѣтеся има, да идутъ тамо. Та же собравшеся множество людей и совещавшеся убо тамо итти.

Поемше же с собою Марфу и Марию и приидоша на мѣсто оно. И совѣтъ сотвориша твердо: со тщанием и всякою быстротою послати на всѣ страны по путем и малым стезямъ коегождо господина с чюжим рабом и раба с чюжим господиномъ на взыскание старцовъ онѣх: да аще кии от нихъ тѣхъ старцов со златом и сьребромъ обрящутъ, и ничтоже скрыто или утаено от сихъ сотворят. Сице убо им урядившем и уже хотяху вскоре тещи[6] на взыскание инок тѣхъ.

И абие[7] узрѣвше нѣцыи юноши трех инокъ, несуще крестъ Господень, в злате устроен, и ковчегъ, в сребрѣ сотворен, и въложи юношам тѣмъ в сердце искони ненавистный Сатана восхитити от рукъ старчихъ богодарованное сокровище сиѣ, и уже окаяннии коснутися хотящу, старцы же рекоша имъ: «Человецы, отидите, отнюду[8] же приидосте». Тогда же в той часъ узрѣвше со онема сестрама Марфою и Мариею муромстии градожителие триех старцов, грядущих и несущих крестъ Господень, и возбраниша неистовству отрокъ онѣхъ, сами же устремишася на срѣтение честънаго креста, несомаго от старцов, да с честию великою приимут его.

Мнимии же старцы дошедше к сестрама и рекоша: «Марфо и Мария! Иже убо в видѣнии от анггела данное вама злато и сребро, еже вдасте намъ во устроение креста Господня и ковчега ему, се по вѣре ваю[9], паче же повелѣнием Божиимъ в том злате сей животворящий крестъ Господень сотворен, в сребрѣ же ковчегъ кресту содѣлан. Приимѣста си на спасение и на благоденствие, миру же всему на исцеление недугом и разрешение страстем и бесом на прогнание». Та же сродницы тою и вси пришедшии с нима на взыскание тѣхъ инок вопросиша их: «Гдѣ убо, отцы святии, бысте и откуду приидосте сѣмо?» Мнимии же иноцы рекоша: «Во Царѣградѣ быхом». И паки вопросиша их: «Господие, колико

---

[1] родственники; [2] не знаете; [3] золотых дел мастера; [4] дела; [5—5] так укоряли их; [6] ехать, пуститься; [7] и вдруг, неожиданно; [8] откуда; [9] вашей.

время идосте от царьствующаго града, еже есть ис Костянтинополя?» Сим же рекшимъ: «Се убо третий *есть* час отнележе[1] изыдохом». Слы*шав*ше же сия, удивишася вси, тогда сущии ту, начаша молити их, да причастятца брашну от трапезы их. Отвещаша же им непщуемии[2] старцы: «[3]Нѣсмь бо ядущии, ниже пьющии[3], но убо вам благоволи Богъ в славу свою питатися от сихъ». И, се рекше, невидими быша от нихъ. Тогда убо познавше Марфа и Мария с сродники своими и со градоначалники, яко и тии, от Бога посланнии во образе инок, ангели суть. И воздаша хвалу Богу, творящему дивная и преславная чюдеса.

По сихъ же убо восхотѣвшима сестрама Марфѣ и Марии совѣтъ сотворити и совопроситися со ужиками и с сродники своими о семъ, да гдѣ убо има поставить той святый животворящий крестъ Господень молитися: в дому ли си, или в церькве Господне. И бысть има видѣние от чюдотворнаго креста Господня во снѣ, глаголя: «Поставите мя во святилище Божии в церькви архистратига Михаила честнаго его Собора на погосте, иже есть вмале отстоящь от пути мѣста сего, яко с поприще едино». Марфа же и Мария возрадовастеся о видѣнии, яко не презрѣ Господь желания ею. Тогда дошедше со тщанием церькви тоя и поставиша той святый и животворящий крестъ Господень в предиречен*ней* церькви архистратига Михаила и прочих небесны*х* сил бесплотных честнаго их Собора, иже бѣ во уѣздѣ града Мурома, яко [4]двадесяти и пяти поприщъ[4] града не достигши, пребывание имѣя во Унжеском стану на рекѣ Унже,* идѣже подает благодатию Христовою бесчисленная *чюдеса и* исцеления приходящимъ к нему с вѣрою.

По сих же убо оныя благочестивыя двѣ женѣ, Марфа и Мария, начасте к чюдотворному оному целбоносному[5] кресту притичюще[6]. И не сии убо едини, но и всего града Мурома всенародное множество с великою вѣрою прибегая; паче же различными болѣзньми одержимии прикасахуся, вскоре исцеление приемлюще, благодаряще Бога, в домы своя отхождаху.

Прохождаше повсуду слава о немъ, любитъ бо таковая сих з дерзостию притицати и скорѣе крилатых обноситца, еже и до царьствующаго града Москвы самодержцем в слухи внидоша, и сердца тѣхъ к честному оному кресту вѣрою воспалистася и, з желаниемъ приемлюще сего, целоваху. Сего ради обыкоша и служители тоя церькви даже и доднесь по вся лѣта приносити того в царьствующий градъ Москву к державнымъ и в благочестии сияющим царемъ и святителемъ и всему православному християнству на освящение душамъ и на отгнание страстемъ *и на* исцеление телесемъ от различных недугъ.

Тѣм же мы, братие, возрадуемся о явлении креста Господня, днесь и веселуемся о обрѣтении креста Христова, днесь Владычень крестъ от небесных вѣстникъ приносится, днесь бо крестъ не рукотворенный, но богосодѣланный

---

[1] с тех пор как; [2] предполагаемые; [3—3] мы не едим и не пьем; [4—4] двадцать пять верст; [5] исцеляющему; [6] приходить.

человѣкомъ даровася. Сего приятию, радующеся, празнуемъ. Сего обрѣтению мы, веселящеся, торжествуемъ: днесь бо паче солнца многоразличными чюдесы в Муромстем граде осия и всю Рускую землю просвети, днесь святая церькви, аки гривною, златымъ крестом Господним украшается.* Людие же, с вѣрою и любовию сего целующе, душами и телесы вкупе освящаются. Како убо мы, убозии, исполнени греха суще, возможем по достоинству кресту Господню похъвалу принести или похвалити? Но токъмо с вѣрою и сер*д*ечною любовию вопити: «О великия креста силы, коликих благъ сподобихомся, яко от толикия мерзости и тьмы заблужения род человѣческий призва, и от смерти на животъ возведе, и от тля на нетълѣние приведе! Не к тому бо очи мысленнии невѣдения мраком покрываютца, но креста ради свѣтом разумнымъ просвещаются, сия креста *ради* исправления, сия нам креста ради дарования. Кое ли исцеление не креста ради содѣяся? Креста бо ради благочествовати навыкохом[1] и благодать Духа Святаго прияти сподобихомся. Что убо креста честнѣйши, что же ли сего душам нашим полезнѣйши? Да не убо постыдимся, крестъ Господень именующе, но со всяцем дерзновением той исповѣдающе, имже и звани быхом во спасение и в вѣчную жизнь, еяже буди получити всѣм нам о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцем и с пресвятым благим и животворящим Духом нынѣ и присно и во вѣки веком. Аминь».

---

[1] научились.

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСАХ ВИЛЕНСКОГО КРЕСТА

ПОВѢСТЬ О ЧУДЕСѢХЪ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ, ИЖЕ ВЪЗЯТЪ В ЛИТОВСКОМЪ ГРАДЕ ВИЛЬНЕ СЫНОМЪ БОЯРСКИМЪ АРЗАМАСЦЕМЪ ВАСИЛИЕМЪ СЕРГИЕВЫМ СЫНОМЪ МИКУЛИНЫМ И ПРИНЕСЕН ВО ГРАДЪ МУРОМЪ, ИЖЕ ИЗВОЛИЛЪ БЫТИ В ТРОИЦКОМ ДѢВИЧЬЕ МОНАСТЫРѢ*

В лѣта 7166-м ⟨1658⟩ году въ июлѣ мѣсяцѣ въ субботный день в Муромѣ гостиной сотни торговой человѣкъ Богдан Борисов сынъ Цвѣтновъ,* — того дня прилучилося ему итти от церкви Божии от вечерняго пѣния[1] ко двору своему. И какъ будет онъ, Богданъ, против улицы своей, по обычаю обратися к соборной церкви помолитися, и противъ улицы его, Богдана, седящу человѣку. И увидя его, той человѣкъ пошелъ за нимъ в улицу, и, постигши ево, остановилъ и вынулъ из шапки оболоченъ въ бумагѣ крест поклонной, скованъ в сребрѣ, позлащен, с камениемъ и жемчугом украшенъ,* и той крестъ даетъ ему, Богдану: «Приими сей животворящий крестъ, ибо изволилъ онъ у тебя быти». И онъ, Богданъ, не принявъ креста, вопроси ево, коего града, и какова чину, и кто именем. И тотъ человѣкъ ему, Богдану, сказалъ про себя: «Я де града Арзамаса, сынъ боярской, зовут Василиемъ, Сергѣевъ сынъ Микулинъ».* И онъ, Богданъ, усумнѣвся, — [2]не искус ли какой хощет учинить надо мною[2], — и спросилъ, что сей за крестъ. И онъ, Василей, учалъ ему, Богдану, сказывать съ великими слезами:

«В прошломъ, де, во 165-м ⟨1657⟩ году, какъ великому государю Богъ поручилъ взять литовский град Вилну,* а я тутъ же былъ на службе. И какъ вошли в тот град многия люди воинския, и вошли в литовскую церковь, такожде и я вошелъ, хотя что взяти, — и до мене все побрано, толко де увиделъ: лежит на помосте церковном сроненъ сей животворящий крестъ. И я ево поднялъ и привезъ его в Арзамаской уѣздъ к себѣ в домъ. И стоялъ сей животворящей крестъ въ клетѣ моеи по то время, как в нынѣшнем 7166-м ⟨1658⟩ году по указу великаго государя нашу братью учали высылать на службу. И какъ я сталъ убираться[3], и слышу в просонье к себѣ таковъ глас: „Василей, возми сей крестъ и отвези ево из дому своего во градъ Муромъ и отдай Богдану Цветнову: изволилъ онъ животворящий крестъ быти в Муроме в девичье монастырѣ в церкви Живоначалныя Троицы". И я не поверилъ тому, поставилъ в сонное мечтание[4]. И послѣ того во

---

[1] с вечерней службы; [2—2] не хочет ли ввести меня в искушение; [3] собираться; [4] принял за сон.

вторый день в просонье таковъ же гласъ слышу, и тому такожде не повѣрилъ, и ни во что вмѣнилъ[1]. И за два дни до поезду[2] моего на службу, спящу мнѣ в полудни, и во снѣ такожде гласъ бысть ко мнѣ съ великимъ прещениемъ и грозою[3]: „Отвези сей крест и не держи в дому своемъ. Аще не отвезеши, гдѣ онъ изволилъ быти, злѣ плененъ будеши, а за ослушание наказанъ будеши". И я, убояся того страшнаго прещения, пришелъ к тебѣ: приими сей животворящий крестъ Господень, не сомнѣвайся ни о чемъ. Кто бы мне велѣлъ такое многоцѣнное сокровище отдать тебѣ, аще бы не самъ онъ изволилъ тако быти? Я тебя и не знаю, толко про тебя слыхалъ».

И онъ, Богданъ, слыша от него, Василия, такия рѣчи, такожде со слезами той животворящий крестъ принялъ, а ево, Василия, взялъ в дом свой и сталъ ему давать потребная[4] от богатства своего. Онъ же страха ради Божия ничего не принялъ и пойде въ путь свой на службу.

Тарасъ же, по прозванию Богдан, той животворящий крест Господень со многою честию и молебнымъ пѣниемъ поставилъ в девичье монастырѣ в церкви Живоначалныя Троицы на правой стороне на налое, гдѣ и донынѣ благодатию Божиею обретается.*

И в томъ животворящемъ крестѣ Господни сокровенной[5] благодати Божией святыхъ и цѣлбоносныхъ[6] мощей подписано тако:

Часть древа жезла пророка Моисеа.
Риза преподобнаго Сергия Радонежскаго.
Риза Ефрема Новоторжскаго.
Трости Антония Римлянина.
Гробы Гурия и Варсонофия Казанских.
Персть[7] Евфросинии Суждалския.
Гробъ Макария Желтоводскаго.

И в томъ же 7166-м ⟨1658⟩ году будет онъ, Василей, на службе великаго государя, и волею Божиею под Конотопомъ на бою* взяли ево, Василия, въ полонъ крымския татары и отвезли в Крымъ. И былъ он у нихъ въ Крыму ѿ осени и до Великаго поста. И будучи в плену, безпрестанно со слезами Бога молилъ и каялся, прощения прося о ослушании своемъ и о протчемъ согрѣшении, и животворящаго креста силу на помощь призывалъ, чтобы ево избавилъ от поганыхъ татарскихъ рукъ. И преступя всякой страх, и надежду твердо возложи на силу животворящаго креста, и вѣрова, яко по наказании сотворит ему милость, пошелъ ис Крыму с вечера и шелъ всю нощь. И к свѣту увиделъ в стороне лесокъ малой чапыжничекъ и, отбѣжавъ, легъ в том леску. И часу въ пятом дни видѣвъ: по стопѣ[8] его гонятъ[9] татарове два человѣка, и тотъ лесокъ пробежали. И ле-

---

[1] не придал значения; [2] до отъезда; [3] с угрозой и гневом; [4] то, что необходимо; [5] скрытой; [6] приносящих исцеление; [7] прах; [8] по следу; [9] преследуют.

жалъ я в том леску до ночи, и пред вечеромъ татарове назад пробежали, а сами бранят по-своему: «Ушолъ, де, гауръ маскаран Василей».* И в другую нощь пошелъ на Русь, питался травою и корениемъ. И гдѣ на станъ[1] найду, как шли крымские люди и метали[2] кости, и тѣмъ питался. И помощию животворящаго креста вышел в черкаские городы.

И ис полону пришедъ въ городъ Муромъ, молился животворящему кресту. И про все онъ, Василий, сказалъ, еже ему случися.

Конецъ и Богу слава, творящему дивная и преславная чудеса.

---

[1] на становище; [2] бросали.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

[1]ЛѢТА МИРОЗДАНИЯ[1] 6773-ГО, А ОТ РОЖЕСТВА ХРИСТОВА 1265-ГО ГОДА СОСТАВЛЕНЪ БЫСТЬ ОТРОЧЬ МОНАСТЫРЬ* ТЩАНИЕМЪ И РАЧЕНИЕМЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА ТФЕРСКАГО* И ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ БОГОМУДРЫЯ КСЕНИИ* ПО СОВОКУПЛЕНИИ ИХЪ ЗАКОННАГО БРАКА В ЧЕТВЕРТОЕ ЛѢТО* ПО ПРОШЕНИЮ И МОЛЕНИЮ ЛЮБИМАГО ЕГО ОТРОКА ГРИГОРИА, А ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ГУРИА

О ЗАЧАТИИ ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ

В лѣто великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, бысть у сего великаго князя отрокъ, именемъ Григорий, иже пред нимъ всегда предстояше и бѣ ему любимъ зѣло и веренъ во всемъ; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собираетъ ему повелѣнная[2]. Случися же тому отроку быти в селѣ, нарицаемомъ Едимоново,* и ту обита у церковнаго понамаря, именем Афанасия, и узрѣ у него дщерь его, девицу, именем Ксению, велми красну, и начатъ мыслити в себѣ, да оженится ею. И бояся князя своего, да некогда прииметъ от него великий гнѣвъ, и велми печаленъ бысть о семъ, возлюби бо ю[3] зѣло, и не повѣда мысли своея никому от друговъ своихъ, но в себѣ размышляше, да како бы [4]ему улучити желаемое[4] . Случися же наединѣ со отцемъ ея Афанасиемъ, начатъ ему глаголати, да вдастъ[5] за него дщерь свою и обѣщается ему в всемъ помогати. Отецъ же ея велми удивися о сем: «Да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицем его, и тако ли вѣщаетъ мнѣ о семъ?» И не вѣдяше, что ему отвѣщати противу словесъ его. Шедъ убо Афанасий, вопроси о семъ жены своея и дщери, сказа имъ подробну; дщерь же его, исполненна Духа Святаго, возглагола отцу своему сице: «Отче мой! сотвори ему вся сия, елика онъ тебѣ обѣщася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу, и сие да будетъ».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имѣя великъ зѣло, и хождаше во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ, и почиташе родители своя зѣло, и повинуяся има во всемъ, от младых ногтей Христа возлюбила и послѣдуя ему, слышаше бо от отца своего Святое Писание и внимаше прилѣжно всѣмъ сердцемъ своимъ.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилѣжно о семъ вѣщает отцу ея, да не устрашается: «Азъ бо ти во всемъ имаюся[6] и князя умолю во

[1—1] в год от сотворения мира; [2] дань; [3] ее; [4—4] исполнить свое желание; [5] отдаст; [6] доверяюсь.

всемъ, ты же не бойся». И тако совѣщастася во всем, и быти в томъ селѣ браку, и вѣнчатися в церкви святаго великомученика Димитриа Селунскаго, и жити ту, даже великий князь повелитъ. И тако повелѣнная великаго князя исполни вся, яже повелѣна быша, и возвратися во градъ Тферь с радостию и дивляшеся в себѣ велми, яко нигдѣ таковыя обрѣте девицы, и не повѣда сего никому.

Отроковица же послѣ его рече отцу своему и матери: «Господие мои! не дивитеся о сем, что вам обѣщался сей отрокъ, онъ бо тако совѣща, но Богъ свое строитъ: не сей бо мнѣ будетъ супругъ, но той, егоже Богъ мнѣ подастъ». Родители же ея о семъ велми дивистася, что рече к ним дщерь ихъ.

Предиреченный же отрокъ той, усмотря время благополучное, и припаде к ногама великаго князя, и молитъ его со многими слезами, и возвѣщаетъ ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть, красоту и возрастъ девицы оныя изъявляетъ. Князь же великий, сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотѣлъ еси женитися, да поимѣши себѣ жену от велможъ богатыхъ, а не от простыхъ людей, и не богатых, и худѣйших, и безотечественныхъ[1], да не будеши в поношении и уничижении от своихъ родителей, и от боляръ и друговъ, и от всѣхъ ненавидим будеши, и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрокъ моляше прилѣжно великаго князя, да повелитъ ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наединѣ его увѣщаваетъ и вопрошаетъ о семъ подробну, чего ради тако восхотѣ. Онъ же все исповѣда великому князю обѣщание свое, якоже тамо обѣщася.

Князь же великий Ярославъ Ярославичь по прошению его повелѣваетъ всему быть, якоже ему годно и потребно, и насадъ* изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему тамо готовы быть имѣютъ, елико годно будетъ на послужение отроку, когда приспѣетъ время обручению и вѣнчанию его, и отпущаетъ его в насадѣ по Волгѣ рѣкѣ, бѣ бо то село близъ Волги стояй, а кони ему обѣщаваетъ прислати за ним вскорости по брегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волгѣ рѣкѣ со всѣми, посланными с нимъ.

Наутрие же великий князь повелѣ готовити себѣ коня и всему своему сигклиту, якоже угодно великому князю, соколы и псы, да, ѣдучи, [2]ловы дѣетъ[2]. В ту бо нощъ великий князь сонъ видѣлъ: якобы быти в полѣ на ловѣхъ[3] и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же соколъ, все стадо птицъ разогнавъ, поималъ голубицу, красотою зѣло сияющу, паче злата, и принесе ему в нѣдра. И возбнувъ князь от сна своего и много разъмышляше в себѣ, да что сие будетъ, и не повѣда сна того никому, токмо повелѣ с собою на ловъ вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, идѣже отрокъ, ловы дѣюще, тѣшася. Бѣ же великий

[1] незнатных; [2—2] охотится; [3] на охоте.

5 Зак. № 3610

князь безбраченъ и младъ, яко двадесяти лѣтъ, еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрокъ, егда прииде в насадѣ по рѣкѣ, и приста у брега, ожидающе коней от князя, и посла вѣстники своя къ девицѣ, да вся готова будутъ, якоже есть обычай брачнымъ.

Девица же присланнымъ рече: «Возвѣстите отроку, [1]да же помѣдлѣетъ тамо[1], дондеже[2] сама вѣсть пришлю к нему, какъ вся изготована будутъ, понеже бо нам от него о приходѣ его вѣсти не было». Вѣстницы же его, пришедше, повѣдаша ему о всемъ, еже имъ повелѣно бысть от девицы возвѣстити: провидѣ бо она великаго князя приход к себѣ, рече родителем своим, яко «уже сватъ мой приѣхалъ, а жених мой не бывалъ еще, но уже будетъ, яко в полѣ тѣшится и замѣдлилъ тамо, но пождемъ его немногое время, да же приѣдетъ к нам», — а о имени его никому от сродниковъ своих не повѣда, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше[3], сродницы же ея велми о семъ дивляхуся, а того жениха ея не вѣдяху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхотѣ тамо быти наутрие или на другий день и да видитъ своего отрока оженившагося; и тако обначева[4] на ловѣ, бяше бо село то от града Твери четыредесять поприщъ. В нощи же той видѣ сонъ прежний и наипаче разъмышляше в себѣ, что будетъ сие видѣние, наутрие же по обычаю своему ловы дѣяше.

Отрок же той, не дождався вѣсти ни коней, помысли в себѣ: «Яко аще государь мой великий князь раздумает и пошлетъ по мене, и велитъ возвратитися вспять, азъ же своего желанного не получилъ». И тако вскорѣ поиде во дворъ той, идѣже девица та, и по чину своему все изготовавше. И тако сѣдоста вкупѣ на мѣсто свое, якоже быти вскорѣ вѣнчанию ихъ, отрок же повелѣваше по скору вся строити и дары разносити.

Девица же рече отроку: «Не вели спѣшити ничемъ, да еще у меня будетъ гость незванной, а лучше всѣхъ и званныхъ гостей».

Великий же князь в то время близъ бѣ села того, и увидѣ стадо лебедей на Волгѣ рѣкѣ, и тако повелѣ пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго и поимаше много лебедей. Той же соколъ великаго князя, заигрався, ударися лѣтѣти на село то; великий же князь погна за нимъ и приѣхалъ в село то борзо[5], забывъ вся; соколъ же сяде на церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго; князь же повелѣ своимъ вопросити про село, чие есть. Селяня же повѣдаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, а церковь святаго великомученика Димитриа Селунскаго. В то же время множеству народа сошедшуся смотрѣти, яко уже к вѣнчанию хотятъ итти. Князь же, сия слышавъ от поселянъ, повелѣ своимъ сокола своего манити; соколъ же той никакоже думаше слѣтѣти к ним, но крилома своима по-

[1—1] пусть подождет там; [2] пока не; [3] делала; [4] заночевал; [5] скоро.

правливаяся и чистяшеся; сам же великий князь поиде на дворъ, идѣже бѣ отрокъ его, в дорожномъ своемъ платье, не на то бо приѣхалъ, но Богу тако изволившу. Людие же, видѣвше князя, не знаяху его, мняху бо его с конми и с потѣхами к жениху приѣхавша, и не встрѣтиша его никтоже.

Девица же рече всѣмъ ту сѣдящимъ: «Востаните вси и изыдите во стрѣтение своего великаго князя, а моего жениха», — они же дивляхуся.

Великий же князь [1]вниде в храмину[1], идѣже бяху отрокъ и девица сѣдяще, всѣмъ же воставшимъ и поклоншимся великому князю, им же не вѣдущим пришествия его и прощения просящим, князь же повелѣ имъ сѣсти, да видитъ жениха и невѣсту.

Девица же в то время рече отроку: «Изыди ты от мене и даждь мѣсто князю своему, [2]онъ бо тебѣ болши[2] и женихъ мой, а ты былъ сватъ мой».

Великий же князь узрѣ ту девицу зѣло прекрасну, и аки бы лучамъ от лица ея сияющимъ, и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюду и изыщи ты себѣ иную невѣсту, идѣже хощеши, а сия невѣста бысть мнѣ угодна, а не тебѣ», — возгорѣся бо сердцемъ и смятеся мыслию.

Отрок же из мѣста изыде повелѣниемъ его; великий же князь поимъ[3] девицу за руку и поидоста в церковь святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и сотвориша обручение и цѣлование о Христѣ, якоже подобаетъ, потом же и вѣнчастася в той же день; и тако бысть велия[4] радость у великаго князя той день до вечера, бяше бо лѣтомъ, и [5]селянъ повелѣ покоити день и нощъ[5]. Идущу же великому князю послѣ вѣнчания от церкви ко двору, тогда оный соколъ его любимый видѣ господина своего, идуща с супругою своею, сидя на церкви, начатъ трепетатися, якобы веселяся и позирая на князя. Князь же вопроси своих соколников: «Слѣтѣлъ ли к вам соколъ или нѣтъ?» Они же повѣдаша ему: «Не лѣтитъ с церкви». Князь же, возрѣвъ на него, кликнулъ его своим гласомъ, соколъ же скоро прилѣте к великому князю, и сяде на деснѣй[6] его руцѣ, и позирая на обоихъ, на князя и на княгиню. Великий же князь отдаде его соколнику. Отрок же той великою кручиною одержим бысть, и ни яде, и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше держатися тоя кручины, и сказа ему сны своя, якоже видѣхъ во снѣ, тако и збысться Божиимъ изволениемъ.

Отрок же той в нощи положилъ мысль свою на Бога и на Пречистую Богоматерь, да якоже восхотятъ къ которому пути, тако и наставят; и снем с себя княжее платье и порты, и купи себѣ иное платье, крестьянское, и одеяся в него, и утаися от всѣхъ своих, и изыде из села того, никомуже о сем не вѣдущу, и поиде лѣсом, незнаемо куды.

Наутрие же великий князь того отрока воспомянув, что его у себя не видитъ, и повелѣ своим боляром, да пришлютъ его к нему; они же поискавше его

[1—1] вошел в дом; [2—2] потому что он знатнее тебя; [3] взял; [4] большая; [5—5] поселянам повелел отдыхать весь день и ночь; [6] правой.

много и не обрѣтоша нигдѣ, токмо платье его видѣша, и великому князю возвѣстиша о немъ. Князь же великий о немъ велми печаленъ бысть, и повелѣ искати его сюду и сюду, по рѣкѣ и в кладезяхъ[1], бояся того, чтоб самъ себя не предалъ губителной и безвременной смерти; и нигдѣ его не обрѣтоша, но токмо той селянинъ повѣда, что, де, купилъ у меня платье вѣтхое, и не велѣлъ о томъ никому повѣдати, и поиде в пустыню.*

Великий же князь повелѣ его искати по лѣсамъ, и по дебрямъ, и по пустынямъ, да гдѣ его обрящутъ и приведутъ его; и многие леса, и дебри, и пустыни обыдоша, и нигдѣ его не обрѣтоша, Богъ бо его храняше. И пребысть ту великий князь даже до трехъ дней.

Великая же княгиня его Ксения вся возвѣсти бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себѣ и об отрокѣ, яже напреди писана суть.

Великий же князь велми печаленъ бысть об отрокѣ своемъ, глаголаше бо, яко «азъ повиненъ есмь смерти его». Княгиня же его Ксения печалитися ему всячески не велитъ и глаголетъ великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мнѣ с тобою в совокуплении; аще бы не Божиимъ повелѣниемъ, како бы было мощно тебѣ, великому князю, к нашей нищетѣ приѣхати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о семъ, но иди с миромъ во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печаленъ бысть, воздохнувъ, прослезися и воспомяну своя глаголы: «Яже глагола ко отроку своему Григорию, тое на мнѣ собысться, а его уже отнынѣ не увижу». И возложи свою печаль на Бога и на Пречистую его Богоматерь. И отпусти свою великую княгиню в насаде и боляръ своихъ, иже были со отрокомъ, во град Тферь, и повелѣ великий князь боляром своим, да берегутъ великую княгиню его, и покланяются ей, и слушаютъ во всемъ. Сам же великий князь по-прежнему поѣхалъ берегомъ, дѣюще потѣхи своя и ловы; и прииде во градъ Тферь прежде княгини своея. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий же князь повелѣ боляромъ своим и з болярынями, и своимъ дворовымъ, и всему граду, да выдутъ на встрѣтение великия княгини и з женами своими. Вси же, слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша, весь град, мужи и жены, и младенцы, от мала даже и до велика, з дароношениемъ, и срѣтоша ея на брезѣ у церкви архаггела Михаила.* Егда же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всѣхъ боляръ с корѣтами, и тако с великою честию срѣтоша ю и поклонишася ей; и вси, зряще красоту ея, велми чудишася, яко «нигдѣ же видѣхомъ очима нашима или слышахомъ слухом нашимъ таковую жену благообразну и свѣтящуся, аки солнце во многихъ звѣздахъ, якоже сию великую княгиню, сияющу во многих женахъ сего града паче луны и звѣздъ многихъ». И провождаше ю во град Тферь с радостию великою и з дарами многими на дворъ великаго князя. И бысть во градѣ радость и веселие велие, и бысть у великаго князя пирование на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

---

[1] колодцах.

Предиреченнаго же отрока не бѣ слухом слышати на много время. Божиимъ же промысломъ той отрокъ прииде на рѣку, зовомую Тферцу, от града Тфери [1]пять на десять[1] поприщъ, на мѣсто боровое,* и ту вселися на лесу, и хижу себѣ постави, и часовню на томъ мѣстѣ, и назнаменова, гдѣ быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Рожества. И ту пребысть немногое время, и наидоша его ту близъ живущие людие, хождаху бо по лѣсу потребы ради своея, и вопрошаху его, глаголюще: «Откуду ты сюду пришелъ еси, и какъ тебя зовутъ, и кто тебѣ велѣлъ тутъ вселитися в нашемъ мѣстѣ?» Отрок же имъ не отвѣща ничтоже, но токмо имъ кланяшеся, и тако от него отъидоша восвояси. Он же ту мало пребысть и от того мѣста отъиде, и хотяше отъитти от града подалѣе, понеже увѣда от пришедшихъ к нему людей, яко близъ есть градъ. Божиимъ же изволениемъ прииде близъ града Тфери по той же рѣкѣ Тферцѣ на устье, и вышед на рѣку Волгу, и позна, яко град Тферь есть, ибо знаемъ ему бѣ, и возвратися в лесъ той, и избра себѣ мѣсто немного вдалѣе от Волги на Тферцѣ и начатъ молитися Пресвятѣй Богородицѣ, да явитъ ему про мѣсто сие. В нощи же той возляже опочинути и в сонъ тонокъ[2] свѣденъ бысть, и видитъ на томъ мѣстѣ аки полѣ чистое и великое зѣло и свѣтъ великий, яко нѣкую лучу Божественную сияю*щу*. И воспрянувъ от сна, и мышляше в себѣ, да что сие будетъ знамение, и тако моляшеся Спасу и Пресвятѣй Владычицѣ Богородицѣ, да явитъ ему вѣщъ сию. В ту же нощъ паки[3] явися ему Пресвятая Богородица и повелѣваетъ ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея Успения и указа ему мѣсто, и рече: «Хощетъ бо Богъ прославити сие мѣсто и роспространити его, и будетъ обитель велия; ты же иди с миромъ во градъ ко князю своему, и той помощник тебѣ будетъ во всемъ и прошение твое исполнитъ. Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, немногое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего къ Богу». И тако воспрянувъ от сна своего, и велми ужасеся о видѣнии томъ, и размышляше в себѣ, яко «аще отъиду от сего мѣста, боюся явления сего и показания мѣсту. Яко Господеви годно, тако и будетъ». И помысли в себѣ, глаголя: «Аще ли же поиду к великому князю и увѣщати меня станетъ, однако не хощу в домѣ его быти». Сие же ему мыслящу, абие[4] приидоша в той часъ во оный лесъ нѣкия ради потребы мужие княжии звѣрей ради. Отрок же позна ихъ и прикрыся от нихъ, они же видѣвше крестъ и хижу и удивишася зѣло, и глаголаху другъ ко другу, [5]яко есть человѣкъ тутъ живяй[5]. И тако начаша искати, и обрѣтоша его, и познаша, яко «той есть отрок князя нашего». И пришедше к нему, и поклонишася ему, и возрадовашася о немъ радостию великою, той бо отрокъ по пустыни хождаше три лѣта и вящше[6], и не видѣ его никтоже, и бѣ питаемъ Богомъ. И тако вземше его с собою и вѣдоша ко князю и сказаша ему вся, яко «великий князь печаленъ бысть зѣло о тебѣ и донынѣ, аще же увидитъ тя жива и здрава, возрадуется о тебѣ радостию великою».

[1—1] пятнадцать; [2] чуткий; [3] снова; [4] тотчас; [5—5] что живет здесь человек; [6] более.

Онъ же, сия слыша от нихъ, с веселиемъ идяше с ними. Егда же прииде во дворъ великаго князя и вси узрѣвши его, возрадовашася велми о немъ и прославиша Бога, и возвѣстиша о немъ великому князю. Князь же повелѣ ввести его в верхния палаты,* и видѣ отрока своего, и возрадовася велми, и похвали Бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согрѣших пред тобою, опечалихъ бо тя зѣло». И рече к нему великий князь: «Како тя Господь Богъ хранит до сего дне и времени?» И облобызавъ его. Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согрѣшихъ пред тобою». И исповѣда вся о себѣ по ряду, како изыде от него, и како Богъ привѣде до сего мѣста. Князь же о сем велми удивися и прослави Бога, и повелѣ своим предстоящим, да дадутъ ему всю его первую одежду, и да будетъ в первом своем чину. Он же со смирениемъ рече: «Господине мой великий княже, я не того ради приидохъ к тебѣ, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не презъриши: молю тя и прошу, да повелиши то мѣсто разчистити», — и вся повѣда великому князю, како ту прииде, и како явилася ему Пресвятая Богородица со святителемъ Петромъ, митрополитомъ московским,* и мѣсто показа, идѣже быти церкви во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения; и вся ему сказа о себѣ по ряду. Князь же, воздохнувъ велми, и прослезися и отрока похвали, яко таковаго страшнаго видѣния сподобися, и обѣщася во всемъ помогати мѣсту тому до совершения; и бесѣдова с ним многое время, и повелѣ предстоящим пред ним поставити трапезу, да вкусить брашна[1]; он же вкуси малую часть хлѣба и воды, а иной же пищи отнюдь не прикоснуся. Великий же князь повелѣ по воли его быти и тако отпусти его с миромъ, идѣже онъ восхощетъ. Отрок же отъиде на мѣсто свое и по обычаю своему моляшеся Богу и Пресвятѣй Владычицѣ Богородицѣ, и на помощъ ея призываетъ о создании обители тоя, и тако молитвами Пресвятыя Богородицы вскорѣ дѣло совѣршается. Князь же великий повелѣ вскорѣ собрати крестьянъ и иных людей, да росчистятъ мѣсто то, идѣже оный отрокъ покажет, и посла их ко отроку; слышавше же то, граждане и сами мнози идяху на помощъ мѣсту тому. И тако вскорѣ очистивше мѣсто, еже отрокъ показа имъ, и возвѣстиша великому князю о семъ; князь же прослави Бога и отрока своего о сем похвали. И тако сам великий князь прииде на то мѣсто и видѣ его сияюща паче иныхъ мѣстъ. Отрок же паки припадаетъ к ногама его и молитъ, да повелитъ церковь создати древянную и монастырь возградити. Великий же князь вскорѣ повелѣ всѣмъ прежнимъ людемъ тутъ работати и мастеровъ добрыхъ собрати к церковному строению. И тако Божиею помощию и великаго князя повелѣнием вскорѣ дѣло совершается, и освящение церкви сотвориша. Бысть же ту на освящении церкве Успения Пресвятыя Богородицы сам великий князь Ярославъ Ярославичь и с своею супругою великою княгинею Ксениею, и со всѣмъ своим княжиим сигклитом, и всѣмъ трапезу

[1] пищи.

устроилъ, и по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия, и братию собра, и колокола устрои. И назвася мѣсто от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь,* и вси прославиша Бога и Пречистую его Богоматерь. На другий день по освящении церкве тоя той отрокъ Григорий пострижеся во иноческий чинъ и нареченъ бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрокъ по пострижении своемъ немногое время поживе и преставися ко Господу, и погребенъ бысть во своем монастырѣ. По преставлении же блаженнаго онаго отрока [1]немногим лѣтом мимошедшим[1] великий князь Ярославъ Ярославичь и великая княгиня Ксения изволили в том монастырѣ создати церковь каменную во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, с придѣломъ Петра, митрополита московскаго, чудотворца, и села подаде к тому же монастырю, и мѣсто то насели, [2]идѣже бѣ отрокъ прежде пришедыи[2]. Монастырь же той стоитъ и донынѣ Божиею благодатию и молитвами Пресвятыя Богородицы и великаго святителя Петра, митрополита московскаго и всея России чудотворца.

К тому жъ монастырю дана граммата великихъ князей тферскихъ за девятью печатми, а в ней писано сице:

Великий князь Василий Михайловичь,
Великий князь Всеволодъ Александровичь,
Великий князь Владимир Александровичь,
Великий князь Андрей Александровичь,
Великий князь Иеремий Васильевичь,
Великий князь Симеонъ Констянтиновичь,
Великий князь Иоаннъ Михайловичь,
Великий князь Борисъ Александровичь,
Великий князь Феодоръ Феодоровичь,
Великий князь Иоаннъ Георгиевичь,
Великий князь Андрей Димитриевичь,
Великий князь Феодоръ Александровичь,
Великий князь Михайла Васильевичь.

Къ церкви Пресвятыя Богородицы дана сия граммата. В ней написано тако:

«Кто станетъ монастырь сей и монастыря того людей обидить, не буди на немъ милость Божия в сий вѣкъ и в будущий».

[1—1] по прошествии нескольких лет; [2—2] куда прежде приходил отрок.

ПОВЕСТЬ О ЗАЧАЛЕ МОСКВЫ

О ЗАЧАЛѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ВЕЛИКАГО ГРАДА МОСКВЫ, КАКО ИСПЕРВА ЗАЧАСЯ

Вся убо христианская царства в конецъ приидоша и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Российское царство: два убо Рима падоша, третий же стоитъ, а четвертому не быти.* Поистиннѣ же сей град именуется третий Римъ, понеже и над симъ бысть в зачалѣ то же знамение, якоже над первымъ и вторымъ, аще и различно суть, но едино кровопролитие. Первому бо Риму, зиждему[1] от Рома и Ромила,* и егда начаша Капетелион здати и ров копающе, обрѣтоша главу вновѣ[2] закланна человѣка, нову[3] и теплу кровь точащу и [4]лице являющу к живым прилично[4]. Ея же увидѣв ентинарии, искусный знамениемъ смотритель, и рече, яко сей град глава будет многим, но [5]по времени[5], и по заклании, и по пролитии кровей многихъ.* Такоже и второму Риму, сииречь Константинополю, зданию[6] зачало бысть не без крове же, но по заклании[7] и по пролитии кровей многих. Сице же и нашему сему третиему Риму, Московскому государъству, зачало бысть не без крове же, но по пролитии и по заклании кровей многихъ. Аще бо и нѣцыи от окрестных странъ враждующе поносятъ ему, сице глаголюще: «Кто убо чая или слыша когда, яко Москвѣ-граду царствомъ слыти и многими царствы и странами обладати?» И сии убо немощию человѣческою [8]обложени суть[8], не разумѣюще силы Божии, ни пророческих писаний, яко всемощен Богъ и от несущаго в сущее привести, якоже искони[9] и вселенную.

В лѣто убо 6633-го ⟨1125⟩, по преставлении благовѣрнаго царя и великаго князя Владимира Всеволодича Монамаха,* сѣде на великомъ княжении в Киевѣ сынъ его, князь Юрий Владимировичь Манамащъ,* а дѣтей своих, князь Всеволод Юрьевич* с нимъ, а другаго сына своего, князя Андрѣя Юрьевича Боголюбскаго, посади в Володимерѣ.* И в лѣто 6666-го ⟨1158⟩ сему великому князю, Юрию Владимировичю, грядущу из Киева во Владимиръ къ сыну своему, князю Андрѣю Юрьивичю, и прииде на мѣсто, идѣже нынѣ царствующий град Москва,[10]оба полы[10] Москвы-рѣки. Сими же селы владущу тогда болярину нѣко-

---

[1] созданному; [2] недавно; [3] свежую; [4—4] лицо казалось похожим на живое; [5—5] со временем; [6] созданию; [7] убиении; [8—8] преисполнены; [9] с самого начала; [10—10] по обоим берегам.

ему, богату сущу, зовому Кучку Иванову.* Той же Кучко возгордѣвся зѣло и не почти великаго князя подобающею честию, якоже довлѣет[1] великимъ княземъ, но и поносивъ ему [2]к тому[2]. Князь же великий Юрий, не стерпя хулы его, и повелѣвает болярина онаго ухватити и смерти предати. Сыны же его, видѣв млады суща и лѣпы[3] зѣло, и дщерь едину, такову же лѣпу сущу, отсла во Владимер къ сыну своему князю Андрѣю Юрьевичю. Сам же князь великий Юрий Владимировичь возходитъ на гору, и обозрѣвъ с нея очима своима [4]сѣмо и овамо[4] по обѣ страны Москвы-рѣки и за Неглинною,* и возлюби села оны, и повелѣвает на мѣсте том вскорѣ содѣлати мал древянъ град. И прозва ѝ званиемъ Москва-град по имени рѣки, текущия под нимъ.*

И отходитъ во Владимир къ сыну своему, князю Андрѣю Боголюбскому, и сочетает бракомъ сына своего со дщерию Кучковою,* с неюже князь Андрѣй и сыны прижитъ, но млады отъидоша ко Господу. И бывъ у него довольно время, заповѣда сыну своему, князю Андрѣю, град Москву людьми населяти и распространяти. И паки возвращается в Киевъ, и с нимъ отиде в Киевъ и сынъ его, князь великий Андрѣй Боголюбский.*

Того же лѣта князь великий Андрѣй Юрьевичь Боголюбский паки возвратися вспять, и принесе с собою ис Киива во Владимир икону Пресвятыя Богородицы, *юже* прежде сего принесе из Царяграда,* и украси ю боле 30 гривенъ злата, кромѣ сребра, и драгаго камения, и жемчюгу; и созда церковь каменну Успения Пресвятыя Богородицы,* и верхъ ея позлати, и постави в ней икону Пресвятыя Богородицы, и вда ей села лутчая и десятое по всемъ.* Сей убо благовѣрный великий князь Андрѣй все упование свое возлагаше на Бога и на Пречистую его Богоматерь, и [5]ни о чемже о земныхъ печашеся[5], но токмо достизаше небесная, и яко орел ношашеся периемъ высокопарнымъ и легцѣ возношашеся къ добродѣтелемъ воздуху. Тѣмъ[6] во устѣх ему бѣ Давидъ медоточный,* и [7]долу легания[7] на жестоко постланнѣ постели и плотскаго смѣшения со женою си до конца ошаяся[8], и ни во снѣх ему соблазны женския мечтахуся, [9]паче же рещи[9], яко звѣздамъ уподобляшеся всякимъ сладкодушиемъ, церкви созидая и нищих удовляя[10]. [11]Удаляя убо удалися от нея, и отбѣже бѣгая и особящаяся на здѣ бысть птица и нощный вран без сна на нырищи[11].* Но сия вся неугодна быша женѣ его, требоваше бо пригорновения[12] и плотскаго смѣшения.

Прежде помянутым же шурьямъ его, Кучковичем, возрастъшимъ и живущимъ у великаго князя Андрѣя в велицѣй чести, с ними убо жена его совѣщався, и зло мыслитъ с ними на господина своего, великаго князя Андрѣя Юрьевича. И по нѣкоемъ времяни отай[13] приводит ѧ̀ к ложу его и предаетъ того в

[1] подобает; [2—2] к тому же, кроме того; [3] красивые; [4—4] туда и сюда; [5—5] не заботился ни о чем земном; [6] поэтому; [7—7] лежание внизу, на земле; [8] воздерживался; [9—9] сказать более того; [10] удовлетворяя; [11—11] избегая отдалялся от нее и, отбежав, убегал и уединялся в этой жизни, подобно птице-сове, живущей в развалинах; [12] объятий; [13] тайно.

руцѣ врагомъ, супружника своего, яко Сампсона Далида* и яко убийственная Тиндарида сожителя своего храбраго ироя.* Кая убо щеньца кормящия львица дерзну когда таковая сотворити, или кая злогнѣвная мечка[1] сице содѣя? Втекоша убо убийцы оны, окаяньнии Кучковичи, со оружии к нему, яко слѣдящии пси, и обрѣтают его на худѣ лежаща долу легании. В лѣто 6683-го ⟨1175⟩ июня в 29 день* и убивають его немилостивно, имуща во устѣх божественная словеса. И кровь убо течаше по земли праведнаго, якоже древле Авелева.* Еще же и ино зло приложиша к тому, яко и тѣло его предаша водамъ.* Но убо не утаися[2] сие всевидящему оку Божию, но вскорѣ я, убийцы оны, суд постиже, еже явлено бысть и всѣмъ.

В лѣто убо 6684-е ⟨1176⟩ прииде ис Киева во Владимиръ брат его, Михайло Юрьевичь,* и изби убийцы брата своего, и тѣлеса их вверже въ езеро. А жену его повелѣ повѣсити на вратѣх и разстреляти ю изо многихъ луковъ, да накажутся и прочии впредь таковая не творити ктому. И сѣде на великомъ княжении в Володимерѣ, и быв лѣте едино, и умре.

И в лѣто 6685 ⟨1177⟩ сѣде на великое княжение в Володимерѣ великий князь Всѣволод Юрьивичь, и пристави к церкви Святыя Богородицы четыре верхи, юже братъ его созда, князь великий Андрѣй Боголюбский, и позлати я,* а на своемъ дворѣ постави церковь каменну великомученика Димитрия, и верхъ ея позлати.* И бысть имя его славно по всей земли, и на татарѣх дань имал, и владяше всею землею Рускою и до моря Волгою, 36 лѣт княживъ и преставися в лѣто 6720 ⟨1212⟩ апрѣля въ 25 день.

И по немъ начаша княжити сынове его и сродичи, и быша между ими брани мнози, и нахождения поганых татаръ на Рускую землю, и плѣнение Руской земли, и побиение многих князей руских от татар, и бысть княжения их лѣт 25. Оттолѣ начат Руская земля работати[3] татаромъ. Посемъ начатъ княжити в Володимерѣ великий князь Юрий Всеволодичь,* при немже бысть батыевщина.

В лѣто 6745-го ⟨1237⟩ за умножение грѣх наших приходилъ на Рускую землю злочестивый царь Батый.* Тоя же зимы взяша татарове град Москву и князя Владимира Юрьевича* взяша, и воеводу Филиппа Няния* убиша, и вся люди посѣкоша и поплѣниша. И в лѣто 6746 ⟨1238⟩ благовѣрный великий князь Юрий Всеволодичь убиен бысть от безбожных татаръ на рецѣ на Ситѣ.* Кирил же епископъ идый з Бѣла езера, взят тѣло великаго князя и положи е в Ростовѣ, в церкви Святыя Богородицы. Сего сыновѣ: Всеволодъ, Мстислав, Владимир.* Того же 746-го ⟨1238⟩ году прииде из Великаго Новаграда брат великаго князя Юрия, Ярослав Всеволодичь,* и сѣде на великомъ княжении во Владимерѣ, а сына своего, князя Александра,* остави в Великомъ Новѣградѣ. И повелѣ привести тѣло брата своего, великаго князя Георгия, и срѣте[4] его самъ и весь градъ. Сей убо великий князь Георгий Новградъ Нижней созда и монастырь Пресвятыя

[1] медведица; [2] скрылось; [3] служить; [4] встретил.

Богородицы Печерския.* Пребысть же на отчи столѣ въ Володимерѣ 24 лѣта. Того же 746-го ⟨1238⟩ году преставися князь великий Ярославъ Всеволодичь во Ордѣ нужною[1] смертию.* И прииде из Великого Новаграда во Владимер великий князь Александръ Ярославичь и поиде къ Батыю во Орду. Видѣв же его Батый, удивися величеству *и добротѣ* его и, почтивъ его, отпусти.

В лѣто 771-е ⟨1263⟩ ноября въ 14 день преставися великий князь Александръ Ярославичь Невский, во иноцѣх и в схимѣ,* и положенъ бысть в Володимерѣ в церкви Рожества Пресвятыя Богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Данило Московский. И по немъ начаша княжити в Руской земли братия и сынове его и сынъ его, великий князь Данило Московский.* В та же лѣта быша на Рускую землю от татаръ насильства и зла многа. Быша же сынове великаго князя Даниила Московскаго: Юрий, Александръ, Борис, Иванъ, Афанасий.* Бысть же княжении сыновъ Александровых и великаго князя Даниила Московскаго лѣт 40. Сей великий князь Данило паче возлюби в Москвѣ жительствовати, и созда его паче перваго, и гражданы насели, бѣ бо добродѣтеленъ и нищелюбив, по премногу и къ Богу имяше вѣру, и молитву, и слезы велия; и от того прославися и паче Москва-град. Пожитъ же на Москвѣ князь великий Данило Александровичь лѣт 12, и преставися в лѣто 811 ⟨1303⟩ марта въ 4 день, и положенъ бысть во своемъ ему в Даниловскомъ монастырѣ.* По немъ начаша княжити в Руской земли сродичи и сынове его и бысть княжения их лѣт 25.

В лѣто 813 ⟨1305⟩ прииде на Русь Петръ митрополитъ, поставленъ Афанасиемъ, патриархомъ Цареградцскимъ. А лѣто 831 ⟨1323⟩ заложена бысть на Москвѣ церковь каменна соборная Успение Пресвятыя Богородицы. Тое же зимы и преставися преосвященный Петръ, митрополит Киевский и всея России, декабря въ 21 день въ 3 час нощи, и положенъ бысть в церкви Святыя Богородицы, юже самъ созда.*

В лѣто 836 ⟨1328⟩ сѣде на великомъ княжении владимирскомъ и московскомъ сынъ его, князь Иванъ Даниловичь, зовомый Калита.* И того же лѣта заложена бысть церковь каменна святаго Иоанна списателя Лѣствицы.* Той же великий князь Иван Даниловичь в лѣто 838 ⟨1330⟩ постави на Москвѣ церковь каменну Преображения Господне у своего двора.* В лѣто 841 ⟨1333⟩ единемъ лѣтомъ князь великий Иванъ Даниловичь содѣла церковь каменну архистратига Михаила.* Той же великий князь Иван Даниловичь в лѣто 847 ⟨1339⟩ содѣла около Москвы новый древян град* и укрѣпи его зѣло паче перваго. Во дни же княжения его бысть на России тишина велия. И начася ему писати величество: великий князь Иванъ Даниловичь Владимерский и Московский и всеа России.* В лѣто 6819 ⟨1311⟩ преставися князь великий Иван Даниловичь Калита марта въ 31 день, и положенъ бысть на Москвѣ во Арханьггеле.* Сего сынове: Симеонъ, Иванъ, Андрей.*

---

[1] мучительной.

СКАЗАНИЕ О ЗАЧАТИИ МОСКВЫ И КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ

О ЗАЧАТИИ[1] ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ И О КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ, КАКО БЫСТЬ

В лѣто 6714 ⟨1206⟩ князь великий Данил Иванович,* после Рюрика, короля римскаго* въ 14 колене, пришед из Великаго Новаграда в Суздаль. И в Сузъдале родися ему сынъ, князь Георгий,* и нареченъ Юрьи. И созда во имя его град Юрьевъ Польской. И в томъ граде церковь велелѣпну[2] созижде во имя Георгия Страстотерпца,* каменную, [3]на рези[3] и от подошвы и до верху. И по создании храма того поѣхалъ князь великий Данилъ Иванович изыскивати мѣста, гдѣ бы ему создати град престолный к великому княжению своему. И взя съ собою нѣкоего греченина[4], именемъ Василия, мудра и знающа зѣло и вѣдяща, чему впредь быти. И въѣхавъ с нимъ во островъ теменъ и непроходимъ зѣло. В нем же болото велико и топко. И посредѣ того болота и острова узрѣлъ князь великий Данилъ Иванович звѣря превелика и пречюдна, троеглава и пестра велми пестринами различна и красна зѣло. И вопроси Василия греченина, что есть видѣние се пречюднаго звѣря. И сказа ему Василий греченинъ: «Великий княже, на семъ мѣсте созиждется град превеликъ и распространится царствие троеугольное,* и в нем умножатся различных ордъ люди, то есть прообразует звѣря сего троеглавнаго, а различнии на немъ цвѣти — то же есть прообразует различных орд люди». Посемъ князь великий в том же острове наѣхалъ посредѣ болота островъ малъ, а на немъ поставлена хижина мала, а живетъ в ней пустынникъ, а имя ему Букалъ. И потому и хижина именуема Букалова. И нынѣ на том мѣсте Божиимъ повелѣнием царской дворъ. И после того князь великий Данила Иванович с тѣмъ же греченином Василием спустя 4 дни наѣхали горы, а в горахъ тѣхъ стоитъ хижина мала, а в той хижине человѣк римлянин, имя ему Подонъ. И возлюби князь великий мѣсто сие, и на томъ мѣсте себѣ домъ устроити восхотѣ. Той же мужъ Подонъ исполненъ Духа Свята и рече: «Княже, не подобаетъ ти здѣ веселитися, то есть мѣсто домъ Божий. Созижди ту храмъ, и пребудутъ архиереи Бога вышняго служителие». Князь же великий Данилъ Ивано-

---

[1] начале, возникновении; [2] очень красивую; [3—3] украшенную резьбой; [4] грека.

вичъ въ 6 лѣто на хижине Букалове заложи град и нарекоша имя ему Москва.* А въ 7 лѣто на горахъ Подонских на хижине заложи церковь Всемилостиваго Спаса и устрои святолѣпну ю. И въ 9-е лѣто родишася у него два сына, князь Алексѣй, князь Петръ.* Онъ же, князь великий Данилъ Ивановичь, любляше сына своего вельми, князь Алексѣя Даниловича, и во имя его созда град к северу и нарече имя ему Алексинъ.* И тамо обрѣте во острове мужа именем Сара, [1]земли Иверские[1], свята и благоговѣйна зѣло, и на его хижине заложи градъ Алексинъ. И по 29 лѣтехъ прииде из грекъ епископъ Варлаамъ к великому князю Данилу Ивановичю и многия чюдотворные мощи с собою принесе. Князь же великий Данило Ивановичь приятъ его съ великою честию и любовию, и повелѣ ему храмъ освятити на горахъ Подонскихъ, и предаст ему область Крутицкую, и нарекоша его владыкою Сарскимъ и Подонскимъ, а горы нарекоша Крутицы.*

[1]—[1] из Грузии.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

И почему было Москвѣ царством быть, и хто то знал, что Москвѣ государством слыть?

Были тут по Москвѣ-рекѣ села красные[1], хорошы боярина Кучка Стефана Ивановича.* И бысть у Кучка боярина два сына красны, и не было столь хороших во всей Руской земле. Извѣдавъ про них князь Данило Суздальский и спроси у боярина Кучка Ивановича двух сыновъ к собѣ во двор с великим прением. И глагола: «Аще не дашь сыновъ своих ко мнѣ во двор, и яз-де на тобя с войною приду, и тобя мечем погублю, и села твои красные огнем пожгу». И боярин Кучко Стефан Иванович убояся грозы князя Данила Суздальсково и отдав сыновъ обоих своих князю Данилу Суздальскому. И князю же Данилу Суздальскому полюбилися оба сынови Кучковы, почал их любити и пожалова их — одного в стольники и другаго в чашники.*

И приглянусь онѣ Данилове княгине Улитѣ Юрьевне,* и уязви дьяволъ ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольскимъ возжелѣнием зжилися любезно. И здумали извести князя Данила. И мысля Кучка боярина дѣти со княгиною, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрити зайца лову. И поехав князь Данило с ними на поле и отъехав в дебрии, и нача Кучковы дѣти предавати злой смерти князя Данила. Князь ускоче на конѣ своем в рощу, частотѣ лѣса, и бежав злѣ[2] Оку-рѣку, остав конь свой. Онѣ же злии, аки волцы лютии, напрасно[3] хотя восхитити его, и в торопях и сами во ужастѣ иска его, и не могоша надти его, но токмо нашед коня его.

Князь же добежав злѣ Оку-рѣку до перевоза, и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат. Перевозщикъ глаголаше: «Лихи-де вы люди оманчивы, како перевези за рѣку вас, и удете не заплатя перевознаго». А не познав его, что князь есть. Перевозчик же приѣхавше блиско ко брегу и протянув весло: подай-де перстень на весло перевознаго. Князь же возложыв на

[1] прекрасные, красивые; [2] возле, вдоль по берегу; [3] внезапно.

весло свой перстень злат, перевозщык взяв перстень к собѣ, и отпехнувся в перевознѣ за Оку-рѣку, и не перевез его.

Князь побѣже злѣ Оку-рѣку, бояся за собою людей погонщиков. И наста день той к вечеру темных осенных ночей. И не вѣсть, где прикрытися: пусто мѣсто в дебрии. И нашед струбец[1], погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влѣзе в струбецъ той, закрывся, забыв страсть[2] от мертвого. И почии нощь темну осенную до утрия.

Сыновѣ же боярина Кучка Ивановича быв в сѣтованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жыва с побоища ранена: «Лутче было нам не мыслити и не дѣяти над князем злого дѣла смертнаго. Ушел-де князь Данило ранен от нас в Володимер-град ко брату своему, ко князю Андрѣю Александровичю,* и будетъ князь Андрѣй к нам за то с войским, и принят будет от них злая казнь розноличная и смерть лютая, а тебѣ, княгина Улита Юрьевна, повѣшеной быть на воротех и злѣ[3] ростриляной, или в землю по плечь жывой быть закопаной, что мы напрасно здумали зло на князя неправедно».

Злая же та княгина Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому[4] змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрѣх и наложников и сказа им, Кучковым дѣтям , своим любовникомъ, все по ряду: «Есть-де у насъ [5]песъ-выжлец[5]. И какъ князь Данило поежжает на грозные побоища против тотаровей и крымских людей и заказывает мнѣ поедучи: „Либо-де я от тотаровей или от крымских людей убит буду, или на поле случитце мнѣ смерть безвѣстная, и в трупу человѣчье меня сыскать или опознать будет немошно, или и в полонъ возмут жыва меня тотаровя, и которой дорогой в кою страну свезут меня жыва в свою землю, и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом выжлетом, и вели им пусти пса того наперед проста[6] и за ним самим ехати, и гдѣ будет я жыв свезен, и пес той дорогой дойдет меня, или на поле буду мертвъ без висти, или на побоище убит в трупу многаго человѣчья, и образ у меня у мертваго от кровавых ран переиначитце[7], не познать меня, и тот пес сыщет [8]без оманки[8] меня и мертвому мнѣ почнет радоватися, а мертвое мое тѣло почнет лизать на радосте"».

И на утрии княгина Улита того пса-выжлеца дав им, своим любовником, и твердо им наказывала: «Где вы его, князя, со псом сыщетѣ жыва, и тут ему скоро и смерти предайтѣ без милости» Они же, злии, злаго ума от тоя злояднищы княгины Улиты наполнились, взяв пса того, и доехав того мѣста, где князя Данила вчера ранили, и с того мѣста пустиша напред собя пса-выжлеца. И пес побѣже, а они за ним скоро ехаша. И побежав пес злѣ Оку-рѣку, и добежав до того струпца упокойнаго, где ухоронися князь. И забив пес главу свою в струбец, а

[1] сруб; [2] страх; [3] жестоко; [4] свирепому; [5—5] собака-ищейка; [6] свободного, отвязанного; [7] изменится; [8—8] без ошибки.

самъ весь пес в струбец не вмѣстися, и увиде пес государя своего, князя Данила, и нача ему радоватись ласково. Тѣ же искомыи его увидѣвше пса радующеся и хвостом машуще и, скоро скоча, скрывают покров струбца того и нашли тут князя Данила Александровича. И скоро ту князю смерть дают лютую, мечи и копьи прободоша ребра ему и отсекоша главу ему, в том же струбце покрыша[1] тѣло его.

Той же благовѣрный князь Данило Александровичь бысть четвертый мученик новый, прият мученическую смерть от прелюбодѣяний жены своие. Первыи мученики, Борис, и Глѣбъ, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганого полка.* Кучковы же дѣти приехав во град Суздаль, и привезли ризу кровавую князя Данила Александровича ко княгини его, и немного жыша со княгиной той въ бесовскомъ возжделением, сотониным законом связавшися, удручая тѣло свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодѣвствии.

Но скоро доходит вѣсть в Володимер-град ко князю Андрѣю Александровичю, что здѣяся таковое злоубивствие над братомъ его Даниломъ. Сыне же его, Ивану Даниловичю,* внуку Александрову, остася младу сущу, но токмо пяти лѣтъ и трех месяцъ, и храняше его и соблюде его вѣрный слуга бысть князю Данилу, именем Давыд Тярдемив, храняше его втаи[2] два мѣсяца. И зжалися той вѣрный слуга Давыд о княже сыне Иванѣ, и взяв его отай[3] нощию, и [4]пад на конь[4], и гнав с ним скоро ко граду Володимеру, ко князю Андрѣю Александровичю, по рождению к дядюшке его. И сказав слуга той Давыд князю Андрѣю все по ряду бывшое, что во градѣ Суздалѣ содѣяся злоубивствие над братом его Даниломъ.

Князь же Андрѣй зжалися по братѣ своем, аки князь Ярослав Владимерович по братьи своей, по Борисе, и Глѣбе, и по Святославѣ, на окаяннаго злаго братоубийца Святополка, нарекомого Поганого полка. И собра Ярослав новгородцев войска, и Бога собѣ в помощь призывая, и шед ратью, и отмстив кровь праведну братьи своей, Бориса, и Глѣба, и Святослава, побѣдив окаянного Святополка Поганого полка. Такоже сий новый Ярослав, князь Андрѣй Александрович, прослѣзився горце[5] по братѣ своем, князе Даниле Суздальском, и воздевъ руце на небо, и рече со слѣзами: «Господи, Владыко, Творце и всему Создатель, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Такоже, Господи Владыко, мсти кровь сию неповинную, мнѣ грѣшному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложниковъ тоя бляди Улитки, несытых их плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных делъ, связанья их сотонина закона. Святополкъ окаянный братоубивство сотворив, очи его злыи прельстися несытии сребра, и злата, и имѣния многаго, власть царства ти сего свѣта на един час восхотѣвъ, а Небеснаго

[1] спрятали; [2] тайно; [3] тайно; [4—4] вскочил на коня; [5] горько.

Царства вовѣки отринух, а во днѣ адовѣ вовѣки мучение возлюбивъ. Такоже и та блядь Улитка своего чрева блудныя, скверныя похоти насытовство всласть на един час в бескорывство приим, не токмо Небеснаго Царьства отринувся, но и сего свѣта власть, и злато, и сребро, и ризы многоценныя отринув, но возлюби скверность блудную, похоть чреву, несытость, возляже с тѣми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забывъ, а стала [1]ино аки[1] адъ изблева, похоть скверную вылья, невѣста готовитце окаянному Святополку во днѣ адовѣ, от сотаны дьявола законъ приемлют вовѣки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы».

И собра князь Андрѣй в Володимере-градѣ своего войска пять тысящь и поиде ко граду Суздалю. И слышав во градѣ Суздалѣ Кучка боярина Стефана Ивановича дѣти, что идетъ на них из Володимера-града князь Андрѣй с войским, и обыде[2] их страх и ужасть, что напрасно пролия кровь неповинную. И не возмогоша стати противо князя Андрѣя ратоватися, и бежа ко отцу своему, к Кучку боярину Стефану Ивановичю. Князь же Андрѣй своим воинствомъ пришедъ в Суздаль-град. Суздальцы же не противишася ему, но токмо покоришася ему глаголюще: «Государю князь Андрѣй Александрович, мы бо не совѣтники государю своему убоица[3] князю Данилу, но [4]не вѣмыи[4], что жена его злую смерть ему в кий час получи и можем тебѣ, князю Андрѣю, пособьствовати на слых тех измѣнниковъ». И взяв княгину Улиту, и казня всякими муками розноличными, и предаде ея смерти лютое, что она, злая, таковаго безтутства[5], Дѣтеля[6] Бога не убояшася и вельможь, и всяких людей не усрамишася, а от добрых жен укору и посмѣху не постыдѣшася, мужа своего злой смерти предала, и сама ту же злую смерть прия.

И собрався суздальцев три тысячи войска ко князю Андрѣю пособъствовати, и поидоша князь Андрѣй со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг его красных селъ ограды каменныя, ни острогу[7] деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И невдолге князь Андрѣй своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его, Кучка боярина, и сь его дѣтми в полонъ емлетъ. И куют их в желѣза крѣпкие, и казнят его и з дѣтми его всякими казнми розноличными лютыми. И ту Кучко бояринъ и своими дѣтми злую смерть приятъ в лѣто 6797 ⟨1289⟩ месяца марта в 17 день.

Князь же Андрѣй Александровичь отмстив кровь брата своего, победив Кучка боярина и злых убиец князя Данила, брата своего, а дѣтей Кучка боярина и все имѣнье богатства его розграбиша, а селъ и слобод красных еще не позжгоша огнемъ. И воздаде славу Бога на радостѣ, и почии ту до утрия. И на утрии востав и посмотрив по тем красным селам и слободам, и вложы Богъ в сердце

[1—1] такой, словно; [2] охватил; [3] убийцам; [4—4] не знаем; [5] бесстыдства; [6] Создателя; [7] ограды из кольев, частокола.

князю Андрѣю мысль: тѣ села и слободы добрѣ ему красны полюбилися, и мысля во умѣ своем уподобися ту граду быть. И воздохнув из глубины сердца своего, и помолився Богу со слѣзами, и возревъ на небо, и рече: «Боже Вседержителю, Творче и всему Создатель, просвяти, Господи, мѣсто сие, уподобися граду быти и церквамъ Божиим, подаж ми, Господи, помощь хотѣния мысли моея устроити». И оттолѣ князь Андрѣй сѣде в тех красных селах и слободах жительствовати, во граде же Суздале и в Володимере посажая державъствовати сына своего Георгия, а плямника своего, брату сына, Ивана Даниловича, к собѣ взяв и воспитав его до возраста в добрѣ наказании[1].

Той же благовѣрный князь Андрѣй Александрович созижде церковь Святыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенья, но невелику сущи, древянную, и Бога в помощь собѣ призывающи и Пречистую его Богоматерь. Таже нача и град основати около тех красных селъ по Москвѣ-рѣке, Бога собѣ в помощь призывая. С ним же пособствова суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные. Ту и соверши град Божию помощию, и устрои, и башни здѣла, и всѣ градное устрои в лѣта 6799 ⟨1291⟩ мѣсяца июля въ 27 день на память святого великомученика Пантелѣймона. И оттолѣ нача именоватися и прославися град той Москва.

---

[1] наставлении.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ МОСКВЫ ОЛЕГОМ

О НАЧАЛѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ

В лѣта 6388 ⟨880⟩, по смерти великаго новгородскаго князя Рюрика, остася по нем сынъ его Игорь, [1]в дозорѣ[1] Олгови,* вельможе, сродникови[2] своему, со всѣми княжествы Российскими, понеже Игорь младъ еще бѣ. Промыслом[3] же Олговым восприя княжение киевское, а Оскольдъ и Дир, князи киевстии,* убиени быша. И тако княжение киевское скончася, которое от Кия, Щека и Корея и сестры ихъ Либеди начася.* А от князей варяжских, от Игоря Рюриковича, прочии князи даже до великихъ князей московских родство свое изведоша. Сей же Игорь Рюриковичь и весь родъ его от колѣна Августа, кесаря тивириатскаго римскаго.*

Вышеупомянутый Олгъ, *имея* в дозорствѣ князя Игоря, облада странами многими по всей земли Российстѣй. При княжении же своем Олгъ прииде на Москву-рѣку, в *нюже* текутъ Неглинна да Яуза, и постави ту градъ и нарече Москва,* и посади ту князя, сродника своего, и ины многи грады постави во странах Российских.

По смерти же Олговѣ великий князь Игорь Рюрикович нача сам княжити в Киевѣ, в Великом Новѣградѣ, Псковѣ, и на Белом езерѣ, и на всѣх княжениях и землях Российских, восточных, и полунощных, и на полудне лежащих. Сей Игорь, еще живу сущу бысть Олгу, счетася со Олгою, премудрою красною девицею, правнукою[4] Гостомысловою,* от Пскова. Сия же Олга бысть баба[5] великому князю Владимиру Киевскому.*

[1]—[1] под присмотром; [2] родственника; [3] старанием; [4] правнучкой; [5] бабушка.

СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ

СКАЗАНИЕ О КѢЕВСКИХ БОГАТЫРЕХ, КАКЪ ХОДИЛИ ВО ЦАРЬГРАД И КАК ПОБИЛИ ЦАРЕГРАДЦКИХ БОГАТЫРЕЙ, УЧИНИЛИ СЕБѢ ЧЕСТЬ

Во столном славнем граде Киеве говорит князь Владимер Всеславич Киевской своим богатыремъ, Илье Муромцу с товарыщи: «Или то вамъ не свѣдомо, богатырем, что отпущает на меня царь Костянтин из Царяграда 42 богатырей, а велит имъ Кѣевъ изгубити. И вы бы нынеча никуда не розъежалися, берегли бы естя града Киева и всеѣ моей вотчины».

Бьют чоломъ в столе[1] 7 богатырей: «Государь-князь, Владимер Киевской Всеслаевичь! Отпусти нас в чистое поле, мы тебѣ, государю, прямыя вѣсти отвѣдаем и приведем тебѣ, государю, языка добраго; тебѣ, государю, славу великую учинимъ, и себя, государь, в честь введемъ и всему твоему государству похвалу великую учиним, и многия орды острастимъ». А *взоговорят* богатыри таково слово: «Государь-князь Владимер Киевской! Сторожем мы в землѣ не извадились[2] жить, не доведетца нам сторожами слыть».

Имена богатыремъ: 1 богатырь — Илья Муромець, сынъ Ивановичь, 2 багатырь — Добрыня *Никитичин*, 3 багатырь — Дворянин Залѣшанин, Серая свита, злаченые пугвицы, 4 богатырь — Олеша Попович, 5 богатырь — Щата Елизыничь, 6 богатырь — Сухан Доментьянович, 7 богатырь — Бѣлая Палица, красным золотом украшена, *четьим*[3] жемчюгом унизана, посреде тоѣй палицы камень, самоцвѣтной пламень.

Да говорятъ богатыри таково слово: «Государь-князь Владимер Киевской Всеслаевич! Не извадились мы сторожемъ стеретчи, только мы извадились в чистом поле ѣздити, побивать полки татарские. Отпусти нас, государь, в чистое поле, мы тебѣ, государю, прямые вѣсти отвѣдаем или тобѣ приведем языка добраго».

Взговорит князь Владимер Киевской: «Ой естя, богатыри, Илья Муромець с товарыщи! Не пригоже вамъ в тѣ поры прочь отъехати, а меня вам, государя, покинути одново в Киеве. А яз жду тѣх богатырей с часу на час борзо х Киеву. Пригоже вам моея вотчины поберетчи».

---

[1] на пиру; [2] не привыкли; [3] отборным.

Тут богатыри закручинилися, идут к своим добрымъ конямъ, ударя челом великому князю Владимеру Всеславичю; учали на них класти седла черкаские, подтягивают подпруги шелку бѣлово, у всѣх пряжи[1] булатные, красного булату перепускнаго[2]. Да кладут на собя доспехи крѣпкия, емлютъ с собою палицы булатныя, того булату перепускнаго, и всю свою здбрую богатырьскую. И, всѣд на кони, прочь поѣхали из Кѣева, заложили копья булатные, вострыя, поѣхали в чистое поле.

Ѣдут по чистому полю, взговорят промеж собою такову пословицу: «Лутче бы мы тоѣ срамоты великия не слыхали, нежели мы от князя в очи такое слово слышали! [3]Хотя бы мы людей не дородились[3], да были бы мы богатыри не добрыя, и нас бы в Кѣеве сторожи стеретчи на заставливали!»

Говоритъ Илья *Муромець* своимъ товарыщемъ: «Государи естя мои товарыщи! Чѣм тѣх богатырей на собя ждати х Киеву, мы поѣдемъ встрѣчю к ним и там с ними свидимся. А сказывают, что удалы добре, не по обычею; мы станем Богу молитися, чтобы нам Богъ помощь послалъ на цареградцких богатырей».

А прямо идут ко *Царюграду*.

Какъ будут 12 поприщь* до града, перезжаючи Смугрю-реку,* ажно има навстрѣчю идут 12 человекъ цареградцких богатырей, а на них платье калицкое[4]. Приѣхал к нимъ Олеша Поповичь да говорит имъ таково *слово*: «Братия вы милая, калики перехожии, дайте вы нам свое платье каличное, а у нас возьмите наше платье свѣтлое». Говорит калика таково слово: « Ой еси, Алеша Попович! Али меня не знаешь, или имени моего не вѣдаешь, как меня зовут? Зовут меня по имени Никита Ивановичь, родомъ есми карачевець».* А на каликах гуни голуба скорлату,* а *терлики** на *них* камки венецкие[5],* а палицы у них вязовые, с конца в конець свинцу налиту; а Никиты палица вся *золотая*.

Приѣхал к нимъ Илья Муромець да говорит имъ таково слово: «За то нам, Никита, бранитися не о чем, а вам стоять нѣ за што! Вото вам платье свѣтлое, дайте намъ свое платье калицкое!» Взговорит Никита таково слово: «За то нам, государь Илья Муромец, стоять не за што и спору чинить не о чемъ!» Дают с собя платье калицкое, они дают с себя платье свѣтлое.

Взговорит Добрыня Никитичь таково слово: «Почто вы, Никита, ходили во *Царьгород*?» Говорит Никита таково слово: «Государь Добрыня Никитич! Ходили мы прямых вестей отвѣдывать: естли столко цареградцких богатырей, итти ли им в Кѣевъ город? И вѣсти прямые неизмѣнные: при царѣ богатыри похваляютца, хотят Кѣевъ город наш ити взяти, и великого князя с великою княгинею в полон вести, а удалых богатырей, [6]станных людий[6], под мечь всѣхъ приклонити, а злато и сребро покатимъ телѣгами».

---

[1] пряжки; [2] из драгоценного закаленного булата; [3—3] даже если бы мы были из худого рода; [4] странническое; [5] венецианские; [6—6] защитников.

Говоритъ в тѣ поры Илья Муромецъ: «Слышите ли, мои товарыщи? За то хочю голову сложить — за государеву чашу и молитвы и за ево хлѣб-соль великую». Оставливают свои добрыя коня на Смугре-рекѣ и все свои изряды[1] богатырския, по одной емлют себе по булатной палицы, *красного* булату, перепуськного, и тое несут под гунями скорлатными. Да говорят меж собою пословицу: «Бога ради, богатыри, будьте к татарским речем стерпивы». Говорит Дворянин Залѣшанин: «Всех у нас пуще Олеша Попович, что он, де, пьян или не пьян, изо всѣх нас охочь бранитися; тотъ у нас багатырь кручиноват»[2].

Пошли богатыри во Царьгород, а в тѣ поры у царя столъ[3], а в столѣ подаютъ *ѣству*. Пришли богатыри на царевъ двор, и стали на землѣ перед красным окном, и учали просити милостины противу окна громким голосом. Каличные слышат гласы — сказали самому царю.

И слыша царь Косьтянтин гласы *каличные*, да говорит Тугарину Змиевичю: «Вели позвать *калик* тѣх, по рѣчамъ — *кабы* русь пришла, *попытай* их о вестях о киевскихъ, то будет они ведают».

Позвали калик ко царю; царь учал калик спрашивать: «Скажите вы, калики перехожие!» Учалъ Илья Муромец говорити: «Ходим мы, государь, от великого князя Владимера Всеслаевича Киевского».

Против царя сидят Идол Скоропѣевичь* богатырь, а ростомъ добре, не по обычею: меж очима у него стрѣла ладится, меж плечми у него болшая сажень, очи у него, какъ чаши, а голова у него, какъ пивной котел: посмотрить на него — устрашиться. Говоритъ царю Костянтину тако слово: «Государь-царь, вольной человекъ, *попытай*[4] ти о вестях, о киевских богатырех, сколко у великого князя Владимера богатырей, и каковы онѣ ростом, прытостью».

Царь учал каликъ спрашивать: «Скажите вы, калики перехожия, про кѣевскихъ богатыри». Говорит Илья Муромець, сынъ Ивановичь: «В Кѣеве, государь, 32 богатыря да удалы не по обычею!»

Говорит Идол-богатырь: «Есть ли у вас славной богатырь Илья Муромец, [5]каков онъ рожаем[5] и каков велик ростом? Посмотрить, де, на него — устрашитца. И вы посмотрите нашим богатыремъ». Говорит Илья Муромецъ: «И ты, государь, смотри на меня».

Взговорит багатыр Идол Скоропѣевич: «Царь-государь Костянтин, не мешкай, государь, службою багатырьскою! Отпущай, государь, нас на Русь борзо[6] х Киеву, х князю Владимеру, и будет токо то не *солгано* ..., што в Киеве». Возговорят богатыри: «И мы тебѣ, государю, приведемъ князя Владимера с великою кяинею ... богатыремъ и удалым молодцом под мечь поклонитымъ, и всем в Киеве учиним сѣчю великую, а злато и сребро покатимъ телѣгами. Тебѣ, государю, прибыль и славу добрую во вся орды, а себя в честь введем».

---

[1] снаряжение; [2] гневлив; [3] пир; [4] расспроси; [5—5] как он выглядит (каким он урожден); [6] скорее.

Взяла кручина молода Олешу Поповича, да говорит Олеша Попович таково слово: «Коли вы, багатыри, приѣдете х Киеву, тогды не узнаете дороги, куды вам бѣжати. А станете *молодцевъ* кѣевских и учинете сѣчь великую, а покатятца головы татарския, а прольетца кровь горячая багатырей, цареградцких богатырей. Не пять у нас человекъ в Кѣеве, есть близко десятка человекъ!» Идолъ на него розкручинился[1].

Говорит Дворянин Залѣшанин: «С твоего, государь, меду опился!» Говорит Дворянин Залѣшанин Олеше Поповичю: «Уйми свое сердце багатырское, немошно намъ тебя [2]нажюрить, ни наговорить[2]». Говорит Олеша Попович: «А он наших богатырей ни во что ставит, и великого князя хулит, и иему посмѣхаетца!»

И Идол на него розкручинился. Говорит Дворянин Залѣшанин: «Из ума, государь, он выпиваетца!»

Говорит Идол-богатырь: «Скажите, калики, про кѣевских богатырей, и каковы у них лошади удалы?» И с нимъ говорит Дворянин Залѣшанин: «По вся дни, государь, вѣдаем и лошади богатырские знаем».

Говорит Идол-богатырь: «Царь-государь, волной человекъ, после розпрошать, вели, государь, показать *имъ* свои лошади царьския».

Царь велѣл вывести свои лошади царския. Говорят калики перехожия: «Лутче тѣх шкап[3] в Кѣеве и простые лошади, а на богатырские лошади пристрашно посмотрить!»

Говорит Идол-богатырь: «Вели, царь-государь, показать имъ наши лошади богатырские». Царь велѣл вывести лошади богатырские.

Ведут лошади богатырские: 1-ю лошадь ведут Идола богатыря Скоропеевича на 12 чепях на золотых, 2-ю ведут лошадь молода Тугарина Змиевича на 11 чепях сребряныхъ, за тѣми ведут сорока дву богатырей. А всѣ тѣ кони удалы добрѣ, не по обычею, каликам полюбилися. Издалеча калики увидели, что добры, не по обычею.

Говорит Дворянин Залѣшанин: «Сверху, государь, не мотчи смѣтить и усмотрить, и как, государь-царь, смѣтим, и мы тебѣ, государю, скажем про наших богатырей и про коней, и их храбрость окажем». И царь повелѣл имъ вытти.

Пошли калики вон от царя лошадей смотрить. И как будут посреди двора царева и лошадей, взговорили богатыри промеж собою такову пословицу: «Смотрите, государи товарыщи, коней, да высматривайте гораздо, было бы нам, что про наших коней царю сказати!»

«А [4]уж ли[4], калики, высмотрили?»

Взговорят калики: «Теперво, государь, высмотрили».

Взговорит Илья Муромець своимъ товарыщем: «Теперво нам, братцы, [5]строка пришла[5]. Отъимайте лошади богатырские, убейте татар без милости, садитесся на кони без сѣдел, на кони багатырския, на добрыя!»

---

[1] разгневался; [2—2] бранить и уговаривать; [3] лошадей; [4—4] теперь; [5—5] срок пришел.

Пришли богатыри х конемъ. Не птички соловьи рано в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули багатыри багатырским голосом, да свиснули палицы булатные у Ильи Муромца с товарыщи, послетали головы татарския! Отнели себѣ по добру коню и, всѣд на кони, прочь из града поѣхали до Смугры-реки.

Добрых коней един у царя *остался* на дворе, и тот Олеше Поповичю. Воротился Алеша пѣшь во Царьгород, а коня покинул на Смугре-рекѣ. Да говорит Алеша Попович Костянтину таково слово: «Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлем, что хотим мы с твоими богатыри в чистом поле свидетися и их прытость увидети. И будем мы опять с твоими богатыри во Царѣграде».

И изговоря Олеша, поѣхали богатыри к Смугре-рекѣ. Да кладут на собя досьпѣхи крѣпкия и всю зъбрую багатырскую, емлют с собою палицы булатныя и копья вострыя. Ажно скачют из Царяграда богатыри с великою поганою силою татарскою.

Говорит Олеша Поповичь: «Государи мои товарыщи! Потерпите малехонько, дайте мнѣ поправить свое сердце богатырское!» Богатырское сердце нестерпчиво, хочет и послѣднюю орду побити, похвалу доспѣти! *Свиснул, крикнул* богатырским голосом: «*Потерпите* малехонько, дайте мнѣ теперво с ними одному потравитися! Хочю себѣ похвалу доспѣти, чтобы *увидял* царь Костянтин и дошла бы наша похвала до князя Владимера!»

И какъ съезжаютца с злыми полки татарскими и с сорок и дву богатыри цареградцкими, свиснули, крикнули богатыри *богатырскым* голосом. От свисту и от *крику* лес розсьтилаетца, трава постилаетца, добрыя кони на окарашки падают, худыя кони и живы не бывали.

Не *птицы* соловьи в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули руския богатыри, Илья Муромец с товарыщи.

Говорит цареградцкой багатырь Идол Скоропѣевичь: «Государи мои товарыщи! Сердце ся у меня ужаснуло, трепещется, и голова вкруг обходит, и очима не мощно на свѣт глядѣть: болшо, ей, намъ быти побитымъ всѣм!» Взговорит Тугарин Змиевичь: «Болшо, ей, нам, товарыщи, коли бы смерти минутися, ли ся храбрость наша преложися на тихость; не *мощно* руки поднять, скоро нас страсть взяла: болшо Илья Муромец сам пришелъ!»

Напустил Илья Муромець встрѣчю цареградским богатырем от своих товарыщев в полуверстѣ, и всѣ товарыщи скоро поѣхали за нимъ. И ударилися крѣпко на *копья* булатныя, и учалися твердо бить и неподвижно, колды копья у них булатные приломалися и доспѣхи крѣпкие. Збил Илья Муромец з добра коня Идола Скоропѣевича, а Тугарина руками взял; а обѣих богатырей, Идола и Тугарина, живых взяли, и вьсю силу татарскую побили, и тѣх сорока богатырей побили, а Идола-богатыря и Тугарина-богатыря живых ведут их во Царьгород, и ставятца перед царевою полатою.

Говорит Илья Муромець *с своими* товарыщи таково слово: «Тебѣ, царю, вѣдомо было, что твоих 42 богатырей побили и всю силу татарскую поганую по-

били, а твоихъ лутчих богатырей, Идола Скоропѣевича да Тугарина Змиевича, живых взяли. Да потому, царю, тебя ничем не двигнули, ни крянули[1], ни черным волосом,* что ѣздим мы без государскаго вѣдама. А похвалу есми видели твоих богатырей: похвала мужю — великая пагуба! А татар всѣх побили — тѣм на Русь не бывати! Толко, царю, теперво тебѣ челом бьем Идолом-богатырем, чтобы ты на нас не кручинился, а Тугарина тебѣ, государю, не дадим, отвезем великому князю, с чем нам ко князю Владимеру появитися». И даютъ богатыри царю Идола, а Тугарина с собою емлют.

Не бѣлая лебедь воскликала, восплакалася мати Тугарина Зьмиевича и бьет челом благовѣрной царице Елене: «Государыни благовѣрная царицы Елена! Упрошай ты, государыни, у русских богатырей молода Тугарина Змиевича!» Говорит благовѣрная царицы: «Государи естя руския богатыри, Илья Муромец с товарыщи! Таких грозных богатырей не бывало въ Цареграде, не побивали наших цареградцких богатырей, не уведите для моих слез младово Тугарина Змиевича!»

Говорит Илья Муромець с товарыщи: «Государыня благовѣрная царицы Елена! За то тебѣ говорим, государыни, не двигнем Тугарина ничем для государьского твоего слова, будет Тугарин в Киеве, потом тебѣ будет во Царѣграде жив. А нелзѣ нам отдати богатыря цареградцкого, нѣчем нам в Кѣеве похвалитися, что нам сказать князю Владимеру Всеславичю!»

Били челом государыни, прочь поѣхали. Ведут с собою языка добраго, Тугарина Змиевича.

Ѣдут по полю по чистому и выбирают от себя богатыря Дворянина Залѣшанина: «Поѣдь ты, Дворянин Залѣшанин, к стольному граду Кѣеву! Ты жилец двора государева, много живешь во дворѣ государеве и всякой чин вѣдаешь. Обошли[2] нас государю, князю Владимеру Всеславичю, велит ли намъ на свои государския очи видети? А грубили есмя твоему недругу, царю Костянтину благовѣрному, убили есмя у него 42 богатырей, а с нимъ татар люди многия да одново богатыря оставили во Цареграде, а другово тебѣ ведем».

Приѣзжал Дворянин Залѣшанин граду х Киеву, и пошел *к великому* князю Владимеру Всеславичю, и справил рѣчи от своих товарыщев, что ему наказано.

Приѣхали богатыри к государю Владимеру Всеславичю, привели языка добраго — Тугарина Змиевича, цареградцкого богатыря. Князь великий Владимер Всесьлаевичь почал богатырей жаловать, даиетъ имъ шубы под аксамиты,* и чепи великия златые, и сверхъ тово казною несмѣтно. Да говоритъ князь Владимер Всеслаевич: «Да впредь вас, богатыри, рад жаловать за вашу выслугу великую и за службу богатырьскую! А нынѣ емлите себѣ, что вам надобе!»

[1] ни тронули; [2] оговорили.

И учал князь Владимер Всеславич молода Тугарина Змиевича спрашивать о вестях. Зговорит Тугарин: «Что меня, государь, о вестях спрашиваешь, князь Владимер Всеславичь! У тебя, государя, вотчины не во всѣх ордах, а богатырей твоих удалее нѣт и во всѣх землях».

И как будет князь Владимер навесело, и учали потешатися. И бьет челом Илья Муромец *с* своими товарыщи: «Государь князь Владимер Всеславичь! Умилосердися, пожалуй нас, холопей своих! Говорила намъ царицы Елена и била челом, чтобы мы заложили слово тебѣ, государю, о молоде Тугарине, чтобы ты пожаловал, отпустил ево во Царьгород; и молвили есмя царице Елене, чтобы нам упрошать у тебя, государя, молода Тугарина Змиевича во Царьгород. А мы тебѣ, государю, ради впредь служить, елико сила можетъ!»

Князь Владимер Всеславич пожаловал, отдал имъ молода Тугарина Змиевича, цареградцкого *богатыря*. Говорит князь Владимер Всеславичь: «Ой естя, мои князи и богатыря! Цареградцких богатырей было 42, а с ними было татар людей много, — не рать ли в поле была? А моих богатырей толко 7 было!»

Били ему челом богатыри, взяли молода Тугарина Зьмиевича и всклали на собя всю збрую богатырьскую, поѣхали во чисьто поле. И какъ будут на рубеже, оппускают во Царьград молода Тугарина и учали закликать, чтобы имъ на Русь не бывать вѣк по вѣку. Да отпустили с радостью великою, и простилися, и сами поѣхали в чистое поле.

Богатырское слово во вѣки, аминь.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

Во граде Киевѣ бысть при старосте,
При великом князе Манамахе Владимеровиче,*
Был богатырь стар добрѣ,
Больши ему девяноста лѣтъ.
Да охочь был до потѣхи кречятные,*
Не покинулъ он потехи и до старости.
Лучилось ему выехать с красным кречятом*
На празникъ на Усекновение чесныя главы Ивана
Предотечи.*
И не доежаючи быстра Непра Слаутича,
Наехалъ на малой заводи многия лебеди.
И богатырь тому учал дивитися:
«На той на малой заводе не наеживал
Я ни гусей, ни утят, ан нынеча
Вижу многия лебеди — а все то не даром.
Поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича».*
И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутичю,
А ужь Непръ река смешалась з желты пески.
И Сухан стал, задумался.
Ажно по заречью ездит человекъ,
А волочит за собою копье с прапором[1],
Да вопит громко голосомъ:
«Ой еси, Сухан Дамантьевичь!
Ты славен в Киеве велик богатырь,
А [2]по ся местъ[2] не вѣдаешь:
Ужь тому девятой день какъ перевозитца

---

[1] знаменем; [2—2] до сих пор.

Через быстрой Непръ царь Азбукъ Товруевич,*
А с ним 70 царевичей,
А *со* всяким царевичем
По семидесяти по две тысячи.
В правой руке и в лѣвой,*
И в сторожевом полку не успел сметить[1].
Добрѣ с ним людей много, бес числа.
И наши прародители тѣмъ царем служивали
И царьские приходы вѣсно чинили,*
И вам, богатырем, в Киеве было вѣдомо».
Да мол*ви*лъ слово и поехал прочь.
И Сухан стал, закручинился,
И мечет кречата с руки далече,
И рукавицу о землю бросает.
Не до потехи стало Сухану кречатные,
Стало до дѣла государева:
«По грѣхомъ есми запросто выехал,
Саадака* и сабли нѣт на мнѣ
И ни*ка*кова ратнова оружия.
Поехать мнѣ х Киеву для ратнова оружия —
И богатырей в Киевѣ умножилось,
И в правосте своей под старость
Не прослыть сиротиною».
И поехалъ Сухан ко дуброве зеленой,
И наехал сыр-зелен падубок[2],
Да вырвалъ ево и с кореньемъ,
Да едет с ним не очищаючи.
И как выезжает из добровы зеленые,
А не бѣлоей каменье на горах *б*елеются,
Белеютца доспѣхи ихъ во всѣх полках.
И некак богатырю людей сметить.
Учал богатырь Богу молитися:
«О, царице Богородице!
Утоли стремление безумъное,
Смири сердце нечестивое.
Похваляся бусуръман и горъдъ пошел
Пленить землю Рускую,
Разорить вѣру крестьянъскую,
Разърушить мѣсто церкви Божии,

---

[1] сосчитать, исчислить; [2] молодой ясень.

Осквернити мѣсто чюдотворное.
О, царице Богородице!
По грѣхом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нѣт на мнѣ,
Никакова ратнова ору*ж*ия.
Только у меня сыр-зелен падубокъ,
И тово мнѣ очистить нечем».
Учал богатырь плакати
И горячи слезы ронить.
Загаркал, напустил на них:
Свищет падубокъ в рукѣ богатырской,
Ломаются древа *копейные*,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шоломы их
З головами *та*тарскими.
И учали татаровя острог ставить,
Одернулися[1] телегами ординъскими.
А говорит Сухан Дамантьевичь:
«Которые татаровя на Руси не бывали,
Те про Сухана не ведают,
И онѣ у товарищев своихъ слыхали в ордах смолода.
А нынѣ, *а* ныне со мною
Они б*е*з городу[2] не умеют битися!»
Кольнул Сухан под собою коня
Острогами булатными,
Конь ево скочил через те*ле*ги ордынские,
Стал середи острогу татарскова.
И Сухан бьет татар падубком
На всѣ четыре стороны.
Куды *Сухан* ни оборотится,
Тут татар костры* лежат,
Тех татар всех побилъ.
Да едет Сухан ко быст*р*у Непру Слаутичю на берегъ,
Да вопит громко голосомъ:
«Царь Азбукъ Товруевичь!
Вели меня подождати малехонко,
Яз тебѣ ис Киева вывезу поминки многия
От царя и великаго князя Владимера,
И всемъ твоим князьямъ, и татаровям,

[1] окружили себя; [2] ограждения.

И мурзам, и улановям без выбору.
По грехом есми запросто выехал:
У падубка коренье обломалося,
Одно лишь осталось обломчишко».
Да молвил слово, поплыл за быстрой Непръ.
Царь Азбук, видя свою неминучюю,
Убить богатыря нечим,
Велѣлъ зарядить три порока,*
А въ пороке по рогатине.
И скоро мечютца к оврагу глубокому,
И зарeдили борзо три порока,
А в пороке по рогатине.
И Сухан переплыл через быстрой Непръ,
Не переехал скоро с обломчишкомъ на берег.
И татаровя ис порока стрелили да грѣшили[1],
Из другова стрѣлили — грѣшили,
Из третьева стрелили — убили богатыря
Против серца богатырскова,
Отрезали коренье сердечное.
И богатырь забыл рану смертную,
Загаркал, напустил, да и тѣхъ побилъ всех татар.
И богатырь узънал рану смертную,
Учал борзо спешить ко граду

. . . .

Узрѣл на Сухане рану смертъную,
И послал по лекари мнюгия,
И у Софѣи* велѣл молебны пѣть за Суханово здоровье.
И учал государь Сухана жаловать
Своимъ жалованным словомъ:
«Сколько тебѣ, Суханушъко, городов и вотчин надобѣ,
Тѣмъ тебя пожалую за твою великую служъбу».
И Сухан государю бьет челом:
«Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин.
Дай, государь, холопу жалованное слово
И прощенье последнеи».
Молвил слово, в том часу и умолкнул.
Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова:

[1] промахнулись.

«Хотя тебя, Суханушко, звали бражником,
И охочь был пропиватися,
А ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил.
Не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго,
Плачю я о твоем доротъцве[1] во истинной храбърости,
Что еси дорос человѣчества,
Умеръ на служъбе государеве».
И отънесла ево в пещеру каменну:
«Тут тебѣ, Суханушко, смертной животъ во вѣки».

---

[1] красоте, величии.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

ЛЕТА *6750* ⟨1641⟩ ОКТЯБРЯ ВЪ 28 ДЕНЬ ПРИѢХАЛИ К ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ФЕОДОРОВИЧУ ВСЕА РОССИИ К МОСКВѢ З ДОНУ ИЗ АЗОВА-ГОРОДА ДОНСКИЕ КАЗАКИ: АТАМАНЪ КАЗАЧЕЙ НАУМ ВАСИЛЕВЪ* ДА ЯСАУЛЪ ФЕДОРЪ ИВАНОВЪ. А С НИМ КАЗАКОВЪ 24 ЧЕЛОВѢКА, КОТОРЫЕ СИДЕЛИ В АЗОВЕ-ГОРОДЕ ОТ ТУРОКЪ В ОСАДЕ. И СИДЕНЬЮ СВОЕМУ ОСАДНОМУ ПРИВЕЗЛИ ОНЕ РОСПИСЬ[1]. А В РОСПИСИ ИХ ПИШЕТЪ:

В прошлом, де, во *149*-м году июня въ 24 день* прислал турской Ибрагим салтанъ царь под насъ, казаковъ, четырех пашей своих, да дву своих полковниковъ, Капитана да Мустафу, да ближние *своей* тайные *думы*, покою своего слугу, да Ибремя-скопца над ними уже пашами смотрети вмѣсто себя, царя, — бою их и промыслу, как станутъ промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними, пашами, прислал под насъ многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на насъ подручных своих двенатцать земель воинских людей, *переписаной* своей рати. По *спискам*, боевого люду двести тысящей, окроме поморских и кафимских и черных мужиков,* которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и нагайские*на загребение наше, чтобы насъ имъ живых загрести, засыпати бы насъ им горою высокою, какъ оне загребаютъ люди персидские.* А себе бы имъ и тем смертию нашею учинить слава вечная, а нам бы укоризна вѣчная. Техъ собрано людей на насъ черных мужиковъ многия тысящи, и не бѣ числа им и писма[2]. Да к ним же после пришелъ крымской царь, да брат ево народым Крым-Гирей царевичь* со всею своею ордою крымскою и ногайскою; а с ним крымских и ногайских князей и мурзъ и татаръ ведомых, окромѣ охотниковъ, 40 000. Да с ним, царемъ, пришло горскихъ князей и черкасъ ис Кабарды 10 000. Да с ними жъ, пашами, было наемных людей и у них немецких[3] два полковника, а с ними салдатъ 6000. Да с ними жъ, пашами, было для промысловъ над *нами* многие немецкие люди городоимцы[4], приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государствъ: [5]из Реш еллинских и Опанеи великия[5], Винецеи великие и Стеколни[6] и французски наршики[7], которые дѣлать умѣютъ всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненыя. Наряду было с пашами пушокъ под Азовымъ великих болших ломовых 129 пушекъ. Ядра у нихъ были великия, в пуд, в полтора *и* в два пуда. Да мелко-

---

[1] донесение, описание; [2] счета; [3] иноземных; [4] военные специалисты по взятию крепостей; [5]—[5] из греческого царства и великой Испании; [6] Стокгольма; [7] петардщики.

ва наряду было с ними всех пушекъ и тюфяковъ[1] 674 пушки, окроме [2]верховых пушекъ огненныхъ[2]; техъ было верховых 32 пушки. А весь наряд былъ у них покованъ на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках вышед, ево не взяли. А было с пашами турскими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары[3], седмые буданы, осмые башлаки,* девятые арнауты[4], десятые волохи[5], первые на десять митьяня[6], второе на десять черкасы[7], третие на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царемъ по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышлеников[8] немецъ и черных мужиковъ и охотников, 256 000 человѣкъ.

А збирался турской царь на насъ за моремъ и думал ровно четыре годы.* А на пятой год онъ *пашей* своих к намъ под Азовъ прислалъ.

Июня въ 24 день в ранней самой обедъ пришли к нам паши его и крымской царь, и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския *изнасеяны*. Где у насъ была степь чистая, тутъ стали у насъ однем часомъ, людми их многими, что великия непроходимыя лѣса темные. От силы их турецкие и от уристания[9] конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у насъ из Дону вода волны на берегу показала, уступила мѣстъ своихъ, что в *водополи*[10]. Почали оне, турки, по полямъ у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы[11] великие, яко горы страшные забелѣлися. Почали у них в полках их быть трубли болшие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрелба мушкетная и пушечная великая. Какъ есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молние, коль страшно громъ живетъ от Владыки с небесе. От стрелбы их той огненной стоялъ огнь и дым до неба; все наши градские крепости потряслися от стрелбы ихъ огненные, и *солнце* померкло во дни том светлое, в кровь обратилось, какъ есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройной приход бусурманской было видѣти. Никакъ непостижимо уму человечѣскому в нашем возрасте того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самою оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова-города. Их янычарския головы строем их янычерским идутъ к нам оне под городъ великими болшими полки и купами на шаренки[12]. Многие знамена у них, всех янычень[13], великие, неизреченные, черные бѣ знамена. Набаты у них гремятъ, и в трубы трубятъ и в барабаны бьют в великия ж несказанныя. Двенатцать их головъ яныческих. И пришли к нам, самою близостию к городу стекшися. Оне стали кругъ города до шем-

[1] орудий, стрелявших картечью; [2—2] мортир; [3] мадьяры; [4] албанцы; [5] жители Валахии; [6] молдаване; [7] черкесы; [8] искуссников; [9] скакания; [10] в половодье; [11] оборонительные приспособления; [12] шеренги; [13] янычар.

6 Зак. № 3610

пова в восмъ рядовъ от Дону, захватя до моря рука за руку. Фитили у них у всех янычар кипят у мешкетовъ их, что свечи горятъ. А у всякого головы в полку янычаней по двенатцати тысящей. И все у них огненно, и платье на них, на всех головах янычеких, златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у них у всех долгие турские з жаграми[1]. А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся. Подобенъ строй их строю салдацкому. Да с ними ж тутъ в ряд стали немецких два полковника с салдатами — в полку у них солдат 6000.

Того же дни на вечеръ, какъ пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, *перских* и еллинских[2]. А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их янычеcкой словом царя своего турского и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О, люди Божии Царя Небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаеми! Яко орли парящи, без страха по воздуху летаѣте, и яко лви свирепи, в пустыняхъ водимы, рыкаете! Казачество донское и волское[3], свирепое! Соседи наши ближние! Непостоянные нравы, лукавые! Вы пустынножителем лукавые убиǔцы, разбойницы непощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево, николи не наполнится! *Кому* приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турского. Не впрям еще вы на Руси богатыри светоруские? Где вы тепере можете утечи от *руки* ево? Прогневали вы *Муратъ*-салтанова величества, *царя турского.* Убили вы у него посла ево турского Фому Катузина,* съ нимъ побили вы армен и гречениин. А посланъ онъ былъ к государю вашему.* Да вы ж взяли у него любимою ево цареву вотчину, славной и красной Азовъ-город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в немъ никакова мужичска *возраста*, ни *старова* жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тѣм на себя лютое имя звериное. *Разделили* государя царя турскаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и темъ Азовым-городомъ. А та у него орда крымская — оборона ево на все стороны. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищемъ. Затворили вы им, Азовым-городом, все море синѣе; не дали проходу по морю ни караблямъ, ни катаргам[4] ни в которое царство, поморские городы. Сoгрубя вы такую грубость лютую, чего конца в немъ своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азовъ-город в ночь сию не мешкая. Что есть у васъ в немъ вашего серебра и злата, то понесите из Азова-города вонъ с собою в городки свои казачьи без страха к своим товарищам. А на отходе ничем не тронемъ васъ.

А естли толко вы из Азова-города в нош сию не выйдете, не можете ужъ завтра у насъ живы быти. И кто васъ можетъ, злодеи убиǔцы, укрыть или заступить от руки ево *такие* силные и от великих таких страшных и непобеди-

[1] с пальниками; [2] греческих; [3] волжское; [4] гребным судам.

мыхъ силъ его, царя восточного турского? Хто [1]постоитъ ему[1]? Несть никово равна или ему подобна величеством и силами на свете! Единому лише повиненъ онъ Богу небесному. Единъ онъ лишь веренъ стражъ гроба Божия! По воле жъ Божией избра его Богъ единаго на свете ото всех царей. [2]Промышляйте в ношъ сию животомъ своимъ[2]. Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертию лютою. Своею онъ волею великой государь восточной, турской царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победитъ гдѣ царя великого, равнаго своей чести, а ваша ему не дорога кровъ разбойничья. А естли уже пересидите в Азове-городе ношъ сию чрезъ цареву такую милостивую речь и *заповеть*, *примем* завтра град Азовъ и васъ в нем воров-разбойниковъ, яко птицу в руце свои. Отдадим васъ, воровъ, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы васъ, воровъ, в немъ сидѣло 40 000, ино силы под васъ прислано с пашами болши 300 000! Волосовъ вашихъ столко нетъ на главах ваших, *сколко* силы турския под Азовом-городом. Видите вы и сами, воры глупые, очима своима силу ево великую, неизреченную, какъ оне покрыли всю степь великую! Не могутъ, чаю, с высоты города очи ваши видеть другова краю силъ нашихъ, однехъ писмяньих[3]. Не перелетитъ черезъ силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вся с высоты на землю! И то вамъ, воромъ, даетъ ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никаковъ от человѣкъ к вам не будетъ руских помощи и выручки.* На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылаютъ. А естли толко вы служить похочете, казачество свирѣпое, государю царю волному рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные[4] свои головы разбойничьи в повиновение на службу вѣчную, отпуститъ вамъ государь нашъ турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешное взятье азовское. Пожалуетъ нашъ государь, турецкой царь, васъ, казаковъ, честию великою. Обогатитъ васъ, казаковъ, онъ, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вамъ, казакомъ, онъ, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во веки положитъ на васъ, на всех казаковъ, платье златоглавое и печати богатырские з золотом, с царевым клеймом своим. Всякъ возрастъ вам, казаком, в государеве ево Цареграде будутъ кланятся. *Станетъ* то ваша казачья слава вечная во все краи от востока и до запада. Станутъ васъ называть во веки все орды бусурманские, и енычены, и персидские, светорускими богатыри, што не устрашилися вы, казаки, такими своими людми малыми, с семью тысящи, страшныхъ таких непобѣдимых силъ царя турского — 300 000 писмянныхъ. Дождалися ихъ вы к себѣ *полкы* под город. Каковъ пред вами, казаками, славенъ и силенъ и многолюденъ и богатъ шах, персицкой царь. Владѣетъ онъ всею великою Персидою и

[1—1] устоит перед ним; [2—2] так спасайте нынешней ночью жизнь свою; [3] сосчитанных; [4] повинные.

богатою Индеею; имѣетъ у себя рати многия, яко нашъ государь турецкой царь. И тотъ шах, персидской царь, впрям не стоит николи на полѣ противу силного царя турскаго. И не сидятъ люди ево персидские противу насъ, турок,* многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бестрашие».

Отвѣтъ нашъ казачей из Азова-города толмачем и голове яныческому:

«Видимъ всѣх васъ и до *сех* мѣстъ про васъ вѣдаем же, силы и *пыхи*[1] царя турского все знаем мы. И ведаемся мы с вами, турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж намъ ваши силы турецкие. Ждали мы васъ въ гости к себѣ под Азовъ дни многие. Гдѣ, полно, вашъ Ибрагим, турской царь, умъ свой дѣвал? Али у нево, царя, не стало за морем серебра и золота, что онъ прислалъ под насъ, казаковъ, для кровавых казачьих зипуновъ* наших, четырех пашей своих, а с ними, сказываютъ, что прислал под насъ рати своея турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямь и вѣдаем, что есть столко силы ево под нами, с триста тысящъ люду боевого, окроме мужика черново. Да на насъ же нанялъ онъ, вашъ турецкой царь, ис четырех *земель* немецких салдатъ шесть тысячь да многихъ мудрых подкопщиковъ, а дал имъ за то казну свою великую. И то вамъ, туркомъ, самим вѣдомо, што с насъ по се поры нихто наших зипуновъ даром не имывал. Хотя онъ насъ, турецкой царь, и взятьемъ возьметъ в Азове-городе такими своими великими турецкими силами, людми наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым *дородством* и разумом, неболшая то честь будетъ царя турского имяни, что возметъ насъ, казаковъ, в Азове-городе. Не изведетъ онъ тѣм казачья прозвища, не запустиетъ Донъ головами нашими. [2]На взыскание наше[2] молотцы з Дону все будутъ. Пашам вашимъ от них за море итти! Естли толко насъ избавитъ Богъ от руки ево силныя такия, отсидимся толко от васъ в осаде в Азове-городе от великих таких сил его, от трехсотъ тысящей, людми своими такими малыми (всево насъ казаковъ во Азове сидит отборных оружных 7590), — соромота ему будетъ, царю вашему, вечная от ево братии и от всех царей. Назвал онъ самъ себя, будто онъ выше земныхъ царей. А мы люди Божии, надежда у насъ вся на Бога, и на Мать Божию Богородицу, и на их угодниковъ, и на свою братью-товарыщей, которые у насъ по Дону в городках живутъ.

А холопи мы природные государя царя христианскаго* царства Московского. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царемъ, турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе, казачество волное, укупаемъ смерть в живота мѣста. Гдѣ бываютъ рати ваши великия, *тут ложатся* трупы многия. Вѣдомы мы людии — не шаха персидского. Ихъ то вы что жонокъ *засыпаете* в городех их горами высокими. Хотя насъ, казаковъ, сидитъ сем тысящей пятьсот девяносто человѣкъ, а за помощию Божиею не боимся великих ваших царя турского трехсотъ тысящей и немецких

[1] угрозы; [2—2] отомстить за нас.

промысловъ. Гордому ему бусурману, царю турскому, и пашам вашим Богъ противитца за ево такие слова высокие. Равенъ он, собака смрадная, вашъ турской царь, Богу небесному пишется. Не положил онъ, бусурманъ поганой и скаредной, Бога себѣ помощника. Обнадежился онъ на свое великое тлѣнное богатство. Вознесъ сотона, отец ево, гордостию до неба, а пуститъ ево за то Богъ с высоты в бѣздну вовеки. От нашей ему казачьей руки *малыя* соромота будетъ вѣчная, царю. Гдѣ ево рати великия топеря в полях у насъ ревут и славятца[1], завтра тутъ лягутъ люди ево от насъ *под* градомъ и трупы многия. Покажетъ насъ Богъ за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко лвов яростных. Давно у насъ, в полях наших летаючи, а васъ ожидаючи, хлекчут орлы сизые и граютъ вороны черные, подле Дону у нас всегда брешутъ лисицы бурые, а все они ожидаючи вашего трупу бусурманского. Накормили вы их головами вашими, какъ у турского *царя* Азовъ взяли, а топере им опять хочется плоти вашея, накормим ужъ их вами досыти.

Азовъ мы взяли у нево, царя турскаго, не татиным[2] веть промыслом — впрямъ взятьем, дородством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от насъ сидеть. А сели мы в немъ людми малыми ж, розделясь нарокомъ[3] надвое, для опыту, посмотрим турецких силъ ваших и умов и промыслов. А все то мы применяемся къ Ерусалиму и Царюграду. Лучитца нам так взять у васъ Царьград. То царство было христианское.*

Да вы ж насъ, бусурманы, пужаете, что с Руси не будетъ к нам запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государьства Московскога про насъ то писано. И мы про то сами ж и без васъ, собакъ, вѣдаемъ: какие мы в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны! Чередъ мы свой с вами вѣдаемъ. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияетъ оно посреди всех государствъ и ордъ бусурманских и *еллинских* и персидских, яко солнце. Не почитаютъ насъ там на Руси и за пса смердящаго. Отбегохом[4] мы ис того государства Московского из работы вечныя, от холопства полного, от бояръ и дворянъ государевых, да зде вселилися в пустыни непроходные. Живем, взирая на Бога. Кому там потужить об нас, ради там все концу нашему! А запасы к нам хлѣбные не бываютъ с Руси николи. Кормитъ насъ, молотцов, Небесный Царь на поле своею милостию, зверьми дивиими[5] да морскою рыбою. Питаемся, яко птицы небесные: ни сеемъ, ни оремъ[6], ни збираемъ в житницы. Такъ питаемся подле моря синяго. А сребро и золото за моремъ у васъ емлемъ. А жены себѣ красные лю́бые, выбираючи, от вас же водим.*

А се мы у васъ взяли Азовъ-город своею казачьею волею, а не государьским повелением, для *зипунов* своихъ казачьих да для лютых *пых ваших*[7]. И за то на нас государь нашъ, холопей своих далних, добре кручиноватъ. Боимся от него, государя царя, за то казни к себѣ смертныя, за взятье азовское. И государь

---

[1] бахвалятся; [2] воровским; [3] нарочно; [4] убежали; [5] дикими; [6] пашем; [7] злопыхательств.

нашъ, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодоровичь, всеа Русии самодержецъ, многих государьствъ и ордъ государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великом холопстве таких бусурманских царей служатъ ему, государю царю, какъ вашъ Ибрагимъ турской царь, *коли* онъ, государь нашъ, великой пресвѣтлой царь, чинитъ по преданию святых отецъ, не желаетъ разлития кровѣ вашея бусурманския. Полон государь и богатъ от Бога жъ данными своими и царскими оброками и без вашего смраднаго бусурманского и собачья богатства. А естли на то было тако ево государьское повеление, восхотел бы толко онъ, великой государь, кровей вашихъ бусурманских разлития и городам вашимъ бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисправление[1], хотя бы онъ, государь нашъ, на васъ на всехъ бусурмановъ велелъ быть войною своею украиною, которая сидит у него, государя, от Поля, от орды нагайские,* — ино б и тутъ собралося людей ево государевыхъ рускихъ с одной ево украины болши легеона тысящи! Да такие ево государевы люди руские украинцы, что оне подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотятъ поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держитъ их и не повелитъ им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевымъ повелениемъ держатъ их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турской, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей — и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицемъ царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турского, от руки ево государевой и от ево десницы высокие и море бы Синее, не удержало людей его государевых! Было бы за ним, государемъ, однемъ лѣтом Ерусалимъ и Царьгород попрежнему, а в городех бы турецких во всехъ вашихъ не устоялъ и камень на камени от промыслу руского. Вы ж нас зовете словом царя турского, чтобы нам служить ему, царю турскому, а сулите намъ от него честь великую и богатство многое. И мы люди Божии, холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению християня православные. Какъ можемъ служить царю неверному! Оставя пресветлой светъ здешной и будущей, во тму итти не хочетца! Будетъ мы ему, царю турскому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от васъ и от силъ ваших, побываем у него, царя, за моремъ, под ево Царемъ-градом, посмотрим ево Царя-града строения, кровей своих; там с ним, царем турским, переговорим речь всякую, лишъ бы ему наша казачья речь полюбилась! Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями вострыми! А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Какъ *предки* ваши, бусурманы, учинили над *Царем-градом* — взяли ево взятьем, убили в нем государя-царя храброго Костянтина благовернаго,* побили христианъ в немъ многие тысящи-тмы, обагрили кровию нашею христианскою все пороги *церковныя*, до конца искоренили *всю* веру христианскую, — такъ бы намъ над вами учинить

[1] непослушание.

нынече с обрасца вашего! Взять бы его, Царь-град, взятьем из рукъ ваших. Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турского, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы такъ ваша кровь бусурманская нечистая. Тогда бы то у насъ с вами миръ былъ в том месте. А тепере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо вѣдаемъ.

А что вы от насъ слышите, то скажите речь нашу пашамъ своим. Нелзя нам мирится или верится, бусурману с христианином какое преобращение! Христианинъ побожится душею христианскою, да на той онъ правде векъ стоитъ. А вашъ братъ, бусурманъ, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити! Ради мы васъ завтра подчивать, чемъ у насъ молотцовъ в Азове Богъ послалъ. Поезжайте от насъ к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ѣздите. Оманывать вам насъ, ино даромъ лише дни терять! А кто к *нам* от *вас* с такою речью глупою опять впредь буде, тому у насъ под стеною убиту быть! Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турского к нам присланы. Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людми немногими. А вы ево у насъ ис казачьих рук доступаете[1] уже головами турецкими, многими своими тысещи. Кому-то из нас поможет Бог? Потерять вам под Азовым турецких головъ своих многие тысящи, а не видать ево вам из рукъ наших казачьих и до веку. Нешто ево, отнявъ у насъ, холопей своих, государь нашъ царь и великий князь Михайло Феодоровичь, всеа России самодержецъ, да васъ им, собакъ, пожалуетъ по-прежнему, то уже вашъ будетъ. На то ево воля государева!»

Какъ от Азова-города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашамъ своимъ, и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубли почали у них *бить* в грамады[2] их великия и набаты *и в роги и в цебылги*[3] почали играть добре жалостно.

А все разбиралися оне в полках своих и строилися ночь всю до свету. Какъ на дворе в часу уже дни, почали выступать из становъ своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры, какъ есть по полю цветы многия. От труб великих и набатовъ их пошол неизреченной звукъ дивенъ и страшенъ.

Приход их к нам под город. Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришелъ строй их весь пехотной яныческой — сто пятьдесят тысячь, потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко.

Приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли нашъ Азов-город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрелба из града осаднаго, до тех местъ молчали им. Во огни уже и в дыму не *мочно* у нас

[1] добиваетесь; [2] орудия; [3] цимбалы.

видети другъ друга. На обе стороны лише огнь да громъ от стрелбы стоял, огнь да дым топился до небеси. Какъ то есть стояла страшная гроза небесная, коли бываетъ с небеси гром страшный с молниемъ. Которые у насъ подкопы отведены были за город для их приступного времене, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченныхъ силъ не устояли, все обвалились, не удержала силы их земля. На тех-то пропастяхъ побито турецкия силы от насъ многия тысящи. Приведенъ[1] у насъ был весь наряд на то место подкопное и набитъ былъ онъ у насъ весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турковъ шесть головъ однехъ янычеких да два немецкия полковника со всеми своими салдатами съ шестью тысящи. В тот же день, вышедъ, мы вынесли болшое знаме на выласке, царя турскаго,* с коим паши ево перво приступали к нам турские тотъ первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от насъ под городом, окроме шти[2] головъ их янычеких и дву полковников, одных янычаней [3]дватцать полтретьи тысящи[3], окроме раненыхъ.

На другой день в зорю светлую опять к нам турские под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их трупъ, который у нас побитъ под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую янычеку голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском [4]за то не постояли им[4], не взяли у них за битые головы серебра и золота: «Не продаем мы никогда трупу мертваго, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова-города, собакам, игрушка первая. Лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от насъ будет! Иным нам васъ нечемъ подчивать, дело у насъ осадное!»

В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой трупъ до самой до ночи. Выкопали ему, трупу своему, глубокой ровъ от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над ними многие признаки[5] бусурманские, и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от насъ, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, замляной великой вал, выше многим Азова-города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове-городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам; и мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будетъ, попрося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи и у Предотечина образа,* и призывая на помощь чюдотворцы московские, и учиня межъ себя мы надгробное последнее прощение другъ з другом и со всеми християны православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на пря-

[1] приготовлен; [2] шести; [3—3] двадцать две с половиной тысячи; [4—4] не приняли их предложения; [5] здесь: надгробия.

мой бой противу их трехсот тысящъ. «Господь Сотворитель, Небесный Царь, не выдай нечестивым создания рукъ своих! Видим оних сил пред лицем смерть свою лютую. Хотят насъ живых покрыть горою высокою, видя пустоту[1] нашу и безсилие, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия ихъ силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия. За твоею Божиею помощию, за вѣру христианскую помираючи, бьемся противу болших людей трехсот тысячь и за церкви Божия, за все государьство Московское и за имя царское!»

[2]Положа на себя все образы смертныя[2], выходили к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами Богъ! Разумейте, языцы неверные, и покоритеся, яко с нами Богъ!»*

Услышали неверные изо устъ наших то слово, что с нами Богъ, не устоял впрям ни одинъ противъ лица нашего, побежали все и от горы своей высокия. Побили мы их в тот часъ множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходу, на том бою у той горы, шеснатцать знаменъ одних янычеких да дватцать восмъ бочекъ пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побило ею многия тысящи, и к нам их янычаня тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот человѣкъ!

Да уж мудрость земная их с тех местъ миновалася. Повели уже они другую гору позади ее, болши тово. В длину ее повели *лучных* стрелбища в три, а в вышину многим выше Азова-города, а широта ей — какъ бросить на нее дважды каменем. На той-то уже горе оне поставили весь нарядъ свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятьдесят тысячь, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову-городу день и ношъ беспрестанно. От пушекъ, их *страшный* громъ стал, огнь и дымъ топился от них до неба. Шеснадцать дней и шеснатцать нощей не премолкъ наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и нощи от стрелбы их пушечной все наши азовские крепости распалися — стены, и башни все, и церковъ Предотечева, и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд нашъ пушечной переломали *весь*. Одна лише у насъ во всем Азове-городе церковъ Николина в *полы*[3] осталась, потому и осталася, што она стояла внизу добрѣ, к морю под гору. А мы от них сидѣли по ямам. Всем выглянуть нам изъ ямъ не дали. И мы в те поры зделали себѣ покои великия в земле под ними, под их валом, дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворовъ своих под них повели 28 подкоповъ, под их таборы. И темъ мы подкопами учинили себѣ помощъ, избаву великую. Выходили ношною порою на ихъ пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками нощными на их пехо-

---

[1] малочисленность; [2—2] исполнив все обряды предсмертные; [3] наполовину.

ту турецкую положили мы на них великой страх и уронъ болшой учинили мы в людех их. И послѣ того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напротиву из своево табору семъ подкоповъ своих. И хотели оне к нам теми подкопами *проити* въ ямы наши, да насъ подавятъ своими людми велиими. И мы милостию Божиею устерегли все те подкопы их, порохом всехъ их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысящи. И с тех то местъ подкопная и мудрость *вся* миновалась. Постыли уж им те подкопные промыслы.

А было всех от турокъ приступов к намъ под город Азовъ 24 *приступа* всеми людьми. Окромѣ болшова приступа первого, такова жестока и смела приступу не бывало к нам. Ножами мы с ними резались в тотъ приступъ. Почали к нам ужъ оне метать въ ямы наши ядра огненные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Темъ нам они чинили пуще приступовъ тесноты[1] великие. Побивали многих насъ и опаливали. А после тех ядръ уж огненных, вымысля над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне насъ осиливать и доступать прямым боемъ своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всякъ день людей своихъ, яныченя. По десяти тысящей приступаетъ к нам целой день до нощи, и нощъ придетъ, на перемену им придетъ другая десять тысящъ. И те уж к намъ приступаютъ нощъ всю до свету. Ни часу единого не дадутъ покою нам. А оне бьются с перемѣною день и ношъ, чтобы тою истомою осилеть насъ. И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от *бессония* и от тяжких ранъ своих, и от всякихъ лютых нуждъ, и от духу смрадного труплова отяхчели мы все и изнемогли болезньми лютыми осадными. А все в малѣ дружине своей уж остались, переменитца некѣм, ни на единый час отдохнуть нам не дадутъ. В те поры отчаяли уже мы весь животъ свой и в Азове-городе и о выручке своей безнадежны стали от человѣкъ, толко себе и чая помощи от вышняго Бога. Прибежим, бедные, к своему лишъ помощнику — Предотечеву образу. Пред ним, свѣтом, росплачемся слезами горкими: «Государь-светъ помощникъ нашъ, Предотеча Иванъ, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азовъ-город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей. Твой, свѣтовъ, и Николинъ дом* очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рукъ. Бес пения[2] у насъ по се поры перед вашими образы не бывало. А мы васъ, световъ, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские? На вас мы, свѣтовъ, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всех своих товарыщевъ. А топере от *турок* видим впрям смерть свою. Поморили насъ безсониемъ; дни и нощи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися, и руки наши от обороны уж не служатъ нам, замертвели. Уж от истомы очи наши не глядятъ, ужъ от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в них

[1] утеснения; [2] без богослужения, молебнов, молитв.

стреляючи порохом. Языкъ ушъ нашъ во устнах наших не воротитца на бусурманъ закрычать. Таково наше безсилие: не можемъ в руках своих никакова оружия держать! Почитаем мы ужъ себя за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными и со всеми христианы православными: не бывать уж намъ на святой Руси! А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за вѣру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское». Почали прощатися: «Прости насъ, холопей своих грѣшных, государь нашъ православной царь Михайло Федоровичь всеа Русии! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи вы патриархи вселенские! Простите, государи все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите, все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священницы, и дьяконы! Простите, государи, все христианя православные! И поминайте души наши грешные с родительми! Не позорны ничемъ государьству Московскому! Мысля мы, бѣдныя, умом своим, чтобы умереть не въ ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая».

Поднявъ на руки иконы чюдотворныя — Предотечеву и Николину — да пошли с ними противъ бусурманъ на выласку. Их милостию явною побили мы их на выласке, вдруг *вышед*, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоит над нами милость Божия, што ничем осилѣть недоумѣютъ нас, с тех-то местъ не почали ужъ присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ранъ и от истомы их отдохнули в те поры.

После тово бою, три дни оне погодя, опять их толмачи почали к намъ кричать, чтобы им говорити с нами. У насъ с ними ужъ речи не было, потому и языкъ нашъ от истомы нашей во устах наших не воротится! И оне к нам на стрелах почали ерлыки метать. А в нихъ оне пишутъ к нам, просятъ у насъ пустова места азовского. А даютъ за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей[1] сребра чистаго да по двести тарелей золота красного. «А в том вам паши наши и полковники сердитуютъ[2] душею турскою, веть што ныне на отходе ничем не тронутъ васъ. Подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарыщемъ, а нам лише отдайте пустое мѣсто азовское».

А мы к ним напротиву пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у насъ в Азове и на Дону своево много. То намъ, молодцамъ, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки вековъ. *Во все* краи бусурманские штобы вам было казать, пришед от насъ, за морем царю своему турскому глупому, каково приступать х казаку рускому. А сколко вы у насъ в Азове-городе разбили кирпичу и камени, столко ужъ взяли мы у васъ турецких головъ ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складемъ Азовъ-город лутче прежнева! Проте-

---

[1] талеров; [2] присягают.

четъ наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем городы в головах ваших. Нашол вашъ турецкой царь себе позоръ и укоризну до веку. Станемъ с нево имать по всякой год уж *вшестеро*». После тово уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам. Сметилися в своих силах, што их под Азовым побито многие тысящи.

А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, постъ в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от насъ люди, искусные в осаде, то видели во сне, и вне сна, ово[1] жену прекрасну и свѣтолепну, на воздусе стояще посреди града Азова, ини — мужа [2]древна власы[2], в светлых ризах, взирающи на полки бусурманския. Ино та насъ *Мать Божия Богородица* не предала в руце бусурманския, и на них нам помощъ явно дающе, вслух *нам* многим *глаголюще* умилным гласомъ: «Мужайтеся, казаки, а не ужасайтеся! Сей бо град Азовъ от беззаконных агарянъ[3] *зловерием* их обруганъ[4], и суровством их нечестивым престолъ Предотечинъ и Николинъ оскверненъ. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух над ним отемниша, торжище тут и мучителство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных женъ, сыны и дщери разлучаху от отцовъ и от матерей.* И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенцъ безгрешных и уста моя не могутъ изрещи, на их обругания смотря. И услыша Богъ моления ихъ и плачь. Виде создание рукъ своих, православных христианъ, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение, предал вам град сей и их в руце ваши. Не рекутъ нечестивыи: „Где есть Богъ вашъ христиански?" И вы, братие, не пецытеся[5], отжените[6] весь страх от себя, не поястъ вас никой бусурманской мечь. Положите упование на Бога, приимите венецъ нетлѣнной от Христа, а души ваши приметъ Богъ, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели: от образа Иванна Предотечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видехъ ломпаду полну слезъ от ево образа. А на *выласках* от насъ из города все видеша бусурманы — турки, крымцы и нагаи — мужа храбра и млада в одеже *ратной*, с одним мечемъ голым на бою ходяще, множество бусурманъ побиваше. А наши не *видели*. Лишо мы [7]противу убитому[7] знаемъ, што дѣло Божие, а не рукъ наших: пластаны люди турецкие, а сечены наполы[8]. Послана на нихъ побѣда с небеси! И оне о том насъ, бусурманы, многажды спрашивали: «Хто от васъ выходитъ из града на бой с мечемъ?» И мы им сказываемъ: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турокъ в осаде было июня зъ 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и

[1] одни; [2—2] седовласого; [3] магометан; [4] поруган; [5] отложите попечение; [6] отриньте; [7—7] по убитым; [8] надвое.

93 нощи. А сентября въ 26 день в нощи от Азова-города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмятясь окаянные и вострепетась, побѣжали, никем нами гоними. С вечным позором пошли паши турецкие к себѣ за море, а крымской царь пошол в орду к себѣ, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы всѣ. И мы, какъ послышали отходъ ихъ ис табаровъ, ходило насъ, казаков, в те поры на таборы их тысяча человѣкъ. А взяли мы у них в таборех в тое пору языковъ, турокъ и татаръ живых, четыреста человѣкъ, а болних и раненых застали мы з две тысящи.

И нам тѣя языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в нощи побѣжали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: «В нощи в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими, шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она противъ самаго табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держатъ мечи обнаженые, а грозятся *на* наши полки бусурманские. В те поры мы *их* всех узнали. И тою нощию страшные воеводы азовские *во одежде ратной* выходили на бой в приступы наши из Азова-города. Пластали нас и в збруяхъ[1] наших надвое. От тово-то страшнова видения *бег пашей турецких и царя крымского с таборов*».

А нам, казакам, в ту же нощь, с вечера в виде се всемъ виделось: по валу бусурманскому, гдѣ их наряд стоялъ, ходили тутъ два мужа лѣты древны. На одном — одежда иерейская, а на другом — власяница мохнатая. А указываютъ нам на полки бусурманские, а говорятъ нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис таборъ. И пришла на них побѣда Христа, Сына Божия, с небесъ и от силы Божия».

Да нам же сказывали языки те про изронъ людей своих, что их побито от рукъ наших под Азовом-городом. Письмяново люду побито однех у них мурзъ и татаръ, яныченъ их, девяносто шесть тысящъ, окроме мужика черного и охотника техъ янычанъ. А насъ всех казаковъ в осаде село в Азове толко 7367-м человѣкъ. А которые осталися мы, холопи государевы, и от осады той, то все переранены, нетъ у насъ человѣка целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидечи, за имя Божие и за вѣру христианскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в городках своих живутъ, холопей своих чтобы пожаловал и чтобы велѣл у насъ принять с рукъ наших ту свою государеву вотчину — Азов-город, для свѣтого Предотечина и Николина образовъ, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым-городом заступит онъ, государь, от войны всю свою украину, не будетъ войны от татаръ и во веки, какъ сядут в Азове-городе.

---

[1] доспехах.

А мы холопи ево, которые осталися у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные, с промыслу и з бою ужъ не будетъ насъ. А се обещание всех нас Предотечева образа: в монастыре ево постричися, принять образъ мнишески. За него, государя, станем Бога молить до веку и за ево государьское благородие. Ево-то государьскою обороною оборонил нас Богъ, верою, от таких великих турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь насъ, холопей своих далних, не пожалуетъ, не велитъ у насъ принять с рукъ наших Азова-города, заплакавъ, нам ево покинути! Подимем мы, грешные, икону Предотечеву да и пойдем с ним, светом, где нам онъ велитъ. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у насъ над нами будетъ игуменомъ. А ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем[1]. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предотечева образа, помремъ все тут до единова. Будетъ во веки *славна* лавра Предотечева.

И после тех же атамановъ и казаков, что им надобно в Азовъ для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запасу, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денегъ на то на все надобно 221 000 рублевъ.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турского Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичь, пожаловал турского Ибрагима салтана царя, велѣл донским атаманом и казаком Азовъ-градъ покинуть.

[1] экономом монастыря.

ПОВЕСТЬ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

СКАЗАНИЕ ПРЕДИВНО
ПОВѢСТЬ О ЦЫСАРЕ И О СЫНЕ ЕГО ДИОКЛИТИЯНЕ

Повѣмъ убо вамъ вещь сицеву[1]. Бысть убо в Римстей области цысарь, ему же имя Елиазаръ, мудростию же не у сверъшенъ. Егда убо прииде в мѣре возраста, поя себе жену тоя же Римския области, своея державы, нѣкоего краля дщерь, дѣву сущу, красну зело.

Пребывъ убо с нею, и зачат от него во чревѣ имущи. Егда убо исполнишася дние рожению, роди отроча, и нарекоша ему имя Диоклитиянъ, отроча же растяще вельми чюдно и красно зело. Егда убо доиде до седмаго лѣта, мати его в недугъ впаде, еже умрети ей. Сия же, уразумѣвъ свое отшествие, призываетъ к себѣ мужа своего, славнѣишаго цысаря Елиазара и рече ему: «Молю ти ся, великий цысарю, государю мой, понеже отхожу жития сего, прошу у тебя, единаго дай ми по моей смерти!»

Он же рече: «О вселюбезная, проси еже хощеши, да сотворю». Она же рече: «Имѣем у собя сына си единородна, но понеже по моемъ отшествии имаши женитись, молю ти ся, да не вдай ей владѣти над сыном наю, и не начни держати его при сѣбѣ и при ней, мачесе его, но отдаждь его далече, выиную страну в научение всякой мудрости, но аще и жалостию поболѣзнуеши о нем, но напослѣдок упокоиши его и возвеселишися о немъ». И сие рекше умре.

Цысарь же еѣ погребе с великою честию, и бѣ плача и сѣтуя по ней многи дни.

Минувшим же днемъ сѣтованию, воспомяну ея прошение и похвали разумъ ея, вдастъ сына своего седми мудрецем, да научаетъ его всякой премудрости, елико сами научены.

Рече же старѣйшина мудрецъ прочимъ еже с нимъ мудрецем: «Послушайте, повѣмъ вамъ, созиждемъ полату среди Римъския области велию зело и подпишемъ на стенахъ от всякого любомудрия, киждо что разумѣетъ, а вверху полаты напишемъ нѣбесныя бѣги и стихию, и звѣздное течение, дабы отроча всегда [2]зрѣло ко учению[2] своему».

---

[1] таковую; [2—2] преуспеваю в учении.

Мудрецы же похвалиша совѣтъ его, создаша же полату велию и прекрасну зело и подписаша, елико ихъ уразумѣша, начаша же цысаревича учити с подщаниемъ и с прилежаниемъ великимъ зело.

Бывшу же ему во учении седмь летъ, мудрецы же между собою рѣша: «Хощем да искусим ученика своего цысаревича и узримъ, гораздо ли учение наше принялъ». И рекъ стареи мудрецемъ, емуже имя Банцелеус: «*Положимъ ему под нози* [1]*по листу коблющему*[1]* кождо насъ и станемъ при постели его».

Се же имъ рекше, учиниша еже восхотѣша. Егда возляже цысаревичъ опочинути, они же пришедши и подложиша под нозѣ его по листу, сами же сташа при постели его. Диоклитиянъ же пробудися и нача смотрѣти вверхь полаты своея и хвататись за постелю нача рукама своима.

Реша же ему мудрецы: «Великий господарю Диоклитияне, чего ради зриши вверхь по полате и рукама хватаешь за постелю?»

Он же глагола имъ: «Зрю и не вѣмъ, любо с полаты моея верхъ сопнулся, или подо мною земля поднялась кверху».

Мудрецы же проразумѣша и реша к себѣ: «Учения любомудрия цысаревичъ принялъ выше нашего, мнимъ, инъ таковъ мудръ в поднебесней не обрящется».

Сия же дозде[2], но на предлежащее возвратимся.

Матери убо отрочати умерши. По неколицех же днехъ приидоша к цысарю радныя паны его, боляре и дворяна думныя со всею его областию, начаша его молити: «Великий и преименитый, преславный господарь нашъ, цысарю, ещо убо ти средовѣчну[3] сущу, супружницы же нѣ имѣешь. Молим ти ся, да посягнеши второй женѣ и воставиши плод в наслѣдие державы царьствия твоего, да небезгосподаръни останемся и недругомъ твоимъ, околнимъ царем, в расхищение впадемъ, писано убо есть в законѣ: аще кому умретъ жена, посягнути на фторую, аще и вторая умретъ, понуже посягнути и на третьюю».

Цысарь же рече им: «О преизящные мои рады нашея панове, боляре и думы нашея дворяне, и вси началники нашея области! Вѣсте убо снаслѣдника и сопрестолника моему господарьству и вамъ господаря, имѣю си сына Диоклитияна, единочадаго ми суща, егоже премудра зело, а за любовь и за жалость жены моей, цысаревы первыя, не могу на другую посягнути!»

Они реша ему: «О великий, преславный господарь нашъ, аще сына си имѣешъ Диоклитияна, а намъ господаря, но царьство ти велико есть, и многие государьства подъ твоею областию суть. Аще бы и много чадъ было у тебя, преславнѣйшаго господаря, и есть им где господарьствовати, но боимся, егда нѣчто случитца твоему сыну, а нашему господарю, и намъ будетъ безъгосподарнымъ остатися, недругомъ твоимъ, околнимъ царемъ, в расхищение и в попрание, и землю нашу чюжии поядятъ».

---

[1]—[1] по листку плюща; [2] до сих пор; [3] не старый.

Сия же слышав, цысарь преклонись на ихъ прошенье и разосла по многимъ королевъствомъ своего господарьства повелѣ избрати дѣву юну и лѣпу, достойну царьствия своего. Обретоша же *в нѣкоемъ граде Костеле** деву красну зело, ея же приведоша к цысарю. Ю же узрѣвъ, почюдися красотѣ ея и возлюби ю зело, и забы любве, еже имѣ к первой жене своей, сотвори бракъ чюден и пресвѣтелъ зело. Созва на веселие брака того всѣ крали Римъския области, радныя панове и боляре, и дворяне, и многое множество людей господарьства своего. Гласу же и звуку бывшу велию от брачнаго потѣшного учреждения, еже кимьваломъ и литаврь, и на кровъ громогласия еже трубного клицания, и еже сурны сладкогласия, цымбалов же звяцания и аргановъ многогласия, и иных много различныхъ мусикѣйскихъ согласия. Людем же всѣмъ всякого чину, веселящимся и славящимъ господаря своего цысаря и цысареву величающимъ.

Браку же мимо шедшу, сыну же цысареву на браку не бывшу, моления ради матери его еже ко отцу его, цысарю, бѣ убо в то время у мудрецовъ на училищи.

По некоемъ времяни сказаша цысареве, мачесе его, еже о цысареви сыне Диоклитияне.

Мачеха же Диоклитияня, слыша сия, нача негодовати и злѣ мыслити, дабы цысаря по сыне его в забвенье привести, еже не воспомянути его или инако погубити, мысля же убо се не едино лѣто.

Во едину же от нощей цысарю, лежащу с нею на постеле, и нача ей глаголати: «О вселюбезная и пресладкая, свѣте очию моею, утѣхо и вожделение сердечное, милая, прекрасная моя цысарева! Ничтоже в поднебесной точно твоей красотѣ, ничтоже любезнее тебя предъ очима моима, вся ни во чтоже суть, проси, еже хощеши, да сотворю прошение твое и не буди тое же, в чем преслушаюсь, но вся буди по воли твоей и ничто от тайны моей да не утаится тебѣ».

Она же, видевъ цесарево усердие и несумнѣнную ласку и любовь еже к себе, и восприимши дерзновение, рече к нему: «О пресвѣтлый и великий цысарю, господарь мой милый, аще праведно любиши мя от душа своея, даждь мнѣ видѣти сына твоего и моего, Богом данного Диоклитияна!» Он же рече: «Се по воли твоей учиню».

И вскоре к мудрецем повелѣ написати послание сице от пресвѣтлѣйшаго и преславнѣйшаго, достохвалнаго великого господаря Елиазара, цысаря Римъския области и многоименитыхъ господарьствъ повелителя:

«Вѣдомо да есть вамъ, немалымъ лѣтомъ мимошедшимъ отлучихся сладчайшаго ми сына Диоклитияна. Сего ради болѣзнуетъ ми душа и плачет ми сердце, понеже много лѣтъ не видехъ его пресвѣтлаго образа и не слышах от устъ его премудрыхъ и медоточных словесъ. Ныне же помышление вниде в сердце мое, да аще не узрю вскоре его и не слышу словесъ его,

[1]зле гоньзнетъ ми животъ[1], не могу от жалости терпѣти, еже не видѣти его. Вы же не замедлѣниемъ вборзе привезете его ко мнѣ и от насъ достойную честь приимѣте царьствия моего».

Посланию же написанну бывшу, печатаетъ его перьстнемъ своея руки и скоростию посылаетъ его к мудрецемъ.

Привезену же ему бывшу, и приемше послание мудрецы и прочтошае. Достигши же нощи, начаша зрѣти на звѣзды и разсмотряти своимъ любомудриемъ во звѣздах, каковъ будет приѣзд Диоклитияну ко отцу.

Видятъ же убо се, егда приедетъ Диоклитиянъ ко отцу, и не возможет противъ отца слова изрещи никакова в седмь дний, но будет нѣмъ и безгласенъ, аще ему и смерть принять, и веден будетъ в тѣ во все седмь дний на шибалицу[2], да обѣсятъ[3] его.

Видевше же сия, мудрецы смутишася зело и рекоша в себѣ: «Уне[4] б намъ всѣмъ умрети, нежели Диоклитияну!»

Аже зритъ ихъ унылых и скорбящихъ ис полаты Диоклитиянъ и рече к нимъ: «О господии мои, седмь мудрецовъ, что васъ зрю унывших и скорбящихъ зело?» Они же отвещавше и реша к нему: «О премудрый господарь нашъ, Диоклитияне цысаревичю, сего ради сѣтуемъ и зело скорбимъ, прииде убо к намъ от преславнейшаго государя нашего цысаря, отца твоего, послание, да безо всякого замедления вборзе с тобою, премудрымъ господаремъ, ѣдемъ к нему. Мы же о семъ своимъ любомудриемъ во звѣздахъ разсмотрихомъ, каково будетъ твое пришествие ко отцу, и видехомъ время зло: егда узриши отца своего, и не возможеши ни единого слова к нему изрещи в седмь дний, аще и смерть случится приняти, и в тѣ седмь дний всегда на киииждо день веденъ будеши к шибелице на обѣшение напрасно».

Диоклитиян же рече имъ: «Хощу да и азъ вижу небо и звѣзды». Приспѣвши же второй нощи, призвавъ мудрецевъ своихъ и нача зрѣти на звѣздное течение прилѣжно, видитъ же сие все, еже ему сказаша мудрецы, и к тому еще видитъ, еже не узнаша мудрецы: да избудет тое напрасныя смерти и избавят его на седмь дней от смерти онѣ мудрецы, кийждо их на день, а в осмый день самъ оправдается, и у отца своего, цысаря, и у всѣхъ людей в велицей чести будетъ. И указа то видение во звѣздах и мудрецемъ своимъ. Они же прилѣжно о семъ смотриша и узнаша, что истинно Диоклитиянъ рек имъ, возрадовашася зело, что цысаревича Богъ сподобил превыше их мудрости, начаша готовитися да едут к цысарю.

Во един же от дней в полудне спящу цысаревичу на ложи своемъ, видѣ сонъ: и се взыдоша над него четыре месяцы, от нихъ же быша изросло седмь розгъ[5], на тѣ же розгы взыде ужи, и спущаше на него слины[6], и пробиваху его насквоз слины.

[1—1] лишусь жизни, умру; [2] виселицу; [3] повесят; [4] лучше; [5] ветвей; [6] слюни.

Повѣдаше сонъ мудрецемъ своимъ, они же ему разсудиша: «Четыре месяцы — четыре злодѣи суть, а седмь розгъ — седмь дней выведение на смерть, а ужъ сей — мачеха, а еже слинами пробивала — то отца твоего на тебя учнетъ подстрекати на убиение смерти». Сие же рекши, и поехаша.

Пришедшимъ же имъ в Римъ, стрѣте сына своего Диоклитияна отецъ его, цысарь, с великою радостию и, объем, целова его. Он же поклонись отцу своему и бысть нѣмъ, и не могии проглаголати, и не возможе ни единого слова изрещи ко отцу.

Цысарь же о семъ нача велми дивитися, что сынъ его к нему бесѣды не творитъ и слова никоторого не изречетъ, и помышляше в себѣ: запретиша ему мудрецы, не веляху с нимъ глаголати.

Прием же его за руку, и веде подле себя, и нача на него смотрѣти прилѣжно, и рече ему: «О драгое мое чадо, сладкий, любезный сыну, повѣждь ми, како тя учиша мудрецы».

Он же, став пред лицемъ отца своего и поклонися, а слова ни единого не изрече ему. Цысарь же паки о семъ подивися и в недоумѣние впаде.

Слышав же о семъ, цысарева вельми возрадовася и, убравшись в порты многоценныя, и с паньями, и с боярынями прииде к цысарю и поклонися ему, и сяде близ его, и рече ему: «Сей ли есть сынъ наю?» Он же рече: «Сей, токмо молчитъ, а не глаголетъ».

Цысарева же рече: «Великий цысарю, по воли мнѣ дай, поиму его на едино и беседую с нимъ, и учиню се, что учнетъ со мною глаголати».

Цысарь же дает на еѣ волю. Цысарева же, земъ Диоклитияна за руку, и восхотѣ его вести в нутреннюю комнату. Цысаревичъ же отнятъ у нѣе руку свою. Цысарь рече сыну своему: «Востани, иди с нею!»

Диоклитиян же воставъ, и поклонись отцу своему, и иде с нею. Она же повелѣ изыти от собя всем паньямъ, и боярынямъ, и дѣвамъ. Они же изшедши вонъ, цысарева же паки Диоклитияна приемъ за руку и посади его подле себя на постели своей, положи очи свои на немъ и рече ему: «О пресладкий мой Диоклитияну, свѣте очию моею, возгорѣние сердечное, жало любовное, лязи и буди со мною, да насытишися моея красоты, и глаголи со мною еже восхощеши многажды, бо восхотѣхъ в девичествѣ видети тебя, и отца твоего молихъ, дабы ми показал свѣтлость лица твоего. Нынѣ же вижу красоту лица твоего и зело радуюся, но молю тя, свѣте мой милый, обвесели мое желание!» И обнемъ его, восхотѣ целовати. Он же отврати лице свое от нея. Она же рече ему: «О прелюбезный, что твориши и кого стыдишися, никто бо на нь здѣ зрит, токмо едина постеля и комната». И открывъ груди свои, нача казати ему тѣло свое, глаголя: «Диоклитияне, зри и люби тѣло мое по своей воли, аще ли сего не твориши, и ты злою смертью да умреши!»

Он же паки отвратися и не отвѣща ей ничего. Она же рече ему: «Мню убо, да нечто ради срамно не хощешь со мною глаголати, и ты убо возми бумагу и чернило и напиши, еже хощеши».

Диоклитиян же приемъ чернило и бумагу и написа ей: «О нарицаемая ми мати, живъ Богъ мой, не буди ми уподобитися Авесалому, еже осквернити ложе отца своего! Ей, мати моя, не буди то, не буди, прочѣе же да не стужай ми к тому, и слова от мене никакого не имаши слышати!»

Она же, возрѣвъ на нь з гнѣвомъ, яростию рече ему: «Скоро да умреши злою смертию»!

Писание же Диоклитияне зубами изорва, и одеяние свое растерза до пояса, и лице свое до крови изорва, и нача вопити велиимъ гласомъ: «О господие, помози ми, не дайте сему беззаконному сыну цысареву изнасиловати мя!»

Услышав же сие велие кричание, цысарь и вниде к ней. Цысарева же паде на нозе его с великимъ воплемъ и слезами и рече ему: «О великий, милостивый господарю, помилуй мя, се убо сынъ твой злый, дьяволъ и лихий человѣкъ! Азъ бо взяхъ его в комнату свою, хотя его в бѣседу привести, дабы что глаголалъ, он же безстудиемъ наполненъ сый, нача мя нудити к греховному падению. Аз же много отрицахъся и рекохъ ему: „Что хощеши творити, беззаконниче?" Он же хотя мя насилиемъ осквернити и се видяще, растерза ризы моя и лице мое окровави, и аще бы ты не вскоре пришел, то уже бы онъ надо мною свое скверное хотение учинилъ и ложе бы твое, отца своего, осквернилъ. Молю ти ся, пресвѣтлый государю мой, учини избаву мнѣ, а ему отомъщение!»

Цысарь же от жены своея слышавъ сия, и на сына своего велми разгневася и яростию зелною разжегъся на нь, повелѣ его обѣсити.

Видевше же се паны и боляре его и, возжалишась зело, приступиша к цысареви, и реша ему: «О великий господарю наш, не подобает сего вскоре сотворити, еже сына казнити, дондеже[1] испытаеши известно о немъ, понеже единочадъ ти есть».

Цысарь же повелѣ его в темницу всадити.

Видевши же цысарева, еже цысарь сына своего не казни, нача неутѣшно плакати. Цысарь же, пришед к ней, рече: «О любимая ми, что плачеши?»

Она же рече ему: «Понеже обещался еси мнѣ за срамоту мою казнити сына своего и не казни его, и еже обѣщася се солгано, [2]да збудется тобѣ , аки некоему добру древу со младымъ древцемъ[2]».

Цысарь же рече ей: «О любезная, прошу у тебя сея повѣсти, да исповѣждь[3] ми!»

Притча 1 цысаревны о нѣкоемъ древе и о огороднике

Цысарева же рече ему: «Слыши убо, о цесарю, бысть нѣкий человѣкъ в Римѣ, имѣя у себя виноградъ[4]. Бѣ же в томъ винограде древо велми красно.

---

[1] пока не; [2—2] случится с тобой то, что произошло с хорошим деревом из-за молодого деревца; [3] расскажи; [4] сад.

Плод же его исцеление творяше, аще кто от него ястъ, немии — глаголаху, глусии — слышаху, и всякими недуги одержимыя — исцелевахуся. Человѣкъ же той от древа оного вельми обогатѣ.

Случи же ся ему нѣкогда притти в виноградъ смотрити древа того, и узрѣ близ древа оного младое древо израсте. И призва человекъ той [1]приставника винограду[1] и рече ему: „Поливай младое древо, дабы росло скоро, мню бо, что то младое древо будет лутчи старово". По повелѣнию же господина своего приставник винограду нача поливати древо.

По неколицех же днехъ прииде господин видѣти древа того и виде, и се не борзо[2] растетъ, и призва к себѣ приставника винограда, рече ему: „Не рѣхъ ли ти сего древа поливати, се же мало ростет твоим небрежениемъ!"

Приставник же винограду рече ему: „Се зриши, старое древо велико и высоко, и много вѣтве, но до младаго же древа не дастъ солнцу восходити, посему младое древо не борзо растетъ".

Рече же господин виноградніку: „Обсѣки у старого древа розги[3], дабы солнце доходило до младого древа". Он же старого древа розги обсече, паки по нѣкоемъ времени прииде господин винограда видети древа и рече виноградніку[4]: „Что се младое древо косно[5] ростет?"

Рече же ему виноградник: „Старое убо древо есть высоко, солнцу и дожду, и вѣтру до того древа не дастъ доходити, и сего ради косно ростетъ".

Господин же рече ему: „Подсеки убо старое древо все, да не творит пакости младому древу, имам бо на него надежду, да подастъ плод лутче старого древа".

Приставник же винограда по повелѣнию господина своего подсече старое древо, потом же исше[6] и младое древо.

Слышавше же гражане погубление старого древа — великие люди, и нищие и убогие — плакахуся о немъ велми.

Разумѣеши ли сия, цысарю, еже ти сказахъ? Повѣм ти и россужение его: древо убо старое — твое величество, а великия и богатыя от твоея власти думы навыкают, а немощныя и убогия от тебя милость приемлютъ; младое же древо — есть у тебя сын твой проклятый; а еже хотѣ древцо вѣтра, убо есть хощетъ сынъ царьства твоего; а еже подсѣкоша старое древо — се умышляетъ, хощетъ тя убити; плакаху же ся по древе вси людие — се по тебѣ начнутъ плакатися».

Рече же ей цысарь: «Правда, еже глаголеши, заутра сынъ мой да умретъ!»

Наутрия ж цысарь осуди сына своего на смерть, повелѣ обесити.

Ведому же ему с трубами, и с *тимпаны*,* и с пѣснеми, провожаху его, плакаху же ся по немъ вси людие, рекоша другъ ко другу: «Что се господарь

---

[1]—[1] садовника; [2] быстро; [3] ветви; [4] садовнику; [5] плохо; [6] высохло.

нашъ сотвори, еже сына своего единочадаго, мнимъ, неповинна суща, предастъ на смерть? Аще и сто бы сыновъ у него было, и не моглъ бы сего сотворити».

Приведоша же его на уреченное мѣсто, и се борзостию коня прискака мудрецъ, ему же имя Венцелеус, и рече приставником: «Молю вас, господине, пождите мало время, да не обѣсити цысарева сына, неповинна суща, азъ бо борзо ѣхавъ к цысарю и Божиею милостию избавлю его на сий день от смерти».

Цысаревич же поклонися мудрецу своему, аки нѣкое слово хотящу ему изъглаголати, мудрецъ же борзо нача скакати к цысареве полате и, вшедшу ему в полату, рече: «О великий цысарю, в вѣки живи!»

Он же возрѣ з гнѣвомъ, рече ему: «Изыди ис полаты моея, окаянне, дахъ язъ вамъ в научение сына своего рѣчиста, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же сей да умретъ, послѣди же и вы тою же смертию да умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «Сынъ твой не глаголетъ, се временно есть, по времени паки возглаголет, а еже восхотѣхъ осквернити ложе твое, се не истинно, лестию оклеветанъ ти есть, да пostражеши горше того, еже нѣкий цысарь для слова жены своея уби надежнаго пса своего, пес же той избави от смерти сына его единороднаго».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семъ, како сотворися». Он же рече: «О великий цысарю, не вели на сий день казнити сына своего, аз же повѣм ти притчю сию». Цысарь же посла скоро не веле казнити сына своего и повелѣ его отвести в темницу.

Притча 1 мудреца Венцелеуса к цысарю о псе и о соколе

Мудрецъ же восприимъ рече: «Слыши убо о цысарю, бѣ невкоем мѣсте живяше рыцарь храбръ зело, имѣ у собя единаго сына, младенца суща, и любяше его зело. Пристави к нему три мамки: первая его да кормитъ перьсми, другая да обмывает, третяя же качаетъ и утешаетъ. Имяше же той рыцарь пса да сокола и любяше ихъ велми, пса за еже [1]ни с каким звѣремъ роспуску не было[1], сокола за еже [2]ни с которою птицею розлѣту не было[2]. Обычай же у пса оного бяше таковъ: егда рыцарю лучитца[3] ѣхати на бой, и аже будетъ ему на дѣле[4] помощь Божия, сей же пес, аки волхвуя, чрез его и чрезъ коня трижды скочит. Егда же ему на бой [5]не часъ[5] ехати, пес же онъ великимъ гласомъ выя и коня его узду грызяще.

Случи же ся нѣкогда, званъ бысть той рыцарь и з женою на пиръ, и поѣха, поем с собою и люди своя, в дому же своем остави сына и три мамки его, и

[1—1] любого зверя одолевал; [2—2] любую птицу одолевал; [3] случалось; [4] в бою; [5—5] не время.

пса, и сокола. Мамки же отрочате узыбаша его в колыбели, и успе отроча, сами же изыдоша на дворъ да играютъ, оставиша во храмине младенца спяща и с ним пса и сокола. Псу убо спяшу, сокола же сидѣвшу, и се внезапу изыде ужъ ис-под лавки и нача, обращаяся, зрѣти [1]сѣмо и овамо[1] и, не увиде во храмине людей, нача приближатися ко отрачати, хотѣ его заѣсти. Узрѣ же соколъ ужа ползуща ко отрочати, нача трепетатися, дабы песъ убудился и, виде его спяща крѣпко, доста носом за губу и ушкну[2] его, бѣ бо спя близъ его. Песъ же убудися и узрѣ ужа ползуща борзостию, ринувся и сцепившася с нимъ, и начашася ѣсти между собою. Ужъ убо пса изъяде во многихъ мѣстехъ, а песъ ему одолѣ и до смерти загрызе, от крови же ихъ стечеся вся храмина. Егда же песъ и ужъ брашася[3] между собою, извалиша отроча ис колыбели, и оторвася колыбель, покры отроча, и удавив же песъ ужа и ляже на немъ близъ у колыбели суть. Приидоша же в храмину мамки отрочате, видевше же храмину кровию сплывшуся и пса лежаща кровава, и колыбель опровержену, отрочате ж не узрѣвше, мнѣвше, песъ отрочай изъяде, и розбежашася. Една же мамка приде к рыцареве, плача и вопия велиимъ гласомъ: „О, нѣ веси, госпожа, пес сына вашего изъяде до смерти и леже у колыбели!"

Рыцарева[4] же, слышавъ смерть сына своего, велиимъ гласомъ воскрича. Слышав же рыцарь кричание жены своея, притече и рече к ней: „О чемъ плачеши?" Она же рече ему: „Се прибежа мамка и сказа, сына наю[5] изъяде пес до смерти".

Рыцарь же, слышавъ, веземъ мечъ свой и иде борзо в домъ свой, прииде во храмину, гдѣ бѣ сынъ его, и виде ю кровию стекшуся, а колыбель сына своего на земли поверженну и пса, близъ ея лежаща, лижуща колыбель. Песъ же узрѣ господина своего, и скочи к нему, радуяся. Он же изъят мечь и ткну его, и пресече надвое, и подня колыбель, и обрете сына жива, спяща. Нача ж смотрѣти, откуду по храмине учинися кровь, и обрѣте ужа великого заедена, и оскорбеся о псе скорбию велиею зело, нача плакати, понеже уби неповиннаго, такова разумна для слова жены своея».

[6]Сия рекъ[6], мудрец возгласи: «Слыши убо, преславный, милосердный господарю мой, цысарю, но да не и ты раскаишися, убивъ сына си единороднаго, неповинна суща, для слова жены своея и начнеши неутешно плакати о сыну своемъ».

Слышав же сия, цысарь похвали мудреца о притчи его.

Услышав же цысарева, что сынъ цысаревъ еще не умре, нача вельми плакати и главу свою попеломъ[7] посыпа.

Прииде же цысарь и рече ей: «О, любимая, что плачеши?» Она же рече ему: «Не се ли обѣщася еси мнѣ сына своего за срамоту мою обѣсити, и се слышу, еже живъ сый, да не како се прилучится тѣбе, аки нѣкоему пастуху з диким вепремъ[8]».

[1—1] туда и сюда; [2] клюнул; [3] боролись; [4] жена рыцаря; [5] нашего; [6—6] это рассказав; [7] пеплом; [8] кабаном.

Цысарь же рече ей: «Повѣждь ми о семъ, любимая!»

Она же отвеща: «И во вчерашний день тебѣ сказахъ, и помощи себѣ никоея не учинихъ, повѣмъ убо и се, да разумѣеши еже о сыну своемъ».

Притча 2 цысаревы к цысарю о нѣкоемъ вепре и о пастусе

«Бысть нѣкий король, имѣ въ государстве своемъ великий лѣсъ, в нем же, лесу, живяше дикий вепрь, бѣ же лютъ зело, по всякимъ мѣстом проходя, изѣдаше люди. Приидоша же ко кралю всѣ люди его господарьства, моляху его с великимъ воплемъ, да избавитъ ихъ от насилия вепрева.

Король же посла многих рыцарей на того вепря, повелѣ его убити, вепрь же рыцарей всѣхъ поби. Король же посла второе, и в третее, он же и тѣхъ всѣхъ поби. По семъ король в недоумѣнии бысть.

Имяше же король той дщерь единароднy, и пусти кличь по всемъ градомъ господарьства своего, иже кто убьетъ вепря того, да дастъ за него дщерь свою.

Случи же ся нѣкако единъ нѣкто пастухъ, пася скотину, за поясомъ же имѣ у себя секиру, и узрѣ его вепрь той, напусти на него. Он же утече у него на великое древо виноградное. Вепрь же нача древо подъядати, пастырь же нача ягоды рвати и вѣтвие съ ягоды вепрю метати. Вепрь же нападеся на ягоды, нача ихъ ясти, а пастырь же болши нача к нему метати. И наядеся вепрь ягодъ до великие сытости, и ляже под тѣмъ древомъ спати. Пастух же узрѣ его спяща, и наклонися на него, единою рукою держася за древо, а второю нача вепря чесати, и узна его спяща крѣпко, и изъятъ топоръ, и уби его до смерти. Король же выдаде за него дщерь свою. Послѣди же его той пастухъ кралевъствова на его мѣсто».

Сия же цысарева изглагола и рече цысарю: «Разумей, яже ти глаголю: приличнѣ людие не возмогоша стояти противъ тебя, а пастухъ — знамение твоего злаго сына, еже над тобою своею мудростию умышляетъ; смокви еже метание к вепрю знаменуетъ проклятыхъ его мудрецовъ, еже умолвятъ тя лестными словесы; чесание же вепря пастуха того претворит, еже сынъ твой и с своими мудрецы, лживыми своими словесы умолвивъ, тя хощетъ убити и на твоемъ престолѣ сѣсти и господарьствовати».

Цысарь же речей ей: «Разумѣю, яже глаголеши, и не буди того, еже сыну убитим, я утре повелю, да обѣсятъ его».

Она же рече ему: «Аще сия учиниши, то добро себѣ сотвориши».

Наутрие же цысарь повелѣ сына своего обѣсити.

Ведому же ему на шибелицу, и се приѣхав мудрецъ, ему же имя Лентелеусъ. Возопиша же к нему вси людие с великим гласомъ и рекоша аки едины усты: «О преизящный мудрецъ, аще ти возможно, да избавиши сына цысарева, ученика своего, от смерти!»

Мудрецъ же рече имъ: «Не ускорите вести его скоро х казни, аз де на сий день избавлю его от смерти». Диоклитиян же поклонися, аки нѣкое слово хотя к нему изрещи. Мудрецъ же нача к цысареве полате скакати борзо, и вниде в полату, и рече: «О великий цысарю, в вѣки живи!»

Цысарь же рече ему, яростно возревъ на нь: «Изыди, окаянне, борзо ис полаты моея! Азъ убо дахъ вамъ сына своего речиста, вы же сотвористе его нѣма и напрасно восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же онъ да умретъ, последи же и вы обще с ним да умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий цысарю, еже сынъ твой нѣмъ, сие времянно есть, а еже оскверни ложе твое, сие лжа, а не истинна, лестию убо оболганъ есть; то бѣ, понеже мачеха его сама хотяще с нимъ быти, нынѣ же срамъ свой покрываетъ и вину свою на него возлагаетъ. Но вѣдомо буди тобѣ, о великий господарю, аще ли убьеши сына своего неповиннаго для жены своея, горшае постражеши, аки нѣкой старый рыцарь от младые жены».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семъ».

И мудрецъ рече ему: «Молю ти ся, да не умреть сынъ твой на сий день, и аз повѣм ти притчю сию».

Цысарь же повѣле сына своего отвести в темницу, и се мудрецъ рече: «Слыши, о великий, преславный господарю мой, цысарю».

Притча 2 мудреца Лентелеуса к цысарю о младой жене

«Бысть нѣвкоем граде рыцарь старъ сый, на старость поня собѣ жену велми красну. Обычай же имяше: егда внидетъ к ней спати, тогда ложню[1] свою замыкаше, ключи же под возглавие себе кладяше. Ея же не можате утѣшати, старости ради своея, и егда усыпаше, и се жена его ключи крадяше и исхожда же к нѣкоему младу юноше. Совершаше с нимъ свое хотѣние, утѣху от него приимаше, тѣло свое блудом услажаше и, приходя от юноши, паки ложню замыкаше, и ключи под возглавие кладяше, а сама за нимъ ложашеся. Случи же ся нѣкогда, во едину от нощей рыцарь вниде к ней спати и замъкну ложню свою, якоже обычай имаше, и положи ключи под возглавие себѣ. Егда же нача спати, абие[2] жена его веземъ ключи ис-подъ главы, якоже обычай ей бяше, и иде к любимому си юноше потѣшения ради тѣла своего. Рыцарь же убудився от сна, и се жены нѣсть подлѣ, нача же смотрѣти ключей, и не обрете. Востав же от постеля, и прииде к дверемъ ложницы своея, и обрете отомчену и отворенну. Он же запре дому своего и врата, и ложню, и сяде в вышнемъ оконце, зря на улицу, откуду поидетъ жена его.

---

[1] спальню; [2] тотчас.

[1]И какъ будетъ кликнувшемъ тремъ куромъ[1], прииде жена его, и обрете врата и двери заперты, и нача толкатися вельми. Рыцарь же рече ей: „О проклятая чюжеложница, уже испытно увѣдех тя, яко всегда с постеля моея ходишь к своему рачителю[2], но за сие да будеши поймана страждьми, поставлена на пруде[3] и казненна грацкою казнию по обычаю градцкому!"

Обычай иже бяще града того, егда кто изыманъ будетъ после решотошного звону на улице, мужъ или жена бездѣлно ходяще, то поставляютъ его на пруде и казнятъ грацкою казнию. Слышав же сие речение от мужа своего, жена начатъ к нему лестно глаголати: „О прелюбезный, свѣте мой милый, что тако твориши и глаголеши! Прииде бо ко мнѣ девица от матери моея и повѣда ми, что мати моя в болѣзнь впаде. Аз же тя убудити [4]не смѣхъ[4], и взяхъ ис подъглавия ключи, и ходихъ к матери своей навѣщати и видѣти ея немощи. Нынѣ же молю ти ся, отопри ми двери и пусти мя в дом свой, да не изымана буду стражи, и не наведи мнѣ и роду моему бесчестия, а себѣ на старость срамоты, Бога ради, пусти мя!" Он же рече ей: „Не плоди словесь, окаянная, увѣщая мя лестию, но понеже еси чюжеложьствова, и за сие буди изымана стражи и поставлена на пруде и осужена смертию!"

Она же паки моляшеся ему, глаголя: „Помилуй мя, и помилуй мя, и пусти мя в домъ свой, да не злѣ умру!"

Рыцарь же речей ей: „Не пусторечи, окаянная, и не лукавнуй, окаянная, скоро да умри!"

Бѣ же дому его близь кладязь глубокъ. Она же, слышав мужа своего отвѣтъ яростенъ и гнѣва наполненъ, и рече ему: «О предрагий и прелюбезный, свете очию моею, се видиши кладязь сей? Аще мя не пустиши в дом свой, азъ шедъ в онъ утоплюся». Он же рече ей: «Унѣе[5] утони, окаянная, неже при мнѣ чюжеложъство твори».

Она же рече ему: „Се учиню по твоей воли: вниду и утоплюся, но молю и прошу у тебя, Бога ради, вели мя погрѣсти у Пречистыя и у всѣхъ святых, за моя же грехи вели роздати все имение мое, еже принесохъ к тебѣ с собою".

Сама же, поднявъ камень велий, иже лѣжа близъ кладезя, и рину его в кладязь, и опустивъ, от кладезя утаися и ста у вратъ близъ вратъ двора рыцарева.

И услышав же рыцарь ис кладезя звук велий, мнѣвъ жену свою кинувшуся в онъ, и раскаяся, зжаловася по женѣ своей и нача мыслити: „Подам ей уже[6] и извлеку ею ис кладезя, и избавлю от смерти, вперед убо она сего не учнетъ творити". И вземъ уже, отопре врата из дому своего, и иде ко кладезю, и пусти уже в кладязь, и нача кликати ея ис кладезя.

[1—1] и когда пропели третьи петухи; [2] любовнику; [3] запруде; [4—4] не посмела; [5] лучше; [6] веревку.

Она же отвѣта не даетъ ему. Рыцарь же, около кладезя ходя, и нача рыдати, и тужити стенаниемъ, и, воздыхая, глаголаше: „Ох, увы мнѣ, страсному[1], погубихъ убо жену свою, унѣе было наказывати и учити дома, нежели сей злой смерти предати ю".

Жена же, сѣтование мужа своего услыша, и подобно время обрете, утече в домъ мужа своего и запре ворота крѣпко, дабы мужу ея в дом невозможно внитти, а сама сяде в том же мѣсте при окнѣ, идѣже[2] седе рыцарь, и розсмѣяся вельми, и рече громко мужу своему, рыцарю: „О ненавистый псе смердящий, и гнуснѣ, и блядиве, проклятый старче, чюжеложниче нечистый, что волочишися, бродя по блядемъ?"

Рыцарь же, услыша гласъ жены своея, вельми обрадовася и рече от радости: „Слава Богу, иже есть жена моя здрава, утѣха души моей, подпора старости моей!" И рече ей: „Зриши ли, како аз о тебѣ промышляю и сѣтую, дабы ты не умерла?"

Она же рече ему: „Слыши, беззаконниче, еже ты на мя клеветалъ. Зрит Богъ, аз тому неточна, но збышася древних человекъ речение: кий человек самъ кое зло содѣя, и он хощет, чтобы всякой человекъ таков же был. Ты убо сам чюжеложствуеши по блядем да и меня себе равну нарицаеши, чюжеложницею мя зовеши. За неправду же твою буди тобѣ, да пойман будеши строжи, поставлен на пруде, занеже аз терпѣх ти много".

Рыцарь же рече: „О милая и любезная ми жена, аз тебе рех, дабы ты впред так не творила, а не хотех ти никоего зла учинити! Нынѣ же молю тя, не учини ми на старость срамоты, понеже от юности и доселе в чести бых, нынѣ же на старость на меня хощеши бесчестие навести и чюжеложъством оклеветати, неповинна мя суща на смерть готовиши. Молю ти ся, Бога ради, пусти мя, потом никоего слова не услышиши от мене!"

Она же рече ему: „Не пусторѣчи, блядове, унѣе здѣ муку приими, онамо[3] в вѣки начнеши царьствовати!"

Рыцарь же, не имѣя надежды спасения, нача горко рыдати: „О горе, увы мнѣ, злѣ погибаю от жены своея!" И нача жалостно к ней глаголати: „О пресвѣтлая господарыни моя, молю ти ся, не предаждь мене на смерть, для распеншагося на крестѣ нас ради Христа Бога, пусти мя в домъ свой и мой!"

Она же рече ему: „Премолчи, окаянные, кто тя имать в домъ пустити, такова злодѣя, не имаши внитти!"

Тогда зазвониша в колокол, и узрѣша рыцаря стражи на улице, и поимаша его, и рекоша ему: „Что твориши, нощию по улицамъ ходиши, а вѣси[4] грацкия заповѣди и уставы?"

Рыцарева же жена нача сторожем на мужа своего жалобу творити и лукавыя словеса на него аки пращею метати: „О господие мои, Богъ свѣдый тай-

[1] несчастному, неразумному; [2] где; [3] там; [4] знаешь ли.

ная сердца человѣком, той вѣсть, яко идох за него дѣвою сущею и непорочною. Сий же старецъ дѣвъство мое разоря, и не спитъ со мною, ходитъ всегда по блядемъ, и се вы его зрите нынѣча, идуща от бляди по улице, но поимете его и ведите к судьям, да исполнятъ над ним законъ грацкий".

Стражие же емше его и в суд ведоша. Рыцарева же жена иде за нимъ к судьямъ и иска пред судьями на немъ дѣвъства своего, а слася на сторожей. Судьи же грацкия осудиша неповиннаго на смерть и по уставу грацкому велѣша его казнити, а домъ и имѣние его все отдаша женѣ его. Жена же его со всѣмъ тѣмъ поиде за своего рачителя, с ним же чюжеложъствова».

И сия рек, мудрец возгласи: «О цысарю, разумѣши ли, еже изрекох ти, да невозможно есть убо и всѣмъ женамъ вѣрити».

Цысарь же рече: «Но отселе сынъ мой не умретъ!»

Цысарева же слыша сия, еже сынъ цысарев не умретъ, начатъ вельми рыдати, власы свои терзаючи, велиимъ гласомъ крича и вопия: «О горѣ, бѣда ми и срамотѣ моей, почто на сий свѣтъ родихся, буди проклят день рождения моего!»

Цысарь же рече к ней: «О пресладкая ми, почто стеня вопиеши, сокрушая своими слезами свою и мою душу?»

Она же рече ему: «Како не плачю, срамоты своея, не токмо же себѣ, но и твоея любве, еже ко мнѣ имаши, да и над тобою не то же учинитъся, како нѣкоему рыцарю от сына своего, его же любляше зело. Таков бѣ ему любим, еже и живот свой за него премѣни, он же отца своего забы любве, уби его, и не похрани тѣла его».

Цысарь же рече ей: «Повѣждь ми, любезная, како ся сотвори».

Повесть 3 цысаревы о нѣкоемъ рыцаре убогомъ и о детех его

Отвѣщавъ, цысарева рече: «Бысть нѣкий рыцарь древле в Риме, имѣя у себя единаго сына и двѣ дщери. Обычай же имяше той рыцарь часто на битвы ѣздити во многие господарьства, споемлючи с собою всюды и сына своего. И в тѣхъ ездехъ имѣние свое истощи все, и одолжа великимъ долгомъ. И нача глаголати сыну своему: „О милый сыну, аз убо при старости, а ты младъ еси, еще же имею двѣ дщери, сестре твои, нѣ имею же с чемъ ихъ отдати замужъ, долгу ради своего. Но что сотворю? На разбой ли поѣдем или учнем красти, да искупимся от долгу своего и было бы намъ, чем питатися?" Сия же слыша, сынъ похвали совѣтъ отца своего.

Бысть же в то время цысарь в Римѣ Октеньянъ, охочь бѣ до злата и, имѣя у собя многое множесьтво злата, насыпа же себѣ велию полату злата и постави стражи.

И рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: „Отче, сотворимъ мотыги и подкопаемъ полату, и возмем злата доволно". Рыцарь же похвали совѣтъ сына своего, и сотвориша собѣ мотыги, и шедше, подкопаша полату и взяша злата, елико возмогоша, и тѣм златомъ искупишася от всего долгу своего.

Стражи же полаты узнаша, кимъ мѣстомъ ис полаты злато крадено, и поставиша в томъ мѣсте великий котелъ смолы разваря.

Они же приидоша во вторыя украсти злата и поидоша в скважню, идѣже прокопаша. Вниде же преже отецъ его, и егда пустися, и урвася в котелъ в смолу по груди, и рече к сыну, дабы к нему не отпущался. Он же пустися бережно и не увязе в томъ котлѣ. Видѣв же отецъ, что невозможно его сыну его избавити ис котла, и рече к сыну своему: „О чадо, единако[1] мы умрохомъ! Приими мечъ и отсеки главу мою, и возми злато доволно и главу мою с собою. Мене же остави безглавна, да не познан будеши". Он же злата взял, елико возможе, и приимъ меч, отсѣче главу отцу своему, и положи ю в мѣхъ, и отнесе с собою.

Наутрие же приидоша стражи и взяша татя безглавна, и повѣдаше о немъ цысарю. Цысарь же повелѣ трупъ мертваго татя по всему граду возити по улицамъ и по малым переулкамъ и посла за нимъ люди многи, и рече имъ: „Смотрите прилѣжно, да егда в коем дворе узрите, еже тѣло мертвое видѣвше начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведета ко мнѣ".

Возиша же его много по улицамъ и привезоша в улицу, идѣже живяше сынъ его и дщери. Узрѣша же дщери отца своего, мертва возима, и воскричаста великимъ гласомъ, и начаста плакати. Сынъ же его, заслышавъ кричание сестръ своихъ, борзо ринувся к нимъ, извлече ножъ и уколол себя в бедру, и рече сестрамъ своимъ: „Егда вы поимаютъ и начнут спрашивати, вы же рцета имъ, что по мнѣ плачете".

Слуги же цысаревы, слышавше в томъ дворе кричание, и ринушася имати, и узрѣша брата, лежаща поколота, и сестры над нимъ плачющеся, и мнѣвше правду, отидоша от нихъ.

Цысарь же повелѣ мертвое тѣло обѣсити, и висе два лѣта, а сынъ его не соиме, и не похрани».

Сия изрекъ, цысарева нача глаголати к цысарю: «Внимаеши ли, о превеликий, преславный господарю мой, еже ти изрекохъ?» Он же рече ей: «Зело внят, о любимая ми, да не и мнѣ от моего сына то же будетъ. Наутрие же сынъ мой да умретъ!»

Егда доиде до утрияго дне, и рече слугамъ своимъ: «Идѣта и обѣсите сына моего».

Ведому же ему бывшу на уготованное мѣсто, и се мудрец его, ему же имя Катъ, прискаче борзо на конѣ и рече к приставомъ: «Господине мои, молю

---

[1] в любом случае.

вы, не поспѣшите казнити сына цысарева, аз шедъ, умолю цысаря, да не повелитъ на сий день сына своего казнити!» Они же отвещаша ему: «Буди то!»

Цысаревичъ же видѣвъ его, поклонися ему, аки нѣкое слово хотѣ ему молвити. Мудрецъ же ѣде ко двору цысареву, и вниде в полату, и поклонися, якоже обычай есть, цысарю челом ударити. Цысарь же рече ему: «Изыди скоро, окаяннѣ, ис полаты моея!» Мудрец же рече ему: «О великий господарю, цысарю, се ли мы у тобя выслужихом?» Цысарь же рече ему: «Коя ваша ко мнѣ служба? Дахъ азъ вамъ сына своего доброрѣчново, вы же учинисте его нѣма и безгласна, и сквернителя ложа отца своего. Нынѣ же онъ да умретъ, последи же и вы с нимъ обще умрете!»

Мудрецъ же рече: «О пресвѣтлый цысарю, глаголеши, сынъ твой нѣмъ, се времянно, судъ Божий на него прииде, а еже глаголеши, ложе твое осквернити хотѣ, се есть ложь, а не истинна, понеже не видѣхомъ в нем никоея злости распаления плоти его. Да не случится тебѣ, аки нѣкоему торговому человѣку». Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми о семъ, како ся учини!» Мудрецъ же рече: «Повели убо сыну своему, да сего дни не умретъ, азъ же повѣм ти». Цысаре же повѣле сына своего отвести в темницу.

Повѣсть 3 мудреца Ката о нѣкоемъ госте и о птице, глаголемой сороке, и о жене

Мудрецъ же, восприимъ, рече: «Слыши убо, о преславный господарю, цысарю, бысть нѣкий гость[1], имѣя у собя жену вельми красну. Да у него же бѣ птица, глаголемая сорока, глагола жидовъскимъ языкомъ, сказывая ему, гостю, всю истинну, что ся без него дома ни творитъ, или что от кого слышитъ, то все господарю своему исповѣсть, он же еѣ за то вельми любляше. Жена же его при немъ веръстою[2] зело млада, аки господарыня наша цысарева предъ тобою. Гость же той не часто спаше с своею женою, но нѣ возможе еѣ утѣшити вожделѣние похоти, старости ради своея, и сего ради жена его возненавидѣ его и имъ гордѣти[3] нача. Приучи же к себѣ греховнаго ради хотения своего и вожделѣния плотъскаго нѣкоего юношу лѣпа[4] и юна суща, могуща скверное ея похотное желание исполнити и любодѣйства вожделение утолити, и пламень ярости и несытъства блуднаго угасити. И нача с нимъ чюжеложъствовати и несытною его любовию любити, и егда же мужъ ея отхожаше на куплю, она же в то время с чюжеложником своимъ пребываше, скверное хотѣние свое совершаше. Сорока же, видѣвъ сия вся, господарю своему исповѣдываше, гость же, слышавъ сия от сороки, жену свою зелно бьяше. Рече же ему жена его: „Ты убо вѣришь проклятой сорокѣ, покамѣста она у нас ни будет, и мѣжу нами всегда мятежъ будет".

---

[1] купец; [2] возрастом; [3] пренебрегать; [4] красивого.

Гость же рече ей: „Та убо сорока не имѣетъ лгати николи, что видитъ или слышит, то и скажетъ, болши язъ ей вѣрю, неже тебѣ".

Случи же ся нѣкогда, поѣде гость той на куплю, жена же его посла к рачителю своему, дабы к ней скоро пришел. Он же до нощи не иде к ней, дабы его людие не видели, егда же достиже[1] нощъ, и онъ прииде к ней, и ляже с нею.

Услышав же то, сорока нача глаголати госпоже своей: „О госпожа моя, что твориши, господаря моего и своего не убоишися мужа, в потемкахъ чюжеложсъство твориши!"

Нача же и к чюжеложнику глаголати: „О злый человѣче, почто сотворяеши зло господарю моему, любодѣиствуеши з госпожею моею, а съ ево женою! Аще тя во образъ не вижу за темностию нощи, но гласъ твой слышу, и о всѣмъ том551 сповѣмъ господарю моему".

Юноша же рече: „Слышиши ли, о жено, сия проклятая сорока насъ всѣмъ людемъ огласитъ". Она же рече ему: „Аз убо той сорокѣ сей же нощи учиню смерть".

И воставъ [2]в первое куроглашение[2], отпусти рачителя своего и любовника, и возва дѣвку, *и повѣле ей на верхъ клѣтки дробин намѣтати*, * идѣже сѣдяше сорока, и пущаше громъ, и льяше воду на ту сороку, и шибая дробинами и пескомъ, и малымъ каменьицем.

Сорока же озябе от студена и малодушъствоваша[3], чая, что вправду на нѣе громъ бысть. Егда же мимо иде нощъ и приспѣ день, и прииде к ней госпожа ея, и повелѣ под нею подмести, и рече ей: „О милая моя сорока, дождемъ тебя и громомъ забило". Се же ей рекши, аже приѣде гость, мужъ ея, и нача сороки спрашивати, да повѣсть ему, что сотвори ся без него.

Сорока же рече ему: „О милый господарю мой, повѣм ти все, что слышахъ. Жена убо твоя, а моя госпожа, бес тебя чюжеложъствова в нощи, мнѣ же было нелзѣ видѣти во образъ любовника ея за темностию нощи, но гласъ его слышахъ и понощахъ ему ярыми словесы, да быхъ убоялся, да и женѣ твоей, а своей госпоже, много о семъ воспретихъ. Они же меня не послушаста, и спаста и чюжеложъствоваста. А надо мною, господарю мой, бысть бѣда велия ночесь, есми от грому и от дожду мало не умрохъ".

Услышав же то, гостина жена и рече мужу своему: „Господарь мой милый, почто вѣришь той сорокѣ, что промежь мною и тобою ложъ, а не истинну, и ненависть творитъ своими лживыми словесы слагаючи, и срамоту мнѣ приноситъ пред всѣми людми. Аще ли хощеши извѣрити тое сороку себѣ, прямо спроси всѣхъ сосѣдъ, бывал ли ночесь громъ, и молния, и дождь, и яже будетъ, то она тебѣ правду сказала, и аз готова на позоръную смерть".

Слышав же сия гость от оустъ жены своея, и нача в томъ спрашивати всѣхъ сосѣдъ своихъ, в такову преходящую нощь видѣша, бил ливнеи дождь, и

[1] наступила; [2—2] когда запели первые петухи; [3] обманулась.

громъ, и молния. Сосѣди же сказаша ему, что не бысть в ту нощ ничтоже, мимо иде тиха.

Жена же гостя того нача плакати и рече мужу своему: „Ужели еси извѣдалъ правду сороки своея и разумѣеши ли на мя ложь ея, аз убо по еѣ ложному оглашению во всемъ граде обесчещена".

Гость же поня вѣры лстивым глаголомъ жены своея, и announcements> ис клѣти сороку, и оторва ей голову. Жена же его улучи желание свое и обнемъ, целова его и возвеселися зѣло, и рече мужу своему: „О милый господарю мой добрый, доброе дѣло сотвори, уби сороку, отселѣ будем в покое жити".

Гость же идѣ паки х клѣтке, идѣже сѣде сорока, обхожаше близъ клѣтки сѣмо и овамо, и обрете над клѣткою тою вверху дробины, и песок, и воду, и огарки, и удивися сему, и разумѣ лесть жены своея, что жена его на ту сороку лила воду и дробину, и пѣсокъ, и камение мѣтала. И нача вопити и тужити нѣутѣшно: „О бѣда ми, что сотворих, лсти не разумѣхъ, убих вѣрную свою сороку для слова жены своея!" И пад, и имѣние свое все розда нищимъ, сам же дошед во Святую гору и бысть мних».

И сия рекъ, мудрец возгласи: «Разумѣеши ли, господарю мой, цысарю, яже повѣдах ти?» Цысарь же рече: «Добре разумѣхъ, да не умретъ сынъ мой!»

Цысарева же услыша, что еще сынъ цысаревъ избавлен от смерти, и плака ся велми. И сказаша о семъ цысарю, яко цысарева плачетъ. Он же прииде к ней, нача еи тѣшити. Цысарева же рече ему: «Жена есми твоя, ты же отдал мя сыну своему на блудъ и [1]лестию хотѣлъ еси мнѣ оборонь учинити[1], за срамоту мою и за бесчестие хотѣл еси сына своего убити. Нынѣ же слышу, еще живъ сынъ твой!» Цысарь же рече ей: «О преслаткая и любезная ми цысарева, хотѣлъ есми учинити, за срамоту твою и бесчестие, сына своего убити, да сказаша ми мудрецы притчи многие, азъ же отложих смерть сыну своему».

Она же рече ему: «О пресвѣтлый господарю мой милый, дабы ся тебѣ се не сотворило, какъ нѣкоему цысарю от седми мудрецов». Он же рече ей: «О любезная, повѣждь ми!» Она же рече ему: «Азъ убо много тебѣ изглаголахъ, ты же мнѣ не внимаеши и не исполняеши моего глаголания». Цысарь же рече: «Аз убо размышляю, и на вся мѣры претворяю, и много думаю, дабы сына своего не убити напрасно».

Цысарева же рече ему: «Понеже то мудрецы тебѣ к росказанию всегда повѣсти чинят, азъ же разумѣхъ, яко сказание ихъ лжи наполненно, и аще учнешъ имъ вѣрити, повѣм ти сему разуму притчю». И нача глаголати.

[1—1] обманул, что хотел меня защитить.

Притча 4 цысаревы о мудрецехъ, како ради корысти своея ослѣпиша цысаря

«Бѣ нѣкогда древле в Римѣ у цысаря седмь мудрецовъ, держаше его царъство все и землю, и судиша, и без ихъ совѣту и думы цысарь ничего не творяше. Умыслиша же своим чернокнижствомъ, отъяша зрак от очию его, оного цысаря. Егда бяше в полатѣ своей сѣдяше, и тогда видяше, егда же ис полаты исхождаше, тогда ничего не видяше. Сотвориша же ему онѣ слепоту сию того ради, дабы имъ владѣти господаръствомъ и богатѣти. Послѣди же паки восхотѣша они сотворити цысарю, дабы опять видѣлъ, и не возмогоша.

Умыслиша же и рекоша к цысарю: „О великий господарь нашъ, да повелит твоя держава в царствии твоемъ положити заповѣдь: аще кто увидитъ какий сонъ, и с тѣмъ сномъ повели ходити к намъ, мудрецемъ, для розсказания". Цысарь же сотвори тако. Егда кто сонъ видяше, к мудрецемъ хождаше, онѣ же ему сонъ розстворяху[1], и от того взимаху злато, смотря по человѣку. И собраша онѣ от того множество злата.

Во едину же от дней цысарю сѣдящу в полате своей с цысаревою, и начатъ тужити и глаголати женѣ своей: „О жено, велику бѣду терплю, не вѣмъ, что ся ми учини, в полатѣ убо вижу, а ис полаты вышедъ, не вижу. И много о семъ испытахъ, кто бы ми пособил, и не возмогоша".

Цысарева же рече: „Послушай убо мене, о господарю мой, есть бо у тобя седмь мудрецовъ, многимъ людямъ пособляютъ, а тебѣ ли не могутъ очей излѣчити за твое великое к нимъ жалованье. Но убо рцы к ним слово отвѣтно: «Аще пособити мнѣ не возможете и очей моихъ не излѣчите, вѣдомо да буди вамъ, смертию да умрете!»" Цысарь же похвали думу жены своей и изрече к мудрецемъ слово отвѣтно по совѣту цысаревы.

Мудрецы же, услышавъше от цысаря ярости и гнѣва наполнено слово отвѣтно смертное, и молиша, егда бы имъ далъ сроку на десять дней. Цысарь же сроку даде имъ. Они же призваша к себѣ чародѣевъ и волхвовъ и совѣтоваше с ними, како бы имъ возможно излѣчити цысаря, и не возмогоша, вездѣ того изыскиваша и не обретоша.

Во единъ же от дней тѣхъ виде нѣкий человѣкъ сонъ и прииде ко онѣмъ мудрецемъ разсуждения ради, и сказа им сонъ свой. Они же ему отказаша: „Понеже еси лѣгъ спати пьянъ, и тобѣ нелѣпое грезилось, и в твоемъ снѣ нѣтъ ничево", а взяша у него фунтъ злата, а сна его не разсудиша. Он же поиде от нихъ, закручиняся. Идущу же ему, игры дѣетъ дѣтище на улице — камышки. И узрѣ детище его унывша идуща и, возопивъ, рече ему: „О человѣче, не тужи по златѣ, еже далъ еси мудрецемъ, азъ бо тобѣ твой сонъ даром роскажу, токмо мнѣ повѣждь его!"

[1] растолковывали.

7 Зак. № 3610

Человѣкъ же той сонъ свой росказа ему, отроча же рече ему: „О человѣче, сотвори собѣ мотыки желѣзны и иди на видѣнное тобою мѣсто, идѣже видѣлъ еси дрозлове[1], и копай ту, и обрящеши богатьство велие".

Человѣкъ же той по словеси отрочате сотвори тако, и иде на уреченное мѣсто, и нача копати, и обрете великое богатьство — многое множество злата. Җемъ же человѣкъ той два фунта злата и иде искати отрочати. Идущу же ему, и се вострете мудрецовъ, кимъ преже даде фунтъ злата. Рекоша же ему мудрецы: „Камо[2] идеши?" Он же рече имъ: „К вамъ бѣхъ преже приидохъ и вдахъ вамъ злата, и не повѣдасте ми сна. Обретох же отроча, и отгада ми сонъ мой, и по повелѣнию его наидох много злата, и се ищу его и несу ему за то два фунта злата".

Мудрецы же поидоша за ним искати отрочате того, и обретоша его в том же мѣсте, игры творяща, камышки, якоже есть обычай детемъ играти. Человѣкъ же той прииде к нему, кланяяся и дая ему два фунта злата. Отроча же рече ему: „О человѣче, не буди ми взяти от того, еже Богъ дарова, но иди, моли за мя Бога". Мудрецы же, видѣвше отроча мудрость велию имуща и воспросиша его о имени его. Он же рече имъ: „Мерсянин ми имя есть". Рекоша же ему мудрецы: „Господарю нашему цысарю сѣдящу в полатѣ и видяше, егда изыдетъ ис полаты, бывает ослеплен, ничего не видя. Можеши ли его излѣчити, о юноше?" Отроча же рече имъ: „Мощно".

Мудрецы же поемше отроча, идоша с нимъ к цысарю и сказаша яже о немъ цысарю, еще хощетъ его излѣчити.

Цысарь же, видѣвъ отроча младо суще, и рече ему: „Можеши ли мя излѣчити, о милое отроча?" Отроча же отвѣща ему: „Могу, о великий, преславный господарю мой цысарю". И паки рече ему отроча: „Идемъ убо, господарю, в постельную ти комнату и тайно повѣм ти".

Цысарь же воставъ и поемъ отроча, и вниде с нимъ в ложницу свою. И узрѣ же отроча постелю цысарьскую и повелѣ цысаревымъ слугамъ сняти постелю, *и обрете под постелею родникъ, а на немъ седмь строментовъ ворочаютца*,* учинено великими чары. И рече отроча цысарю: „Видиши ли, господарю цысарю, потому ты не можеши видѣти". Цысарь же, видѣвъ сия, нача дивитися и рече отрочати: „Мошно ли ти сей родник-здроло[3] отделити от строментовъ?" Отроча же рече: „Мощно, токмо изъяждь ихъ, мудрецевъ своихъ казни всехъ, понеже тобѣ случися изменою, и господарьство твое лживо судиша, того ради над тобою, господаремъ, такъ и сотвориша своими чары, дабы им сопротивъства от тебя не было никоторого".

Цысарь же по словеси отрочати мудрецевъ своихъ казни всехъ, а строменты и здроломъ изубиша. И паки рече отроча цысарю: „О великий, преславный, многоименитый господарю мой, цысарю, се убо приспѣ время, взыди на конь и поѣди тѣшитися, амо[4] же хощеши, и узриши свое здравие, можеши всюду

---

[1] источник; [2] куда; [3] источник; [4] куда.

видѣти!" Цысарь же всяде на конь и еде, и отворися ему свѣтъ, начатъ всюду зрити по-прежнему. Отроча же то цысарь нача жаловати, вдастъ ему многое богатьство».

И сия изглагола, цысарева рече цысарю: «Разумѣеши ли, господарю мой, еже азъ сказахъ ти? Тако убо и твои мудрецы над тобою сотворятъ, еже бы сынъ твой господарьствовалъ, а онѣ бы владѣли».

Цысарь же рече: «Во утрие повелю сына своего обѣсити, потомъ и мудрецевъ казнити».

Во утрие же день рече цысарь слугам своимъ: «Поимше сына моего, ведите и обесите!» Слуги же поимше цысаревича, и ведоша, и по немъ идяху вси людие и плакахуся.

Мудрецъ же его, ему же имя Елиазар, забежа на конѣ напередъ. Узрѣв же его цысаревичь, и заплака, и поклонися ему, и возопиша вси людие велиимъ гласомъ, реша мудрецу: «Умоли цысаря, да избавиши ученика своего от смерти!»

Рече же имъ мудрецъ: «Не плачитеся, имѣю надежу на Бога и чаю, могу его избавити от смерти». Доѣде же цысарева двора и вниде в полату и удари челомъ цысарю, якоже обычай имяху.

Цысарь же рече ему: «Изыди скоро, окаяннѣ злодѣю, ис полаты моея! Дахъ азъ вамъ сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, и безгласна сквернителя, восхоте бо ложе мое осквернити, жену мою изнасиловати. Нынѣ же сей да умретъ, а вамъ по немъ то будетъ!»

Мудрецъ же рече ему: «Что глаголеши, господарю мой, еже сынъ твой нѣмъ, тои есть судомъ Божиимъ временно, паки возглаголетъ. А еже ложе твое хотѣ осквернити, то есть ложь, а не истинна, невозможно и вѣрити тому. Но ащели сына своего казниши, горшае того обрящеши, аки нѣкоему рыцарю прилучися от младые жены».

Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми, како ся учини!» А сына своего повѣле в темницу отвести.

Притча 4 мудреца Елиазара о нѣкоемъ рыцаре и о жѣне его, еже восхотѣ попа любити

Мудрецъ же восприимъ рече: «Слыши убо, о великий, преславный господарю мой, цысарю! Бысть нѣкий рыцарь стар сый праведенъ, не имѣя жены много лѣтъ исполни. Приидоша же к нему сродницы и друзи его, начаша ему глаголати и стужати, дабы женился. Он же, слышавъ многие словеса с укоризною от сродства своего и от друговъ, поня себѣ жену красну велми и нача ея любити зело, но не имяше от нея чародия[1].

[1] детей.

Во едину же от дней воставъ жена его рано на утреннюю к церкви. Обрете же во церкви матерь свою и, обнем, целова ея и о здравии ея спроси.

Мати же ея нача ея спрашивати о здравии мужа ея. Она же отвещав, рече ей злѣ: „Мя воспрошаеши, мати, о муже моемъ! Не могу зрѣти и слѣда его, понеже не имамъ утѣхи никоея от него. Егда спящу ему на ложи со мною, лѣжитъ, аки клада[1] неподвижима. Но молю ти ся, советуй ми, хощу убо иного любити, дабы ми давал утѣху тѣлу моему!"

Рече же ей мати ея: „Не моги греха сего учинити, о любезная дщи! Отец твой и азъ вѣкъ изжихомъ тѣла своего не осквернихомъ!"

Она же рече ей: „О милая мати моя, не дивися сему, понеже соидостеся и отец мой, и ты млади, и вы другъ друга потѣшаста, а не такъ, якоже мой мужъ старый, не можетъ ничего учинити, на ложи лежитъ, аки клада. Сего ради хощу иного любити!"

Рече же ей мати ея: „Кого хощеши любити?" Она же рече: „Попа, а не болярина, ни дворянина".

Мати же речей ей: „Лутче любити рыцаря или дворянина, ино менши греха".

Она же речей ей: „Хощу попа любити сего ради, аще и в людех стою с попом или наодине, нихто не осудитъ".

Мати же ея рече: „Послушай моего совѣта, о дщи моя, искуси мужа своего виною. Аще ли тобѣ пропустит, и ты люби попа".

Рече же дочь ея к ней: „Чимъ убо могу искусити?"

Рече ей мати ея: „Повели у него въ винограде высечи лутчее древо, и будетъ ти спустит, и ты люби попа".

Она же повелѣ лутчее древо высетчи и исколоти в дрова. Мужъ же ея прииде тогда с лову с собаками. Она же рече: „В тѣхъ дровехъ огонь складем!"

Рыцарь же нача грѣтись у огня и узна духомъ древо, что древо его любимое горитъ, и нача спрашивати огородника: „Почто убо ты его древо посѣкъ, азъ убо его любяхъ паче всехъ древъ!"

Огородник же рече: „Повелѣ ми то древо посѣчи госпожа моя, жена твоя".

Рыцарь же рече женѣ своей: „Что сотвори и почто подсече древо любимое ми?"

Она же рече ему: „Видиши ли убо, время студено, аз убо повелѣхъ его посѣчи да огонь сотворю, тобѣ еже согретися".

Рыцарь же речей ей: „Спущу тобѣ нынѣча, потомъ не сотвори тако!"

Во утрие же жена его иде в церковь и обрете матерь свою, и рече: „О мати моя, сотворих по повелѣнию твоему, и не учини ми мужъ ничего. Нынѣ же хощу попа любити".

---

[1] колода.

Рече же ей мати ея: „Слыши, милая дщи, обычай бѣ старыхъ мужей — первую вину отпустятъ. Нынѣ же совѣтую ти, искуси его на фторую".

Дщи же ея рече ей: „Не хощу, о мати, еще искусити!" Мати же ея рече ей: „Молю тя, милая дщи, моего ради благословения, сотвори по совѣту моему, искуси его во вторые!" Она же рече ей: „Како его искусити?"

Мати же рече ей: „Есть у него собачка маленкая постелная, любитъ еѣ зело, и ты еѣ убей, и аще тобѣ спуститъ, и ты люби попа".

И прииде мужъ ея к дому, и ляже на ту нощъ с мужемъ своимъ на ложи. И се оная собачка вскочи на постелю, она же ухвати собачку за ноги и удари о стену крѣпко, дондеже у нѣе мозгъ из главы выплылъ. Рыцарь же видѣ то, нача ей поносити: „О проклятая и блядемъ подобная, что твориши? Аз убо ея люблях надъ всемъ животомъ своимъ, ты же уби еѣ до смерти напрасно при мнѣ!"

Она же рече ему: „Что бранишись, собака другое одеяло испоганила, мы же имъ очи прикрываем", — и нача плакати.

Рыцарь же рече ей: „Что плачеши? Престани и лязи, азъ тобѣ и сию вину отпущу". Она же объемъ, поцелова его и ляже с нимъ. Наутрие же воставъ, иде в церковь и обрете матерь свою, и сказа ей все по ряду.

Мати же ея рече: „Послушай убо мене, о дщи моя и не отрини наказания[1] матери своея. Обычай убо есть старымъ людемъ терпѣти, искуси же его в третьее".

Рече же дщи ея: „Не пусторечи, мати моя, уже бо его всяко искусихъ и видехъ от него велию грозу, и ничтоже ми сотвори. Нынѣ же хощу любити попа".

Она же рече ей: „О милая дщи, молю тя, послушай меня для мене и для рожения ради моего, послѣднеѣ молю тя, искуси его в третее, но аще сие претерпитъ, люби попа".

Дщи же рече ей: „Чимъ убо искушу его в третее?"

Рече же ей: „Се убо будутъ мужу твоему имянины, и будетъ у него великъ пир, и егда придутъ на пиръ вси званые гости и мы, отецъ твой и азъ, и сядутъ в мѣстехъ своихъ, ты же сяди противо отца своего. И егда поставятъ ествy и питие все, мужъ же твой воспроситъ у тобя въ ествы зелья, ты же повѣждь ему, что замъкнуты ключи того ларца, и, вставъ из-за стола, поиди да зацепи за скатерть, и опроверги ествy и питие все, бутто ся ненарокомъ, и аще то тебѣ спуститъ, и ты люби попа".

Она же рече ей: „Искушу по твоему словеси послѣднее, о мати моя!" И сие рекши, иде в дом свой.

Приспѣвшу же дни имянинъ мужу ея, созваннымъ бывшемъ гостемъ на пиръ, и сѣдъши за столомъ, и пред поставленней ѣстве и питию сѣдши же и женѣ его противъ отца своего, по прежереченному словеси. И егда мужъ ея вос-

---

[1] наставления.

проси зелья въ еству, она же рече ему: „Замкнухъ ключи в ларце". И, воставъ, поиде и запяся за скатерть, и опроверже всю еству и питье, и гостей перелия.

Видѣв же то, рыцарь разгнѣвахся зело и образъ свой премени, и засрамися от всехъ людей, еству же и питие повелѣ изнова готовити, и потом с веселиемъ пирова.

Пиру же мимо шедшу и гостемъ розъехавшимся, рыцарь же иде и ляже спать в особной храминѣ, з женою же своею не ляже спати. Во утрие воставше, иде к церкви и слышавъ заутрени, и шедъ х кровопуску, и рече ему: „Иди и пусти женѣ моей крови из жилъ, ис которыхъ азъ тебѣ повелю!"

Кровопуску же пришедшу в домъ его, обрете же рыцарь жену свою на постели спящу. И рече ей: „Востани борзо!" Она же рече ему: „ Милый господарю мой, рано еще востати". Рыцарь же паки рече: „Борзо востани!" Она же рече ему: „Чего ради ми востати?" И рече ей: „Надобеть тебѣ крови пустить!" Она же рече: „Никогда же не спускивахъ!"

Рыцарь же рече ей: „Правду глаголеши, еже крови не пускивала, нынѣ же повелю тобѣ азъ крови пустити, за что неподобное твориши, досаду ми и укоризну принесла еси. Первое — без моего повелѣния велѣла ты подсещи древо в винограде моемъ любимое, второе — уби собачку любимую же, третьее — ты же вчера еству и питье опроверже, гостей всех перелия, срамоту ми учини. То убо в тобѣ вся злая кровь играетъ, нынѣ же ея выпущу, и потомъ мнѣ такова безчестия не приведешь!"

Востав же с постели, жена его нача молитися: „Молю ти ся, — рече, — милый господарю мой, помилуй мя, не сотвори ми сего!"

Он же рече ей: „Проси от Бога милости, дабы отпустилъ грехи твои, а от мене же не проси никоея милости!"

Востянувъ руце ея, рече кровопуску: „Аще не поткнеши гораздо жилы женѣ моей, то азъ у тобя поткну все жилы из шеи твоея!"

Кровопускъ же ткнувъ в жилу, идеже указа рыцарь, и испусти много крови, и егда нача бледнѣти, рыцарь же повелѣ руку отпустити и жилу завязати, и повелѣ руку другую востянути.

Жена же его паки нача молитися: „О, милый господарю, молю ти ся, пощади, пощади, помилуй мя се уже умираю!"

Он же рече ей: „Ты почто неподобное мнѣ сотворила есть?" И повелѣ кровопуску тять в жилу. Он же потя жилу, и изыде кровию болши того, и егда нача обумирати, он же повелѣ и тое руку спустити и жилу завязати, и повелѣ ей итти на постелю, и рече ей: „Отселѣ получьшееши!", — и отъиде от нея прочь.

Она же посла по матерь свою, дабы пришла вборзе навестити ея. Прииде же мати с радостию ко дщери своей. Она же рече матери своей: „О милая мати моя, се уже умираю, ты же мнѣ не вѣришь!" Рече ей мати ея: „Азъ тобѣ все поведахъ, старые люди кручинны и милостивы. Нынѣ убо хощеши ли любити попа?"

Дщи же ей рече: „Ни, мати моя, не буди того, не хощу любить попа, ни иного кого, кромѣ мужа своего!"»

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Како о семъ разсудиши, господарю мой, цысарю?»

Цысарь же рече: «Зело мя ползова притча сия, — и разсудих. — Аще бы спустил жене своей рыцарь в третьие, то бы в четвертое от нея живота своего гоньзнулъ[1]».

Мудрец же рече: «Брезись о господарю мой, великий цысарю, и ты от жены своея, дабы тобѣ горшае того не сотворилось, аще убьеши сына для слова жены своея!»

Цысарь же рече: «Да не умретъ нынѣ сынъ мой!»

Цысарева ж слышавъ яже о Диоклитияне, что еще не умре, и восхотѣ бежати ко отцу своему, и сказаша о семъ цысарю. Цысарь же приде и рече к ней: «О любезная ми, что твориши и камо идеши?» Она же рече ему: «Иду в домъ отца моего, понеже не хощу видети смерти твоея! Сказахъ убо тобѣ многия притчи, ты же не внимаеши, а слушаеши и внимаеши мудрецовъ своихъ, то же убо сотворитца тобѣ, якоже содѣяся древле Актовияну, цысарю Римьскому, охочу бывшу до злата, имже гражане, уста ему залиша».

Цысарь же рече: «Повѣждь ми, любезная, о семъ, коимъ обычеемъ то учинися». Она же рече ему: «Не повѣмъ, поѣду в домъ отца моего!» Цысарь же рече: «Не буди то, что тебѣ ехати от меня, вины ради моея!»

Она же рече ему: «Правду глаголеши, ея же ради, твоея вины, хотѣлъ убо еси сына своего убити, а се живъ есть, и невозможно тебѣ вѣрити!»

И рече цысарь: «Хощу изыскати правду, да не без ума убию сына своего. Ты же повѣждь ми, да было бы к чему примѣритися».

Она же нача глаголати.

Повѣсть 5 цысаревы о нѣкоемъ цысари, любящемъ злато, емуже гражане и горло златомъ залиша

«Бысть в Римѣ нѣкий цысарь, емуже имя Октоянусъ, любя злато зело и собираше ему многое множество, и многие же кралевъства воеваша римлян, и извоевани бяху римляне от всехъ земель, понеже не возмогоша противитися.

Бѣ же у нихъ в то время мудрецъ, емуже имя Варнеусъ. Приидоша же к нему римляне и рекоша ему, дабы имъ учинилъ своею мудростию оборону. Он же сотвори имъ на нѣкоемъ мѣсте велию башню, и на ней сотвори многое множество оконъ великихъ, и во всякомъ окнѣ сотвори по человѣку во образъ и во имя прежнихъ древних цысарей и королей, и подписа ихъ имяна, и вдаде имъ,

[1] лишился.

всякому человѣку, в руце по колоколу и по яблоку златому. И егда кий царь или краль с коея страны помыслитъ итти войною на Римъ, и на той башне той человѣкъ станетъ звонити в свой колоколчик. По тому же вѣстнику римляне на ту украину и войско отпустятъ, и побежаху, и не можаху околние цари и крали противъ ихъ стояти, и всѣ к Риму приложишася. И аще коя земля мало помыслитъ восхощетъ от Рима отложитися, и той образъ начнетъ на башне звонити же в колоколчикъ, и звонитъ, дондеже та земля добъетъ челомъ Риму.

Да той же мудрецъ учини у нихъ на некоемъ мѣсте огонь всегда горящъ, никогда же угасаше, и у того же огня учини воду потече нѣскоего древа, убогихъ ради, дабы ея пили и обмывалися ею. И постави у огня оного и у воды образ[1], и подписа его: „Кто мя ударитъ, той отомщение прииметъ". Образъ же той стояше у огня и у воды много лѣтъ.

Нѣкогда же приде ко образу тому злый человѣкъ — прокуда, воръ, и прочте писмо и рече: „Аз тя ударю, да кое ми отомщение восприиму!" А начаяся[2] под тѣмъ образомъ нѣкую казну схоронену, и того ради удари, и образъ розби. И копа под тѣмъ образомъ много, и не обрете ничего. Огнь же той и вода убогихъ погибе, и прокляша человѣка оного, что отнялъ от нихъ покой и веселие.

Потом же вскоре помыслиша отложитися от Риму три крали, но не смѣша, тоѣ ради башни, и начаша собѣ, думати, коимъ образом сотворятъ брань с римляны. И рекоша к нимъ паны ихъ и отговариваху: „Вѣсте ли, яко в Римѣ башня есть, вѣсть ваше умышление, но преже над башнею промыслъ учините, и тако и на бой с римляны устремлитеся".

И се приидоша три рыцари и глаголаша кралямъ: „Аще вы нас учините у собя болшими рядники, мы вамъ послужимъ, башню испортим". Крали же имъ обѣщашася. Рыцари же просиша у нихъ сроку на три года, и просиша у нихъ пяти бочекъ злата да пяти бочекъ сребра. Они же имъ злато и сребро даша. Вземше же рыцари сребро и злато, и ехаша в Римъ торговымъ обычаемъ, и копаша то сребро и злато нощию тайно по многимъ мѣстамъ. Сотвориша се и ехаша во свою землю.

И егда проиде три годы, рыцари же нарядишася в платье далних странъ и приехаша в Римъ и идоша к цысарю. Цысарь же рече им: „Что вы за человѣцы?" Онѣ же сказашася ему из далнихъ странъ мудрецы, златонаходцы. Цысарь же ихъ у собя пожалова и повелѣ имъ искати злата. Они же наидоша в дву мѣстахъ много злата, еже схорониша, и принесоша к цысарю. Цысарь же ихъ за то пожалова и зва хлѣба ясти, и вдастъ имъ злато доволно. Рекоша же они к цысарю: „Милостивый цысарю, есть мѣсто под городомъ, закопанъ полонъ сосудъ". Цысарь же вдастъ имъ людей, они же шедше, и злато выняша и принесоша е к цысарю. Цысарь же вдастъ имъ половину того злата и сребра. Рыцари же паки пришедше к цысарю и рекоша ему: „О великий господарю, наидохомъ по

---

[1] изваяние, идола; [2] ожидая, надеясь.

сторонъ града полонъ сосудъ злата, а два — сребра". И шедше, выняша и принесоша к цысарю. Цысарь же вдастъ имъ половину злата и рече: „Еще ищите!"

Наутрие же приидоша к цысареви и рекоша ему: „О господарю наю, во снѣ видѣхомъ позади двора твоего сосудъ злата, а два — сребра", — и шедше, то злато и сребро выкопавше и принесоша к цысарю. Цысарь же вельми ихъ нача жаловати, вдастъ имъ половину злата и рече имъ: „Благословен день вашъ, в кий вы приехавше ко мнѣ!"

Они же рѣкоша цысареви: „Милосердный господарю, великий цысарю, по вся нощи видимъ многое множество злата, да не можемъ розсудити вскоре, в коемъ мѣсте стоитъ".

В третей же день приидоша к цысарю и сказаша: „О господарю цысарю, видѣхомъ под башнею, на которой стоятъ образы, неисчетно и несмѣтно много множества злата". Цысарь же рече имъ: „Не буди мнѣ того, еже испортити башню, которая стоитъ для обороны от нашихъ недруговъ!"

Они же ему рекоша: „Милосердый, великий господарю, аще повелитъ твоя держава, мы возмемъ богатьство ис-под тое башни хитростью, она же нерушима будетъ, выняти же то злато ночью тайно, дабы прочие люди того не вѣдали и никто не видел, намъ бы помѣшки не учинили". Цысарь же рече имъ: „Добре, дѣите и промышляйте!"

Они же поидоша и вельми веселишася, занеже[1] улучиша желаемое, и подкопашася под башню, и поткатиша многие бочки зелья[2], и корабль приготовиша, да бѣгутъ восвояси. Егда же бѣ в полунощи, бочки зажгошася, они же побѣжаша, башню же ту изорваша всю, и мнгогие люди поби, и в Риму учинися великая заметня[3].

Приидоша же к цысарю римляне и рекоша ему: „Милостивый цысарю, чего ради та башня и образы опали?" Он же рече имъ: „Приидоша ко мнѣ три мужи нѣкою лестию и сказашася златонаходцы, и наидоша злата много, под тою же башнею сказаша многое множество злата. Аз же повелѣ им копати, они же испортиша башню и сами побегоша".

Римляне же рѣша цысарю: „Мы, о цысарю, и сытость твою и хотение исполнимъ!" И поимавше его, и растопивше злата, и влияша в горло ему, и погребоша его жива».

Сия изглагола, цысарева рече к цысарю: «Разумѣй, о цысарю, аз повѣм ти: стрельня та приложитъ ко твоему тѣлу спящему, до ких мѣстъ душа в телѣ; лстивые же тѣ златонаходцы — сынъ твой с мудрецы, хотятъ башню подкопати и сирѣчь твое тѣло болѣзнию растлити, и умъ, и помыслы, аки образы разрушити; егда же тя узрятъ болна и неразумна, тогда прочѣе смерти предадятъ тя. Разумѣеши ли, о цысарю?» Цысарь же рече: «Правду глаголеши, заутра вси помрутъ!»

---

[1] поскольку; [2] пороху; [3] мятеж, волнения.

Во утрие же день повелѣ цысарь сына своего обѣсити. Ведому же ему на смерть, мнози во слѣдъ его идяху видети кончины его, и вси людие плакахуся его. Слышавше сие мудрецъ, емуже имя Езеуса, борзо прибѣже на конѣ, цысаревичъ же видѣвъ его и поклонися ему, и заплака. Люди еже вси кликнуша велиимъ гласомъ, рекоша: «Доблий[1] мудрецъ, избави ученика своего от смерти!»

Рече имъ мудрецъ: «Не плачитеся, имѣю надежду на Бога и правду господаря моего цысаревича», — и вниде в полату к цысарю и поклонися ему.

Цысарь же, возрѣвъ на нь опално, глагола ему: «Исчезни борзо, зла творителю, ис полаты моея, да невскоре злѣ умреши. Аз вамъ дахъ в научение сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинистѣ его нѣма и безстудна, восхотѣ убо жену мою изнасиловати и ложе мое осквернити!

Мудрецъ же рече ему: «Нѣма ли его, глаголеши, то есть суд Божий временен, а еже, глаголеши, восхотѣ ложе твое осквернити — сия неправда, и вѣрити сему невозможно. Аще ли убъеши сына своего для слова жены своея, то же постражеши, якоже случися нѣкогда Поликрасу мудрецу». Цысарь же рече ему: «Повѣждь ми, како ся учини!» Мудрецъ рече: «Повѣмъ, токмо молю тя, да не умретъ нынѣ сынъ твой!» Цысарь же повелѣ сына своего отвести в темницу.

Повѣсть 5 мудреца Езеуса о Поликрасе мудреце и о внуке его Галианусе

Мудрецъ же рече: «Слыши убо, о цысарю, бысть нѣкий славный мудрецъ, емуже имя Поликрас, мудростию же и философиею всех мудрецевъ превзыде. Имѣя же у собя в научение внука имянемъ Галиануса, бѣ же Галианус доброго и быстрого разума. Поликрасъ же, видѣвъ его разумна суща, и зависти ради не все ему открываше, Галианус же тайно нѣкако изучися у него всей мудрости и учинися велиимъ любомудрецемъ. Поликрасъ же нача завидовати Галианусу, понеже стал гораздѣе его.

Бѣ же въ [2]Югорстей земли[2] краль нѣкий, имяше сына болна суща. Посла же краль той послы своя к Поликрасу, да пришедъ излѣчитъ сына его. Поликрасъ же от пословъ отговорися и посла в мѣсто свое внука своего Галиянуса.

Галиянусу же приехавшу во Югры, и воздаде ему кралъ честь велию, и показа ему сына своего. Галиянусъ же рече кралеви, да принесетъ ему три воды — свою и кралевнину, и сына ихъ, и смотря, разсудитъ яже о болѣзни сына ихъ.

Кралева же принесе ему вся три воды, он же видѣвъ воды и рече ей тайно: „Рцы ми, не утаи, кто кралевичю отец?"

---

[1] Доблестный, мужественный, храбрый; [2—2] Венгрии.

Она же рече ему: „Что мя воспрошаеши еже о отце кралевича и бесчести ми наводиши? Или не веси, яко отец ему краль, мужъ мой? И за сие же бесчестное и поносное слово достоинъ еси смертныя казни!"

Галиянусъ же рече ей: „Что ми претиши смертию, правду ми глаголющу? Азъ убо приидохъ, да честь получю, а не стятия для главы своея приидохъ. Правду же глаголю, разумѣхъ убо мудростию своею на ваша воды зрящу ми, яко не той есть ему краль отецъ. Аще не повѣси ми истинъны, не возможеши сына своего и здрава видѣти!"

Кралева же виде Галиянуса, истинну глаголюща, и рече ему: „О предоблий мудрец, аще возможеши тайну мою сохранити и не исповѣси никому, и азъ повѣмъ ти тайну мою".

Галиянусъ же рече: „Не буди того, еже ми изъявити кому!" — и кляся ей много.

Кралева же рече ему: „Бысть во оно время прииде ко господарю моему кралю греческий краль Бус. Азъ же прелстихся на него и пребыхъ с нимъ, и зачахъ от него сего сына моего, и родихъ".

Галиянус же рече: „Правду, госпожа, изглагола ми, се убо сына вашего уздравлю аз".

С того же времени Галиянус начатъ кралевича кормить волуимъ мясомъ и поить водою ключевою, и уздрави кралевича. Краль же и кралева, видѣша сына своего здрава, и возврадовашася зело, и Галиянуса велми почтиша и одариша. Кралева же наипаче многими дары почти его и отпустиша его с честию.

Галиянус же приѣде к Поликрасу, и рече ему Поликрасъ: „Уздравил ли еси сына кралевъсково?" Он же рече: „Уздравихъ", — и показа ему дары и рече: „Сие приняхъ почесть за лекарьство свое".

Поликрасъ же рече: „Какими зельями изврачева его?" Галиянус же рече ему: „Давахъ ему мясо ясти воловое и воду пити ключевую. Симъ уздравихъ". Поликрасъ же рече: „Понеже ты симъ уздравилъ его, се убо мати его чюжеложница, а онъ, кралевичъ, родися не от ложеснъ отца своего, но от прелюбодѣяния матери своея!"

Оттоле же Поликрасъ зависти ради нача искати подобна времени, да убьет Галиянуса. Во едину же от дней идоша во градъ Поликрасъ же и Галиянусъ, и повелѣ Поликрасъ Галиянусу вырвати траву, орудия ради лечебнаго, и Галиянусъ наклонися по траву, Поликрасъ же извлече два ножа и пронзе Галиянуса, и уби до смерти.

По малех же днехъ Поликрасъ впаде в болѣзнь великую зело и не може себѣ уврачевати. Прихождаху же к нему ученицы его, хотяще его излѣчити и не возмогоша. Поликрасъ же рече ученику своим: „Приимѣте сосудъ с водою и положите в онъ зелья, и провертите на сосуде сто дир, дабы вода истекла".

Они же сотвориша тако и провертѣша на сосуде сто дир, и не потече вода, ни едина капля не укану.

Рече же Поликрасъ ученикомъ своимъ: „Зрите, ученицы, се убо грехъ ради моих постиже мя судъ Божий, и ярость гнѣва его приде на мя за моя беззакония, во сто диръ — а вода из сосуда не уканетъ, ни едина капля. Се уже умираю, аще бы былъ Галиянусъ, моглъ бы мя излѣчити, нынѣ же его ради прииде на мя гнѣвъ Божий!" И сие рекъ, и обрящеся к стенѣ, и умре».

И сия изглаголавъ, мудрец рече цысарю: «Разумѣеши ли, о господарю мой цысарю, еже ти изрекох? И внима, и не ими вѣры женѣ своей, и не убей сына своего для слова жены своея, да не горши того ты постражеши!»

Цысарь же рече: «Зело разумѣхъ, аще бы Галиянусъ живъ был, не бы Поликрас умер. Нынѣ же сынъ мой да не умретъ!»

Цысарева же, услышавъ, что цысаревичъ не умре, начатъ терзати ризы своя, и кричати велиимъ гласомъ, и плакать неутѣшно.

Цысарь же, услышавъ вопль и рыдание, воставъ, тече борзо к ней и, объемъ, нача ю утѣшити, дабы не кручинилась. Она же рече ему: «Како ми не плакати, отнюдь не могу терпѣти, понеже дочь есми кралевъская, твоя же жена цысарева! Нынѣ же сынъ твой окаянный поносъ[1] и укоризну ми нанесе велию, ты же ми обѣщася за срамоту мою убити сына своего, и се лжеши».

Цысарь же рече: «О любимая, не вѣмы, что сотворю! День по дне кручинишися, дабы азъ тобя ради убилъ сына своего, мудрецы вси пекутся о здравии его, азъ же не вѣмъ, чему вѣрити, в кою страну правда есть».

Цысарева же рече ему: «Тогда узриши и воспомянеши словеса моя, егда случитца тобѣ, аки нѣкоторому краю [2]с моршалком[2]!»

Цысарь же речей ей: «Повѣжъ ми, дабы азъ какие притчи могъ убити сына своего».

Она же рече ему: «Повѣм ти, но единого молю и прошу у тобя, да вѣриши словесемъ моимъ!»

Притча 6 цысаревы о нѣкоемъ крале и о моржалке, како злата ради приведе жену свою

«Бысть нѣкий краль, зовомый Берцо, недугомъ пухоты одержимъ бяше, и смердящъ бѣ, еже никакова жена не може с нимъ спати и гордяху имъ, понеже не можаху смрада терпѣти.

И помышляше итти к Риму и взяти мощи святыхъ апостол Петра и Павла. И егда бѣ на дорогѣ, на нѣкоемъ мѣсте, и возва к себѣ любимаго си[3] моршалка, и рече ему: „Милый брате, добуди ми жену, дабы со мною ночь спала!" Моршалок же рече: „О господарю мой, понѣже болѣзнь твоя вѣдома имъ, и сего ради кушаются[4] притти к тобѣ".

[1] оскорбление, поношение; [2—2] с придворным; [3] своего; [4] гнушаются.

Краль же рече: „Объщайся дати ей тысящу златыхъ!" Моршалок же слыша то, что краль дает много злата, приийде к женѣ своей, бѣ убо лѣпа зело, и рече ей: „Хощеши ли богата быть навѣкъ?" Она же глагола ему: „Кимъ обычаемъ?" Он же рече ей: „Господарь мой, краль, хощетъ жены на сию нощъ, да спит с ним, и хощетъ дати тысящу златых. Ты же, любимая ми, иди к постели его и возми злато сие!"

Рече же ему жена его: „Хотя бы краль и чистъ былъ, и не буди того, еже мнѣ с нимъ спати!"

Моршалок же рече ей: „Аз на том тебѣ крестъ целую, что ничимъ не врежу тебя, токмо сотвори волю мою. Аще ли сего не сотвориши, то аз не начну любити тобя!" Она же рече: „Иду".

И вземъ ея, приведе ко кралю и рече ему: „Повели дати злато, еже обѣщался еси, и отпусти ея борзо!" Краль же повелѣ ему дати злато и ляже с нею. И егда ночь мимо иде, при утрии, приийде моршалокъ и рече ко кралеви: „Отпусти жену сию, понеже свѣтъ близ есть, да не зрятъ ея люди, но осрамотиши ея!"

Краль же рече ему: „Еще убо рано, отиди от мене!" Моршалок же рече ему: „Отпусти, молю ти ся, понеже моя есть жена!" Краль же, прием свѣщу, слышавъ сие, и нача ея смотрити, и узна ея, что его жена, понеже бо и преди того видѣвъ ю, и рече моршалку: „О проклятый человѣче, что сотвори тысящи ради златников, осрамоти жену свою! Нынѣ же скоро буди от кралевъства моего бѣжа, да не злѣ умреши!" Моршалок же побѣже от королевъства его.

Краль же приийде и объступи Римъ, и приступиша к нему зелно, убо восхотѣша римляне ему выдати мощи святых апостолъ Петра и Павла.

Бяху же в то время в Римѣ седмь мудрецевъ, как и ты у собя имѣешъ. Приидоша же к нимъ римляне и начаша бити челомъ, дабы онѣ премудростию своею избавили Римъ. Мудрецы же рѣша имъ: „Мы можемъ избавити Римъ, по днемъ кииждо насъ на день избавляет".

Выиде же из града первой мудрец и нача премудростию своею ко кралю глаголати, дондеже король не возможе противитися и отвѣту дати словесемъ его. Потом же к нему вси выходиша единъ по единому по дне, изглаголаху ему от премудрости своея, дабы отшелъ от Рима. Седмый же мудрецъ учини мудростию своею — облечеся в платье пернатое всякихъ птицъ перей, и взя в руки два меча нагихъ, изыде на высокую стрелню. Егда же краль узрѣ, его, ужасеся и рече ко своему войску: „Видите, еже дивный человѣкъ прилѣте и ста на стрелне!" Они же рѣша ему: „О великий господарю, Богъ ихъ християнъской, услышав молитву ихъ, и посла к нимъ аггела своего, да поможетъ имъ. Аще ли учнемъ мѣшкати и не побѣжимъ от града, то вся побьетъ ны, и не останетъ ни единъ от насъ".

Король же, слышавъ се, и побѣже от града с войскомъ своимъ, римляне же гнашася за нимъ и побиша войско его много».

Сия же рече, изглаголавъ, цысарева рече цысарю: «Разумѣй, яже ти глаголю, о цысарю! Моршалокъ жену свою потеря и высланъ есть из государства — се сынъ твой хощетъ тя убити, а самъ кралевати; а еже краль к Риму приступавъ, мудрецы сего устрашиша, и побѣже, войско свое потеря, сице ты от них пострражеши и убитъ будеши; но аще хощеши в покое жити, вышли сына своего из земли своея за срамоту мою».

Цысарь же рече ей: «Правду ми глаголеши, заутра сынъ мой да умретъ!» Во утрие же повелѣ сына своего казнити.

Ведому же ему на уреченное мѣсто, и слышавши вси людие плакахуся, мудрецъ же, емуже имя Клеофаса, забежа на конѣ напредь. Видѣв же его, цысаревичъ заплака и поклонися ему, слова ни единого не возможе изрещи ему, и вси людие кликнуша гласом велиимъ, рекоша: «О преизящный мудрецъ, иди борзо и умоли цысаря, избави ученика своего от смерти!» Мудрецъ же рече имъ: «Не плачитеся, имѣю надежу на Бога и чаю, избавлю его от смерти». И ѣде борзо к дому цысареву, и вниде в полату, и поклонися ему. Цысарь же возрѣвъ на нь и рече ему: «Изыди, злодѣю, борзо ис полаты моея! Дах азъ вам в научение сына своего доброрѣчного, нынѣ же учинисте его нѣма и безстудна, восхотѣ убо жену мою изнасиловати, ложе мое осквернити. Нынѣ же сей да умретъ, послѣди же и вы всѣ да умрете!»

Мудрецъ же глагола: «Еже сынъ твой не глаголет, то есть судомъ Божиимъ, понеже нѣкую мудрость в собѣ видитъ, ащели нынѣ не убьеши его, и по двою дни услышиши его глаголюща; а еже глаголеши, хотехъ жену твою изнасиловати, то имеши вѣры ложному оговору жены своея, чему и зстатися нелзе. Аще ли же его убьеши, случится тобѣ горшае того, якоже нѣкоему рыцарю от жены своея, понеже вѣри слову ея, бѣ убо пытанъ и жженъ огнемъ, и розорванъ конми, и потом повѣшенъ и з женою своею». Цысарь же рече ему: «Бога ради, повѣждь», — и повелѣ сына своего отвести в темницу.

Притча 6 мудреца о трехъ рыцарехъ и о старом рыцыре, и о женѣ его, что онъ убил трехъ рыцарей

Мудрецъ же рече: «Слыши убо, о великий господарю, цысарю. Бысть убо в Римѣ у нѣкоего древле цысаря три рыцари, четвертый же рыцарь бѣ старъ, имѣ у собя жену вельми красну. Горазда же жена его пѣсней пѣти. Тѣм же своим воспѣваниемъ многихъ людей приведе к дому своему, и вся люди дивяшася воспеванью и красотѣ ея.

Прилучи же ся нѣкогда сѣдящу ей в полатѣ своей у окна по обычаю, и воспѣваше пѣсни, смотря на улицу. В то же время с цысарева двора шедшу рыцарю, и узрѣвъ ю, нача смотрѣти красоты лица ея, и возгорися любохотѣнием, прииде к ней, нача ей глаголати о любви, дабы была с нимъ. Она же просящи ты-

сящи златыхъ, он же обѣщался ей дати, и повелѣ она ему быти на первом часу нощи. Он же, объем, поцелова ю и иде от нея.

По нем же приеде к ней вторый рыцарь и глагола ей о любви. Она же просящи у него тысящу златыхъ, он же обѣщася ей дати, и повелѣ ему быти к собѣ в полунощи. Он же поцеловал ея, иде от нея.

Потом же приде к ней третий рыцарь, то же рече ей, и обѣщася дати ей тысящу златыхъ, и поцеловал ея, иде от нея. Она же повелѣ ему быти в курогла-шение[1].

Между же собою рыцарие другъ про друга сего не вѣдаша.

Она же, шед к мужу своему, рыцарю, рече ему: „Хощу ти всю тайну свою повѣдати, токмо учини по моему совѣту, и много наидеши злата, и богатъ будеши вовѣки". Он же рече ей: „Азъ бых радъ, да что сотворю?" Она же рече ему: „Приидоша ко мнѣ три рыцарие — единъ по единому, и глаголаша со мною о любви, и обѣщалися ми дати по тысящи златыхъ". Он же рече ей: „Сотвори мудрость, а яже тебѣ любо, а мнѣ годно же". Она же рече ему: „Аз убо велѣхъ имъ к себѣ быти, и стани за дверью с мечемъ, и кий поидетъ ко мнѣ , ты же убей его. Они же будутъ единъ по единому по времени". Рыцарь же, мужъ ея, рече ей: „О жено, боюся, егда како люди увѣдятъ, нам же злою смертию умрети будетъ".

Она же рече ему: „Страшливе, не боися, токмо твори повелѣнное мною", — и посла по рыцаря. Рыцарь же приде к ней и злато принесе с собою, и хоте с нею пребыти, мужъ же ея отсече ему главу. Тако и другимъ двум рыца-ремъ такоже главы отсече.

Потом же рече рыцарь женѣ своей: „О любезная, уже мы такъ сотвори-хомъ, притчею[2] у нас ихъ вымутъ — намъ погибнути". Жена же его рече ему: „Есть убо у меня братъ, аз же умолю его, онъ ихъ спрячет", — и повелѣ к себѣ брату быти. Братъ же ея приде, она же сказа ему, что муж ея уби рыцаря, самъ пьянъ спит, и моли его, дабы схоронилъ и положи его в мѣхъ.

Вечеру убо приспѣвшу, он же埋 announcementsвземъ его и отнесе в море, в воду, и паки приде к сестрѣ своей и нача от нея просити, дабы ему дала добраго вина пити. Она же иде положи другово рыцаря в мѣхъ и, облия водою и вземъ скляницу, иде и бутто запяся, и возвалися, и воскрича, и скляницу пролия. Брат же ея при-де к ней и подня ея, она же рече ему: „О бѣда ми, опять мертвый прииде!" Брат же ея, ево вземъ, и отнесе вверже в воду, и паки прииде к сестрѣ, и прося у нее вина пити. И сестра же его в то время приготови третьево рыцаря, положи в мѣхъ, иде взя вино и паки зацепися, и повалися, и воскрича гласомъ. Братъ же ея приде к ней, подня ю, она же рече ему: „О беда ми, братец, паки мертвый при-бѣже и лежит в мешке, о бѣда ми, како ми его избыти?" Братъ же ея вземъ его, несе за градъ и скину его на огонь, самъ поиде на страну. Аже в тѣ поры приѣде

[1] первое пение петухов; [2] случайно, если случится, что.

ко огню рыцарь из далнихъ странъ и нача у огня грѣтися. Он же, пришед, уби его да и того кину в огонь и с конемъ сожъже его, и прииде к сестрѣ своей и сказа ей. Сестра же его рече ему: „Убил убо еси неповиннаго", — и нача его поити вином до его воли.

Той же старый рыцарь, мужъ ея, сотвори пиръ. На пиру же своемъ зашибѣ жену свою по уху, она же на него разгнѣвася и рече пред всѣми людми: „О злый старче, или ты меня также хощеши убити, какъ еси убил трех рыцарей цысарьских?"

Людие же слышавше и повѣдаша о семъ цысарю. Цысарь же повелѣ ихъ пред себя привести и воспраша же жены его. Она же сказа ему все по ряду, цысарь же повелѣ ихъ обѣихъ обѣсити, трупъ же их повелѣ лошадми расторгати и останки огнем сожещи».

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Разумѣеши ли сия, о цысарю?» Цысарь же рече: «Проклята та буди жена, что на мужа своего сказа!»

Мудрецъ же рече ему: «Горѣе тебѣ того збудетца, что жена тебя научаетъ на убиение смерти сына твоего».

Цысарь же рече ему: «Правду убо глаголеши ми. Нынѣ же сынъ мой да не умретъ!»

Егда же слыша цысарева, что сынъ цысаревъ еще не умрет, и приде к цысарю и глагола ему: «О бѣда ми, хощу убо с срамоты сама себѣ убити, неже жити в такой срамоте. Вижу убо аз и сама, что конец мнѣ, моя срамота такоже и твоя, но разумѣй, о цысарю, что и тебѣ учинитца, како учинися нѣкоему кралю от рыцаря!»

Цысарь же рече ей: «О всесладкая ми, молю тя, повѣждь ми».

Притча 7 кралевы о нѣкоемъ короле, какъ у него увезе рыцарь кралеву, краль же ю отда ему самъ и пирова с нею

Цысарева же рече ему: «Слыши убо, о преславный господарю мой, цысарю. Бысть нѣкий краль, имѣя у собя жену велми красну, и замыка еѣ в высоке тереме каменнѣ, ключи же у собя ношаше, она же о томъ зело бысть во унынии великомъ.

Бѣ же нѣкоторый славный храбрый рыцарь в далнѣй странѣ, иного господарьства во области, виде про ту кралеву сонъ, она же встрѣчно про него виде, кабы они на единой ложи спаху.

Той же рыцарь поѣде еѣ доступати, приѣде в господарьство краля того и виде кралеву, в теремѣ седящу. Кралева же узрѣ его и позна по сну своему, и сказаша же о нѣмъ краю, что приѣде к нему служить славный и храбрый рыцарь. Король же призва его и нача вельми жаловати, и повелѣ ему дворъ поста-

вити близ терема, идеже бяше кралева. Он же прикорми к себѣ мастера хитра и вдастъ ему злато доволно, и повелѣ ему здѣлати входъ под той теремъ, а из двора своего выход в море. Егда же ему мастеръ здѣла то, он же кину мастера в море, и входомъ прииде в терем ко кралеве.

Кралева же рече ему: „Како ты сѣмо прииде ко мнѣ?" Он же рече ей: „Любовь твоя приведе мя к тебѣ", — и нача ей много глаголати о любви. Она же рече ему: „Не дай того Богъ, что ми с тобою сотворити". Он же моземъ мечъ и рече ей: „Аще не сотвориши воля моея, скоро смертию да умреши!" Она же бояся и сотвори волю его, и спа с нимъ. Он же, пребыв с нею и облобызав ю, иде в домъ свой.

Оттоле же кралеве рыцарь зело мил бысть, и люби его велми. Вдастъ же ему перстень свой, егоже король любяше зело и смотряше его у нея на руке на всяк день. Во едину же от дней случися, изыде король на ловъ тѣшитися и обначева, бывшу же и рыцарю с нимъ. Упившу же ся ему у краля, и забы у себе перстень он на руке, и протяну руку для картныя игры, король же узрѣ у него на руке перьстень и позна его, и не изрече ему ничего. Рыцарь же догадався и положи на собя болѣзнь, и отпросися от краля. Король же отпусти его, он же приѣде в домъ свой, иде в терем ко кралеве и отда ей перстень, и сказа ей, что король опозна его. Пришедшу же кралю ко кралеве, и воспроси у нея перьстня оного, она же рече ему: „О милый, пресвѣтлый господарю мой, на что тебѣ перстень той?" Король же сь яростию рече ей: „Аще его не увижу в сий час, то будеши казнена смертию!" Она же announcement вземъ ларец свой и высыпа перстни, и даде той перстень кралю. Король же видев перстень и рече ей: „Виноват азъ пред тобою, видех убо перстень таков у рыцаря на руке". Она же рече ему: „Милостивый, великий господарю, кралю, [1]человекъ убо живетъ в человека, а платно в платно[1]!" Король же поцелова еѣ и рече ей: „Милая кралева, прости мя, виненъ есми пред тобою". И изыде от нея.

По нѣких же днехъ прииде рыцарь ко кралю глагола ему: „О великий господарю мой, кралю, приѣде бо в твое господарьство любовница моя, свѣдав мя, нынѣ же прошу милости у тобя, дабы еси пожаловалъ холопа своего, ѣлъ хлѣба у меня". Король же рекся у него хлѣба ясти. Рыцарь же шед, нача готовитися, и иде ко кралеве, и глагола ей: „Се убо кралю твоему у меня хлѣба ясти, нынѣ же ты облекися в наше платье далние земли и приди ко кралю, егда будетъ за столом".

Егда же убо кралю приѣхавшу и сѣдшу за столомъ, и се кралева выиде ис комнаты, король же рече к рысарю: „Исполаити[2], что союзницу имѣешъ у собя добру, подобну моей кралевѣ!" И повелѣ ей король сѣсти возлѣ себя, и нача на нѣе смотрѣти прилѣжно. Она же бьяше челомъ королю, глаголя: „О великий господарю, добро тобѣ, господарь, у господаря моего рыцаря ясти и

[1]—[1] человеку свойственно человеческое, а плоти — плотское; [2] Хвала тебе.

пити!" Король же услыша гласъ ея и нача в себѣ мыслити, глаголя в себѣ: „Мню, яко всяко, некако рыцарь теремъ кралевы моея подкопа", — и, не доседевъ стола, поедѣ к себѣ. Рыцарь же еяವземъ и отведе борзо в терем, она же платье с себя сложи и облечеся паки в свое платье, и ляже на ложи своемъ спати. Кралю же борзо пришедшу, и виде ю спящу, и глагола кралеве: „Винен есмь в другое пред тобою!"

Она же воспрошаше его: „Что твое прегрѣшенье?" Он же рече ей: „Обѣда убо у рыцаря и видехъ его любовницу, подобну тебѣ во всемъ — образом и гласомъ!"

Она же рече ему: „Не рѣх ли ти вчера, что человѣкъ в человѣка живетъ, а мнѣ убо птицею ли летати?"

И по днехъ паки приде рыцарь ко кралю и глагола ему: „Милостивый господарю, кралю, хощу на своей любовнице женитися, ты же, господарь, меня, холопа своего, пожалуй, буди у меня во отца мѣсто!" Король же ему обѣщася, рыцарь же нача готовитися.

Пришедшу убо дне свадбѣ, король ста у церкви, а попъ в ризах. Рыцарь же прииде с своею любовницею, и вземъ король ея за руку и рече ей: „О прекрасная, подобна добротою моей кралевѣ, нынѣ же идеши за моего дворового рыцаря!" И взя у них руки, и отдастъ ея рыцарю, поп же приимъ вѣнча ихъ.

Послѣ же вѣнчания нача бити челомъ рыцарь кралю, дабы его отпустил с нею в свою землю. Корабль же бѣ у него готовъ. Король же провожаше его до карабля с своими паны и рыцари, и многие люди идоша за ним до его корабля.

Взыде же рыцарь на корабль и нача бить челом кралю, дабы взошел на корабль и научилъ бы свою дочь любити его. Король же взыде на корабль, а рыцарь повелѣ парусы готовити, и глагола королю: „Милостивый господарю, королю, уже тобѣ насъ время отпущати". Король же с корабля сниде, а рыцарь парусы подня и побеже по морю въ свою землю.

Король же приеде во градъ свой, и вниде в терем, и не нашел своея кралевы, и ходил около терема, и нашел входъ здѣланъ под лѣсницу. А из-под лѣсницы здѣланъ в рыцаревъ двор, и нача болѣзнию сердца глаголати: „Что мнѣ рыцарь сотвори за мое великое жалованье, увезе у меня жену мою, аз убо самъ ума иступих, что вѣрихъ рыцаревымъ речемъ, а своимъ очемъ не вѣрихъ!"»

И глагола цысарева: «Разумѣеши ли, о цысарю, еже ти сказах?» Он же рече: «Разумѣхъ, что онъ не вѣрилъ своимъ очем. Утре сынъ мой умретъ!» Во утрие же повелѣ его обѣсити.

Ведому же ему х казни, и услышаша людие, и начаша плакати зело. Мудрец же имянем Химъ забежа на конѣ напредъ. Видев же его рыцаревич, и поклонися ему, и заплака. И воскричаша вси людие велиемъ гласомъ: «О преизящный мудрецъ, умоли рыцаря, избави своего ученика от смерти!»

Мудрецъ же рече: «Не плачитеся, имѣю надежду на Бога и на правду господаря своего, цысаревича», — и борзо вниде в полату цысареву, и поклони-

ся цысарю. Рече же ему цысарь: «Скоро выиди, злодѣю, ис полаты моея! Дахъ убо аз вам сына своего доброго и говорливого, нынѣ же учинистѣ его нѣма и безъстудна, восхотѣ убо ложе мое осквернити. Нынѣ же онъ злою смертию да умретъ, послѣди же и вы с нимъ обще умрете!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий господарю, что глаголеши, еже сынъ твой нѣмъ, то есть судом Божиим, а еже глаголеши, что жену твою хотѣ изнасиловати, то есть неправда, тому и вѣрити нелзѣ. Аще ли убьеши его, и тобѣ горшае того будетъ, что нѣкоему рыцарю, егда умре единыя ради капли крови жены своея». Рыцарь же рече ему: «Повѣждь ми притчю сию».

Мудрецъ же рече ему: «Вели сына своего отвести в темницу». Цысарь же повелѣ сына своего в темницу отвести.

Притча 7 мудреца Ахима о нѣкоемъ рыцаре и о женѣ его

Мудрецъ же восприимъ и рече: «Слыши убо, превеликий господарю мой, цысарю, бысть нѣкий рыцарь, имѣя у собя жену чюдну и любляше ея паче живота своего, и без нея не може ни единого часа быти. Рыцарь же той держа у собя ножъ в руках и чисти ногти, и жена же его играше с нимъ костию и обреза у собя у руки палецъ. И видев же рыцарь кровь на руке у жены своея, и закручинися от жалости вельми, и в жалости и в печали ударися о землю и умре. И тужаше по немъ вси людие всего града, что умре любве ради жены своея.

Жена же его зелне по нем плакася и глаголаше: „Уподоблюся отселѣ горлице и стану жити у гроба мужа своего". И погребоша его честно, она же сотвори собѣ комору и нача жити у могилы его.

В том же кралевъстве обычай бяше таковъ: казнь бяше у нихъ едина, егда какова вора осудятъ на смерть, и его повѣсятъ, и стрегутъ его дни многи. Стражу же ту повелѣваху стрещи торговым людемъ, торговые же люди наимуютъ рыцарей, егда с шибалицы кого украдутъ, за чьею сторожею, и в украденого мѣсто того самого повѣсят.

Во един же от дней повѣсиша нѣкоего злодѣя, и наняся рыцарь нѣкий того злодѣя стрещи, и бѣ же в то время стужа велия зело. Он же увиде огонь в той коморѣ, гдѣ же жена у мужа своего рыцарева гроба живяше, и приѣде к ней, и нача проситися, дабы пустила его согрѣтися, понеже зелне озябе. И глаголаше к ней: „Аще ли не пустиши мя, и се уже от мраза умираю". Она же рече ему: „Пустила бы тебя, да боюся, либо невѣжливое слово какое молвишъ". Он же нача божитися и глаголати: „Вѣмъ аз, что ты святая жена, любве ради мужа своего животъ свой пременила".

Она же пусти его, и огрѣяся, и нача глаголати: „О госпожа, нѣчто тебѣ хощу молвити, да не смѣю дерзнути твоея ради кручины".

Она же рече ему: „Глаголи". Рече же рыцарь: „О госпоже, то есть чюдная повѣсть, лутчи было жити тобѣ в дому своемъ и, елико мочно, ино бы милостыня роздати нищимъ".

Она же рече ему: „Аще бы азъ вѣдахъ, еже тебѣ се глаголати, и азъ бы тебя не пустила".

Рыцарь же поѣде от нея и нача мыслити, како еѣ искусити и солгати еще, и рече к себѣ: „Иду к ней, реку, бутто моего злодѣя обѣшеного украли, что ми она изречетъ?"

И ѣде к ней и, приѣхавъ, нача у дому толкатися, и рече: „Молю ти ся, госпоже, пусти мя для Бога, хощу тебѣ всю тайну изъявити!"

Она же пусти его, и рече ей рыцарь: „О милосердная госпоже, прощу у тебя думы, злодѣя моего с виселицы без меня украли, а уставъ градцкий сама вѣдаешъ, что въ его мѣсто меня самого повѣсятъ. Ты же, о госпоже, Бога ради, помози ми, какъ избыти сия бѣды!"

Она же рече ему: „Брате, жаль тебя, что еси главу свою потерялъ, аще ли здѣлаешъ по моему совѣту, и ты избудеши смерти, не потеряешъ живота своего".

Он же рече: „О любимая, все сотворю по твоему велѣнию!" Она же рече ему: „Аще ли поимешъ меня в жену себѣ?" Он же рече: „Азъ зело радъ тому видети такову твою ласку к себѣ, что мене, убогово рыцаря, хощеши имѣти в мужа".

Она же рече ему: „Ничим тебя избавити могу, токмо своимъ мужемъ, ты же убо его возми повѣси в мѣсто злодѣя". И ста копать, и взяша мертваго из гроба.

Рыцарь же рече: „У того злодѣя были раны, глаза оба выколоты да зубы выбиты, любо его осмотрятъ".

Она же рече ему: „Возми камень да выбей зубы". Он же рече: „Да мне не подобает у мертвого того дѣлати". Она же взем камень и выби у него зубы, и глаза выколупа, и рече ему: „Возми и повѣси в мѣсто злодѣя". Рыцарь же рече ей: „Еще того боюся, тот злодей имѣлъ у собя три раны на главе сабелных да срамный уд вырезанъ". Она же рече ему: „Возми саблю да сѣки и срамный уд у него вырежи". Он же рече ей: „Не подобаетъ намъ, рыцаремъ, дѣлати того!"

Она же рече: „Не видахъ убо такова тороплива[1], каковъ ты", — и земъ мечъ, и нача сещи мертваго мужа своего, и срамный удъ у него выреза, и рече ему: „Иди и повѣси его в мѣсто злодѣя!"

Он же взем его и отнесе до его родителей. Наутрие же пришедше приятели и яша ю, и гробъ раскопавше, и не обретше мертваго, и изведше, и казниша ю».

[1] пугливого.

И сия рекъ, мудрецъ возгласи: «Разумѣеши ли, о господарю, цысарю, еже ти изрекохъ?» Он же рече: «О такове есми злѣ жене не слышахъ», — и паки рече: «О любезный ми мудрецъ, аще бы услышахъ сына своего глаголюща, зело убо быхъ возрадовался!»

Мудрецъ же рече ему: «О великий господарю, заутра сына своего услышиши глаголюща с собою и собесѣдующа».

По сем же мудрецы вся соидошася на едино мѣсто и начаша думати о приезде цысаревича ко отцу, и воспросиша его, уже ли можетъ со отцемъ глаголати и собесѣдовати. Он же рече имъ: «Приде убо и приспе часъ, да вся возможно будутъ».

По сем же мудрецы облекоша его во многоценныя порты[1] и начаша строити путь его и учрежати чины пред нимъ, убо поѣхаша два мудреца, а за нимъ три мудреца, обе же полы странъ — два мудреца. И повелѣша в трубы трубити и в тимпаны бити, и в ыные во многоразличныя игры играти, и поѣхаша к цысарю с великимъ веселиемъ. Людие же все слышаше и видеша, и дивишася, и с веселием и с радостию премногою идяху вослѣдъ его з женами и з дѣтми, и бѣ видѣти изрядно.

Во утрие же день услыша цысарь различное веселие, много различныхъ игръ ликования, и рече своим: «Си что еже такое веселие и игры?» Они же рѣша ему: «Сего ли не вѣси, господарю, еже сынъ твой к тебѣ грядетъ, хощетъ к тебѣ пред всѣми паны рады твоея глаголати и собесѣдовати тебѣ!»

Вшедшу же Диоклитияну в полату, рече отцу своему: «Много лѣта, о преславный, превеликий, пресвѣтлый господарю мой драгий отче, яснейши цысарю!» Сия же слышавъ, отецъ от радости не возможе стояти, на землю уклонися, егда же воста, сын его учал многие рѣчи говорити, да невозможно было у него слышати много множества рады людей. Цысарь же повелѣ за полатою злато сыпати да обратятся людие на злато, потом же повелѣ имъ претити смертию да умолкнутъ. Бывшу же молчанию, рече же Диоклитиянъ отцу своему: «О пресвѣтлый господарю мой отче яснѣйши и цысарю, молю тя, господаря моего, и прошу у тебя, повели убо притти к себѣ матери моей, а своей семье, со всѣми паньями, да не останетца ни едина».

Цысарь же повелѣ цысареве приити, и приде кручиновата и сяде подле цысаря. Диоклитиян, возрѣвъ на едину от девъ, и рече отцу своему, показуя перстомъ: «Зри, отче, сия убо дѣва прекрасна и доброродна есть». Цысарь же рече: «Тако, сыну». Диоклитиян же паки рече ко отцу: «Слыши, отче, и смотри правды матери моея, азъ убо ради ея седмью был у виселицы. Нынѣ же повели с тое дѣвы платье снять, и узриши, какие девицы она у собя держитъ».

Цысарь же рече: «Срамно, сыну, и поносно[2], еже дѣва обнажити». Диоклитиян же рече: «Не дѣва убо, отче, есть, но отрокъ». Цысарь же, слышавъ, по-

[1] одежды; [2] оскорбительно.

велѣ с неѣ платье снять, егда же ея розболокоша, и се обретеся юноша, а не дѣва, естество имѣя мужъское велие зело, имже мачесе его возжделение плотцкое, разжение похотное утоляше и любоблудное хотѣние услажаше.

И рече Диоклитиянъ: «Видиши ли, отче, егоже твоя цысарева, а моя мачеха, паче тебѣ любляше и любодѣйство с нимъ творяще».

Цысарь же, видевъ сие, еже сынъ ему истинну изъяви, и зело возъярися, еже и зрѣнию во очесехъ его пременитися, и повелѣ ея и съ юношею казнити.

Диоклитиян же рече: «Пожди, отче, доколе ся мы с нею оправдаем!»

Цысарь же рече: «О любезный сыну, что убо требовати коего обличения болши того, нѣсть убо премудра в человѣцех, подобна тебѣ!»

Диоклитиян же рече: «Отче, егда мя приведе мати моя к собѣ в комнату, и посади мя на постели, и нача ми глаголати о грѣшномъ дѣле, аз же на то не произволихъ. Она же, видев мя на еѣ хотение не уклонна, и своими рукама ободра на собѣ платье, и лице сие окровави, и искуса себя зубомъ».

Слышав же сие цысарь, и нача на неѣ аки лев взирати, и рече к ней: «О проклятая и блядемъ приплетеная, еще убо тебѣ было мало блудодѣйства с симъ любодѣицею, хотела еси сына моего привести к такому скверному дѣлу!»

Цысарева же, увидев свой грѣхъ и обличение, и паде цысарю и Диоклитияну на нозѣ, плача и прося милости.

Цысарь же речей ей: «Подобна[1] еси тремъ смертемъ, а не одной. Первое — ложе мое оскверни, чюжеложество сотвори. Второе — сына ж моего хотѣ привести к скверному беззаконию. Третьеѣ — хотѣ сына моего ложными словесы и притчами смерти предати. Таковое тебѣ милосердие от меня будетъ!»

Диоклитиян же рече: «Добро есть, милостивый отче, азъ быхъ ея милосердиемъ по всякой день веденъ на смерть, да Богъ ми дастъ мудрецевъ, еже мя избавляху от смерти. Ты же мя хотѣ по еѣ ложному речению казнити, а мнѣ бы за моя грѣхи такъ ся и учинило, как оному рыцарю, еже вкину сына своего в море, той же сынъ отца своего и матерь имѣ в великой чести и радости».

Цысарь же рече: «О любезный мой сыну Диоклитияне, благословенъ день той и часъ, дондеже ты зачася и дондеже родися, нынѣ же молю тя, повѣждь ми сию повѣсть!»

Повѣсть Диоклитияна о дву слугахъ цысарскихъ и о Александре и о Лодвике

Диоклитиян же нача глаголати: «Слыши, предрагий мой отче, бысть нѣкий рыцарь, имѣ у собя единого сына именем Александра, и даде его нѣкоему мудрецу в научение, и бѣ во училище седмь лѣтъ и извыче великой дивной премудрости.

[1] достойна.

Рыцарь же той писа ко оному мудрецу, мастеру его, листъ[1], да послетъ сына его к нему, и посла его. Егда же приѣде ко отцу, и нача его отец любити.

Бысть же единого часу отцу его сѣдящу за столомъ з женою своею, сын же его стояше пред нимъ. Бысть же у того рыцаря соловей сѣдяше в клѣтке, в окнѣ, и нача соловей воспевати красно, рыцарь же рече: „Такова воспеванья у соловья не слыхалъ!"

Сын же его рече: „Отче мой милый, аз убо сие разумѣю, еже соловѣй воспеваетъ и вѣмъ, сказати да не смѣю ради васъ". Отецъ же его рече ему: „Повѣждь ми, сыну, безъ всякого сумнѣния!" Александръ же нача сказывати: „Соловей убо воспѣваетъ о мнѣ, что есть богатыхъ людей, то все меня будутъ чтити, а ты, отецъ, на руки мнѣ будешъ воду готовити, а мати моя учнетъ мнѣ полотенце держати, придет убо таково время".

Взем же отецъ сына своего Александра и вкину в море. И приплы онъ до нѣкоего острова, аже мимо той островъ бежит корабль, корабленицы же взяша его на корабль и продаша его в далные страны нѣкоему князю.

Король же тоя области приказа паномъ рады своея, повелѣ имъ всѣмъ сьѣхатись в думу, и сьехашася. Король же нача имъ глаголати: „Прилѣтаютъ убо ко мнѣ три вороны и кричат, и убиваютця о мене, не дадяху ми к церкви итти, мнѣ же от них велия докука и сумнѣнье, понеже не могу сего разсудить. Аще хто отгонетъ ихъ кричание и бесѣду ихъ мнѣ скажетъ, учиню его у себя болшимъ человекомъ да и дочь свою единородную дам за него, и после мене будетъ сидети на моем кралевъстве".

И тут ему нихто отвѣту не даяше. Князь же той, господин Александровъ, бѣ ту же в думѣ, приѣде князь той во свой домъ кручиноватъ, и рече ему Александръ: „О господарю мой, чего ради скорбиши?" Князь же глагола ему: „Прилѣтаху ко кралю три вороны и обвивахуся об него, не дадяху ему преступить. Мы же убо не возможемъ такова человѣка сыскать, хто бы вѣдалъ ихъ бесѣду и речение ихъ, за него же бы господарь наш король вдалъ и дочъ единородную в жену".

Александръ же слышавъ сия, и иде ко кралю, и рече ему: „О превеликий господарю мой, азъ бо повѣм ти вороновъ реченье еже к тебѣ, толко даждь ми, еже обѣщася". Король же рече: „Еже обѣщахся, дамъ нѣизменне!"

Еще же имъ глаголющимъ, и се прилѣтѣша три вороны, и начаша кричати, аки нѣкую жалобу испущаху ко кралю. Александръ же рече: „Слыши убо, о господарю мой, прилѣташа к тебѣ три вороны. Един — отецъ, вторая — мати, третие убо — сынъ ихъ. Муж з женою о сыне между собою спирахуся, а просятъ у тебя розсуждения, дабы ты ихъ розсудилъ, хто имѣетъ молодымъ вороном владѣти, понеже отец его добыл и кормилъ, а мать родила, по рожении муку велику претерпѣла, да его, сына своего, покинула, а не кормила".

[1] письмо.

Король же выставя окончину, и рече к нимъ: „Слышите убо, враны! Понеже ты, мати, его покинула, то и веселие свое изгубила, а отецъ голодъ имѣлъ, а сына своего кормилъ, и воронетку жити со отцомъ, а не с матерью", — и отрече им судъ свой кралевъской. Слышавше же враны кралевъское судное отречение, и воскричаше вельми, и полетѣша прочъ, и потом ихъ не видѣша в томъ кралевъстве.

Краль же рече Александру: „Како убо есть имя твое?" Он же рече ему: „Имя ми есть Александръ". Краль же рече: „О чадо, отнынѣ тобѣ приказываю, иного никого отцемъ не зови, кроме меня! Дам же тебѣ и дщерь свою единочадну в жену, и по моей смерти кралемъ будеши во Египте". И приказа всѣмъ людемъ Александра звати своим сыномъ.

И живе Александръ много лѣтъ, и у краля, и у всѣхъ людей бѣ честенъ, и нача быти славенъ рыцарь, и уристание многое творяше, и не бѣ такова рыцаря, кий бы со Александромъ бился или кто с нимъ мудростию зговорилъ.

По днехъ же нѣкихъ прииде Александръ ко кралю и рече ему: „О всесвѣтлый господарю мой, слышу убо о нѣкоемъ цысаре именем Цылеусе, еже всехъ кралей всего свѣта мудростию и разумом превзыде. Сего ради во всемъ свѣте слава его слышитца, иже хто хощетъ добрых обычаев у него научитца и великие, и добрые, и красныя службы извыкнетъ, и злата и серебра, и камения драгаго много у него можетъ нажити. Ныне же, о господарю мой, молю тя, да повелит твоя держава мнѣ ѣхати к нему служити, да еще быхъ у него мудрости навыкъ".

Король же рече ему: „Буди, чадо, на твоей воли! Емли с собою злата и сребра, елико хощеши, да тамо с честию поживеши, заклинаю же тя, да не замедлиши там, буди ко мнѣ и поимеши дъщерь мою".

Александръ же рече ему: „О великий господарю мой, пожди мало, егда ся возврачю, тогда дщерь твою с великою честию поиму!" И поклонися кралю, иде и, собрався со учреждениемъ, поеде.

Доехавшу же ему града оного, идеже цысарь онъ живяше, и нача толкати во врата градные, повѣдаша же о немъ цысарю. Цысарь же повелѣ его во град пустити. Александръ же поѣде к цысарьскому двору людно и чесно, бѣ видѣти учрежение его изрядное. Егда же прииде к цысарю, поклонися ему, якоже обычай есть царемъ челомъ ударити. Цысарю же воставшу с мѣста, и приемъ, и облобыза его, и рече ему: „Милый сыну, которое земли, и чего ради ко мнѣ ездиши?"

Александръ же рече ему: „Сынъ есми государя краля Египетцково, приехал же послужити твоему величеству, слышавъ твою ласку и жалованье".

Цысарь же его пожалова, и повелѣ ему у собя быть в кравчихъ,* и оттоле моршалкомъ назва его для своего обычая и двора. Александръ же таковъ бѣ мудрецъ, иже ото всехъ любимъ.

По нем же приеде борзо сынъ короля Израительсково имянемъ Лодвикъ цысарю служити.

Цысарь же его с честию приня и воспроси имени его, и родства, и кия земля. Он же рече ему: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же вашъ". Цысарь же рече: „Александра убо учиних у собя *кравчимъ*, ты же буди у меня *чашникъ*",* — и даде ему дворъ со Александромъ.

Бяху же Александръ и Лодвикъ лицемъ и возрастом, и власы, и глазы приличны другъ другу, и в молвехъ, и в речехъ — во всемъ приличны, токмо мудростью другъ от друга различни, и между собою велми любляхуся. Александръ же бяше зело моченъ, а Лодвикъ младъ и не мощенъ, токмо в томъ разньство межъ ими бяше.

Цысарь же имяше у себя дщерь единочадну, имянемъ Фларенту, зело еѣ любяше, понеже лѣпа бѣ. Цысарь же на всякъ день, на исходѣ стола своего, посылая съ ѣствою Александра, цысаревна же Александра видевъ, зело его любяше и хотѣ себѣ его имѣти мужем, понеже бяше храбръ и мудръ.

Случи же ся нѣкогда, единого дне Александру сотворше пир на свою братью, Лодвику же приказа, чтобы про него сказал цысарю немочна. Лодвик же, приѣхав к цысарю, и ста на Александрове мѣсте, и учалъ цысарю ѣсти готовити, назва ся Александромъ. Лодвика же сказавъ немочна, понеже никаков человѣкъ во обличье их не могъ познати, кое — Александръ, и кое — Лодвикъ.

У цысаря же, егда стол исхожаше, рече Лодвику, мня его Александра суща: „Милый сыну Александре, иди отнеси от мене еству дочере моей!"

Лодвик же цысаревны преже того николи не видаше, и вниде к ней в полату, и поклонися, и вдастъ ей ѣству от цысаря, отца ея. Увидев же его, цысаревна и позна, иже не Александръ бѣ, и рече ему: „Како есть имя твое и чий еси сынъ?"

Он же рече ей: „Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же цысарьской, отца твоего". Она же рече: „Добре, иди в покои и бей челомъ отцу моему". Лодвик же поклонивъся и иде.

И от того часу рознемогся и легъ на ложи своемъ зело немощенъ. Слышав же се Александръ, иде к нему, он же рече: „Не могу, не вѣмъ, не умру ли". Александръ же рече: „Что ти есть болѣзнь?" Лодвик же рече: „Не вѣмъ". Александръ же рече: „Аз убо болѣзнь твою и немощь достаточно вѣмъ: носил еси ѣству от цысаря к цысаревне и видѣлъ еси еѣ красоту и обличие, сего ради сердце твое возжелѣниемъ преболѣ, то есть и немощъ твоя!"

Лодвик же рече: „О любезный ми брате Александре, все бы дохтуры моей болѣзни не узнали, еже ты узнал, да не токмо ми болѣзнь, но и смерть будетъ!"

Рече же ему Александръ: „Будеши здравъ, азъ ти помогу, да не умреши тоя ради болѣзни". Изыде же от него и иде до мѣста, и купи рукомой, златомъ ученѐнъ з драгимъ камениемъ, без Людвикова вѣдома и шедъ, дарова имъ от Лодвика цысаревну. Цысаревна же видѣвъ, рече: „Александре, гдѣ могъ такий рукомой драгий взяти, и чего ради им дарова мя?" Александръ же рече: „О пре-

красная господарыни цысаревна, Лодвикъ всего имѣетъ доволно, а еже испытуеши, чего ради даровах ти, се убо мимо мене. Вѣси, виде тобя Лодвикъ, твоея ради красоты и не можетъ живъ быти, нынѣ убо лежитъ болѣзнию тяжьце одержимъ, ожидая смерти. Аще ли Лодвикъ умрет, то будеши виновна смерти его, нынѣ же реку тебѣ, хоти мало утѣши его!"

Она же рече: „Александре, хощеш мнѣ изменити, еже бы азъ на то произволила, и впредь такие рѣчи не хощу от тебя слышати!"

Александръ же слышавъ то, поклонися ей и отиде от нея. Заутра же иде в торгъ без Лодвикова же вѣдома и купи зерцало драго, драгимъ камением вдвое дражае первого дару, и иде к цысаревне, и дарова имъ ея от Лодвика.

Цысаревна же, видѣвъ зерцало изящно и драго, повелѣ его приняти, и рече ему: „Дивлюся тобѣ, Александре, иже ты боле меня часто видал, а от себя слова ни единого не говаривал!" Александръ же рече: „О прекрасная государыня цысаревна, мнѣ убо не учинися такая притча, какъ ему, кто же у себѣ имѣетъ друга, и онъ любитъ его, аки самъ себѣ. Нынѣ же господарыни моя, Бога ради, молю тя, не дай ему изгнути и скончатися смертию!" Цысаревна же рече ему: „Иди от мене прочъ, болши того не услышишъ от мене!"

Александръ же изыде от нея, и во утрие иде в торгъ и купи дар дражае — скрыпку злату со многоразличным драгимъ многоцѣннымъ камениемъ, и иде к цысаревне, и дарова ей от Лодвика, Лодьвик же отнюдь всего того не вѣдаше.

Цысаревна же видевъ драгий даръ, и приемъ дар, и рече Александру: „О Александре, рцы Лодвику, да мене аще убо есть зелне желаетъ, то придетъ и узритъ двери отперты, и внидетъ невозбранно".

Сия же слышавъ, Александръ зело возвеселися, еже получи желаемое, и борзо иде к Лодвику, и рече ему: „О милый мой брате, буди весел, азъ убо добыхъ тобѣ милость у цысаревны, аще ли хощеши, иди к ней, готова ти есть к твоей воли!"

Си же слышавъ, Лодвикъ яко от великого сну пробудися и воставъ здрав, и нощию иде к цысаревне, и спа с нею.

И от тѣхъ мѣстъ случилася душа Лодвикова со Алексанъдромъ, одна любовь бысть межъ ими. Лодвик же часто хожаше к цысаревне. Довѣдаху же ся сего дворяне, што цысаревна бываетъ с Лодвикомъ, и отобрався рыцари, сташа, наредяся, на дороге стрещи, иже бы Лодвика в нощи убити.

Слышав же сия Алексанъдръ, нарядяся с своими товарыщи, и ста з другие стороны наготове, и изби неприятелей Лодвиковыхъ, и везде Александръ за Лодвика голову свою складываше, иного и Лодвикъ не вѣдалъ, а ведала все то цысаревна.

По днехъ же нѣкихъ прииде ко Александру листъ о смерти краля Египетцкого, нарекомаго отца его, дабы Александръ скоро ѣхалъ и кралевство принял, и о семъ цысаревне и Лодвику сказаша, они же, слышавше то, зело смутишася.

Приде же Александръ к цысарю и глагола ему: „Милостивый цысарю, се убо листъ приде ко мнѣ о смерти отца моего, нынѣ же прошу у тебя твоея милости, отпусти мя, да еду ко отцу моему". Цысарь же рече ему: „Зело жалую тебя, о Александре, еже едеши от мене, понеже никово такова мудра к своему обычаю не имѣю. Нынѣ же ѣди с Богомъ, а злата елико хощеши от казны моея емли с собою!"

Александръ же поклонися ему и поеде, мнози убо по немъ плакахуся, понеже любляху его зело. Фларента же цысаревна велми плакася и рече Лодвику: „О милый мой Лодвикъ, Александръ, друг нашъ, отъедетъ, ты же имаши неутешно плакати, понеже втораго себѣ Александра не обрящеши такова, Алексанъдромъ убо меня достиглъ еси, и противъ твоихъ неприятелей Александръ за тебѣ главу свою складывалъ". И плакав Фларенъта много, объемъ Александра, и целова, и умилно глаголаше: „О любезный цвѣте очию моею, Александре, уже к тому надежды не имамъ очей твоих видети!" Сия и ина много изглагола в собѣ многими слезами, отпусти его, Лодвик же провожаше его седмь дний и много плакася о семъ. Александръ же рече ему: „О любезный ми друже, не плачися, понеже еду во Египетъ коруновати и кралевъство принять, а тобѣ буди со Фларентою Божья помощь, но едину ти рече исповѣмъ: по четырех лѣтехъ сын краля шпаньского, имянемъ Сидонъ, увѣсть бо о моемъ отѣзде и тогда приедет служити к цысарю, и будет ему мил, и егда увѣсть, что ты Фларенте дѣвъство растлилъ, тогда от него злою смертию умреши!"

Лодвик же рече: „Александре, надежа души моей, бѣда ми твое отѣханье, имѣю у собя единъ драгий камень, его же мати моя дарова ми, молю тя, приими его на воспоминание любви, понеже вдѣланъ в злате перстьне, и возложи его на руку!"

И целоваста другъ друга, и розѣхастася — Александръ во Египетъ, Лодвикъ же к цысарю и ко Фларенте.

Потом же скоро услыша Сидон, сынъ краля шпанъского, иже Александръ отъехалъ от цысаря, и еде Сидонъ к цысарю служити, и проси у него службы. Цысарь же рече ему: „Милый ми сыну, бысть преже тобѣ у мене Александръ, иже нынѣ краль во Египте, азъ убо его зело любяхъ, стоя у стола моего, кроя хлѣбъ, нынѣ же ты буди въ его мѣсто". Повелѣ моршалку дати ему мѣсто Александрово и поставиша его с Лодвикомъ на едином дворе, идѣ же Александръ стояше. Лодвику же не хотѣвшу Сидона во дворъ пустити, и не возможе, Сидонъ же на Лодвика ненависть восприимъ, Лодвикъ же нача боятися Сидона, и не нача к цысаревне ходити, Сидон же довѣдался истинно, что цысаревна с Лодвикомъ дѣвъство свое разруши.

И во едину же от дней цысарь стоя в полате своей и хваля доброту Александрову, Сидон же слышавъ и рече цысарю: „О господарю мой великий, не хвали его, понеже Александръ — твой изменникъ!" Цысарь же рече ему: „Повѣждь ми, о Сидоне, кимъ обычаем?"

Сидонъ же речу ему: „Едину у себя имѣеши дщерь, ейже Лодвикъ по Александрову сведенью дѣвъство растли, и хожаше к ней!"

Цысарь же, слышавъ сие, и разгнѣвася вельми, аже вниде Лодъвикъ в полату к цысарю, цысарь же, призвав Лодвика, рече ему: „Что се, еже слышу от Сидона на тебя? Аще ли правда, то борзо от мене злою смертию умреши!"

Лодвик же рече ему: „Не вѣмъ, господарю мой великий, и не виненъ тому, еже Сидонъ тобѣ на меня лжетъ и клевещетъ!"

Сидон же рече Лодвику: „Аз на тя сказахъ господарю моему цысарю правду, а не лжу, за свою правду готовъ с тобою на срокъ битися!"

Лодвикъ же рече: „Азъ за то с тобою готовъ дратися, и за ложъ твою хощу главу стяти!"

Цысарь же учини имъ срокъ день битве, и разыдошася. Лодвик же шедъ к цысаревне и рече: „О милая цысаревна, уже бо аз нынѣ сын смерти! Еже Александръ рече, тако и сталось, Сидонъ оклеветалъ меня и тебя цысарю, отцу твоему, еже азъ тобѣ девъство растлихъ. Отецъ же твой зело разгнѣвася и учини нам день — срокъ битве. Аз же с нимъ не могу битися, вѣмъ, что борзо убьетъ меня, убо онъ мужъ в збруе убранъ и мочен, кромѣ Александра инъ не можетъ таковъ быти моченъ". И нача плакати.

Цысаревна же рече ему: „Не плачи, учини се, еже азъ тобѣ совѣтую, иди борзо к цысарю, отцу моему, и реки ему, иже от отца твоего к тебѣ листъ пришел, что отецъ твой лежитъ на смертной постеле, и проси ся, иже бы тя отпустилъ отца навестити, а день бы битве отсрочилъ. И егда цысарь тя отпустит, ты же борзо поѣди ко кралю Александру и проси у него милости, дабы онъ в остатьней потребѣ тобѣ помогъ, приехав за тобя с Сидономъ ся билъ, вѣмъ убо, что оба вы сличны, опроче меня никто вас не познаетъ. Аще ли се сотвориши, можеши смерти уитти и честь свою взяти.

Лодвик же рече: „Добръ убо совѣтъ твой, милая ми Фларента, но не вѣмъ, поѣдет ли Александръ, оставя кралевство".

Фларента же рече: „Вѣмъ, яко Александръ не отречется, имѣю надежу, что учинит".

Лодвик же, дряхлъ, шед к цысарю и падъ пред нимъ, просяся у него, иже бы его отпустилъ отца навѣстить, а день битве отсрочил. Цысарь же рече: „Отпущу тя, токмо приедеши ли к битве? Аще ли не приѣдеши, вѣдомо буди тобѣ, всяко главу свою погубиши и не возможеши гонзнути[1] меча моего!"

Лодвикъ же обѣщася и кляся много, ако да приспѣетъ на уреченный срокъ, цысарь же отпусти его. Он же, вседъ на борзый конь, и еде во Египетъ спѣшно днемъ и нощию, достиже убо Египта, и повѣдаша о немъ Алексанъдру.

Александръ слышавъ, и возвеселися, и выеде противъ его, и стрете[2], и объемъ, целова его. Лодвик же рече ко Александру: „О господарю мой, брате

[1] избежать; [2] встретил.

милый, сказую ти, се убо ми животъ и смерть в твоей руце есть! Якоже ты мнѣ повѣдал о Сидоне, то все надо мною исполнилося, оказал меня и тебя, и Фларенту цысарю Сидонъ, и похвалися того ради со мною битися. Ты же убо, господарю мой, вѣси, якоже онъ мощенъ, аз же млад. Фларента же повелѣ ми к тебѣ ехати о спроможении, яко чает твоея милости. Аще ли не поможеши ми, и аз буду сынъ смерти!"

Александръ же рече: „Отъеханья твоего, кромѣ Фларенты, кто не вѣдаетъ ли?" Лодвик же рече: „Никто не вѣдаетъ, взяхъ отпущение от цысаря навѣстити отца моего немощна, и се к тебѣ приѣхавъ". И се рекши, пад пред ногами его и нача плакати.

Краль же Александръ подня его з земли и рече ему: „Повѣждь ми, любезне, коего дни битися имате?" Он же день сказа ему. Александръ же рече ему: „На той день не мощно ми приспѣти к битве, занеже утре имамъ за себя поняти кралевну, и все панове со мною будутъ на браце. А ты, аще на тот день к битве не поспѣешъ, и за то тебѣ бити казнену, и азъ бракъ оставлю, нежели тебя смертно учинити, ты же учини, еже ти прикажу. Аз поеду к сроку на день битвы, а ты в мое мѣсто во Египте буди кралемъ, вѣмъ убо, что никто тя не познаетъ, за наше приличие глаголютъ тя мною, Александром, и в мое мѣсто поими жену мою и исправляй, яко краль, егда же придеши на ложе з женою моею, буди ми вѣренъ и не коснися ея". И сия рекъ, Александръ всѣдъ на конь и ѣде к цысарю в мѣсто Лодвика нощию. Лодвик же в заутрие, яко краль обрѣтеся Александръ, никто его не позна, и поня жену Александрову, кралевну сущу, и велий бракъ учини. И вниде на ложе Лодвикъ и кралева, Лодвик же вся мечъ обнаженъ и положи межу собою и кралевою, чтобы тѣло его не дотыкалося кралевы тѣла. Кралева же тому нача дивитися, а ничего не изрече. И тѣмъ обычаем спаху межъ собою и до краля Александра.

Егда же Александръ приеде к цысарю в мѣсто Лодвика, и рече цысарю: „О великий господарю, отца своего азъ оставихъ зело болна, а на день сроку приехал". Цысарь же рече ему: „Вѣрно еси учинил, к чести своей". Цесаревна же, слышавъ о его приезде, зело возвеселися и посла по него тайно. Егда же узрѣ его, и целова его, любезно рече: „Благословенъ есть день той, в он же ся ты роди! Повѣжъ ми, гдѣ еси оставилъ Лодвика".

Александръ же вся по ряду исповѣда ей, иде в домъ Лодвиков, и никто его не позна, кромѣ Фларенты, что не Лодвикъ.

Заутра же прииде срокъ битве, и рече Александръ Сидону предъ цысаремъ: „Слышиши, Сидоне, понеже мя еси оклеветал лживо господарю моему цысарю, аз же хощу за се тебѣ мстити, или самъ почесно умру!" Сидон же рече ему: „Азъ на тобѣ своея правды взыщу!" И сия рекше, всѣдоша оба на кони, начаша зелне битися и бишася весь день от утра и до вечера, и поможе Богъ Александру, ссече главу Сидону и отнесе ея к цысаревне. Цысаревна же, веземъ главу с великим веселиемъ, несе ко отцу своему и рече: „Возми главу того, кто мя

осрами и тобѣ лживо оклевета, и мнѣ вдай того в мужа, которой за мя умер и за мою срамоту невинную".

Цысарь же рече ей: „Буди в твоей воли!" Цысаревна же, слышав сия от отца своего, зело возвеселися. И видев же цысарь витязство Лодвиково, и возва к себѣ Александра, мнѣвъ его Лодвика, и рече ему: „О милый мой Лодвику, се бо еси избавил себѣ и дщерь мою от срамоты и исправил еси честь мою вѣчную, и отнынѣ будеши ми мил, и дамъ ти в жену дщерь мою, и будеши по мнѣ на моемъ мѣсте цысарем!"

Александръ же рече: „Господь на небесехъ то избавляетъ надѣющася на нь, и еже ти годно, господарю, буди на твою волю, но единыя прошу у тебя милости! Отецъ мой остался немощенъ, мене же отпусти для битвы, нынѣ же отпусти мя к нему, благословение бы взях от него, и приеду к твоей к цысарской милости скоро".

Цысарь же отпусти его и рече ему: „Борзо приѣди ко мнѣ!" Александръ же поклонися ему и поѣде, и приеде в свое кралевство. Сказаша же о немъ Лодвику, слышав же Лодвикъ, и возвеселися, и еде, и стрете его, и объемъ, и облобыза его, спрашивая о здравии. Александръ же сказа ему все по ряду, како Сидону главу оття и какъ за него цысарь обѣщася дщерь свою вдати в жену. Лодвик же рече: „О милый господарю мой, Александре, не единъ день животъ мой избавляеши от смерти, но многи годы! Что же ти имамъ воздати?" Александръ же рече: „Поеди з Богомъ и служи цысарю, и поими дочъ его, цысаревну!" Лодвик же поклонився Александру и поеде к цысарю в ночи, а краль Александръ остался, иже нигдѣ не бывалъ.

Егда убо приде нощъ, Александръ, пришедъ на ложе с кралевою, учалъ с нею говорити и объемъ, нача ю целовати. Она же рече ему: „Ужели приде намъ часъ любви?" Он же рече ей: „Что глаголеши?" Она же рече ему: „Отнеле же еси понялъ мя, на всякую нощъ клалъ мечъ нагъ между собою и мною, иже бы тѣло твое не дотыкалося моего тѣла". Александръ уразумѣ, иже Лодвикъ ему бысть вѣренъ, и рече: „О любезная ми, не чиних азъ того твоего ради зла, провѣдываю твоего крѣпкаго прирожения[1]. Нынѣ же хощу тя жаловати и любити!" Кралева же сама в себѣ помысли: „Еже ты ми сотвори, азъ тобѣ то же учиню!"

И от тѣхъ мѣстъ нача любити нѣкоего рыцаря, и нача с нимъ мыслити, како бы убити краля Александра или окормити его смертоносным ядомъ. И во едину от дней вдастъ она Александру зол ядъ пити. Алексанъдръ же нача пухнути и отрудовател[2], жена же его, кралева, рече гражаномъ: „Видите, яко краль мой трудоватъ, не может кралевства держать, вы же изрините[3] его ис кралевства!" И помале изринуша Александра от кралевъства.

Лодвик же, приѣхав к цысарю, и женися на цысаревне, потомъ же цысаря не стало, и Лодвикъ сяде на цысарьствѣ в Римѣ и кралевствова.

---

[1] близости; [2] заболел; [3] изгоните.

Краль же Александръ по изриновении от кралевства слышав еже о Лодвике и помысли в себѣ: „Аз убо з государства согнанъ, Лодвикъ же цысарем в Риме и кралем во Израили". И обрѣте нѣкоего боголюбива суща, иже отвезе его к цысарю Лодвику.

Приде же до дверей полатныхъ, и се с одну страну сѣдяще трудоватые, а з другую же — цысаревы мужи, Александръ же сяде с трудоватыми. Цысареви же ходяху и минувшу их, Александръ прошаше у него милостыня, он же не вдастъ ему ничего. Егда же приде часъ стола его, цысарь сяде за стол, а краль Александръ нача молити придверника, глагола ему: „Молю тя, единого прошу у тебя для Бога и для Египетцкого краля Александра, повѣждь мя цысарю, дабы мя пусти к себѣ и велѣлъ ми дати ясти!"

Придверник же рече ему: „Дивлюся тобѣ, иже хощеши внити в полату къ господарю нашему цысарю, вѣмъ бо двор его полон есть великихъ честныхъ панов, и егда тя узрят такова трудовата, и возгнушаются тобою. Аще ли мя молиши Бога ради, не обленюся, повѣмъ про тебя цысарю!" И шедъ к цысарю, рече: „У вратъ есть нѣкто трудоватъ, просит твоея милости для Бога и для Египетъцкого краля Александра, еже бы предъ тебя вшелъ и сел на земли ясти". Цысарь же Лодвикъ, слышавъ то, иже помяну Египетцкого краля Александра, возбнувъ[1] и рече: „Введи его сѣмо, да ѣстъ предо мною!" И введъ его придверник пред цысаря, и посади на землю, и дастъ ему ясти.

Призвав Александръ единого от слугъ цысарьскихъ и рече ему: „Господарю мой, иди к цысарю и рцы ему: «Убогий азъ, для Бога и для Египетъцкого краля Александра, прошу его милости, иже бы аз напился ис того кубка, ис которово онъ самъ пьетъ»". Слуга же рече ему: „Что глаголеши, трудовате, егда изопьеши ис цысарского кубка, потом впред ис того кубка цысарю не мочно пити, но Бога ради все то учиню". И, шед к цысарю, рече ему: „Милостивый цысарю, остави ми, что изглаголю, понеже онъ, трудоватый, иже сидитъ пред тобою, просит для Бога и для Египетъцкого краля Александра твоея милости, иже бы ему пити ис того кубка, ис которого ты пьешъ".

Цысарь же паки воспомяну краля Александра свѣтлымъ лицемъ и рече слузѣ своему: „Дай ему моего вина пити, которое аз пью, из моего кубка, для Бога и для краля Александра!" Слуга же наливъ кубокъ и несе к трудоватому. Краль же Александръ выпи и положи в кубокъ перстень з драгимъ камениемъ, иже ему дал Лодвикъ на воспоминанье любви и рече слузѣ: „О господарю, иди и вдай кубок и перьстень господарю цысарю!" Слуга же кубокъ и перьстень вдастъ господарю своему цысарю. Цысарь же видѣвъ перстень и позна и, еже вдастъ его кралю Александру на воспоминанье любви, и позыбася[2] в нем нутреняя его, помысли во серцы своемъ: „Любо краль Александръ умретъ, той же трудоватый украде у него перстень", — и повелѣ трудоватого

[1] вздрогнул; [2] задрожало, заволновалось.

стрѣщи, дабы ис полаты не вышел. „Аще ли упустиши, то живот свой изгубиши!"

Егда же бѣ после стола, призвавъ цысарь трудоватого к себѣ наедине и рече ему: „Повѣждь ми, о трудовате, гдѣ еси тотъ перстень взял". Александръ же рече: „Господарю цысарю, али ты знаеши тот перстень?" Цысарь же рече ему: „Зело знаю, понеже мой есть, вдах убо его любимому си кралю Александру на воспоминанье любви!"

Трудоватый же рече: „Правду убо глаголеши, о цысарю, еже ми еси вдал перстень сий, аз убо Александръ". Цысарь же, слышав сия, едва проглагола и от жалости паде на землю, и издра на собѣ одѣяние цесарское, и плакася зелно, и рече: „О милый Александре, опор и надежа души моей, и кимъ обычаемъ таково тебѣ случися?" Александръ же вся по ряду сказа ему, како возненавиде его кралева и чюжеложство сотвори, и как зельемъ его опои, и ста трудоват, и как с кралевства согнаша его. Цысарь же, слышавъ сие, востав облобыза его и рече ему: „Жаль ми тя, надежа души моей, уне бы умер за тя, неже бы могъ срама терпѣти! Пошлю же по наученныя лекари, иже бы тя уздравили, ты же, милый Александре, никому ся не объявляй, моея ради цысаревы, вѣмъ яко, аще тя увидитъ, не может жива быти". Вдастъ же ему полату особную и всякие потребы повелѣ ему готовити, розосла же по всѣмъ странамъ искати мудрых лекарей, иже бы вборзе приехали. И единого же месяца сьѣхашася 30 лекарей наученных. Цысарь же, видѣвъ их, обвеселися и рече: „О изящные лекари, имѣю убо у собя приятеля, пораженного трудомъ[1], можете ли его уздравити, и велику мзду от царствия моего приимитѣ!" Они же рѣша: „О великий господарю, аже будет подобно что, и мы учинимъ". Егда же воду его осмотрѣша, и рекоша цысарю: „Невозможно намъ его есть уздравити".

Цысарь же, слышавъ сия, вельми смутися и повелѣ звати убогих и законников[2], иже бы ся о немъ молили, а самъ цысарь таково же уклонися на молитву и постився доволно просяще, иже бы Господь дал здравие королю Александру, Александръ по тому же моляся и постяся. Во едину же от нощей стоящу Александру на молитвѣ, и се глас бысть с небеси, глаголя: „Аще ли цысарь Лодвикъ убъетъ своих пятеро сыновъ своима рукама и кровь их источитъ, и тою их кровью обмыетъ тебя, тогда будет плоть твоя чиста, [3]яко отрочате млада[3]. Александръ же, услышав сия, и рече в себѣ: „Непотребно и негодно того слова никому объявити, кто есть таков, иже бы сына своего единого убилъ, а мене очистилъ от труда, нежели пяти сыновъ убити". И не повѣда того никому. Цысарь же Лодвикъ бес престани, день и нощъ, плакася и моляся Богу о здравии Александрове. Во едину же от дней стоящу ему на молитвѣ и молящуся со слезами, и се глас бысть с небеси, глаголя: „Что убо плачеши и молишися о Александре, вѣсть убо Александръ самъ про себя, чемъ можетъ быти уздравленъ". Цысарь же слы-

---

[1] тяжкой болезнью; [2] здесь: монахов; [3—3] как у младенца.

шавъ, и иде ко Александру, и рече ему: „О милый Александре, надежа души моей, что твориши, вѣдаеши своему уздравлению исцеление, а не повѣдаеши мнѣ! Вѣмъ, яко ты от мене преже ничего не таил, нынѣ же что твориши, повѣждь ми, от чего можеши здрав быти!"

Александръ же рече: „Не дивися, Лодвик, иже ти о уздравлении своемъ не сказахъ, понеже учинится тобѣ трудно и болѣзнено!" Цысарь же едва всяко нѣкако привѣде его на то, еже ему сказати, от чего быти ему уздравлену. Александръ же рече: „Слышах убо от Бога с небеси глас глаголющъ ми, иже бы ты пять сыновъ своих убил своими руками и мене тою кровью обмыл, и будет тѣло мое чисто, яко отрочате. Аз же не повѣдах ти сего ради, понеже невмѣстно тобѣ сего сотворити, еже побити дѣтей своих моего ради здравия". Цысарь же рече ему: „О милый Александре, что глаголеши и не имѣеши надежи, аще бы у меня и другая была пять сыновъ, аз бы всѣхъ твоего ради здравия своима рукама побил!" И нача искати подобна времяни, когда цысарева поидетъ во церковь.

Егда же цысарева поиде в церковь, цысарь же шед в полату, идѣже бяху дѣти его, и изби их, и кровь ихъ в сосуд источи, и замкну ихъ в полате, а кровь несе ко Александру. Александръ же измыся кровию, и ста тѣло его чисто, яко отрочате. Лодвик же его зело позна и целова его, и рече ему: „О милый Александре, надежа души моей, не познах тя добре, иже ты, Александръ! Благословенъ той день, в кий аз дѣти избихъ твоего ради здравия". И паки рече ему: „О милый Александре, сѣди ту дондеже Фларенту приведу к тебѣ". И шедъ в церковь обрете Фларенту и рече ей: „О любезная, повѣм ти тайну свою, токмо не закручинися". Цысарева же рече ему: „Повѣждь ми, господарю, буди воля Божия, все могу терпѣти". Лодвик же рече ей: „Видѣла ли еси оного трудоватого, кий приде оного дне и седе пред нами в полате моей и пил из моего кубка?" Она же рече: „Видехъ". И рече ей: „Онъ трудоватый — Египетъцкий краль Александръ есть, жена убо его окорми и от царьства изгна!" Слышавъ цысарева, и не возможе терпѣти, паде на землю и воскрича велиимъ гласомъ, глаголющи: „О бѣда ми, Александре, не узнахъ!" Цысарь же рече ей: „Не кручинися, еще ти повѣдаю, дохтуры и фрязове в своихъ мудрых философьях нашли, иже кровью детей наших измыти Александра, и оттого будет здрав. И нынѣ тя воспрошаю, аще ли его любиши, велиш ли для его здравия детей своихъ побити?" Она же рече ему: „О милый господарю мой, что глаголеши, аще бы и другую пять сынов имѣли мы, и мы и тѣхъ всех побили, нежели видѣти Александра такимъ трудомъ поражена. Аще ли Александръ умрет, то животъ ему не можетъ возвратитися, аще ли же дѣти мои умрутъ, и я еще млада, и ты младъ же, и дѣти у нас еще будут". Цысарь же рече: „О любезная ми, аз убо дѣтки свои побихъ, а Александра уздравих". Цысарева же рече: „Благословенъ день той, в он же еси побил дѣти наши для Александра, нынѣ же молю тя, дай ми видѣти Александра!" Цысарь же, поемъ ея, иде ко Александру. Видев же Фларента Александра и паде от радости, и бысть веселие всѣмъ людемъ.

8 Зак. № 3610

Дѣтем же своимъ цысарь повелѣ уготовати погребальная, прииде же к детемъ своимъ в полату, идѣ же бяше замъкнуты, и видѣ дѣти своя скачуща и хвалящя Бога. Егда же вниде сия во уши Фларенте и Александру и всем людем, и бысть радость велия во многи дни по всему господарьству, радующеся, хваляху и славляху Бога, показавшаго имъ таковые неизреченные чюдеса.

Потомъ Лодвикъ собра велие войско и иде во Египетъ с кралемъ Александром, и взя Египет, и изыма кралеву Александрову и съ еѣ чюжеложникомъ, и повелѣ ихъ Александръ сожещи. А за Олександра цысарь Лодвикъ вдастъ сестру свою, дѣву сущу, недругов же Алексанъдровыхъ — египетъцких радныхъ пановъ — повелѣ казнити горкою смертию, Александра же устроивъ во Египте на господарстве, иде в Римъ.

И прочее же лѣта краль Александръ в покое поживе и кралевство самодержно и мудро воздержа, и своих неприятелей всѣхъ поби. Потомъ же помысли ѣхати ко отцу своему и матере, от кого был вкинутъ в морѣ, и посла к нимъ посла своего, а велѣлъ имъ вѣстно учинити, что хощет к нимъ краль приѣхати и столовати у них. Посол же приѣде в ту страну, гдѣ кралево сродство, а не вѣсть того, что кралю они отец и мати, и пришедъ, поклонися имъ и от краля Александра рѣчъ изрече: „Господие мои, краль Александръ хощетъ к вам приѣхати и стол учинити!"

Рече же цысарь, отецъ царя Александра: „Благословенъ день той, в он же господарь мой краль хощет у мене витати[1]". Мати же кралева рече послу: „Мы убо господарне люди препростыя, не имѣемъ, чимъ почести кралевския сотворити". Посол же возъвративъся ко кралю и повѣда ему вся.

Потом же король приѣде борзо ко отцу своему с великимъ войском. Рыцарь же, отец его, изыде во стретение его и поклонися ему до земли, а не вѣсть, что сынъ его есть, егоже в море вкину. Краль же повелѣ ему возстати з земли и повелѣ сѣсти на конь, егда же приближися до града, и се мати его изыде внѣ града на стрѣтение ему и паде пред нимъ. Краль же подня ея з земли и обня ея. Она же рече ему: „О великий милостивый господарю, что твориши, кралю Александру? Се убо велия почесть нам бысть!" Егда же придет краль за стол, цысарь же приим умывалницу с водою и хочет кралеви послужити, на руки воды возлияти, мати же его приемъ, держа полотенцо. Краль же Александръ видевъ то, и усмѣхнувся, и помысли в серцы своемъ соловьево воспевание, и рече: „Се ми исполнися, отец ми и мати ко умовению рук послужиста ми", — и повелѣ слугамъ своим взяти из руки рыцаря, и полотенцо у рыцаревы. Рыцарь же рече „О великий господарю мой кралю, или не достоины мы тебѣ, господарю, послужити? Молим тя, повели нам собѣ послужити, и намъ будетъ вѣчная хвала!" Краль же рече: „Понеже есте стары, и сего ради сядите и не дѣите сего". Сяде же краль за столом и посади отца с правую сторону, а матерь ошуюю[2]. Егда же бѣ после

[1] жить; [2] слева.

стола, краль же вниде во внутреннюю комнату и повелѣ с собою внитти рыцарю и рыцареве, прочим же всѣмъ повелѣ вонъ изыти. И рече имъ краль: „О любезныя ми, повѣсте ми, сколько имѣете дѣтей?” Они же рѣша: „Не имѣемъ ни сына, ни дщери”. И паки рыцарь же рече: „Имѣли есмя сына, и той умер”. Краль же рече: „Коею смертию?” Рыцарь же рече: „Своею смертию”. Краль же рече: „Аще ли сыщу, что иною смертию умре, что сотворю вамъ за вашу лжу!” Рыцарь же рече: „О милостивый господарю кралю, чего ради испытуеши о нашемъ сыну?” Онъ же рече ему: „Хощу вѣдати, кимъ обычаемъ умре, вѣмъ, что вы его убисте!” Они же слышавше, падше на землю и начаша просити милости, глаголаста: „О великий господарю, смилуйся над нами и исповѣдуемъ ти всю истинну! Имѣхомъ убо у себѣ сына единаго, исповѣда он намъ соловъево спѣвѣнье, что ему быти велику и богату, и намъ, мнѣ и матери его, ему послужити, держати ко умыванию воду и полотенцо. Нам же учинися сие за кручину, и за то кинухом его в море”.

Краль же рече: „Что же бы в томъ злое было, еже бы се исполнилося? Была бы честь и хвала ваша. И сего ради вы пред Богом зело согрешисте, то убо видите мене, аз вашъ сынъ, его же вкинусте в море, но Богъ милосердиемъ своим из глубины морския востави мя и сотвори мя краля и господаря Египту и всей земли земли египетстей”.

Они же, слышавше сия и убояшася, и падше на землю, прошаху милости. Александръ же рече имъ: „Не боитеся, ни порока вамъ буди”, — и объемъ, целова отца и матерь, и паки рече имъ: „Идите во Египетъ да царьствуйте со мною!” И приемъ, веде их с собою с хвалою и с честью велиею зело».

И сия рек, Диоклитиянъ возгласи отцу своему цысарю: «О милый господарю мой, драгий отче, разумѣхъ ли еже ти исповѣдах? Господь ми дастъ велию хвалу и мудрость, не отнях бы аз у васъ кралевъства и не могъ васъ в нищите видети, но сице убо сотвори, якоже и онъ имѣ родители своя, от которыхъ былъ вкинутъ в море».

Цысарь же рече ему: «О любезный ми сыну, добре поразумѣхъ, еже ми глаголеши, и отселе даю ти царьство, и с тобою буду жити, понеже аз стар есмь».

Диоклитиян же рече: «Се убо, отче, нынѣ судъ свой исполни цысареве, женѣ своей».

Цысарь же вдастъ отвѣтъ и повелѣ цысареву свою и сь ѣе любохотникомъ казнити казнию: привезати к лошадемъ и роздернути, а останки, кости ихъ, повелѣ сожещи.

Сам же потомъ в борзе умре. Диоклитиянъ же сяде на цысарствѣ на мѣсто отца своего и господарьство свое дивно и самодержно воздержа. Его же премудрости вси человѣцы почюдишася, и прочая дни живота своего в покое и в радости, в неизреченномъ веселии препроводи. [1]И сия доздѣ[1]. Аминь.

[1]—[1] здесь: вот и все.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ АГГЕЕ

ПОВЕСТЬ ЗЕЛО ПОЛЕЗНА

Бысть во градѣ Филумени царь именем Аггѣй, зело славный и богатый. Прилучися[1] же ему стояти в церкви во время Божественныя литоргии и егда священнику чтуще святое Еванъгилие. Егда же дойде до строки, в ней же написано: «Богатии обнищают, а нищии обогатѣют»,* царь же, слыша слово сие, ярости и гнева наполнися и рече: «Что есть написано слово сие ложно, како богатии обнищаютъ, а нищии обогатѣют? Но како мнѣ обнищати, а нищу обогатитися?» — И егда священник отслужи Божественною литоргию, тогда царь повелѣ его всадити в темницу, а из Евангилия тот листъ повелѣ вон выдрати, глаголя: «Сие есть слово в ложь написано». Сам же царь пойде в дом свой и начат со ближними своими ясти, и пити, и веселитися.

Тогда же нѣкий ближний ево отрок бысть в поле и увиде: близ града Филуменя ходяще елень по полю. И пришед, возвестиша царю. Царь же скоро взя с собою пятьдесят отроков избранных и поѣха в поле. И увидя елень прекрасну зело, и нача гнати за нимъ по полю. Еленю же бежащу, и прибеже к нѣкоей рекѣ, и поплы чрез реку. Царь же, сам един только, сверже[2] одежду свою с себѣ и покиня коня на брегу, и поплы за еленем. И егда преплы реку, тогда не видя еленя. Потом же царь вспять преплы реку.

Прежде бо преплытия его прииде ко отроком его ангелъ Божий во образе царя Агѣя и рече отроком, яко елень утече. И взя одежду, облечеся и всѣдъ на коня. И ѣха во град Филумен со отроки яко Агѣй царь, и приѣха во град. И нача царство правити по обычею, никто бо его не позна, ни царица, ни вельможи и сильнии его, но всѣ почитаху[3], яко Агѣй царь есть.

Царю же Агѣю пришедшу на брегъ, и начат смотрити отроковъ своих и платья, и коня своего, и не обрете ничего. И ста на мног час, розмышляя в себѣ: «Что ми прилучися? Или отроки мои в поле отъѣхали, или конь мой у них убежал?» И смотря сюду и сюду, и никого не видя, и помышляя в себѣ:

---

[1] случилось; [2] скинул; [3] считали, думали.

«Что ми приключися? Или сонное видение видит?» И начат кликати гласомъ громко, дабы отроки ево к нему пришли и платья и коня ему дали, и никого не видя. Потом же пойде по полю, помалу ступая, озираясь семо и овамо[1], и не видя нико*го* же. И убояся зело, яко мѣсто есть пусто, и иде ко граду со стыдением.

И увиде в поле человека, посуще волы, и стыдяся к нему прийти и начат кликати: «Постуше, скажи ми, гдѣ ты видел отроков моих и коня моего?» Пастух же виде его нага и впроси его: «Кто еси ты и какие отроки твои и конь?» Царь же рече: «Али ты меня не знаешь? Аз есмь царь Агѣй». Постух же его не позна, понеже отъя Богъ зракъ лица его[2], и нача бранити его и укаряти: «Злый безумный человече, пьяница ли ты или вор, да так себя таковым великим именем называешь?» И начат его бити кнутом без милости. Он же от него насилу убежа. И ходя по полю наг, розмышляя, что себѣ сотворить, и гдѣ возмет одежду, и како во град внидет.

И умысли: «Ид*у* в деревню и не скажусь, что царь, да тамо меня не познают. И на*й*муся работать, и возьму себѣ хотя какую-нибудь одежду. И вниду во град, и увѣдаю, что ми сие случися[3]».

И иде в деревню и нанялся у крестьянина на все лѣто, а сказался что шел путем и ево злые люди ограбили и убили, мало жива[4] покинули. И пожил у крестьянина мало. Крестьянин же, его видя, что работать ничего не умѣет, сослалъ ево з двора, только дал ему малую одежду, худое рубище.

Царь же Агѣй иде во град Филумен и прииде к некоей вдовице, и воспросися к ней ночевать яко нищей. Она же видя его в худом рубище, пусти его к себѣ в хижу. Он же воспроси вдовицы: «Хто у васъ ныне царь царствует?» Он*а* же повѣда, яко Агѣй царь, уже тритцать пятое лѣто. Тогда Агѣй моли вдовицу, да принесет ему чернил и хартию[5]. Оной же принесшу ему, царь же Агѣй написа своею рукою к царице своей слова тайные свои с нею, яко никто меж ими ин тѣ слова вѣдает.

И вдаде то письмо нѣкоторой женѣ, моляша ю, да донесет писание то до царицы. Она же взя письмо и вдаде царице, глаголя: «Стоит, государыни, человекъ и молит мя зело, да се письмо донесу тебѣ и дам в руце». Царица же письмо приим и протчте. И усумнися вельми, и смятесе умом, в себѣ глаголя: «Что ми сие прииде? Хто сей человекъ, бѣс ли или какой злый человекъ, волхвъ, что наши и тайные слова вѣдает?». И потом не повѣда ангелу ничто о том, и повелѣ его представити себѣ. Он же пред нею предста. И вопроси его царица: «Хто еси ты и откуду приде, и почему знаешь тайну нашу со царем?» Он же рече: «Али ты меня не знаешь, что я царь Агѣй?» Царица же ничим не позна его нимало. И наполнися ярости и гнѣва, и рече: «О враже проклятый, злый человече, от диявола

---

[1] по сторонам (сюда и туда); [2] потому что изменил Бог облик его; [3] что со мной случилось; [4] едва жива; [5] пергамен.

научен еси сему злому дѣлу!» — И повелѣ ево связати и бити немилостивно. И бияше его, глаголя ему: «К чему, злый человече, так именем великого царя зовешися?» И биша его, и кинуша за град в поле мертва.

Он же мало отдохнув и пришед в себѣ мало, и начат плакати горько, воспоминая бывшая своя вся добрая, глаголя: «Ох ми, увы, горе! Уже всего доброго своего лишихся, и царица мене не позна, и ближние мои мене не познаша! — И рече: — Куды уже пойду, или что себѣ гдѣ доброе обрящу?»

И потом иде в поле, и увидя нищие на пути, и начаша их молити, глаголя: «Братия моя, пожалуйте, приимите меня к себѣ в работу. Они же рекуще ему: «Шол бы ты да работал в деревне у мужика». Царь же имъ отвеща: «Работать я, господие мои, не умѣю, а милостыни просить один стыжуся». Нищие же взяша его с собою и дав ему суму свою болшую носити за собою. Он же нося за ними суму их и работаша им. И пр*иш*ед на núслѣгъ[1], повелѣша ему баню про себя изтопити и воду принести, и постелю под себя слати. Он же *вс*е им угодное сотвори и потом нача зело плакати, рыдая. И воспомяну грѣх свой, яко согреши пред Богом и похули слово Господне, и воспокаяся о том. И плака много, глаголя: «Ох ми, увы, все я то пострада за слово Божие».

Во утри[2] же день пойдоша нищие во град, а он с ними же. И прийде ко цареву двору, и нача просити милостыню. Ангел же в то время седя на престоле со царицею. Милосердни же Богъ, видя его истинное покояние и слезы, и прости грех ему, и превратися зрак лица его по-прежнему. И увидя вельможи царевы царя Агѣя с нищими и смятошеся[3], между собою глаголя: «Яко царь сей есть Агѣй!» — Потом возвестиша ангелу о сем, глаголя: «Яко прийде с нищими подобен тебѣ, царю, лицем и зраком, и речию, и возрастом[4]». Ангелъ же посмеявся и*х* реча*м* и повелѣ царя Агѣя представити себѣ[5]. Он же предста. И вопроси ангелъ царицу и боляр: «Кто вам истинно мнится царь истинный?» Они же ничто отвеща ему. Ангелъ же вдаде царю Агѣю скипетръ царства его и наказа его, да к тому не ставит во лжу словес Божиих, и ко всѣм милостив и не гордъ будет. Потом же наказа царицу и боляр, да будутъ в повиновении все господину своему. Потом же ангелъ невидим бысть.

Царь же Агѣй по наказании бысть ко всѣмъ милостивъ и во всѣм благоугоден до конца живота своего. И поживе много лѣто, и скончася с миром.

---

[1] ночлег; [2] завтрашний, следующий; [3] заволновались; [4] ростом; [5] поставить перед собой.

ПОВЕСТЬ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

МЕСЯЦА ИЮНЯ ВЪ 4 ДЕ*НЬ* ЖИТИЕ ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ КРИТЦЪКАГО

Бѣ град Крит, и в том градѣ бѣ нѣки*й* купецъ именем Поуливач. Иде из ложьницы[1] своея и слышавъ той купецъ птицъ, зовомы голуби, два глаголюще между собою: «Будетъ у господина нашего радость: жена его ему родитъ сына, и нарекутъ имя ему Андрей. И той отроча убиетъ отца своего, а матерь свою себе в жену возметъ. И триста девицъ старицъ растлитъ блудомъ». (И той бѣ монастырь от града того 30 поприщь).

И слышавъ той купецъ и удивися о глаголании птицъ тѣхъ. И той убо купецъ заповѣда бабе[2] — повелѣ ево смерти предать. И какъ приспе время рождению его, баба же убояся суда Божия и смерти, смерти отроча не предадѣ, заповѣди господина своего. И матери отроча того сказа. Мати же ево повелѣ во святом крещении ввесть иерею, и нарекоша имя ему Андрей. И повелѣ мати его прерѣзати чрево ево поперехъ ножем и повелѣ на дщицу и привязати поясом и пустити ево на море. И баба сотвори тако, якоже повелѣ мати ево.

По повелѣнию же Божиею восташа волны морския и принесоша ево к монастырю дѣвичью, зовомы Купина, от града того тридесять поприщь. И поставиша ево под монастырем дѣвичьим, и ста дщица у брега противъ монастыря.

И выде ис того монастыря черница воды почерпнути и узрѣ отрача лежаща на дщице мужескъ полъ, едва дышуще, мало гъласа ево слышать. Та же убо черница узревъ и скоро повѣда игуменье. Игуменья же повелѣ ударить в било, и собрашася вси черноризицы, 300 их числом. И идоша досмотрити отрочати и видѣша утробу ево разрѣзану. И рече игуменья ко старицамь своим: «О дивное чюдо, сестры! Откуды сеи отрочате море принесло к нашей обители?» Они же недомышляхуся[3], и вси старицы плачущеся и заклинахуся именемъ Божиемъ и Пресвятою Богородицею (бяше же монастырь во имя Богородицы Неопалимыя Купины) и глаголюще ко игуменье: «Мы не вѣмы[4], госпоже, сего дѣтища и не растлихомся[5]». И рече игуменья: «Богу изволившу, тако и будетъ».

---

[1] из спальни; [2] повивальной бабке; [3] недоумевали; [4] не знаем; [5] мы невинны.

И взя ево игуменья и велѣла зашити утробу ево и вскормиша ево от козлия млека и выкормиша ево до девяти лѣтъ и даша ево к некоей старице в научение грамоте. И нача ево посылати с сестрами.

Отрокъ же бысть 15 лѣтъ, и вложи на ум ево ветхи[1] зломысленный ненавистникъ рода християнскова дияволъ мысль злую. И нача отрокъ той едину по единой девице и старице оскверняти блудом, овогда[2] силно творяще блуд, овогда любовию втайнѣ. Улучи время, что и со игуменьею блуд сотвори.

Игуменья же видѣ свое беззаконие и собра вся сестры своя 300 числом и нача пред ними каятися грѣха своего, яко золъ грѣх сотворила еси со отраком тѣм. И рекоша старицы: «Не ради мы тому грѣху». И поклонися игуменья до земли, и сестры рекли игуменье: «И нас отрокъ той всѣхъ растли овогда волею и неволею». И начаша плакатися.

И рекла игуменья: «Азъ вам повѣдаю, какъ меня отрокъ изнасилилъ блудомь: прелстилъ мя святыми своими многими причами прежних человекъ падении во грѣхъ, мытарей и гонителей, и блудницъ, и блудниковъ, и всѣхъ праведныхъ от вѣка. Рекъ: „Покаянием и слезами, и милостынею спасохомся". Азъ же слышахъ такое глаголание его, и разслабе тѣло мое, и разгорѣсь сердце мое, и умъ мой поколебася. И тако в поползновении и во грѣхъ велики впадохъ. Простите мя, сестры моя!» И падоша до земли на многъ часъ, лежаше на многъ часъ на земли. А они такоже от нея прощения прошаху и прощение межъ себя прияша со слезами. И тако стали имѣть постъ и молитву, и милостыню, а отрока из монастыря выслаша и закрепиша ворота монастырския твердо, чтобъ мужескъ полъ не ходилъ нихто в монастырь.

Отрок же той Андрей поиде во град Критъ и не познаше отца своего, ни матери. И наняся у отца своего винограда[3] стрещи. И даде ему заповѣдь: «Аще кого узриши идуща въ виноградъ мой во дни или в нощи, устрели ево до смерти». И тако отрокъ стреже у господина съвоего винограда и заповеди ево творяше.

И рече господин ево: «Поиду в виноград мой: искушу[4] сторожа своего». И пришедъ полунощию к виноградным вратам. И увидѣвъ отрокъ той и взя лукъ свой и устрелил отца своего до смерти, чая, яко тать[5] приде. И увиде отрокъ, что он господинъ ево есть, и убоялся, и шед скры ево под яблонью, и повѣда госпоже своей. И госпожа мало плакавъ погребе ево.

И мало время минувъ, восхотѣ отрокъ той поняти госпожу свою в жену. И браку сочетавшуся веселяся. И возлегши на одръ спати, и хвати жена его за чрево и на чьреве рубецъ. И рече госпожа ево: «Како сей у тебе рубецъ?» Он же сказа ей по ряду, госпоже, от дѣтища сотворися над ним: и како его повелѣ убити отецъ ево, и какъ мати ево повелѣ утробу прорѣзати ножемъ, и какъ по марю на дщице плавал, к монастырю дѣвичью приплыл, и как игуменья и сестры

---

[1] древний, исконный; [2] порою, иногда; [3] сада; [4] проверю, испытаю; [5] вор.

вскормиша козлием млеком, и какъ грамоте научися, и какъ сотвори с ними грѣхъ, и какъ изгнаша ево из монастыря вон, и какъ приде во град Критъ. «И нынѣ понял тя, госпожу свою, в жену».

Она же возопи гласом великим с плачем: «Не жена твоя есть, но мати твоя азъ! Ты любимый мой сынъ Андрей, отца своего устрели в виноградѣ моем!» И вскочи Андрей вскорѣ со одра своего и рече: «О горе мнѣ, окаянному, яко чрезъ законъ согрешихъ паче[1] всѣхъ человекъ!»

И посла мати ево во град Критъ искат отца своего духовнаго искусна исповѣдати ему вся сѣвоя согрѣшения по ряду. Иерей же не прости ево за ево многая согрѣшения. Он же Андрей уби того отца своего духовнаго налоемъ церковнымъ до смерти, изыде из церкви тайно единъ.

И приде ко иному отцу духовному, також вся исповѣда ему своя согрѣшения, еже согрѣшихъ от юности своея и до днесь[2], и доиде слово о блудѣ и о кровопролити*и*. Иерей же не прости ево грехъ: «Андрею, не подобаетъ нам таких на духъ приняти». И рече Анъдрей: «Глаголя Христос: „Приде в миръ призвати грѣшныхъ на покаяние". Ты же, иерей, не хощеши простити мя во грѣсех моих. Рече во Еваньели: „Аще свяжете на земли, будетъ связанъ на небеси, аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ"». Иерей же рече: «Не хощу азъ таковаго грѣха носити на себе, яко не иматъ таковаго прощения человеку сотворивы грѣхъ». Андрей же и того иерея уби и поясом своим извлече его из церкви вонъ.

Так же прииде к третему иерею, исповѣда ему вся своя согрѣшения. И тотъ иерей не прости ево за его многия грѣхи. Андрей же и третьяго иерея уби замком церковным до смерти.

И рече Андрей себе: «Иду во град Критъ, да тамо есть епискупъ. Той мя приметъ на покаяние, прозорливъ бо есть, да иметъ мя простити, и богобоязнивъ. Аще не иметъ мя простити, поиду в далную сѣтрану ко царю во Арду и возъдвигну рать велию и град Крит зажгу, а людей в плѣнъ возму, а епискупа убью».

Благъ же и человеколюбецъ Богъ не хотя смерти грѣшником, ожидая их на покаяние. И прииде Андрей во град Критъ и поклонися епископу. Епискуп же приятъ ево и повелѣ сыскать мать Анъдрееву. И видѣвъ епискупъ Анъдрея украшена мужеством, яко хощетъ сосуд Божи быти избранны*й*, и начя вопрошати наедине. Андрей же исповѣда епископу своя согрѣшения по ряду, еже сотъвори от юности своея и до старости. Епискуп же убояся суда Божия и смерти и посла ево по матерь свою. И приде Андрей с матерью своею къ епископу. Епискуп же научивъ ихъ доволно и духовно и отпусти их.

И повелѣ епискупъ погрепъ выкопать трехъсаженной, а в ширину пол сажени на две сѣтраны. Призва епискупъ *Андрея* с материю и посла ево по чер-

---

[1] больше; [2] до этого дня.

нилы и по бумагу. И какъ Андрей въниде в погрепъ, епискупъ же повелѣ желѣзною цкою[1] покрыти ево и запечатать во погребѣ. И даде заповѣд 30 лѣтъ: «И како наполнитца тотъ погребъ земли, и станетъ земля наверху погреба, тогда прощенъ будетъ от грѣховъ своих». А матери ево епискупъ нозри прорѣза и замкнулъ замком, а кълючь того замка повелѣ ввергнуть в море. А богатство ихъ повелѣ епискупъ раздати злато и сребро нищимъ. И повелѣ епискупъ Андреевой матери по миру ходить и Господа Бога Спаса нашего славити и милости просити о своем согрѣшении. И рече епискупъ: «Тогда прощена будешь, какъ того замка ключь из моря выдетъ».

Андрей же пребывъ в погребе, моляся Богу о своем согрѣшен*ии* и приводя душу свою во многия притчи и каряше себе. И сложи канонъ, иже поетца Велики*й* в постъ пятыя недѣли в четвертокъ. И достиже тридесятого лѣта.

И приидоша к епископу гости[2] со многих стран во град Критъ. И прилучися жена та, еже бѣ у ней замок на нозряхъ. И вопросиша у нея гости: «Какой у тебя на нозряхъ замокъ сей, коѥю притчею сотворися тебѣ?» Она же повѣда имъ всемъ. И в то время повелѣ епискупъ на трапезу купить рыбы на торгу. И купиша рыбу, и спороша чрево ей, и выпаде из рыбы той ключь. И показаша ключь той епископу. Епископ же повелѣ призвати Анъдреѣву мать и повелѣ приложити к замку том*у*. И отпряну замок от носу ея. И повелѣ епискупъ Андрѣву мать пострищи в иночески*й* чинъ.

И прииде епискупъ ко Андрею со всем собором к погребу. Андрѣй же сѣдяше наверху погреба, дописываетъ девятую пѣснь канона великаго. И когда епискупъ Критский восхвали Бога и Господа нашего Иисуса Христа, яко сподобися Андре*й* прияти прощение грѣховъ своих. И постриже епискупъ Андрея во иночески*й* чинъ.

И принесе епискупъ канонъ той, что сложил Андрей, в церковь и прочьте ево всѣм людем вслухъ, на коеждом[3] тропари метания[4] и поклоновъ положить людем всѣмъ повелѣ. И тако епискупъ похвали Бога вельми Господа нашего Иисуса Христа.

И призва епископъ Андрея к себе и рече: «Чадо мое, прости мя в семъ вѣце и в будущемъ. *Иди* и пребуди, чадо мое и брате, в монастыре моем три дни, а в четверты*й* день прииди и погреби тѣло мое грѣшное». И разболеся епискупъ в трети*й* день и отиде ко Господу. Андрей же погребе епискупа в церкви Спасовѣ.

Изволи Богу быть во градѣ Крите Андрею во епискупахъ 30 лѣтъ. Богоугодно поживе и праведно, постомъ и молитвами и милостынею и слезами, и Бога умолив, и многия церкви воздвиже, и многия люди привлече ко спасению, и бысть ко всѣмъ людем милостивъ. И преставися в вѣчную жизнь о Христѣ Иисусе Господе нашемъ. Ему же слава ныне и присно и по вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] плитою; [2] купцы; [3] каждом; [4] земные поклоны.

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

СКАЗАНИЯ ПРО ХРАБРАГО ВИТЕЗЯ, ПРО БОВУ КАРАЛЕВИЧА

Нѣ в коемъ было царствѣ, в великомъ государствѣ, в славномъ граде во Антонѣ жил былъ славный король Видонъ. И провѣдал в славном граде Идементиянѣ у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь, прекраснаю королевну Милитрису. И призва к себѣ любимаго слугу именем Личарду и почел говорить: «Ой еси, слуга Личарда! Служи ты мнѣ вѣрою и правдою, поди ты во град Дементиянъ к доброму и славному королю Кирбиту Верзоуловичю посольствовать, а от меня свататца». И слуга Личарда государя своего не ослушался, грамоту принялъ и челом ударил и поѣхал во град Дементиянъ к доброму и славному королю Кирбиту Верзауловичю.

И какъ будетъ слуга Личарда во граде Дементияне у славнаго и добраго короля Кирбита Верзауловича, и вшед в королевские хоромы, и грамоту положил перед короля на стол. И король Кирбитъ Верзоуловичь грамоту распечатывал и прочиталъ. И пошелъ в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почелъ говорить любезные словеса: «Дочи моя прекрасная королевна Милитриса! Приѣхал в нашъ град Дементиянъ от славнаго и добраго короля Видона посольствовать, а на тебѣ сватаца. И язъ[1] не могу против таковаго славнаго короля стоять, потому что у него войска соберетца многа, нашъ град огнем позжетъ и головнею покатит, а тебя с нелюбьви возметъ».

И прекрасная королевна Милитриса пад на колѣни пред оцемъ своимъ и почела говорить: «Государь мой батюшка, славный король Кирбитъ Верзауловичь! Когда яз была млада, а тот король Додонъ сватался у тебя на мнѣ. И ты, государь, меня не давал за младостию. А ныне, государь мой батюшка, не давай меня за короля Видона, дай меня за короля Дадона. Тотъ королъ Дадонъ будет нашему граду здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель».

И славный король Кирбитъ Верзауловичь от токоваго славнаго короля Видона отстоятца не могъ и отдалъ дочь свою, прекрасную королевну Милитрису, за славнаго короля Видона. И такъ тотъ король Видонъ понялъ[2] за себя пре-

[1] я; [2] взял в жены.

красную королевну Милитрису и жил с нею три годы и прижил младаго детищу, а храбраго витезя Бову каралевича. И прекрасная каралевна Милитриса призва к себѣ любимаго слугу именем Личарду и написала грамоту государю доброму и славному королю Додону, пожаловать бы:* «Добры и славный король Дадонъ! Приѣхалъ бы под нашъ град под Антонъ и моего бы короля Видона извелъ, а меня б взял себѣ за жены мѣста»[1]. «И будет ты, слуга Личарда, государыни своей ослушаесься и поидешъ х королю Дадону и от меня грамоты не отвезешъ, и язъ тебя оболгу государю своему королю Видону небылыми[2] словесы, и онъ тебя скоро велитъ злою смертию казнить». И слуга Личарда государыни своея не ослушался, грамоту принялъ и челом ударилъ и поѣхалъ х королю Дадону.

И какъ будетъ слуга Личарда у короля Додона и вшед в королевские полаты и положилъ грамоту на стол пред короля Дадона. И король Додон грамоту принелъ и роспечатавал, и прочиталъ, и покивалъ главою, и росмеялся, и почел говорить: «О слуга Личарда! Что государыни ваша меня смущает? А уже она с королем Видоном и дѣтище прижила, храбраго витезя Бову королевича». И слуга Личарда почел говорить: «Государь добрый король Дадонъ! Вели меня посадить в темницу накрѣпко и поить и кормить довольно. А ты, государь, поезжай под нашъ град Антон, и будетъ словеса моя не збудутца, и ты меня вели злою смертью казнить». И королю то слово полюбилось, и почелъ король Дадонъ говорить: «О слуга Личарда, словеса твоя паче меда устомъ моимъ, а будет словеса твои збудутца, и язъ тебя пожалую».

И король Додон радощенъ бысть и повелѣ в рог трубити. И собра войска 37 000 и поѣхал под градъ под Антонъ и, пришедъ, стал в королевском лугу и велѣлъ шатры роставить. И узрила из задних хоромъ своих прекрасная королевна Милитриса и, оболакаа[3] на себя *д*рагоценн*ы*я платья, и пошла в королевские полаты, и почела говорить: «Государь мой добрый король Видонъ, понесла язъ второе чрево, не вѣмъ[4] сынъ, не вѣмъ *д*щерь. И захотѣлась мнѣ зверина мяса, и накорми меня дикаго вепря свѣжимъ мясомъ, от твоея руки убиеннаго». И король Видон радощенъ бысть, что не слыхал таковых речей и в три годы от своея прекрасныя королевны Милитрисы. И король повелѣ оседлати осля и сяде на осля и взял в руки копие и поѣхалъ в чистоя поля за дикимъ вепрямъ.

И прекрасная королевна Милитриса поднятъ и градные врата отворит и стрете[5] короля Дадона с великою радостию во вратѣхъ градных. И вземь его за бѣлыя руки, и любезно во уста целова, и поведе его в королевские полаты. И почели пити и ясти, и веселитися. И в тѣ поры храбрый витезь Бова королевичь, еще дѣтище младо и несмышленно, и вшед на конюшню, и ухоронися под ясли. И был у Бовы дятка[6] Симбалда, и вшед на конюшню, и нашел Бову под ясли, и самъ прослезися, и почел говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова короле-

---

[1] вместо жены, в жены; [2] облыжными, лживыми; [3] надевая; [4] не знаю; [5] встретила; [6] дядька, пестун.

вичь! Мати твоя злодей, прекрасная королевна Милитриса. С королемъ Дадоном извела она, зладѣй, государя моего, а батюшка твоего, добраго и славнаго короля Видона. А ты еще дѣтище младо, не можешъ отмстити смерти отца своего. Побежимъ мы, государь, во град Суминъ, которымъ градомъ пожаловалъ государь мой, а батюшка твой славный король Видон: а тот град вельми крѣпокъ». И рече Бова дятке Симъбалъде: «Государь мой дядка Симъбалда! Яз еще дѣтище младо и несмысленно, и не могу яз на добромъ конѣ сидѣть и во всю конскую пору скакать». И дятка Симъбалда оседлалъ себѣ добраго коня, а под Бову иноходца, и призва к себѣ тридцать юношей, и побежа во град в Суминъ.

И были во граде изменники, и сказали королю Додону и прекрасной королевне Милитрисе, что дятка Симбалда побѣжал во град Суминъ и увесъ с собою Бову королевича. И король Додон повелѣ в рогъ трубить и собра войска 40 000, и погнася за дяткою Симбалдою и за Бовою королевичемъ. И посла загоньшиков за дяткою Симбалъдою и за Бовою. И загонщики сугнали дятку Симбалду и Бову королевича. И оглянулъся дятка, и увиде загонщиков, и почелъ во всю конскую пору скакать, и убѣже во град Суминъ, и затворися накрѣпко. А Бова королевичь не могъ ускакать, и свалился Бова с коня на землю. И загонщики Бову взяли, и привезли х королю Дадону. И король Дадон посла Бову к матери его, к прекрасной королевне Милитрисе.

И пришед король Дадонъ под град Суминъ, сталъ в лугу и роставил королевские шатры. И спа тутъ и виде сонъ велми страшенъ, кабы ездитъ Бова королевичь на добром конѣ, в руце держитъ копие и прободает королю Дадону утробу и сердце. И король Додонъ воста от сна своего, и призва к себѣ брата своего именем Обросима. И почел сонъ свой сказывать и посылать брата своего Обросима во град Антон к прекрасной коралеве Милитрисе лѣпо поздравити[1] и сонъ сказати, и просить Бовы королевича, чтоб его за тотъ сонъ предать злой смерти.

И Обросим поѣхалъ во град Антонъ к прекрасной коралеве Милитрисе лѣпо поздравити и сонъ сказати, и просить Бовы королевича, чтоб ево за тот сонъ предать смерти. И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Могу яз и сама Бовѣ смерть предати. Посажу ево в темницу и не дам ему ни пити, ни ясти, та ж ему смерть будет».

И король Дадонъ стоялъ под градом Суминым 6 мѣсецовъ и не могъ взять града Сумина, и пошелъ во град во Антон. И дятка Симбалда повелѣ в рогъ трубить, и собра войска 15 000, и пошелъ под градъ под Антонъ, и нача в городовую стѣну бити безоступно, и кричать и прошать из города государя своего Бовы королевича: «А не здадите мнѣ государя моего Бовы королевича, и язъ живъ не могу от града отитить». И прекрасная королева Милитриса почела говорить королю Дадону: «Государь мой король Дадонъ, что злодей нашъ не дастъ намъ упо-

[1] любезно приветствовать.

кою ни в день, ни в ночь». И король Дадонъ повелѣ в рогъ трубити и собра войска 30 000 и погнася за дяткою Симбалдою. И дятка Симбалда не может стоять против короля Додона и убѣжал во град Суминъ, и затворися накрѣпко.

И прекрасная королева Милитриса велѣла Бову посадить в темницу и цкою[1] желѣзною задернуть и пескомъ засыпать и не довать Бавѣ пити и ясти пять дней и пять нощей. И Бовѣ из младости ясти добрѣ хочетца. И прекрасная королева Милитриса оболокла на себя драгоценное платье и пошла по королевскому двору. И Бова увидѣлъ ис темницы и *за*кричалъ Бова зычно гласомъ: «Государыня моя матушка, прекрасная королева Милитриса! Что ты, государыня моя, воскручинилася на меня, не пришлешь ко мнѣ ни пити, ни ясти? Уже мнѣ приближаетца голодная смерть!»И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Чадо мое милое, Бова королевичь! Воистинну яз тебя забыла с кручины. Тужу по отце твоем, а по государе своем по добромъ коралѣ Видонѣ. Ужжо я тебѣ пришлю много пити и ясти, и ты напитай свою душу».

И прекрасная королева Милитриса, вшед в королевские полаты, и почела месить два хлѣбца своими руками на змеиномъ салѣ во пшенишномъ тѣсте. Испекла два хлѣбца и посла з дѣвкою к Бовѣ в темницу. И дѣвка, пришед к темнице, и велѣла песку отгрести и цки открыти. И вшед дѣвка к Бовѣ в темницу, да за тою жъ дѣвкою пришли два выжлеца[2] и сѣли у темницы под окошкомъ. И дѣвка дала Бовѣ два хлѣбца, и Бова хочетъ хлѣбцы ясти, и девка прослезися, и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Не моги ты, государь, тѣ хлѣбцы скоро съѣсти, а скоряе того умрешъ. Мати твоя, а государыня моя прекрасная королева Милитриса, месила она тѣ хлѣбцы своими руками во пшенишномъ тѣсте на змеиномъ салѣ». И Бова,埋земъ хлѣбецъ, да бросилъ выжлецу, а другой другому. И сколь скоро выжлецы хлѣбцы съѣли, и скоряя тово ихъ розрвало по макову зерну. И Бова прослезися: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! За что меня государыня мати моя хотѣла злой смерти предать?» И дѣвка дала Бовѣ своего хлѣбца ясти, и Бова наѣлся и напился.

И дѣвка, пошед ис темницы, не затворила и цки желѣзные не задернула. И Бова вышелъ ис темницы, и побѣжалъ из града чрез городовую стѣну. И скочилъ Бова з городовые стѣны, и отшиб Бова себѣ ноги, и лежалъ за градомъ три дни и три нощи. И воста Бова, и пошол куды очи несутъ. И пришолъ Бова на край море, и увиделъ Бова корабль на море. И закричал Бова громко гласом, и от Бовина гласу на море волны востали, и корабль потресеся. И гости-корабелшики дивяшеся, что дѣтище младо кричит громким гласомъ. И гости-корабелщики послали ярышков[3]* в подьестке[4] и велѣли спросить: «Крестьянского ли ты роду или татарскаго?» «И буде хрестьянскова, и вы ево возмите на карабль». И ерыжные приѣхали к брегу и почели спрашивать: «Хрестиансковa ли ты роду или та-

[1] доской; [2] гончие собаки; [3] посыльных; [4] в корабельной лодке.

тарскова? Имя твое какъ?» И рече Бова: «Яз роду не татарскова, язъ роду християнскова, понамаревъ сынъ, а матушка моя была убогая жена, на добрых жен платья мыла, тѣмъ свою голову кормила».

И ярыжные взяли Бову в подъѣздокъ и повезли на корабль. И гости-корабелницы почели спрашивать: «Имя твое какъ?» И рече Бова: «Имя ми Бова». «Християнскова ли ты роду или татарскова?» И рече Бова: «Яз роду християнскова, понамарев сынъ, а мать моя была убогая жена, на добрыхъ женъ платья мыла, тѣмъ свою голову кормила». И почел Бова по кораблю похаживать.

И гости-коробелницы промеж собою диващеся, не могут на Бовину красоту насмотритися, что не видали такова отрока: велми лѣпообразенъ[1]. И легъ Бова спать, и гости-корабелницы промеж собою хотят смертныя чаши пити о Бовѣ.* И Бова воста от сна своего, и почел говорить: «Гости-корабелницы, не бранитеся и не деритеся обо мнѣ. Яз вам служу по росчету: которой меня увидел преж на брегу, и яз тому служу да обѣда, а которой увидел после, и яз тому служу послѣ обѣда до вечера». И гостямъ то слово полюбилось, вымали якори и подымали парусы, и бѣжали по морю год и три месяца, и прибѣжали под Арменское царство, а во Арменскомъ царстве король Зензевей Адаровичь. И метали гости-корабельницы *сход* на берег, и Бова почелъ по караблю ходить.

И король Зензевей Адаровичь посла юношей и подячихъ и велѣлъ спросить, коево царства корабль прибежалъ, и коего града гости, и с какими тавары. И юноши и подячие, пришед на корабль, и увиде Бову на коробли, и не могли на Бовину красоту насмотритца и забыли во умѣ своемъ спрошать, коево царства корабль прибежал, и которого горада гости, и с какими тавары. И король Зензевей Адаровичь спрашивает юношей и подячих, коево царства корабль, и коего града гости, и с какими товары. Они жъ ему ничего не сказаша, только сказали, что видели на корабли юнова.

И король Зензевей скоро повелѣ осля подвести и поѣхал х короблю и увиде: на кораблѣ ходит отроча велми лѣпообразенъ. И забы во умѣ своемъ и спрошать, коева царства корабль и с какими товары. И король Зензевей Одаровичь почелъ у гостей торговать отрока: «И гости-коробелницы, продайте мнѣ отрока, возмите у меня 300 литръ злато».* И гости-корабелницы говорили: «Государь король Зензевей Одаровичь! Нелзе намъ того отрока продать, что у нас тот рабичь общей, а взятъ на край море на брегу». И король Зензевей Адаровичь говорил гостям: «А коли у васъ тотъ рабичь общей, и вы его продайте, а возмите у меня 300 литръ злато, да торгуйте в моем царстве безданно и беспошлинно. А будет не продадите мнѣ общего рабича, и вамъ из моего царства живым не выѣхать и впредь мима моего царства кораблем не хаживать». И гости-корабелницы Бову продали, а взяли за него 300 литръ злата.

[1] красив.

И король Зензевей Адарович посади Бову на осля и поѣхалъ во Арменское царство и почелъ у Бовы спрашивать: «Бова, какова ты роду, царского или королевскаго?» И Бова рече: «Государь мой король Зензевей Адаровичь! Яз роду не царскаго и не королевскаго, язъ роду християнского, понамаревъ сынъ. А мати моя, убогая жена, на добрых женъ платья мыла, тѣ*м* свою голову кормила». И король Зензевей Адаровичь почел говорить: «А коли ты, Бова, такова худова роду, и ты у меня служи на конюшни и буди нат конюхами большой». И Бова, государю своему ударя челом, и пошол на конюшню; а отроду Бовѣ семъ лѣтъ.* И Бова почелъ на конюшне служить.

И у того короля Зензевея Адаровича была дочь, прекрасная королевна Дружневна. И узрила из своих хоромъ Бову на конюшне велми лѣпообразно, и от Бавины красоты во всю конюшню осветило. И прекрасная королевна Дружневна надѣла на себя драгоценное платье и пошла в коралевские палаты ко отцу своему и, пришед, почела говорить: «Государь мой батюшка, король Зензевей Адаровичь! Много, государь, у меня нянекъ, и мамокъ, и красных девицъ, а нѣтъ у меня ни единаго слуги. Завтра, государь, у меня пир на ня*не*къ и на мамокъ, а нѣкому у меня постряпоть, ествъ роздать и у поставца[1] постоять. Пожалуй, государь батюшка, тѣмъ меня холопомъ, которого купил у гостей, а далъ 300 литръ злата». И у короля Зензевея Адаровича дочь была в любьви. «Дочь моя, прекрасная королевна Дружневна, буди на твоей воли». И велѣлъ позвать Бову. И Бова пришел в королевскую полату, государю своему челом ударил. И король Зензевей Адаровичь почел говорить: «Бова! Завтра у Дружневны постряпой и ествы роздай и у поставца постой. А еще, Бова, послушай моево наказу и по вся дни буди у Дружневны». И Бова, челомъ ударя, и пошел на конюшню. И Дружневна, челомъ ударя отцу своему, и пошла в задние хоромы.

И какъ ночь проходитъ, а день настаетъ, а Дружневна ествою спешитъ. А как ества поспѣваетъ, и прекрасная королевна Дружневна послала дѣвку на конюшню. И дѣвка пришед на конюшню: «Поди, Бова, королевна тебя зовет». И Бова одѣлся и пришелъ в задние хоромы, и прекрасная королевна Дружневна против Бовы не усидѣла и встала. И Бова почел говорить: «Государыня прекрасная королевна! Негораздо[2] дѣлаешъ, против меня, холопа, встаешъ». И королевна на Бову досады никакие не держитъ.

И какъ пошелъ пир и пировая ества, поспѣлъ лебедь, и Бова лебедь принесъ. И прекрасная королевна лебедь рушела и уронила нож под столъ. И сама говорит: «Бова, подай мнѣ нож!» И Бова кинулся под столъ. И прекрасная королевна, подкиня главу под столъ, и не хватала за нож, хватала Бовину главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И Бова вырвался и опять сталъ у поставца и почелъ государыню свою бесчестить: «Государыня прекрасна королевна

[1] здесь: у стола, на который прямо с кухни подавалось кушанье; [2] некрасиво.

Дружневна! Непригожа тебѣ меня, холопа своего, цаловать во уста, и во уши, и во очи!» И как пированье отошло, и Бова почелъ говорить: «Прекрасная королевна Дружневна! Отпусти меня на конюшню к товарыщемъ». И Бова пошол на конюшню, и прекрасная королевна на Бовинъ слѣдъ не могла насмотрѣтца.*

И Бова, пришед на конюшню, и легъ спать, и спалъ 5 дней и 5 нощей. Конюхи разбудить не могли и поѣхали по траву, и Бовинъ урок накосили, и в розвези[1] связали. И Бова востал, да по траву поѣхалъ и стретилъ конюховъ, урокъ свой взял да выбралъ розныхъ цветов и сплелъ травеной венецъ, и положилъ себѣ на главу. И приѣхалъ на конюшню. И прекрасная королевна усмотрила у Бовы на главѣ травеной венецъ в розных цвѣтахъ и послала дѣвку на конюшню. И дѣвка, пришед: «Поди, Бова, Дружневна тебя зовет».

И Бова пришед в задние хоромы. И прекрасная королевна не усидѣла, и встала против Бовы, и почела говорить: «Бова, сыми с своей главы венецъ своими руками да полож венецъ на мою главу». И Бова почелъ говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Непригоже холопу с своей главы своими руками да класть на твою главу». И Дружневна почела говорить: «А буде ты, Бова, не сымешъ венца с своей главы своими руками да не положишъ на мою главу, и яз тебя оболгу батюшку небылыми словесы. И батюшка тебя велитъ скоро злою смертию казнить». И Бова схватил венецъ да ударил о кирпичную середу. И королевна венецъ подняла, и к сердцу прижала, и учела любовать паче златаго и жемчюжнаго. И пошелъ Бова ис полаты, ударил двери, и выпалъ кирпичь и-стены и прошибло Бовѣ голову. И прекрасная королевна лечила своими угодьями[2]. И Бова пришелъ на конюшню, и легъ спать, и спалъ 9 дней и 9 нощей.

И приѣхалъ из Задонскаго царства король Маркобрунъ, а с нимъ войска 40 000. И ставился в лугу шатры роставливать и писалъ грамоту от короля Маркобруна королю Зензевею Адаровичю: «Дай свою дочь за меня с любви, а не дашъ с любви, — и яз твое царство огнемъ пожгу и головнею покачю, а дочь твою с нелюбви возму». И король Зензевей Адаровичь от таковаго короля отстоятца не могъ, и встречалъ его в городовых воротех, и примал ево за бѣлые руки, и целовалъ в сахарные уста, и называлъ ево любимым зятемъ. И пошли в королевские полаты, и почели пити и ясти на радостях.

И Маркоброновы дворяня почели за городомъ тѣшитца на добрых конехъ. И Бова воста, и услыша конское ржание, и пошел в задние хоромы, и почелъ говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Что за нашимъ царствомъ за шум и конское ржание?» И прекрасная королевна почела говорить: «Бова, долго спишъ, ничего не вѣдаешъ! Приѣхал из Задонскаго царства король Маркобрунъ, а с нимъ войска 40 000, и наше царство осадил. А батюшка мой не могъ отстоятца от такова короля и встречал его в городовыхъ воротех, и

[1] волокуши; [2] уходом, угождением.

называл ево любимым зятемъ, а мнѣ муж он». И Бова почелъ говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Не на чем мнѣ выехать с Маркобруновыми дворяны потѣшитца. Дабудь ты мнѣ добраго коня и меча-кладенца, и палицы желѣзной, и доспѣха крѣпкаго, и щита». И прекрасная королевна почела говорить: «Еще ты дѣтище младо, только отроду семъ лѣтъ, и добрымъ конемъ владеть не умѣешъ, и во всю конскую пору скакать и палицею желѣзною махать».

И Бова пошол на конюшню да оседлалъ иноходца и поѣхал за город к Маркобруновым дворяномъ тѣшитца. И не лучилась у него ни меча-кладенца, ни копия, лишъ взялъ метлу да выехалъ за город. И Маркобруновы дворяня розсмеялися, и розсмотрили Бову, и сами почели говорить: «Что за блединъ сынъ одинъ выехал тѣшитца? Что ему за честь?» И почели на Бову напускатца человек по пети и по шти[1]. И Бова почелъ скакать, а метлою махать, и прибилъ Бова 15 000.

И прекрасная королевна увидела, что Бова одинъ скачетъ, и ей стало жаль: убьют его. И надѣла на себя драгоценное платье, и пошла ко отцу своему, и почела говорить: «Государь мой батюшка король Зензевей Адаровичь! Вели Бову унять, что ему за честь с Маркобруновыми дворяны тѣшитца?» И король Зензевей Адаровичь послалъ по Бову юношей, и юноши, пришед, говорили: «Бова! Государь король на тебя кручинитца. Что тебѣ за честь с Маркобруновыми дворяны тѣшитца?» И Бова приѣхал на конюшню да легъ спать и спалъ 9 дней и 9 нощей.

И в то время под Арменское царство приѣхалъ из Рахленскаго царства царь Салтанъ Салтановичь и сынъ его Лукопер, славный богатырь. Глава у него аки пивной котел, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми к*а*лена стрела ляжетъ, а промеж плечми мѣрная сажень.* И нѣтъ такова силнаго и славнаго богатыря во всей подселенней. И Арменское царство осадилъ, и писал грамоту королю Зензевею Адаровичю от славнаго богатыря Лукопера, чтоб король Зензевей Адаровичь «дал бы за меня дочь свою прекрасную королевну Дружневну с любьви. А буде не дастъ, и яз его царство огнемъ пожгу и головнею покачю, а дочь твою с нелюбьви возьму».

И король Зенъзевей Адаровичь почелъ говорить королю Маркобруну: «Любимой зять мой, король Маркобрунъ! У тебя войска 40 000, а у меня соберетца 40 000 же. И сами два короля, а войска у нас по 40 000, да в*ы*едемъ против силнаго богатыря Лукопера». И король Зензевей Адаровичь повелѣ в рогъ трубить, и собра войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двемя войскома выехали против силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправил копие на двухъ королей глухимъ концемъ и двухъ королей сшипъ, что сноповъ, и два войска побилъ. А двухъ королей, короля Зензевея Адаровича да ко-

[1] шести.

роля Маркобруна, связал да на морское пристанище отослалъ ко отцу своему царю Салтану Салтановичю.

И Бова воста от сна своего, ажно за городом шум великъ и конское ржание. И пошолъ Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Дружневне. И вшед в полату, и почелъ Бова спрашивать: «Государыня королевна Дружневна! Что за городомъ шумъ великъ и конское ржание?» И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь Бова! Долго спишъ, ничего не вѣдаешъ, что приѣхалъ из Рахленскаго царства царь Салтанъ Салтановичь и сынъ его Лукопер, славный богатырь. Нѣтъ такова богатыря во всей подселенной: глава у него аки пивной котелъ, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми калена стрела ляжетъ, а промеж плечми мѣрная сажень. И нѣтъ ему супротивника по всей подсолнычной. И наше царство осадил и писал государю моему батюшку королю Зензевею Адаровичю с великим угрожением, а на мнѣ сватался. И батюшка мой собралъ войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двемя войскома выехали противъ силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправилъ на двухъ королей копие хлухимъ концомъ и сшипъ двух королей с коней, что сноповъ, и два войска побилъ и двухъ королей связалъ и на морское пристанище отослал ко отцу своему царю Салтану Салтановичю».

И рече Бова: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не на чемъ мнѣ выехать против силнаго богатыря Лукопера. Нѣтъ у меня ни добраго коня богатырскаго, ни доспѣха крѣпкаго, ни меча-кладенца, ни копия востраго, ни збруи богатырской». И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь Бова! Ты еще дѣтище младо и не можешъ на добромъ конѣ сидѣть и во всю конскую пору скакать. И уже мнѣ отцу своему не пособить! А ты, государь Бова, возми меня себѣ за жены мѣста, а буди нашему царству здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель». И рече Бова: «Который государь купитъ холопа добраго, а холопъ хочет выслужитца. Да не на чемъ мнѣ выѣхать противъ силнаго богатыря Лукопера: нѣтъ у меня ни добраго коня багатырскаго, ни збруи ратные». И рече прекрасная королевна Дружневна: «Есть у государя моего батюшка добрый конь богатырский: стоит на 12 цепяхъ, по колени в землю вкопанъ, и за 12 дверми. И есть у батюшка моего в казнѣ 30 доспѣхов старых богатырей и мечь-кладенецъ».

И Бова бысть радощенъ и пошолъ на конюшню, и добрый конь богатырский зъ 12 цепей збился и уже пробиваетъ послѣдние двери. И Дружневна побѣжала за Бовою на конюшню и почела говорить: «Есть ли во Арменскомъ царстве юноши храбрые витязи? Подите за мною на конюшню!» И доброй конь богатырский охапил Бову передними ногами, и почел во уста целовать, аки человекъ, и Бова почелъ добраго коня богатырскаго по шерсти гладить, и скоро утѣшилъ добраго коня богатырскаго. И Дружневна послала в казну по доспехъ богатырский и по мечь-кладенецъ: 12 человекъ на насилкахъ несли. И Бова бысть радощен, и хочетъ садитись на добраго коня богатырскаго и ѣхать на дѣло

ратное и смертное. И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь мой Бова! Едешъ ты на дѣло ратное и смертное, либо будеш живъ, либо нѣтъ, а Богу ты не помолился и со мною не простился». И Бовѣ то слово полюбилось, и пошелъ к Дружневне в полату и помолился Богу, и взял себѣ Спаса на помощъ и Пречистую Богородицу. И з Дружневною простился, и пошел на дѣло ратное и смертное.

И Дружневна Бову проважала. И отпущает на дѣло ратное и смертное, и подпоясывала около Бовы мечь-кладенецъ своими руками. И Бова садился на добраго коня богатырскаго, а в стремя ногою не вступаючи. И прекрасная королевна Дружневна ухватила Бовину ногу, и ставила в стремя своими руками, и примала Бову за буйную главу, и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь мой Бава! Едеш ты на дѣло ратное и смертное, либо будешъ жив, либо нѣтъ. И яз тому вѣры не иму, что ты понамарева роду. Повѣдай мнѣ истинную правду свою, царскаго ли ты роду или королевскаго?» И рече Бова прекрасной королевне: «Ѣду яз на дѣло ратное и смертное, либо буду жив, либо нѣтъ. Скажу яз тебѣ истинную правду. Не понамарева яз роду, яз роду королевскаго, славнаго короля сынъ Видона, а матушка моя, прекрасная королева Милитриса, добраго и славнаго короля Кирбита Везауловича дочь». И Бова досталь[1] Дружневне песку к сердцу присыпалъ.

И былъ у того короля Зензевея Адаровича дворецкой. И почал говорить, а государыню свою бесчестить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не доведетца тебѣ около холопа своего своими руками мечь-кладенецъ опоясывать, и не доведетца тебѣ холопьи ноги в стремя ставить своими руками, и не доведетца тебѣ за холопью главу принимать и целовать холопа своего во уста, и во очи, и во уши, и провожать, и отпущать на дѣло ратное и смертное». И Бова ударил дворецкого копием, глухимъ концом, и дворецкой падъ на землю мертвъ, и лежал три часа, одва востал.

И Бова поѣхал на дѣло ратное и смертное. И скочил Бова впрямъ через городовую стѣну, и увиделъ славный богатырь Лукопер, что выскочил из Орменскова царства храбрый витезь через городовую стѣну, и стали на поле съѣзжатца два силные богатыря. И Лукопер на Бову заправил копие вострымъ концом, и Бова на Лукопера вострымъ *же* концом. И ударились два силные богатыря промеж собою вострыми копьями, что сильный громъ грянулъ, прет тучаю. И Лукопер на Бовѣ не мог доспѣха пробить, а Бова на Лукопере доспѣх пробилъ на обе стороны, и Лукопер свалился с коня мертвъ.

И Бова почелъ Лукоперова войска бить, и бился Бова 5 дней и 5 нощей бес почиву[2], не столько билъ, колько конемъ топталъ. И побил войска 100 000, и невелике люди ушли на морское пристанище ко царю Салтану Салтановичю. И почели говорить: «Государь царь Салтан Салтановичь! Выѣхал из Орменского

[1] вдосталь, сверх меры; [2] без отдыха, без передышки.

царства храбрый витезь и скочилъ впрямъ через городовую стѣну, и сына твоего Лукопера убилъ, и 100 000 войска побилъ. Ужо будетъ на морское пристанище». И царь Салтанъ Салтановичь не поспѣлъ царскихъ шатров посымать, и скочил на корабль с невеликими людьми, и побѣжалъ во Рахленское царство.

И Бова приѣхал на морское пристанище, и скочилъ в шатеръ, ажно два короля связаны под лавкою лежатъ, король Зензевей Адаровичь да король Маркобрунъ. И Бова двухъ королей розвезалъ и на коней посадилъ. И поѣхали во Арменское царство, и ѣхали во Арменское царство 3 дни и 3 нощи в трупу человеческомъ, одва добрый конь скачетъ в крови по колѣни.

И рече Бова государю своему Зензевею Адаровичю да королю Маркобруну: «Которы государь добраго холопа купитъ, а тот холопъ государю своему выслужитца». И король Маркобрунъ почел говорить королю Зензевею Адаровичю: «Слыхалъ яз у старыхъ людей: который государь добраго холопа купитъ, а холопъ государю своему выслужитца, и того холопа наделяютъ[1] да отпущаютъ». И король Зензевей Адаровичь почел говорить: «Яз де слыхалъ у старых же людей, что такова холопа годно наделять да к себѣ призывать». И приѣхали два короля во Арменское царство, и пошли в королевские полаты, и почели пити и ясти и веселитися. И Бова пошол на конюшню, и легъ спать, и спалъ 9 дней и 9 нощей.

И в тоя поры два короля, король Зензевей Адаровичь да король Маркобрунъ, выѣхали сь ястрепцы на заводи тѣшитца. И в тоя поры дворецкой призвал к себѣ 30 юношей храбрыхъ витезей и почелъ говорить: «Подите, юноши, и убейте Бову на конюшне соннаго, а яз вамъ дамъ много злата и сребра». И всякому корысти хочетца. И кинулись 30 юношей к Бовѣ на конюшню, а Бова крѣпко спитъ. И в тех 30 юношехъ былъ единъ разумной. И почелъ говорить: «А токо мы не можемъ Бовы сонного убить. А Бова пробудитца, что намъ будет? Бова — храбрый витезь, убилъ Бова силнаго и славнаго богатыря Лукопера и 100 000 войска побилъ. Пойдемъ мы к дворецкому! А дворецкой таков же, что и нашъ государь король Зензевей Адаровичь, и напишет дворецкой грамоту королевским именем, и пошлет Бову во Рахленское царство, а Бова от сна своего не узнаетъ». И дворецкому то слово полюбилось. И пошолъ дворецкой в королевскую полату, и грамоту написал от короля Зензевея царю Салтану Салтановичю, чтоб царь Салтанъ Салтановичь «на меня не кручинился, не яз убилъ Лукопера, сына твоего, и 100 000 войска побилъ. Имя ему Бова, а яз его послалъ к тебѣ головою на смерть». И дворецкой грамоту написалъ, и запечатал, а самъ легъ на каролевскую кровать и одевался королевскимъ одеяломъ, и послал по Бову на конюшню. И Бова пришол в королевскую полату, и не узналъ Бова дворецкого. И почелъ говорить королевскимъ именемъ: «Бова, служи ты мнѣ вѣрою и правдою. Поди ты во Рахленское царство, отнеси от меня челобитье царю Сал-

[1] награждают.

тану Салтановичю». И Бова грамоту принел, и челом ударилъ, и пошел на конюшню. И не оседлалъ добра коня богатырскаго, оседлалъ Бова иноходца и поѣхалъ во Рахленское царство.

И едетъ Бова 9 дней и 9 нощей, и не можетъ Бова наѣхать ни реки, ни ручья, а пити Бовѣ добрѣ хочетца. И увиде Бова: от дороги с версту стоит дубъ, и под дубомъ стоит черноризецъ. И поѣхалъ Бова, и рече черноришцу: «*Имя твое как?*» — «Имя ми Пилигримъ». И рече Бова: «Дай мнѣ, что ты самъ пьешъ». И рече Пилигримъ: «Государь мой, храбрый витезь Бова королевичь! Яз пью укруха[1], а тебѣ, государь, дамъ тожъ укруги». И старецъ почерпнулъ чашу укруги и уклонился, всыпалъ усыпающего зелья и далъ Бовѣ. И Бова выпилъ, и уклонился Бова с коня на землю, и спалъ 9 дней и 9 нощей. А старецъ Пилигримъ унесъ у Бовы мечь-кладенецъ и увел добраго коня-*ино*ходца. И Боваursosталъ от сна своего, ажно нѣт у него ни добраго коня-иноходца, ни меча-кладенца. И Бова прослезися: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! Уже ми изобиделъ старецъ, взял у меня добраго коня-иноходца и мечь-кладенецъ, а государь меня послал на смерть». И пошел Бова, куды очи несутъ. И Бовѣ Господь путь правитъ.

И пришел Бова во Рахленское царство, и вшед в царские полаты, и грамоту положилъ на столъ. И царь Салтан Салтановичь грамоту принял, и роспечатал, и прочитал. И закричалъ царь Салтанъ Салтановичь: «О злодей Бова, ты у меня убил сына Лукопера и 100 000 войска побилъ, а ныне ты самъ ко мнѣ на смерть пришолъ, могу тебя повѣсить!» И закричал царь Салтанъ Салтановичь: «Есть ли у меня юноши, храбрыи витези? Возьмите Бову и поведите на повѣшенье». И скоро рѣли[2] поставили, котлы приготовили, и востали 60 юношей, взяли Бову 30 юношей под правую руку, а другая 30 юношей под левую руку, и повели Бову на повѣшенье, и вывели Бову в поле. И увидел Бова рели и прослезися Бова: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! Что моя вина, что моя неправда, за что яз погибаю?» И взложи Богъ Бовѣ на разум, что Бова силный богатырь. И трехнулъ Бова правую рукою и 30 юношей ушиб, и тряхнулъ Бова лѣвою рукою и другую 30 юношей убилъ. И побѣжалъ Бова от Рахленскаго царства.

И увидел царь Салтанъ Салтановичь, и повелѣ в рогъ трубить, и собралъ двора своего и 5 тысячь, и погнася за Бовою. И сугнали, и поимали, и привезли ко царю Салтану Салтановичю. И царь Салтанъ Сальтановичь почелъ говорить, аки в трубу трубить: «Уже ты, злодей Бова, хочешъ у смерти уйти. Могу тебя повѣсить!»

И была у того царя Салтана дочь, прекрасная королевна Минчитрия. И надѣла на себя драгоценная платья, и пошла ко отцу своему в полату, и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтанъ Салтановичь! Уже тебѣ сына

---

[1] здесь: хлебное крошево (на воде или на квасу); [2] здесь: виселицы.

своего, а брата моего не поднять и 100 000 войска не поднять же, а такова сильнаго богатыря изведешъ. А ты, государь батюшка, дай его мнѣ на руки[1], и яз его превращу в свою вѣру латынскую и в нашего бога Ахмета,* а меня он возьметъ за жены мѣста и будет нашему царству здержатель и ото всѣхъ странъ оберегатель». И у царя Салтана дочь прекрасная царевна Минчитрия была в любви. И царь Салтанъ говорит: «Чадо мое милое, прекрасная царевна Минчитрия, буди на твоей воли».

И царевна Минчитрия челомъ ударила отцу своему, и взяла Бову себѣ на руки, и пошла во свои хоромы, и дала Бовѣ много пити и ясти розличных ествъ, и почела говорить: «Бова, забудь свою вѣру православную християнскую и *вѣруй* нашу латынскую вѣру в нашего бога Ахмета, и возми меня себѣ за жены мѣста, и буди нашему царству здержатель и ото всѣх странъ оберегатель. А не станешъ нашей латынской вѣры вѣровать и не возмешъ меня себѣ за жены мѣста, и батюшка мой может тебя повѣсить или на кол посадить». И рече Бова: «Хоть мнѣ повѣшену быть или на колѣ посажену быть, а не вѣрую яз вашея латынские вѣры и не могу яз забыть своея истинныя». И царевна Минчитрия велѣла Бову посадить в темницу накрѣпко и цкою желѣзную задернуть и пескомъ засыпать и не дала Бовѣ пити, ни ясти 5 дней и 5 нощей. И Бовѣ пити и ясти добре хочетца.

И прекрасная царевна Минчитрия надѣла на себя драгоценное платья, и пошла к Бовѣ в темницу, и велела песку отгрести, и цку желѣзную открыть. И вошла к Бовѣ в темницу, и не могла на Бовину красоту насмотритися 3 часа, и почела говорить: «Бова! Лутчи ли тебѣ умереть голодную смертью или повѣшену быть, или на колѣ посажену быть? Вѣруя нашу латынскую веру и позабуди свою християнскую вѣру, и возьми меня себѣ за жены мѣста». «Уже мнѣ и такъ голодная смерь приближаетца. А хошъ мнѣ повѣшену быть или на колѣ посажену быть, а не вѣрую яз вашея латынские вѣры и не могу забыть провославныя християнские вѣры».

И царевна Минчитрия не дала Бове ни пити, ни ясти, и пошла ко отцу своему в полату, и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтанъ Салтановичь! Не могла яз Бовы прелстить. Хошъ его повѣсь, хошъ его на колъ посади». И царь Салтанъ Салтановичь почелъ говорить: «Ест ли у меня 30 юношей? Подите в темницу и возмите Бову и приведите ево ко мнѣ, яз могу Бову повѣсить». И стали 30 юношей, и пошли к Бовѣ в темницу, и не могли песку отгрести, и цки желѣзные открыти, и почели кровлю ломать. И закручинился Бова: «Нѣтъ де у меня меча-кладенца, нѣчемъ де мнѣ попротивитца против 30 юношей». И увиде Бова в углу в темнице мечь-кладенецъ, и взя Бова мечь-кладенецъ, бысть Бова радощенъ. И юноши почели к Бовѣ в темницу спущатца человека по два, и по три, и по пяти, и по шти. И Бова сечетъ да лѣсницу[2] кладет.

[1] на поруки; [2] лесенкой, одного на другого.

И 30 юношей всѣх присек да и за лѣсницу склал. И царь Салтанъ на тѣхъ юношей взозлился: «Зашли де блядины дѣти да з Бовою бесѣдуютъ». И послалъ другихъ 30 юношей, и велѣлъ тотъчас Бову привесть. И пришли 30 юношей, и стали к Бовѣ в темницу спущатца. А Бова сечетъ да лѣсницу кладет. И вышелъ Бова из темницы да и побѣжалъ из Рахленскова царства. И царь Салтан Салтановичь повѣлѣ в рог трубить, и собра войска 30 000 да погнася за Бовою.

И Бова прибѣжалъ на морское пристанище, и увиде Бова корабль, и скочил на карабль, от берегу отвалилъ. И закричалъ царь Салтан Салтанович зычно гласомъ: «Гости-корабелщики, здайте с коробля моего изменника, которой у меня ис темницы ушолъ, а имя ему Бова. И буде вы не здадите моего изменника, и впред мимо *мо*его царства кораблемъ не хаживать и в моем царстве не торговать». И мужики-корабелщики хотятъ Бову с коробля здать. И Бова вынял ис подпазушья мечь-кладенецъ и мужиковъ присѣкъ да и в море пометал. И ерыжные на коробле ухоронились, и почели говорить: «Государь храбрый витезь, не моги ты насъ погубить, а мы тебѣ, государь, побежим куды тебѣ надобе».

И ярыжные подымали парусы, и бѣжали по морю год и три месеца, и подбѣжали под Задонское царство, и увидели три терема златоверхия, и отнесло ихъ погодою от пути верст за 100. И Бова велѣлъ парусы отпустить и якори в воду пометать. И почелъ Бова по короблю ходить и на вся стороны смотрить. И увиде на край брегу моря рыболовы. И закричалъ Бова зычно гласомъ: «Пожалуй, рыболовъ, не ослушайся, подедь на корабль!» И рыболовъ не ослушался, приѣхалъ, и Бова почелъ рыболова роспрашивать: «Пожалуй, рыболовъ, скажи мнѣ: царство ли или орда, царь ли живетъ или король?» И рече рыболовъ: «Государь гость-корабелщикъ, стоит то наше царство Задонское, а живет государь нашъ король Маркобрунъ». И Бовѣ пошло на разумъ и рече Бова: «Не тот ли король Маркобрунъ, что сватался во Арменскомъ царстве у короля Зензевея Адаровича на прекрасной королевне Дружневне?» И рече рыболовъ: «Государь гость-корабелщикъ, тот. А ныне королевна Дружневна у нашего государя короля Маркобруна умолила на год, а все провѣдывает про храбраго витезя про Бову королевича. У нашего государя Маркобруна радость будет, свадьба, жéнитца на прекрасной королевне Дружневне». И рыболов Бовѣ песку к сердцу присыпалъ.

И Бова рече рыболову: «Пожалуй, рыболовъ, продай рыбы, ярыжным ясти». И рыболовъ кинулъ пять осетровъ на корабль: «Во се, государь, тебѣ рыбы и бес продажи». И Бова взялъ злата и сребра, и покрывалъ камками[1] и бархаты, да и бросилъ рыболову в подъѣздокъ. И рыболов почел говорить Бовѣ: «Государь гость-корабелщик, дал ты мнѣ много живота[2], ни пропить, ни проѣсть ни дѣтемъ моимъ, ни внучетомъ». И Бова рече: «Пожалуй, рыболовъ, свези меня на берегъ». И рыболовъ не ослушался, взялъ Бову в подездокъ и привесъ на бе-

---

[1] шелковыми узорными тканями; [2] здесь: добра, имущества.

регъ. И Бова почалъ ярыжнымъ наказывать: «Ярыжные, вотъ вамъ весь карабль и з животом. Делите пополамъ, а не бранитеся и не деритеся».

И пошол Бова к Задонскому царству, и шелъ Бова 5 дней и 5 нощей, и нашелъ старца Пилигрима, которой ево ограбилъ и взялъ у него мечь-кладенецъ и добраго коня-иноходца. И Бова почелъ Пилигрима бить. И Пилигримъ почелъ молитца: «Не убей меня, храбрый витезь Бова королевичь! Яз тебѣ отдамъ добраго коня-иноходца и мечь-кладенецъ и дамъ тебѣ трое зелье: усыпающее, да зелье бѣлое, а третье чорное». И взялъ Бова трое зелье да мечь-кладенецъ да и пошел.

Идет Бова 6 дней к Задонскому царству. И увиделъ Бова старца — на улице щепы гребет. И рече Бова старцу: «Дай мнѣ с себя черное платье, а возми мое цвѣтное». И старецъ почелъ говорить: «Государь храбрый витезь, не пригодитца мое тебѣ платье, а твое *цвѣтное* платье мнѣ: милостины не д*а*дутъ». И Бова старца ударилъ о землю и снял с старца черное платье, а свое *цвѣтное* платье покинулъ. И надѣлъ на себя Бова черное платье, и пошелъ на королевский двор, и пришол на поварню, а повары ествы в*а*рятъ.

И пришелъ Бова, и почел есть прошать: «Государи королевские повары, напойте-накормите прохожева старца для Спаса и Пречистые Богородицы и для ради храбраго витезя Бовы королевича». И повары закричали: «О злодей старецъ, что ты про Бову милостины прошаешъ? У нашего государя про Бову заповедано: хто про Бову помянетъ, того казнить смертью бес королевскаго вѣдома». И кинулся повар, выхватил ис-под котла головню и ударил старца, и старецъ на мѣсте не тряхнулся и ухватил ту же головню, и ударилъ старецъ повара и ушибъ до смерти.

И побѣжали повары к дворецкому: «Дворецкой, поди на поварню. Пришелъ старецъ на поварню да лутчева повара ушибъ до смерти». И дворецкой пришол на поварню, и почелъ спрашивать у поваров: «За что стала у старца с поваром?» — «Пришелъ старецъ на поварню, почелъ есть прошать для Спаса и Пречистые Богородицы и для храбраго витезя Бовы королевича». И дворецкой почелъ говорить: «Что ты, старецъ, про Бову поминаешъ? У нашего государя заповедь крѣпкая: кто про Бову помянетъ, и он велитъ без своего вѣдома убить». И рече Бова: «Государь дворецкой, не вели меня, старца, убить, яз старецъ прохожей и заповеди вашей не слыхалъ». И дворецкой рече: «Поди, старецъ, на задней двор, тамо королевна Дружневна нищих златом делитъ. Завтра у нашего государя радость будет: женитца нашъ государь король Маркобрунъ на прекрасной королевне Дружневне».

И старецъ пошелъ на задней двор, ажно на заднемъ дворѣ нищих великое множество. И старецъ пошелъ промеж нищихъ теснитца, и нищие старцу пути не дадутъ, и почели старца клюками бить. И старецъ почелъ на обе стороны нищих толкать, и за старцомъ много мертвых лежатъ. И нищие почели старца пускать. И старецъ дошелъ до прекрасной королевны Дружневны, и закричал

старецъ зычно гласомъ: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Дай мнѣ, старцу, милостину для Спаса и Пречистые Богородицы и для храбраго витезя Бовы королевича». У Дружневны миса из рукъ з златом вывалилась. И добрый конь богатырский услышал всадника своего храбраго витезя Бову королевича, и почелъ на конюшне ржати, и от конскаго ржания град трясяхуся.

И королевна Дружневна почела говорить: «Подите, няньки, да раздовайте злато нищимъ». А сама взяла старца и пошла в задние хоромы, и почела спрашивать: «Старецъ, что ты про Бову милостины прошаешь? Гдѣ ты слыхал про государя моего храбраго витезя Бову королевича?» И рече старецъ: «Государыни королевна! Яз з Бовою в одной темнице сидѣл во Рахленском царстве, да мы з Бовою одною дорогою шли. Бова пошелъ налево, а яз пошелъ направо». И рече старецъ: «Государыня королевна Дружневна, а какъ Бова ныне придетъ, что ты над нимъ учинишъ?» И прекрасная королевна Дружневна прослезися. «Что б, — говоритъ, — кабы яз провѣда государя Бову на тридесятом царстве на тридесятой землѣ, и яз бы и там к нему упала!»

И в тоя поры пришол король Маркобрунъ к прекрасной королевне Дружневне, ажно старецъ сидит, а Дружневна перед старцом стоит. А король Маркобрунъ почелъ говорить: «Что ты, Дружневна, пред старцомъ стоишъ, а слезы у тебя по лицу каплютъ?» И королевна Дружневна почела говорить: «Государь мой король Маркобрунъ, какъ мнѣ не плакать? Пришел тот старецъ из нашего из Орменскаго царства и сказываетъ: батюшка и матушка моя умерли. И яз по них плачю». И король Маркобрунъ почелъ говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Уже тебѣ отцу своему и матери своей не пособить. А тужишъ, лишо живот свой надсажаешъ. Пущи всего, что добрый конь богатырский збился зъ 12 цепей, уже послѣдние двери пробиваетъ. А как послѣдние двери пробьет, и в городе много мертвых будетъ». И рече старецъ: «Государь король Маркобрунъ! Яз утѣшу добраго коня, что станетъ трех лѣтъ младенецъ ѣздить». И король Маркобрунъ рече старцу: «Толко ты, старецъ, утѣшишъ добраго коня, яз тебя пожалую, дамъ тебѣ много злата».

И старецъ пошел на конюшню, и Дружневна пошла за старцомъ. И добрый конь богатырский услышалъ всадника своего, и послѣдние двери пробилъ, и сталъ на задние ноги, а передними ногами охапилъ старца, почелъ во уста целовать, аки человѣкъ. И увидел король Маркобрунъ, пошелъ в полату и заперса: «Уже коли добрый конь послѣдние двери пробилъ и старца смялъ, то много в городе мертвых людей будет».

И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Что ты, старецъ, скоро утѣшилъ?» И старецъ рече: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! И самъ яз тому дивлюся, что добрый конь меня скоро узналъ, а ты меня долго не узнаешъ. А яз истинный самъ Бова королевичь». И Дружневна рече старцу: «Что ты, старецъ, меня смущаешъ? Государь былъ Бова велми лѣпообразенъ, от Бовины бы красоты во всю конюшню осветила». И старецъ вынял из подпазушья

мечь-кладенецъ, и Дружневна мечь к сердцу прижала: «Истинной мечь государя моего Бовы королевича! А ты, старецъ, чернъ и дуренъ, а шелъ ты з Бовою одною дорогою, и ты у него мечь укралъ. А кабы тот мечь был у государя моего Бовы королевича, умѣлъ бы онъ тѣмъ мѣчемъ владать. А се была у государя моего у Бовы на главѣ рана, а в рану палецъ ляжат. Когда онъ служил во Арменскомъ царстве у государя моего батюшка у короля Зензевея Айдаровича, и пошелъ Бова ис полаты, и ударилъ дверми, и свалился кирпичь сверху, и разшибъ у Бовы голову. И яз лечила Бову своими руками, и яз знаю Бовину рану». И старецъ снял з главы клабукъ, и показал рану. И Дружневна рану осмотрила, и поцеловала: «Истинная рана государя моего Бовы, а ты, старецъ, дуренъ и чернъ». И рече старецъ: «Истинный яз самъ Бова. А ты, Дружневна, вели воды принесть, и яз умоюсь бѣлаго зелья».

И Дружневна побѣжала сама по воду, и принесла воды в сребряном рукомойце. И Бова умылся бѣлаго зелья, и осветил Бова во всю конюшню. И Дружневна пад в ноги Бовѣ, и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Не покинь меня, побѣжимъ с тобою от короля Маркобруна». И рече Бова: «И ты, Дружневна, поди х королю Маркобруну и дай ему пить, и всыпь в кубокъ усыпающего зелья, и онъ спитъ 9 дней и 9 нощей, а мы в тоя поры убѣжимъ». И Бова далъ усыпающего зелья, и Дружневна зелья взела да и за рукав завернула, и пошла в свои хоромы, и надѣла на себя драгоценная платья, и пошла в королевскую полату, и почела говорить: «Государь мой король Маркобрунъ! Завтра у насъ с тобою радость будетъ: тебѣ, государь, меня за себя понять. А ты, государь, со мною изопьемъ по кубку меду, чтобы мнѣ не тужить по батюшке и по матушке».

И у короля Маркобруна Дружневна была в любьви. И скоро велѣлъ принести крѣпкаго меду, и юноши скоро принесли крѣпкаго меду. И Дружневна, уклонясь, всыпала из рукава усыпающего зелья и поднесла королю Маркобруну. И у короля Дружневна была в любви, и велѣлъ ей напередъ пить. И Дружневна почела перед нимъ уничижатца: «Государь мой король Марокбрунъ! Не доведетца мнѣ, дѣвке-страднице[1], прежъ тебя пити. Выпей, государь, тот кубокъ ты, а яз по другой пошлю». И король Маркобрунъ выпилъ кубокъ меду и уклонился спать. И королевна Дружневна побѣжала к Бовѣ на конюшню и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь, уже король Маркобрунъ крѣпко спитъ».

И Бова оседлалъ под себя добраго коня богатырскаго, а под Дружневну иноходца. И Дружневна взяла ис казны 2 шатра езжалые[2], и Бова шатры взялъ в торока, и садился Бова на добра коня, а Дружневна на иноходца, и поехали из Задонского царства. И ѣхалъ Бова з Дружневною 9 дней и 9 нощей, и сталъ Бова в поле, и роставилъ бѣлые шатры, и добры кони стреножилъ. И пошелъ з Друж-

---

[1] холопке; [2] походные.

невною в шатер, и Б*ова* з Дружневною совокупился. И король Маркобрунъ воста от сна своего, ажно нѣтъ у него прекрасные королевны Дружневны, ни добраго коня богатырскаго. И почелъ король Маркобрунъ говорить: «Не старецъ злодей былъ, а былъ истинный самъ Бова королевичь. Увелъ у меня злодей прекрасную королевну Дружневну и добраго коня богатырскаго». И повѣлѣ в рогъ трубити, и собра войска 30 000, и послалъ за Бовою и за Дружневную.

И Бова вышелъ из шатра холодитца. *И* какъ услышалъ Бова конскую потопь и людцкую молву, и пошелъ в шатер, и почел говорить: «Государыни прекрасная королева Дружневна! Есть за нами люди небольшие: быть погоне от короля Маркобруна». И прекрасная королева Дружневна почела говорить: «Государь мой ласковой, храбрый витезь Бова королевичь! А тако насъ поимаютъ, уже намъ от короля Маркобруна живымъ не быть». И Бова рече: «Государыня прекрасная королева Дружневна! Молися Богу, Богъ с нами».

И взялъ Бова мечь-кладенецъ, и селъ на добраго коня и без седла, и поѣхалъ против погони, и побилъ погоню 30 000, толко оставил 3 человека, наказавъ, да и отпустил х королю Маркобруну: «Что король Маркобрунъ за мною посылаетъ, тока войска теряет! А знает онъ, что яз силны богатырь, храбрый витезь Бова королевичь? Убилъ яз силнаго богатыря Лукопера и 9000 войска побил». И пришли 3 человека х королю Маркобруну и почели говорить: «Государь король Маркобрунъ! Бова все войска побилъ, и насъ трех отпустилъ и не велѣлъ за собою гонятца: что онъ посылаетъ за мною, только войска теряетъ!»

И король Маркобрунъ повелѣ в рогъ трубить и собра войска 40 000 и посылает за Бовою и за Дружневною. И тѣ юноши почели говорить: «Государь нашъ король Маркобрунъ! Что намъ за Бовою ити? А Бовы нам не взять, только нам головами своими наложить. Есть, государь, у тебя сильный богатырь, а имя ему Полканъ, по пояс песьи ноги, а от пояса что и прочий человекъ, а скачет он по 7 верстъ. Тотъ можетъ Бову сугнати и поимать, а сидит онъ у тебя в темнице за 30 замками и 30 мостами». И король Маркобрунъ велѣлъ Полкана ис темницы выпустить и послал за Бовою. И Полканъ почел скакать по семи верстъ.

И Бова вышелъ из шатра, и услышалъ Бова, что Полканъ богатырь скачетъ. И Бова взял мечь, и сѣлъ на добраго коня и без седла, и поѣхалъ противъ силнаго богатыря Полкана. И какъ сьѣзжаютца два силные богатыря, и Бова махнул Полкана мечем, и у Бовы мечь из рукъ вырвался и ушол до половины в землю. И Полканъ Бову ударил палицею, и Бова свалился с коня на землю мертвъ. И Полканъ скочи на Бовина коня, и добрый конь Бовинъ увиделъ Полкана, и закусил муштукъ и почелъ носить по лесамъ и по заразамъ[1] и по кустамъ, и ободралъ по пояс ноги и мясо до костей.

И Бова лежал мертвъ три часа, и востал, что ни в чемъ не бывал[2], и пришелъ к Дружневне в шатер, и легъ на кровать. И добрый конь уносил[3] Полкана,

[1] оврагам; [2] как ни в чем не бывало; [3] измучил, уходил.

и примчал к шатру, и Полканъ свалился на землю. И Дружневна из шатра вышла, и почела говорить: «Брате Полкане, помирися з Бовою, инъ вамъ не будет супротивника на семъ свѣте». И рече Полканъ: «Яз бы рад за Бовою помирица, лишъ бы Бова помирился». И Дружневна пришед в шетер и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь, помирися ты с Полканомъ, ино вам не будет на семъ свѣту супротивника». И рече Бова: «Яз рад с Полканом помиритца, а не поми́ритца Полканъ, и яз его убью». И Бова с Полканом помирился. Полканъ Бову прималъ за бѣлые руки и целовал во уста, и называл его болшим братомъ.

И сѣлъ Бова на добраго коня, а Дружневна на иноходца, а Полкан за ними почелъ скакать. И приѣхали во градъ Костел, а во граде нѣтъ ни царя, ни короля, толко мужикъ посацкой, а имя ему Орелъ. И Бова королевичь да Полканъ ставились на подворье, и Бова легъ с Дружневною спать. А в тоя поры пришол король Маркобрунъ под град Костелъ, а войска с нимъ 50 000, и Костелъ-град осадил, и почелъ грамоты к мужику посацкому писать и прошать з города Бову с Полканом: «А будетъ вы не здадите з города моихъ изменников, и язъ вашъ град Костелъ огнемъ пожгу и головнею покачю!» И мужикъ посадцкой велѣлъ мужикомъ собратца в земскую избу. И мужики собралися, и посадникъ мужикъ Орелъ пришол в земскую избу и мужикамъ грамоту прочелъ, и почелъ говорить мужикамъ: «Пойдемъ мы противъ короля Маркобруна! И яз сам пойду и двухъ сыновъ собою возму». И мужики собрались да и выехали против короля Маркобруна. И король Маркобрунъ мужика-посадника и з детьми полонил, и король Маркобрунъ мужика отпустилъ, а дву сыновей взялъ в закладе[1], а велѣлъ здать з города Бову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну.

И мужикъ пришолъ в город и велелъ збиратца мужикам в земскую избу. И скоро мужики собрались в земскую избу, да сталъ за мужиков мужикъ-посадникъ, почелъ говорить: «Здать ли намъ з города выѣзжих людѣй или не здавать?» И выступала Орлова жена и почела говорить: «Выезжихъ людей з города не здавать, а уже дѣтямъ своимъ намъ не пособить». И мужикъ Орелъ почел говорить: «У всякие жены волосы долги, да умъ коротокъ». И присовѣтовали мужики, что Бову з города здать.

И пошел Полкан к Бовѣ: «Брате Бова, долго спишъ, ничего не вѣдаешъ: хотят насъ мужики з города здать». И рече Бова: «Злодѣи — мужики, что ни продуму[2] не гораздо удумали! Не гораздо и имъ будетъ!» И скочилъ Бова скоро с кровати и опахнулъ[3] на себя шубу одевалную.* И взялъ под пазуху мечь-кладенецъ и пошелъ в земскую избу, и почел мужиков рубить от дверей и до куту[4]. Мужиков порубил да и вонъ пометалъ, а Орлова жена побѣжала с коника[5] с печи и почела говорить: «Государь храбрый витезь, не моги меня, горкие вдовы,

---

[1] заложниками; [2] нелепицу; [3] накинул на плечи, не надевая в рукава (охабнем); [4] до красного угла; [5] с лавки для спанья, с деревянной лежанки.

погубить!» И рече Бова: «Матушка государыня, не бойся. Дай мнѣ до утра сроку, яз и детей твоих отполоню». И выехали Бова да Полканъ против короля Маркобруна, и Бова ехал с правые руки, а Полканъ заскочилъ с лѣвые руки. И почели Маркобрунова войска бить, аки животину[1] отгнали и Орловыхъ детей отполонили.

И король Маркобрунъ ушол в Задонское царство с невеликими людми и положилъ на себя клятву, что «не гонятца за Бовою ни дѣтем моимъ, ни внучетомъ, ни правнучатам». И Бова пришел в город Костел и пришед к Орлове женѣ: «Во се, государыни матушка, дѣти твои». И почелъ у мужиковъ крестъ целовать, и учередилъ Бова Орловыхъ детей, да и поѣхалъ з города Костела и с прекрасною королевою Дружневною, а Полканъ за ними пѣшъ поскакал.

И едучи Дружневна почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова каралевичь! Уже приходит мнѣ время, какъ добры жены дѣтей рождаютъ». И Бова сталъ на станъ и шатры роставил, и рече Бова Полкану: «Брате Полкане, стань подале. Дружневна у меня недомогаетъ». И Полканъ отшел подалѣ да стал под дуб. И Дружневна родила два сына, и Бова нарекъ имя имъ: одному имя Симбалда, а другому Личарда. И Полканъ востал от сна своего и услышал конскую потоп и людцкую молву, и пришелъ Полканъ к Бовину шатру, и рече Полканъ: «Брате Бова! Идет рать великая, невесть идетъ царь, невѣсть король. Сам ли ты идешъ провѣдать или меня пошлешъ?» И рече Бова: «Поди ты, а мнѣ ныне не доволно: Дружневна народи два сына — Симбалду, а другова Личарду». И Полканъ поскакал, и много людей онъ похватал и в пленицу[2] перевезал да и к Бовѣ привел.

И Бова почелъ языковъ спрашивать: «Сказывайте вы, добрые люди, не испорчены, коева царства рать идетъ? Царь ли идетъ или король?» И языки почели росказывать: «Государь храбрый витезь! Идутъ то, государь, воеводы от нашего государя короля Додона во Арменское царьства. Сказываютъ, что бутто во Арменскомъ царьстве у короля Зензевея Андоровича служитъ Бова королевичь. И король Додон велѣлъ его, Бову, взять да к себѣ привестъ во царьство». И у Бовы разгорелося богатырское сердце, и не могъ Бова утерпети и предаде ихъ смерти. И оседлал себѣ доброго коня своего богатырского и взял с собою мечь-кладенецъ, и почел Бова брату своему Полкану наказывать: «Брате мой Полканѣ! Не покинъ ты Дружневны моей и двух детей моих. А яз поеду во Арменское царьства на дело ратное, а сам ты, брате, не ходи блиско к лесу». И простился Бова с Полканом, да и з Дружневную и з детми своими, и поехал Бова на ратное дело.

А Полкан послѣ его отшелъ к лесу спать, и в ту ж пору пришли лвы к Полкану сонному, и богатыря того Полкана сьели всего, только оставили одни плѣсны[3] ножные. И послѣ того вышла Дружневна из шетра своего и по-

[1] скотину; [2] в связку; [3] плюсны, ступни.

сматрила под дубом: и гдѣ Полкан спал, ажно Полкана лвы сьели, толко лежат плесны одни ножные. И Дружневна велми по немъ потужила, по Полканѣ, и взела детей своих и пасадила за пазуху, и сяде на инахотца и поехала, куды еѣ очи несут.

И приехала Дружневна под Арменское царьства и взяла с собою только плеть едину в торока, и пустила доброго своего коня-инахотца в чистое поле и рече ему: «Поди ты, мой добрый конь-иноходецъ, ищи себѣ государя ласковова». И пришед Дружневна к реке и умылась чернаго зелья и стала черна, что уголь. И пришедъ Дружневна в Рохленское царство и стала у вдовы на подворье. А в Рохленскомъ царстве царевна Миличитрия. И Дружневна почела на добрыхъ женъ сорочки шить, тѣмъ свою голову кормила и дѣтей своихъ.

И Бова королевичь силу побилъ, и приѣхалъ к шатру, ажно нѣтъ в шатрѣ ни королевы Дружневны, ни детей его. И Бова посмотрелъ под дубъ, ажно Полкана львы сьѣли, только лежат плесны ножны. И Бова разтужися: «Уже коли такова сильнаго богатыря львы сьели, то и Дружневну и *д*етей моихъ». И похоронилъ Бова Полкановы плесны, и самъ росплакася горко: «Милостивый Спасъ и Пречистая Богородица! Дали вы мнѣ ладо поноровное[1], и не дали вы мнѣ с нею пожить от младости и до старости». И пошелъ Бова на заводи тѣшитца и настрелялъ гусей и лебедей, и наварилъ Бова ѣствы да наѣлся и напился. Да и поѣхалъ Бова во Арменское царство, чтобы ему дворецкого убить, которой дворецкой послалъ ево на смерть.

И приѣдет Бова в*о* Арменское царство в воскресной день, а король Зензевей Адаровичь стоитъ у церковнаго пѣния.* И пошелъ король Зензевей от пѣния, и Бова королю Зензевею Адаровичю челом ударил. И король Зензевей почелъ спрашивать: «Имя твое какъ, и коего града, и куды идешъ?» И рече Бова: «Имя ми Августъ, ищу себѣ государя ласкаваго, чтобы меня приголубилъ». И рече король: «Мнѣ такие люди надобно. Пожалуй, Августъ, служи ты мнѣ». И Августъ, челомъ ударя, и пошелъ на королевской двор и дворецкаго убил.

И приѣхали послы из Рахленскаго царства. И Августъ подвернулся к послам и почел спрашивать: «Коего царства послы и почто приѣхали?» И послы почели говорить: «Мы, государь, пришли из Рахленскова царства провѣдавать про храбраго витезя Бову каралевича: послала насъ царевна Миличитрия, а хочетъ она за Бову замуж итить». И Августъ рече: «Подте вы, послы, в Рохленское царство, а Бова будет у васъ». И поѣхалъ Бова в Рохленское царство.

И приѣхал Бова в Рохленское царство, и взъѣхалъ Бова на каралевской двор безопсылачно[2]. И встречает Бову прекрасная царевна Минчитрия, и повела Бову в королевские полаты, и почели пити и ясти и веселитися. И царевна Минчитрия почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Крести ты, государь, меня, да возми себѣ за жены мѣста, и буди нашему царству

[1] супругу по нраву, по сердцу; [2] без предупреждения.

здержатель и ото всѣх странъ оберегатель». И Бова Минчитрию крестил, да и положили промеж собою на слове до воскреснаго дни.

И у Дружневны дѣти уже на разумѣ. Симбалда играетъ в гусли, а Личарда в домъру. И Дружневна почела посылать детей своих на королевской дворъ: «Потьте, дѣтушки, на королевской дворъ, и васъ возмут в королевскую полату, и вы играйте наигрыши добрые и тонцы[1] водите хорошие, да во всякой пѣсни пойте храбраго витезя Бову королевича». И Бовины дѣти пошли на королевской дворъ и в королевские полаты и почели наигрыши играть и тонцы водить, а во всякой пѣсни поютъ храбраго витезя Бову королевича. И Бова рече: «Что вы поете во всякой пѣсне Бову королевича? А яз много хожу, а Бовы в пѣснях не слыхал». И Бовины дѣти почели говорить: «Поемъ мы в пѣснях государя своего батюшка Бову королевича, а велѣла намъ государыня наша матушка прекрасная королевна Дружневна». И Бова велѣлъ их напоить и накормить и дал имъ злата и сребра много, одва мочно донести, а сам пошел за ними назором[2]. И пришли Бовины дѣти на дворъ, и мати ихъ встречает: «Подте, дѣтушки!», и примает за бѣлые руки и целуетъ их во уста. Увиде Бова, что встречаетъ баба дурна и черна, плюнулъ Бова да и прочь пошол: «Блядины де дѣти, сказали у себя мати Дружневна, ана[3] баба дурна и черна, что уголь».

И какъ ночь проходит, а день настает, и Дружневна посылаетъ детей своих на королевской двор. И Бовины дѣти пришли в королевские полаты и почели игрищи[4] играть добрые, а тонцы водить хорошие, и во всякой пѣсни поютъ Бову королевича. И Бова велѣлъ их напоить и накормить и далъ имъ много злата, и сребра и того болши, и пошол за ними назором. И королевна Дружневна умылась бѣлаго зелья и вышла встречать детей своих. И Бова увидѣлъ Дружневну и скочилъ на двор. И хватаетъ Дружневну за бѣлые руки и целуетъ в сахарные уста. И Дружъневна пала ему в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Не покинь меня и детей своихъ!»

И Бова взялъ Дружневну и детей своих, и пошолъ на конюшню, и выбралъ добрые кони-иноходцы под Дружневну и под детей своихъ. И царевна Минчитрия палась Бовѣ в ноги и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Коли ты, государь, меня за себя не взялъ, и язъ буду твоя закладчица»[5]. И рече Бова: «А коли ты за меня заложилась, и тебя не изобидит ни царь, ни король, слышичи мою грозу, храбраго витезя Бовы королевича». И поѣхалъ Бова с Дружневною и з детми своими во град Суминъ к дятьке Симбалде.

И дятька Симбалда встречалъ приѣзжаго человека Августа и двор ему отвелъ. И назавтреѣ дятка Симбалда на приѣзжаго человека Августа пиръ рядилъ. И пришелъ Августъ на пир, и дядка Симбалда велѣлъ ему мѣста дать. И какъ пошелъ пиръ навесело, и Августъ почелъ говорить: «Государь дятка Сим-

---

[1] наигрыши, сопровождаемые пением; [2] не спуская глаз; [3] между тем; [4] здесь: наигрыши, мелодии; [5] заложница, сама себя давшая в заклад, в кабалу.

балда! Кто близъ тебя живетъ, и нѣт ли какой обиды?» И говорилъ дятка Симбалда: «Есть, государь! Близъ меня живет злодей король Додонъ. Убил онъ, злодей, государя моего, добраго и славнаго короля Видона и по вся годы животину от града отгоняет, а яз против его стоять не могу». И Августъ рече: «Яз могу ту обиду отмстить. Собери войска, колко мочно». И Симбалда повелѣ в рог трубить и собра войска 15 000. И Августъ поѣхалъ воеводаю и взялъ с собою дядкина сына именем Дмитрея. И пришел под градъ под Антон, и животину отгнал, и посады обжегъ. И гдѣ лежит король Видонъ, а *над* могилою стоит столпъ, и Августъ ходилъ по три дни на могилу прощатца, а сам горко плакася. И увидел король Додон, что пришли под градъ невеликие люди и животину отгнали, и посады обожгли. И повелѣ в рог трубити, и собра войска 40 000, и вышел против Августа.

И Августъ, аки животину, отгнал от града, и ударил копием короля Дадона, и далъ ему сердечную рану. И поѣхал Августъ во град Суминъ, и дятка Симбалда повелѣ на радостех звонить и молебны служить, и взял Августа к себѣ. И дядкинъ сынъ Дмитрей почел отцу своему сказывать, что Августъ ходилъ на могилу по три дни прощатца, а сам горько плакася: «Не государь ли нашъ храбрый в*и*тезь Бова королевичь?» И дятка Симбалда почелъ говорить: «Государь нашъ был Бова королевичь велми лѣпообразенъ, и от Бовины красоты не мочно на мѣсте сидеть». И Бова услышал тѣ речи, и вышел на крыльцо, и умылся бѣлаго зелья, и вшел в полату. И осветил всю полату Бова своею красотою. И дядька Симбалда пад в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Моги отмстить смерть отца своего!»

И приѣхалъ посол из града из Антона во град Сумин, лѣкаря спрашивать. И Бова умылся чернаго зелья и назвался лѣкар*е*м: «Яз де могу вашего короля Додона излечить от раны сердечныя». И взял Бова с собою дядкина сына Дмитрея да и пошол во градъ во Антон лечить Додона. И посол пришел и обвестилъ королю Додону: «Государь король Додонъ, язъ тебѣ лѣкаря привез из Сумина града». И король Додон велѣлъ итти лѣкарю в полату, ажно много князей и бояръ. И лѣкарь почел говорить: «Государь король Додон! То дѣло упорливо[1]; чтоб не было никого в полате!»

И король Додон выслал из полаты всѣх, и Бова полату заперъ и приставил у крюка дядкина сына. И вымал Бова ис подпазушья мечь-кладенецъ, и почел говорить королю Дадону: «За то б яз тебѣ головы не отсѣкъ, что ты государя моего батюшка, добраго и славнаго короля Видона извел. И яз за то тебѣ отсеку голову, что ты послушал женского разума». И отсекъ Бова голову королю Дадону и положилъ на блюдо да ширинкою покрылъ.

И пошол Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почел говорить: «Во ся, государыня, дары от короля Додона. Яз излечил твоего

---

[1] трудное.

короля Додона от раны сердечныя». И королевна Милитриса дары принела и открыла, ажно голова Дадонова лежит на *блюде*. И сама закрылася: «О злодей лѣкарь, что ты? Ужже яз тебя скоро велю злою смертию казнить!» И рече Бова: «Стой, не торопися, государыни матушка моя!» Прекрасная королевна Милитриса почела говорить: «О злодей лѣкарь! Бова королевичь был велми лѣпообразенъ, от Бовиной красоты всю полату осветила, а ты, лѣкарь, чернъ и дуренъ, что уголь».

И Бова вышел на крыльцо, и умылся бѣлаго зелья, и пришолъ в полату, и освятил всю полату Бовиною красотою. И прекрасная королевна Милитриса пала Бовѣ в ноги. И Бова почелъ говорить: «Государыня матушка моя, не уничижайся предо мною!» И велѣлъ Бова гроб здѣлать, *положил* мать свою живу во гроб и одевал гроб камками и бархаты. Погреб Бова мать свою живу в землю и по ней сорокоусты роздал.*

И пошол Бова в темницу, гдѣ преж сего самъ сидѣл, ажно дѣвка та сидитъ в темнице в Бовино мѣст*о*. И Бова темницу розламал, а дѣвку выпустил, ажно у дѣвки власы до пят отросли. И девка рече: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Яз сежу в темнице с токовы поры, как тебя, государя, из темницы выпустила». И Бова рече дѣвке: «Государыня девица, потерпѣла бѣдности, и ты ныне возрадуйся». И выбрал князя и отдал девицу за князя замуж. И пошел Бова в Рахленское царство и женил дядкина сына Дмитрея на прекрасной царевне Минчитрие.

И пошед Бова на старину[1], и почелъ Бова жить на старинѣ з Дружневною да и з детми своими, лиха избывать, а добра наживать. И Бовѣ слава не минетца и до вѣка.

---

[1] в свою вотчину.

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

СКАЗАНИЕ И ПОХОЖДЕНИЕ О ХРАБРОСТИ, О МЛАДОСТИ, И ДО СТАРОСТИ ЕГО БЫТИЯ, МЛАДАГО ЮНОШЫ И ПРЕКРАСНАГО РУССКОГО БАГАТЫРЯ, ЗЕЛО ПОСЛУШАТИ ДИВНО, ЕРУСЛОНА ЛАЗАРЕВИЧА

Бысть во царствѣ царя Картауса Картаусовича дядюшка ево, князь Лазарь Лазаревичь, а жена у него Епистимия, а сына родила Еруслона Лазаревича. И какъ будетъ Еруслонъ Лазаревичь четырехъ лѣтъ по пятому году, и сталъ ходить на царев дворъ и шутить шутки не гораздо добры: ково хватитъ за руку — у тово рука прочь, ково хватитъ за голову — у того голова прочь, ково хватитъ за *ногу* — у того нога прочь.

И тутъ промеж себе князи и боляре и сильныя гости учали совѣтъ сотворяти: «Поидемъ мы бити челомъ к царю Картаусу Картаусовичю, и речемъ ему: „Есть у тебя, царю, дядюшка князь Лазарь Лазаревичь, а у него сынъ Еруслон Лазаревич, и ходитъ он ко царю на двор, и шутитъ шутки с нашыми детми не гораздо добры: ково хватитъ за голову — у того голова прочь, ково хватитъ за ногу — у того и нога прочь"». И что зговоритъ царь Картаусь ко своему дядюшке: «Гой еси дядюшка Лазарь Лазаревичь! Есть у тебя сынъ Еруслон Лазаревичь, и он ходитъ ко царю на дворъ, и шутитъ шутки не гораздо добры; и сынъ твой во царствѣ не надобенъ, — лутчи ево вонъ выслать ис царства».

И тутъ *стал* князь Лазарь Лазаревичь, услышал от царя Картауса Картаусовича себѣ слово кручинное, поѣхал от царя невеселъ, повѣсил свою буйну главу ниже плечь своих.

Ажно встречаетъ сынъ его Еруслон Лазаревичь, не доеждаючи отца своего, слазитъ з добра коня богатырского, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? Что ты от царя не веселъ ѣдешь? Или тебѣ у царя мѣсто было не по обычаю, или тебѣ от царя было слово кручинное?»

И говоритъ ему князь Лазар Лазаревичь: «Мѣсто мнѣ у царя было по обычаю; стольники и чашники доходили до меня; одно мнѣ от царя было слово кручинное. Когда бываютъ дѣти отцу и матери на потѣху, а под старость — на перемѣну, и по смерти — поминок; а ты мнѣ, дитятко, смолода — не на потѣху, а под старость — не перемѣна, а по смерть — не поминокъ! Да ходишь ты, ди-

тятко, ко царю на двор и шутишь шутки не гораздо добры: ково хватишь за руку — у того рука прочь, ково хватишь за голову — у того голова прочь, ково хватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебя князия и боляра били челомъ; царь тебя ис царства велѣл вонъ выслать».

И Еруслонъ Лазаревич стоячи усмѣхнулся, а самъ говоритъ таково слово: «То мнѣ, государь батюшко, за обычай, что *велел* меня ис царства вон выслать; *одна* на меня кручина, батюшко, *великая*: ходил я по твоимъ стоиламъ и по конюшнямъ, во аграмаках* и в коняхъ, и в жеребцах не мог себѣ лошатки выбрати, коя бы мнѣ по обычаю и могла бы мнѣ послужить».

И тутъ сѣдши Еруслон *Лазаревичь на свой доброй* конь, и поѣхал ко двору своему. И приѣхалъ в домъ отца своего, училъ прощатца у отца своего и у матери в чистое поле гулять. И отецъ князь Лазарь Лазаревичь и мати его Епистимия отпущаетъ его, и даютъ ему 20 отроковъ, 50 мудрых мастеров, и велѣли дѣлать близ моря каменную полату.

И тутъ мастеры при мори каменную полату здѣлали въ 3 дни и гонца послали; и гонецъ посланныя рѣчи сказал, что, де, та полата здѣлана на брегѣ моря.

И тут Еруслон Лазаревичь *учал* у отца своего и у матери просить благословения. И они его благословили, и поѣхал Еруслонъ Лазаревичь в каменную полату.

И отецъ его отпущаетъ за нимъ наряду и имѣния многое множество, и злата, и *сребра, и* скатного[1] жемчюга, и камения драгаго, *самоцвѣ*тного, и всякого обилия много; отпустил ему коней добрых доволно, на службу ему дал сто отроковъ избранныхъ и вооруженных. И Еруслон Лазаревичь не емлетъ себѣ и ни единого отрока и отцовы казны ни единаго пѣнязя,* ни скатного жемчюгу, ни драгаго камения, ни добрых коней, и ни единаго себѣ отрока, и все отпустилъ назадъ, только себѣ взял седло черкаское* да узду тасмяную[2], да войлочки косящаты[3].

И приѣхал Еруслон Лазаревич к морю, и вшелъ в бѣлокаменную полату, и *постлал* под себя войлочки косящатые, а в головы положилъ седло черкаское да узду тасмяную и легъ опочевать.

И поутру встав Еруслонъ Лазаревичь, рано учалъ ходить по диким заводямъ и по губамъ морскимъ,* и учал гусей и лебедей стреляти, и сѣрых птицъ, и тѣмъ себя кормилъ.

И ходил Еруслон Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третей, ажно нашел сокму[4]; въ шыритину та сокма пробита какъ доброму стрельцу стрелить, а в глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокме, Еруслон удивился и говоритъ таково слово: «Кто, де, по сей сокме ѣздитъ?»

Ажно, де, по тои сокме ѣздитъ богатырь, стар человѣкъ, конь под нимъ сифъ[5] — Алокти-Гирей. И увидѣвъ стар человѣкъ младаго юношу, и слазилъ *с*

---

[1] круглого; [2] тесьмовую; [3] узорчатые; [4] дорогу; [5] сивый (сив).

своего з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему Еруслону Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? Почто ты, государь, в сие мѣсто, в таковую пустыню заѣхалъ, и кои тебя вѣтри завѣели?»

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате стар человѣкъ! Почему ты меня знаешь и именемъ называешь?» И говоритъ ему стар человѣкъ: «Государь мой Еруслон Лазаревичь! Какъ мнѣ тебя не знать и именемъ не назвать? Я старой слуга отца твоего, стерегу в поле лошадиное стадо тритцать три лѣта и ѣжжу ко отцу твоему по-одинова на год поклонитися, и жалованье беру, и язъ тебя знаю».

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Брате стар человѣкъ! Как тебя по имени зовутъ? И мнѣ бы тебя добромъ пожаловать!» И говоритъ ему стар человѣкъ: «По имени зовутъ меня, государь, Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, горазной стрелецъ, сильной борецъ, в полку багатырь».

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Я сюды зашел волею: похотѣлъ в поле казаковать, и горести принять, и желание получить. Язъ топере робенокъ младъ, учалъ с неразумия играть во дворѣ з боярскими дѣтми и с княженецькими, и шутки шутить учалъ не горазно добры, и царь того не залюбилъ — велѣлъ меня ис царства вон выслать. Да то мнѣ не кручина, что велѣлъ меня царь ис царства вонъ выслать, только одна кручина великая, что ходил я у отца своего по стойламъ и по конюшнямъ, во аграмаках и в жеребцах не мог себѣ выбрать *лошади*, коя бы мнѣ могла послужить».

И говоритъ ему Ивашко Сивой конь, Алогти-*Гирей*, гораздой стрелецъ, силной борецъ, в полку богатырь: «Государь Еруслон Лазаревич! Есть у меня конь сифъ, подлас[1], и буде те ево поимаешь, и онъ тебѣ будетъ служить; а буде ты ево не поимаешь, и тебѣ ево во вѣки не видать».

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Брате Ивашко! Какъ мнѣ того видѣти коня?» И говоритъ ему Ивашко: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Видѣти того жеребца по утру рано на зорѣ, какъ погоню на море поить лошадей». И Еруслонъ Лазаревичь легъ почивать в каменной полате.

И поутру рано встав, Еруслон Лазаревичь пошел на сокму и взялъ с собою узду тасмяную, и вста в сокровенномъ мѣсте, под дубомъ. Ажно Ивашко лошади к морю пригнал, и Еруслон Лазаревичь посмотрилъ на море, де, ажно жеребецъ пьетъ, и на море волны встают, *по* дубамъ орлы крекчутъ, по горамъ змеи свищутъ, и никакой человѣкъ на сырой землѣ стояти не можетъ. И Еруслон Лазаревичь удивился.

Какъ будетъ жеребецъ против Еруслона Лазаревича, и Еруслонъ Лазаревичь ударил *наотмашь*, и конь доброй пал на окарачки. И хватаетъ его Еруслон Лазаревичь, добра коня, за гриву, и наложил на добра коня узду тасмяную, и повел его к полате бѣлокаменной. А Ивашко за нимъ поѣхалъ.

---

[1] увертлив.

И приѣхал Еруслон Лазаревичь к полатѣ бѣлокаменной, и учал седлать того жеребца, и оседлалъ, и учалъ поѣждивать; и рад бысть велми, что ему служить можетъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате Ивашко Сивой конь, Алогти-Гирей, силной борецъ, горазной стрелецъ, в полку богатырь! Какъ жеребцу имя дать и какъ ево назвать?» И говорит ему Ивашко Сивой конь: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Когда можетъ холопъ прежде государя такову животу имя дать или какъ его назвать?» И назвалъ его Еруслонъ Лазаревичь, добра коня, Арашем вѣщимъ.

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате Ивашко, поѣдь ты ко отцу моему и к матери, и поправь имъ от меня челобитьѣ, и скажи имъ, что поѣхал в чистое поле гулять и изъѣзжать князя Ивана, руского *богатыря*, и добраго коня себѣ добылъ, что может ему послужить». И говоритъ Ивашко: «Государь мои Еруслон Лазаревичь! Поѣдь з Богомъ!»

И Еруслонъ Лазаревичь поѣхал ступью бредучею, а Ивашко провожалъ его и поѣхалъ за ним [1]во всю пору[1] лошадиную. И Еруслон Лазаревичь выпередилъ Ивашка и из очей у него выѣхал.

А Ивашко *воротился* от Еруслона прочь, и поѣхалъ ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичю, и сказал ему от Еруслона посланныя рѣчи, и куды он поѣхал, и добра коня себѣ добылъ, что тотъ конь может ему послужить.

И отецъ ево князь Лазарь Лазаревичь и мати его Епистимия о сыне своемъ возрадовались, о томъ Ивашка честно дарили великими дарми, и отпустили его в чистое поле к своей службѣ, гдѣ ему преж дано приказано, у коней. А Еруслон Лазаревичъ поѣхал в чистое поле.

И ѣхал мѣсяцъ, и другой, и третей, ажно наѣхал Еруслонъ Лазаревичь в чистѣ полѣ рать-силу побитую. И въѣхал Еруслон Лазаревичь в тое ратное побоище, и крыкнул громко голосомъ: «Есть ли в сей рате живъ человѣкъ?» И говоритъ ему живъ человѣкъ: «Государь Еруслон Лазаревечь! Ково ты спрашиваешь или кто тебѣ надойбенъ?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате, живъ человѣкъ! Чья рать-сила побитая, и хто ея побивалъ?» И говорить ему живъ человѣкъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Та рать-сила побитая лежитъ Феодула царя, змия, а побивал ея князь Иванъ, руской богатырь, а доступаетъ у него прекрасныя царевны Кондурии Феодуловны, *ищетъ* ея за себя взять, неволею».

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Брате, живъ человѣкъ! Далече ли ево сустигать?» И говоритъ ему живъ человѣкъ: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Недалече его съѣзжать, князя Ивана, руского багатыря: объѣдь ты сию рать-силу побитую, и увѣдаешь коней слѣдъ».

---

[1]—[1] во всю силу.

И Еруслон Лазаревичь объѣхалъ рать-силу побитую, и нашед ступь *коневью* ис копытъ: скакано з горы на гору, долы и подолки вон выметываны. И Еруслон Лазаревичь поѣхал тѣм же путемъ, и сталъ скакать з горы на гору, долы и подолки вон выметывалъ. И говоритъ самъ себѣ: «Конь коня лутчше, а молодецъ молотца и давно удалѣя!»

И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и наѣхал в чистѣ полѣ шатер стоитъ, а у бѣла шатра доброй конь стреноженъ, на бѣлой полсте[1] зоблетъ[2] бѣлоярую пшеницу. И Еруслон Лазаревичь припустил добра коня Араша вѣщаго к тому же корму, а самъ пошелъ в бѣлъ шатеръ, ажно въ бѣлѣ шатрѣ опочевает млад молодец замертво. И Еруслон Лазаревич вынял у себе саблю булатную, и хощет его скорой смерти предать; а самъ себѣ подумал: «Не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человѣкъ, аки мертвой». И Еруслонъ Лазаревичь легъ опочевать в шатрѣ, на другой сторонѣ, и уснулъ крепко.

И князь Иван, руской богатырь, пробудился и вышелъ из шатра вон, и посмотрил на свой доброй конь: ажно ево добрый конь далече отбитъ, и щиплетъ траву в чистѣ полѣ, а на бѣлой полсте чюжь конь, незнаемъ, и зоблетъ бѣлуярую пшеницу.

И князь Иван, руской багатырь, вшел в шатер и посмотрил: ажно в бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ млад молодецъ. И князь Иванъ, руской багатырь, вынял саблю булатную и хощетъ его смерти предать. А самъ себѣ подумал: «Не честь мнѣ будетъ, не хвала молодецкая, сонного человѣка убить: сонной человѣкъ аки мертвой».

Учал будить: «Стань, человѣче, убудись! Не для ради моего бужения, для ради своего спасения! Не вѣдаешь, что не по себѣ товарыща избираешь, за то рано напрасною смертию умрешь! За что лошадь свою к чюжему корму припущаешь, а самъ не спросясь в чужей шатер ходишь? За то люди напрасно много крови проливаютъ! И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуды ѣздишь, и какова отца сынъ?»

И говоритъ ему Еруслон Лазаревич: «Господине, князь Иванъ, руской богатырь! Язъ ѣду от Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичь, а мати у меня Епистимия, а меня зовут Еруслономъ. А добра коня к чюжему корму припустил, что ему стоять бѣз корму неугодно, а твоего коня прочь не отбивал. Что ты говоришь — не гораздо ладно! Когда бываютъ люди добрые,и они прежь худыхъ речей пьютъ и ядятъ, и потѣшаютца, и в чистѣ полѣ разъѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ, руской багатырь, чемъ вода черпати?» И говоритъ ему князь Иван, руской богатырь: «Есть у меня чара, чемъ вода черпать»

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Князь Иван, руской богатырь! Когда тебѣ есть чемъ вода черпать, и ты почерпни воды и умойся, да и мнѣ по-

[1] холстине; [2] ест жадно.

дай!» И говорит князь Иванъ, руской багатырь: «Еруслон Лазаревичь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать, а ты дитя молодое!» А в те поры Еруслонъ Лазаревичь шти лѣтъ по седьмому году пошло.

И говоритъ Еруслон *Лазаревич*: «Князь Иван, руской багатырь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать! Не имав птицу — да теребишь, а добра молотца не *отвъдав* — да хулишь и хулу возлагаешь». И говорит Иванъ, руской багатырь: «Я во князѣх князь, а в боярех боярин, а ты казакъ! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать!»

И говорит ему Еруслонъ Лазаревичь: «Язъ в чистѣ полѣ багатырь, и у царей во дворѣ багатырь; а ты когда у царей во дворѣ — и тогда ты князь, а когда ты в чистѣ полѣ — и тогда ты песъ, а не князь! Тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать!»

И видитъ князь неминучюю бѣду, и взем чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подал.

И Еруслонъ Лазаревичь умылся, и садился на свои добрыя кони, и князь Иванъ, руской багатырь, поѣхал во всю пору лошадиную, а Еруслон поѣхал ступью бредучею. И понадогнал Еруслонъ Лазаревичь, и ударил своего добраго коня Араша вѣщаго по окаракамъ, и выпередилъ князя Ивана, руского багатыря, и помолился: «Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякого человѣка убить копьемъ, тупымъ концемъ!»

И оборотил Еруслон свое долгомѣрное копье тупымъ концемъ, и ударил князя Ивана, руского богатыря, долгомѣрнымъ своимъ *копьем*, и вышибъ его изъ седла вон; и Арашъ, его вѣщей конь, наступил на [1]*доспѣшное* ожерельецо[1]. И обратил Еруслон Лазаревичь свое копьѣ долгомѣрное острымъ концемъ, и хощетъ его смерти предать.

И говоритъ ему князь Иванъ, руской багатырь: «Государь Еруслонъ Лазаревичь! Не дай смерти, дай живота! Прежь сего у нас брани не бывало, а и впредь не будетъ!»

И Еруслон Лазаревичь слазил з добра коня, и принимаетъ его за правую руку, и целуетъ его во уста сахарныя, и называетъ его братомъ. И поѣхалъ Еруслон Лазаревичь ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ. И припустили своих добрых коней к одному корму, и сами пошли в бѣлъ шатеръ, и учали пити, и ясти, и веселитися.

И как будутъ оба на-веселие, и говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Брате, князь Иванъ, руской багатырь! Ѣхал я в чистѣ полѣ, и наѣхал я две рати побитыя лежатъ, и кто ихъ побивал?» И говорит князь Иванъ, руской багатырь: «Та рать-сила побитая Феодула-царя, змия, и побивал язъ. А доступаю у него яз прекрасныя царевны Кондурии Феодуловны, и хощу ея за себя взять; а сказываютъ, что ея краше на свѣте нѣтъ; и взавтра у меня будет *останошной*[2] бой.

[1]—[1] ворот кольчуги; [2] последний.

И ты, Еруслонъ Лазаревичь, встань въ сокровенномъ мѣсте, и посмотри моей храбрости». И потешався, легли спать.

И поутру, встав рано, князь Иванъ, руской багатырь, оседлав своего добраго коня и поѣхал в чистое поле, а Еруслонъ Лазаревичь пошел пѣшь и въсталъ в сокровенномъ мѣсте, и учал смотрить; и какъ приѣдетъ на князя Ивана, руского богатыря, Феодулъ-царь, змия, конных и вооруженных отроков 30 000, по морю и по брегу.

И не ясен соколъ напущаетца на гуси-на лебеди, напущается Иванъ, руской богатырь, на рать Феодула-царя, змия, и побилъ, и присекъ, и конемъ притоптал 20 000, и самого Феодула-царя, змия, убилъ, и которые остались — люди малыя и старыя, и нѣкому против Ивана, руского багатыря, битись. И взялъ князь Иванъ, руской багатырь, прекрасную царевну Кондурию Феодуловну, и повелъ ея к своему шатру, а достальная сила Феодула-царя, змия, воротилась к своему царству.

И привелъ князь Иван, руской багатырь, в бѣлъ шатер Кондурию Феодуловну; а Еруслонъ Лазаревичь за нимъ тут же пришелъ в шатер; и учали пити и *ясти*, и веселитися. И легъ опочевать с нею Иван, руской багатырь, а Еруслон из шатра вон вышел.

И говоритъ князь Иванъ, руской багатырь: «Милая моя, прекрасная царевна Кондурия Феодуловна! Для тебя язъ со отцемъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ, и конем притоптал больше 50 000, а все для тебя. Есть ли тебя на свѣте краше, а моего брата Еруслона храбрѣе и сильнѣе?»

И говоритъ ему царевна Кондурия:* «Государь Иванъ, руской багатырь! Кровь отца моего и воинских людей не по красотѣ моей пролита, но по грѣхам; я, государь, что за красна! А есть, государь, в чистѣ поле, в бѣле шатрѣ, три дѣвицы царя Богрия, а по имени зовутъ их: болшая — Прондора,* а середняя — Мендора,* а меншая — Легия.* А которая, государь, пред нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и нощь, — та вдесетеро меня краше! А язъ что за красна и хороша? Когда я была у отца своего и у матери, а тепере — полоняничное тѣло: волен Богъ да и ты со мною! А есть, государь, под *Индѣйскимъ* царствомъ, служитъ у царя Далмата человѣкъ, а зовутъ его Ивашкомъ, Бѣлая Япанча. А слыхала язъ у отца своего, уже он стережетъ в чистѣ полѣ на дороге 33 лѣта, а во царство мимо ево никаковъ багатырь не проѣзживал, ни звѣрь не прорыскивал, ни птица не пролѣтывала; а язъ, государь, брата твоего Еруслона Лазаревича храбрости не видала и не слыхала, кои у нихъ *храбрѣе*».

И Еруслонъ Лазаревичь все то слышал, и богатырское сердце неутерпчиво: входитъ в бѣлъ шатеръ, образу Божию молится, брату своему поклоняетца, и с нимъ прощаетца, и садитца на свой доброй конь, и поѣхал в чистое поле гулять, ко Индѣйскому царству, поклонитися царю Далмату да свидетца со Иваномъ, Бѣлой Епанчой.

И ѣдетъ мѣсяцъ Еруслон Лазаревичь, мѣсецъ, и другой, и третей, а самъ себѣ подумалъ: «Поѣхал я, де, въ дальнюю страну, а не простился я ни со отцемъ, ни с матерью, и не видали онѣ меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ!» И воротился Еруслонъ Лазаревичь во царство царя Картауса Картаусовича, и ко отцу своему, и к матери.

И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и доѣхал до царства царя Картауса Картаусовича. Ажно подъ царствомъ царя Картауса стоитъ Данило Бѣлой князь, а с нимъ войско 90 000, и похваляетца царство [1]за щитомъ[1] взять, и царя Картоуса взять жива, и князя Лазаря Лазаревича, и 12 богатырей.

И увидѣвши Еруслон Лазаревичт под царствомъ рать-силу великую, и поступить к бою нѣчемъ: нѣтъ у Еруслона ни щита крепкаго, ни копья долгомѣрного, ни меча остраго. И поѣхалъ *Еруслон* Лазаревичь ко двору и ко градной стенѣ, и видѣли ево, что ѣдетъ Еруслонъ, и отворили ему ворота градныя, ажно отецъ ево ездитъ во объѣждихъ головах.*

И Еруслон Лазаревичь, не доѣзжаючи отца своего, слазить з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю моему батюшку, Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Бог милуетъ, и что ты, государь, ѣздишь невеселъ, кручиноватъ?»

И говорит князь Лазарь Лазаревичь: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичь! Какъ быть мнѣ веселу? Приѣхал под наше царство князь Данило Бѣлый, а с нимъ войска 90 000, конных и вооружонных; и похваляетца царство наше за щитомъ взять, а царя Картауса и 12 богатырей хощетъ к себѣ взять».

И говоритъ Еруслон Лазаревичь: «Государь мой батюшко, князь Лазарь Лазаревичь! Пожалуй ты мнѣ свой крѣпкой щитъ и копье долгомѣрное, и язъ учну с татары дѣло дѣлать!»

И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичь: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичь! Ты дитятко молодое, не бывал на дѣле ратномъ, и услышишь свистъ татарской, и ты устрашишься их, и онѣ тебя убьют».

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Не учи, батюшко, гоголя* на водѣ плавать, а багатырского сына с татары дѣло дѣлать».

И даетъ ему князь Лазарь Лазаревичь свой крепкой щитъ и копье свое долгомѣрное, и Еруслонъ Лазаревичь емлетъ щитъ под пазуху, а копье в руку, и выѣхал Еруслон Лазаревичь в чистое поле гулять, и учал побивать рать-силу князя Данила Бѣлого, и прибил, и присѣкъ рать-силу татарскую, и поймал самого князя Данила Бѣлого, и взял на него клятву, что ему, князю Данилу Бѣлому, ни дѣтем его, ни внучатамъ под *царство* царя Картауса не приходить; и какъ приидетъ опять под царство царя Картауса, и какъ выдастъ Богъ в руки, и ему живому не быть. И отпустил его во свою землю, ко граду его. А войско толко осталось 2000.

[1—1] т. е.: приступом.

Как ѣдет Еруслон Лазаревичь ко царству Картаусову, и встречаетъ его самъ царь Картаусъ за градомъ, и Лазарь Лазаревичь, и 12 богатырей. И Еруслонъ Лазаревичь, не доезжаючи отца своего и царя Картауса, слазитъ с своего з добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ васъ, государей моихъ, Богъ милуетъ?»

И говоритъ царь Картаус: «Виноват я, Еруслонъ Лазаревичь, пред тобою, что велѣлъ тебя ис царства вонъ выслать; и нынѣ ты живи у меня в царствѣ, и емли городы с пригоротками и с красными селами; казна тебѣ у меня не *затворена*, а мѣсто тебѣ подле меня, а другое — противъ меня, а третий — гдѣ тебѣ любо».

И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Государь царь Картаус! Не надобѣ мнѣ твоей ничего, и не повадился я у тебя во царствѣ жить, повадился я в чистѣ полѣ казаковать». И прикушал Еруслон Лазаревичь хлебца маленько у царя, и простился со царемъ и со отцемъ своимъ, и с матерью, со всѣмъ царством, и поѣхал в чистое поле.

И ѣхал полъгодищное время, ажно наѣхал в чистѣ полѣ шатеръ, а в бѣле шатрѣ три девицы седятъ: Прондора да Мандора да Легия, *царевны*, дочери царя Богрия; таковых прекрасных на свѣте нѣтъ. А делаютъ дѣло ручное. И вшел к ним Еруслон Лазаревичь в бѣлъ шатер, забылъ образу Божию молиться, что сердце его разгорѣлось, юность его заиграла, и емлетъ себѣ большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ из шатра вон вытъти, а сам с нею легъ спать на постелю, и говоритъ ей: «Милая моя, прекрасная царевна Богриевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» И говоритъ ему прекрасная царевна Прондора: «Государь Еруслонъ Лазаревичь, что я за красна? Когда я была у отца своего и у матери, тогда яз была и красна, и хороша, а нонеча язъ полоняное тѣло. А есть, государь, подъ Индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата, человѣкъ, а зовутъ ево Иванъ, а прозвище Бѣлая Япанча, и стоитъ в чистѣ полѣ на дорогѣ; мимо ево никакой человѣкъ не прохаживал, ни богатырь не проѣждивал, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролѣтывала, и никакой богатырь не проѣждивал, а ты что за храбръ? Обычная твоя храбрость — что ты насъ, дѣвокъ, разъгнал... грабилъ!»

И стал Еруслон Лазаревичь с постели, и взял острую саблю свою и отсѣкъ ей голову, да и пот кровать бросил. И емлетъ себѣ на постелю вторую сестру, Мендору, и говоритъ ей Еруслон Лазаревичь: «Милая, прекрасная Мендора Богриевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» И она ему тѣ же рѣчи сказала, и он ей главу отсѣкъ и под кровать бросил.

И емлетъ третьюю девицу, Лѣгию, к себѣ на кровать и говоритъ ей: «Милая моя, прекрасная царевна Легия! Есть ли тебя на семъ свѣте краше, а меня храбрѣе?» И говоритъ ему Легия, девица: «Государь Еруслон Лазаревичь! Язъ что за красна и хороша? Когда я была у отца своего во царствѣ, тогда я была

красна и хороша, а нынѣ — полоняное тѣло. Которое ты у меня красоты захотѣлъ? А есть, государь, под Индѣйским царствомъ, у царя Долмата, человѣк, а зовут его Ивашко, а прозвище Бѣлая Япанча; а стоитъ он на дороге в чисте полѣ; мимо его никаков богатырь не проѣзживал, ни звѣрь не прорыскивал, и никаков человѣкъ не проѣзжживал, ни птица не пролѣтывала. А я у васъ не вѣдаю, кои храбрѣе и сильнѣе. Да есть, государь, во градѣ Дербие, у царя Фарфоломея царевна Настасѣя; которая, государь, предъ нимъ предстоящая, и та вдесятеро меня краше!»

И тутъ Еруслон Лазаревичь, став с постели, и говоритъ ей таково слово: «Милая моя, прекрасная царевна Легия! Живи ты в чистѣ полѣ, не бойся никого, а сестеръ своих схорони».

И Еруслонъ Лазаревичь сѣлъ на свой доброй конь и поѣхалъ в чистое поле, ко Индѣйскому царьству, ко царю Далмату поклонитися да свидѣтца с Ывашком, Бѣлой Епанчей.

И едет Еруслон Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третей; а в тѣ поры Еруслонъ Лазаревичь седми лѣтъ; и доѣхалъ: ажно в чистѣ полѣ стоитъ человѣкъ, копьемъ подпершись, во *бѣлой* япанче,* шляпа на немъ сорочинская,* и стоячи дремлетъ.

И Еруслон Лазаревич ударилъ ево по шляпе *плетью*, и говоритъ: «*Человѣче*, убудися! Мошно тебѣ и лежа наспатца, а не стоя!» И говорит Ивашко, Бѣлая Япанча: «А ты кто еси, и какъ тебя зовутъ по имени, и откуда ѣздишь?»

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Язъ ѣду от Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичь, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслономъ; а ѣду я во Индѣйское царство поклонитися царю Далмату».

И говоритъ ему Ивашко, Бѣлая Япанча: «Брате Еруслонъ Лазаривичь! Прежь сего мимо меня не проѣжьживал никаков багатырь, а ты хощешь мимо меня проѣхать? Поѣдемъ в чистое поле и отвѣдаемъ плечь своихъ багатырских».

И тут скоро садились на своѣ добрыя кони и поѣхали в чистое поле гулять. Ивашко поѣхал во всю пору лошадиную, а Еруслон поѣхалъ ступью бредучею; Ивашко заѣхал наперед, а Еруслон Лазаревичь помолился: «Боже, Боже, Спас милостив! Дай мнѣ, Господи, всякого человѣка убить копьемъ, тупымъ концем!»

И удари Еруслонъ Лазаревичь Ивашка против сердца ретиваго копьемъ, тупым концемъ, и вышыбъ из седла вон. И Арашъ, его вѣщей конь, наступил на доспѣшное ожерельеце и пригнелъ к сырой землѣ. И обратилъ Еруслонъ Лазаревичь копье острымъ концемъ, и хощетъ его скорой смерти предать.

И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Брате Ивашко! Смерти хошь или живота?» И молитца Ивашко, лѣжа на земли: «Государь Еруслон Лазаревичь!

Не дай смерти, дай живота! Прежь сего у нас брани не бывало, да и впредь не будетъ!»

И говорит ему Еруслон Лазаревичь: «Брате Ивашко! Не убил бы тя, да за то тебя убью, что знают тебя в чистѣ полѣ всякия красныя дѣвки». И обратил Еруслон Лазаревичь копье острым концемъ, и предал его смерти, а самъ поѣхал ко Индѣйскому царству, поклонитися царю Далмату.

И Еруслонъ Лазаревичь, какъ приѣхал ко царству, и въѣхалъ на царевъ дворъ, и слезъ с своего добраго коня, а самъ пошел ко царю в полату; образу Божию молитца, царю Далмату поклоняетца: «Многолѣтное здравие царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего, приими в службу!»

И говоритъ ему индѣйский царь Далматъ: «Откуду еси, человѣче, пришелъ, от которого царства, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?» И говорит ему Еруслон Лазаревичь: «Государь царь Далматъ! Ѣжжу я от Картаусова царства, а рождения сынъ князя Лазаря Лазаревича, а матери Епистимии, а меня зовутъ Еруслонъкомъ» — «Каким же ты *путѣмъ* ѣхал, коннымъ или пѣшимъ или водянымъ?»

И говорит Еруслонъ Лазаревичь: «Государь царь Далмат, язъ ѣхал сухимъ путемъ». И говоритъ царь Далматъ: «Еруслонъ Лазаревичь! Есть у меня человѣкъ на дорогѣ стоит, в чистѣ полѣ, а зовут ево Ивашком, прозвище Бѣлая Япанча; мимо ево никаков богатырь не проѣждивал, ни звѣрь не прорыскивал, ни птица не пролѣтывала, и никаков человѣкъ не прохаживал. А ты какъ проѣхал?» И говоритъ ему Еруслон: «Язъ, государь, не вѣдал, что твой человѣкъ, и я ево убилъ». И тутъ царь Далматъ убоялся: «Когда, де, он такова богатыря убилъ, и он, де, царствомъ моимъ завладѣетъ».

И *стал* царь Далматъ кручиноват: «А не на то, де, он приѣхал ко мнѣ во царство, что ему служить, но на то он приѣхал, что ему царствомъ завладѣть моимъ». И велѣлъ Еруслона чтити честию великою, и поить, и кормить своимъ царскимъ питиемъ довольно. И узналъ Еруслонъ Лазаревичь, что его царь убоялся, и оседла коня своего, и вшедъ в каменную полату, образу Божию молитца, и с царемъ Долматомъ прощаетца, и поѣхалъ Еруслон из града вонъ. И царь возрадовался радостию великою, что Богъ избавилъ Еруслона, и повелѣ градныя врата затворити и утвердити, чтобы «Еруслон назад не воротился и царства бы нашего не попленилъ».

И поѣхал Еруслонъ Лазаревичь ко граду Дербию, к царю Варфоломѣю поклонитися, а хощет видѣти прекрасную царевну Настасию Варфоломѣевну, что он слышал про ея красоту. А в тѣ поры Еруслон Лазаревичь осми лѣтъ на девятомъ году.

И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, а самъ себѣ подумал: «Поѣхал, де, я в дальнюю страну, не простясь ни со отцемъ, ни с матерью; а естьли мнѣ слюбитца прекрасная царевна, и я на ней женюся, а у отца своего и у матери не благословился!»

И поѣхал Еруслонъ Лазаревичь х Картаусову царству, ажно Картаусово царство пусто, попленено, и огнемъ пожьжено, и мхом поросло; лишь только одна хижинка стоитъ, а въ хижинке стар человѣкъ об одномъ глазѣ.

И Еруслон Лазаревичь вшел в хижину; образу Божию молитца, старику поклоняетца. И говорит Еруслон Лазаревичь: «Брате стар человѣкъ! Гдѣ сие царство дѣвалось и кто пленил?» И говоритъ ему стар человѣкъ: «Господине воин! Откуда ѣдешь и какъ тебя по имени зовутъ?» И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Какъ ты, старик, меня не знаешь? Язъ здешнаго царства, сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовутъ Еруслоном».

И тутъ старик со слезами пал на землю, и говоритъ ему: «Государь *Еруслон* Лазаревичь! После твоего отъѣзду немного времяни минуло, пришед под наше царство князь Данило Бѣлой; собрал войска 120 000, и пришел, наше царство попленил, и огнемъ пожегъ, и ратных людей побилъ, храбрых витязей 80 000, а честныхъ людей 300 800, а поповъ и чернцовъ собрал на поле и огнемъ пожегъ 472, а младенцовъ прибилъ 11 000, а женъ 14 000. А царя Картауса и отца твоего князя Лазаря Лазаревича и 12 богатырей в полонъ взялъ, и *свезъ* во свою землю. А язъ един пролежал в трупу человѣческомъ, а лежал 9 дней и 9 нощей».

И встает Еруслонъ Лазаревичь, образу Божию молитца, и с старикомъ прощаетца; и поѣхалъ к царству князя Данила Бѣлого. А в тѣ поры Еруслонъ Лазаревичь десяти лѣтъ и трех мѣсяцей.

И поѣхал до царства в полудное время, никто не слыхал и не видалъ, только видѣли малыя робятка, по улицам играютъ. И Еруслонъ у робятъ спрашывать: «Гдѣ сидитъ у князя Данила Бѣлого царь Картаусъ, в коей темницѣ? Азъ бы ему подал милостыню».

И указали ему малыя робята темницу, и приѣхал Еруслонъ Лазаревичь к темницѣ, и у темницы стражей всѣхъ прибилъ, и ударил в темничныя двери, и вшедъ в темницу, и говорит Еруслон Лазаревичь: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ вас, государей моихъ, Богъ милует?»

И говоритъ ему царь Картаусъ: «Человѣче, отьиди от нас прочь! Откуды пришелъ, туда и поиди, а намъ не смѣйся. Когда язъ был царь, а *тотъ* — князь, а тѣ — богатыри, а нынѣ, по грехамъ нашымъ, язъ — не царь, а тотъ — не князь, а тѣ — не богатыри, а мы сѣдимъ в темнице; уже у нас и очи выяло, и мы седимъ, и рукъ своих не видимъ».

И говоритъ Еруслон Лазаревичь: «Язъ приѣхалъ к вамъ не смѣятися, язъ приѣхалъ поклонитися; а меня зовутъ Еруслономъ, а отецъ у меня князь Лазарь *Лазаревичь*, а мати у меня Епистимия». И говоритъ царь Картаусъ: «Аще бы Еруслонъ былъ живъ, и мы бы горести не терпѣли». И говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: «Язъ не лгу». И говоритъ царь Картаус Еруслону: «И ты, человѣче, называешыся Еруслон Лазаревичь? И ты нам *links* *сослужи* службу: поѣдь ты за Теплое

море, в Подонскую орду, в Штютенъ град, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копью, и убей его до смерти, и помажь намъ очи. И когда мы увидимъ свѣтъ Божий, и тебе вѣру поимемъ».

Еруслон поклонился царю Картаусу и отцу своему, князю Лазарю Лазаревичю, и 12 *богатырям*, и поѣхалъ из града вон.

И увидѣли его робята, собою млады, и сказали мурзамъ: «Ѣхал, де, из града вонъ человѣкъ, и сказался, де, намъ, что Еруслон Лазаревичь».

И пришедъ мурзы к темницѣ, и у темницы, кои богатыри были приставлены, лежатъ прибиты. И мурза двери заключил, и пошелъ ко князю Данилу Бѣлому, и доложил ему, что был во градѣ Еруслонъ и у темницы стражей всѣхъ прибилъ.

И велѣлъ князь Данило Бѣлой в рогъ трубить и тимпаны бить. И собралися к нему мурзы и татары, и всякия люди; и велѣлъ князь Данило Бѣлой выбрать лутчих мурзъ и татаръ, конныхъ и вооруженыхъ, и велѣлъ гнатися за Еруслономъ, и велѣлъ его жива поимать и предъ себя поставить.

И погна за Еруслономъ мурзы и татары, и какъ наѣжжаютъ, и Еруслонъ остановился, и говоритъ имъ: «Братие мурзы и татары! Что вы слушаете своего безумнаго князя Данила Бѣлого? Не угонятца вамъ будетъ в чистѣ полѣ за вѣтромъ, а за мною же, богатыремъ, такожъ».

И поѣхал Еруслонъ от нихъ за тихия воды, за Теплое море, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копью.

А мурзы и татара учали промеж собою думу думать: «Какъ сказать про Еруслона князю Данилу? Скажем мы, что его не видали».

И ѣхал Еруслонъ Лазаревичь полгодищное время; а в тѣ поры Еруслону минуло десять лѣтъ.

И не доѣхал Еруслонъ в Подонскую орду до Штютена града 4 поприщь, ажно лежитъ рать-сила побитая, а в той рате лежитъ человѣкъ-багатырь; а тѣло его, что сильная гора, а глава его, что силныя бугра.

И Еруслонъ выѣхалъ в побоище, и крикнулъ громко голосомъ: «Есть ли в сей рате живъ человѣкъ?» И говорит ему багатырская голова: «Гой еси, Еруслон Лазаревичь! Кого ты спрашываешь, и кто тебѣ надобенъ?» И приѣхал Еруслонъ Лазаревичь к богатырской головѣ, а самъ себѣ удивилъся, что мертвая голова глаголетъ.

И говорит Еруслонъ Лазаревичь: «Гой еси, багатырская голова! Что мертва глаголеши, или мнѣ слышытца?» И говоритъ ему багатырская голова: «Еруслон Лазаривичь, не чюдитца тебѣ, но до-пряма *говори*, далече ли ѣдешь и куды твой путь?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «А кто ты таковъ по имени, и которого града, и какова отца сынъ, и кто тебя убилъ?»

И говоритъ ему багатырская голова: «Был язъ богатырь Задонския орды, сынъ Прохора царя, и та рать со мною лежит Вольного царя, Огненнаго щита, Пламенного копья; а побивал ея я, а по имени меня зовутъ Рослонеемъ. А прихо-

дил я под сие царство 12 лѣтъ, по-единожды на годъ. А брань у меня за то с царемъ была: отецъ мой, Прохоръ царь, сосватал за меня невѣсту ис того царства, [1]в пеленахъ[1], а от рождения мнѣ дватцать лѣтъ. А ты, Еруслонъ Лазаревичь, далече ли ты ѣдешь?» — «Яз ѣду в Задонскую орду, в то же царство, к тому же царю, и хощу его пред собою мертва видѣти».

И говоритъ ему багатырская голова: «Не *видать* его пред собою мертва, хощешь от него самъ умрети. И язъ былъ человѣкъ, да и *багатырь*, многие меня цари и князи, восточные и западныя, знали, не токмо меня боялись, но и имени моего страшылись. А какъ мати меня породила, и я былъ полторы сажени человѣческия, а толстота моя была — [2]в обоемъ[2] человѣку. И какъ я былъ лѣт 3, и у меня в чистѣ полѣ ни звѣрь не прорыскивал, и никаков человѣкъ не прохаживал, и никаковъ богатырь против меня не стаивал; а нынѣ мнѣ 20 лѣтъ. Ты самъ видишь возрастъ мой *и каково тѣло мое, и какова* моя голова. А *длина телу моему* 6 сажень, а межь *плечь — 2 сажени*, а межь ушми — калена *стрела умещаетца*, а глава у *меня* что *велик* бугор, а руки у меня *были — 3 сажени одна рука*. И тутъ[3] я *против того царя не мог* стояти. И тот царь силен велми: и войска у него много, и мечь его не сѣчетъ, и сабля его не иметъ, на водѣ он не тонет, а на огнѣ не горитъ».

И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь в Задонскую орду, в Штютен градъ, к Вольному царю, ко Огненному щиту, к Пламенному копью.

И какъ приѣхалъ въ Задонскую орду ко царю, и пришелъ в полату, образу Божию молитца, царю поклоняетца. И говоритъ ему царь: «Откуды ѣздишь, человѣче, и какова отца сынъ?» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: «Язъ ѣду от Картаусова цар*ства, от* отца князя Лазаря *Лазаревича*, ищу себѣ ласкавого государя, гдѣ бы *мне послужить, красное портище* износить, и добра *коня уезъдить*, слаткого медку *напитца, и молодость* свою потешить». *И говорит ему Вольной царь, Огненной щит, Поломянное копье: «Еруслонъ, поѣдь ко мне в царство, мнѣ такие люди и надобны». И царь его* пожаловал свыше всѣхъ 12 багатырей. И служитъ ему Еруслонъ Лазаревичь полгодищное время.

И поѣхал Еруслон Лазаревич на потѣху. И какъ будутъ оба на-веселие, и близко трупу человѣческа, и Еруслонъ Лазаревичь зговоритъ Вольному царю, Огненному щиту, Пламенному копью: «Государь царь и великий князь! Ехал я к тебѣ и видял я рать-силу побитую, много трупу человѣческаго. А в той рате лежитъ живъ человѣкъ: тѣло его аки великая гора, а глава у него аки великая бугра». И тутъ царь от печали воздохнув, и пал на землю, и говорит царь: «Та глава [4]лежитъ на плечѣ моемъ[4]! А под тою главою есть мечь, и всяко его аз добывал и не могъ добыти, а опричь того мѣча никаков мечь не сѣчетъ меня и не имет: на огнѣ я не горю, на водѣ не тону. А того мѣча велми боюся: какъ бы я того багатыря не убил, и мнѣ бы самому убиту от него быти».

[1—1] когда я был еще в пеленках; [2—2] в обхват; [3] при этих условиях; [4—4] заботит меня.

И говоритъ Еруслон Лазаревичь: «Государь Вольной царь, Пламенное копье! Пожалуй меня, холопа своего: язъ тебѣ тотъ мечь добуду!» И говоритъ ему Вольной царь: «Еруслон Лазаревичь! Какъ ты мнѣ ту службу сослужишь, и я тебя пожалую паче всѣхъ ближнихъ своих приятелей. А токо ты похвалился такимъ словомъ да не сослужишь, и ты у меня не уйдешь никуды, ни водою, ни землею».

И поклонился ему Еруслон Лазаревичь, и сѣлъ на свой доброй конь, и поѣхал к богатырской головѣ. И как будет у нея, и говоритъ ей Еруслон Лазаревич: «О государыни багатырская голова, надѣючись на твое великое жалованье и милосердие! Хатѣла ты ис-под себя мѣчь свободить мнѣ, и яз пред царемъ похвалился; и царь мнѣ такъ сказал: „Только, де, Еруслонъ, не добудешь того меча, и ты, де, у меня не можешь нигдѣ укрытися и утьти, ни водою, ни землею"».

И слѣзшы Еруслон Лазаревичь своего добра коня, и ударился о сыру землю, и говоритъ: «О государони богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай живота!» И багатырская голова с мѣста содвигнулась, и Еруслон Лазаревичь вземъ мечь и поѣхал; а самъ себѣ подумалъ: «Господи Боже, Спасъ *Милостивый*! Доселѣ азъ царей устрашалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами багатырской головѣ поклонился!» И богатырская голова крикнула громко голосомъ, и Еруслонъ Лазаревичь воротился. И Еруслонъ узнал свою вину и воротился, и слѣзъ з добра коня, и палъ на сыру землю, и говоритъ: «Багатырская голова, виноватъ я пред тобою, что посмешыл таковое слово».

И зговоритъ ему багатырская голова: «Богъ тя проститъ, Еруслонъ Лазаревичь, в том словѣ, что дерзнул со млада ума! Не всѣмъ ты завладѣешь, что мечь взялъ: можешь и с мечем быти мертвъ! Тако добра хощу. Как ты, Еруслонъ Лазаревичь, приѣдешь в Штютенъ град, к Вольному царю, к Огненному щиту, к Пламенному копью, и какъ увидитъ тя, и не усидитъ на престолѣ своемъ, кинетъ жезлъ свой, и срѣтит тя, учнетъ тебѣ говорить, и много добра сулить; и ты, Еруслонъ Лазаревичь, послушай меня: и ударь ево по главѣ однажды. И какъ ты ево ударишь, и буде он тебѣ велитъ себя и вдругорядь ударить, и ты ево не бей: и аще он с того удару оживетъ, и он тебя убьетъ». И Еруслонъ Лазаревичь поклонился ей, и поѣхалъ ко граду.

И какъ въѣхалъ на царевъ двор — а мечь несетъ на плечѣ — и увидялъ его царь, скочил с престола своего, и кинул жезлъ свой, и побѣжал встрѣчать Еруслона. И говоритъ ему царь: «Исполать[1] тебѣ, Еруслонъ Лазаревичь! Какова тебя сказывали, таковъ ты и есть! За ту тебѣ службу мѣсто у меня тебѣ первое подле меня, а другое — против меня, а третие — гдѣ тебѣ любо! Казна у меня тебѣ не затворена, а после смерти царством моимъ владѣй». И протянулъ царь руку, и хотѣлъ мечь приняти. И Еруслонъ Лазаревичь ударил царя по главѣ, и разсѣк его надвое.

[1] слава.

И говоритъ ему царь: «Ударь меня, Еруслон, и вдругорядь!» И говоритъ ему Еруслон Лазаревичь : «Ударил я тебя по главѣ, и разсѣкъ пополамъ, и ты не горазно говоришь! Богатырь единожды сѣчетъ». И кинулись к нему, и хотѣли его поимать, и взять, и посадить в темницу. И Еруслонъ взялъ въ руку мечь, а в другую полцаря, и поворотился кругомъ, и убилъ князей, и бояр, и багатырей сорок человѣкъ.

И зговорятъ ему князя и бояра, и градцкие люди: «Государь Еруслонъ Лазаревич! Смирися, престани битися! Не для ради мы того к тебѣ кинулись, что дратися, — чтобы ты былъ у нас царь!» И говоритъ им Еруслонъ: «Выбирайте вы царя промежь собою иново, а язъ вамъ не царь!»

И учал Еруслонъ ис царя желчь вынимать, и в сафьянныя сумки класть. И сел Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ из града вон; и в тѣ поры Еруслону минуло 11 лѣтъ.

И приѣхал Еруслон к багатырской головѣ, и вынял из сумокъ царьской желъчь, и помаза багатыря Рохлея. И тут Рохлей жив сталъ, и с Еруслономъ поцеловались, и *назвали* другъ друга братомъ. И Рахлей богатырь поѣхал в Задонскую орду в Штютен град, по благословению отца своего женитца Вольнова царя на дщери Понарии царевны, царствовати в Штютенъ граде; и Еруслон поѣхал ко князю Данилу Бѣлому в царство.

И ѣхал Еруслонъ год времяни, и *въѣхалъ* во градъ ночью, никто ево не слыхал и не видал. И приѣхал к темницѣ, ажно у темницы стражей всѣхъ прибил, и ударил в темничныя двери, и вышыб вон. И вшед в темницу, и говоритъ Еруслон Лазаревичь: «Многолѣтное здравие царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю с двумя-на-десяти богатырями!» И говоритъ ему царь Картаус: «Человѣче, отъиди прочь от нас, не пролыгайся[1]!» И говоритъ имъ Еруслон Лазаревичь: «Язъ, государь, не пролыгаюся! Куды вы меня послали, и я вамъ ту службу сослужил, и желчь из его вынял».

И зговоритъ ему царь Картаусъ: «Человѣче! Коли ты Еруслон называешыся, и службу нашу сослужил, Вольново царя убил и из него желчь вынялъ, — и ты тою желчию помажь намъ очи, и мы свѣтъ Божий увидимъ, и тебя, Еруслон, увидимъ, и вѣру тебѣ поимем».

И Еруслон царю очи помазал, и отцу своему князю Лазарю Лазаревичю, и двоюнадесяти *богатырям* очи помазал: и они свѣтъ Божий узрили, и Еруслона увидѣли, и возрадовались радостию великою.

И какъ утренняя заря заиметца, и Еруслон вышел из темницы вон, и садился на своего доброго коня, и поѣхал по граду. И не ясенъ соколъ напущаетца на гуси и на лебяди, *напущаетъца* Еруслон Лазаревичь на мурзы и на татары; прибил, и присѣкъ, и конемъ притоптал мурзъ и татаръ 170 000, а черных людей и младенцовъ в девять лѣтъ — въ крещеную вѣру привел и крестъ целовати за

[1] не лги, не обманывай.

царя Картоуса велѣлъ, а свою имъ татарскую вѣру велѣлъ проклинать. И велѣлъ бити челомъ царю Картоусу, а князь Лазарь Лазаревичь княземъ былъ, а двана-десять багатырми быть. А князя Данила Бѣлого, поимав, сослал в монастырь, и велѣлъ пострищи, и дал ему наказание. А за тое его убилъ, что он мать его убилъ, княгиню Епистимию.

И покушал Еруслонъ хлебца у царя маленько, Картоуса, и простился с царемъ, и со отцемъ своимъ, и з богатырми, и со всѣми людми, и вѣлъ на свой добрый конь, и поѣхал ис царства вон. Царь Картоус и отецъ ево князь Лазарь, много со слезами унимали: «Живи ты у нас, Иеруслонъ Лазаревичь, Божие да твое царство, владѣй имъ, а от нас прочь не отъезжай!»

И Еруслон поклонился царю Картаусу, и со отцемъ своимъ простился, и *поѣхалъ* ко граду Дербию, ко царю Варфоломѣю, а хощетъ видѣти прекрасную царевну Натасию Варфоломѣевну; а в тѣ поры Еруслону минуло двенатъцать лѣтъ.

И едетъ мѣсяцъ, и другой, и 3-й, и доѣхал Еруслонъ до царства Варфоломѣева. Ажно под тѣмъ царствомъ езеро велико, и в томъ езерѣ лютое чюдо о трехъ головах, на всякъ день выходитъ на берегъ и поедаетъ многия люди. А царь Варфоломѣй велитъ на всякъ день кличь кликать, чтобы Богъ послал такова человѣка, кой бы в езере чюдо извелъ, «а язъ бы ему много далъ городов, и казны довольно ему, и коней добрых, и людей ему на службу, сколько ему надобно».

И вьехал Еруслон во град, и стал на дворѣ у вдовы. И услышал Еруслон кличь *царьский*, что много чюдо людей поедаетъ. И сѣлъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхал к езеру.

И услышало чюдо, что приѣхал Еруслонъ, и выскочило вон; конь испугался, пал на окарачки, и Еруслонъ свалился с своего добра *коня* на землю, и *ухватило* ево чюдо, и поволокло во езеро. Еруслонъ ухватилъ мечь свой, — а доброй конь ево остался на брегу, и влѣз Еруслонъ чюду на спину, и отсѣкъ Еруслон у чюда двѣ головы, и хощетъ третьюю голову отсѣчь.

И возмолилось чюдо: «Государь Еруслон Лазаревичь! Не дай смерти, дай живота! По сей день из езера не выйду, и людей ѣсть не стану, а стану ѣсть рыбу и тину, и траву болотную, а тебѣ дамъ подарокъ велий: есть у меня камень самоцвѣтной, и язъ тебѣ отдамъ».

И говоритъ Еруслон: «Чюдо, аще ты мнѣ камень отдашь, язъ тебя спущу жива». И пошло чюдо во езеро, — а Еруслон все на нам седѣлъ, — и взял у чюда камень самоцвѣтной, и велѣлъ вынести из езера на брегъ. И Еруслон снял с чюда третию голову и сѣлъ на свой доброй конь и поѣхал во градъ *Дербию*.

Ажно встречаетъ ево царь Варфоломѣй въ воротах градных, и Еруслон Лазаревичь не доѣзжаючи царя, слазитъ с своего добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтное здравие государю царю Варфоломѣю! *Многолѣтствуй*, государь, во своемъ царствѣ, с князи и з баляры, и со всѣми христианы на многие лѣта! Избыл еси *твоего* града губителя!»

И зговоритъ ему царь Варфоломѣй, и всѣ возрадовались радостию великою, и емлетъ Еруслона за *руку* за правую, и целуетъ его во уста сахарныя, а самъ зговоритъ таково слово: «Вѣдаю язъ, Божий человѣкъ, не хотя Господь смерти грѣшникомъ, хотя нашъ град от таковаго губителя спасти, посланно *за* тобою, храбрымъ воиномъ. И как тебя зовутъ по имени, и откуда тебя сюды Богъ занес, и какова отца сынъ и матери?»

И зговоритъ Еруслон: «Государь царь Варфоломѣй! Язъ, государь, ѣжду от Картоусова царства, а от отца сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимия, а меня зовут *Еруслоном*. А гулял язъ, государь, в чистомъ полѣ».

И царь о немъ наипаче возрадовался, что Богъ ему подал такова человѣка храбраго. И архиепископъ того града со всѣм соборомъ и со кресты, и со иконами стречали с князи, и з боляры, и со всѣми своими православными христианы; поклоняетъца весь мир: и малые младенцы возыграли, и стари вострепетались; и бысть во градѣ радость великая.

И царь Варфоломѣй на радости и пиры сотворил многия и великия, и созвал князей и бояръ, и всяких чинов людей, з женами и з детми, а Еруслона взялъ е за руку, и повел к себѣ в полаты, и посадил, *учрежда* мѣсто ему подле себя, и стал ему *говорить*: «Государь Еруслон Лазаревич! Буди воля твоя, живи ты у меня во царствѣ, и емли ты городы, и с пригородками, и с красными селами. Мѣсто тебѣ — подле меня, а другое — против меня, а третие мѣсто — гдѣ тебѣ любо; казна тебѣ у меня не затворена: емли себѣ злата и сребра, и скатнаго жемчюга, и камения драгаго, сколко тебѣ надойбно. И поизволишь женитися, и язъ дамъ за тебя дочью свою Настасью Прекрасную, а приданова дамъ половину царства».

И какъ Еруслон будетъ сѣдячи за столомъ на-веселие, и зговоритъ ему Еруслон Лазаревичь: «Государь царь Варфоломей, покажи ми дочь свою». И царь Варфоломей вѣлѣлъ итьти в полату к дочери своей, прекрасной Настасие Варфоломѣевнѣ.

И Еруслонъ въставъ из-за стола, и вшед в полату, образу Божию поклоняетъца, и царевна поднесла ему розныя питья царския. Еруслон, испив у царевны, и пошел вон ис полаты, и учалъ говоритъ: «Государь царь Варфоломѣй! Хощу женитися, и понять за себя дочь твою Настасию». И о томъ царь Варфоломѣй возвеселился и далъ за него дщерь свою Настасию.

И взял Еруслон Настасию Варфоломѣевну, и легъ с нею опочевать, и учал себѣ любить ея, спрашивать: «Милая моя царевна Настасия Варфоломѣевна! Есть ли на семъ свѣте тебя краше, а меня храбрѣе?» Что зговоритъ ему царевна Настасия: «Государь Еруслон Лазаревич! Нѣтъ тебя храбрѣе! Ты, государь, князя Ивана, рускаго багатыря, побил; ты, государь, князя Данила Бѣлого побилъ, и царьство его попленил; ты, государь, Ивашко, Бѣлую Япанчу, убил; ты индѣйского царя устрашил; ты, государь, Вольнаго царя, Огненнаго щита, Поломяного копья, убил; ты, государь, оживилъ Рахлѣя багатыря; ты, государь,

отца своего воскресил и змия убил. Язъ, государь, что за красна! Как есть государь, а *в* Девичьѣ царствѣ, в Солнышномъ градѣ, царевна Понария, сама царствомъ владѣетъ; иная, государя, коя пред нею стоит день и нощь, и та, государь, меня вдесятеро *краше*».

И поутру встав Еруслон Лазаревичь рано, и даетъ женѣ своей царевнѣ Настасие Варфоломѣевнѣ камень самоцвѣтной, и зговоритъ ей: «Милая моя царевна Настасия! И только ты родишь сына — и ты ему вдѣлай въ перстень, а только родишь дочерь — дай в приданые». А самъ пошелъ ко царю в палату, и учалъ с нимъ пития пити и веселитися.

И какъ будут оба на-веселии, и Еруслон встав из-за стола, образу Божию поклоняетца, и царю бьетъ челомъ, и з женою простился. И сѣлъ на свой доброй конь, и поѣхалъ к Девичью царству, к Солнышному граду, видѣти прекрасную царевну Панарию.

И ѣхал Еруслон полгода времяни, и доѣхал до Девичья царства, до Солнышнаго града, и вьѣхал во градъ, и слѣзъ *с* своего добраго коня, и пошел к царевнѣ в полату.

И узрѣла царевна такова воина, и возрадовалась, и учала ему бити челомъ: «Государь Еруслон Лазаревичь! Владѣй ты моим царствомъ и людми; и вся казна, и добрые люди, и кони, и я сама пред тобою; а воинских людей у меня *7000*, и черных людей 300 000, владѣй!»

Еруслонъ Лазаревичь, смотрячи на красоту ея, с умомъ смешался, и забыл свой первой бракъ. И взялъ ея за руку за правую, и целовалъ ея во уста сахарныя, и *прижималъ* ея к сердцу ретивому, и назвалъ ея женою, а она ево мужемъ назвала. И учали себѣ жить, а царьством владѣти.

А Настасия Варфоломѣевна без него родила сына, и нарече во святомъ крещении имя ему Иванъ, а прозвище Еруслонъ Еруслоновичь; *глаза* у него какъ *питныя* чашы, а лицемъ румянъ, а собою ростучь. И живетъ Настасия Варфоломѣвна без Еруслона пять лѣтъ, по вся дни лице свое умываетъ слезами, ждучи своего мужа Еруслона Лазаревича.

И какъ будетъ Еруслонъ Еруслоновичь пяти лѣтъ на шестомъ, и учалъ ходить во дворъ г дѣдушку своему царю Варфоломѣю, и учалъ шутить шутки с княженецкими дѣтми и боярскими, и з гостиными: ково хватитъ за руку — у того рука прочь, ково хватить за голову — и голова прочь; и ту граждана не залюбили.

Еруслон Еруслоновичь узналъ, что ево гражданя не возлюбили, и пришелъ к матери своей Настасие Варфоломѣевнѣ и учал говорить: «Государыни матушка, Настасѣя Варфоломѣевна! Куды поѣхалъ государь мой батюшко?» И зговоритъ Настасѣя: «Дитятко мое милое, Еруслонъ Еруслоновичь! Поѣхал твой батюшко к Девичью царьству, к Солнышному граду». Еруслонъ Еруслоновичь седлалъ своего добраго коня и поѣхал отца своего искать.

И как будетъ Еруслонъ Еруслонович под царствомъ Девичьимъ, и скрычитъ громко голосомъ. И отецъ его *Еруслонъ* с постели спрянулъ, и зговоритъ: «Милая моя Понария царевна! Не бывали ли хто преж сего под симъ царствомъ, и не сватывался ли кто к тебѣ?» И говоритъ ему Панария царевна: «Государь Еруслон Лазаревичь! Не бывал нихто прежь тебя». И зговоритъ Еруслонъ: «Слышу язъ, что есть под моимъ царствомъ багатырь; и я поѣду убью *ево*». И выѣхал Еруслонъ в чистое поле.

Как съѣзжаютца два сильныя богатыри: Еруслонъ Лазаревичь ударил сына своего *против* сердца ретиваго, и мало ево ис седла вон не вышыб; и Еруслонъ Еруслонович ударилъ отца своево против сердца ретиваго, и ухватил Еруслонъ Еруслонович копье рукою правою у отца своего, и возсиялъ на рукѣ перстень, а в перстни — *камень* самоцвѣтной.

И увидал Еруслонъ Лазаревичь у сына своего златъ перстень, а в перстни камень самоцвѣтной, и учалъ спрашивать сына своего: «Чье дѣтище молодое, и откуду ѣздишь, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?»

И зговоритъ сынъ ево: «Государь храбрый воин! Язъ ѣду от града Дербии, от царя Варфоломѣя; а отець у меня был Еруслонъ Лазаревичь, а мати у меня Настасия Варфоломѣевна; а отца своего в лицѣ не знаю; а поѣхал от матери своей гулять г Девичью царству».

И Еруслон Лазаревичь брал ево за руку за правую, и целовал его во уста сахарныя, и называлъ его сыномъ. И садились онѣ на своѣ добрыя кони, и поѣхали ко Дербию граду, к Варфоломѣеву царству. И *учалъ* Еруслон сына своего спрашивать о отцѣ своемъ царѣ Варфоломѣе о здравии, и о матери его, а об своей женѣ, и о царствѣ, и о людѣхъ: «Не прихаживал ли хто без меня под наше царство, и не побивал ли кто людей в царствѣ нашемъ? [1]Я бы ему влил кровь *противо* крови»[1].

И говоритъ ему сынъ ево Еруслон Еруслонович: «Государь мой батюшко, Еруслон Лазаревичь! Дѣдушко при старосте, неможетъ[2], а мати моя в печалѣхъ *великих*, что тебя к себѣ дождатися не можетъ, а под царствомъ нашымъ не бывал нихто».

И ѣхалъ, ѣхал Еруслон полгода времяни, и приѣхал под царство Дербию-градъ, ажно во градѣ плачь и сѣтование великое: преставися у них царь Варфоломѣй.

И въѣхали они во град Дербию; гражданя того града их опознали, что едет Еруслон, и *с* сыномъ своим Еруслономъ Еруслоновичемъ, и людие Дербия града поклонились: «Многолѣтное здравие государю Еруслону Лазаревичю и *с* сыномъ своимъ Еруслоном Еруслоновичемъ! Здравствуй, государь, на *Дербиѣ*, принял вѣнецъ *царский* и порфиру царскую, и градъ Дербии, и орду сию, и мы о тебѣ станем радоватись, а царя *Варфоломѣя* поминати!»

[1—1] я бы ему отомстил за пролитую кровь; [2] болен.

И вьѣхал Еруслон на дворъ свой, и выскочила противо ево стречати прекрасная царевна Настасия Варфоломѣевна, и ниско мужу своему поклоняетца, Еруслону Лазаревичю, и говоритъ таково слово: «Солнце мое равитцкое! * Откуду взошло и меня обогрѣло? Отколе мя свѣтъ освѣтил, и отколя зоря возсияла и свѣтъ освѣтилъ?» И обняла его, и взяла за руку, и целовала его во уста сахарныя, и прижимала ево к своему сердцу ретивому, и повела ево в хоромы царские, и всѣ князи и боляра, и гости торговые, и черные люди Еруслону возрадовались.

Еруслону слава не минуетца отнынѣ и до вѣка, аминь. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ

ПОВѢСТЬ ИЗРЯДНАЯ И ЗѢЛО ПРЕУДИВИТЕЛЬНАЯ О ПЕТРѢ, КНЯЗѢ ФРАНЦУЖСКОМЪ, И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО КНЯГИНѢ, О МАГИЛЕНѢ, КРАЛЕВНЕ НЕОПАЛИТАНСКОЙ, КОТОРАЯ ВО СВОЕЙ КРАСОТѢ И ДОБРОДѢТЕЛИ РАВНОЙ СЕБѢ ВО ВСЕМЪ СВѢТЕ НЕ ИМѢЛА

В кралевствѣ французскомъ много есть волных князей, между которыми во единой странѣ бысть благородный князь именемъ Вольфангъ. Той имяше жену, княжескаго роду, именемъ Петронилу, французской кралевне сестру родную, с которою имѣлъ единаго сына, ему жъ было имя Петръ. Той, сый во младыхъ лѣтехъ своихъ, имѣлъ охоту к дѣламъ рыцерскимъ. Егдаже бысть в лѣтехъ, ни о чѣмже иномъ помышляше, токмо о шурмованье[1], бѣгу конскомъ с копьемъ, и орудии рыцерскомъ. Прилучи же ся во едино время, яко обычай бываетъ, о чемъ же кто помышляетъ, к тому и сердце свое прилагаетъ. Видя отецъ сыновнюю породу, яко склоненъ есть к дѣламъ воинскимъ, содѣла великий пиръ для великихъ господъ в кралевствѣ французскомъ, на который пиръ возвал сродниковъ своихъ с сыновьями своими, чтоб да помогли бесѣды рыцерской сыну его, на то благоохотнѣ произволи. Егдаже приближися уреченный[2] день, съѣхалися всѣ с сыновьями своими. Коль тамо благообильне угосподствовал, о том долготы ради не хощу мешкати[3]. Но послѣ стола отцы сотвориша рѣчь къ сыновьямъ своимъ, дабы всякъ в них на добродство свое помня, ничтоже стыдяся между собою испытати бы рыцерскаго искуства, понеже имъ сие сотворенно лѣпотствуетъ.

Яко князъ Петръ нынѣ же промежъ иными славными рыцери храбрство свое показалъ. Потомъ указалъ князь Вольфангъ изготовити полату и красить всякими утвари велми прекрасну, такъ же и мѣсты, на которых стояли отцы ихъ и матери з девицами видѣти сыновъ своихъ рыцерство, которое промежъ ими будетъ. И князь Петръ храбръство великое над ними учинилъ и никоторой не могъ противенъ быти, и ни у кого такой силы и умѣнья не было. И вси князи почели его имѣть за большаго рыцеря. И для того рыцерскаго дѣла и всякихъ его умных речей всѣ его за то любили и во всемъ ево хвалили.

---

[1] турнир (*польск.*); [2] назначенный; [3] подробно рассказывать.

Яко Рыгардусъ наговорил князя Петра, дабы ѣхал х кралю Неопалитанскому.* [1]Лучи же ся[1] на тотъ часъ тутъ же быть единому человѣку, именемъ Рыгардусу из кралевства Неопалитанского, которой видѣлъ такое его богатырство и над всѣми великое рыцерство князя Петра, сердечне его возлюбилъ и сталъ ему говорить, чтоб онъ в дому отца своего не жилъ, чтоб во иныхъ государьствахъ и по многимъ царьствамъ ѣздил, и свое счастие и великую славу богатырскихъ ради своихъ дѣлъ восприялъ, честь от великихъ кралей и иныхъ посторонных[2] государьствъ, и такъ ему рекъ: «Богатырство временно есть и скоро минѣтся, слава же добрая и учтивая богатырская во вѣки славна. И часто ее люди воспоминаютъ». Услышав то, князь Петръ с великимъ веселиемъ и охотою с молодости своей извыклъ[3] к дѣламъ рыцерскимъ и шурмованию, и велми ему тѣ рѣчи полюбились.

Князь Петръ сталъ Рыгардуса спрашивать: «Скажи, гдѣ, в котором обрѣсти государствѣ мнѣ такой славы себѣ?» И Рыгардусъ ему сказалъ: «Великий княже Петре, есть великий краль Неопалитанский. К нему съѣзжаются на шурмованье и для великихъ рыцерскихъ дѣлъ кралевичи и князи и всякие великие рыцери и вельможи. В томъ дѣле тѣхъ рыцерскихъ людей краль любитъ, а все для того, что есть у него дщерь, именем Магилена, вельми прекрасна, и на свѣте ея нѣсть краше. И краль многое богатство въ тѣхъ рыцерскихъ людей тратитъ». Услышавъ то, князь Петръ вельми обрадовался и стал мыслить, како бы доѣхать до того кралевства, потому что и прежде сего об той прекрасной кралевне Магилене от иныхъ многих людей слыхалъ. И сталъ мыслить какъ бы у отца своего и матери отпрашиватца.

Яко князь Вольфангъ съ княгинею своею Петронилою в печали великой и в жалости изволи сына своего отпустить въ посторонныя государства. Во едино время князь Петръ пришедъ к отцу своему и матери, стал ихъ молить и бити челомъ: «Милостивый государь мой отче и милостивая государыня моя мати, прошу вашей отеческой милости и благословения, повольте мнѣ ѣхать в ыные посторонные государьства, всякихъ ради рыцерскихъ дѣлъ отвѣдать и себѣ богатырской славы заслужить от великихъ кралей. А слышалъ, отче, я, что в ыныхъ государьствах кралевичи и княжата от своихъ отцовъ ѣздят и всякие богатырския добрые славы заслуживать. Прошу вашей к себѣ милости отеческой, изволите меня отпустить, также счастия своего отвѣдать, какъ иныя моя братия великой себѣ славы получают». Услышав отецъ его и мати такое от него прошение, стали ему со слезами говорить: «О чадо наше милое, толко намъ и утѣхи, ты наше радость и веселие при старости нашей, что ты единъ, а нынѣ хощешь ты от насъ прочь отъѣхать, ты намъ будешь убойца обѣимъ. И при такой при старости нашей станемъ мы ту-

---

[1—1] случилось; [2] иноземных; [3] привык.

жить и с великой своей печали по тебѣ помремъ». И иными многими словами стали его уговаривать, чтоб перестал то мыслитъ и прочь бы не ѣхал.

Услышавъ то князь Петръ у отца своего и матери такую рѣчь, вельми опечалися и многие дни не бысть радостен, и мало что вкушаше, всегда печален бѣ.

Видя отец и мать хотѣние сына своего, с великимъ плачемъ и печалию позволили сыну своему ѣхать в посторонныя государьства.

И взявъ отецъ его к себѣ, сталъ его наказывать[1] и рече ему: «Сыне мой возлюбленный, отпущаю я тебя в ыные государьства. Слушай приказания моего, бойся Бога и молися во дни и в нощи, будешь от Бога помилован и от нас благословенъ, имѣй дружбу з добрыми товарыщи».

Потомъ взяла его мати к себѣ и стала его всякими словами наказывать, чтобъ за добром ходилъ, а худа бѣгалъ. И дала ему три драгие златыя персни з драгими каменьи. И дала ему чепь златую и рекла ему: «Возлюбленный сыне мой, даю тебѣ благословение свое, приими и береги прилѣжно. И какъ возглянешь на сие мое благословение, вспомни и наказание наше». И тако отпустиша его съ великимъ плачемъ и рыданиемъ, и жалостно бѣ отъпускъ его всему княжению ихъ.

Яко князь Петръ доѣхал до краля Неопалитанского, и какъ приѣхал до него, довѣдался всякихъ извычаевъ и нравовъ и чиновъ двора кралевскаго. Выѣхавъ он славный рыцерь из своего государьства и ѣздил по розных государьствахъ с великою славою. Потомъ приѣхал х кралевству Неопалитанскому, во градъ, гдѣ пребывал краль Неопалитанский съ кралевою и съ прекрасною кралевною Магиленою. И сталъ на дворѣ у единаго добра человека в добромъ дому и сталъ господина дому того спрашивать о извычаехъ и всякихъ чинахъ двора кралевскаго, всѣх по ряду, какъ што доведетца у нихъ в кралевствѣ. И человекъ той, видя удатного[2] и мудраго у себя постоялца, сталъ ему все росказывать подробну, что какъ ведетца на дворѣ кралевскомъ, а потомъ сказалъ: «Не великое время тому, приѣхал единъ рыцерский человекъ имянемъ Крапяня на дворъ кралевский, которой в справахъ[3] своихъ рыцерскихъ искусенъ и мудръ. И краль его с великою честию принялъ. И тот рыцерь билъ челомъ кралю, чтобъ пожаловал, указалъ выкликать рыцерей на шурмованье, чтоб кто выискался сильнѣе ево, потому что онъ надѣялся на свое рыцерские мудрые дѣла и силу. И краль указалъ выкликать и уставить день битьвѣ. А все то чинилъ для дщери своей прекрасной кралевны Магилены». Потом князъ Петръ сталъ спрашивать: «Друже милый, мочно ль иноземцу приезжему на томъ рыцерскомъ дѣле быть, повольно ль к тому шурмованью ѣхать?» И реклъ ему господинъ:

---

[1] наставлять; [2] доброго, славного; [3] в делах.

«Вседушно ради всякому человеку вольно ѣхать, толко бы кто умелъ шурмовать и добръ головою своею былъ».

Услышавъ то, князь Петръ сталъ ждати дни того уреченнаго, на который день будетъ шурмованье рыцерское. И велѣлъ здѣлать два ключа златые* самым добрымъ мастерством, и велѣлъ ихъ к шелму[1] придѣлать, чтоб онъ в том рыцерскомъ шурмованье у краля и у всѣхъ былъ знатенъ. И какъ пришелъ день уреченный, и князь Петръ вставъ рано и шелъ в церковъ помолитися Господу Богу. Потомъ пришедши, велѣлъ коня оседлать и урядъ[2] добрый и дорогий конской положити. А самъ въ збрую[3] одѣялся и велѣлъ единому человеку своему съ собою изготовитца, которой велъ коня его простова в нарядѣ, на котором ему битися было. И иных людей много во одеждах шло, которые несли за нимъ копье и шелмъ его со златыми ключьми.

А какъ было послѣ обеда стали съезжатца на мѣсто уготованное, гдѣ быть шурмованью, и славные великие рыцери, и князь выѣхалъ нъ тожь мѣсто. И какъ всѣ съехалися рыцери и потомъ краль с кралевою и съ прекрасною кралевною Магиленою. И иныхъ много вышло зрѣти на то рыцерское дѣло, на изготованное мѣсто высокое, отколѣ видѣть имъ было всѣхъ рыцерей славных. А рыцери стали другъ против друга, князь Петръ, яко приѣзжей человекъ, сталъ далеко от нихъ на послѣднемъ мѣсте.

Выехал единъ от краля велможа и реклъ имъ кралевскимъ словом, чтобъ всякъ своего счастия отвѣдывал и славы показалъ друг противъ друга.

Потомъ князь Петръ сѣлъ на своего добраго коня и взявъ свой шелмъ на главу и копье в руки и сталъ по тому ѣздить, метаючи копьемъ в высоту и в ширину. И шурмуючи такъ изрядно, что ему стали все дивитися и другъ друга стали спрашивать, отколѣ сей рыцерь и какова роду. И никто не зналъ его, и онъ никому не сказался и людемъ своимъ заказалъ, чтоб не сказывали, какова онъ роду. Потомъ тотъ рыцерь, которой то шурмованье зачалъ, выѣхал и всѣмъ реклъ: «Милая моя братия любимая, нынѣ испытайте всякъ силы своей и родства своего». И выѣхал противъ его дворенинъ кралевский, и такъ сильно оба два съѣхалися, ажь дворянина копьемъ с коня чудь нассадилъ, естьли бы люди не подхватили ево. И то увидѣлъ Гиндрикъ Крапяня и поставил себѣ за храбръство. А в то время конь набрушился[4] на копье дворяниново и упалъ с нимъ. Увидѣвъ дворянинъ, что он с конемъ упалъ, напустилъ на него всею силою и повалилъ, и сталъ самъ себя хвалить, что онъ удержал рыцерство храброе. И всѣ стали хвалить дворянина, а того не видали, что ево конь на копье набрушился. Видя Гиндрикъ, что все хвалят дворянина, а не по правдѣ, не хотя больши того с нимъ съѣзжатися.

Увидевъ то князь Петръ большую неправду дворянина того, хотя отмстить ту неправду его, и выѣхалъ противъ дворянина. И оба два ударились

[1] шлему; [2] снаряжение; [3] здесь: доспехи; [4] напоролся.

столь крѣпко, что двоярниновъ конь никоим обычаемъ не состоялъ[1], от великаго заѣзду и удару князя Петра упалъ и з дворянином на землю. Краль и всѣ предстоящии вельми удивились такой силѣ и богатырскому дѣлу и стали князя Петра выхваливать. И послалъ до него краль спрашивать, ис которой земли и какова роду, и какъ имя ему. И князь Петръ посланному от краля о себѣ повѣдал: «Буди кралевскому величеству вѣстно, что я францужской земли шляхтич небогатой, толко породы доброй, славы и чести себѣ заслуживать от кралей великихъ и от князей», а имени своего не сказалъ. Выслушавъ посланный от князя Петра рѣчи и сказалъ кралю Неопалитанскому, что сказался француржской земли шляхтичь небогатой, толко породы доброй, что славы и чести себѣ заслуживать от кралей великихъ и от князей, а имени своего не сказалъ.

Краль видя рыцеря добраго человѣка разумнаго, в силѣ своей крѣпкаго, а что онъ имени своего и прозвища, и какой породы — не сказалъ, и краль сталъ мыслить самъ себе: «Конечно, онъ не простова, но добраго роду». И на томъ рыцерском дѣлѣ и шурмованье князь Петръ от всѣхъ великую славу рыцерскую себѣ получилъ. Ни единъ против его стоять не могъ, кто с нимъ ни съѣзжался, всѣ срамомъ отъѣзжали от него. И того ради ему краль и всѣ сенатори дали ему преднѣе мѣсто у всѣхъ рыцеревъ, и назвали его Рыцеремъ Златыхъ Ключевъ, потому что на шелму два ключа было золотыхъ придѣланы висящихъ. И в то время прекрасная кралевна Магилена всѣмъ сердцемъ его стала любить и об немъ мыслить. Какъ он с копьемъ своимъ ѣздилъ по мѣсту и шурмовал любезно, а прекрасная кралевна Магилена на него зрѣла, и сердце ея любовию по немѣ распалилась. А какъ то шурмованье скончалось, и с мѣста почали розъѣзжаться по домомъ своимъ, и какъ поѣхал князь Петръ к себѣ, и ево многие рыцери проводили, и великую честь воздали. И от того часу прошла про него великая слава во всемъ кралевствѣ Неопалитанскомъ и в ыных государьствахъ.

Яко кралевна Магилена милости просила, молила у отца своего, чтоб указалъ выкликать к шурмованью рыцерскому, хотя видѣть еще храбръства князя Петра. Многому времени минувши, указалъ краль писать по многим государьствамъ, чтобы рыцери съѣзжались для шурмованья рыцерскаго, и у себя в кралевствѣ указалъ выкликать охотниковъ рыцерев добрых. И все то чинилъ для дщери своей, прекрасной кралевны Магилены, а она для того, чтоб ей еще видѣть храбръство Рыцеря Златыхъ Ключевъ. И всегда отца к тому приводила, чтобъ часто шурмованья были.

И какъ писание дошло до иных государьствъ, многие рыцери были тому ради и стали готовиться на уреченный день к шурмованью и для славы, что разнеслася про Рыцеря Златыхъ Ключевъ. И многие со всѣхъ странъ съѣзжалися рыцерские люди в Неополитань-градъ для князя Петра. Всякъ хотѣлъ с нимъ

[1] устоял.

силы своей отвѣдать и славы показать. И какъ пришел уреченный день и часъ шурмованью, и съѣхалось вельми много славныхъ рыцерей на уготованное то мѣсто. Потом приѣхалъ князь Петръ в нарядѣ дорогомъ самъ и люди, и кони, что всѣм стало в подивление.

Потомъ всякой рыцерь по одному стали съѣзжаться с Рыцеремъ Златых Ключевъ, и всякой с срамомъ отъѣзжалъ, и всѣхъ посрамилъ силою своею богатырскою, и такъ большую славу восприялъ храбрьством своимъ.

Видя краль такое мужество князя Петра, дивовался такой силѣ и рекл сенатыремъ своимъ: «Подобаетъ намъ такова богатыря почтити и одарить за такое ево славное храбръство. И за прежнѣе его храбръство ничемъ мы его не почтили. Зрите ли, какой человекъ храбрый, и дородный, и умный. Знать, что онъ не простова роду, но великаго. И вельми бы тому я радъ былъ, кто бы мнѣ извѣстно учинилъ[1], какъ ево имя и какова он роду. Вѣдаю, что онъ французской земли, одно не вѣдаю, котораго роду. Я бы того пожаловалъ, кто мнѣ провѣдал про него». И всѣ сенатори обещались провѣдывать про него. И никто не могъ проведать ни от самого, ни от слугъ ево.

Потомъ указал краль Рыцеря Златыхъ Ключевъ звать к столу. И князь Петръ былъ велми тому радъ, для того, чтобъ прилѣжно высмотрить красоту кралевны Магилены, и умъ ее и рѣчи услышать и обычай кралевский узнать, потому что во многихъ государьствахъ дальныхъ от многихъ про красоту ея слышал.

И какъ пришло время к столу и князь Петръ, нарядяся в драгое платье, шелъ на дворъ кралевской до столовой полаты. И вшедши, кралю поклонилъся и рѣчь ему учтиво выговорилъ. И краль сталъ его жалуючи выхвалять, и всѣ предстоящии у краля подивились рѣчамъ кралевскимъ и милости к нему. И посадилъ его подлѣ своего мѣста, потомъ указалъ приитти кралевой женѣ своей и дщери своей, прекрасной кралевне Магилене. И реклъ имъ краль, чтоб оне помогли потчивать гостя Рыцеря Златыхъ Ключевъ, а королевне Магилене указалъ за столомъ сѣсть противъ рыцеря князя Петра.

Потомъ зачалъ с нимъ краль говорить о всякихъ воинъскихъ дѣлахъ, и онъ ему отповѣдь[2] держалъ на всякую рѣчь умное, что всѣ издивовались уму его и рѣчамъ мудрымъ. Потомъ многие ѣствы нашены, и князь Петръ велми мало ѣлъ, зря на красоту ее и мыслилъ самъ себѣ: «Счасливый тотъ человекъ, которому дастъ Богъ сию прекрасную девицу въ сожителницы», а того не вѣдалъ, что самому ему далъ Богъ.

Потомъ, какъ столъ отшелъ, указалъ краль играть всякие утѣшные игры для кралевны Магилены. И какъ тѣ утѣхи перестали играть, и краль изволилъ особѣ говорить кралевне Магилене с Рыцерем Златыхъ Ключевъ. И сказалъ имъ, чтоб онѣ вывѣдали от него, какова онъ роду. К тому изволению кралевна

[1] узнал; [2] ответ.

Магилена велми рада была, что с княземъ Петромъ говорить. И она ево велми возлюбила, мало за столомъ ѣла, все на него зрѣла. И такъ со обеихъ странъ великая тайна в сердцахъ ихъ любовь была. И велѣла кралевна с честию рыцеря к себѣ позвати для размолвы[1].

Князь Петръ, услышавъ присылку кралевны Магилены, с великимъ веселием воставъ с мѣста шелъ к ней. Какъ пришелъ, и кралевна рекла к нему: «Учтивый гостю и породный рыцерю, королевское величество, отецъ мой, отмѣнну милость имѣетъ к людемъ рыцерскиимъ, при немъ которые пребываютъ для богатырскихъ славныхъ дѣлъ. А приятнѣ то государю моему батюшку, которые с нимъ о великихъ воинскихъ дѣлахъ извѣстно чинять[2] и тѣмъ ево тѣшатъ. А видя великую славу твою, и добрыи нравъ твой, всякие умные и мудрые отвѣты твои, видя тожь породный умыслъ твой, великою милостию и любовию к тебѣ сердечне приклонился и всегда тебя выхваляетъ и великое твое рыцерство славитъ и часто воспоминаетъ. Такъже и мати моя и я вседушно рада всякое добродѣйство тебѣ, а о томъ дивуемся, откуды тебя Господь к намъ принесъ, такова великаго рыцеря. Краль, государь мой батюшка, такъже и мати моя и я, и весь сенаторъ нашъ кралевский, на великое твое рыцерство и на богатырскую силу с радостию великою ради зрѣть, и на самого тебя, добраго рыцеря, и всякую честь тебѣ воздавать».

Такие рѣчи услышав князь Петръ от кралевны Магилены, с великою честию и уклонкою[3] воставъ, учинилъ на тѣ рѣчи отвѣтъ: «О великая кралевна! Недостоинъ я такой государьской милости, какую великую милость краль государь мой и милостивая кралева мати твоя ко мнѣ приказали, а отмѣнно неудобь сказаема милость твоя, никакими моими к вамъ государемъ службами та милость ко мнѣ явится. Только я мышлю, ни во мнѣ богатырства, ни во мнѣ умныхъ словъ, за что ваша такая милость государьская ко мнѣ, да вижу, милость праведная Божия надо мною и ваша государьская неудобьсказаная милость. Нигдѣ инъде не хощу пребывать, только у милосердия Божия и у вашей государьской милости. Видя, государыня прекрасная кралевна, вашу государьскую милостивую породу, и столь ко мнѣ, убогому человѣку, милость свою кажете государьскую, но всѣмъ богатымъ и убогимъ своего государства и инова милость свою государьскую кажете и имя свое славите, о которой милостивой вашей славѣ я от многихъ людей въ посторонныхъ государьствахъ слышелъ, а нынѣ самъ милость вашу к себѣ обрелъ, то всегда уста мои, гдѣ ни буду, славу и милость явственно величать будут от нынѣшняго времени. Милостивая кралевна, убогий чужоземецъ, молю, чтоб моглъ быти при милости вашей послѣднимъ служебникомъ[4] своимъ, а инымъ ничемъ такую вашу государьскую милость, толко долженъ Бога молить, гдѣ буду въ посторонныхъ государьствахъ, ваше государьское имя прославлять».

[1] разговора; [2] знают толк; [3] поклоном; [4] слугою.

Услышавъ от него кралевна Магилена рекла к нему: «Великий рыцерю, не имѣю я такого неистовства, какъ ты себя нижишь[1], толко вѣдаю, что всякая въ тебѣ есть доброта, и всѣмъ тебя Богъ одарилъ, и далъ тебѣ мудрую богатырскую силу. Не толко нашему величеству кралевскому то любо, но и всѣмъ посторонным государьствамъ то мило и славно. А государя моего батюшка и государыни моей матушки, и моя отмѣнная милость и любовь к тебѣ. И за такую твою славу рыцерскую и такихъ мудрыхъ твоихъ дѣлъ велми бы я тому рада была, чтобъ мнѣ почаще с тобою разговаривать. Всѣмъ есми ты мнѣ любъ и милъ: рыцерством и дородством и умомъ. Радошна бы я была, чтоб ты у насъ при милости государя моего батюшка пребывалъ и прочь не отъѣзжалъ».

Услышавъ то князь Петръ такие милостивые рѣчи кралевны Магилены, всталъ, учинилъ отвѣтъ премудръ. Потомъ промежъ ими были всякие многие рѣчи любителные[2]. И с той ихъ общей бесѣды и милое другъ на друга зрѣние, объяло его помышление сердечное, иже тѣмъ сердцемъ своимъ и любовию приклонилъся к прекрасной кралевне Магилене. Потомъ стали розъѣзжатця и рыцерь поклонилъся кралевне, исшел от нея ис полаты с великиимъ веселиемъ.

А краль в то время былъ в столовой полате с сенатырьми. И рыцерь пришел х кралю, и увидя краль его, пришелъ к нему и сталъ допрашивать имяни его и роду. И онъ всякими рѣчами стал от краля отговариватся и таитъ родъ свой и больши того в рѣчи с королемъ не сталъ говорить, толко реклъ, что «францужской земли шляхтичь породной[3], а ѣзжу по розным государьствамъ для рыцерскаго дѣла», а имени своего и роду не сказалъ. И сталъ краль мыслить: «Конечно, онъ великаго роду, что таитъ, не сказываетъ». И князь Петръ поклонилъся кралю, и пошелъ на постоялой свой дворъ.

И князь Петръ пришелъ к себѣ на дворъ, сталъ про красоту кралевны Магилены мыслити и сталъ в великомъ замышлении, и почалъ имѣть на мысли своей красоту кралевны Магилены, и милое промежь ими размолва, и другъ на друга зрѣние и прощение, что промежъ ими было, такъ сердьце его в великой сердечной тягости стало по ней.

А кралевна такожде пришедъ к себѣ, мыслила о немъ и такъ любовию по немъ распалилась, что всю нощь не могла уснуть, все об немъ мыслила и рада б была, чтоб об немъ вѣдала, какова онъ роду и какъ имя ему: «А знать, что онъ не убогова, но большаго роду, что не стыдяся смѣло говоритъ с нами, королевскимъ величеством». И будучи в размышлении, не уснула всю нощь и умыслила увѣривъ сказать мамке своей, имянемъ Потанцыяне, которой прежде его всю свою тайну объявляла. Наутрѣе указала быть к себѣ мамке Потанцыяне и выслала всѣхъ ис коморы[4] своей, и стала говорить мамке своей: «О возлюбленная Потанцыяна, всегда ты мнѣ вѣрна была, и послушество всякое творила, и о томъ ты попечение имѣла, о чемъ я тебѣ тайну свою открывала. Нынѣ на мя прииде

---

[1] принижаешь; [2] любезные, ласковые; [3] родовитый; [4] комнаты.

печаль новая невѣдомая кому, что объявить иному азъ не обрѣла, опричь тебя. И такая печаль на мя прииде, еще помышляю ея со всѣхъ сторонъ объимает мя тягость и лютая болѣзнь. Первое — не допустит меня величество и честь наша королевская, з другой стороны — въ стыдъ и боязнь, чтобъ не покорить[1] честь свою. И с которой стороны ни помышляю, отвсюду на мя зло приходитъ. И вижу то, что мнѣ отбыть здоровья своего от печали сей».

Услыша то, мамка ея Потанцыяна стала ее утѣшать от печали ее и рекла ей: «О милостивая моя кралевна, обѣщаю тебѣ, убогая, что мнѣ мочно учинить, и в чемъ помощь подать для твоей милости, хотя чрезъ мочь мою будетъ, то учиню. Не услышиш тоже чтоб худое слышать и в печали видѣть здоровье твое. Лутче мнѣ самой умереть, нежели въ скорьби тебя, великую кралевну, видѣть. А нынѣ вижу тя в лицѣ премѣнну[2] и печальну велми. Хощу вѣдать, о чемъ имѣешь такую печаль великую и тяжкую. Естьли мочь моя будетъ, хотя смерть прииму, а тебѣ пособлю, только молю тя: не утаи от меня. Извѣстно тебѣ, великая кралевна, что я тебѣ во всемъ вѣрна была. А нынѣ наипаче обещаюся тебѣ и вѣру даю, что таить и никому не сказывать и помощи давати, естьли мочно мнѣ в чемъ послужить вашей милости».

Потомъ кралевна рекла к ней: «О возлюбленная Потанцыяна, издавна ты мнѣ вѣрна была, а нынѣ сама я не вѣдаю, отколѣ на мя сия невѣдомая печаль прииде».

И нача ей сказывать и рекла: «Нынѣ открываю тебѣ тайная сердца моего, возлюбленная моя Потанцыяна. Вѣдаю подлинно, что ты слышала о Рыцере Златыхъ Ключевъ, который недавно приѣхал к намъ королевьскому величеству, и такую тутъ великую славу о себѣ одержалъ над иными великими рыцерми. И о том ты подлинно вѣдаешь, вчерашняго дня былъ у отца моего, королевскаго величества, у стола, и противъ меня былъ посаженъ за столом. И видѣла я, какъ онъ на меня прилѣжно и умилно зрилъ. И какъ из-за стола после ѣствы въстали, в тотъ часъ краль государь мой батюшко изволилъ кролевой матери моей, такъже и мнѣ с нимъ рыцеремъ особно говорить. И с тѣхъ учтивых и умных его речей и милой нашей бесѣды всѣмъ сердцемъ своимъ ево возлюбила. И естьли б аз вѣдала, что онъ роду добраго, конечно, я никого сожительника себѣ, опричь его, имѣть не хотѣла бы. И то вѣдай, милая моя Потанцыяна, что всѣмъ сердцемъ и от всея души своея его возлюбила и опричь ево возлюбленнаго имѣть не хощу».

Услышавъ то Потанцыяна и рекла к ней: «Великая кралевна, в великое удивление привела меня нынѣ. И от тѣхъ твоихъ словъ впала в великий страхъ и трепет, и ужасеся сердце мое. И не вѣдаю, какии мнѣ отвѣтъ тебѣ слова дать. Вѣдаю, что дѣло сие немалое, и тебѣ, кралевне, непристойное. Вижу, что к злу идетъ, а не к добру. Сама ты, милостивая моя, прежде того рекла, чтоб кралевскому величеству к чести, а не к позору, чтоб и нам всѣмъ было за радость, какъ

[1] уронить; [2] изменившуюся.

мы вашей кралевской милости чаемъ всякова добра и чести, и славы. Бывъ дщи великаго краля, такъже можешь быть великаго краля жена для своей красоты и чести. А нынѣ хощешь попорочить род своей великий, не знаешь, кто онъ и какова роду, а хощешь быть жена его. А мы слышали, что онъ неболшаго убогова роду, шляхтичь земли француской. И нынѣ молю тя, милостивая кралевна, чтобъ изволила сию мысль отринуть, и о немъ не мыслить, и къ сердцу своему не прилагать печали доброй. И чтоб ты изволила разсудить сию мысль, потому что дѣло сие несбытное, никогда того не будетъ и не поизволятъ сродичи твои, чтоб ты была жена рыцеря того, потому что никто ево не знаетъ, откуды онъ приѣхал и какова роду. А хотя б онъ и сказался роду честнаго, и тому вѣрить нѣчему: конечно, онъ обманетъ, и обесчестя, васъ покинетъ, и от того будетъ всѣмъ намъ великая печаль. И такъ, милостивая кралевна, изволь помыслить, чтоб к позору не приити. И непристойну ты мысль имѣешь, вашему кралевскому величеству».

Егда услыша кралевна Магилена рѣчь от мамки своей Потанцыяны, что не к помышлению ея дивно сердцу своему, и от тяжкой сердечной любви лице ея побледнѣло, и от памяти отошла и обмерла, потому что сердце ее было люто сердечною любовью велми обято к рыцерю, такъ рещи[1], что сама себѣ волна не была. И по маломъ времени пришла в себѣ въ память и рекла Потанцыяне мамке своей: «О милая Потанцыяна! вижу вмѣсто утѣхи и прокладу, бѣдному и тяжкому и печалному сердцу моему скорби и еще болѣ скорби додаешъ. Гдѣ нынѣ твоя любовь и служба, которая прежь того была во всякихъ дѣлѣхъ и послушна ты была мнѣ и помагала мнѣ во всемъ? Нынѣ вижу, что хощешь ты меня сама своими руками съ сего свѣта збыть и от твоихъ таких рѣчей, что сердце над всѣхъ лучьше возлюбило, а ты того безщестишь. И нынѣ вижу, что во время великой печали моей тяшко приятеля добраго сыскать. О невѣрная Потанцыяна, яко бы узрила, яко тяшко и дивно печалию изранено сердце мое во мнѣ, и ты бы попеклася обо мнѣ. Вижу я, что хощешь пред очима мене мертвую, и то скоро узришь, естьли ты мнѣ иной мысли и помощи не подашь. А вѣдаю я, милая моя Потанцыяна, что сердце мое не худова себѣ возлюбило, знать, что онъ великаго роду, потому что онъ человѣкъ умныи, и мудрый, и смѣлый, и дородный. По всему показуетъ, что не простова роду, но добраго и честнаго. И вѣдай то подлинно, что опричь ево, иного супружника себѣ не хощу имѣти, потому что сердце мое тяшко по немъ болитъ, и естьли будетъ дале того, смерьти саме себѣ предамъ от твоихъ таких грубных речей». А рекши то, заплакала горько, и от великой жалости упала на свою постелю, и от памяти отошла, аки мертва.

И узрила мамка ее Потанцыяна, что такою великою любовию сердце ее было обято по рыцере, поднявъ ея, рекла к ней: «О великая прекрасная кралевна! востани от тяшкой печали и не сокрушай сердца своего, вѣру ийми обѣща-

[1] сказать.

10 Зак. № 3610

нию моему: на что воля твоя лежитъ, то буду чинить и всяческии помогать». И кралевна от тяшкой своей печали не скоро въстала, и Потанцыяна велми того устрашилась, зря на кралевну, и мнила, что она умре. И по малом времени кралевна очьхнулась от тяшкой печали своей. И Потанцыяна стала ее тѣшить и рекла к ней: «Вижу, прекрасная кралевна, тяшко болѣзненное то дѣло, что ни во что и честь, и доброй родъ, ни во что и здоровье свое для друга милова. Вижу и того, какъ вельми возлюбила и здоровье ни во что ставишь. В чемъ мочно, рада вамъ от всего сердца помогать обоимъ».

И рекла к ней кралевна Магилена: «От великаго тяжкаго жалу не вѣдаю о чемъ бы иномъ тебѣ приказать, только прошу тя, довѣдайся от него, что имя ему, а чаю, онъ тебѣ скажетъ. И естьли б свѣдала, тѣмъ утѣшила сердце свое». И Потанцыяна обещалася ей довѣдатца от него про его имя.

Яко Петръ князь былъ въ церкви и яко Потанцыяна с нимъ говорила и какъ послалъ перстень х кралевне Магилене. И князь Петръ всегда ходилъ в церковь на молитву, прилучи же ся приити в ту же церковь Потанцыяне помолитися. И князь Петръ шелъ из церкви, Потанцыяна же остановила его и рекла к нему: «Рыцерю великии, не поставь во осудъ[1], есть нѣчто тайно с тобою переговорить». И князь Петръ учинилъ ей честный поклонъ, что видѣлъ ея прежде того за кралевною, какъ былъ у стола кралевского, и сталъ слушать прилѣжно рѣчи ея. Потанцыяна, видя великую уклонность рыцеря к себѣ, рекла к нему: «Великий рыцерю, многое время пребываешь у кралевской милости, а всѣмъ людемъ великое подивление, что не поволишь по се время имяни своего и роду объявить. А в кралевствѣ нашемъ всѣ вѣдаютъ, что слава твоя богатырская, и рыцерская, и обычай учтивый, и мудрость речей твоихъ, и дородство само объявляетъ тебя, что ты есть роду великаго, да не объявишь ни кралевскому величеству, ни сенатыремъ нашимъ.

Объявляю тебѣ, великий рыцерю, что я ни от королевскаго величества послана, ни от санатырей, только естьли бы ты изволил объявить, котораго роду и какъ имя твое, вѣдала то, что утѣшеные и велико милые вѣсти принесла к прекрасной кралевне Магилене, потому что она того жедаетъ, чтоб оного довѣдатца про имя твое. А естьли бъ от меня, служебницы своей, довѣдалась и до меня найпаче была милосерда, нежели к инымъ». Услышавъ то, князь Петръ замолчал и доумѣлся[2], что по наукѣ кралевны Магилены и рѣклъ Потанцыяне: «Хвала Богу, что меня Господь Богъ почтилъ в семъ государьствѣ, найпаче на дворѣ кралевской милости. Вѣдаю, честная Потанцыяна, умыслъ вашъ и за великое счастие себѣ получаю. А то найпаче ставлю себѣ въ счастье, что хощешь тѣмъ милость приять от кралевны Магилены, что про имя мое объявить. Скажу тебѣ: „Есть много причинъ, для того я имяни своего и роду не объявлю".

[1] не осуди; [2] догадался.

А для того что к тебѣ кравлена Магилена найпаче милосерда была, и для тѣхъ вѣстей кралевна весела б была, и до нынѣшняго дня никакому человеку не объявливал и не вѣрилъ никому, а сего часу отсылаю с тобою тайно х кралевне, чтоб то никому не повѣдано было тайно б, что я княжева роду, а имя своего не скажу. А на увѣрение того, что истинно вѣру держала кралевна, даю знакъ, милый подарокъ, перстень. Вѣдаю, что есть много и дражае того у нее, только что у меня здѣсь лутче, тѣмъ и челомъ бью. Какъ я отъѣзжалъ из дому отца своего, и благословила милостивая государыня мати моя для памяти, чтоб я ее не забывалъ».

И взявъ тотъ перстень Потанцыяна у князя Петра, и рекла ему: «Великий рыцерю, все то, что я у тебя слышала явственно, объявлю прекрасной кралевне Магилене и обѣщаюся всякие добрые рѣчи кралевне за тебя говорить». Отшедши Потанцыяна и стала мыслить: «Нынѣ вижу, что кралевна правду рекла, что онъ честнаго роду. Нынѣ я и сама узнала». И пришедши х кралевне Магилене, стала всѣ его рѣчи сказывать и его самого хвалить всякими похвалами и поднесла ей перстень.

Кралевна выслушав у Потанцыяны по ряду[1] и приняла у ней перстень с великою любовию и честию и радостию, и рекла к ней: «Виждь нынѣ, возлюбленная моя Потанцыяна, что сердце мое слышало и сама узнала по ево дородству и смѣлости, и уму мудрому, и храбрости великой, знать и по ево дорогому нраву, что онъ не простова роду. А вижу и то, что умыслъ любовной ево есть ко мнѣ, только надобно мнѣ его искусить, что подлинно ли онъ меня любитъ, а я ево люблю такъ, нежели сама себѣ, и то тебѣ сказываю нынѣ, что, конечно, иного не хощу себѣ в мужа имѣть, опричь того великаго рыцеря. И лучше мнѣ умереть, нежели умыслъ свой переменить. А что его здѣсь нѣтъ, то перстнемъ стану утѣшаться». И поцѣловавъ тотъ перьстень с любовию. Видя Потанцыяна такую любовь кралевнину к рыцерю и рекла ей: «О великая государыня кралевна, вижу, что ты свою мысль всѣмъ сердцемъ преложила к *тому* рыцерю. Я того не хвалю, что столь скоро хотѣние свое к сердцу своему приключила. Какъ тебѣ первѣе того рекла, такъ и нынѣ, что дѣло сие нестаточное и нечестно королевскому роду вашему, и починаешь не розмысля, и хощешь въ скоромъ времени поддаться незнаемому человеку и возлюби*ть* ево всѣмъ сердцемъ своимъ. И от тое любви чтоб позору не было девичеству твоему. Не толко кралевскому величеству отцу и кралеве матери твоей, но и всему нашему государьству не честь учинишь и жалость великую наведешь. И то мнѣ видится зло, что в такую печаль впала и великую кручину сердцу своему привлекла по томъ рыцере».

Услышав кралевна такие рѣчи, рекла к ней яко з гнѣвом: «Дивлюся я тому, что ты испущаешь рѣчи, а на мысли держишь иные. Вижу я, что у тебя из одныхъ устъ и холодъ и теплость сего часу. Ты того великаго рыцеря хвалила

[1] по порядку.

всякими добротами, сего жъ часу ты его позоришь и хулишь и называешь его чюжеземцомъ и непороднымъ человекомъ. Не хощу я того видѣть, что в тебѣ такие обмѣнные[1] слова приговариваешь и ко мнѣ, что не розмысля и непристойное починаю дѣло. И ты то видишь сама, что не к позору, ни к злу нашему кралевскому величеству, но к чести и к супружеству къ случению замужества. Вѣдаю то подлинно, что он великаго роду, и такъ въ гнѣвъ не поставлю, скажи мнѣ, что худое начинаю и нечестно, не розмысля, и болѣ того меня не розговаривай, и меня въ гнѣвъ и печаль не приводи. Не розвѣсть тебѣ любви нашей, и впредь бы того не называть иноземцом, называй его моимъ супружником, а своимъ государемъ. И вѣдай, что ему сожительница буду и до смерти с нимъ жить въ любви».

Видя Потанцыяна волю кралевнину и стала мыслить, чтоб въ чемъ не прогнѣвать и милости ея не отбыть. Рекла Потанцыяна: «Вѣру ими мнѣ, великая кралевна, какъ тебѣ, так и тому великому рыцерю рада служить и во всемъ повелѣние ваше хранить. А нынѣ вижу, что мысль твоя кралевнина хощетъ с нимъ законный бракъ прияти, чтоб въ скором времени сталось. А какъ я тебя обѣщалась во всемъ слушать и во всемъ помогать, и нынѣ такъ же обещаюся и готова творить, что изволишь, тебѣ, такъже и тому рыцерю великому».

Услышавъ кралевна такие рѣчи от Потанцыяны, престала от печали и стала вельми милостива к ней, и рекла ей, чтоб тайно хранила, никому не повѣрила и во всемъ бы помощь подавала. Обѣщалася Потанцыяна пред Богомъ кралевне, что ее слушать и повелѣние ее творить.

И кралевна стала ее любить и жаловать такъ, как душу свою.

Яко князь Петръ во второе видѣлъся с Потанцыяною и какъ объявилъ любовь свою х королевне Магилене. И князь Петръ многое время Потанцыяну ждалъ, чтоб ему видѣть. И пришел въ церковь, на том же мѣсте Потанцыяну обрѣлъ, гдѣ прежде сего с нею видѣлся, и сталъ ей вельми радъ. И пришед к ней, Потанцыяне поклонился ниско. И реклъ, чтоб она гнѣву не держала, что смѣло к ней пришелъ. И Потанцыяна рекла: «Великий рыцерю, не токмо что презрѣть, но велми рада твоей милости, что тебя, государя, увидѣла въ добромъ здравии». Отвѣщалъ князь Петръ Потанцыяне: «Мнѣ то великая радость, что мнѣ Господь Богъ велѣлъ видѣти тебя в добромъ здравии, велми тому радъ для того, что пребываешь при милости кралевны Магилены. Ея милостивую славу не вижу, прекрасную кралевну Магилену, нынѣ, на тебя зря, утѣшаюся для того, что ты во всемъ вѣрна кралевне Магилене, для того еще тайну сердца своего открываю тебѣ, Потанцыяна».

Услышав же Потанцыяна такие рѣчи от великаго рыцеря, была тому рада и рекла к нему: «Великий рыцерю, буде тебѣ есть нѣчто тайно мнѣ по-

[1] обманные, лживые.

вѣдать, а ты мнѣ что повѣдаешь, вѣрно буду таить. А кому изволишь повѣдать, тому и скажу».

И князь Петръ стал ей повѣдать, как ево объяла сердечная любовь и тоска по кралевне Магилене и какъ неудобь печално сердце ево по ней.

Выслушавъ Потанцыяна слова князя Петра, отвѣтъ дала ему: «Великий рыцерю, не дивуюся тому, что добрые наши сердца к доброму умыслу приходятъ. Я вашему дѣлу не буду спорить ни в чемъ. А гдѣ мочь моя будетъ, стану вамъ радѣть и служить. А то вѣдай подлинно, что кралевна так же и тебя любитъ, какъ ты ее. Только прошу тя, чтоб ты правду реклъ, чтоб то ваше дѣло было честно, чтоб позору не было. А то вѣдай, кралевне мыслитъ, что законный честный бракъ с тобою приять. Только от тебя не знаю, какъ ты мыслишь, чтоб какова зла от тебя не было».

Отвещалъ князь Петръ: «Господа Бога даю на свидѣтелство, что правду повѣдаю: иного не мышлю, только о законном бракѣ с нею и честном житии нашемъ, чтоб добрымъ людемъ видѣти было честно и на славу кралевскому величеству и к чести».

Потом Потанцыяна рекла: «Дивлюся я тому, честный рыцерю, многое время при кралевской милости живешь, а никому имяни своего и роду не скажешь».

Князь Петръ отвѣщалъ ей и реклъ: «Господу Богу обещаюся никому не сказывать имяни своего, только вѣрному своему приятелю, а иному не объявлю. А естьли кралевна про мое имя изволит вѣдать, и я самъ объявлю ей. А естьли ты хощешь, что от тебя кралевна свѣдала, и ты скажи, что я тѣмъ имянемъ, которой больши всѣхъ ис апостоловъ, и кралевна будетъ разумѣть, какъ имя мое. Да прошу твоего приятства: поднеси сий малый подарокъ, чтоб поволила принять за болший дар», и далъ ей другий перьстень лучьши перваго.

Потанцыяна, възявъ перстень, шла до кралевны Магилены, и пришедъ х кралевне, узрила ее в великой печали и жалости. А кралевна, какъ увидѣла Потанцыяну, и стала ее спрашивать, чтоб она добрых вѣстей сказала: «А я, дожидаючись тебя, в великой печали сидѣла». И Потанцыяна, видя кралевну вельми печалну, и стала ее тѣшить, и рече: «Дивлюся я, милостивая кралевна, что вельми припустила болѣзнь къ сердцу своему, по том рыцере тужишь, а он по тебѣ найпаче, только умыслъ ево к законному браку и толь вельми печалится ни о чемъ об ыномъ, только о твоей милости. Дасть Богъ, учинится ваше дѣло: а то вѣдаю, что онъ великаго роду княжева. И ты, прекрасная кралевна, престань от печали и к тому надежду держи. И прислалъ к тебѣ перстень, и просилъ милости, чтоб ты приняла сий перстень за болший даръ».

Услышав кралевна, взявъ перстень, и обнявъ Потанцыяну, поцѣловала и стала молить Бога на добрыхъ вѣстяхъ и обѣщалась впредь к ней милосерда быть, и найпаче того стала вельми утѣшаться тѣмъ перстнем, всю свою печаль отверже, и стала спрашивать про имя его. И Потанцыяна рекла ей: «Какъ я стала

его спрашивать про имя его, онъ мнѣ реклъ: имя такъ, какъ болшаго апостола имя нарицаютъ». И кралевна увѣдала, что имя его — Петръ, той больший верховный апостолъ. И говорила Потанцыяне, чтоб порадѣла, какъ бы рыцерю быть к ней и с нимъ кралевне единъ на единъ обо всякихъ рѣчахъ переговорить.

Назавтрѣе Потанцыяна шла к церкви и увидѣла рыцеря, к церкви идуща. И пришедъ к нему честию, поклонилась от кралевны и о здоровье спрошала, и рекла: «Достойно вамъ, великий рыцерю, самимъ промеж себя увидѣтся и о великиихъ рѣчахъ переговорить, чтоб вашъ добрый умыслъ, законный бракъ въскорѣ учинилъся. И о томъ изволь с кралевною самъ видѣться. Завтрѣ, послѣ обеда, приди х кралевскому двору, есть подле кралевьскаго саду малые воротцы, вьниди в нихъ и прямо поиди въ полаты, гдѣ кралевна пребываетъ, а тамъ иного никого не будетъ, только кралевна да я».

Услышав то, князь Петръ вельми тому радъ бысть и реклъ Потанцыяне: «Нынѣ даю тебѣ Господа Бога по себѣ порукою, что ни для какова зла умыслъ мой, только для истиннаго законнаго браку, и буду с нею жити до смерьти своей во всякой честности». Услышавъ, Потанцыяна вельми тому рада бысть и рекла: «Утверди, Боже, умыслъ вашъ *во* всяком добрѣ, а не в худѣ». И пришедъ х кралевне, всѣ ево рѣчи сказала, и какъ он былъ тому вельми рад, что изволила к себѣ бысть для особого разговору.

Князь Петръ ждалъ того часу, как ему итти х королевне и какъ у нее быть. Наутрѣе князь Петръ ждалъ уреченнаго часу, какъ велѣла ему быть кралевна к себѣ, и какъ пришелъ тотъ часъ, нарядяся в драгое платье, и шедъ к тѣмъ воротцам, гдѣ ему Потанцыяна указала. И видѣхъ ихъ отверсты, вшедъ и замкнулъ ихъ. И шелъ прямо вверхъ, к самой спалной полате, гдѣ кралевна опочивъ держала[1], а кралевна и с мамкою ожидала ево.

И князь Петръ въшедъ въ полаты х кралевне и поклонился с великою честию. И кралевна, какъ ево узрила, и от великой своей печали велми рада бысть. И видя, что онъ, князь Петръ, застыдился, а кралевна на него утѣшно зрѣла. И князь Петръ, видя красоту кралевнину, изумѣлся и слова не могъ изрещи. Потомъ опаметовался, палъ на колѣни свои предъ нею, и реклъ: «О милостивая моя кралевна, прекрасное лице твое видѣхъ, и сердце мое престрашилось, показася лице твое и красота не человѣческая, но ангельская. Нѣсть такова человека на семъ свѣте, кто бы равенъ был красотѣ твоей. И увидя милость твою к себѣ, не могъ ничемъ инымъ отслужить, только же буди по воли от Бога, чтоб Господь Богъ во всемъ почтилъ тя, чего ты от Господа желаешь».

Услышавъ кралевна такие слова от князя Петра, въставъ с мѣста своего, приказала ему сѣсти и рекла к нему с великою радостию и желаниемъ: «Честный и великий рыцерю, сердце мое жалостно, чтоб с тобою наединѣ пере-

---

[1] спала.

говорить обо всякомъ нашемъ дѣлѣ. И честность роду твоего, и то все к тому мя привело, что тебя возлюбила всѣмъ сердцемъ и для того указала тебѣ быть к себѣ для особой с тобою бесѣды. А зря на честную твою породу, чаю того, что ты меня не обесчестишь и не осудишь, что тайно к себѣ взяла, и о своей, что и о твоей, чести держуся. А коль скоро тебя увидѣла и храбръство твое, что в кралевствѣ нашемъ показалъ, и сердце мое по тебѣ такъ тяшко стало болѣть, что изрещи не мочно. И не могу иного нарещи тя и никако тя возвати[1], только сердечнымъ своимъ приятелемъ. А что я тебя от всего сердца люблю, утаить, чтоб тебѣ того не сказать. И дай же сердецъ нашихъ обѣихъ мысль в добром здоровье и в скором времени то честное дѣло совершилося».

Услышав князь Петръ отвѣтъ, и реклъ ей: «О милостивая кралевна, видя я милость вашу несказанную к себѣ. И сердце мое тяшко изравнено любовию по тебѣ. Радъ вѣчно милость твою найпаче хранить и о том милости прошу тя, чтоб ты во гнѣвъ не поставила, что без всякаго опасения надѣяся на твое милосердие к тебѣ милостивой своей, пришелъ. И надѣяся на то, что служебникъ вашей кралевской милости, не могъ ослушаться приказу вашего. И милости у тебя, кралевна, прошу, чтоб к слугѣ милосерда была и по воли своей, гдѣ изволила, на службу послать того ради. А что опасение имѣешь о приходѣ моемъ, и я милости твоей не осудчикъ, только вѣчно долженъ служить и здоровье твое во всемъ хранить».

Услышав кралевна такие укронные[2] рѣчи и умилные рыцеревы, рекла к нему: «Вѣдай, великий рыцерю честный, что я тебя принимаю не за служебника, но за милова друга и приятеля. Только молю тя, изволь сказать имя свое и честный родъ твой, ибо никто не вѣдаетъ имяни твоего, а нынѣ прошу тя: повѣждь мнѣ».

И князь Петръ отвѣщал ей: «Великая кралевна, обѣщался Господу Богу выѣхавъ из своего государьства, из дому отца своего, никому имяни своего не сказывать, опричь приятеля своего и друга вѣрнаго и сердешнаго, которую дастъ Богъ мнѣ. А видя *что* кралевское ваше величество становитъся мнѣ другомъ и добрым приятелемъ, нелзѣ мнѣ у тебя того утаить, только объявлю тебѣ единой. Прошу тя, милостивая *кралевна*, прикажи, чтоб мамка твоя вонъ вышла». И королевна велѣла Потанцыяне вонъ вытти. И какъ вышла Потанцыяна, и князь Петръ реклъ: «Нынѣ, прекрасная кралевна, все тайное сердца своего открываю тебѣ. Какъ я былъ в дому отца своего, и единъ добрый человекъ из вашего кралевства лучился быть въ гостяхъ у отца моего и, увидя меня, сталъ говорить мнѣ, чтоб я у отца своего в дому не жилъ, чтоб ѣхал въ посторонныи государьства и отвѣдал бы своего счастия и рыцерскихъ справъ. Найпаче мнѣ сказалъ о кралевскомъ величествѣ, отцѣ твоемъ, какая милость к рыцеремъ, которые пребываютъ при его милости, сказалъ же мнѣ и про красоту твою, пре-

[1] назвать; [2] тайные.

красной кралевны. И услышал я тѣ ево рѣчи от него, сталъ о том велми радѣти, чтоб приѣхать в сие кралевство. А отецъ мой и мати моя никакими мѣрами не хотѣли меня отпустить, потому что я единъ у нихъ сынъ былъ. И то изволь, милостивая моя, вѣдать, что отець мой князь Вольфангъ — зять краля французскаго, князь вольной, а мати моя Петронила, кралевой французжской сестра родная. А имя мое есть Петръ. Нынѣ изволь вѣдать, что не простова роду. А для того не сказывалъ имяни своего, что есть много честныхъ людей у кралевскаго величества в рыцерскихъ дѣлѣхъ, чтоб про меня никто не вѣдалъ, кто я».

И какъ услышала кралевна ту рѣчь, велми тому радовалась и рекла: «О честный и великий рыцерю, какъ я первѣе сказала, что ни за слугу, но за милова своего приятеля и друга точию. И то вѣдай, что всемъ тебѣ уклонна, будь ты самъ мой приятель и стражъ чести моей, потому что ты мнѣ есть любезный друг и приятель сердцу моему. И не знаю, чѣмъ бы мнѣ тебя почтить за такую великую любовь». И потомъ сняла с себя чепь златую, драгую, с камениемъ самоцвѣтным и положила на перси его и рекла ему: «Приими, вѣрный мой приятель, сей мой малый даръ для вѣрной памяти промежъ нами, чтоб во всякой доброте и честности с тобою быти и тебѣ бъ мое дѣвичество хранити во всякой чистости до уреченнаго дня».

Услышавъ то князь Петръ, с великою честию учинилъ ниский поклонъ кралевне, и билъ челомъ за такую неизреченную еѣ премногую милость. А потомъ вынявъ третий свой перстень, и поднесъ кралевне, и такъ реклъ ей: «Всю свою утѣху и благословение, что от матушки своей имѣлъ, дарую тебѣ, милостивой своей». И кралевна с великою честию и любовию приняла тот перстень и обѣщалася ему любовь и милость к нему имѣть, и онъ ей такожде. И по многих рѣчахъ мило простился. Князь Петръ пошелъ с великиимъ веселиемъ, а кралевна такожде вельми была весела с той бесѣды общей и забыла всю свою прежнюю печаль. И призвавъ мамку свою Потанцыяну, и сказала ей всѣ ево рѣчи, что онъ ни сказывал, и показала третий перстень, что ей далъ для любви. И кралевна стала Потанцыяну спрашивать: «Каковъ тебѣ кажется, скажи мнѣ правду». И Потанцыяна рекла ей: «Милостивая моя государыня кралевна, вижу межъ вами с обѣихъ странъ вѣрную и правдивую любовь. И видя учтивость и стыдъ, и великой умъ, и лице его прекрасное, и дородство, и я что на стыдливую девицу зрю, и во всемъ его возлюбила, и нельзя такого удатнаго рыцеря кому не любить».

Услышавъ то, кралевна Магилена вельми том утѣшилась и рекла Потанцыяне: «О возлюбленная и милая моя Потанцыяна, помниш ли ты и сама, какъ я тебѣ прежъ то рекла, что онъ великаго роду, а не простова, потому что по ево дородству и уму, и красотѣ, и храбрьству, и смѣлости, все то я по тому узнала, и хвалю Бога, что не худова возлюбило сердце мое, но добраго и честнаго роду. И о том молю Господа, чтоб нашъ умыслъ в добромъ здоровье скончался».

Услышав то, Потанцыяна рекла к ней: «Милостивая кралевна, нынѣ ты всѣмъ сердцемъ своим приклонилася и любовию к рыцерю. О том молю тя, дѣлай твердо, чтоб тебѣ в чем не промолвитца перед иными девицами, чтоб то дѣло явственно не было. А естьли свѣдаетъ кралевское величество отецъ твой, и милостивая государыня мати твоя, мнѣ и рыцерю живымъ не быть. А ты отбудешъ от ихъ отеческой милости».

И кралевна рекла: «О милостивая моя Потанцыяна, вельми я тебя за то пожалую, что ты меня в такомъ дѣлѣ утверждаешь, чтоб промеж нами твердо было, и никто о томъ не вѣдал. Я и рыцерь таить ради, только ты, пожалуй, таи». По тѣхъ рѣчахъ разошлися. А князь Петръ, пришедши к себѣ на двор, велми тому радъ былъ, что видѣлся с кралевною.

И приѣхалъ инъ рыцеръ Фридрикъ Скрыни х кралю Неопалитанскому к шурмованью, и какъ князь Петръ над всѣми храбрьство учинилъ. Многое время спустя послѣ того, как былъ князь Петръ у кралевны Магилены, приѣхал х кралю Неопалитанскому единъ славныи рыцерь земли французжской, именемъ Андрей Скрыни. Тотъ, слыша о красотѣ пркрасной кралевны Магилены, вельми возлюбилъ. И видя, что краль и кралева, и кралевна Магилена вельми любятъ рыцерское дѣло и рыцеревъ жалуют, хотя онъ тѣмъ кралевне прислужиться, билъ челомъ кралю, чтоб указалъ выкликать не толко въ кралевствѣ своемъ, но и в посторонних государьствахъ к шурмованью рыцерскому храбрыхъ людей созывать, надѣяся на силу и дородство свое, чтоб у всѣхъ и над всѣми рыцерство учинить и славы себѣ от всѣхъ восприять.

Краль по ево челобитью указалъ выкликать во своемъ кралевскомъ государьствѣ и в посторонные государьства указалъ писать листы[1], естьли хто храбрый рыцерский человекъ, надѣяся на силу и на храбръство свое, и онъ бы ѣхал в Неопалитан-градъ к шурмованью. И учинилъ тому рыцерскому шурмованью уреченный день. И какъ услышали такой кликъ, и такие грамоты увидѣли, и многие добрые рыцери приѣхали на уреченный день в Неопалитанъ-градъ к шурмованью. И какъ пришелъ уреченный день, стали съѣзжатся славные и великие рыцери на уготованное мѣсто, гдѣ быть шурмованью, недалеко от кралевъскихъ полатъ, по семъ съѣхалися всѣ рыцери.

При той изготованной площади поставлены были два мѣста, велми украшены всякими драгими хитростьми. На одномъ мѣсте стоялъ краль с сенатырьми своими, а на другом мѣсте стояла кралева и прекрасная кралевна Магилена з дѣвицами. А Магилена межъ иными девицами стояла, что прекрасной цвѣтъ в красотѣ своей, и часто взирала на друга своего Златых Ключевъ, а онъ сталъ позади всѣхъ рыцерей. Потомъ выѣхалъ Андрей Скрыни, по чьему челобитью то

[1] послания.

шурмованье сталось, и сталъ говорить всѣмъ рыцеремъ: «Великие рыцери, нынѣ всякъ своей силы отвѣдай и щастия своего, и великой славы себѣ учинить».

По тѣхъ рѣчахъ выѣхалъ противъ Андреа Скрыни имя рекъ кралевич сынъ краля аглинскаго. И съѣхалися столь крѣпко, что у обѣихъ копьи сломались, и чудь кралевичъ имя рекъ с коня не упалъ, естьли б люди его не подхватили, и стыдомъ с мѣста съѣхалъ. Потомъ выехалъ противъ Андреа Герардъ Ланцылатъ* кралевичь, и съѣхалися со Андреемъ, и от великаго заѣзду Ланцылатъ ссадилъ Андреа с коня копьемъ и с седла на землю упалъ. Увидя князь Петръ, приѣхав, крикнувъ великимъ гласомъ и реклъ: «Нынѣ про здоровье государя моего милостиваго кралевскаго величества и про здоровье кралевой государыне моей, такъ особливо про здоровье государыни моей, прекрасной кралевны Магилены». И скочилъ всею пряткостию своею, и ударилъ толь мочно с Ланцылатомъ, что под обѣими кони попадали.

Видя краль обѣихъ сильныхъ рыцерей, реклъ своимъ сенатыремъ: «Видите, какая большая мочь тѣхъ силныхъ рыцерей, что под обѣими кони упали. Только рцыте[1] имъ, чтобъ онѣ еще съѣхалися, хощу видѣть, кто из нихъ сильнѣе и храбрѣе». И подвели имъ иныхъ коней, и какъ съѣхалися въ другоредь, и князь Петръ всѣмъ скоком пустил коня своего такъ сильно, что Ланцылота с конемъ съшибъ на землю, и руку ему выломилъ. И тому наѣзду краль и всѣ предстоящи велми стали дивитися. И реклъ король: «Нѣтъ такова человека нигдѣ силою, который моглъ с Рыцеремъ Златыхъ Ключевъ противенъ быти[2]».

Видя то кралевна, что милыи другъ ее, Рыцерь Златыхъ Ключевъ силою своею такую великую славу приобрѣлъ, над всѣми рыцери, что никоторой не могъ съѣзжаться, всѣ с великимъ стыдомъ отъезжали, вельми тому радостна была, а перед тѣмъ того блюлася, чтоб другъ ея в какой стыдъ не впалъ. И какъ всѣ с мѣста от рыцеря отъехали, ни единъ не остался противъ Рыцеря Златыхъ Ключевъ, и видя князь Петръ то, что никово нѣтъ на мѣсте, никто противъ его не стоитъ, снявъ с себя шелмъ свой и приѣхавъ к кралю и реклъ: «Милостивый великии кралю, государь мой, во что изволишь храбръство мое поставить?» И краль к нему реклъ: «Ставлю тебѣ в честь и в славу великую». И указалъ краль кликать по всему кралевству, что Рыцерь Златыхъ Ключевъ великое храбръство учинилъ над всѣми великими рыцери, что никоторой не могъ ему противенъ быти. Кралева и кралевна прекрасная Магилена и всѣ предстоящии великимъ гласомъ стали ево хвалить и здравствовать[3] ему. И такъ его краль и кралева любили паче мѣры, такъже и всѣмъ государьствомъ, и всякихъ чиновъ люди невымолвно любили и хвалили ево.

И какъ шурмованье скончалось, и розъѣхались всѣ великие рыцери и кралевичи, и князи, всякий в домъ свой. А краль единаго человека не отпустилъ без дорогова подарку и честно ихъ отпустил во свои земли. И однако с великимъ

---

[1] скажите; [2] противоборствовать; [3] приветствовать, поздравлять.

гнѣвом отъѣхали, а все для того, что Рыцерь Златыхъ Ключевъ надо всѣми рыцерьство удержалъ.

По тому розъѣханию князь Петръ долго терпѣть не могъ, чтоб не видаться с кралевною, шелъ до тѣхъ воротецъ и нашелъ ихъ отверсты, и вшелъ в них, и шелъ прямо к полате кралевниной, и вшелъ к ней въ комору, и поклонился ей. Какъ увидѣла кралевна Магилена князя Петра, вельми возрадовалась и стала его хвалить, и рыцерьство его возносить, и всѣмъ счастиемъ его поздравлять. И князь Петръ, слышавъ тѣ похвалные рѣчи, и реклъ ей: «Милостивая моя кралевна, что я чинил храбрѣство, то все для твоей красоты. Многие хотѣли тебѣ тѣмъ прислужится и милость твою получить. И для того всею силою не жалѣя себя отпоръ давалъ. А все то для тебя, надежды сердцу моему, и твоею красотою великую славу себѣ обрѣлъ. Нынѣ вѣдай, возлюбленная моя, прекрасная кралевна Магилена, велми ты в печаль ввела и дивно сердце мое изранила. И не могу я иного, только вѣчныи рабъ милости твоей».

Слыша то кралевна и рекла ему: «Возлюбленный мой, рыцерю милый, можешь мнѣ безо всякаго опасения вѣрить, что и мое сердце по тебѣ неизреченно изравнено вѣрно и от всего сердца люблю тя паче себя. Только изволь промышлять сродичевъ моихъ, чтоб въскоре приити в законный бракъ с тобою, чтобы найпаче сердца своя любить промежь себя».

Слыша то князь Петръ хотя ее увѣрить, естьли она всѣмъ сердцемъ его любитъ безо лжи, сталъ ей говорить тѣ слова: «Прекрасная кралевна Магилена, уже многое время тому, какъ я не видалъ отца своего и матери и сродцевъ[1] своихъ. А что я нынѣ поддалъ сердце свое послушеству твоему, что вѣрной слуга, не могу ничто учинить без изволения твоего, чтоб тебя не доложиться, потому что ты владѣешь сердцемъ моим. Нынѣ взявъ себѣ в умыслъ, чтоб своего отца и матерь навѣстить, чтоб застать ихъ в добромъ здоровье и от нихъ благословение просить и милость отеческую получить, и не смѣлъ, чтобы не доложиться тебя, отъѣхать. Потому что отецъ мой и мати велми печалны по мнѣ, что я от нихъ отъѣхал и в старости покинулъ, блюдусь[2], чтоб они с печали не померли, тогда бы я былъ убойца ихъ. А по се время всѣ не вѣдаютъ, гдѣ я. И о томъ прошу твоей милости, пожалуй, поволь служебнику своему на малое время отъѣхать, а въскоре к вашей милости буду», а говорилъ то все, искушаючи для любви ее к себѣ.

Услышавъ то, кралевна залилась слезами, и красота лица ее переменилась, и от великой жалости от памяти отошла, и не могла слова промолвить и, опомятовався, рекла: «О несчасная и бѣдная на семъ свѣте девица! То, что сердце мое над всѣхъ лучьше любитъ и надежду имѣетъ, нынѣ из рукъ моихъ силою отъимется. О мой возлюбленный и великий рыцерю! Вижу я твое отъѣхание, и то ты дѣлаешь добро, что рождение отцевское помнишь, то мнѣ вельми любо, а

---

[1] родственников; [2] опасаюсь.

об ыномъ мнѣ вельми печално. Видишь ты, что всѣмъ сердцемъ я к тебѣ приклонилась. Не токмо что отселѣ не на большее время тебѣ ко отцу отъѣхать, естьли я тебя часъ не увижу, мнѣ тотъ часъ годомъ покажется. Хотѣла б бить челомъ, да не могу и глаголати, и тебя прогнѣвать. Давная пословица: государьское челобитье к слугѣ своему вмѣсто разбою. Отложи то, чтоб ты здѣсь вовсе остался у насъ. Прошу твоей милости, изволь здѣсь на большее время, авось либа щасливое и доброе между нами учинится. Вѣдай то подлинно, естьли б ты отъ насъ отъѣхал, я бы на свѣте недолго жива была и, конечно б, сама себѣ смерти предала. На комъ тотъ грѣхъ былъ? И то вѣдаю, что сродичи твои великую печаль имѣютъ по тебѣ, что многое время тебя не видали, и не вѣдаютъ, гдѣ ты. А и тожь худо было, естьлибъ ты потерялъ меня, возлюбленную свою. Вѣдаешь, давно я рекла, что иного в мужа имѣть не хощу, опричь тебя, и Господу въ томъ обѣщалась. Не буди же сердце мое, ты души моей губитель, и отцевской. Мнится мнѣ, что учинишь ты имъ великую радость, а я избуду и смерьти, чтоб я въмѣсте ко отцу твоему с тобою ѣхала. А надѣюся на твою честную породу, что ты мнѣ въ дорогѣ позору не учинишь, въ дѣвической чистотѣ меня соблюдешь. И буде ты поѣдешь, учини то, возьми меня с собою и не прилагай боле печали к печалному сердцу моему».

Услыша князь Петръ жалостныя слова кралевны Магилены и вельми жалостно ему стало, и показалось ему, что сердце его от жалости распалилось, и реклъ к ней: «О возлюбленная моя, прекрасная кралевна Магилена, отри слезы с плачливыхъ очей своихъ, дабы такая жалость твоя не сокрушила болѣ сердца своего: умыслилъ ѣхать ко отцу своему, а нынѣ оставлю то, поживу малое время. Авось-либо посчастит[1] насъ Богъ с тобою всѣмъ добрымъ. Избави Боже, чтоб я слышелъ, сердце мое, что ты въ такой печали была, я б лучьше самъ то все принелъ, нежели тебя въ том слышать, и о томъ прошу твоей любви, утоли сердце свое от таковаго жалостнова гнѣву своего, которой жалости я въмѣсте с тобою имѣю. А я того не учиню и без твоего вѣдома не поѣду и тебя, возлюбленную, в печали не покину. А естьли ты изволишь со мною ѣхать, то я обѣщаюся пред Господемъ Богомъ, что быть оберегателемъ здоровья твоего и чести твоей дѣвической и до полуночнаго законна времени, никакова зла не будетъ от меня, и прежде сего тебѣ обѣщалъся».

Слыша то, кралевна Магилена от плача престала и рада была, и рекла к нему: «Сердешныи приятелю, слыша я такое твое обѣщание, что хощешь обѣрегателемъ дѣвической чести моей, смѣло на то изволю я, что то твое обѣщание не обманетъ. А какъ дастъ Богъ время и часъ приидетъ, и законное совокупление с тобою будетъ, тебѣ же и мнѣ тогда честно будетъ. И Богъ насъ за то помилуетъ, а я найпаче буду тебя любити, нежели сама себе, а чаеть, то помыслишь про сей мой умыслъ, что начинаю без ума, и я к тому все сердце мое приклонила и всею душею своею возлюбила, надеюся, что не безъ ума то дѣлаю. Только прошу

[1] осчастливит.

твоей милости, чтобъ намъ здѣсь недолго жить, лучьше намъ въскоре ѣхати для того, чтобъ нашей любви и совѣту не свѣдали б отецъ мой и мать, а естьли провѣдаютъ про тотъ нашъ совѣтъ, тотъчасъ за иного зговорят. И тогда будетъ от печали мнѣ смерть, а тебѣ будетъ по мнѣ скорбь. Итакъ, мой возлюбленный, прошу твоей милости, много о томъ мысли, а вскоре дѣлай, чтобъ и намъ х какой печали не приитьти».

Егда услыша тѣ рѣчи князь Петръ, пал на колѣни свои, и поднявъ руки к высотѣ и реклъ: «О великая кралевна, возлюбленная моя душа, виждь, Господу Богу обѣщаюся, по его святѣй заповѣди во всемъ тебя обѣрегать и дѣвическую честь твою хранить до времени полуночнаго» И много промежъ ими добрые рѣчи были, и поставили себѣ уреченный день и часъ, что третьяго дня в полунощи ѣхать, а в тѣ дни князю Петру готовиться со всѣмъ, что надобно на дорогу, и приѣхать бы к тѣмъ же воротцамъ, гдѣ ходилъ онъ х кралевне Магилене. И говорила, чтоб добрые кони купить, чтоб на дорогѣ не стали, и въскоре бъ уѣхать из кралевства отца ее. И князь шедъ на дворъ свои с великиимъ веселиемъ и сталъ готовиться. А кралевна ждала уреченнаго часу и тайно готовилась, никому не объявила — ни Потанцыяне, мамке своей, которая вѣдала всю тайну промежъ ими. И кралевна боялась объявить, чтобъ не донеслось отцу ея. И такъ с обѣихъ странъ дѣлали тайно.

Яко князь Петръ в нощи увезъ кралевну Магилену, и краль, услышавъ, учинилъ погоню и приказалъ с прилѣжаниемъ искать ихъ. И какъ настал третий день и часъ уреченный пришелъ, и князь Петръ възявъ с собою три коня, и приѣхал в полнощь к тѣмъ воротцамъ, и тамъ кралевну обрѣлъ, а кралевна ожидала ево стоя. Потомъ взяла себѣ кралевна злата и сребра множество много, и драгихъ запанъ[1] и вещей всякихъ преузорочныхъ. Князь же Петръ взявъ кралевну и посади ее на конь, а на другой конь положилъ себѣ на потребу и кралевне, что дорогою ѣсть, а на третий конь самъ сѣлъ. И поѣхали из града путемъ своимъ велми скоро, и всю нощь ѣхали до самого свѣта. И какъ насталъ день, и князь Петръ искалъ себѣ мѣста, гдѣ стать в закрыте, чтоб ихъ никто не сыскалъ. И въѣхали промежь высокими горами над моремъ в великий непроходный лѣсъ. И никакой человекъ в тот дальней лѣсъ не хаживалъ, и никто ихъ сыскать не могъ. И сталъ князь Петръ и с кралевною в томъ лѣсу, и снял кралевну с коня, и коня пустилъ на траву. А самъ с кралевною в томъ лѣсе сѣлъ подъ древомъ, и промежъ себя многие рѣчи говорили, и потомъ сталъ кралевну сонъ изнимать. И князь, видя кралевну утомлену от той езды скорой, что к той конной ездѣ не привыкла, и сталъ ей говорить, чтоб она опочинулась[2]. Кралевна же Магилена легла, а главу свою положила на колѣни князя Петра, и от истому великаго скоро уснула.

---

[1] застежек для одежды, украшений; [2] поспала.

Мамка ее Потанцыяна, въставъ рано, и шла х коморе кралевниной, ожидала ее, чтоб она въстала. И какъ прииде к полудни, а кралевна не выхаживала, и Потанцыяна помнила[1], что кралевна занемогла и для того столь долго ис коморы не выхаживала, и Потанцыяна вошла в комору и кралевны не нашла, и того часу въспомянула, что ушла с рыцеремъ и не сказала никому. И бѣжала к рыцереву двору и довѣдалась, что онъ уѣхалъ. И скоро бѣжала в полаты кралевския с великимъ жаломъ и крикомъ[2], от памяти отшедши. И сказала королевой, что искала кралевны и не нашла, и не вѣдаю, гдѣ она дѣлась. И какъ кралева услышала, велми устрашилась и велѣла искать с прилѣжаниемъ. Потомъ кралю донеслось, и краль велми тому печаленъ былъ. А провѣдавъ про рыцеря, что он ушелъ, указалъ за нимъ ѣхать въ погоню многимъ людемъ, и посланные приѣхали назадъ, не сыскавъ рыцеря и кралевны. И краль со всякимъ устрашениемъ спрашивалъ Потанцыяны про рыцеря: «Прежде того хаживал ли онъ х кралевне, или нѣтъ?» И Потанцыяна клялась всякими клятвами, что не вѣдала и у кралевны про рыцеря никакихъ речей не слыхала, и худа отъ нихъ не бывало. И такъ кралю и кралеве велми было отъѣзду ее жалостно и всем кралевству ихъ.

И какъ кралевна уснула, положа главу свою на колѣни князю Петру, и князь Петръ смотрилъ на красоту ее, и велми утѣшился глядя на кралевну. И тако ему велми было любо видя лице бѣло и прекрасно, уста румяны, и велми сталъ утѣшаться той неизреченной красотѣ. И не могъ удержаться, растегалъ платие ее противъ грудей, хотя дале видѣть бѣлое тѣло ее. И увидя, найпаче сердце его разгорѣлось, и показалася красота не человѣческая, но ангельская. И запаметовавъ, кого порукою далъ, сталъ мыслить иное, неподобное дѣло.

Видя Господь Богъ ево неистовство и тотъ нечестной умыслъ его, изволил всю его утѣху отнять от него, не хотя видѣть обоихъ во грѣху и на позору. Рыцерь зря на тѣлесную красоту ее, и узрилъ межъ грудями узолокъ червчетой тавтяной[3] на золотом снуркѣ, хотя довѣдатися, что есть в томъ узолкѣ, и вынявъ тотъ узолокъ, розвязалъ и нашел в немъ три перстни тѣ, что он ее подарилъ. А у ней тѣ перстни были, что на персяхъ своихъ носила, и глядя на нихъ, утѣшалась. И видя князь тѣ перстни, завязалъ ихъ в ту жъ тафтицу и положилъ ихъ подле себя, и дивовался красотѣ ея, и сталъ в великом замышлении[4] глядя на нее. И сердце его наипаче распалилось сердечною любовию и мыслию иною, неподобною, не к доброму делу. И в то жъ время сидѣлъ на древѣ вранъ, и увидѣлъ тот узолокъ червчетой, с тѣми перстнями, и прилетѣвъ ухватилъ, и възлѣтѣвъ с нимъ на древо, и надѣялъся вранъ, что мясо было.

Увидя князь Петръ, что воронъ унесъ узолокъ тотъ с перстнями, сталъ мыслить: «Что я учинилъ?» Тѣ перстни положилъ не в сохранномъ мѣстѣ. О злый вороне! Изо всѣхъ птицъ ты наведешь злое мнѣние возлюбленной моей

---

[1] здесь: подумала; [2] жалобой и плачем; [3] из тафты, отделанной вышивкой; [4] задумчивости.

на мя», и тихо сложилъ главу ее с колѣнъ своихъ и побѣжалъ за ворономъ. А кралевна того не слыхала и от великого истому крѣпко уснула. И воронъ тотъ з древа до древа лѣталъ, а тѣхъ перстней не покинул. А рыцерь за нимъ ходя, металъ камениемъ, и так велми далеко завелъ, а потомъ залетѣлъ с тѣмъ узолкомъ за губу морскую и сѣлъ на камени. Князь Петръ метал камениемъ и згонилъ его с мѣста, и воронъ летѣлъ, опустилъ тотъ узолокъ в море. И князь Петръ, видя, что у ворона нѣтъ узолка в носѣ, помнилъ, что за губою на камени покинулъ. И сталъ ходить по брегу искать лотки, в чемъ бы ему переѣхать, а опасался, чтоб кралевна не стала мыслить о тѣхъ перстняхъ чево худова, какъ не найдетъ у себя тѣхъ перстней. И ходя по брегу подлѣ моря, нашелъ малую лотку и с великою борзостию[1], не розмысля, сѣлъ в тое лотку и без весла поплыл на другую сторону брега, гребя руками. А какъ от брега отплылъ, и воста великий вѣтръ, и занесло ево в пучину морскую.

Видя князь Петръ, что далеко от брегу занесло, а блиско смерти, и видя, что короткое время утѣхи ево было, сталъ горко плакати от воздыхания сердца своего и реклъ: «О бедный я и несчасливый от всѣхъ человекъ! Что я перстни тѣ положилъ не в сохраненнѣм мѣсте, ис такого сохранения вынял. Велми было добро сохранено. Нынѣ вѣдаю, что счастье скоро отъемлется. И малое время тому прошедъ, помышлялъ себе, что я был всѣхъ щасливе людей на семъ свѣте. А нынѣ вижу, что и нѣтъ инаго такого безчастнаго человека, какъ я. Погубилъ всю утѣху свою, увелъ прекрасную девицу и оставилъ ее в великом непроходном лѣсу. Либо ея лютыя звѣри разтерзаютъ, либо зайдет, гдѣ от глада умретъ. О злый сталъ, окрутный[2] сталъ я нынѣ, убо ей излиялъ кровь неповинную. Что иного учиню? Только самъ себя смерти предамъ и душегубъство над собою учиню, и потоплюся в пучине морстей».

И молвя то, опамятовся с той великой печали, пришед в себѣ в мысль и в боязнь Божию и положил надежду на Господа во всемъ, и реклъ молитву предъ Господемъ Богомъ: «О, Боже, всея твари Содѣтелю! Согрѣших пред тобою, создание твое, положилъ все упование и возлюбилъ от сердца девицу, а тѣмъ тебя, Бога моего, прогнѣвал. И за такое мое неистовство спустилъ ты на меня такий гнѣвъ свой великий. Конечно, уже погибаю и хотѣлъ самъ себя смерти предать, и потопиться в пучине морстей от сердешные печали своей. А нынѣ вижу я послѣдней свой часъ смертной, нѣчего того мнѣ искать и самому потопиться. Вижу, что уже во глубинѣ морьстей уповаю на Господа. О милосердой и праведный Боже! Вижу, иже согрѣшихъ пред тобою, не только что нечестной сея смерьти годенъ, но и вѣчныя муки достоинъ за грѣхи своя. О милосердый Господи! Прошу я, грѣшный рабъ твой, милости, создание свое, а есть воля твоя святая, в какую неволю и терпение вдашь мя, все готовъ терьпѣть и всяческии употреблять и страдать за неповинную кровь супружницы моей, прекрасной кралевны

[1] быстротой; [2] жестокий.

Магилены, которая нынѣ в лѣсе от звѣрей дикихъ пропадаетъ, и кровь ея над главою моею, яко мечь острый, виситъ.

О Господи милосердый! Царю Небесный! Прошу твоей милости, не дай же на растерзание грѣшнаго тѣлеси моего звѣремъ морскимъ и приими грѣшную душу мою во царьствии своемъ. Найпаче помилуй, Господи, и соблюди от всякаго зла невѣсту мою, прекрасную кралевну Магилену. По изволению же твоему святому буди мнѣ смерть нынѣ, а ее соблюди в добромъ здоровье. Вижу, что я блиско смерьти, вѣдаю то, что и ей без такого страху не пробыть.

О Боже, милосердый Господи! Соблюди от всякаго зла возлюбленную мою невѣсту. О злый проклятый воронъ! Ты самъ мало потѣхи взялъ, что занесъ узолокъ с перстнями, себѣ мало корысти получилъ, а меня с возлюбленною моею прекрасною кралевною разлучилъ. Охъ, моя возлюбленная кралевна Магилена, что сама над собою начнешь чинить, какъ никого не увидишь у себя в таком непроходном лѣсе? Гдѣ найдешь себѣ проводника, чтоб тебя проводилъ ис такого темнаго страшливаго лѣсу? Или кто тя оборонитъ от лютаго звѣря? Охъ, несчастной тотъ былъ день и часъ, в который выѣхал я с нею ис королевства, королевскаго двора. Уже не вскоре, возлюбленная моя, с тобою увижуся. О злая любовь страшная, что ты меня обманула и привела потерять друга милова моего, и самому растерзану быти от морскихъ рыб. О возлюбленная моя кралевна Магилена, во что нынѣ красота твоя обратится! Чаю, бѣлое тѣло твое от лютых звѣрей по лѣсу разтерзано будетъ. Не изволил то Господь, чтоб я до тѣхъ мѣстъ первѣе пропалъ смертно, покамѣстъ тя не увезъ от краля отца твоего, не такъ бы было мнѣ тяшко. О, всѣхъ прекраснѣе кралевна Магилена, возлюбленная моя, какъ ты нынѣ пребываешь!»

И какъ князь Петръ в великой печали своей и в смертной печали своей, отложивъ все упование свое, и столько не плакал о себѣ, сколько о кралевне, а в то число лотка его налилась полна воды и сталъ тонуть, и былъ по морю вѣтромъ носимъ с самого утра и до полудни.

И изволениемъ Божиимъ наплылъ на него корабль муринской земли[1], и видя карабельщик человека утопшаго, взялъ его из моря к себѣ на корабль. И господинъ корабля того, видя человека дороднаго и прекраснаго, и велми его возлюбилъ. А онъ от страху и от великой скорьби лежалъ въ корабли аки мертвъ. И господинъ корабля того сталъ его беречь велми и сталъ его всячески утѣшать от печали его для того, что онъ обѣщался ево подарить государю своему, турецкому царю.

И потомъ приплыл тотъ карабль до Александрии, великаго града, тамъ в то время был турецкий царь. И господинъ карабля, взявъ с собою князя Петра и пришедъ к царю, подарилъ его, князя Петра, царю. И царь, видя молотца дороднаго и прекраснаго, велми его возлюбилъ. И далъ ему вольность болшую у себя,

[1] земли мавров, здесь: восточной земли.

не какъ полоненику[1], яко волному человеку, а корабельщика за то пожаловал. И князь Петръ живя немало время на дворѣ царьскомъ, от печали своей и от страха долгое время скорьбѣлъ и всегда печаленъ былъ, помня на красоту прекрасной кралевны Магилены. Царь, видя князя Петра всегда печальна, указалъ ево спрашивать, для чего онъ всегда печаленъ ходитъ. «А естьли онъ опасение имѣетъ, такъ какъ и протчие полоненики, и онъ бы о томъ не опасалъся: держу я его за вольнаго человека, а не за полоненика. И милость моя царьская есть к нему большая».

И указалъ ему царь быть у себя кравчимъ, и указалъ прежнему кравчему все подробну ему указать, какъ доведетца у стола царева. И князь Петръ въ скоромъ времени научился греческому и турецкому языку. И царь его велми сталъ любить паче мѣры и учинилъ большимъ сенатыремъ и судьею. И всѣмъ государьством велми возлюбили за правду его и за великой умъ его, и за великую заступу[2] его ко всѣмъ.

Однако онъ не могъ николи утѣшенъ быти, помня красоту прекрасной кралевны Магилены и о разлучении ея с нимъ. И всегда молилъся Господу Богу со слезами, чтобъ ея здорову Господь Богъ вынесъ ис того большаго и страшливаго лѣсу, такъ же как ево от морской глубины, и чтоб ихъ свелъ в добром здоровье вмѣсте. И для того много давалъ милостыню убогим христианомъ, которые в турецкой земли жили в волѣ и неволѣ.

Яко кралевна едина в томъ лѣсе пробудилась, никого не узрила, плакала велми. И какъ в томъ в великом и непроходном лѣсу кралевна будучи едина, от великаго истому велми долго спала, потомъ проснулась, и не чаялась, что еще на колѣнехъ у князя Петра спитъ: «О мой возлюбленный приятелю, какъ ты терпишь? Я сплю, а ты надо мною сидишь. Пристойно бы, чтоб ты опочивалъ», и какъ противъ тѣхъ речей никакова отвѣту не услышала, помни́ла[3], что и онъ уснулъ, тихо главу свою подняла и увидѣла, что нѣтъ никого, устрашилась. И стала его искать и рекла: «О возлюбленный мой рыцерю, гдѣ ты?» И какъ она отвѣту не услышала, устрашилась велми. И воставъ, стала великимъ гласомъ кричать: «Приятелю, государь мой вѣрный, великий рыцерю!» Увидя, что отвѣту нѣтъ никакова, запечалилось ее сердце велми. И от великия жалости от памяти отшедши, упала на землю и лежала аки мертва. И востала, бѣгала по тому лѣсу, всюду крича от всего голосу своего: «Рыцерю, Боже, великий государь мой, приятелю, гдѣ ты зашелъ?» И такъ долго кричала, что у ней глава заболѣла. И увидя, что стало зло, от великой жалости и страху упала на землю и лежала аки мертва, и великое время не могла опаметоваться от печали своей. Потомъ с той великой жалости опамятовався, сѣла под древомъ и стала горко плакать, и рекла: «Охъ, несчастная, горкая на свѣте я девица! И нѣсть та-

[1] пленнику; [2] заступничество, доброту; [3] подумала.

кого несъщастнаго человека, что я! Не только от человекъ, но и от всѣхъ и звѣрей бесчастная, потеряла едину надежду свою. Охъ, мой возлюбленной, что над тобою сталося, что ты разлучился со мною? Чего ради меня оставил, такую вѣрную свою невѣсту? Или зло во мнѣ, возлюбленный мой, узналъ, что от меня в таком страшливомъ и непроходномъ лѣсе прочь отъѣзжалъ? Вѣдаешь ты самъ, что я в дому своемъ без тебя жить не хотѣла, хотя тамъ в великомъ прокладе и в великой утѣхе была. О горе мнѣ, безчастной! И нынѣ вижу, что на сей пустыни недолго будетъ живота моего. О мой возлюбленный рыцерю, гдѣ на се время отлучился? Вѣдаю то, что нехотя ты меня отсталъ по нѣкакой неволѣ. Нынѣ я, бедная, готова лютым звѣремъ на сиѣдение. О какъ напрасно, смертно, нечестно пропадаетъ дщерь краля великаго! Что за погребение мое будетъ, что лютыя звѣри по частямъ разтерзают тѣло мое! О мой возлюбленный и великий рыцерю! Чѣмъ я тебѣ не полюбилась? Что ты учинилъ надо мною, увезши меня из дому кралевскаго, и в такомъ непроходномъ и в темнѣмъ лѣсе покинулъ, лютымъ звѣремъ на терзание умереть позорною смертию? Гдѣ нынѣ твоя любовь, которую имѣлъ ко мне, и обѣщание, пред Богомъ обѣща мнѣ? О великий рыцерю, свѣте мой драгий, что во мнѣ зло узналъ в такомъ маломъ времени? Естьли для того, что все тайное тебѣ извѣстила, и то я с вѣрою учинила любезною, что ни единъ человекъ на семъ свѣте не былъ таковъ милъ сердцу моему, каковъ ты мнѣ. И не разумѣю, чтоб тебя иное что от меня разлучило, только что отцу и матери своимъ солгала и от нихъ с тобою ушла. Конечно, ты то помыслил, чтоб и тебѣ такъ же не солгала б и не измѣнила.

О мой возлюбленный и великий рыцерю! Никогда того въ сердце моемъ не было. О возлюбленный мой свѣте! Гдѣ нынѣ прекрасная порода, вѣрное сердце и то твое обѣщание пред Богомъ? О горе мнѣ, бесщастной! Какъ мое небрежение было, что государя своего милосердаго слугою себѣ учинила и стражемъ ево над собою поставила. Мнѣ ли было ему не пристойно служить? Нынѣ бы я, бѣдная, рада б служить, да нѣтъ его, утеряла милова друга своего и государя своего, надежду и веселие свое, стража дѣвической чистотѣ моей. О злое нещастное безщастие, что за утѣху имѣешь, что ты разлучило с возлюбленнымъ другомъ моимъ? О смерте! Прииде нынѣ без опасения, можешь простерть[1] острую косу свою на мя и посѣщи, коли мнѣ не милъ животъ свой без возлюбленнаго моего. И нынѣ я готова в лютые руки твои положити главу свою».

И буди прекрасная кралевна Магилена в великой печали и тоске своей, ходила по темному лѣсу и искала с прилѣжаниемъ великаго рыцеря, князя Петра, а потомъ нашла кони, на которых они приѣхали в тотъ лѣсъ.

Увидѣвъ тѣ кони свои, узнала, что рыцерь не своею волею от нее разлучилъся, но от нѣкакой причины. И в великую печаль и в жалость въпала, а найпаче того запечалилась, упала на землю и лежала замертво немалое время, и на-

[1] протянуть, занести.

силу очьхнулась и стала велми плакать и возрыдать, и рекла: «Нынѣ я, бедная, узнала правду, что возлюбленный мой нехотя меня покинулъ. Не могу я того нынѣ сказать, что онъ со мною не в вѣрной любви жилъ. Вѣдаю, что онъ гораздо меня вѣрьнѣе в любви былъ, нежели я к нему. О сердце мое злое и скверное! Чему ты непристойныхъ речей мнило на него, что со оплошки своей утеряла моего возлюбленнаго друга. Правда, годно, чтоб я своими руками над тобою отмстила такого непристойнаго учину[1] твоего. Есть ли б былъ острый мечь, прободла бы сердце свое, за что утратила надежду свою и стража и упования своего. Охъ, несчастная и всѣхъ хуждьше на семъ свѣте я девица! Нашла себѣ великое сокровище и надежду и в такомъ краткомъ времяни сама у себя своимъ безумиемъ утратила. О нещастной мой сонъ былъ! О горькое мое было опочивание! Гдѣ же нынѣ, о возлюбленный и великий рыцерю? Нынѣ я разумею, никто не вѣсть, и кои причины погибели твоей, только я несщастная. Охъ, бѣдная я! Что учинила над собою? Утѣху свою и веселие утратила, чему мнѣ злаго недосталось? И для чего я не умѣрла первѣе его? Мнѣ бы не такъ было горько попасть, нежели ему, возлюбленному моему. О смерте! Чему ты учинила, лучше бы, чтоб ты меня умертвила, нежели такого и славнаго рыцеря, который бы моглъ ко избавлению многихъ людей в бою от смертнаго меча избавить. Чему ты ево взяла, а меня оставила на семъ свѣте, в такой жалостной печали и в плачу до смерти? О, лютая смерть! Естьли умертвила возлюбленнаго моего, а та глава моя уже готова под грозный мечь твой. Уже не жалѣй рукъ своихъ, спростри на мя, да не хожду долго в великой кручине по возлюбленномъ моемъ друге».

И бывъ кралевна въ такой великой печали и в плачу, прииде ей во умъ воля Божия, что все то по изволению Божию учинилось, и рекла: «Милосердый Господи, вижу я волю твою праведную над собою, что ты изволилъ на меня въспустить такую великую бѣду и печаль. Буди по воли твоей праведной, а только не до конца погубишь создание свое, выведи мя в добромъ здоровье ис такого страшливаго и темнаго лѣсу. И помилуй возлюбленнаго моего рыцеря, и подай мнѣ с нимъ видѣться въпредь, естьли онъ живъ. О милостивый Господи! Помилуй обѣихъ рабовъ своихъ и пощади меня, и обрати плачь мой в радость».

И по такой молитвѣ мало сердце ея от печали свободилось и взявъ смѣлость и положи всю свою надежду на Господа Бога. И узрила древо высокое и, взлѣзши на него, зрѣла на всѣ стороны, гдѣ бы кого узрѣть, и только великий лѣсъ. И слѣсши з древа, шла далеко, елико могла итьти, чтоб какую стѣшку найтить. И в печали своей весь день проходила, ни пила, ни ѣла, только плачемъ и слезами кормилась.

И какъ вечеръ насталъ, и кралевна мыслила, гдѣ бы ей ночевать, чтоб звѣрь не съѣлъ. И увидѣла древо высокое едино и с великимъ трудомъ на то древо взошла, и сидѣла всю нощь, плача и воздыхая. И сидя в той печали, умыслила

[1] действия.

отнюдь не итъти въ домъ отца своего, для того, что его прогнѣвила. И рекла в себѣ: «Пойду по розныхъ государьствахъ и буду искать, гдѣ княжение его. Есть ли онъ живъ и подастъ мнѣ Богъ видѣть возлюбленнаго своего рыцеря, а естьли его и не найду, буду жить до смерти въ дѣвической чистотѣ своей. Только молю, милосердый Господи, буди мнѣ въ помощь, рабѣ твоей».

Яко кралевна на дорогѣ у старицы[1] черное платье выпросила, и какъ старица съ кралевны драгое платье сняла. И кралевна всю нощь сидѣла на древѣ до свѣта, плакала и воздыхала, и в той великой печали долга нощь ей показалась, только утѣшилась плачемъ своимъ, въспоминаючи возлюбленнаго своего рыцеря. И какъ день насталъ и кралевна сошла з древа, и пришедъ на то мѣсто, гдѣ они стояли, нашла коней своихъ, на которых они приѣхали, и с великимъ плачемъ и жалостию пустила ихъ, и рекла имъ: «О милые мои кони, нынѣ идите, гдѣ вамъ любо, какъ утратили мы государя своего, такъ его искать будемъ. А мнѣ, гдѣ Господь Богъ изволить, тамъ и буду». И шла по томъ лѣсу, искала, гдѣ б найти малую стешку, и нашла великую дорогу, и перешедъ ту дорогу, нашла великое древо, кривое и густое. И взошла на то древо и сидѣла великое время, зря на дорогу, и многое время не могла никого узрѣть. Потомъ под вечеръ узрила единую старицу, шла по той дорогѣ старица. И кралевна сошла з древа, и пришедъ к ней, рекла ей: «О милая моя старица, учини для меня милость свою, дай мнѣ свое черное платье, худые рубища, за мое драгое платье». И черница видя девицу прекрасную в драгомъ одѣянии, помнила себѣ, что нѣкоторой велможа стоитъ подлѣ той дороги, и рекла ей: «Милостивая девица, добро быть всякому человеку такъ, какъ ему надлежитъ, что тебѣ Богъ далъ много, ты надо мною, убогою старицею, тѣшишься. Прошу тя, ходи ты в драгой своей одежди, а я в томъ своемъ рубище, какую мнѣ Богъ далъ». Кралевна, слыша от старицы такой отвѣтъ, горько заплакала, падши ей в ноги, и стала молить ее всякими утѣшными словами. И старица стала держать в умѣ своемъ, что нѣ с какой притчи[2] то она чинитъ. И сняла с нее драгое платье кралевское, а ей дала свои рубища.

И кралевна с великою радостию надѣ то платье на себя, и лице свое укрыла и зачернила, чтобъ ея никто не позналъ. И шла дорогю в Римъ в черницахъ. И старица, взявъ платье, бежала от нее прочь, чтоб она опять не отняла.

И кралевна, пришедъши в Римъ, была у мощей святыхъ апостолъ Петра и Павла, три месяца молилась, чтоб ее Господь Богъ снесъ[3] в добромъ здоровье с милымъ ее другомъ, естьли живъ. А естьли не сыщетъ ево, чтобъ ей жить до смерти въ девической чистотѣ своей.

И шла из Риму искати княжение отца ево, потомъ шла к морю и нашла карабль той земли, гдѣ отецъ его княжитъ. И давъ наемъ, сѣла в карабль. И какъ до того краю приплыли, кралевна вышла ис карабля и шла въ городъ Хивинъ, ко-

[1] монахини; [2] причины; [3] соединил.

торай недалеко от пристанища стоялъ. И вшедши в город, въстрѣтила ее едина жена, именемъ Сузана, и просила, чтоб она к ней в домъ пришла и опочинула, а чаяла, что она убогая прохожея старица. И накормивъ ея, не отпустила из своего дому и просила ее, чтоб она ночевала у ней. И кралевна з дороги и от морской воды велми была истомлена и рада тому была и начевала у ней.

И стала кралевна спрашивать, что сие за королевство и кто у него владѣтель, вольно ли иноземцу черезъ ихъ земли итти или жить. И отвѣщала ей Сузана: «Вѣдай то, милая моя старица, земля сия государя нашего велми пространна и вольность имѣетъ большую. А государь нашъ князь Вольфангъ вольной, и вельми богатъ и великъ, и со околными государи живетъ в миру и тишинѣ. А намъ всегда повелѣваетъ, чтоб иноземцовъ к себѣ на двор пущали и честь имъ воздавали. Только нынѣ государь нашъ князь и княгиня в великой печали: имѣли единаго сына у себя, великаго рыцеря, что ему равна не было силою и храбростию. И онъ не могъ жить у отца своего и матери, въ молодыхъ лѣтехъ своихъ поѣхалъ в посторонние государьства для рыцерскихъ дѣлъ. А нынѣ про него вѣсти нѣтъ другой годъ, и невѣдомо, гдѣ онъ, и для того государь нашъ и мы, холопи ево, в великой печали».

И какъ кралевна узнала, что въ его княжение пришла, и услыша про князя Петра такие похвальные слова, узнала, что еще ее возлюбленный во свою землю не бывалъ, не возможе утерпѣть и стала вельми плакать от воздыхания сердца своего и рекла: «О милая моя господыня, жаль того, что какой удатной и великой рыцерь безвѣстно пропалъ», и стала в сердце своемъ мыслить, что, «конечно, онъ по нѣкакой нѣволѣ от меня отсталъ». И господыня, видя кралевну вельми плачущу, и стала ее от плача унимать и вельми ее за то возлюбила и не отпустила от себя из дому до трехъ днехъ.

Яко кралевна Магилена жила во градѣ Хивлу три дни. И как кралевна в томъ градѣ Хивлу жила три дни у той господыни и спрашивала, гдѣ б ей мѣсто сказала, чтоб во особой пустыни Господу Богу потруждаться в томъ княжении. И господыня, видя ее тотъ доброй умыслъ, рече ей: «Есть недалеко отселе в нашемъ государьствѣ одно мѣсто, слыветъ Поганской портъ. К тому мѣсту многие карабли пристаютъ. И есть тамъ промеж горами мѣсто, гдѣ б тебѣ мочно тамъ кѣлейцу построить, а хорошо тамъ и монастырю быть. А в том мѣсте многие немощные люди пребываютъ, которые от морской воды на корабляхъ заскорбятъ, а мнѣ мнится, милая моя старица, чтоб ты шла и построила больницу и тѣхъ больныхъ призирала, и молитва б твоя приятна к Богу была».

Кралевна Магилена, услыша такие рѣчи, вельми рада была. И простяся с господынею, шла к тому мѣсту. И пришедъ на то мѣсто, осмотрила мѣсто и вельми возлюбила. А что у ней было злата и сребра и драгих запанъ, что взяла из дому отца своего, продала. И на тѣ денги построила малую церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, и больницы построила. И назвала тотъ мона-

стырь Петра с Магилены, и какъ устроив монастырь и больницы, и стала в немъ жить и Господу Богу молиться, и около больныхъ ходить. И такъже столько стала жить и труждаться, что в подивление было всѣмъ околным людемъ, которые часто къ ней приѣзжали и называли святою старицею. И монастырь тотъ сталъ в великой славѣ быть, и многие люди из дальныхъ градовъ приѣзжали молиться и на строение подавали.

Услышав то князь Вольфангъ, отецъ князя Петра, про тотъ монастырь, обѣщался ѣхать. И приѣхав и с княгинею своею молиться и смотрити церкви и больницы, и дивовались, что въ скоромъ времени построила, и говорили промежь себя: «Конечно, де, старица сия — святая». И кралевна увѣдала, что князь Вольфангъ и с княгинею приѣхалъ, рада тому была. И вышла, и въстрѣтила ихъ, и стала имъ говорить всякими мудрыми словами. Князь же и княгиня удивились рѣчамъ ея мудрымъ и рекли: «Конечно, сия старица не простова роду, но великаго». И вельми ее возлюбили, и стали ее звать святою старицею.

Потомъ княгиня стала ей сказывать о сыне, князе Петре, и какъ отъѣхал от нихъ и гдѣ пребываетъ, того они не вѣдаютъ. Уже князю Петру въторой годъ, какъ от него вѣсти никакой нѣтъ, и стала вельми плакать. И кралевна, видя княгиню вельми горко плачущу, и глядя на нее, заплакала, потому что и у нее не мене того было в сердце ее болѣзнь по возлюбленном ея другѣ князе Петре. И стала княгиню утѣшать всякими мудрыми и утѣшными словами. И княгиня от плача престала и просила о том, чтоб она, старица, Господу Богу молилась, чтоб ево Богъ принесъ в добромъ здоровье въ домъ свой, и спрашивала у приѣзжихъ людей, которые ко пристанищу приѣзжаютъ. И кралевна Магилена обѣщалася о князѣ Петрѣ Господу Богу молиться.

И князь Вольфангъ, давъ милостыну, поѣхалъ и с княгинею в домъ свой. И ѣдучи, говорили про Магилену и хвалили житие ее. И кралевна Магилена, отпустивъ ихъ, шла въ больницы осмотрити больныхъ и вошла в церковь и молилася Господу Богу, чтоб далъ ей Богъ видѣти возлюбленнаго своего друга, и положила всю свою надежду на Бога.

Яко рыболове принесли рыбы хъ князю и в ней нашли перстни князя Петра. И князь Вольфангъ, какъ из монастыря приѣхали и с княгинею в домъ свой, и в то время принесли рыболове рыбы морские, и князь указалъ большую рыбу пред собою рознять. И повар сталъ рознимать, и нашел в ней узолъ червчетой тафтяной, и розвязалъ тотъ узолъ и увидѣлъ в немъ три перстни золотыхъ з драгими каменьи, а на каменех вырезаны печати государя своего, и изумѣлся на перстни зря, и реклъ: «Великий княже, в сей рыбѣ нашелъ я три перстня золотыхъ, а на них печати твои государьския». И князь, взявъ тѣ перстни, шелъ хъ княгине своей и показалъ ей. И княгиня, видя тѣ перстни, что сыну своему благословила, горько заплакала и не могла слова промолвить, от тяшкой своей печали обмерла и упала на землю, и многое время лежала. И какъ

опаметовався, и стала великиимъ гласом кричать и плакать неутѣшно: «Увы мнѣ, горькой! Утеряла я единороднаго сына своего. О сыне мой возлюбленный, едина надежда старости нашей! И нынѣ вижу я, мати твоя, что несщастное показалъ рыцерство свое. Охъ, несщастной мнѣ печальной маткѣ! Чего для мы поволили ѣхать в посторонние государьства, имѣючи единаго сына! О проклятая рыба, чему ты обѣщадила[1] меня! Охъ, мой возлюбленный сыну, какое было погрѣбѣние твое во глубинѣ морстей? О несчастной былъ тотъ часъ, в который ты захотѣлъ ѣхать из дому нашего для рыцерской славы своей. Нынѣ вмѣсте с тобою утонула слава твоя во глубинѣ морстей. О милый мой сыне! Не скоро уже из воды морской освободисься. О злощастие! Не могло над кѣмъ иным указать пагубы своей, только над возлюбленным моимъ сыномъ. Охъ, бѣдная я матка! Имѣла единаго сына, котораго начаялась имѣти при старости своей утѣхи, а нынѣ обрѣла въмѣсто утѣхи печаль великую и въмѣсто подпоры старости нашей смерть. Охъ, позорная и немилосердная смерть! Естьли ты отняла всю утѣху и радость мою, возлюбленнаго сына моего, возьми жъ нынѣ и меня за нимъ», и рекъши то, горько заплакала.

Князь же Вольфангъ, видя великую печаль, и плачь княгини своей, вельми запечалился и горько плакал, и не дая в себѣ печали своей знать и размножиться, стал княгиню свою от печали утѣшать всякими словами мудрыми, и реклъ ей: «О возлюбленная моя княгиня! Воспомяни патриарха Иакова, въ какой жалости по сыне своемъ Иосифе былъ,* и как Богъ ево потѣшил милостию своею. Воспомяни жъ и Иева праведнаго,* колико утрати сыновъ своихъ и все имѣние свое, потомъ *сторицею* далъ ему Богъ. Мочно и нам на него надежду свою возложить, возможно Господу Богу и насъ такъже помиловать. Итак, престанемъ от плачу своего, и возложимъ надежду на Бога своего».

И княгиня, слыша такие рѣчи князя своего, мало от печали унялася и рекла ему: «О возлюбленный мой княже, рада б я была, чтоб Господь и мнѣ терпѣние такожде далъ, потомъ бы насъ утѣшил своею милостию. О проклятая рыба! Чего для ты мнѣ такие злые вѣсти принесла?» И указала во всѣхъ своихъ полатахъ все украшение съ стѣнъ снять и обить черными утварьми. И какъ сия вѣдомость[2] рознеслася по всему княжению ихъ, и бысть великая печаль во всемъ княжению ихъ.

И какъ тѣ вѣсти пришли в монастырь, гдѣ кралевна Магилена пребывала, услышавъ то, кралевна Магилена вельми запечалилась и, хотя довѣдатися о том подлинно, приказала отписать: «От кого та вѣсть есть, что сынъ вашъ преставился?» И посланный письмо княгине от кралевны поднесъ, и княгиня велѣла вычесть и противъ того письма указала отписать, какъ рыболове рыбу принесли и какъ в ней три перстня нашли, и указала отписать, что будетъ и сама к тебѣ в монастырь. И посланникъ с тою грамотою приѣхал х кралевне, и отдал

[1] лишила чада; [2] известие.

грамоту, и кралевна, прочетши, догадалась, что тѣ перстни ево, что онъ подарилъ ее, кралевну, и вельми запечалилась о смерти его. И шед до кѣльи своей, и стала горько плакать и рекла: «Нынѣ я, бѣдная девице, и нѣт такой несщастной, что я на семъ свѣте. Охъ мнѣ, злой девице! Ни от кого иного, только от меня сему учтивому князю смерть случилась. О возлюбленный приятель мой, княже Петре! Нынѣ уже не утѣшуся, зря на тебя. О злая рыба! Пристойно было тебѣ, чтобъ ты меня пожерла, нежели возлюбленнаго моего. Охъ, яко кратко и вельми мало намъ с тобою любви было! Нынѣ же вмѣсто любви мука и болѣзни, и печали конца не будетъ. Всегда в убогом сердце моемъ печаль великая имѣть, нежели про милова своего друга смерть слышать. О милосердый Боже! Естьли мой возлюбленный с моей притчины невинне умре, не дай же долгова живота мнѣ, но вскоре — смерть». И плакала многая время неутѣшно. И не в долгомъ времени приѣхал к ней въ монастырь князь Вольфангъ и с княгинею. И кралевна ихъ въстрѣтила у монастыря, и шли до церкви, и по церковномъ пѣнии княгиня, възявъ кралевну за руку, и отвели ее от людей прочь, и стали ей розказывать про перстни, какъ ихъ в рыбѣ нашли, и сама вельми плакала, и показала тѣ перстни. Кралевна, узнавъ тѣ перстни, и глядя на нее и въспомня ево, неутѣшно плакала. Потомъ князь и с княгинею своею поѣхал в домъ свой, а кралевна, вшедъ въ больницы, осматривала больныхъ по первому своему извычаю.

Яко князь Петръ былъ долгое время у турецкаго царя и как царь отпустил во свою землю. И князь Петръ, великий рыцерь, жилъ многое время у турецкаго царя, а в то время салтанъ турецкой въ Вавилонѣ жилъ. А князь Петръ былъ долгое время у турецкаго царя и в великой милости. И царь имѣлъ его вмѣсто сына своего единороднаго, такъже и паши царьские были к нему добры. И богатые, и убогие, всѣ его вельми любили и почитали, яко сына царева. Царь же, егда весел бываетъ, тогда с ынымъ ни с кѣмъ не тѣшится, токмо съ княземъ Петромъ, и ни х кому такой милости нѣтъ, что к нему. Князь же Петръ никогда не могъ утѣшенъ быть, держа во умѣ своемъ прекрасную кралевну Магилену. Всегда у него на сердце болѣзнь была. И мыслилъ, что в животѣ ее[1], прекрасной кралевны, нѣтъ, но в том непроходномъ лѣсе от лютых звѣрей растерзана. И видя великую милость царскую к себѣ, умыслилъ единаго дня проситься у царя, чтоб отпустилъ на время со отцемъ своимъ и с материею повидаться, потомъ со сродичи. И единаго дня въ ихъ бусурманской праздникъ царь Салътанъ былъ вельми веселъ, и многихъ людей, по своему бусурманскому извычаю для дня того своихъ и невольниковъ християнъ на волю пущал и многимъ злата и сребра давал. Видя князь Петръ, что былъ царь веселъ, приступилъ к нему и палъ на колѣни, и сталъ бить челомъ, и рече: «Великий царю, не малое время будучи я, холоп твой, при твоей царьской милости и тебе, царю, бивалъ

[1] в живых.

челомъ. И милость твоя царьская всегда по моему прошению была. А о семъ тебѣ, великий царю, никогда не бивалъ челом. Нынѣ тебѣ, великий царь, бью челомъ о себѣ, помилуй меня, холопа своего, преврати милостию своею ко мнѣ сердце свое царьское, и услышь прошение мое малое».

Царь, услыша прошение его, а не вѣдая о чемъ, реклъ к нему: «Ты самъ знаешь, каковъ я до тебя милосердъ, и милость моя отменитая к тебѣ от всѣхъ пашей и от иных вельможь во всемъ царствии моемъ. Еще не бывало того, чтоб я тебя не пожаловал противъ прошения твоего к намъ. А нынѣ ты милости просишь о себѣ, найпаче ради тебя пожаловать, хотя проси у меня треть царьствия моего, то тебѣ дамъ. В нынѣ не знаю, объяви, о чемъ просишь насъ, и ни в чемъ тебѣ отказу не будетъ против твоего прошения».

Слыша то, князь Петръ, вельми тому рад былъ и реклъ: «Великий царю, вижу неизреченную милость твою к себѣ, чему я достоинъ такой милости твоей? И не мочно мнѣ такую милость твою царьскую заплатить, никоими службами моими, только долженъ за ваше государьское здоровье умереть. И гдѣ въ которомъ государьстве буду и великимъ гласомъ стану вашу милость выславливать.

О томъ милости у тебя, царю, прошу: при великой старости остались отецъ мой и мати, а тому нынѣ третей годъ, какъ не вѣдаютъ про меня, гдѣ я, живъ ли или нѣтъ. И нынѣ обо мнѣ имѣютъ великую печаль, а естьли от печали при такой старости случится имъ смерть, то убоецъ имъ буду я, что при старости ихъ покинул и прочь отъѣхал. Нынѣ у тебя, великий царю, милости прошу, поволь меня отпустить ко отцу своему и матери на время повидаться. А какъ и мнѣ изволишь срокъ положить, в то время к тебѣ буду, взявъ благословение отеческое у нихъ».

Царь услыша такое прошение, и изумѣлся и вельми ему стало жаль, что слово свое далъ ему, что ево ни в чемъ не преслушать, и реклъ ему царь: «Прошение твое вельми мнѣ любо, что помнишь родителей и благословения от нихъ жедаешь. А о том вельми не любо, что ты от меня хощешь отъѣхать, а что я далъ слово свое въ челобитье твоемъ тебя пожаловать, только помысли, поживи еще в дому нашемъ, а по смерти моей учиню тя царемъ турецкимъ».

Князь Петръ сталъ ему всякими словами мудрыми бити челомъ со слезами. Царь, видя хотѣние его, пожаловал, указалъ его отпустить с великою честию на срокъ. А князь Петръ услыша то, палъ пред царемъ в ноги и за милость его царьскую билъ челомъ, и обѣщалъся на тотъ срокъ приѣхать. Царь указалъ грамоты писать до своихъ пашей в всѣ городы, гдѣ ѣхать князю Петру, чтоб они ево с великою честию въстречали и провожали. А что имъ князь Петръ повелитъ, дѣлать, чтоб ево во всемъ слушались такъ, какъ самого царя.

И так его царь отпустилъ во свою землю вельми славно, и пожаловал ему великое богатьство злата и сребра и драгих запанъ, каменья драгаго и жемчугу несказанное множество, и с великою жалостию отпустил его.

Князь же Петръ, взявъ такий милостивый отпускъ от царя и поѣхал в дорогу. И приѣхал до Александрии и попалъ ему карабль французской земли. И князь Петръ нанял тотъ карабль и по уговору карабельщику далъ за провоз деньги. Потом сталъ мыслить, какъ бы довести великое богатьство во свою землю. И купилъ 14 бочекъ, и насыпал с обѣихъ концовъ соли, а в середку тѣхъ бочекъ положилъ злато и сребро и драгие каменья, и жемчугъ, и драгие запаны. И сказалъ карабельщику, что в тѣх бочкахъ соль, потом отпустился от брегу и плыли вѣтром добрымъ по морю. Потомъ переплыли море на другую страну, недалеко от французской земли пристали карабли. А князь Петръ былъ боленъ в то время от моръского ходу. И вышедъ на брегъ, гулялъ по брегу и нашел хороший лугъ, на которомъ лугу много было пахучихъ всякихъ цвѣтовъ. И князь Петръ легъ на том лугу промежь цвѣтами. И с того морскаго ходу от добраго вѣтру стало ему лехко, и сталъ зрѣти на цвѣты, и увидѣлъ промежь всѣми цвѣтами единъ цвѣточикъ краше всѣхъ и благовоннѣе, и сорвалъ его. И глядя на цвѣточикъ въспомянулъ красоту прекрасной кралевны Магилены, что промежь прекрасными прекрасънѣе всѣхъ была. И какъ въспомня, сталъ горько плакать от всего сердца своего, размышляя, гдѣ ево возлюбленная прекрасная невѣста дѣлася. Будучи въ такомъ размышлении и плачу, с той великой печали уснулъ на томъ лугу. Потомъ карабельщики, видя вѣтръ добрый по сѣбе, не хотя мѣшкать, възошли всѣ на карабль, и видя карабельщикъ, что ево нѣтъ, помыслил себѣ по брегу ходить и кричать. А князь Петръ на томъ лугу столь крѣпко уснулъ, что не могъ услышать тотъ крикъ. И видя то карабельщик, что ево нѣтъ, помыслил, что ево звѣрь съѣлъ. Поднявъ парусы, побѣжали караблемъ во свой путь.

И в малом времени приплылъ карабль к тому пристанищу, гдѣ монастырь кралевны Магилены. И всѣ свои товары выложили, и сталъ говорить карабельщикъ с товарыщи своими: «Добраго человека соль, что намъ добрѣ заплатилъ наемъ, гдѣ мы ее дѣнем? Отдадимъ ее въ монастырь и прикажемъ, естьли онъ живъ и придетъ, чтобъ ему отдали, а будетъ мертвъ, чтоб въ монастырь взяли». И шедши х кралевне въ монастырь, и въ церкви Богу молилися, и кралевне поклонилися, и рекли ей: «Великая старица, нанял насъ человекъ добрый из Александрии до сихъ мѣстъ свести 14 бочекъ соли и невѣдомо, какими мѣрами отсталъ от насъ на брегу. А нынѣ ево нѣтъ, отдать нѣкому, возьми ты тое соль к себѣ въ монастырь. Естьли онъ будетъ, отдай ему, а естьли не будетъ, пригодится въ монастырьскую потребу. А его за то поминайте». И тѣ бочки указала кралевна карабельщикомъ въ монастырь привесть и велѣла ихъ принять.

Кралевна Магилена велѣла бочку почать соли, и нашли великое сокровище в нихъ. Во едино время не стало в томъ монастырѣ соли и в больницах, указала кралевна отбить едину бочку и взять соли. И какъ разбили бочку, и нашли в серетках злата и сребра много, и жемчугу, и каменья драгаго. И потомъ другую, и третью, потом и всѣ разбили, и обрѣли в нихъ вели-

кое сокровище драгихъ вещей, неудобьсказанно. Потомъ рекла: «Убогий человече, естьли ты пропалъ, то не вспомнишь, а естьли ты живъ нынѣ, сердце твое в великой и тяшкой печали, что погубилъ напрасно все имѣние свое. А естьли бы тебя Богъ к намъ принесъ, еще бы твое не пропало. А нынѣ на хвалу Господню сооружю велию церковь». И посла по градомъ для каменщиковь и всяких мудрыхъ мастеровъ к сооружению великия церкви каменной. И с великою борзостию з большимъ заводомъ[1] нача строити. И в скоромъ времяни сооружи церковь во имя святых апостолъ Петра и Павла, вельми прекрасну. И близъ церкви построила больницу, что ни в которомъ государьстве такой прекрасной церкви не было. И стала великая слава про тотъ монастырь, и многое множество людей стало съезжатися и молиться, и дивовалися великому заводу и прекрасной церкви. И видѣли, что у ней не было никакой казны, и вельми тому дивовалися, откуды она възяла такое сокровище: «Сей старице невидимо Богъ подаетъ на строение церкви». И мастеры церковныя дивовалися такому великому сооружению.

Князь Вольфангъ и княгиня Петронила услыша, какимъ великимъ заводомъ черница построила церковь вельми прекрасну и больницы, и здивились тому, и обѣщались ѣхать сами. И приѣхавъ в кручинном[2] платье, шли въ церковь Господу Богу молитися и святым апостоламъ Петру и Павлу. И отслушавъ церковное пѣние, призвали к себѣ черницу и с нею о всякихъ рѣчахъ размышляли о печали своей. И ей сказывали, что не можемъ-де никогда утѣшны быть от печали тоя. И кралевна всякими мудрыми речьми тѣшила ихъ, а у самой у ней болѣ печаль к сердцу лежитъ. И едва не заплакала для того, чтобъ невдогадъ было, и болѣ печали к сердцу ихъ не прилагала. Потомъ князь и княгиня дали по обѣщанию много злата и сребра на строение церковное и на всякие церковные потребы и ѣхали в домъ свой с веселиемъ.

Яко князь Петръ на лугу спалъ и отстал корабля. И какъ князь Петръ вельми твердо уснулъ и долго спалъ с той печали на брегу, пробудилъся и возозрил, и увидѣлъ, что нощь стала, темно было и изумѣлся, что твердо уснулъ. Въставъ и шелъ ко брегу морскому, гдѣ былъ карабль, и шедши, карабля не узрил и от карабельщика гласа не услышал, надѣялся, для темности не мог никого видѣть. И почал великимъ гласомъ кричать, а к нему никакова отвѣту не было. И ходя по брегу, кричалъ многая время, запечалился вельми и впаде в великий страхъ. Новая печаль сердешная объяла сердце его, такъже от великой жалости палъ на землю и лежалъ аки мертвъ, от памяти и от разуму отшедъ, лежалъ многая время и очнулъся, и сталъ горько плакать и реклъ:

«Охъ нещастному мнѣ на семъ свѣте, который сын людцкий уродилъся такой нещастной, что я? О злое и немилое сердечное нещастие! Не полно ли было тебѣ, что ты с возлюбленною моею невѣстою разлучило меня, а нынѣ, вы-

[1] основание, замыслом; [2] траурном, от кручина — печаль.

ведши мя ис поганыхъ рукъ, отнесла все имѣние мое, и еще и самово меня привела на погибель в сию непроходную пущу. Надѣялся, чтоб приѣхать в великой радости и во всяком добрѣ ко отцу своему и матери и къ сродичам своимъ. А нынѣ вмѣсто радости вижу печаль великую и горькую смерть. Увы мнѣ бѣдному на семъ свѣте человеку!» И сидя всю нощь плакал горко до самого свѣту. И какъ день насталъ, ходилъ подлѣ брегу, гдѣ кого могъ узрить, и от того хождения вельми истомился от жару солнечнаго, и от морскаго духа. И от печали сердечной не могъ болѣ ходить, палъ на землю и лежалъ, аки мертвъ без памяти.

И изволениемъ Божиимъ приѣхали к тому брегу в караблѣ рыболове. И видя человека лежаща на земли, взяли его к себѣ въ барку замертво. И привезли его въ городъ Кропоня и тамъ его отдали въ богадѣльну. И онъ былъ немалое время в той богадѣльне, не вдавался въ большую печаль, но положилъ все упование свое на Господа. Однако сокрушила его печаль, которая вошла въ сердце его: первѣе — въспомня красоту кралевнину, въторое — на великое сокровище свое, то не могъ быти утѣшенъ, но всегда в печали былъ и в болѣзни.

Во едино время вышел на брегъ от горести своей и гулялъ подлѣ моря по брегу, и узрѣлъ карабль изготовленъ въ путь, хотя довѣдатися, отколѣ тотъ карабль пришелъ и куда идетъ. И сталъ спрашивать карабельщика, и карабельщик ему реклъ: «Я есть кралевства француҗскаго, а в скоромъ времяни поплыву к себѣ». И князь Петръ вельми тому радъ, что увидѣлъ *человека* своей земли. И билъ челом ему, чтобъ онъ Бога ради ево свезъ для одноземчества[1], а дать было ему найму нѣчего, а имяни своего и роду не сказалъ. Карабельщик, видя человека добраго въ печали великой и для того что одноземъчества Бога ради, указалъ ему сѣсть въ карабль без найму. И наутро поднявъ парусы, плыли в свой путь.

Потомъ с нѣкакой размолвы учинилась рѣчь у карабельщиковъ про монастырь Петра с Магилены, гдѣ кралевна пребывала. Князь Петръ услышав то, что въспомянули имя кралевнино, сталъ ихъ спрашивать: «Сколь давно тотъ монастырь построенъ?»

И рекли карабельщики: «Построила нѣкая старица, которая и до сего часу в томъ монастырѣ досматриваетъ немощных, и многие чудеса часто в томъ монастырѣ бываютъ. Естьли послушаешь насъ, объщайся въ томъ монастырѣ потруждатися с вѣрою, конечно, тебя Господь Богъ помилуетъ и по-прежнему въ добром здоровье».

И князь Петръ объщался в немъ труждаться единъ месяцъ, потомъ до пристанища того приѣхали, гдѣ тотъ монастырь. И князь Петръ вышел ис карабля вонъ и въшелъ въ монастырь, а был велми скорбенъ от печали своей и от морскаго тяжелаго духа опухлъ. И пришед въ монастырь, и помолясь у церкви, хвалу воздалъ Богу, что ево Господь Богъ принесъ во свою землю еще жива. По-

[1] как соотечественника, земляка.

томъ вшел въ больницу и мыслилъ никому не сказать про родъ свой покамѣстъ к доброму здоровью приидетъ.

Кралевна по извыклому дѣлу своему пришла в больницы и увидѣла новаго гостя, взявъ его, вымыла главу и руки, и ноги, и дала ему бѣлую срачицу[1], и послала под него постелю, накормила ево и напоила, такъ яко и протчихъ, и рекла ему: «Милый гостю, чего душа твоя похочетъ есть или пить, сказывай мнѣ, чтоб тебѣ скорѣе быть в добромъ здоровье». Потомъ шла к инымъ немощнымъ, а его не познала: от великия скорьби сталъ вельми худ.

И кралевна, будучи старицею въ богадѣлне, не познала возлюбленнаго своего жениха, князя Петра. Князь Петръ многое время былъ въ том монастырѣ въ больнице и сталъ от немощи здравъ, потому что кралевна с великимъ радѣниемъ ходила около ево. И какъ пришелъ к прежней своей силѣ, вельми дивовался трудомъ тое черницы около больныхъ, и мыслилъ онъ себѣ и реклъ: «Боже милостивый, избавил ты меня изо всего горя и трудовъ и привел меня в вотчину мою и къ прежнему доброму здоровью. Прошу твоей святой милости, чтоб ты далъ вѣдать о погибшей невѣсте моей кралевны Магилены, есть жива или нѣтъ. Естьли б вѣдал, что мѣртва, я бы много и не печалился о том: многая для ее ради претерпѣлъ, а нынѣ мнѣ еще надобеть и болѣ того терпѣтъ за вину свою, что я ее от отца и матери увезъ и в непроходномъ лѣсе покинул. Милостивый Господи! Соблюди от всякаго зла, без помощи твоей немощно ей ис такого темнаго, страшливаго, непроходнаго лѣсу вытти. А естьли отошла сего свѣта, не дай же ми дольгова живота, чтоб и я въскорѣ там же былъ». И заплакал вельми от горести душевныя.

В то же время Магилена вошла в больницу и ходила около больныхъ, и пришла к нему, и увидѣла его плачуща, вопрошала его: «Учтивый гостю, чего для таковъ печаленъ и для чего плачешь? Повѣдай мнѣ, какой тебѣ недостаток, чего тебѣ потреба? Скажи, я трудовъ своихъ не пожалѣю, принесу всего, чего душа твоя похочетъ». Отвѣщал князь Петръ: «Святая мати, нѣтъ того, чего бы мнѣ недоставалось, всего въ достатокъ есть. А какъ помыслит человѣкъ на первое, щасливое, доброе время, то сердце его тѣмъ утѣшится, а какъ помыслит на свое нещастие и горесть, то сердце его закипитъ кровию, и нельзя ему что не плакать от такой тяшкой печали своей».

Кралевна же от него услыша, что онъ о причинахъ прежних говоритъ, тѣшила его всячскими мудрыми неутѣшными словами и рекла ему: «Правда то есть, милый гостю, какъ прошлые времена воспомнишь, яко от добра да попал в нещастие и в великую горесть и во убожество, и воспомня то, конечно, сердце закипитъ кровию, и от того подымается болѣзнь. А то всегда на семъ свѣте бываетъ, яко богатому, такъ и убогому. Не можетъ человекъ, чтобъ без какой печали

[1] сорочку.

и болѣзни вѣкъ свой прожить. А кая печаль кому приидетъ, все то от Господа Бога, и о том намъ надобеть Бога молить всегда. Господь милосердъ, наказав, помилуетъ». И утѣшила его и сама себѣ от печали. И хотя вѣдать от него, что за нещастье ево и от чего печаль имѣетъ, и рекла ему: «Гостю милый, скажи мнѣ, отчего и какую имѣешь ты печаль?»

Князь Петръ реклъ ей: «О великая мати святая, былъ единъ великий человекъ княжева роду, имѣлъ у себя супругу кралевскаго роду, тѣ имѣли у себя единаго сына и любили его паче мѣры, и тѣмъ старость свою утѣшали. Той ихъ сынъ услышалъ о единой прекрасной девице в ыной земли, у великаго краля дщерь, которая вельми любила рыцерскихъ людей. И взявъ онъ себѣ в мысль, чтоб онъ ѣхалъ въ посторонние государьства для славы и для той прекрасной кралевны. И молилъ отца своего и матерь, чтоб отпустили в посторонние государьства для славы: рыцерскихъ дѣлъ заслужить и щастия своего отвѣдать. И они изволили его отпустить с великою жалостию. И какъ онъ приѣхал до того великаго краля, и былъ тамъ долгое время, гдѣ та прекрасная кралевна была, что ея не было прекраснее, и тамъ много великихъ богатырскихъ рыцерскихъ людей съѣзжалося. И тотъ человекъ имѣ такое счастие, что не могъ никто с нимъ съѣзжаться и противъ его стоять. Для того былъ до него краль и кралева вельми милосерды, такъже и прекрасная кралевна вельми его возлюбила. Потомъ тотъ рыцерь былъ призван тайно к той прекрасной королевне, и в томъ промежь ими былъ совѣтъ великий. И потомъ зговорились, что ему в законном брацѣ и в любви жити до смерти и произволили на такое дѣло: тотъ рыцерь увезъ тайно ту прекрасную кралевну у отца и матери, и бояся того, чтобъ его с нею не нашли, заѣхал в великий непроходный лѣсъ промежь горами над моремъ, и тамъ они стали. И в то время кралевна вельми утомилась от ѣзды и заснула, положа главу свою на колѣни того рыцеря. И рыцерь, зря на прекрасное лице ея, и изумѣлся красоте ея, и забылъ Господа Бога, сталъ мыслить иное, неподобное дѣло. Потомъ сталъ смотрить бѣлого тѣла ея и разтегал у ней платье и на персях у нее узрил на снуркѣ узолокъ червчетой тафтяной, и взял развязалъ его и нашелъ в немъ три перстни тѣ, что ему благословила милостивая мать его при отпуску, какъ ево отпустя из дому своего. И рыцерь, завязавъ тѣ перстни, положилъ тотъ узолокъ с перстнями подлѣ себя. И прилетѣвъ злыи воронъ и начаялся[1], что мясо лѣжитъ, и ухватилъ тотъ узолокъ с перстнями, и възлетѣвъ на древо. И видя рыцерь, что ворон унесъ перстни, опасался гнѣву кралевнина, поднявъ главу ее тихо, сложилъ с колѣнъ своихъ и шедъ за вороном, метал в него каменьемъ, чтобъ он, воронъ, тѣ перстни покинулъ. И ворон лѣтал з древа на древо, а рыцерь за нимъ ходил, метаючи в него каменьемъ, и завелъ его вельми далеко от кралевны, даже до губы морстей. И воронъ, залетѣвъ за губу, сѣлъ на камени, а рыцерь металъ в него каменемъ, и воронъ слетѣлъ с камени, гдѣ

[1] понадеялся.

сидѣлъ, и узолокъ опустилъ въ море. И рыцерь надѣялся, что воронъ тотъ узолокъ на той странѣ на камени покинул, ходя по брегу, искалъ лотки и нашелъ малую лотку, и с великою борзостию сѣлъ в нея гребя руками, и какъ онъ от брегу отплылъ, и сталъ великий вѣтръ и занесло ево в пучину морскую. А кралевна осталась едина в том непроходном лѣсе. И помышляю я, что ея лютыя звѣри разтерзали. А то, святая преподобная мати, егда сие въспомню, без великой жалости и печали не могу быть».

И кралевна тогда догадалась, что возлюбленный погибший ея женихъ есть, не дая ему себя знать, от великой радости залилась слезами. А онъ того плачу не видалъ, потому что лице ее все укрыто было чернымъ, и была въ сердце своемъ вельми утѣшна о том, иже возлюбленнаго супруга нашла, а ему еще сказаться не хотѣла.

Яко кралевна Магилена возлюбленнаго своего супруга познавъ. Рекла к нему кралевна: «Учтивый гостю и милый приятелю! Мужескому сердцу достоитъ разумом разсуждати во всякой печали, хотя что и печально припадетъ, чтоб того не допущать до сердца своего, потому что от того болѣзни разныя множатся, а достоит всякому мудрому человѣку всю свою жалость и печаль во всякихъ дѣлехъ на Господа покладать и у него помощи просить. Господь всемощенъ, что хощет, то и творитъ. А я чаю надежды, что Господь Богъ милостию своею утѣшит тя от печали твоей и возлюбленную твою невѣсту въ скором часѣ узриши, такъже и до родителей своихъ въ добромъ здоровье увидишь. Печаль твоя обратится в радость, а о васъ стану Богу молиться, чтоб васъ утѣшилъ милостию своею».

Такие радостныя рѣчи князь Петръ услышавъ, воставъ и сталъ ее молить и реклъ: «О святая старица, преподобная мати, обрадова ты сердце мое и особливе утѣшины в тяшкой печали моей, и вельми утѣшилося печальное сердце мое, и прошу милости: помолись за мя Господу Богу, вѣдаю то, что молитва твоя много мнѣ поможетъ».

То рѣкъши, хотя ей поклонитися до земли, и кралевна удержала его и не дала ему поклонитися, и поднявъ, посадила его на постелю, и шла от него с великою радостию до церкви, и с великимъ плачемъ молилася Господу Богу за такую милость его. Потом шла до кѣльи своей и написала грамотку въ город Хотѣнъ к той господыни, у которой жила три дни.

И послала к ней человека своего, давъ ему денги, чтобъ она накупила златоглавовъ и иных всякихъ вещей и драгихъ поставовъ,* и жемчугу, и каменя драгаго. И господыня то все искупила, что ей велѣно, и чаяла, что покупаетъ на церковное строение, и отослала тотъчасъ, не мешкая, и посланный покупку всю привезъ.

И кралевна послала по добрых мастеров портныхъ и указала себѣ платье дѣлать на королевский извычай, и портныя мастеры дивилися вельми тому пла-

тию, что они королевскаго платия прежде сего не дѣлывали. Потомъ указала купить драгихъ ковровъ и украсила обитиемъ всякимъ двѣ свѣтлицы: одну, гдѣ сама жила, другую подлѣ той.

Потомъ указала изготовить мыльню[1] и, по извычаю своему, шла въ больницу досматривать больныхъ. И осмотрѣвъ иныхъ больныхъ, пришла х князю Петру и рекла ему: «Приятелю милый, не хощу я, чтоб ты промежъ больными болѣ лежалъ, указала я тебѣ мылю изготовить, чтобъ ты с тѣхъ трудовъ своихъ от немощи обмылся, а я тебѣ послужу. Потомъ тебѣ дамъ особую свѣтлицу и постелю, гдѣ тебѣ быть упокойнѣе, чтоб ты въскоре от немощи здравъ былъ. А я имѣю надежду на Господа Бога, что милостию своею помилуетъ тя и обвеселитъ тя от печали твоей, и дастъ тебѣ видѣти въ коротком часѣ прекрасную твою кралевну Магилену».

Потомъ вывела его и привела въ мыльню, вымыла ему главу его и помазала благоуханными мастьми[2], потомъ указала его отвесть во уготованную ему свѣтлицу. Князь же Петръ вшедъ в ту свѣтлицу и удивился украшению ея, и реклъ самъ к себѣ: «Истинно украшение в сей храминѣ не простова есть человѣка, вижу, что старица сия кралевскаго роду, потому что сие украшение бываетъ въ королевскихъ и княжескихъ домѣхъ, а не у простыхъ людей».

Кралевна Магилена шла до своей свѣтлицы, обмывъ лице свое, надѣла на себя королевское платье и всячески украсилася, и, покрывъ главу свою тонкимъ платом, шла х князю Петру въ свѣтлицу. И вшедъ, рекла к нему: «О великий рыцерь, возлюбленный жѳнише мой, князе Петре! Нынѣ развесели сердце мое, на которое многое время печаль была. А то я есть погибшая Магилена, возлюбленная твоя невѣста, для которой много зла претерпѣлъ, такъже и я для тебя. Я есть бна, которую ты взялъ из дому отца моего великаго краля Неополитанскаго. Я есть бна, что тебѣ, приятелю своему, дала златую чепь, благословение матери своей, а к тому, возлюбленный женише мой, я есть та, по комъ печално сердце твое», и сняла зъ главы своея тонкий платъ, распустя долгия власы свои.

Князь Петръ позналъ возлюбленную свою невѣсту, прекрасную кралевну Магилену. И какъ князь Петръ узрилъ возлюбленную свою невѣсту, которую долгое время не видал, воставъ с мѣста своего и обнел ее вельми любезно. И с той великой радости вельми плакали оба многое время, не могъ другъ другу слова промолвить. И престали от великаго плачу, сѣли въмѣсте, другъ г другу различные свои скорби и печали, бѣды сказывали, и была промежъ ими невымолвная радость, и не имѣли совершения[3] рѣчамъ своимъ. А кралевна не могла насмотриться на возлюбленнаго своего.

---

[1] баню; [2] мазями; [3] конца.

Потом князь Петръ сталъ росказывать, какъ былъ в великой милости у турецкаго царя, и яко выслужил много злата и сребра, и какъ то имѣние в бочкахъ погибло, и какъ самъ от великой жалости хотѣлъ утопиться во глубинѣ морстей. А кралевна такъже ему воспомянула, яко отецъ его и мати были у нее и какъ по немъ великую печаль имѣютъ, найпаче были печалны, какъ перстни въ морстей рыбѣ нашли. И какъ тѣ бочки с тѣмъ сокровищемъ ей достались, которым сокровищемъ соорудила церковь и больницы, и весь тот день сидѣли въ великой радости.

И стала Магилена говорить, чтобъ учинить въскорѣ вѣсть отцу его и матери. Князь же Петръ реклъ к ней: «О возлюбленная моя душе, прекрасная кралевна! Будучи я на мори, обѣщался Господу Богу, чтоб в семъ монастырѣ потруждаться един месяцъ».

Кралевна рекла к нему: «О возлюбленный мой приятелю, естьли имѣешь такое обѣщание, то и мнѣ любо. Станемъ у Господа Бога вмѣсте милости просить, чтоб насъ Господь Богъ въ добромъ здоровье и въ счасливом пребывании соблюлъ. А мнѣ кажется добро, чтоб ѣхала ко отцу твоему и матери и про тебя сказывала, и постановила им день, о котором бы они приѣхали в сей монастырь по тебя. А мати твоя вельми ко мнѣ милосерда, а я про тебя имъ никакихъ речей не буду сказывать. Учиню про сие дѣло тайно».

Князю же Петру вельми та рѣчь полюбилася. И какъ для того нощь приближися, кралевна Магилена с княземъ Петромъ простилась и шла до своей свѣтлицы и по извычаю своему многое время молилась Господу Богу, и от радости не возможе всю нощь уснуть, и мыслила, какъ бы лучше извѣстить про него отцу и матери. И князь Петръ так же молилъся Господу Богу, что ево свелъ с возлюбленною своею невѣстою, прекрасною кралевною Магиленою. И какъ день насталъ, и кралевна востала вельми рано и надѣла на себя старицкое платье, шла в больницы и, осмотривъ немощныхъ, пришла к возлюбленному своему жениху, князю Петру, спрашивала его о здоровье, и мило поцеловались.

Князь же Петръ вельми дивился покою и трудомъ ея, и зря в такомъ платье и реклъ ей: «Нынѣ вижю, возлюбленная моя, что меня милосердый Господь Богъ не для чего иного ис такого тяжелаго поганскаго[1] житья высвободил, только для твоего святаго жития».

И по многихъ рѣчах кралевна простилась и ѣхала ко отцу его и матери, и приѣхавъ до двора княжева, шла на двор. И какъ князь Вольфангъ и княгиня Петронила довѣдались о приѣзду старицы, дивовалися тому, что приѣхала, и многое время ее молили, чтобъ въ дому нашемъ была, и никогда не хотѣла из монастыря вытьти, а нынѣ сама приѣхала без прошения. И вышедъ князь Вольфангъ и княгиня Петронила с великою радостию и честию въстрѣтили ее и взявъ въ полаты посадили подлѣ себя и великую честь воздали.

[1] здесь: мусульманского.

11 Зак. № 3610

Потомъ княгиня рекла старице о возлюбленном сыне своемъ и стала горько плакать и рекла ей: «Никогда не будетъ сердце наше утѣшно от печали, покамѣстъ подлинную вѣсть услышимъ о сыне своемъ: живъ ли или нѣтъ. И от печали сей немного намъ на семъ свѣте жить».

Слыша то кралевна и рекла к нимъ: «Милостивый княже и милостивая княгиня! Вашему величеству и стану[1] непристойно, чтоб воле Божии противитися. Надобе во всемъ уповать на волю Божию, а не вдаваться в печаль и во отчаяние. А я к вамъ приѣхала для того, чтоб вамъ извѣстила, чтоб вы з большею вѣрою на Господа Бога уповали. И по изволению Божию въ скоромъ часѣ узрите сына своего. Повѣдаю вамъ: вчерашной нощи молилася Господу Богу и яви ми ся Господь Богъ, и привелъ есть с собою рыцеря младаго, и реклъ мнѣ: „Возьми сего, сей бо есть сынъ князя Вольфанга, по которомъ онъ въ великой печали часто пребываетъ. Иди к нимъ и возвѣсти имъ сие видѣние, чтоб приѣхали в сей монастырь". И о томъ рекла я: „Милостивый Господи, что еще повелишь рабѣ твоей?" Господь же ми реклъ: „Только ты поѣдь к нимъ и скажи имъ сие видѣние, они тому имутъ вѣры". И даде ми златую чепь, и реклъ: „Возьми сию чепь, что мать его благословила, и покажи, чтоб они вѣру няли"», и вынявъ, показавъ имъ чепь.

Князь же и княгиня узрѣ, что чепь сына ихъ, что мать его благословила, и вельми возрадовались, и били челомъ старице за такие радостныя вѣсти. И великую честь воздали ей, и уставила имъ уреченный день, какъ имъ приѣхать въ монастырь свой. Они же с великою честию отпустили ее, и кручинное платье с себя сняли и обитие стѣнное черное въ дому своемъ указали снять, и всякими драгими и цвѣтнымъ обитиемъ украсили домъ свой.

Кралевна жъ, приѣхавъ въ монастырь, и шла к возлюбленному своему жениху и росказывала ему все подробну, какъ вельми радостны стали отець его и мати. И князь Петръ былъ вельми тому радъ. Потомъ указала кралевна Магилена дѣлать драгое платье, прежде — возлюбленному своему жениху, потомъ — себѣ, изготовила все, что надобѣть к приѣзду княжескому.

Князь же Вольфангъ с княгинею Петронилою, приѣхавъ въ монастырь, узрили сына своего князя Петра. И какъ день уреченный пришелъ, тогда Вольфангъ князь с княгинею своею Петронилою и с вельможами, и со всѣмъ княжениемъ своимъ во всякой красотѣ приѣхали в монастырь. Кралевна ихъ въстрѣтила и повела ихъ въ церковь, и отслушавъ пѣния, повела ихъ в ту свѣтлицу, гдѣ князь Петръ, и введши ихъ, рекла к нимъ: «Нынѣ узнавайте возлюбленнаго сына своего, той ли есть сынъ Вашъ?»

Егда князь Петръ увидѣлъ отца своего и матерь, прииде к нимъ и палъ на ноги ихъ, и от великаго плачу, и от великой радости не могъ долго слова про-

[1] положению.

молвить. И от того часу узнали возлюбленнаго своего сына, и взявъ, стали его умильно цѣловать и любезно. Князь же и княгиня от великаго плачу своего не могли ни единаго слова промолвить другъ другу. Потомъ сѣли и стали его росправшивать, гдѣ онъ былъ и в которых государьствахъ. Онъ же имъ все подробну сталъ розказывать, гдѣ онъ былъ и что над нимъ дѣлалось. И в то время кралевна вонъ вышла от нихъ въ свою свѣтлицу и, снявъ с себя черное платье, надѣла на себя драгое королевское платие, и всякимъ украшениемъ украсилася такъ, что сподивление. Потомъ шла въ свѣтлицу, гдѣ князь и со княгинею и с молодым княземъ Петромъ сидѣли, и въшедъ въ свѣтлицу во драгом кралевскомъ одѣянии. Князь Вольфангъ и княгиня Петронила, видя такую прекрасную девицу, вельми тому издивилися, что откуды такая прекрасная девица взялася во драгомъ кралевскомъ платье.

Князь же Петр воставъ с мѣста своего и взявъ кралевну за руку, обнявъ, поцѣловалъ ее. Князь и княгиня вельми тому дивовалися. Потомъ князь Петръ реклъ: «Милостивый государю мой отче, великий княже, и милостивая моя государыня мати! Девица сия есть дщерь великаго краля Неополитанскаго, для которой я ѣхал из дому. Та многая время ждала меня во своей дѣвической чистотѣ и въ трудѣхъ своихъ соорудила церковь и больницы, и около больныхъ труждалась многое время. Та есть возлюбленная моя невѣста, тое увезъ от великаго краля Неополитанскаго, тое я погубилъ в далномъ и непроходномъ лѣсу».

Услышав то князь Вольфангъ и с княгинею своею пришли к ней блиско с великимъ подивлениемъ, и стали ее любезно цѣловать, и вельми радостны были, и хвалили Господа Бога, что дивные рѣчи учинилъ, и привелъ Богъ возлюбленнаго сына нашего, так же свелъ с прекрасною своею невѣстою. И шли всѣ вънѣсте в церковь, и молилися Господу Богу за такую его праведную милость к нимъ, и вельми стали веселиться, также и во всемъ княжении его бысть великая радость и дивная рѣчь. По той молитвѣ князь Вольфангъ и с княгинею своею и с княземъ Петромъ и с кралевною Магиленою поѣхали в домъ свой. Мещане же и всяких чиновъ люди с великою честию и радостию встрѣчали князя Петра и кралевну Магилену, и в подивление великое всѣмъ бысть.

Князь же Вольфангъ просилъ окольных кралей и князей на радость сыну своему, князю Петру. Потом указалъ князь Вольфангъ писать листы ко всемъ окольным кралемъ христианскихъ земель: х королю французжскому, к свату своему, х королю Неолитанскому, отцу прекрасной кралевны Магилены, и до князей немецких, и указалъ подлинно ко всѣмъ писать про все ихъ прохождение печали и радости, и молилъ ихъ, чтоб они пожаловали приѣхать к сыну ихъ на бракъ и на веселие, поставил уреченный день веселию тому на день святыхъ апостолъ Петра и Павла. И какъ тѣ листы до кралей и до князей дошли, и дивилися всѣ, и поволили готовиться на ту великую радость.

А какъ листъ пришелъ до краля Неополитанскаго, отца кралевны Магилены, указалъ тотъ листъ пред всѣми честь явственно, и от великия радости стал плакать, и послалъ х кралеве, и сказалъ ей все подробну, что в листѣ писано. И кралева, мать прекрасной кралевны Магилены, вельми рада была, и в великое подивление бысть всѣмъ. И указалъ отписать листъ х князю Вольфангу, и обѣщался к нему быть на то общее великое веселие.

Потом князь Петр вспомня обѣщание свое, что обѣщался турецкому царю, бывъ у сродичевъ своихъ, приѣхать к царю турецкому въ турки. И не хотя слова своего рыцерскаго оболживить[1], мыслилъ со отцемъ своимъ, какъ бы то дѣло учинить, и приводя ему на память, что онъ великий и сильный въ воинствѣ, чтоб за ту ложь княжения нашего не разорилъ: «Мышлю я, чтобъ к нему слать листъ, а в немъ написать подлинно похождение мое и печали наши, и великое терпѣние, и тѣмъ писмомъ его увеселить, чаять, что он меня пожалуетъ, не вѣлитъ к себѣ быть». И написалъ листъ тѣмъ обычаемъ:

«Вольфангу княже вольный, княже Петре молодый службу свою великому и славному царю обѣщаемъ и воздаемъ, слава и добродейство вашей царьской милости не можемъ никоими словы вымолвить, что ваша государьская милость неизреченная сыну моему указала бѣ. За такую вашу царьскую милость всячески и вездѣ готовы милость вашу прославлять. При отпуску, милостивый царю, какъ былъ сынъ мой у твоей царьской милости, обѣщался быть к вашей государьской милости», и написалъ все его похождение печали великие трудности и радости, и билъ челомъ по томъ, чтоб ему указалъ быть во своей земли у отца своего.

И какъ тотъ посланной до царя с тѣмъ листомъ приѣхалъ, и царь указалъ тотъ листъ пред собою чести, и в великое подивление пришелъ, и все предъстоящие у него дивилися. И указалъ листъ отписать, и отпустил посланнаго тотъчасъ, а с нимъ х князю Петру послалъ посла своего иеросалимскаго пашу, с великими дары.

И какъ на ту радость съѣхалися пограничныя короли и князи, и какъ при них приѣхал посолъ турецкий с великими дары от царя турецкаго. И какъ день уреченный той радости пришелъ, съѣхалося много кралей великихъ: 1) краль францужской с кралевою, 2) краль португанской, 3) король аглинской, 4) кроль Неополитанской, отець прекрасной кралевны Магилены, 5) кроль сисуйской[2], 6) кроль флоренской и иных много князей и владѣльцов вельми много, и никогда перед тѣмъ такого съѣзду кролей и князей не бывало, что въ то число. А всѣ ѣхали на то веселие. Первое — для того, что Господь Богъ дивнымъ изволениемъ своимъ обоего полу честныхъ людей по многихъ печалѣхъ свелъ в супружество, второе — для того, что видѣть красоту

[1] обмануть; [2] вероятно, швейцарский.

кралевны Магилены, потому что пред тѣмъ по всѣмъ государствамъ та слава шла, что нигдѣ не было прекраснѣе ее.

И какъ изготовились совсѣмъ ѣхать к венчанию в тотъ же часъ приѣхал посланный, что посыланъ былъ от князя Петра к турецкому царю, а с нимъ приѣхал турецкаго царя посолъ с великими дарами, а в то время совсѣмъ были готовы ѣхать к венчанию к церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла въ монастырь, гдѣ кралевна труждалася.

Услышав князь Петръ о турецкомъ послѣ, билъ челомъ всѣмъ, чтоб помешкали, а дождалися посла. Услыша то князи и крали о приѣзде турецкомъ послѣ, сошлися всѣ во едину палату и сѣли по мѣстамъ своимъ. И в ту палату указалъ князь Вольфангъ турецкому послу быть, и указал царские листы честь, а были написаны тѣмы словы:

«Салтанъ Ахметъ, великий и непобѣдимый турский царь, Вольфанговѣ князю и младому князю Петру милость и тишину неразрушиму вѣчную кажемъ к вамъ. Вельми тому мы, царьское наше величество, утѣшны, что князь Петръ намъ вѣрно служилъ. И вѣдаемъ то, конечно, что слова своего рыцерьскаго держится и хотѣлъ к намъ, великому государю приѣхать и служить по-прежнему. А то по многихъ различных печалех своихъ приѣхал в добромъ здоровье к сродичамъ своимъ, и мы вельми о том веселимся. А иже милостию Божиею с великимъ подивлениемъ погибшую свою невѣсту обрѣлъ въ государствѣ своемъ, и мы рады слышати о томъ, не только мнѣ что учинить в разлучении обѣихъ васъ, но естьли бы мочно царьскому величеству нашему, чтоб сами особою своею были на такую великую радость вашу и дивныя дѣла Божия. А что намъ самимъ ѣхать невозможно, то посылаемъ вмѣсто себя царю посла своего вѣрнаго Магмѣта Брагима, иеросалимскаго пашу, чтоб онъ вамъ повѣдалъ милость мою царьскую. И князя Петра за его вѣрную службу к намъ, великому царю, и ко всему нашему государьству и его славу выхваляемъ и чинимъ[1] его волнымъ. А за такую вѣрную его службу и за слово неизмѣнное твое, что онъ здержалъ и хотѣлъ к намъ, царьскому величеству, приѣхать и служить, и мы, великий государь, жалуемъ тебя. И послали к тебѣ, князю Петру, и невѣсте твоей, прекрасной кралевне Магилене, дары».

Потомъ посолъ указал принести драгие дары. Первѣе подалъ князю Петру драгую чѣпь со алмазовъ и яхонтовъ и с ызумрудовъ и с иных драгихъ каменьевъ, а дѣлана та чѣпь невѣсте ево, прекрасной кралевне Магилене, и великия драгия запаны, да к вѣнчанию два драгихъ перстневъ з драгими каменьи, поднесъ же имъ по 12 златыхъ купковъ вельми дивной работы учинены и з драгими каменьи.

И все крали и князи на своихъ мѣстах сидя, вельми тому великому дару подивилися и в великой чести от царя турецкаго.

[1] делаем.

И какъ посольство отошло, и посол с великою честию к царю турецкому отпущенъ, потомъ ѣхали к вѣнчанию въ монастырь, гдѣ кралевна была, к церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла и, приѣхавъ, вѣнчались.

И в то время прекрасная кралевна Магилена разцвѣла, стоя въ красотѣ своей, яко солнце промежь звѣздами, что всѣ предстоящие красотѣ ея издивилися, и всѣ Господа Бога хвалили, яко богатые, такъ и убогие, что Господь дивными своими дѣлы изволил свести ихъ въ законный бракъ. И по вѣнчанию, какъ вышли ис церкви, ударили въ политавры и заиграли въ шаломеи, и в ыные различные игры.* Потомъ ѣхали въ домъ свой с великою радостию, и были на томъ веселии кроли и князи 14 дней, и всякие игры различные и утѣхи были. И по той великой радости и веселию разъѣхались кроли и князи с великимъ веселиемъ и радостию въ государьства своя.

Князь же Петръ съ княгинею своею с прекрасною кралевною Магиленою стал жить въ добромъ совѣте и в великой любви. Отець же его, князь Вольфангъ, пожилъ немногое время, преставися и с княгинею своею Петронилою. А князь Петръ жилъ послѣ отца своего 80 лѣтъ и преставився. А послѣ ево остался сынъ и правил княжение отца своего такъ мудро, какъ и отець его, князь Петръ.

И тако скончася повѣсть сия. Аминь.

Списана сия повѣсть въ 1702 году авъгуста въ 24 день.

ПОВЕСТЬ О БРУНЦВИКЕ

ИС КРОННИКА[1] СКАЗАНИЕ О БРУНЦВИКЕ И О ЕГО СИЛЕ, КАКО ДОБЫ ЛВА, И *П*РЫТ*К*ОСТИ И СИЛЕ ВЕЛИКОЙ СЫНА ШТЫ*Л*ФРИДОВА

Егда[2] же бысть Брунцвикъ по смерти отца своего Штылфрида, остася во всем богатстве его, и начат княжение отца своего Шты*л*фрида держати и правити с великим разсмотрением, разсуждая, иное же докладывая, старѣйших думы и чинов, и науки отца своего, и умѣния всякого, како отецъ его умышлял и како кому почести творил, сверстным[3] и духовным, сиротам и вдовам, паньям и панам, бѣ бо почестный князь и разумный велми, и по всей *земли* о нем слава была добрая.

И егда же бысть по двою лѣтех и трех месяцех по смерти отца своего, воспомянул Брунцвик на удалость отца своего, что он много добра учинил Чес*к*ой земли, своей службою выслужил честь всей земли своей. И начат глаголати панѣ своей: «Пания моя милая Неомения!* Скажу свою думу тебѣ, что думаю есми ѣхати и хочю своею службою добыти честь языку[4] своему. Ты бо ни за какова не ходи доброго *князя*; аз аще и умру, а знамение оставлю по собѣ, что ни буди. А прото[5] отецъ мой мнѣ рад*ил*[6], такоже и прадеды наши, [7]да бых[7], гдѣ мог, которую добрую славу имени своему и земли своей честь *добыл*. Отецъ мой, той есть выс*лу*жил орла своею службою, а яз, аще Бог велит, хочю лва добыти. Ныне же даю тебѣ свой перстень с своей руки, чтоб тобѣ было вѣдомо, а твоей руки перстень собѣ емлю[8] с твоего перста, для того, чтоб еси никому не вѣрила. Егда же тот перстень сама узриши, то вѣдай, что жив есми и в добрѣ. Аще ли его не узриши в сем лѣт, то буди ти вѣдомо, что уже не жив есми. Помыслил *есми*, аще ми и умрети будет, а инако того не учиню».

Слышав се, Неомения начат от сердца плакати и тужити, рекучи: «О беда мнѣ, о горе мнѣ! Кому мя оставиши, мой милый пане? Отецъ мой и мати моя велми далеко от мене. Кто мя смутную[9] утѣ*ш*и? С ким учну веселитися?» Брунцвик рече: «Милая моя кралева Неомения! Не ѣду от тебе, как мол*виш*, не устроив тебе, и *не* здѣлаю того так, как тебѣ мнится, но хощу послати по отца

---

[1] из хроники; [2] когда; [3] здесь: пожилым, старикам; [4] народу; [5] поскольку, потому; [6] советовал; [7—7] чтобы я; [8] беру; [9] печальную.

твоего, дабы на моем мѣсте правил бы княжество мое, и оброки мои имал, и о тебѣ бы радѣл, и строил бы двор твой; а иному тебе не оставлю, опричь отца твоего. А вѣдаю бо и аз, что тебѣ меня жаль, что мнѣ от тобя будет ѣхати далече. Мнѣ бо наипаче твоего жаль будет по тебѣ, но инако того не мощно сотворити». Королевна Неомения рече: «Аще бы было тебѣ меня жаль, то бы еси гдѣ ни ѣздил, а ко мнѣ бы еси приѣхал и мене бы еси утѣшил. Но и ныне уже вижю грѣх свой, что хощеши мене забыти. Беда бо ми велия бысть, до сякова дни дожившей !» И объем[1] его с плачем великим и со слезами, и жалостне велми начат его целовати и начат у него упрашивати, дабы ея не забыл и остался бы с нею. Брунцвик рече: «Не плачь, милая моя панья! Уже бо ми не мощно сего слова переменити. Наши бо княжие слова никогда бо не живут лживы». И сам, заплакав, пал: «А любо ми, Бог дастъ, и аз опять возвращуся».

И потом послал по отца ей, дабы к нему приѣхал, и приказал собѣ 30 коней осѣдлати, и поѣхал до розличных стран и земель имени для, и славы добрыя добываючи. И тако далече ѣздѣл, иже и проводники дале того не могли вѣдати, куда ѣхати. Егда же приѣхаша на море, и начат по брегу ѣздити, в себѣ мысля, что бы мог учинити. И нашел собѣ корабль и поѣхал с своими людми на море. И егда же бысть им четверть лѣта ѣздячи по морю, и бысть бо им единое ночи, воста вѣтръ и буря велия, и взыгрылося море, и восташа волны великия. Бысть бо и кораблю, яко пометаему, на волнах, и егда же дважды под водою быша на три локти, Брунцвикъ в великой печали бысть. Пишет бо ся о нем, когда бо бысть в великом волнении, были голка[2] и звук морский велий с великим вѣтром, и великим тѣм вѣтром вверхъ кораблем далеко метало.

И егда же уже к горѣ Якштенови приближися в мори, коли же то узриша и тут начаша плакати, и бысть от них плач и звук, крик великий. И начаша меж собою говорити: «Теперь бо нас уже несчастие поткало[3], уже бо не по счастию, но по грехом стася[4] над нами». И егда же быша в пятинадесят милех от тое горы, и поразил их великий дух и волна силная,* зрящи новые горы, иже в мегновении ока притянула их к собѣ всѣх с кораблем. Тая бо гора имѣя тую силу, иже в 50 милех со всѣх стран в мегновении ока к собѣ притянет, будь то ту[5] люди, птицы и рыбы, древа и твари морские. А которые тут заѣдут, тому бо не мочно уже живу быти, иже остатися на той горѣ Якштыну. А иного тут нѣт ничего, токмо един остров велми красен, а словет Желатор, яко бы кто рекл ми радостный или милостивый, который аки увидели Брунцвик с своими людми, велми начали тосковати в великом смятении.

И тут узриша на том острове много гнилых кораблев и тех людцких костей и иных мертвых громады великие. Видячи то, Брунцвик почал тосковати велми, а иное веселитися, рекучи: «Хто дома седит, тот злаго времене не боится и морского волнения». И тако ни о чем нихто молвити не смѣяше[6], токмо о том друг ко другу глаголаху, что им случилося. И доколе имѣяху запасы, что ясти,

---

[1] обняла; [2] буря; [3] встретило, постигло; [4] сталось; [5] тут, здесь; [6] не смел.

дотоле и весели быша. И егда же им запасов начат не став*а*ти, тогда начаша велми тосковати.

И тако начаша велми покушатися[1] всякими хитростми, да быша како могли какими м*ѣ*рами оттоле отѣхати. И тое их мастерство нимало не пособило, никакие ползы от него не прияша, едва возмогоша пол м*или* отплыти. Скоро в мегновении ока назад, и в том же островѣ увидилися, и не вѣдаючи, что сотворити, какую помо*щ*ь собѣ. Уже бо им начат запасу не ставати, и начаша свои кони ясти, и всегда ждучи Божия милости.

Н*ѣ*когда же единаго часу случися ему поити по горѣ, ѣздити и смотрѣти, гдѣ что обрящет. И узрѣл женскую главу и руце[2], а иное все рыба, а нарицается Еуропа. И начат к ней глаголати, рекучи: «Злое ли *еси* или доброе? Молви со мною!» И она к нему рече: «Брунцвиче! Аз есми такова, как мене видиш, а ни злое, ни доброе». Рече Брунцвик: «Могу ли с тобою какое потешение имѣти?» Она же рече ему: «Часом можеш, а часом и не можеш». И слышачи то Брунцвик, и принялся за не*е* и пребыл с нею, и толикое толко утешени*е* было ему.

Потом же не стало коней, и почали сами ѣсти ся, а все ж*д*учи Божия милости. И уже три лѣта прошло в том их безгодии[3], Брунцвик же толко остася с одным старым рыцарем, именем Был*аа*дом. И рече Брунцвик*у* Был*аа*д: «Пане милый! Сей беды твоей не вѣдает твоя милая пани, а и нихто в твоей земли, что нам ныне прилучися». Слышавши то Брунцвик, тос*кова*ти начат. Рече Былаад: «Не тоскуй, милый мой пане! Естли же хощеш мене послушати, хощу тебѣ такову думу придумати, иже отсюду выѣдеш, но *не* вѣдаю, близко ли, далеко ли выѣдеш». Убояшеся старый, да некако тут един останет, и рече: «Токмо ты приѣдеш, по*мяни* меня, когда тобя Бог вынесет, воспомяни вѣрную мою службу». Брунцвик рече: «Вѣрный мой рыцарю! Какими то м*ѣ*рами могу т*о* так сотворити, иже отселе моглъ бы вы*й*ти? Аз слыхал, как хто *к* Якштыновѣ горѣ приѣдет, тот тут и останется, не может выѣхати».

Рече к нему Былаад: «Есть один птах, сирѣчь птица, а словет ног.* Имѣет обычай, иже сюда на всякий год однова прилетает. И што коли мертвыи стерва обрящет, то в мегновении ока похватит и летит прочь». А тую годину он знает, в кое время прил*е*тит. «Тот тя отсюду вынесет, будет похочеш, а далеко ли, близко ли, того не вѣдаю, сколь далеко отнесет». И рече Брунцвик: «Вѣрный мой Былааде! Велми добра твоя дума. Аще бы моглъ тѣм везением отсюду избыти, не жаль бы мнѣ было умрети, а любо мог бы н*ѣ*что счастия себѣ найти, дабы мог к своей власте[4] приити». Тогда Былаад, конскую кожю измазавши кровию велми горазно[5], и всадил в не*е* Брунцвика, и меч к нему вложил, и зашил его ременем горазно, и положил его на той горѣ.

Въ 9 день, прилетѣв ног в свое время, и взял его в мегновении ока и лятѣл с ним далеко на пустые горы, толко[6] далеко, едва может человекъ въ

[1] пробовать, пытаться; [2] руки; [3] в безвременье; [4] родине, отчизне; [5] обильно, сильно; [6] настолько, так.

3 лѣта тамо дойти от тое горы до мѣста того, иже ног пренесе в 3 дни. И положи его меж детей своих, а начаяси[1], что стерво мертвое, дабы ѣли дѣти его, ноговы. А повергши его ту, а сам полетѣл на иную потребу. Брунцвик же бысть в велицей печали. Егда же тые птицы расторгаша[2] ему кож*у*, и меж собою со гнѣвом кричаху велми, понеже объял их глад, Брунцвик бо, егда ободраша на нем кож*у* ногты своими, начат им не даватися, и вскочив и взем меч и посѣклъ им главы. Тут Брунцвик, оправясь от *битвы*, начат тѣх птиц ясти, и начат ему повесел*е*е быти, понеже укрепися от глада. Пишет бо ся о тѣх птицах во иных книгах, иже всякий той птах толь силен есть, иже на всякий пазноготь[3] может по коню взяти и несет. А таковы*й* есть великий, иже с одное горы на другую ступает. А имѣет *на* ноги по три пазнохти. Тѣх бо птиц немного есть, потому что сами меж собою извѣдаются[4] и биются. И егда же то Брунцвик учинил, Бог ему помог побити их, и начат сам тому дивитися. И вставши с того мѣста, и почал с великим страхом оттоле бѣгати, иже бѣша[5] ту горы пустые, нѣт бо тут ни человека, ни птицъ иных, ни звѣрей, но все то поле бяше тѣх единых птиц.

Егда Брунцвику уже 9 дней и 9 ночей совершися, шел блудячи по горам, а все по пустым, и что дале попойдет, то гора горы болши и выше, а все пусто. И прилучися в нѣкое время во едином долу меж гор глубоко войти, тута бо услыша звук и гром великий. Он же, оставаяйся, начал слушати, звук же и гром начат болши быти. Егда же прииде поближе на глас той, и узрѣв лва да драка[6], тако бо той змей — драк словет. И силне биются меж собою.

Тогда Брунцвик, тут стоячи, начат мыслити в собѣ, глаголя тако: «Милостивый Боже, которому тут помочи? Для *лва* того звѣря выѣхал есми *из* своей земли и великий страх имѣю си. Не вѣдаю, что ми станется еще, а тут не имѣю[7] бо иному, но лву помогу, что ни станется». И взем меч свой, и прискочив к змею, начат с ним битися, заступая лва, уже бо было лву велми тяжко. А тот драк, сирѣчь змѣй, имѣл 9 глав, а изо всякой главѣ огонь, яко ис печи, выходит. Тут опять Брунцвик в великой печали *бысть*, понеже бо тот драк начал его жечи, а з другой стороны начал боятися лва, и тако на обе стороны опасаяся и бояся и печалуяся.

Видячи же то лев, великую вѣру Брунцвикову, пал на земли и отпочинул[8], бѣ бо велми убил[9] его змиѣ. А Брунцвик в то время з драком бился и зби с него 6 глав, ссѣче. Тогда змий разгнѣвался велми и почал Брунцвика огнем палити, до *земли* поражаючи многажды, и велми его утомил, иже уже едва ему могущу боронитися[10] с великою нужею. Видячи же то лев, розбѣгся и расторже[11] драка надвое с великим гнѣвом, и на малые кусы розмета его.

Видячи то Брунцвик, такую силу великую лвову, начат его велми боятися, кабы ему не сотворил тако же, что и драку. И пошел прочь оттоле, хотячи из-

---

[1] надеясь; [2] разорвали; [3] коготь; [4] соперничают; [5] были; [6] дракона; [7] не должен; [8] отдохнул; [9] прибил, зашиб; [10] защищаться, обороняться; [11] разорвал, растерзал.

быти лва. Лев же не восхотѣ его остати, когда бо не оглянется Брунцвик, а левъ за ним идет; или гдѣ опочинет в день и в нощь, *к*огда н*и* оглянется, а лев за ним. И начат мыслити, и набра собѣ желудков а[1] буковых яблок пазуху полну, понеже бо никакова иного брашна[2] не имѣл ничего ѣсти. А умыслив в собѣ взыти на высокое древо, да н*ѣ*что[3] в ту пору лев отидет от *него, то с*шед же долов[4], отшол *бы прочь*. И егда взыде на велми высокое древо, и с*ед*ѣл ту три дни и три *нощи*, а лев не хотѣ его остати, все тут же сед*ѣ*л, под тым древом на ногах, глядячи на него вверхъ, лву бо велми жаль[5] было. Брунцвик же боялся лва и не вѣрил ему. Лев же закричал велми в жасти[6], велми силно таково, иже под ним земля потряслася. Брунцвик же от великого того гласа устрашися и паде з древа и убися велми. Видячи же то левъ, отбѣглъ от него скоро и накопал корения и принес к нему во устѣх и обкла Брунцвика. Тако бо *в* мало время избы[7] то время, что было его злѣ падение с высокаго велми древа. Лев же поможе ему, он же лву еще не вѣряше, но боя*с*я.

Н*ѣ*когда же бысть таково время, сед*ѣ*л Брунцвик в великом гладе, не имѣя же что ясти. И виде то лев, глад его, поиде от него прочь. И узрѣ сарну[8], и начат гнати, и догнав е*я*, пред него принес еѣ, надвое изодра и вложи во уста своя, — испече, яко в печи жарко*й*, и выняв и положи пред него. Видячи же то Брунцвик, велию вѣру лвову, и начат его беречи велми. Лев же, нѣкогда прибѣгши, ис чести[9] покорне главу свою положи Брунцвику на колѣне. И Брунцвик начат его гладити, укрочаше.

Потом опочинув Брунцвик от томнаго пути, и поиде меж великие горы и лѣсы, з горы на гору ходити. Тако опять блудил *п*олные три лѣта на тѣх высоких пустых горах. Лев, всегда ходячи за ним, пищу ему добывал. Случися ему взойти на едину от гор тѣх высок*у*, и вшед на высокое древо и начат оттоле смотрити, дабы узрѣл гдѣ град[10] или мѣсто[11] какое. И увидѣ на мори городок велми далеко, и тако сошед з горы и пад на колѣне свои и проси у Бога милости, дабы ему помо*щ*ник был в напастех и в бедах его в том блужении. Не виде бо нигдѣ ничего, токмо гдѣ бы очи его видели и мысли, тамо и ходил.

Восхотѣ пойти к тому городку и поиде из лѣсу, и тако иде 15 дней, и выде ис тѣх высоких гор и пустых лѣсов, и приде к морю пустому и, став над морем, начат мыслити, како мо*щ*но к тому городку дойти. И в недоумѣнии великом бысть, начат мечем колье сечи и прутье рубити, а лев начат громаду волочити. И сплел собѣ плот ис того лѣсу нарочит[12], возложил его на воду, а сам на него сѣл. А лев в то время добывал п*и*щу себѣ и ему и, гоняючи, замешкал тамо не*ко*л*и*ко время. Тогда Брунцвик, хотя избы*ти* лва, от*п*ихнулся от брега на море. А лев в то время добыл вепря диково и принесе его на брег во устѣх своих, и узри Брунцвика уже в мори пловуща. Лев же розб*ѣ*гшися и скочи в море за

[1] и; [2] пищи; [3] если; [4] вниз; [5] прискорбно, досадно; [6] раздражении; [7] пережил, избыл; [8] серну; [9] воздавая честь; [10] здесь: замок; [11] здесь: город; [12] изрядный, отменный.

Брунцвиком, держа вепря диково во устѣх своих. И е*д*ва доплы ево, приняся предними ногами за плот, а задними плове долго время, держася крѣпко за плот. Видячи же то Брунцвик, что лев его не останет, никогда бо не хощет разлучитися с ним, и нача ему помогати с великою силою, поможе ему на плот взойти. И ту опять Брунцвик велми печален бысть, понеже едва удержася на плотѣ том, едва не упаде в море.

И плыша бо в мори том со лвом, иногда по горло, а иногда до пояса на плотѣ том седѣша, и тако в той водѣ 18 *дней* плавали, с одного конца *Брунцвик*, а з другаго *лев* седѣл, и тако друг другу утонути не даша. 9 дней и 9 ночей море с ними играло, а другую 9 дней и 9 ночей плыли в великой темности меж горами. И егда же приплыша в той темности ко единой горѣ, издалека бо узрѣ, бѣ бо свѣтла яко огонь. И добывши меч, и едва подп*л*ыша под не*я*, и удари в не*я* силно, и сшибе тѣм ударом великий кус, а спаде к ним на плот, яко голова человѣческая. Тая гора бѣ славна, именуема Карванкулос,* камень самоцвѣтный, а от нея ломают. Гора же та велми чиста и велми свѣтла, свѣтило бо им от тое свѣтлости, от горы велми далеко и толь долго, иже доколе выѣхали ис тѣх гор, из мѣст темных.

И егда же приѣхаша, к тому граду приближишася, и начат дивитися на розные чюдеса морские. Многия бо бяху узорочия[1] морские около града того. Град же той велми бѣ красен, на нем же бѣ множество красования морского, всякие чюдеса и узорочия всякия. И рече Брунцвик, сам в себѣ мысля: «Аще ли будет добро или зло, а яз побуду н*а* сем граде. Аще что ни прилучится ми здѣ во граде сем, терпѣти имам».

И егда же быша во граде том, тут его объял великий страх, бѣ бо узрил короля мѣста того Отлибриуса.* Сей бо король волот[2] бѣ, очи же имать напреди и назади, и перстов имѣет на всякой нозѣ по 18, а на руках по *с*толку же. Около его бѣ многое множество раз*ли*чных людей. Увидев се и*х* и убояся, бяху инии о едином глазѣ, а инии о единой ноги, а инии мнози имѣют роги над очима, а инии о дву головах, а у иных песьѣ главы, а инии половина седа, а другая бела, а инии горбаты, яко велблуди[3], а инии яко лисицы красны. Тогда почат Брунцвика страх объуимати, бѣ б*о* крик и звукъ и шум великий, бяху бо инии выют, а друзии ворчат, бѣ бо такова́ королю от них служба, такову бо честь воздают королю своему. И начат Брунцвикъ назад отступати, хотя итти со града того.

Видячи то Отлибриус, начат к нему глаголати, тако рекучи: «Брунцвиче! Твое имя вѣдаю добрѣ, никогда бо тако не пригодится о властех, иже бы такий славный человѣк нами не вѣдом был, токмо спрашиваю того у тобя: воли*ю* ли еси пришел сѣмо или нужею?» Брунцвик рече: «Милый королю, скажу ти о сем. По воли есми из власти своей выѣхал вон, аже о сие мнѣ тепрве[4] прилучи-

[1] дива, редкости; [2] великан, богатырь, сказочное чудище; [3] верблюды; [4] только.

лося по грехом и по несчастию моему, та моя волокита великую мнѣ дѣет кручину». Рече же король Отлибриус Брунцвику: «Буди ти вѣдомо о том, что с нами здѣ будет ти остатися и жити в нужи. А будет хощеши ли ты тако учинити — дочь мою Африку добыти, бѣ бо взята уже три лѣта от драка-василиска на *город* Рому, имя же острову тому Арабая, а стоит на пустом мори от мене триста *миль*. А будет таково учинишь, в*ѣ*домо ти буди, аз тобѣ свою помощь учиню: хощу тобя к твоей земли проводити и пропу*щ*у тя сквозь желѣзная врата, понеже бо в моей воли тѣ врата. Кого хощу, того и пропущу. Аще ли не тако, а инако, — не можешь пройти во свою землю». Рече же ему Брунцвик, королю тому: «Есть велми дивно, что ты мене не знаешь и не вѣдал нигдѣ же, а именем называешь. А что глаголеши ми о дочери своей, в великий мя мятеж вводиши. А буди ти вѣдомо, аще ли тако хощеши сотворити, что мя теж[1] пропустиши сквозь желѣзная врата и проводи*ши* до моей земли, аще ли тако истинн*е* сотвориши, дай ми вѣрное *сво*е слово, и аз учиню тако, взем Бога моего на помо*щ*ь себѣ, и поѣду добывати дочери твоей». Король же обещася ему тако сотворити и начат его велми честно дарити дарми великими.

Брунцвик же в третий день *велѣ* приправити[2] корабль, и взем собѣ на карабль запасу, что ясти ему и пити, чтоб ему на пять месяцъ стало. И сѣдши со лвом его, и поѣха по морю ко граду тому. И егда же приѣха ко граду тому Рому, ко острову Арабаю, *и привязавше* корабль, и поиде на брег острова того, а лев за ним. И егда же приидоша ко вратом первым, и увидеша тут два звѣря велми пригожи, лежаху бо на сребреных чепех[3], стрегучи града того. Имя же звѣрем тѣм Монетрус, а велики потворы[4], сиирѣчь чюда морские, силны в силе своей. Всякий же тот звѣрь имѣет главу человѣчью, а тѣло конское, хво*с*т свиной. И как увидели Брунцвика со лвом, со гневом великим на него устремишася, а как потресошася, — и весь град потрясеся. Брунцвик же добы меч свой и начат с ними битися мужн*ѣ*[5] о тѣх вратѣх. И начат омлевати[6], сиирѣчь уставати. Видячи же то лев, что Брунцвик устал, и разб*ѣ*гшеся прытко на одного и со гнѣвом раздра его надвое, и потом тако же и другаго. И тако первыя врата пробишася и поидоша к другим.

И егда же приидоша до других врат, и узрѣша еще двое силн*ѣ*йших, а называют их Кглята. Каждый звѣрь на себѣ имѣет два рога долга на два л*о*кти, а остры яко бритва. Тые звѣри имѣяху обычай таков, коли с ким сойдется тот звѣрь, то одным рогомъ сечет, а другой на хрептъ положит. А как ему один сломится рог, тогда тот рог по хрепту изложит, другим боронится. Тот звѣрь ничего-то иного не боится, токмо красного знамени[7], а таков удал, — какъ на земли, и таков и на водѣ силен. И с тѣми опять Брунцвик дрался. Добывши свой меч, и начат с ними битися, и бися долго время столь крѣпко, иже град потрясеся. Лев

---

[1] тоже; [2] здесь: приготовить; [3] цепях; [4] чудовища; [5] мужественно; [6] здесь: терять сознание, «сомлевать»; [7] метки, изображения.

же ему во всем помогал опять со гнѣвом, и тѣх тако же раздра. И тако другии врата проидоша и поидоша к третьѣм.

Егда же приидоша к третьим вратом, и узрѣша еще страшных два звѣря и великих, тѣм имя Липфораве. Бѣ же на них шерсть яко на медвѣдех, да роги яко дияволи имѣли, а зубы черны яко конские, а уста у них велики, иже человѣка может проглотити. Тѣх звѣрей вся иные земские[1] звѣри боятся и морские, с ними же Брунцвик начат битися, и тако на Бога упование возложи, и бися с ними крѣпко тут, иже звук в затоках[2] морских слышати был. Но по грехом сталось, лев поостася[3], но Бог помилова его. Лев же прискочи и увиде Брунцвика биющася и собра лев всю силу свою и почал велми битися с ними и начал драти их наполы[4]. И тако им Бог поможе, иже всѣх лев раздра.

Тако проидоша трои врата и поидоша во град. Тут паки увидели много различного красования[5], а человѣка на нем не видѣша никакова. Не бѣ бо тут никакий человѣк, а злата и сребра и камения драгаго тут нѣсть числа, многое множество до изообилия, а иного никого не видеша. Егда же приидоша на королевскый двор и внидоша в полату, и узрѣ Брунцвик девицу Африку, велми красну, красна бо зело лицем, а руцѣ имѣя толко до пояса, имѣя два хвоста, сирѣчь хоботы два вмѣсто ног.

И егда она увидела Брунцвика, велми бо бѣ дороден молодец, и рече: «Молодцу милый, како сѣмо[6] пришел еси?» И начат дивитися сему и рече: «Повѣждь ми, како мог приити сѣмо?» И рече: «Африко милая ми, отецъ посла сѣмо, король Олибриус. А обещася мене пропустити сквозь желѣзная врата, аще тебѣ могу добыти». Девица же Африка рече: «Милый друже Брунцвик! Не мощно сего слышати глаголания. Аще бы еси ты и тысячи человѣк силы в собѣ имѣл силных и удалых, то бы тобѣ толко с тыми великими звѣрками битися, которых мимо шелъ еси, а не с здѣшними морскими потворами и звѣрскими розноличными потворами, сирѣчь с чюды морскими. Токмо скажи ми, милый Брунствиче, спят ли тые звѣри у первых и у других и у третьих врат, иже еси мимо прошел како?» Брунцвик рече: «Девице милая Африка! Скажу ти о том, — спят и будут спати долго». «А когда же спят, то, милый Брунцвиче, поди борзо из града бережно, чтобы тые звѣри не услышали, а отцу моему скажи, что здрава велми, а како меня он хоронил[7], за то ему бей челомъ». Брунцвик рече: «Милая ми девица Африка! Аще ли ми быти живу или умрети, в том ся воля Божия буди, а либо зло, а либо добро будет, а без тебя отсюду не иду».

Егда же то услыша Африка девица, и начат на него смотрити, и почала его велми целовати, и посади его подле собя, и обня его, и начат к нему с плачем глаголати, и рече: «Милый Брунцвиче! Когда уже не хощеши поити без мене отсюду, даю тебѣ перстень свой, да прошу у тебя того, — не забудь, колика[8] тебѣ

---

[1] обитающие на суше; [2] заливах, береговых изгибах, луках; [3] поотстал; [4] пополам; [5] красот; [6] сюда; [7] хранил, воспитывал; [8] когда.

страх какой-либо приидет или с ким битися станешь, не мешкаючи положи его на правый перстъ. Той бо перстень против 24 человѣкъ силы имѣет, а нечистые противу тому аще бы и сто перстнев имѣл, а против тому никако бо не мог стояти, и не токмо на единем, но и на всѣх аще бы по толику имѣл, никако бо не мог стояти против того. Отецъ мой нѣколико тысечей возложи на руки и иным дал наложити, хотячи мене отняти себѣ же, и не може ничтоже учинити. Како паки ты, един будучи, а хощеши мене добыти? О злый и невѣрный мой отче! Лутчи бы сам мене во своем царстве убил, нежели теперь такую великую жалобу[1] сотворил. Посмотр*и* бо и в*и*ждь, мой милый Брунцвиче, моих поясов златых, обвязаша бо мене двема хвосты гадовыми до пояса; а на всякий день до полудни, иногда же до вечера, мой василискъ, алюбо[2] драк, сиирѣчь змѣй, обвязывает мя тѣми хвостами гадьѣми, а целую паки ночь, а иногда до полудня чиста есми тѣлом без тых хвостов гадовых. А имѣет обычай, иже имѣет лежати со мною с полудня три годины[3], и лежит до темные ночи на моем лонѣ, а иного ничего со мною не дѣлает, толко для потешения имѣет мя. А ту буди ти вѣдомо, милый ми Брунцвиче, будет еще с полчаса не отойдешь от мене прочь, то ти горѣ и беда почнется».

Видячи же то Брунцвик и слышав от нея, и начат Богу молитися о помощи, дабы ему помоглъ против тѣх грозных и страшных речей[4]. И егда же прииде час той, тогда драк-василискъ начат подыматися в той своей скинии, алюбо в печери[5],* сиирѣчь в ложницы[6] своей, тогда потрясеся весь град. Тогда Африка рече: «Помни себѣ, Брунцвиче, не устрашайся и не ходи отсюду никуда. Уже бо приспѣ час попечению твоему, никогда бо такова страха не слыхал, не видал». В то бо время воста крикъ и пискъ, великий звук от гадов, иже бы коли четыре трубачи трубили велми силно, и от того бы писку и звуку не слыха*ть* бы того было трубения. И егда же поиде со всѣх стран многое множество гадов и ящериц великих и иных потв*о*ров ядовитых, хотячи Брунцвика убити, Брунцвик же начат им боронитися своим мечем, иже начат их по пятидесят единым ударом пресекати, и побивати их почат много, они же болше того, прибываше их. Инии бо толсти, яко бревно, а инии дьяволскими гласы кричаху. Брунцвик же того ничего не устрашися, ни убояся, с ними мужескы *бися* и бродяше до пояса в гаду[7].* Лев же их такожe *начат* торгати[8], начат з города метати яко окнами[9].

Видячи же то драк-василискъ, иже слуг его побивают, и разгнѣвася гнѣвом великим, хотячи месть сотворити, и покрылся златою коруною[10], и поиде ис пещеры своей, бѣ бо толстъ яко дрейлинкъ[11], сиирѣчь яко великая кафа[12] винная.* Имяше же 18 хвостов, сиѣрѣчь хоботов, иже бяху обножия гадская, остры же бяху, иже одным ударом может великое бревно пересѣчь. Теперь же убогий

[1] здесь: скорбь, горе; [2] или, либо; [3] часа; [4] здесь: дел, вещей; [5] пещере; [6] опочивальне; [7] здесь: в отраве, в яде; [8] рвать; [9] через окна; [10] короной; [11] как бочка; [12] бочка.

Брунцвик начат ужасатися велми, и начат тужити, и начат з драком битися. Драк же его бити начат и одолевати, к земли бо его часто преклоняет, многажды бо Брунцвик на землю падая ниц, а лев его заступати начат, з драком начат битися силне. Брунцвик такожe еще воста от нужи и от разу ко лву побежа на помощ, и тако друг другу помогаху велми силно. И бишася от нощные утренние зори до полудня, бися с ним, Брунцвик же бысть в крови. Брунцвик же уже еще едва с великою нуждою против василиска стояти може, бѣ бо уже устал. Видечи же то лев, что Брунцвикъ устал велми, падает на землю, и велми зжалися о Брунцвике, и крикнул велми, и почал крѣпко битися, и хвосты около его начат со гнѣвом великим рвати, и ободра его велми, и вси обножия его около его оборва. Брунцвик же еще с великих ран едва воста, и тако еще нача з драком битися, но не имѣя уже ничего в руках, чим боронитися, но поможе им Бог, и убиша драка-василиска, иже из него потекоша потоки кровавыи, яко ручѣй.

Когда же уже убиша драка, Брунцвик же от великих ран паде на земли яко мертвъ, ни слова не промолви, не може бо глаголати ни слова нимало. Лев же стоя над ним в жалости велицей, девица же Африка велми его жалостнѣ и смутнѣ[1], стоячи над ним, тужила. Лев же, вѣдая, что инако не может ничего сотворити, и побежа не мешкая з города и накопа корения и принесе во устѣх своих. Девица Африка учини ему водку[2] и в десяти днех исцели от ран. И вста и проглагола и рече: «Милая ми Африко! Видела еси, како есми про[3] тебя много зла претерпѣл, ныне же поѣдем ко отцу твоему». Она же объем его с радостию, начат целовати и рече: «О милый Брунствиче! Ныне хощу с тобою веселитися и радостно ѣхати ко отцу своему». И тако набраша много злата и сребра и камения самоцвѣтнаго и запасов всяких на много тысячей, и вседоша в корабль Брунцвикъ и девица Африка и лев с ними, и поѣхаша к королю Алибриусу.

И егда же приѣхаша ко граду, король же с великою радостию выѣха против их и против Брунцвика и против дочери своей Африке, изрекъ ему милостивое слово, рекучи: «Здрав буди, милый сыну мой Брунцвиче, а се тебѣ буди вѣдомо, что хощу дочь свою, девицу Африку, тебѣ в жену *дати*, и все свое богатство». Брунцвик же того велми не рад бѣ, но всегда мысляше, когда[4] бы Бог помог к своей земли доити.

И прилучися ему нѣкогда нѣ в который[5] час с тою своею женою Африкою на ночь лечи спати в старой полате науголной[6], и прииде к нѣкоей к старой полате, бѣ бо не заперта, и походи в ней и узрѣ мечь велми стародавной и без ножен, особь[7] лежащь. И взем его, начат осматривати, и усмотри, — ано[8] острый велми, угоден ему бысть. И снявши, взем, и положи его в ножни свои, а тот свой меч положи в тые ножни и остави его в полате, и поиде ис полаты ко Африки,

[1] печально, горестно; [2] травяную настойку; [3] за, ради, из-за; [4] если; [5] в некий, в некоторый; [6] угловой; [7] отдельно (от ножен); [8] ведь, ажно.

женѣ своей, и ляже подле ей. Потом же начат вопрошати женѣ своей, рече: «Повѣждь ми, милая моя Африка, какий то мечь был в той полате за замком?» Она же то слыша, что спрашивает о мечи, и умолча. И тако успоша[1]. Она же, востав рано, скоро сию замче[2] полату, замкнув за 9 замков, и пришед и легла за него подл*е* его, и рече: «Дивлюся сему, како еси ты тот мечь увидел, аже[3] много лѣт нихто не видал того меча; аще ли еси в*ѣдал*, что то*й* меч много силы имѣет, и ты бы тому подивился». И рече Брунцвик: «Милая ми Африко! Пов*ѣ*дай ми о той его силе, ты бо вѣдаешь силу его». И рече Африка: «Аще хощеши вѣдати о нем, скажу ти. Той бо мечь имѣет такову силу: когда бы т*ы* его вынял из ножен и рек: „Соими главу, 1, 20, 30, 100, 1000 глав!", скоро бы главы скакали долой». Брунцвик же тому посмеяся, а собѣ во умѣ внят.

Потом же нѣ в кое время случися одного часу, приидоша бо тые морские д*и*ва к ком*н*ате его, Брунцвик же досяг меч и хотѣл его извѣдати правды, может ли тако быти. И вынем из ножен и рече: «Сними главы тѣм!» И скоро в мгновении ока и поскочиша главы с тѣх потворов со всѣх, кои тут были. Он же, не мешкая, в море скоро вметал, и тако довѣся[4] правды. Потом же паки по нѣкоем часу в нѣкое время сяде со всѣми за столом, и вынемши меч свой Брунцвикъ и рече: «Сними, милый мечю, всѣм главы, потворам морским, и кралеве, и панам и паньям, и всѣм!» Скоро в мегновении ока поскакаша главы всѣм долой, Брунцвик же остася один со лвом. И тако приготови корабль, и набра многое множество злата и сребра и камения самоцвѣтнаго до изообилия своего, *за* много тысечей, и отомкне желѣзная врата, и сѣл со лвом в корабль, и набрал собѣ богатства, и поѣха оттоле на море.

И егда же опять по морю далеко плава*ше*, и прилучися ему мимо остров н*ѣкий*, иже именуем остров той Трипатрия. И услыша тамо трубение и бубенное играние и различное воспевание. Брунцвик же хотя отвѣдати, что тамо, какое играние, и поиде на остров тот. И егда же прииде тамо, и узрѣ многое множество на конех. Едини бо колют, а другии колибы дѣют, друзии тонцы водят,* и великое веселие у них бѣ. Брунцвик же, стоячи тут, начат дивитися. Пришедше един, Брунцвику рече: «О Брунствиче, како еси сѣмо пришел? Ту уже тебѣ тонцевати и с нами пребывати». И да Брунцвику руку и опали его огнем велми гораздно. Видячи то Брунцвикъ, и рече: «Мечю, снимай тому голову первому!» И скоро стася тако, и множеств*о* глав полети. Инии же начаша ему глаголати: «О Брунствиче! Тым то с наших рук не избудешь, будет с нами здѣ тонцевати и на тѣх конех ѣздѣти!» Понеже бо бяху ту Ашметове дияволи, тут мучилися. Видячи же то Брунцвик, что его понуждают, и добывши меч и рече: «Милый мечю, снимай с них главы долов[5] со всѣх!» Скоро в мегновении ока и нача главы скакати. И скоро паки и сяде в корабль со лвом, и поѣха оттоле прочь.

---

[1] уснули; [2] заперла, замкнула; [3] ведь; [4] дознался, доведался; [5] наземь.

И начат опять блудити[1] по морю, и блудил 15 недель, и начат тосковати велми. И узрѣ мѣсто велми свѣтяше бо от злата и от драгаго камения, иже бо по морю лучи исхождаху на 10 *ми*ль. Брунцвик же приста ко брегу и взыде на брегъ. Мѣсто же то нарицаемо Ейбатамис.* Не бѣ бо ту никакова человѣка. Брунцвик же начат дивитися и ходити из дому в дом, а вездѣ бо брашна до изобилия, и сто*ло*ве[2] стояху, и брашна многое множество напасе*но*. Он же удивися и рече: «Хто тут, людие ли или бѣсове?» Про*и*дѣ немногое время, и начат глас находити трубный и потом бубенный, потом же и горазно, и уже близ его велми трубят. И потом узрѣ: человѣкъ по человѣку начат показыватися, и потом узрѣ велие войско. Посредѣ *же* их король, именем Астриолов, тут бо человѣцы живут невѣдомцы, сиирѣчь помрачении[3]. Брунцвик же опять начат мыслити и рече в себѣ: «То уже недобрии человѣцы, начнут со мной дратися». И начат меж их ходити. Они же начаша глаголати ему, рекучи: «Брунствиче, д*и*тя, как еси сѣмо пришел, повѣдай нам!» Онъ же рече: «Вѣдаю бо вас, какие вы люди, но не боюся. Како есми сѣмо пришел, тако *и* пойду отсюду». Они же ухватиша его и ведоша ко Астри*о*лу, королю своему. Король же рече: «Хоще*ши* ли с нами здѣ быти, и ты обещайся[4] нам. Аще ли не хощеши, то велю тя на огненый конь посадити, и тако станешь и до веку горѣти».

И рече Брунцвик: «Невѣрный Астриоле! Гроз твоих не боюся, имѣю надежду на Бога своего, иже избави мя от великия печали и страхования и бѣд. Той же мя и здѣ избавит от тебе. А ты, злый *А*стри*о*ле, ты еси то выслужил, тебѣ тут жити будет и будеши». И рече *А*стриол: «Гордый еси мыслию Брунствиче, но гордостию своею не избудешь, мы бо укротим гордость твою». И повелѣ привести огненый конь. И егда же приведоша, и повелѣ его четырем человѣком взяти и посадити его на конь огненый. И прискочивше четверо, и хотѣша посадити на конь, и начаша с ним торгатися[5], и не могоша похватити его. Брунцвик же повыде из людей[6] и вынем мечь, рече: «Секи тым четырем главы!» И скоро главы скакаша, лев же их предра[7]. Видячи то Астриол, иже уб*и* тѣх четырех, и противится им, и кликнув: «Войско нам, войско!», иже обступиша с великим криком безчисленное множество, тысещами тысе*щь*. Брунцвикъ же рече: «Милый мечю, секи и тѣм главы скоро, 20 и 30 и 100 и 1000 глав!» Главы же скоро поскакаша, громот же поиде великий от глав тѣх, иже бы и земли потрястися. Видячи же то Астриол и рече: «Пощади, Брунствиче, *пощади* для Бога своего, а яз тобя хощу до твоей земли проводити, но токмо престани и не бей болши того». Тогда рече Брунствик: «Пощажу тя для своего Бога, учиню та*ко* не для тебе, токмо учини, что обещаешися без в*ся*кие кручины и беды и напасти со всѣм моим добром и мене со лвом до моей земли отвести». Корол*ь* же Астриол обещася тако сотворити.

---

[1] блуждать; [2] столы; [3] умалишенные, помраченные умом; [4] дай обет, поклянись остаться; [5] тягаться, возиться; [6] из толпы; [7] разорвал.

И егда же поѣхаша к царствующему граду и столному Праги, и приѣхаша в первое смеркание[1] в четвергъ. И повелѣ Брунцвику встати и остави его на розыгрании[2], сиѣрѣчь на поли, и со всѣм богатством его, что взял с собою ис тѣх градов, и сребра и злата и камения самоцвѣтнаго, и со лвом. Егда же узриша столный град Прагу, Брунцвик же возложи[3] на себя шату[4] пустелничь*ю*[5], сирѣчь платье каличье[6], и поиде во град, а лев за ним.

В то же время король Астрономос, тесть его, выдавал свою дочь, а его жену королевну Неомению за нѣкоего князя Асирского, именем К*ле*офа.* Бѣ бо уже минуло седмь лѣт, как уже не видала Брунцвика, ни знамения никакова, и отчаяшася Брунцвика. Довѣдавши же ся Брунцвикъ того, и поиде во град, а лев за ним. И прииде на двор королевский, и вниде в полату, и узрѣ свою кралевну. Бѣ бо она посажена с тѣм князем Клеофом за столом по чину королевскому. Он же возмутися в жалости велми, бѣ бо ему люба была, и начат ждати часу. Приспѣвшу время, егда хотяху стати из-за стола, и после стола принесоша пития красного[7], и начаша подавати по кубку златому, иже бѣша[8] в полате той, иным же из сребреных стоп. И усмотриша Брунцвика, что един стоит, и подаша ему кубец златый испити, а его не познаша, и достася ему тот златый кубець, из него *же* пил князь Клеофа с Неомениею кралевною. Брунцвик же, снявши перстень с руки своей Неомениин и положи его в той кубец златый, учинивши *и*м почестную[9] знать*бу*[10]. Идучи з города, написа тако над вороты: «Тот, которому уже седмь лѣт, как поиде из града сего, ныне же прииде и был в городе и на королевском дворѣ». И узриша таковое написание над враты, и начат молва быти во граде о том, хто б таков. Инии глаголаху сей, и инии иначе глаголаху, и бысть пря[11] велика. Кор*о*левна же Неомения узрѣ в златом купцы свой перстень и сохрани его, понеже узна, что Брунцвиков перстень, иже взят у ней для знамения. Повѣдашу отцу своему, и тако поиде слава о нем велия.

И не даша ему кралевны, он же начат быти смущен и повелѣ оседлати 30 коней, и сяде сам на конь, и повелѣ людем своим, 30 человѣкъ, с собою ѣхати. И тако погна за Бру*н*цвиком, и нагна его на пути, и хотѣ его убити. Видячи же то Брунцвикъ, и выняв меч и рече: «Сними с того жениха главу скоро и съ его слуг!» И тако полетѣ глава з жениха и со слуг его скоро, а лев расторгнул их, и кони их побегоша назад. Потом же Брунцвикъ поиде в нѣ*кий* град свой, ту его прияша, яко истый[12] бѣ князь их. И тако посла *по* паны своя, тогда пан*ы* его и рыцари с великою радостию ѣхаша ко истому государю своему и взяша в столный град Прагу и тако ѣхаша с ним честно[13].

И егда же приѣхаша близко столнаго града, тогда король Астр*оном*ос довѣся[14] подлинно, — истый то Брунцвик, выѣха далече и з дочерию своею на

[1] сумерки; [2] здесь: на границе, меже; [3] надел; [4] одежду; [5] пустынника, отшельника; [6] странника, паломника, калики перехожей; [7] дорогого, изысканного; [8] тем, кто был; [9] воздающую почесть; [10] примету, знак; [11] спор; [12] истинный; [13] с честью, с почестями; [14] дознался.

стрѣчю Брунцвику. И тако выѣхаша многое множество старых и младых из столнаго града Праги на стрѣчю государю своему, воздающе ему великую честь. И бысть в то время радость велия всей земли Ческой, что князь их добы лва. И тако с великою радостию въѣха в столный свой град Прагу, и начат веселитися, и сотвори пир велий на властей своих, и дари их дарми великими. И начат им повѣдати о пути своем, какие ему напасти были и бои с тѣми чюды морскими, повѣда им все по ряду. Кралевна же Неомения велми возвеселися о нем. И тако потом повелѣ Брунцвикъ во всѣх мѣстех своих славу свою пѣти и лва на знаменех[1] писати, на всяких королевских вещех, со единыя страны орла [2]на красной земли[2], а з другия страны лва сѣрого на черной земли.*

И тако поживе в своем царствѣ в велицей чести и радости 35 *лѣт*, и приживе единаго сына, и нарече имя ему Владислав. И пожив в старости дней своих, и тако преставися, и погребен бысть честно. Лев же паки по смерти его велми начат тужити по нем и тосковати, имѣючи к нему великую вѣру. И с тое великие тоски прииде на гробницу его, и велми воскрича, и паде мертвъ. И тако скончася левъ.

---

[1] на знаменах, хоругвях; [2—2] в красном поле.

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ ЗЛАТОВЛАСОМ

ПРИТЧА, ЯКО НЕВѢСТАМЪ-ДЕВИЦАМЪ И ЮНЫМЪ ВДОВИЦАМЪ, ХОТЯЩИМ ПОСЯГАТИ ЗАМУЖ, НЕ ДОВЛѢЕТЪ ЖЕНИХОВЪ СВОИХЪ ЗЛОСЛОВИТИ И ПРИСЛАННЫХЪ ОТ НИХЪ БЕЗЧЕСТИТЬ. ПОВѢСТЬ ТВОРИМЪ О ВАСИЛИИ КОРОЛЕВИЧѢ ЗЛАТОВЛАСОМ ЧЕШСКИЯ ЗЕМЛИ И О ПОЛИМЕСТРѢ ЕВО ПРЕКРАСНОЙ КРАЛЕВНѢ ФРАНЧЮЖСКОЙ

Бысть в древние лѣта в немецкихъ режах[1], в Ческой земли, во градѣ Прагѣ король именем Мстиславъ зѣло благонравен, и богатъ, и славенъ, и всякия добродѣтели исполненъ. И имѣя тот король сына именем Василия, еже есть сынъ его Василий зѣло добродѣленъ и прекрасен зѣло, а власы у него, аки злато, сияютъ. И такавыя ради красоты его прозва отецъ его Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияютъ. Королевичь же Василий Златовласый имѣя при себѣ отроковъ благоличныхъ во свои лѣта, сенаторских и рыцарских дѣтей, в великой чести.

И егда приспѣ ему время женитвѣ, и начат его отецъ, король Мстислав, искати ему невѣсты-девицы в жену, дабы была ему во всем подобна красотою и разумом, сыну ево Василию. Сынъ же его Василий королевичь зѣло желая сего, еже бы ему такову супружницу поняти[2], подобну себѣ красотою и мудростию, и начат спрашивать купеческихъ людей, которыя ѣздятъ по многим землямъ, и царством, и королевством, гдѣ кто знает ему подобну девицу красотою и разумомъ. И нѣкто от гостей[3] именем Василий: «Азъ, великий королевичь, знаю невѣсту тебѣ во Францыи у короля Карлуса, дщерь ево, девицу, прекрасную Полиместру, красотою лепше[4] тебя и разумом подобна тебѣ во всем».

Королевичь же Василий Златовласый, услыша от гостя такия слова, зѣло усумнѣся и возгорѣся сердцемъ своим, помышляя, како бы сию кралевну поняти. И шед ко отцу своему и рече ему: «Отче мой драгий Станислав! Твоего кралевскаго величества гость Василий повѣда ми о дщерии, кралевнѣ Полиместрѣ, короля Карлуса франчюжскаго, о красотѣ ея, яко она красотою лепше мене и разумом и премудростию подобна мнѣ. Молю тя, драгий мой отче, да пошлеши во Францыю поклисарей[5], сиирѣчь сватовъ, х королю Карлусу да дастъ за мя дщерь свою кралевну Полиместру». И рече ему отецъ его: «Милый мой сыне Василий! Не смѣю учинить сего, понеже Франчюжское королевство издав-

---

[1] странах, государствах; [2] взять замуж, жениться на ней; [3] из купцов; [4] лучше, превосходит; [5] послов.

на велико и славно, и честно, и богато, а наше кралевство пред нимъ мало, и убого, и неславно. И франчюжской король не дастъ за тя, лише срамоту приимешъ себѣ и мнѣ, и поклисарии наши бездѣлны[1] возвратятся». Тогда же кралевичь Василий вельми зѣло опечалися, и отецъ его, король, рекъ ему: «Сыне мой возлюбленный! О сем не печалуйся, какъ хощешъ чини по своей воли». Королевичь же Василий зѣло о семъ радостенъ бысть, яко отецъ его воли с него не снялъ, и отправя полномочных поклисарей, вдавъ им великия дары, и листъ написа х королю Карлусу с великими дарами и велѣлъ поднести королю Карлусу. А кралевнѣ, дщери его, прекрасной Полиместрѣ от кралевича Василия драгоцѣнную чашу, и подписавъ на днѣ чаши тоя, писание же сицево: «Кралевна государыни прекрасная Полиместра! Приими сию чашу и поди за меня, за кралевича Василия Златовласова». И написа х королю Карлусу з дарами и отпусти поклисарей тѣхъ.

И какъ поклисари града того доѣхаша, и поднесоша королю дары великия и кралевѣ ево, и вдаша ему грамоту, кралевнѣ же Полиместрѣ поднесоша златую чашу. И король, и кралева ево, и дщерь ихъ прекрасная кралевна Полиместра прияша у них дары честно. И кралевна Полиместра зря на дивное учреждение чаши и видѣвъ на днѣ чаши подпись, написано сицево: «Кралевна государыни прекрасная Полиместра! Сию чашу приими и поди за меня, за кралевича Василья Златовласова». И потом кралевна вельми гнѣва наполнися, и удари чашу о помостъ[2] и разшибѣ ея на мѣлкия штуки. И рекла выклад[3] сице: «Не тертъ де — не калачъ, не мят де — не ремень, не тот де сапогъ — не в ту де ногу обутъ, садитца де лычком к рѣмешку лицом, понять де хочетъ смердов сынъ кралевскую дщерь! Никогда де того не будет, еже смердову сыну кралевскую дщерь поняти». И изшедши поклисарии со гнѣвом от нея.

И какъ король Карлус великия дары принялъ и листъ от кралевича Василия, прочте тот листъ, а написано, чтобы отдалъ дщерь свою прекрасную кралевну Полиместру за него, кралевича Василия. И король вельми гнѣву наполнися и рече: «Чешския короли всегда бывают в поддании франчюжскихъ королей, и азъ бы де и злодѣй былъ дщери своей, и за подданнаго бы своего не далъ и срамоты бы такой себѣ не учинилъ». И отпусти поклисарей безчестных.

Поклисари же возвратишася посрамлени. И приѣхаша во свой град и сказаша Василью королевичю всѣ тѣ рѣчи подробно короля Карлуса и кралевны Полиместры поругание чаши и приговор ея. Кралевич же Василий великия печали исполнися, понеже поруганъ бысть от короля Карлуса, а наипаче того от *дщери* его, кралевны Полиместры. И рече отецъ ему король: «Чадо, азъ ти глаголахъ, что лише срамота приняти, а желания своего тебѣ не исполнити, и ты меня не послушалъ». И нача кралевичь Василий безпрестанно мыслити, како бы свой смѣхъ кралевнѣ Полиместрѣ и отцу ея, королю Карлусу, отмстити и кралевну Полиместру доступить. И надумався, и прииде ко отцу своему королю

---

[1] ни с чем; [2] пол; [3] ответ, пояснение.

Станиславу и рече ему: «Отче мой драгий! Поволь мнѣ, да ѣду азъ во Францыю самъ, еже бы мнѣ отмстити смѣхъ свой королю Карлусу и дщери ево, кралевнѣ Полиместрѣ». И рече ему отецъ: «Азъ же, чадо, нынѣ глаголю тебѣ — невозможно тебѣ ѣхать явочным лицем[1] во Францию, понеже срамоту приимеши и поруганъ от него отъѣдеши. Явочным лицем тебѣ самому ѣхати невозможно, боюся, дабы какия тебѣ недруги чево не учинили, либо от кого познан будеши».

И рече кралевичь Василий отцу своему: «Отче мой драгий! Аще прошения моего не исполниши, то смертию мя умориши». И рече ему отецъ его: «Драгий мой сыне! Азъ с тебя воли не снимаю, чини по своему намѣрению». Королевичь же Василий, слышавъ у отца своего такия рѣчи, вельми возрадовался, яко ему отецъ повелѣ ѣхати во Францыю. И потом приятъ у отца своего и у матери благословение, и учредив корабль, и взя с собою великия дары и всякия драгия вещи. И на томъ корабли повелѣ с собою ѣхати гостию Василию, которой ему прежде сего сказывалъ о красотѣ кралевны Полиместры. И взя с собою 30 отроковъ доброродныхъ, сенаторских и рыцарских дѣтей, и облече ихъ и себя в *матрозское* платье, и бысть на кораблѣ матрозами. А имена ихъ всѣхъ перемѣни и нача их всѣхъ называти Васильями; себя же учини гостю Василию рабомъ, протчих же 30 отроков — наемниками, и поѣха во Францыю.

И какъ приѣхаша во Францыю королевство, и присташа на брегу града. Егда же бысть во Францыи, и гость Василий повѣдати повелѣ о себѣ королю Карлусу, яко приѣде на кораблѣ гость Василий Чешския земли. И повѣдаша о немъ королю Карлусу, и повелѣ ему король пред себя быти. Гость же Василий взяв дары, и поиде х королю Карлусу з дары великими и поднесе королю. Король же Карлусъ за такия ево великия дары велми его почтилъ и посадилъ ево с собою за столъ хлѣба ясти.

Егда же гость Василий на обѣде с королемъ бесѣдоваше, тогда кралевичь Василий на кораблѣ начать в гусли играти от премудрости своея зѣло дивно, яко никто от человекъ иной тако не умѣет играти. И какъ заигра в гусли, то вси во градѣ и на дворѣ кралевскомъ танцовать стали. И сему король Карлус подивился, что пред нимъ люди тонцуют, и недоумѣваяся, что есть сие. И рече ему гость Василий: «Великий королю! О семъ не усомнѣвайся, для того люди во градѣ и пред тобою тонцуютъ, что рабъ мой Василий на кораблѣ в гусли играетъ». И рече ему король: «Любимый мой гостю! Повели ему да приидет сѣмо и да играет предо мною». И рече ему гость Василий: «Великий королю! Аще и раб мой, но азъ при твоем королевскомъ величествѣ повелѣвати не смѣю о семъ. Да будетъ воля твоя: аще тебѣ угодно, изволь по него самъ послать да придет сѣмо».

Король же Карлус посла на корабль по раба Василья гостя, чая его истиннаго раба гостю Василию. Король же Карлус посла отрока на корабль по раба гостя Василия. Посланный же пришед к нему на корабль и рече ему: «Пои-

[1] открыто.

ди пред короля Карлуса з гусьльми! Се же король повелѣлъ тебѣ итти». Он же посланнымъ отвѣща: «Рцыте королю, яко ни ево есмь рабъ и не слушаю его. Имамъ своего господина, аще он повелитъ, то да прииду». Посланныя же пришедше пред короля посрамленныи и рече ему, яко не идет «и тебя, государя, ни во что ставит и глаголетъ, яко не ево де рабъ и не слушаю его, имѣю де азъ своего государя, аще де он повелитъ, то де азъ поиду». И рече король гостю: «Василий, чесо ради рабъ твой не слушает меня? Повели ты да приидет сѣмо». И рече ему гость: «Великий королю! Азъ рекох ти, яко при тебѣ не смѣю повелѣвати да приидет сѣмо. Изволь ты по него самъ послати да придет сѣмо».

И король паки посла по него, вторицею. Королевичь же посланнымъ сказа то ж, яко: «Не кралевский рабъ и *не* слушаю короля, имѣю своего государя, аще повелитъ или пришлетъ знакъ, то иду пред короля». Посланныя же пришедше пред короля и сказаше ему, яко не идетъ «и тѣ ж слова намъ сказалъ, аще ли де повелит мой государь и пришлет знакъ, то де поиду пред короля». И рече король гостю: «Василий гость! Ты сам безчестишъ меня, яко „не раб мой и не слушаю короля"». Гость же Василий усумнѣся о семъ, снявъ перстень с своея руки и дастъ знакъ посланнымъ по Василья, раба своего, да приидет сѣмо. И посланныя пришедше к нему и рече ему: «Василий, гость твой, егоже ты нарицаешъ государем, посла нас по тебя и велѣл итти тебѣ пред короля, и се знакъ его — перстень». Рабъ же Василия гостя приимъ перстень государя своего и рече: «Азъ вѣрю сему знаку и поиду пред короля». И взя гусли и поиде пред короля.

И какъ пришед пред короля, и поклонися ему ниско, и ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабомъ стояти. Король же Карлус и кралева ево и вси предстоящии подивилися красотѣ лица его и благочинию. И рече король всѣмъ предстоящимъ ту, яко: «Аз великъ и славный король во всей земли, а такова у себя отрока не имѣю ни от сенаторскихъ, ни от рыцарскихъ дѣтей, яко сей есть гость Василий имѣет при себѣ такова раба». И рече отроку: «Василий, играй в гусли!» Он же рече: «Великий королю! Не твой рабъ и не слушаю тебя, имѣю у себя господина своего Василья. Что он повелитъ, то и сотворю!» И рече король гостю да повелит ему играти. Он же повелѣ ему играти.

Королевичь же Василий нача играти в гусли, и король и кралева ево и вси ту предстоящии начаша тонцовати. И кралевна прекрасная Полиместра из тайнаго мѣста зѣло игры ево смотрѣла и наипаче его похвалила. И глагола в себѣ: «У нас такова молотца умнаго в царствии нашем нѣту прекраснаго из сенаторскихъ и ис цысарскихъ дѣтей, какова гость Василий у себя имѣетъ раба». И сего вельми жалуетъ[1], еже бы он в королевстѣ у нихъ был. Кралевичь же Василий и паки удари в гусли — и король, и кралева его, и вси сущии с ним начаша крѣпко спати. Кралевна же прекрасная Полиместра вышед из комноты пред

[1] желает.

него и рече ему: «Играй, Василий!» Он же, увидѣвъ ея, зѣло возрадовася душею, яко такова прекрасна, како возвѣстилъ ему о ней гость Василей. И рече ей королевичь Василий: «Государыни прекрасная кралевна Полиместра! Изволь поити во свою комноту. Аще не изыдеши отсюду, не буду играти: батюшка твой пробудетца от сна и мати твоя и тебя ту узрятъ — и тогда ты срамоту приимешъ, а яз гнѣв прииму от батюшка твоего». И тако кралевна Полиместра изшед вонъ ис полаты. Он же паки заигра в гусли иную игру, и паки вси пробудишася: и король, и кралева ево от сна, и вси сущии ту. И рече король к нему: «Василий, играеши непригоже, впредки такъ не твори». И рече к нему королевич: «Великий королю! О семъ на мя гнѣву не подержи, яко тако умѣю играти».

И по семъ пришед кралевна отца своего и рече: «Отче мой драгий, молю тя! Многихъ ты имѣеши у себя сенаторских и рыцарских дѣтей, а такова молотца благочиннаго и разумнаго не имѣеши, якоже сей гостиной рабъ. Молю тя, батюшка, да купиши его себѣ в рабы, ежели он, гость Василий, продастъ его». Слышав же король Карлусъ от *дщери* своея и угодно бысть ему, понеже ему, королю, понравился королевичь и самому; и чаяли его истиннаго раба гостю Василью. И рече король гостю Василию: «Василей гость! Продай мнѣ сего раба!» И рече ему гость: «Великий королю! Дивлюся, государь, аз речению твоему, яко ты имѣешъ у себя сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей, доброродных отроковъ, а у меня торгуешъ сего отрока, токмо единаго у себя имѣю. И како мнѣ его продать, понеже он мнѣ вѣрен, и вся моя скарба и товары, которыя имам на кораблѣ, ему вручено». Король же, слыша от гостя такия слова о немъ, зѣло прилѣжно начат торговати.

И гость Василий, видя такое кралевское прилѣжание, рече тайно королевичю: «Великий мой королевичь! Повелишь ли себя продати? Король зѣло понуждаетъ мя». И рече ему королевичь: «Продавай, *гостю*! Сего бо зѣло душа моя желаетъ того». И тако уговоришася гость Василий с королевичемъ, и рече гость Василий королю: «Буди, государь великий королю, на твоей воли, токмо сей отрокъ дешево не продаетца». И рече ему король: «Дивлюся азъ тебѣ, гостю, что ты глаголеши — не продаетца дешево. Азъ бо король великъ, и честенъ, и богат, и славенъ, имамъ доволно сокровища. Аще что требуеши за него, дам ти». И рече ему гость Василий: «Великий королю! Молю тя о семъ: аще сего моего раба изволишъ купити, но имѣй над нимъ честь, чтоб ни в какие ево инныя работы не опредѣлить. За таким словомъ продаю его тебѣ, понеже сей отрокъ зѣло мнѣ самому угоденъ и вѣренъ, и благочиненъ, и отселѣ мнѣ таковаго раба не найти иного, что сей мой раб». И рече король: «Обѣщаюся тебѣ, Василий, Богомъ, что буду его имѣти вмѣсто сына роднаго. Только ему и будетъ работа, что тѣшить меня, играть в гусли, такожде и дщерь мою кралевну Полиместру».

И рече король: «Что за него возмешъ?» И рече гость Василий: «Цена сему отроку така: постави ево на златом коврѣ и осыпь ево всего з головы даже до ногъ червонцами златыми, то ему цена». И рече ему король: «Азъ много у

себя сокровище имѣю, токмо сего мнѣ не должно сотворити, еже раба нам такъ купити: на златѣ коврѣ поставити и златыми осыпати. И се от окрестных стран велию себѣ срамоту приняти, яко бутто во всем кралевствѣ своемъ таковаго раба не имѣю, и от своихъ подданных королей возненавиденъ имать буду». И рече: «Возми у меня злата и сребра за него, елико хощеши, а сего мнѣ учинити невозможно». И рече ему гость Василий: «Великий королю! Азъ не неволю тебя, государь, купити его, мнѣ истинно он самому угоденъ и надобенъ. Да коли уже позволи воля твоя, а мнѣ инако сего не на что учинити». И король всякия рѣчи много говорилъ и *бысть* тако. И повелѣ принести златый коверъ и повелѣ отрока поставити на немъ и осыпати его златыми зъ головы до ногъ. Онъ же поставленъ бысть на златом коврѣ и осыпанъ златыми червонцами. Гость же Василий отдаде кралевича Василия королю Карлусу, а червонцы у него принелъ и златый коверъ и поиде на корабль свой.

Королевичь *же* Василий нача жити у короля Карлуса во благочестии и в добродѣтели. Токмо ему и работа была, что тѣшить короля, в гусли играти, такожде и у прекрасной его дщери кралевны Полиместры. Но нѣ в кое время рече королевичь Василий королю Карлусу: «Великий королю Карлусе! Исполни мое прошение, раба твоего Васки гусельника, повели, государь, дать мнѣ мѣстечько, гдѣ бы мнѣ жити, чтоб близ твоего кралевского двора построить дворенцо себѣ. Для того, государь: изволишь пред своим кралевским величеством играти в гусли, чтоб скоро приитти к твоему величеству». Король же Карлусъ послуша его прошения и даде ему мѣсто на строение двора его близ своего двора кралевскаго, токмо[1] чрез едину улицу дворъ построить; *на* строение двора того десять тысящь златых червонцов.

Он же, кралевичь, взя у короля златые и поклонися ему до земли, и прибавилъ к тому своих множество и нача двор свой строити, полаты каменныя. И в скорых числѣх построилъ дворъ свой, что вси удивилися таковому строению и украшению полат тѣхъ, и кралевских во всем лутче полатъ. И построилъ едину полату, гдѣ [2]опочинъ ему держати[2], из стеколъ зеркалных и мостъ[3] из стекол же зеркалныхъ, а в ней устроилъ и кровать себѣ из стекол же зеркалныхъ, лутче кровати кралевския, и покры мостъ в спалнѣ сукном краснымъ[4] кармазинным. И украси такъ домъ свой многим красованиемъ, что всему кралевству в подивление, и скарбы свои всѣ в него постави и тритцеть отроковъ своихъ *доброродныхъ* матрозовъ, которыхъ взялъ из Чешской земли Васильевы, сенаторскихъ и рыцарскихъ дѣтей. Гостю же Василию повелѣ на кораблѣ быти до времени уреченнаго и корабль не велѣлъ отпущати.

Сам же кралевичь по вся дни хождаше х королю Карлусу и ко прекрасной кралевнѣ Полиместрѣ играти в гусли и тѣшити ихъ. И за ту свою игру былъ в великой чести, и любили ево король и кралева зѣло вельми, а наипаче жалова-

---

[1] только; [2—2] спать, почивать; [3] пол; [4] красивым, дорогим.

ла его кралевна Полиместра. И не по многих же днех в нѣкое время кралевичь Василий игралъ пред королем в гусли и, отигра у короля, поиде х кралевнѣ Полиместрѣ играти в гусли на вечерю. Кралевна же Полиместра, видя его красоту и благолѣпие, начатъ сумнѣватися о нем и мысля в себѣ: «Никакъ он не простаго роду, но большаго». И начат его поити, дабы ево из ума вывести, чтоб он сказалъ про род свой. Королевичь же Василий начат пити у нея, а иное и тайно лити, и в нѣкое время прикинулся, яко пьянъ, и рече: «Государыни кралевна Полиместра! Уже гораздо поздно стало, азъ же зѣло пьянъ и не могу до двора своего доити, боюсь, дабы мнѣ не розбити гусли. Молю тя, прекрасная кралевна, повелиши мя проводити до двора моего и донести гусли за мною». Кралевна же никого при себѣ не имѣла от мужескаго полу окромѣ прекрасныхъ девицъ добродных, и рече единой из девицъ: «Шед, девица, проводи Василия гуселника, дондеже[1] с крыльца соидетъ».

Кралевичь же поклонися кралевнѣ и пошед от нея к своему дому с провожатою девицею, шатаяся, яко пьянъ гораздо. Девица же за ним понесе гусли и, егда сшед с крыльца, нача ему та девица отдавати гусли. Он же рече ей: «Молю тя, прекрасная девица, донеси, пожалуй, до вратъ кралевскаго двора! Азъ бо не могу нести, понеже зѣло пьянъ». Девица же донесе до врат кралевскихъ, нача ему гусли отдавати, он же рече ей: «Молю тя, госпоже девица, пожалуй, донеси до моего двора. Ей, не могу нести и тако[2] прииму у тебя». Девица же пришед з гусльми къ ево двору и начат ему гусли отдавати. Он же удари во врата свои, и выбѣжали к нему всѣ тридесять отроков, хотяху его приняти, он же рече им: «Не принимайте мене, но приимите сию госпожю девицу». Девица же начат сумнѣватися, он же к ней рече: «Госпоже прекрасная девица! Не опасайся, азъ бо рад чтити тя за такую благость твою, что ты за мною донесла гусли, и худаго от мене тебѣ ничего не учиню».

Отроки же прияша ю честно и введоша в полату за королевичемъ. Королевичь же Василий рече: «Госпоже прекрасная девица! Тако азъ пожалован у государя своего, короля Карлуса. Смотри моего дому и полатъ, каковы построены милостию своего государя за малые дни, и колико себѣ приялъ рабовъ». И взя ея за руку и начат по полатам водити и показовати красование[3] полатное и скарбы своя. И введе ю в ту полату, в которой самъ опочиваетъ, и скрывъ сундукъ и показа ей вся сокровища своя, токмо единаго полу хрусталнаго не показа ей под закрытием сукна. Девица же видѣв полатное красование и нача дивитися, и рече в себѣ: «Откуду таково красование и строение полат взято и за какия малыя дни устроено, яко и у самого короля таковаго строения нѣтъ?» А наипаче кровати ево дивовалася, яко учреждено по кралевскии, а не по рабскии — знатно[4], что он не простаго роду. Он же вынявъ изо чпага[5] перстень златый и дарова девицѣ, и рече: «Челом бью тебѣ, прекрасная девица, симъ перснем за твою ра-

[1] как только, пока; [2] там; [3] украшение; [4] видно, понятно; [5] из кармана.

боту, что изволила меня проводити до двора моего». И изшед ис тое полаты и поведе ю в столовую полату, и нача ея чествовати всякими разными пойлы[1]. Потом проводи ея самъ честно до двора кралевскаго.

Девица же прииде ко кралевнѣ, и рече ей кралевна: «Почто ты такия часы медлила?» И рече ей девица: «Виновна, государыни, азъ пред тобою, прекрасная кралевна. Какъ изволила ты меня послати провожать Василья гуселника и нести за нимъ гусли, и азъ за ним тѣ гусли несла до крылца. И сошла я с крыльца и стала ему отдавать гусли, и он мнѣ бил челом, чтоб донести до его врат, что вельми, государыни, пьянъ. И я до двора ево дошла за нимъ з гусьми и стала ему отдавать, и он не принелъ и ударилъ во врата, и выбѣжали к нему 30 молотцовъ, зѣло доброзрачны, и хотяху его приняти честно. Он же рече им: „Не мене принимайте, но сию госпожю девицу, которая пожаловала меня, проводила и гусли за мною отнесла". Азъ же усумнѣлась от нево какова худа. Он же познав мя измѣнну лицем и рече ми: „Не опасайся, госпоже прекрасная девица, азъ тебѣ худа никакова не учиню, но за твою ласку[2] имам тя дарити". И тѣ, государыни, доброзрачныя отроки прияша мя честно. Азъ же егда вошла в полаты, он же прият мя за руку, начат меня по тѣмъ полатам водити и красование полатъ нача мнѣ показовати, такожде мнѣ и сокровище свое показалъ. Азъ же сему вельми дивовалась, яко таковаго строения и сокровищъ и у батюшки твоего не видала. А наипаче издивовалась той полатѣ, въ которой он опочин держит, построено вельми дивно из стеколъ зеркаловыхъ, и кровать в ней стоит не рабска, но *кралевская*. И знатно дѣло, что он не простаго роду. И милость отца твоего, великаго короля Карлуса, и твою милость зѣло блажит и похваляетъ, яко по вашей де милости домъ построилъ за малыя такие дни и слугъ доволно принялъ. И показал мнѣ вся своя сокровища, и потчивал доволно всякими разными пойлы, и даровалъ, государыни, мнѣ сий перстень златый, и проводилъ меня сам честно до кралевскаго двора». Кралевна же перстень той смотрила и вельми его любовала — зѣло здѣлан дивно. И тот перстень кралевна у девицы взяла себѣ и вздѣла на руку, и дала ей за тот перстень дватцеть червонцовъ.

Король же Карлус на утрие послалъ по Василья гусельника, чтобы пришелъ к нему в гусли играти. Кралевичь же Василий по присылкѣ от короля Карлуса прииде пред короля в гусли играти. И какъ королевичь сталъ в гусли играти, и рече к нему король: «Что еси рано[3] ко мнѣ не бывалъ?» Он же отвѣща королю: «Виновен есть, великий королю, пред тобою! Вчерашняго дня в вечеру поздно игралъ в гусли пред тобою и пред твоею дщерию, кралевною Полиместрою, и по милости вашей кралевской вельми пожалован, зѣло былъ пьянъ. И пришелъ домой, проспалъ долго. И во снѣ, государь, видѣл сонъ зѣло страшенъ». И рече ему король: «Скажи, Василий, сон свой! Что еси видѣль?» И рече Василий: «Кабы, государь, чрез твой кралевский двор шла еленя[4] зѣло изрядна и

[1] напитками; [2] помощь, услугу; [3] утром; [4] олениха.

пришла на мой дворишко. Азъ же даровалъ ей златый перстень и з двора спустилъ, она же паки пошла чрез твой кралевский дворъ. Молю тя, великий королю, да разсудиши сей мой сонъ». И рече ему король: «Василий, не ужасайся! Сонъ твой добръ есть, аще збудетца». Он же поклонися королю и нача играти в гусли.

И какъ пришелъ вечеръ, поиде играти ко кралевнѣ Полиместрѣ. И какъ стал пред нею в гусли играти, и стала кралевна на него зѣло прытко смотрѣти и думати, и видѣ его, что он не простаго роду. И стала ево поить, дабы ево из ума вывести. И сталъ королевич пити, а иное и тайно лити, и прикинулся, яко пьян бысть. И сталъ говорить: «Государыни прекрасная кралевна Полиместра! Уже поздно стало, а по вашей кралевской милости напился пьян. Прикажи, государыни, проводить меня и отнести за мною гусли и станок[1], боюся того, дабы мнѣ не розшибить, не могу, государыни, на ногах стоять». И кралевна послала иную прекрасную девицу: «Поди, девица, проводи Василья гуселника и снеси за ним гусли. Только с крыльца соиди и отдай ему гусли, а сама скоро ко мнѣ ходи!» И взя девица гусли и понесла за ним. И снесла та девица гусли с крыльца и стала ему отдавать, он же рече ей: «Госпоже прекрасная девица! Молю тя, пожалуй, донеси хотя до половины двора кралевскаго». И девица донесла до половины двора кралевскаго и стала ему отдавати гусли, он же рече ей: «Молю тя, прекрасная девица, пожалуй, донеси до вратъ моего двора, истинно не могу стояти на ногах». И девица видѣ его, что он пьянъ, и донесла до его двора и стала ему гусли отдавати: «Василей гуселникъ, возми гусли!» Он же удари во врата, и преждереченныя ж отроки выбѣжали приняти его честно. Он же рече им: «Не мене принимайте, но сию прекрасную девицу приимите честно!» Они же прияша ея честно и возведши ея в полаты.

Королевичь же почтивъ ея доволно, и взялъ ю за руку, и нача водити по полатам своим и казати ей вся своя сокровища, какъ и первой девицѣ. И девица зѣло дивовалася полатному украшению. И введе ю въ спальную полату, отомкнувъ ковчегъ, и вынелъ златую и драгоцѣнную чепь и даровалъ ей, девицѣ, тою златою чепью, юже кралевнѣ достойно носити. И назва ю себѣ сестрою, и нача с нею пити всякия разныя пития и веселитися, и много было с нею всякихъ речей. Девица же, видѣ дом его и отроки, служаща ему, зѣло дивовалася, а наипаче спалной ево полатѣ, гдѣ он опочин держит, и кроватѣ ево и сокровищам, яко и у самого короля нѣт того. И упоивъ ю доволно, и проводив сам ея честно до двора кралевскаго.

Девица же прииде пред кралевну и челом ударивъ. И рече ей кралевна: «Почто ты долго медлила?» Она же ей вся сказа подробно и рече: «Виновна есть аз пред тобою, государыни кралевна! Какъ изволила ты меня послати проводить Василья гуселника и нести за нимъ гусли, и азъ за ним тѣ гусли несла до крыльца и стала ему отдавати. И он у меня не принялъ и бил челом, чтоб донести до

[1] подставку.

двора ево, для того что он, государыни, пьян, не может на ногахъ своихъ стояти. И язъ, государыни, до двора ево гусли отнесла и стала ему отдавать гусли, и он у меня не принелъ и *ударил* во врата, и выбѣжали к нему тридесят отроковъ, доброродныя молотцы, и принимают его честно. Он же рече им: „Не мене принимайте, но сию прекрасную девицу!" И повели меня честно в полаты к нему. И видѣла я ево полаты, вельми украшены, и сокровище ево и дивовалася велми, что, государыни, такихъ полатъ и вещей драгоцѣнных и у *батюшки* твоего я не видала. И даровалъ, государыни, меня он чепью драгоцѣнною, яко и твоей милости носить не стыдно. Видѣвъ же я дом его, которой сказывал по вашей милости за малые дни построенъ, также и отроки ево, иже ему служат, вельми прекрасны молотцы. Истинно, государыни, глаголю, яко и у батюшки твоего нѣт. А наипаче, государыни, дивовалась спалной его полатѣ и кроватѣ, гдѣ он опочинъ держит, яко не по рабскии построено, но по королевскии. Знатно, что он, государыни, не простова роду. А то, государыни, все превзыде смирение его и благочиние, и учтивость, и рабом его предстоящим истинно, как у *батюшки* твоего предстоятъ». И все кралевнѣ подробно сказа. «Аще бы ты, государыни, изволила увѣдать сама и ты бы могла сему дивитися». И выняв златую чепь и поднесе кралевнѣ девица и рекла: «Изволь, государыни, сию чепь ты носити! Мнѣ сию чепь недостойно носити, вашему королевскому величеству достойно носити».

Кралевна же приняла у девицы чепь, зѣло дивовалася ей, яко зѣло учреждена. И возложи ю на себя, а девицѣ даде за ту чепь сорокъ червонцовъ. И рече к девицѣ: «Возможно ли мнѣ поити к нему и посмотрити его домъ?» Девица же ей рече: «Зачто, государыни, не мочно?» И рече кралевна: «Какъ же мнѣ, каким образомъ поити к нему, чтоб он меня не опозналъ?» И рече девица: «Изволь, государыни, во свое мѣсто посадити девицу, сама же провожать его поиди». И рече кралевна к девицѣ: «Да не прииму ли какова безчестия от него?» Девица же рече к ней: «Ни, государыни, истинно человекъ учтивый и смиренъ, и велию честь от него приимеши и подарокъ драгий». Она же, кралевна, тому рада бысть.

На утрие же Василей королевичь по присылкѣ от короля прииде пред него и поклонися ему честно. И рече к нему король: «Василий, что еси рано ко мнѣ не бывалъ?» Он же рече ему: «Великий королю! Виновен есмь пред тобою. Вчерашняго дни ввечеру поздно игралъ пред тобою в гусли и пожалован, и пред *дщерию* твоею, кралевною Полиместрою, також игралъ в гусли. И по милости вашей кралевской пожалован, зѣло былъ пьянъ, и пришед домой проспалъ долго. И во снѣ, государь, видѣлъ страшно, во всем подобно вчерашнему сну». И король рече: «Скажи, Василий, что еси видѣл во снѣ?» И рече королевичь: «Кабы, государь, чрез твой кралевский дворъ шла еленя, лепшии той елени во всемъ, иже в прежней нощи видѣл, зѣло изрядна и перешла на мой дворъ. Азъ же приялъ ю и возложи на ню златую чепь и з двора спустил, она же паки пошла чрез

твой кралевской дворъ. Молю тя, великий королю, да разсудиши сей мой сонъ!» И рече ему король: «Василий, не ужасайся! Сон бо твой добръ есть, аще збудетца». И нача играти в гусли доволно.

И какъ пришел вечеръ, поиде играти в гусли ко кралевнѣ Полиместрѣ. Кралевна же до его приходу учреди девицу во свое королевское платье (оная же девица подобна лицемъ кралевнѣ) и посадила тое девицу на свое кралевское мѣсто. Сама же возжела итти провожать королевича, а наипаче подарковъ желая хорошихъ от него. И ста з девицами оными и наказала ту девицу, чтоб ея нарядила провожать Василия гуселника. Кралевичь же у короля отыгравъ в гусли и, вечер пришед, х кралевнѣ поиде играти. И нача играти в гусли у кралевны и опозна ю, яко не кралевна сидитъ на мѣсте, кралевну же видѣ, яко предстоит с прочими девицами. И познавъ, яко провожать ево поидетъ, и о семъ зѣло возрадовася сердцемъ своимъ, яко желание ево совершается, и рекъ: «Хвала Богу!»

И стала девица, которая сидитъ вмѣсто кралевны, Василья гусельника поить и из ума ево выводить, чая его, что он не простой природы, и хотѣла ево из ума вывести. И он сталъ пить, а иное и тайно лить, и прикинулся, яко пьян, и рече: «Премилостивая моя государыни прекрасная кралевна Полиместра! Пожалуй, прикажи меня проводить до дворишка моего и гусли за мною отнести. Боюся того, чтоб мнѣ не розбить, понеже по милости вашей, батюшка твоего и тебя, государыни прекрасная кралевна Полиместра, зѣло пьянъ». Девица же, которая сидитъ вмѣсто кралевны, рече к девицамъ да идетъ едина от нихъ провожать Василия гуселника и отнести за ним гусли. Кралевна же, стоя з девицами, яко простая дѣвка, взяла гусли и понесла за кралевичем Васильем. Оная же девица приказала ей толко с крыльца снести и отдать ему гусли и скоро повелѣла ей быть.

И какъ кралевна с крыльца гусли снесла и начатъ размышляти, чтоб он ея не опозналъ, и стала ему гусли отдавати. Он же рече ей: «Молю тя, прекрасная девица, пожалуй, донести до моего дворишка». И рече ему кралевна: «Боюсь, умедлю и от кралевны государыни гнѣвъ прииму. Приими здѣ!» Он же рече ей: «Госпоже прекрасная девица! Да идеши до моего двора, имамъ тя дарити, якоже и прежнихъ девицъ». Она же рече ему: «Приими, Василий, гусли здѣ! Азъ дому твоего не желаю и во гнѣвѣ от кралевны не хощу». Он же признавъ, яко усумнѣваетца, и рече к ней: «Молю тя, прекрасная девица! Видишъ ты и сама, яко зѣло пьянъ бысть и не могу нести гусли. Донеси еще хотя до *половины* двора кралевскаго». И рече ему девица: «Не хощу, приими гусли!» Он же рече: «Не прииму!»

И потомъ донесла до половины двора кралевскаго и стала ему отдавать: «Василий, приими гусли!» Он же рече: «Не прииму! Донеси, пожалуй, прекрасная девица, до двора моего. Азъ есмь пьянъ, боюся разшибу гусли». — «Не хощу, приими здѣ!» Он же рече ей: «Не прииму здѣ! То мнѣ и честь, яко кралевская дщерь за слугою гусли несетъ и государыни рабу служит». Она же, услыша

от него такия рѣчи, яко познавъ ю, начат ужасатися и лице ея начатъ измѣнятися. И рече ему кралевна: «Азъ бо нѣсть кралевна, но простая дѣвка, токмо к тебѣ не иду, понеже рабу негоже государынею называешъ». И рече: «Приими, Василий, гусли!» Он же рече: «Не прииму! Неси за мною до двора моего!» Она же рече: «Приими гусли! Азъ кину на землю и разшибу!» Он же рече ей: «Аще кинеши, и аз закричю, и услышитъ отец твой, король, велию срамоту приимеши себѣ. Понеси за мною гусли безо всякаго опасения, имам бо тя, государыни кралевна, кралевскими дарми дарити».

Она же понесе за ним гусли, а сама во иступлении ума своего бысть и сама не вѣдая, что от него будет. И принесла ко вратам дому его, покушаяся ему гусли отдати, чтоб принялъ. Он же рече: «Не прииму! Аще закричю и отецъ твой, король, услышитъ и тогда посрамлена будеши». Он же ударивъ во врата, и выбѣжали к нему преждереченныя отроки, и принимаютъ его честно. Он же рече им: «Не мене принимайте, но сию гостью, иже ко мнѣ не звана пришла, юже душа моя желала того». Отроки же прияша ю честно и повѣдоша ю за *кралевичемъ* в полату. Кралевичь же Василий посадилъ ея честно с собою за столъ, нача ю поити всякими разными питии. Она же, аще и не хотяше пити, но волю его творила, пила, боялася поруговъ[1] его и *порывалася* от него до дому. Он же приимъ ю за руку, нача ю водити по полатам своим и рече ей: «Прекрасная государыни кралевна! Изволь, государыня, полатъ моихъ смотрѣть, что по вашей кралевской милости, государя моего и твоего батюшки, за малыя дни азъ построихъ и украсив ихъ». И показавъ ей вся своя сокровища. Она же хождаше с ним по полатам, а сама внѣ ума своего.

И введе ю в полату спалную, иже от зѣркалъ устроена, и снявъ сукно с стеклянаго полу и рече ей: «Изволь, государыни кралевна, мою спалну полату видѣть». Повеле отрокомъ своим изыти из полаты тоя, а полату замкнувъ на крюкъ, и снявъ с нее кралевское платье и срачицу[2] и обнаживъ ю донага. И взялъ плѣть-нагайку и нача ю бити по бѣлому тѣлу и приговаривати: «Вотъ тебѣ не тертъ — не калачь, не мятъ — не ремень, не тот де сапогъ не в ту де ногу обутъ, садитца де лычько к рѣмѣшку лицомъ, а хощет де смердей сынъ кралевскую дщерь понять. А нынѣ де кралевская дочь и сама к смердову сыну пришла!» Кралевна же зѣло убилась об стекляной полъ, понеже зѣло гладко и кольско[3] и не мочно удержатися, еже бы не упасть ей. И познавъ кралевна по тѣмъ ево словам, яко он — кралевичь Василий Златовласов. Сама начатъ его молити: «О великий мой государь прекрасный кралевичь Василий Златовласый! Помилуй мя, пусти душу на покаяние, остави вину мою! И аще тебѣ угодно, да буду тебѣ кралева».

Он же рече ей: «Нынѣ, страдница[4], познала мя, яко азъ — кралевичь Василий! А когда азъ ко отцу твоему и матери посылалъ полномочных поклисарей,

---

[1] брани, ругани; [2] сорочку; [3] скользко; [4] мужичка, безродная.

почто меня ругала и смердовым сыномъ называла и чашу мою, ругаяся мнѣ, всю в штуки розбила?» Она же рече: «Помилуй мя, государь мой, виновата бо есмь пред тобою! И к тому не буду, государь, не угодная творити и имамъ тя, своего государя, всегда любити и почитати, и во всем волю твою творити. Азъ, государь, сие учинила от безумия моего, не вѣдая тя таковаго прекраснаго и премудраго, аще бы знала, и язъ бы тогда воли твоей не пререковала». И рече ей кралевичь Василий: «Виждь, страдница, како мнѣ твои безумныя слова стали за досаду, яко доступя тя, своею волею отцу твоему продан бысть в рабы и рабъ былъ доволно время. А все то чинилъ да отмщу свое безчестие на тебѣ». Она же рече: «Великий королевичь Василий, мой государь Златовласый! Вина моя есть пред тобою и глава моя под мечь твой подлежитъ».

Он же бивъ ея много и потомъ отдалъ ей вину, и привѣствова словами, и цѣловав ю доволно. Потом повѣде ю на кровать свою, хотя ю разстлити. Она же начат плакатися и умилно к нему глаголати: «О великий королевичь Василий Златовласый! Ради самаго Бога, излиявшаго святую свою кровь за наше согрѣшение, остави сие творити, да не буду засрамлена во вѣки. И аще сие сотвориши, како тебѣ, государю, буду кралева? Обаче[1] реку: приими мечь и отсѣки мою главу, а таковаго безчестия мнѣ не твори!» Он же рече ей: «Аще сего не сотворю, не имаши мнѣ быти кралева и *не* поидеши за мене, понеже не есть отмщенъ смѣх твой». Она же рече: «Великий королевичь мой государь Василий Златовласый! И такъ видиши ты наготу мою». И рече: «И аще не поимеши мене, то во вѣки посрамлена буду». Он же небрегъ прошения ея, положив ю на кровать свою и растливъ дѣвство ея. И помышляя в себѣ, яко «по неволѣ будетъ ми жена».

Она же по сотворении сего со слезами рече: «Великий королевичь мой государь Василий Златовласый! Умилосердися надо мною, поими мя за себя. Аще сего не сотвориши, не терплю поругания сего, сама себя смерти предам. И о семъ дай ты мнѣ вѣрное свое слово, яко пояти тебѣ мене за себе». Он же рече ей: «Токмо я учинилъ за посмѣяние отца твоего и за посмѣхъ твой токмо поиму тя!» И вынявъ из ковчега златый вѣнокъ и драгий, устроенный з драгоцѣнными камении, и дарова ей. И велѣлъ облачитися ей во свою кралевскую одежду и отпусти ея от себе. И велѣлъ честно проводити ея до дому ея.

Сам же кралевич посла на корабль к гостю Василию. И какъ пришелъ гость Василий, он же сказа ему все подробно, что с кралевною чинилъ «и свое безчестие отмъстилъ и смѣхъ ея, понеже она, кралевна, в гостяхъ сама была у мене». И гость Василий зѣло тому удивился и возрадовася. И велѣлъ ему королевичь Василий изготовити к походу корабль немедленно и скарбы своя все переносити в корабль.

---

[1] но, лучше.

12 Зак. № 3610

О кралевнѣ. Кралевна же пришед въ домъ свой и показавъ девицамъ подарокъ свой, драгий вѣнокъ. Девицы же смотриша тот вѣнокъ и похвалили и дивовалися оному вѣнку, яко у них в королевстѣ такова вѣнка нѣт. А что случилося над нею, и того не сказала имъ, девицамъ. И рече к ней девицы: «Великая государыни кралевна! Каковъ домъ ево?» Она же рече: «Зѣло хорошъ, яко и у батюшки моего такова дому нѣтъ и сокровищь таких. Токмо упоилъ меня зѣло, не могу азъ!» И связавъ голову свою и ляже на постелю свою.

Кралевичь же Василий на утрия по присылкѣ от короля пришед пред короля и поклонися ему честно. И рече ему король: «Василий, что скажешь вѣстей?» Он же рече ему: «Великий королю! Ничего вѣстей не знаю и от милости твоей, аще о чем изволишь мнѣ, рабу твоему, сказать, слышать желаю». Король же рече: «Скажи, Василий, что-нибудь!» Он же рече: «Великий королю! Видѣхъ азъ в нощи сей сонъ и мню, яко благъ есть. Изволь, великий королю, разсудити сей мой сонъ!» И рече ему король: «Скажи, Василий, сонъ свой». И рече королевичь Василий: «Кабы, государь, чрез твой кралевской дворъ шла лань златорогая и зѣло дивная. Азъ же ей воздивился. И пришла к моему дворишку. Азъ же ея поималъ, взялъ к себѣ и билъ доволно, и кожю с нея содралъ, и положилъ на главу ея златый вѣнокъ з драгими камении, и паки ю спустилъ от себя. Она же паки побѣжала чрез твой кралевский дворъ. И о семъ молю тя, великий королю, да разсудиши сей мой сон!» Король же рече ему: «Василий, сонъ твой благъ есть, аще збудетца». Сам же король во умъ себѣ взялъ, яко часто он видитъ сны, «а знатно нѣчто помышляет на мой кралевский двор».

Королевич же Василий поклонися королю ниско и поиде на подворье свое. И убрався со всѣм на корабль и написал листъ, имуще писание: «Великий королю Карлусъ! Вѣдомо тебѣ буди: азъ — не Василий гуселникъ и не рабъ гостю Василию, но Чешския земли королевичь Василий Златовласый! Былъ у тебя во Францыи в рабѣ образѣ, проданъ былъ и служилъ тебѣ рабомъ для отмщения поругания твоего и для дщери твоей, прекрасной кралевны Полиместры. Егда я посылалъ к тебѣ полномочныхъ поклисарей, дабы ты далъ дщерь свою в жену мнѣ, и ты не изволилъ отдать за меня в жену, и тогда твоя дщерь, кралевна, подарокъ мой, чашу мою златую, о землю розбила в мѣлкия штуки и называла она меня смердовым сыномъ. И за то она у меня в гостѣхъ была в домѣ моемъ — и поругана, и растлѣна, и билъ ея до воли своей, и спустиль ея з двора своего». И прибилъ тот листъ на вратѣхъ двора своего, двор же пустъ оставил и замче. Сам же со отроки и з гостем Василием и со всѣм своимъ имением, поднявъ парусы, побѣжал во свою землю Чешскую, в домъ свой.

На утрие же тот листъ людие читали на вратѣх, велми в недоумѣнии быша *о* таковѣй срамотѣ учиненой от королевича Василия. И отъяша тот листъ от вратъ, и принесоша х королю Карлусу, и повѣдаша о немъ, яко: «Ушелъ Василий гуселникъ на кораблѣ во свою землю Чешскую, токмо написа листъ и при-

бив ко вратом дому своего, нам же прочетшимъ тот листъ, и написа на немъ неподобно и безчестно. Мы же его отодраша от вратъ и принесохъ к тебѣ, великому королю». Король же тот листъ взя у нихъ и прочте, и покры лице свое дланию, и покивав главою своею, и сказа кралевѣ своей, и великия печали наполънилися. Потом пришед король Карлусъ с кралевою своею ко кралевнѣ и видя ю на постели лежащу, зѣло болящу. И рече ей король, отецъ ея: «Чесо ради тако болиши, дщи наша?» Она же начат отцу своему и матери болѣзнь сказывати, какую не имѣяше у себе. Отецъ же рече ей, яко да повѣдает им правду о своем случии, и много ея вопрошаху о семъ. И нача ей король, отец ея, глаголати к ней: «Како у королевича Василия была в дому и что он над тобою творилъ зло?» Она же, кралевна, повинися отцу своему и матери и сказа им вся подробно, какъ что было и что над нею чинил королевичь Василий. Они же о семъ вельми печальны быша.

И по нѣкоем времени нача кралевна отца своего и матерь молити: «Драгий мой отче! Изволь послати поклисарей в Чешскую землю к Василью королевичю да приѣдет сѣмо и поимет мя себѣ в жену, понеже он мнѣ обѣщася поняти мя себѣ в жену. Азъ же за иного ни за кого не хощу быти жена окромѣ его». Король же Карлус и кралева ево склонилися к молению ея.

О кралевичѣ Василии. Кралевичь же Василий приѣде в домъ свой, во свою Чешскую землю, ко отцу своему и матери в добромъ здоровье и бысть радость в дому ихъ. И повѣда Василий кралевичь отцу своему и матери все подробно, расказа им, какъ отмстилъ королю Карлусу и дщери ево, кралевнѣ Полиместрѣ, свой смѣхъ и безчестие и какъ что было, все им сказывал. Отецъ же его, король Станислав, и кралева ево о семъ велми радостни быша, яко сынъ ихъ, кралевичь Василий, здравъ приѣхалъ из Францыи и исполни свое желание и отмстилъ королю и дщери ево, кралевнѣ, смѣхъ ихъ. И гостя Василия за то зѣло пожаловалъ и вельми его одарилъ, и в совѣтехъ своихъ быти ему повелѣлъ за свое доброе услугование к сыну ихъ.

О королѣ Карлусѣ. Король же Карлус из Францыи в Чешскую землю присла поклисарей своих полномочныхъ х королевичю Василию с великими дары и листъ молити его да приѣдеть к нему во Францыю и поимет дщерь его, прекрасную кралевну Полиместру, себѣ в жены и с нею многия грады. Поклисари же приѣхали в Чешскую землю х королевичю Василию с великими дары и листъ вдаша ему. Королевичь же Василий дары у нихъ прия с честию и листъ прочте, и передралъ его надвое, и рече им: «Дивлюся азъ сему, яко кралевская дщерь за смердаго сына хощет посягнути! Почто было тогда ругати меня, когда я желал ея поняти в жену собѣ? Нынѣ же не хощу поняти, понеже смѣхъ свой над королем Карлусомъ и над *дщерию* ево отмщенъ *есть*». И отпусти поклисарей безчестных.

Поклисари же приѣхаша во Францыю и повѣдаша королю Карлусу слова королевича Василия, яко: «Не хощет дщери твоей, кралевны, поняти себѣ в жену и листъ твой надвое передра!» Король же Карлус великия печали с кралевою своею наполнилися, а наипаче того прекрасная кралевна Полиместра. И рече отцу своему кралевна: «Отче мой драгий и милостивый! Молю тя, пошли вторицею к нему, королевичю». Король же Карлус во второе посла х кралевичю Василию тѣх поклисарей с великими дары и листъ и обѣщевает ему полкоролевства своего с нею дати. Поклисари же приѣхаша во второе х кралевичю Василию с великими дары и поднесоша ему дары и листъ. Он же дары честно прия и листъ прочте. И передра его надвое, то же слово сказалъ поклисарем, якоже и прежде, что де не хощет ея поняти себѣ в жену, и отпусти поклисарей бездѣлны.

Поклисари же приѣхаша во Францыю х королю Карлусу и сказаша ему, яко: «Не хощет кралевич поняти вашея дщери, кралевны!» Король же наипаче того бысть печален и сказа дщери своей, яко: «Не хощет тя поняти себѣ в жену!» Кралевна же наипаче того запечалилася вельми и *рече* отцу своему: «Отче мой драгий! Молю тя, изволь третицею послати к нему тѣх же поклисарей с великими дары и листъ». И обѣщевает ему все свое Франчюское королевство по смерти своей ему отдати. Поклисари же приѣхаша к нему, королевичю, и вдаша ему великия дары и листъ. Королевичь же Василий дары у нихъ прия и листъ прочте, едва ко прошению его склонися и далъ слово свое тѣм поклисаремъ, что поняти дщерь его, прекрасную кралевну Полиместру, в жену себѣ. И отпусти поклисарей честно и з дары.

И потом, малу времени минувшу, прииде королевичь Василий ко отцу своему и матери и сказа им все подробно. Отецъ же его и мати воли с него не сняли и дали ему благословение. Королевичь же Василий убравъ себѣ корабль и взя с собою сокровище доволно, такожде взя сенатырей и рыцарей великих множество. И простяся со отцем своим и с материю и поѣде кораблемъ во Францыю к великому королю Карлусу поняти дщерь его, кралевну Полиместру, с великою славою.

Услышав же то король Карлусъ, что кралевичь Василий ѣдет к нему с великою славою, вельми радостенъ бысть, а наипаче того невѣста его, кралевна Полиместра. Встрѣте ево король Карлусъ далече от града с великою честию и радостию, приятъ его честно и радостно. И прощения у него король Карлус прося, у кралевича Василия, и потом друг з другом поцѣловастася, и потом приѣхаша во град. И по нѣколицѣх днех выда король Карлусъ за кралевича Василия дщерь свою, прекрасную кралевну Полиместру, и бысть бракъ честенъ и радость велия во градѣ Францыи. Королевичь же Василий начаша с кралевою своею Полиместрою жить вельми любезно и совѣтно.

И по нѣкоем времени минувшем тесть ево, король Карлус, умре, а приказа королевство свое все зятю своему, Василию королевичю. Василий же королевичь прият после тестя своего Франчюское королевство и бысть въ сей земли

король. И по днехъ нѣких и отецъ ево, король Станислав, умре же и с материю ево, и король Василий после отца своего Станислава бысть и в Чешской земли королем же. И обоими королевскими градами самодержавствуя и чествова подданыхъ своих держальцов, в великой чести имѣ. И потомъ поживе много лѣт и приживе с кралевою своею два сына: единому даде имя Карлус, тестя своего, а другому имя даде Александръ. И раздѣли им королевство свое: Александру даде Чешское королевство, дѣда своего, а Карлусу даде Франчюжское королевство. И тако пожиста с кралевою своею Полиместрою в старости глубоцѣ и преставистася.

Дѣти же их по смерти отца своего и матери самодержавствуя во своих градѣхъ, правяще добрѣ, и подданных своихъ велию им честь твориша так же, какъ и отецъ ихъ, король Василий Златовласый. И тако скончася повѣсть сия во вѣки. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

ПОВѢСТЬ ИЗРЯДНАЯ[1] О АППОЛОНѢ, ЦАРѢ ТИРСКОМЪ, И О СЛУЧАЯХЪ, И О БѢДАХЪ, И ПЕЧАЛѢХЪ В МИРѢ СЕМЪ, И ЯКО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИЕ БОЖИЕ НИКОГОЖЪ ОСТАВЛЯЕТЪ ДО КОНЦА ПОГИБНУТИ. НАЧАСЯЖЪ АНТИОХОМЪ ЦАРЕМЪ

Антиох — владѣтелны, и великосилный, и многословуты[2] це*с*арь греческий, иже глаголетца Великий,* понеже во Елладе и Сирии много царей премину, но сего внѣшних еллинских писаний премногу паче инѣх славляше, зане превозрастен[3] бѣ, и красен, и премудръ, и храбръ, — сей Антиох многими ратоборствы и мужественным одолѣнием множество царствъ пово*е*ва и в свою державу прия. Созда же и град в славу имене своего и нарече Антиохия Великая.* Имѣ же царицу зѣло премудрую и прекрасную, паче же жития добрых обычаев и ко всѣм человѣком милосердую. Прижит же от нея цесарь дщерь едину, толикою красотою сияющу, яко во вселенней таковѣй не обретатися.

Прилучи же ся прекрасной царице умрети, иже смертию своею велик*у*ю цесарю печаль наведе, изумление[4]; но имѣ утешение — дщерь, толикою сияющу красотою, яко никтоже непщева[5] рожденнѣ ей быти от земных. И егда цесарь Антиох от зельныя[6] своя печали вмале утешение прия, посла во вся страны своя державы и в окрестъная кралевства ко благоплеменным и благородным, да обрящут ему в жену подобну первей прекрасную дѣвицу. Посланни*и* же много искавше, не обрѣтоша и возвратившеся. И по сих паки посла, и третии, и возвратившеся, повѣдаша, яко нигдѣже таковыя не обретоша; и сим преболшую печаль наведоша и лютое недоумѣние[7].

И [8]в том стужении[8] впаде ему от диявола в сердце злая мысль о дщерине красотѣ и (понеже бѣ тогда безбожное время, сквернии бо идоли почитахуся, всии же творяху по воли своего сердца, скотцки лагодяще[9] своей плоти) тако убо нача ю любити, яко нимала времени возможе без нея пребыти. Не можетъ сия любовь таитися надолзе. Призвав цесарь к себѣ свою дщерь, сказа ей свою мысль не точию словесы, но и вещьми[10]. Цесаревна же, видя лукавую волю и злое смышление отца своего, рече ему: «Отче мой, неудобно[11] мысльми мятешися[12], отецъ убо еси ми,

---

[1] достойная, праведная; [2] прославленный; [3] высок росток; [4] безумие; [5] не полагал; [6] большой; [7] отчаяние; [8—8] в той печали; [9] угождающе; [10] поступками; [11] недостойно; [12] смущаешься.

како толиками злыми осквернити хощеши?» Слезы же от очию ея в словесех сих яко река течаху. Но отецъ, изумелый и неключимый[1], глаголет ей: «Аз убо забых сие, яко дщи ми еси, но всегда имѣю на мысли, яко жена еси моя». Рече ему цесаревна: «Отче мой, лутче ми не точию женою, ниже цесаревною слыти, нежели при твоей воли быти. Аще же волю свою сотвориши, к тому живу не узриши». И сия рекши, отъиде от отца, рыдая и плача, хотя из царства избежати. Отецъ же, увѣдав, повелѣ стражи поставити. И по неколицех днех прииде к ней, нача *ю* тѣшити словесы и [2]приложи рещи[2]: «Сама вѣси, о дщи моя, яко без жены жити не могу. Подобной же матери не обретох, разве тебѣ». Рече ему цесаревна: «Отче мой, победитель убо был еси супостатом, како не можеши победити прилоги[3] страстей? Истинное храборство и мужественное одолѣние — еже владѣти собою и побеждати малые злые мысли, нежели великия грады. Буди, отче, самодержецъ сам себѣ, не даждь злой славѣ быти и повести[4] о себѣ». Рече же цесарь: «Изначала вмалѣ о сем рѣчь произыдет, егда же многими денми и лѣты объята будет, то уже никто о сем и воспомянет. О семъ *же ти* явственно покажю, иже сама узриши». И изыде же от нея и повелѣ премного драгих златых ковров и иных поставов[5] принести и в нощи той услати вси улицы града. Людие заутро видѣвше драгие вещи посланы, ни един же смѣя прикоснутися. Втораго же дни, видѣвше их небрегомых, начаша пѣши ходити, на третий же день и ездити. Прииде же цесарь ко дщери и рече к ней: «Всего свѣта краснѣйшая, се виждь извѣсно, како людие новому дивятца и много молвятъ, а егда многими времены приидет, уже слово то ни на паметь приимут». Рече ему с плачем цесаревна: «Отче, сию рѣчь, о нейже смущаешися, не точию по многом времени, но и в тысящу родов будут ю обновляти, повѣствующе. Вѣдай, отче, яко произволяю смерть, паче нежели срамны и скверны живот[6]». И сия рекши, отъиде. Во утрий же день иде в храм идолский богомъ жертву принести, да помогут ей тоя гнусости избежати. Егда же из храма в златоблещащемся одеянии цесаревна иде, к тому же приразися лучь солнца ко красотѣ лица ея, и такова благолична показася, недоумѣтелно бысть, кому и уподобити. В таковѣй красотѣ видя ю цесарь отецъ, таковым от врага желанием уязвися, яко от разгорѣния паде на землю и, егда бысть вечер, прииде в храмину, идѣже живяще цесаревна, и сотвори с нею дѣло беззакония силою. Цесаревна же нача горко рыдая плакати и вопити гласом великим. Приидоша же ближнии ея и увѣдаша о семъ, увещевающе ю сие таити, да не болши молва зла будет в людех. Но и по сем цесарь отецъ от зла не отста, но всегда волю свою исполнял.

Слышаще же окрестных царствъ царевичи и королевичи о красотѣ и благоличии дщери Антиоховы, мнози покусишася пояти ю себѣ. Но Антиох, хотя волю свою исполняти, не хотя ни за кого ю дати, и повелѣ провозвестити по землях и царствах: «Сие возвещает всѣмъ великий цесарь Антиох еллинский, яко дщери своя никому в жену не дам, токмо развѣ кто отгадает мое гадателст-

---

[1] недостойный, бесчестный; [2—2] добавил; [3] искушения; [4] молве; [5] тканей; [6] жизнь.

во; аще ли же не отгадает, повинен будет смерти». Слышаще же декрет, то есть извѣт цесарский, намѣрения своего престаша; но цесаревна толикия бѣ красоты, яко кто ея узрѣ, не постоит еже и смерть прияти. И мнози, покусившеся гадателство изъявити, вси обезглавлени быша; главы же их на распутиях на колах взотчении на страх прочим, хотящим гадателство предложити и не могущим. Инѣх жа во вратѣх повѣси с написанием таковым: «Всякий, жалаяй великого Антиоха прияти дщерь в жену, таковая постражет, яко покусивыйся несвойственному дѣлу». И тако много царевичев, и кралевичев, и княжеских детей живота гонзнуша[1].

Тогда Апполон, тирский краль,* слыша неизреченную пресияющую красоту цесаревны и неявленное умышление гадателства Антиоха и о еже всем мнози смертная пострадаша, нача помышляти в себѣ, глаголя: «Кто сам не отвѣдает, како неявленная увѣдает? Гряду и вижду красоту дѣвицы и услышу гадателство отца». Бѣ же Апполон премудръ зѣло, и благороден, и благочестен, паче же в рыцарских науках мужествен и храбръ. Сказа же сию рѣчь ближним своим, и [2]отрѣкоша ему[2], но Апполон не послуша их, ѣде во Антиохию [3]в великомъ уряжении воинства[3]. И егда прииде ко Антиоху, и рече: «Здрав буди, благополучный, счасливый, великий и пресилный цесарю Антиоше! Аз убо приидох видѣти и поклонитися честному благообразию твоему и слышати премудрость твою; паче же [4]аще волит благодать твоя[4], да [5] возъимѣю у тебѣ сродства любовь во имя сына[5], еже пояти в жену прекрасную дщерь твою». Антиох же, слышав сия, опустнѣ[6] и изменися лицем и рече: «Вѣси ли уставъ моего царства?» И рече Апполон: «Вѣм и зрѣх привисящих во вратех. Сего ради и приидох к твоему величеству, дабы твою премудрость сам слышал». И рече Антиох: «Мой декрет главу твою отсячет, но убо еси сынъ отца великаго, славнаго, желѣю же младости и доброты твоея; отъиди убо отсюду и ищи инаго приятелства». И рече Апполонъ: «Не буди ми паче тебѣ искати отца и дщери твоея жены, и не отъиду отсюд*у*, дондеже увѣм твое гадателство». Антиох же всякими образы и вещми[7] отсылая Апполона и не возможе и паки рече: «Возлюбленный Апполоне, дарую тебѣ тво*ю* глав*у*, точию сам ю соблюди, не истязуя[8] мое гадателство, отъиди». Апполон же отрече, яко хощет слышати и дщерь его в жену себѣ пояти. И рече Антиох: «Сие мое гадателство слыши: тѣло мое ям и кровь мою пию, сам ѣсмь зять себѣ. Отца дщерь жадает[9] и видѣти не улучает[10], жена мужа не видит и муж женѣ быти не может». Слышав же Апполон таковое гадателство, поддержа лице свое дланию, бысть бо яко во ужасе и рече ко Антиоху: «Цесарю великочесный, како ми повелиши сие твое гадателство изъявити — тайно ли или яве?» И Антиох: «Скажи, — рече, — яве». Апполон же нача извѣствовати[11] гадателст-

[1] лишились; [2—2] отговаривали его; [3—3] сопровождаемый богато снаряженной свитой; [4—4] если ты пожелаешь; [5—5] найду у себя родственную любовь как к сыну; [6] осунулся; [7] способами; [8] не требуя, не узнавая; [9] желает; [10] не получает; [11] извещать, возвещать.

во: «Великий цесарю, тѣло свое яси и кровь свою пиешь — се есть дѣло неприязненное твориши, яко со своею дщерию скверно дѣеши. Она бо от тѣла твоего и от крови, тако и зять еси себѣ, яко муж дщери своей. И дщерь отца имѣти желает и не улучает, яко мужа его имать, мужа быти желает и не имат я, отецъ еси ей и ты в мужа быти не имаши, яко отецъ, и кровь на кровь смесил еси». Слыша сия, Антиохъ возъярися люто презелным гнѣвом: «О Апполоне, главу свою погубил еси, яко гадателство мое по своей воле предложил еси, а не яже аз имам в моей мысли». И рече Апполон: «Великославный цесарю, вси сие мое извещение слышат, яко тако есть, но ты — праведный цесарю и правый судъ имаши; готов есмь к смерти». И рече Антиох: «Щажду твою юность и благородие честь, даю до утрия отречение смерти. Ты же о себѣ размысли и паки гадание мое разположи инѣм образом; аще ли же ни, главу твою повелю отъяти и тѣло псомъ предати».

Апполон же изыде от цесаря, размышляя в себѣ, како избыти смерти, — яко и гадание предложи, а смерти не убеже; и положи во умѣ бѣгьством избавление получити. И тайно наят корабль, и в первы сумрак, оставя кони, вниде со всѣми своими, нача в кораблѣ бежати. Заутра же сказа Антиоху, яко Апполон убеже. И рече Антиох: «Како может убежати, толикою дерзастию обесчестя нас, по своей воли предложив мое гадание?» И повелѣ учинити такову заповедь, яко аще кто жива ему Апполона приведет, дастъ 500 000 литръ злата, а кто главу принесет — 100 000 литръ. И таковую заповедь слыша, мнози поощришася сребролюбцы на поимание Апполона, не точию враги, но и друзи, желающе от Антиоха честь и дары великия прияти.

Апполон же прибеже в свой Тир* град, совѣтуя со своими и рече: «Не хощу себѣ ради и вас погубити, яко велий на мя Антиохов гнѣв излияся, но отъиду от васъ». Граждане же вси плачюща, воли его повинушася. Он же повелѣ корабль насыпати пшеницы, и многое множество взя с собою злата, и сребра, и драгоцѣнных вещей, и вниде в корабль, побеже спѣшно. Егда же Апполон отъиде, прииде в Тир от Антиоха [1]клевоща ему шепотник[1] именем Тарбата и нача вопрашивати о Апполоне, извѣствуя его себѣ друга и якобы хощет приятелство ему показати. Извещение же от граждан прием, отъиде.

Апполон же прибеже ко граду Тарсу* и нача ту во граде жити. Бысть же в той земли тогда глад велий, куповаху бо пшеницы мѣру по 8 златых. Апполон же откры корабль, повелѣ гражданом продавати пъшеницы мѣру по 8 пѣнязь.* По разпродании же пшеницы повелѣ и пенязи возвратити, дабы его купцем не звали; и град Тарсъ предобро и премудре устрои. Граждане же таковое благодѣтелство от Апполона приемше, отца его себѣ нарицаху и за толикую его милость на честь и славу образ[2] его посреди града поставиша.*

Нѣкогда же Апполону изшедшу из града и ходя по брегу моря, в то время нѣкто Елавик, его земли славный человѣкъ, ѣха по морю. Узрѣ жа Аппо-

[1—1] доносящий ему наушник; [2] скульптурное изображение.

лона, рече ему: «Здрав буди, Апполоне, кралю великий, извествую ти заповедь о тебѣ Антиохову, аще и под смертию запрещено». Апполон же рече: «Скажи, друже мой и брате, кая о мнѣ есть заповедь?» Елавикъ же рече: «Таковую заповедь о тебѣ преложи: аще кто тя жива приведет, дастъ ему 500 000 злата, аще же главу принесет — 100 000. Извѣствую же, яко и во граде имаши своем врагов многихъ, хотящих погубити тя». Апполон же дарова ему 500 000 злата, глаголя: «Между драгих всего сего свѣта дражая всего *здравие свое*. Ты же, яко хранитель живота моего, имѣй сие от мене, еже бы имѣти от Антиоха за невинную погибель мою». Елавик же не хотя прияти, глаголя: «Тебѣ паче должн*о* мнѣ есть что принести, яко странствовати и бѣгати хощеши». И рече Апполон: «Ты ми преболшая дарова, а от мене, еже даю ти, приими». Приемъ Елавик, отъиде.

По сем повелѣ Апполон пристроити корабль, хотя плыти к Пентополю.* Внида же в корабль и отплы. Егда же бѣ в мори десятию денми, воста вѣтръ противный с полунощи[1], возбуди же волнение морское, и тако море восколебася и возбурися, яко отъя и вѣтриницы[2], и древ*ие* прелома, и волнами море кораблем нача яко мечем играти. Прииде же преболшая волна, подъемъ корабль, опроверже и разорва его тако, яко ни едина доска со другою осталась, и вси людие истопоша, такоже злато, и сребро, и драгие вещи. Апполон же, объемся корабленые доски, нача ея держатися неослабно и плы на ней три дни и три нощи. Увидѣв же нѣкоего рыбаря, иже рыбу ловит, нача, елико силы имѣ, вопити: «О человѣче, умилосердися надо мною, помози послѣднея страждущу. Помилуй ниоткуду имущаго помощи, помози ми, утопающу». Рыбарь же немедленно приплы и взем его в свою ладиицу, приведе его в дом свой, предложи же ясти и по сем повелѣ поспати. Егда же Апполон воста от сна, рече ему рыбарь: «Вѣдай, человѣче, яко по суду морскому раб еси мнѣ, понеже тя от смерти избавих. Но Бог ми сего не дай, еже озлобити тя, ничтоже ми зла сотворша, но приказую ти и даю се рубище лежит; возьми и преодежися, и иди в корчму на игру, и ищи своего получения[3]. Аще ли же лучьши моего не сыщешь, прииди ко мнѣ, и аз всю мою нищету с тобою разделю». Апполон же, приодѣяся худыми рубищами, поклонися рыбарю умиленно, отъиде.

Прииде же во град, хотя итти в корчму. Тогда же в том граде земли тоя краль кипрский именем Алтистратес шумерскими с чады своими и велможи науками утешается.* Апполон же ста издалеча, игры смотряше. Егда же Алтистратес, играя мечем, из рукъ его испусти, тогда подскочи Апполон да подаде мечь благочинно. Краль же приим, поразумѣ о нем: «Не проста человѣка быти». И докончав игру, спрашивая о нем, кто есть таковый юноша, но никтоже зна его. Точию нѣцы сказаша, иже видяще его от рыбаря идуща. Призван же бысть рыбарь и, вопрошен, сказа токмо, како взя его от моря утопающа, а кто и каковый — не

[1] с севера; [2] паруса; [3] счастья.

вѣмъ, — рече. И сказаша сия кралю. Краль же рече: «Аще и не вѣмы его, откуду есть, обаче службы его ради, иже показа нам, дадите ему одеяние и приведите сѣмо, да вечеряетъ с нами». И бысть тако.

Обычай же имѣ краль, еже ему ясти со дщерию токмо единою, иже бысть велми прекрасная и отцу утешения по их обычаем в драгих танцоводительствах. Тогда срам велий той дѣвице, которая такова учения не имѣла. Но великаго роду дѣвицы токмо пред отцы танцоваху, и то не по многу. Тогда по повелѣнию отца прииде кралевна Лучница во драгом одеянии и нача отца утешати тако благочинно и весело, яко всѣмъ, оставя вечеряти, и дивитися красотѣ ея и играмъ. Точию Апполон на ню не возрелъ. Тогда [1]нѣкий сѣдяй[1] рече Апполону: «Како ти ся мнит о тонцах прекрасныя сея кралевны?» Апполон же точию главою помовая[2], ничтоже отвеща. Видѣв же сия кралевна, печална бысть зѣло. Рече же ей отецъ: «Прелюбезная моя дщи, проси от мене что хощеши, и дам ти». Она же, показав рукою на Опполона, рече: «Отче, докуду сего вижю, весела быти не могу, ниже что от тебе просити буду». Краль же начат ю вопрошати, что есть противу ея вина его. Она же рече: «Како, отче, не вина? Вси мя почтоша и похвалиша, сей же наругася мнѣ, посмеяся тонцованию моему». Краль же нача вопрошати Апполона, чего ради посмеялся кралевне, главою помовая. Рече же Апполон: «Кралю милостивый и великий, аз не кралевне ругаяся главою помовал. Она убо честна, благоразумна, благородна и прекрасна, но в тонцоводителствѣх ея *дивнаго* нѣсть, понеже сам аз премножа сего умѣю и болши изучил, нежели кралевна». И рече отецъ ко дщери: «Возлюбленная, никто того не отрѣет[3], кто что в самом себѣ имѣет. Тому не удивляйся, но повелим ему показати свою хитрость[4]». И повелѣ же.

Нача же Апполон тѣшити краля и кралевну. Восприем гусли, толико благостройно звецая и благогласно, яко изумѣтися всѣм и удивлятися. Потом нача тонцовати таково благохвално, яко всѣм председящим вопити: «Лутчи попремногу сей человѣкъ умѣет, нежели кралевна». Кралевна же видя, зѣло возревнова[5] учению Апполоню, дабы *ей* тѣх поступокъ и устроения[6] научи*ти*ся. И возлюби Апполона.

Пришедши ко отцу, кланяяся благочинно и молит отца, дабы *ей* предал Апполона во учителя. Кралю же дщерино прошение улюбися, повелѣ Апполона приписати к ближним своим велможам и храмы[7] на своем дворѣ особые ему дати. Восприим же Апполон кралевну Лучницу ко учению и учил со всяким прилежанием и скоро научи и наказа[8]. Не возрѣ же во весь той год пристрасно на ню, ниже она на него. Зѣло же возлюби краль Алтыстратес Апполона премудрости его ради и мужества; проувѣда же, яко бѣ и краль Тиру. Ноипаче же кралевна учителя своего возлюби.

---

[1]—[1] некто из сидящих; [2] покачав; [3] не отвергнет; [4] искусство; [5] позавидовала; [6] искусства; [7] жилище, дом; [8] наставил, научил.

По сем превеликих родов и отецъ чада приѣхаша ко кралевне приказыватися[1], понеже зѣло красна, и благородна, и премудра [2]въ елнинском наказании[2]. Но отецъ, краль Алтыстратес, не восхотѣ дати ни за кого, точию аще кого сама восхощет. И по многих приѣхаша два великия кралевичи во многом уряжении и многолюдстве. Краль же восписа листъ ко дщери: «Возлюбленная моя дщи, приѣхаша к нам нѣцыи благородны и благоплеменитии кралевичи, хотяще, кого от них благоволиши, прияти тя в жену. Аз же обещахся тебѣ, яко быти сему по воли твоей. И се вѣмъ, яко дѣвицам есть природный стыд, еже дерзновено о сем рещи. Ты же мнѣ отпиши намѣрение свое и назнамени имя того, егоже изволишь, не точию же сих приѣхавших, но нища ли или богата; нѣсть бо равна мнѣ в богатстве, нѣсть жа и убога, дабы его не обогатил».

Восприим же листъ кралевна от отца своего, прочет, розмышляя в себѣ, глаголет: «Естьли правд*у* отписать, срамота ми есть, аще ли же не отпишу — велику тщету[3] восприяти». Восприем же харатию[4] и трость[5], нача писати: «Отче мой предобрый, чадо премудрое веселит отца. Хощу, якоже годе[6] тебѣ, тако да будет. Обаче прошу, — и написа: Аппо...». Возрѣ же мати ея в писание, рече: «То како ты, безстыдная, хощеши благородство свое постыдити и нас? Славные и великих родов презираеши, а убогаго морскаго утопленика изволяеши». Рече же к матери кралевна: «Мати моя, [7]на моем сие изволени*и* лежит[7]. Не в богатстве любовь, ни во благоплеменстве, но в соизволении чесном и премудрости». И отшед от матери, написа: «Хощу за Апполона, аще ли же не тако, то за иного не посягну[8]». Тогда краль восприем от дщери листъ, прочет, приѣхавших изрядне учреди[9] и отпусти; и без всякого замедления учинил веселие, сочтал дщерь свою Апполону с великою кралевскою честию и со славою. И живяху житие любезное и прерадостное.

По пришествии же близгодищнаго времени нѣкогда поя Апполон Лучницу, жену свою, и идоша на брег морский. Тогда приплы корабль, на немже бѣ знамя тирское. Егда же Апполон знамя своея земли узрѣ, рече женѣ: «Се корабль из моея земли». Тогда корабленик, познав Апполона, возопи: «Здрав буди, великий нашъ государю, кралю Апполоне. Извѣствую ти, кралю великий: цесарь Антиох поражен бысть громом и со дщерию. Тебѣ же вси князи, и боляря, и вси велможи, и все государства возлюбиша, дабы был цесарь и государь великий. Нас убо послаша взыскати тя. Всии же ждут тя с веселием и со многим богатством Антиоховым прияти». И вышед ис корабля, подаде ему листъ от всея земли.

Прочет же Апполон листъ и прииде ко кралю Алтистратесу, тестю своему, сказа ему вся и листъ показа. И прочет, рече слезен: «[10]Двоя мя обыдоша[10]:

---

[1] свататься; [2—2] в эллинских науках; [3] потерю; [4] пергамен; [5] палочку для письма; [6] угодно; [7—7] этот выбор представлен мне; [8] не выйду замуж; [9] одарил; [10—10] два чувства меня охватили.

радостная и печалная. Радуюся о величестве чести твоея, яко вмале прежде явленна бысть, ныне же совершенно увѣдах, яко великий еси цесарь, и яко за такого благороднаго вдал есмь мою дщерь. Печаль же мя лютая угрызаетъ, яко хощеши нас оставити. Но молю тя, премени намѣрение свое. Се вручаю ти — прими кралевство мое». И рече Апполонъ: «Великий кралю, драгий мой отче, оставил царство мое неуправлено, того ради не могу сие сотворити, еже ми здѣ пребыти». И повелѣ устояти и украшати корабли.

Прииде же к женѣ своей, кралеве Лучнице, рече ей, показуя перстень: «Превозлюбленная и драгая моя жено, виждь и признавай сей перстень. Аз убо ѣду во свое отечество и царство. Мню же, яко кромѣ великих ратоборствъ не будет. Имѣй сей перстень в память любве нашея, поживи же у матери, дондеже по тя пришлю. Не вѣрь же ничему, токмо дай ми свой перстень, и аз его паки к тебѣ, дондеже время будет тебѣ быти, пришлю». Егда же кралевна Лучница сия услыша, бысть яко мертва, паде на землю. Егда же укрепися, горко рыдая, рече: «О презлое мое великое несчастие, что ми сие прилучение[1] принесе!» И рече кралю Апполону: «О возлюбленный, всего свѣта дражайши мнѣ, како мя хощеши немилостивно оставити! Аз же инаго утешения не имам, развѣ еже видѣти пресвѣтлое твое лицо. Сама убо изволих кроме всѣх за тя, с тобою хощу вездѣ быти. Аще ти будет радостная — купно возвеселимся, аще будеши в злополучии — купно претерпим. Готова есмь с тобою и умрети. Лутчи ми очима яже о тебѣ видѣти, нежели ушима слышати, яко болши прилогают[2], нежели бывают». Рече же к ней Апполон: «Предрагая моя жено, ты убо еси ныне непраздна, а приближается и рождение; моря же бѣд не вѣси, како немилостиво бывает и люто. Поял бых убо тя, но о сем ужасаюся». Она же к нему рече: «Свѣте очей моих, есть ли бы была милость твоя к немощи моей, изволил бы убо еси и из далних стран приѣхати ко мнѣ. Ныне же, не дав назрѣтися мнѣ на ся, в злолютых и скорбных оставляеши мя. Но не буди сего; аще ли же ни, то сама ся убию». Рече же Апполонъ: «Аще инако не может быти, неразлучно во отечествие мое шествуем». Вземше же у отца благословение и прощение, со множеством богатства вседоша в корабль и отплыша, везущеся к Тиру граду.

Егда же уже два месяца пловуще, тогда кралеве морский смрад и колебание внутренняя возмутиша; приближися же и рождению время, но еже по естеству от моря бѣд пременися, смертная страдаше и в премногих болѣзнях и страдании породи дщерь. Егда же породи, бысть яко мертва, [3]никоим же удом[3] подвижна, ниже дыхание в ней обрѣтеся, и вси ю непщеваху мертву. И бысть плач и вопль великий в корабли о ней, паче же всѣх Апполон же рыдая, плача, горко сокрушая свое сердце. Море же паче лютѣ возсвирѣпе, яко лев, и всѣм смертию прета. Кораблеництцы же чаяху кралевну мертву и того ради, моря прещение[4] извѣствующе, начаша Апполона молити, дабы даровал живот живым,

---

[1] случай; [2] прибавляют; [3—3] ни единым членом; [4] угрозу.

глаголюще: «Аще не извержеши ис корабля мертвеца, то вси [1]без года[1] погибнем. Море же не пременитца, рекуще, в тишину, дондеже из себе мертваго извергнетъ». Апполон же з горкими слезами глаголя им: «О любезныи моя братия, молю вас да пребудет тѣло в корабли, понеже благороднаго великаго отца дщи, а не проста человѣка». Они же излиха[2] вопияху, [3]воли его не попущающе[3].

Проразумѣ же Апполон, яко инако быти не может (зане море паче ярящеся, людие же ожесточевахуся), повелѣ лодицу, еже у корабля, честно украсити и тѣло любезные жены в драгое одеяние приоблещи, что ни имѣла с собою драгих утвореней[4], все на ню возложити, и повелѣ ю положити в лодиицу. Под главу же ея положи 2000 златых великих и листъ написа таковый: «Ты, кто сие тѣло найдеши, да вѣси, яко сия кралевна есть дщи краля великаго, о ней же премного слез пролияся и ныне есть печаль многим. Имат же под главою 2000 златых великих; возми убо себѣ, обрѣтси тѣло сие, а другую 1000 на погребение ея изждиви. Но молю, заклиная промыслом Божием, любочестно ю погреби, по царскому достоинству. Аще ли же кто обрящет, а не сотворит тако, да сотворит ему Богъ и сие да приложит: да не возъимет никоего добра во вѣки, дабы его нужда, беды, напасти всегда одержали, и никоеже его навеки *веселие* да постигнетъ, но да будет во вся дни своя в печали». И тако написав, положи написание в руку ея, обливаяся слезами над нею, сокрушаяся и лобзав любимаго мертвеца, *с* неутѣшным плачем и с превеликою жалостию по морю отпусти.

Тогда лодиицу волны восприемши, птичним летанием друга друзей пресылаху и в третий день ко граду Ефесу* у брега поставиша. Прилучи же ся нѣкоему града того дохтуру именем Тиримону того часа изъити на брег моря, и увиде лодиицу, повелѣ ю к себѣ привлещи. Когда же ю откры, узрѣ честную госпожю в драгоцѣнном одеянии лежащу, повелѣ ю изяти и в дом свой с честию нести. Егда же ю изяша из лодиицы, обрѣтошася под главою 2000 златых; узрѣ же в руку писание и прочетъ, рече: «Приемля сию на душу мою, и не едину токмо, якоже написано, в погребении ея истощу, но и другую. Себѣ же ничего взяти не хощу». И сия рекши, иде потребная погребению царскому купити.

В то же время прииде ученик его именем Силемон. И увѣдав, что в дому дохтурове творится, позрѣ же на тѣло, рече: «Таковаго мертвеца, якоже сей, никогдаже видѣх: лице не отменися[5], красота не пременися, очи не впадоша, нос не обострися, плоть не отерпѣ[6]. Истинно есть живот в ней, но нѣкая ю лютая немощъ омертвила». Посмотря же жил, рече: «О родителие, аще бысте мене у себе имѣли, не бысте любимаго мертвеца в море вовергли. И взем нѣкое составление, растворив, повелѣ на четырех столпах хладничекъ[7] поставити и тѣло наверху положити. Под хладничком же малый огнь складе и на огнь нѣкое корение *возложи*, да тѣло согрѣется. Тѣло же все мастьми помаза, потом балсамами

[1—1] безвременно; [2] очень сильно; [3—3] желанию его не уступая; [4] украшений; [5] не изменилось; [6] не отвердела; [7] вероятно, «кладничек» — помост.

драгими. Когда же позна, яко природа силу приемлет, учинил ей чихание. Егда же чьхну, тогда же хладничекъ весь потрясеся, и восприя духъ, разверзе очеса, едва проглагола: «Кто есть при мнѣ, не прикасайся до времени». Силемону же воздвиже ю, подав ей лехкое внутреннее лекарство, и бысть велми красна и здрава. Да не дивит же ся никто сей повести, истинною бо древних лѣтъ се бысть, и в писании еллинскихъ творцов обрѣтеся. Евреи же таковый обычай имяху: любезных своих родителей до трех дней не погребаху, дабы душа от великия немощи и безсилия не утаилася. И врачевские книги о сем извѣствуют.

Егда же иде, купив погребалная, дохтур Теримон, стрети его ученик его Селемонус. Прием же учителя под руку, приведе в храмину, идѣже бѣ кралевна, рече: «Зри, учителю, ейже строил еси погребалная, се жива есть». Дохтур же удивися, *глагола*: «Радуюся о величествѣ ума твоего и веселюся, яко *превзошел* еси во учении мене. Не мни, добрый ученичe, зависти ми наложити око, но благодарю тя, яко возмоглъ сия сотворити. И да не будет твой предобрый труд вотще. Сия убо великая госпожа имать злато и дарствует тебѣ за лекарство животополучное 1000 златых». И дадѣ ему 1000 златых, ихже прия с кралевою. Другую же 1000 положи кралеве и рече: «Радуйся, здрава будучи, великая кралева». Она же рече, слезящи: «Здрав буди и ты, живоподателю[1] мой, и приими мя, сиротствующую и вдовствующую, в чадо свое, яко есмь великачестна роду и царска жена. Что же ми бысть — не вѣм, и гдѣ возлюбленный супруг мой». Теримон же утешая ю словесы и различными повестми, она же неутѣшно рыдая.

Живши же ей ту многое время, дохтур же Теримон имѣ ю яко свою дщерь и нѣкогда помысли ей рещи, яко да посягнет идетъ замуж, и рече ей о семъ. Она же рече ему: «Отче мой, да вѣсть твоя любовь, яко завещахся пред Богомъ ждати моего государя, великого краля Апполона в чистотѣ. Мню бо его жива суща и о мнѣ люту печаль имуща. Аще ли же и в мертвых, не помышлю на се за величество славы его и любовь ко мнѣ». Слыша сия учитель Теримонус, с великою честию поклонися ей и упроси ю, еже стояти ей в болшей божнице вмѣсто богини или вмѣсто властелинии,* и кто ей будет служити, дабы в чистотѣ был; понеже в то время многобожие бысть и чистыя вдовы вмѣсто жрецев, се есть попов, употребляху. И тако Лучница целомудренная в божнице в великой чести пребывая, печалию же о Апполоне сокрушаяся и моля видѣти его.

Апполон же по лишении своея жены в жалости обещася дванадесять лѣт ис корабля не исходити, но искати возлюбленныя своея супруги. В та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завещася.* И повелѣ нѣкогда корабль направити ко граду Тарсу. Приплы же к нему, ста у прежде бывшего своего дому господина именемъ Стрегвила, имуща жену именем Деонизию, и отдаде има дщерь свою с великою жалостию. Даде же дщери вмѣсто матери

---

[1] спаситель.

нѣкую вдову именем Лигорию и много злата, и сребра, и драгих вещей, понеже в том граде воспитати ю умысли. Даде же имя дщери по имени града Тарсиса. И рече Стрелилу и женѣ его Дионизии со слезами: «Возлюбленнии мои и милостивии друзи, не имам на свѣте приятства, якоже ваше, и не иму вѣры никому, яко вам. Отдаю вам сие любезное единое чадо мое, послѣднее утешение мое. Молю вас, напомяните к себѣ любовь мою и милость, еже к вамъ имѣх и ко всему сему граду. Дайте ей милость и любовь отеческую у себе и сохранити ю, яко око свое». Они же приемши, такожде со слезами обещавшеся с клятвою чадо его с вѣрою хранити. Апполон же, плакав над чадом, лобзая, отъиде. Вшед же в корабль, нача жалостно по морю шествовати.

Тарсиса же кралевна нача в возрастъ приходити и со иными дѣвицами во училище ходити; и изучи всю еллинскую премудрость. Нѣкогда же прииде от учителя Тарсиса, мама[1] ея, Лигория, разболѣся к смерти. Сия видя, нача, горко рыдая, плакати. Лигория же нача ю вопрошати: «Вѣси ли, — рече, — чия еси ты дщи?» Тарсиса же рече: «Странвила и Дионизия». Лигория же: «Нѣсть, — рече, — сей твой ни отецъ, ни мати. Ты еси благороднаго отца дщи, великаго краля Апполона Тирскаго. Мати же твоя бысть дщи краля кипръскаго кралева Лучница. Родив же тя, предана морю. Здѣ же ты дана отцем воспитати. Отецъ же твои, ища матери твоей, странствует по морю». И сия известивши, Лигория умре. Тогда Тарсиса нача горко рыдати отца своего, и матери, и добрыя своея мамы. И по мнозем неутѣшном плачю погребе ю и положи себѣ завѣт: входя и изходя от училища, над гробом ея плакати. И тако всегда, шествуя во училище, такожде и изходя, рыдая, плача над гробом Лигории, на море же зря, — по матери и, помышляя странствие, — по отцѣ. И тако всегда в сокрушении бѣ и печали.

Прилучи же ся Дионизии нѣкогда итти из божницы. Дщи же ея Филамацѣя пред нею в драгом одеянии грядяше, Тарсия же за ними яко служебница[2] идяше. Видѣвше же людие, начаша глаголати: «Сия аще и не здѣ родися, но зѣло учтива и благообразна, а óна аще и предшествует, и украшена, обаче нѣсть достойна тоя чести». Услыша сия Дионизия, зѣло опустнѣ и опечалися, слыша безчестие своея дщери, и нача помышляти, како бы кралеву Тарсису смерти предати, дабы дщери безчестия не слышати. К тому имѣ же нѣкого раба на селѣ своем именем Феофила. Призва же его и рече ему: «Феофиле, слышахом о тебѣ много зла, яко мужа моего добра крадеши, к тому же покушаешися отравити нас, а дщерь нашу пояти и домом нашимъ завладѣти. Но муж мой тебѣ прежде к смерти предастъ, нежели мы от тебе постраждем, — хощет тя предати нѣкоему мучителю». Он же нача ротитися[3] и клятися, яко никоего зла ниже сотворил, ниже помыслил. Рече же Дионизия: «И*на*ко не будет, но аще хощеши смерти избыти, иди и убий Тарсису. Имать бо нрав: прежде бо ни ястъ, ни пиет, но ходит

---

[1] кормилица; [2] служанка; [3] клясться.

во гробища плакати своея воспитѣвшия. Ты же тамо предварив, утаися и уби ея. А когда тако сотвориши, испрошу ти свободу». Феофил же, бояся смерти, воли господыни повинуся.

Егда же улучи время, иде и утаися между гробищъ. Егда же Тарсиса прииде, нача плакати и случшаяся оглаголавати, узрѣв ея, ужасеся зѣло и рече в себѣ со слезами: «О злосчастный и бѣдный рабе, в кий час ты родися, яко в таково зло вдан бысть! О стужение злое и печали полное, како ми и за кую вину убити такову дѣвицу прекрасную, благородную и благоумную и пролити кровь неповинную?» Егда же плака и розмысля, яко инако невозможно ему сотворити, и, скочив, удари ю о землю и изем мечь, хотѣ ю подкнути, — дѣвица же Тарсиса нача Феофила молити тихими словесы девичьи нравы з горкими слезами: «Повѣждь ми, о человѣче, за кую вину аз, бѣдная, таковой смерти достойна, ничтоже есмь сотворила, ниже тя знаю». Он же рече: «Тогда ти извещу, егда главу твою отъиму». Она же паки рече: «О человѣче, убойся великаго Бога пролияти кровь без вины дѣвицы, иже без отмщения не будет». Он же рече, плача: «Ты ми никоего зла не точию сотворила, ниже тя аз знаю, но слышах, яко отецъ твой вда с тобою, у нихже живеши, много злата, того ради повелено ми убити тя под казнию главною, дабы злато по тебѣ у тѣх совершено было всегда». Она же рече: «Молю тя, аще инако быти не может, даждь ми малое время плакати своея [1]матери и приставнице[1] моей милой». Феофил же рече: «Плачи, и вѣждь: аз убо сия творю не волею моею». Егда же Тарсиса нача плакати неутѣшными и горкими слезами, тогда по прилучию подъѣхаша разбойницы по морю и вышедши на брег и седяще. Увидѣвше же мужа стояща и мечь држаща, крикнуша, скочивше. Феофил же, узрѣв человѣковъ, побеже, и утече. И притече в дом, сказа злѣй своей господыне, яко уби Тарсису. Разбойницы же вземше ю, привезоша ко нѣкоему граду, рекомому Мельхину,* и между иными куплями посадиша ю продати.

Прииде же блудницам началный и корчьмит купити Тарсису у разбойников, даде за ню 50 златых, введе же ю в дом свой и причта ко скверным дѣвицам нечистаго ради своего и злаго прибыточества. Тарсиса же, видя прелютое зло над собою, нача, рыдая, горко плакати и глаголати: «О Боже, Боже мой, како мя прегоркую и злосчастную в злых моих оставилъ еси? О случаю злополучный, немилостивый, како на мя испустил еси своя стрѣлы и злосердым копием пробол еси мое сердце? О Боже, сие ми бысть за еже *есмь* паче всѣх согрешила, обаче нѣсть во мнѣ, ни в помыслѣ моем никоего зла хотѣния, точию молитва и книжное прочитание. Почто ми, Боже мой, родитися попустил и родившуюся почто с материю моею в море не ввергоша мя? О Феофиле, был еси ми страшен, обаче прелюбезен бы был, егда бы главу мою отъялъ. Лутчи ми, окаяннѣй, злая смерть, неже скверный и срамный живот![2]» Узрѣвши же купившаго ю начални-

[1—1] кормилицы и воспитательницы; [2] жизнь.

ка блудницъ, паде к ногама его, плача и моля, дабы на чистоту ея не поощрелся и дѣвство ея при ней оставил, и честь кролевского чада не обругал. Рече ей окаянный блудницам началный: «Престани, не тому предана, дабы ти кая милость была дана. Иди и сяди въ первых блудницах, украсившися. Не точию, яже за тебѣ дах, хощу возвратити, но и сугубую цену твоею красотою имам добыти». И посадив ю, повелѣ по граду извещати, блудити хотящим, яко есть у него в блудилище новая: таковая дѣвица, какой не бывало.

Услыша сия того града князь именем Антогор, прииде в дом блудницъ и взем за руку Тарсису, введе ю во особую храмину к любодѣянию. Тарсиса же, виде збывающеся над собою, и едина токмо со единым паде к ногам Антигора, рече ему с великим плачем, горко рыдая: «О великий княже, преславнѣйшая природа, [1]премози, иже по естеству похоти мысль[1], сотвори нрав славный, не буди гонитель и обругатель крове царския, да Богъ за доброе сие, его же покажеши ко мнѣ, сохранит чад твоих от толикаго злаго случая. Аз есмь бѣдная дщерь великого краля тирского Апполона, иже в злоключениях своих странствуетъ по свѣту. Мене же даде воспитати во граде Тарсѣ, и емуже преда, той мя повелѣ убити. У убийцы же разбойницы мя отъяша и продаша сему злому чеовѣку. Ты же, яко славный и благородный, честь мою, и чистоту, и дѣвство сохрани ради вышняго промысла и всех царей, и кралей, и благородныхъ дѣвицъ, и честных жен, чистоту и честь хранящих». Услыша сия князь Антогор премудрый, умилися к жалосному ея молению и рече ей с честию словеса утѣшителная: «О славная дѣвица, истинная царевна, яко в толиких бедах сама в себѣ царствуеши. Поклоняюся ти, буди здрава, буди тебѣ честь и слава вѣчная, яко в толиких бедах честь снабдѣваеши[2] и чистоту любиши. Отселе аз, елико могу, буду тебѣ усердно помогати, да дѣвство твое сохранитца. Приими от мене злата и дай ему блудническому купцу, яко свою мзду у мене приемше. Аз же ему реку, что о тебѣ творити». И изшедъ из храмины, преславная дѣвица даде своему злославному владыце приемшее злато у Антагара любомудраго. Изыде же и князь Антагор, нача глаголати блудницъ начальнику, да дастъ ему Тарсису на месяцъ, а он ему дастъ 100 литръ сребра, и да ни един кто от мужей не точию коснется, ниже да видит Тарсису, развее Антагора. И сквернoприбыточникъ он обещася и сотвори тако.

Апполон же краль, отецъ ея, преходя по морю дванадесять лѣтъ, жалѣя любезныя жены, приплы ко граду Тарсу видѣти дщерь и утѣшитися от печалей. Увѣдав же сия приемый в соблюдение дщерь его Странгвилей з женою Дионизиею, облекшися в черная, приидоша ко Апполону и рече Странгвилей: «Здрав буди, кралю великий, а нам милостивый государь, извѣствуем же тебѣ печали полный случай. Тарсиса, дщерь твоя, о нейже бысть вся надежа наша, умре. Мы же от дне смерти ея доныне сѣтуем, черно носяще». Слышав сия Апполон, от ве-

[1—1] преодолей мысль, внушаемую похотью плоти; [2] оберегаешь.

ликия печали горкия и многия слезы пролия и разда скудствующим многое богатство. Сотвори же завѣт паки десять лѣт ис корабля не исходити, но странствовати в несносной своей печали. Аще же кто речет ему ис корабля изыти, таковому нога отсѣщи без милости. Вниде же в корабль, нача шествовати по морю с великою тугою и печалию. Воста же на мори вѣтръ велий, и по многом плавании принесе корабль к нѣкоему граду, нощию егоже не познаваху; егда же бысть утро, вопросив же и увѣдаша, яко град Мелхий есть, в немже дщерь его продана блудничнику. Прилучи же ся тогда быти нѣкоему по внѣшнихъ обычаю торжеству, и рече Апполон слугам своим: «Братия любезная, пристаните ко пристанищу града сего, понеже нынѣ день торжества, да приимѣте нѣкое утешение, якоже и прочии человѣцы». Егда же приближися ко граду и сташа, обретоша множество кораблей, ибо в той день окрестнии вси съезжахуся ко граду торжествовати. Апполон же своим повелѣ сотворити веселие велие, глаголя: «Аще аз и в печали есмь, но сии да будут во утешении». И начаша слузи его ясти и пити, Апполон же седя во внутренних корабля, сѣтуя и плача.

Прилучи же ся князю града того оному Антагору изыти видѣти прибывшия корабли, и между многими узрѣ корабль преболши всѣх и во уряжении изяшнем, обаче черными виды и вещми пристроена, и знак корабля черный. Прииде же к нему и видѣв корабля того человѣкъ благонравных и разумных, нача с ними бесѣдовати и веселитися; и вопроси их, кто есть их государь. Они же рекоша: «Есть государь нашъ благородный и благоразумный, но в печалех своих, имиже обдержим есть, сѣдит, немощствуя, во внутренних корабля». Антагор же рече: «Приими от мене кто от вас 2 златых и оповеси, дабы благоволил ко мнѣ изъити». Рече же един от них: «Князю славный, аще нам коему во своем княжествѣ возможеши вмѣсто отсеченой сотворити ногу за две златицы, то пойдем. Уставъ бо государя нашего сицевый есть: аще кто речет ему изъити ис корабля, таковому нога отсѣщи». И рече князь: «Вам сий устав, а не мнѣ». И иде сам ко Апполону.

Прииде же и рече ему: «Здрав буди, предобрый и славный гостю, и да пременит Богъ вышний печаль твою на радость». И Апполон рече ему: «Здрав буди и ты, честный и добрый человѣче, а иже вся содержаи, честь твою да умножит». Виде же Анатагор, яко великий и славный мудрый человѣкъ, но в печали лютой омрачися, и рече ему: «Не положи на мя зла, славный мужю, хощу малыми нѣчто похвалитися. Аз есмь князь в сея земли; видѣх же и слышах, яко нѣсть радости, юже не постигне*т* печаль, и нѣсть печали, иже не приложится на радость. Како ты, добрыя и мудрыя вижю тя природы, в такову печаль вдался еси? Молю тя, повѣждь ми, кая ти скорбь и како прилучися?» Апполон же рече ему: «Благодарствую ти, великий и славный княже, на твоем уте*ш*ении, но вѣси: кто печалну человѣку беды его воспоминает, то преболшее сокрушение сердцу его прилагает и болѣзнь обновляет. Молю твою державу: иного ми слова о сем не прилагай, иди от мене в мире». Слыша сия Антагор, поклонися ему и изъиде от

него, сѣтуя о нем с великою печалию. И много размышляя о сем, посла по Тарсису, юже искупи на месяцъ себѣ у блудоначалника. Прииде же, и рече ей: «Есть здѣ единый человѣкъ мудрый, якоже вижю, и славный в корабли, но в великой печали, от неяже сам себе погубити хощет. Аз же о тебѣ уразумѣх, яко мудра еси воистинну. Молю тя, изведи ми его ис корабля премудростию твоею. Аз же тя у твоего злаго господина на другий месяцъ искуплю тѣм же образом».

Тогда Тарсиса, поклоншися ему, иде. И вниде в корабль, рече Апполону дѣвическими стыдливыми словесы: «Здрав буди, человѣче славный и государю добрый, и да будет печаль твоя далече от тебе. Рече бо ся в писании: муж мудрый укрепляет свое сердце, да не внидет пакосник ума — уныние, иже его омрачает и в конечную погибель отсылает. Мудрии бо притчи разполагаютъ и прилоги жития преразумѣвают». Апполон же пообвеселився вмале, рече ей: «Вижю тя дѣвицу благообразну и премудру в таковых лѣтех и хощу глаголати с тобою, обаче не уразумѣеши глаголъ моих. Се даю ти сто златых, — возми сия и отъиди от мене». Тарсиса же, усрамясь, взя злато, отъиде.

Узрѣ же ю Антогор, иде противу ея и рече: «Тако ли ты мужа того ис корабля извела?» Она же рече: «Даде ми сие злато и отосла. Аз же устыдѣвшися и изыдох». Он же рече ей: «Или лутчи злато, а не еже хощу другий месяцъ избавити тя от осквернения?» Она же услыша сия, с великимъ срамом поверже злато на землю, рече: «Не хощу сего, господине мой, но слово твое преболши всего свѣта мнѣ богатства». Рече же ей Антагор: «Аще сотвориши ми человѣка сего ис корабля, обещаю ти ся с клятвою, яко от злаго твоего началника свобожду тя».

Тарсиса же паки возвратися и, пришед, рече Апполону: «Возвратихся, славный господине великий, и принесох ти паки злато, и молю твою кротость: или злато восприими, или послушай гадание мое; и милостив буди, еже ис корабля изыти ти». Апполон же рече ей: «Лиско[1] хитрая, вѣм, яко хощеши мя привлещи, дабы с тобою глаголал. Злато храни у себе, яко вижю тя сиротну, и рцы, что хощеши». И Тарсиса рече: «Гадание есть: дом славный, всему свѣту надобный, той дом всегда кричит, господинъ же в нем молчит, з господином ходит и прибытки ему родит. Тамо муж без коня приѣдет, господина решеткою обведет, обведши, изведет, а дом решеткою утечет». Рече к ней Апполон: «Невелико твое гадателство, печаль же моя не дает ми рещи, обаче слыши. Дом есть река, иже шумом своим яко кричит, господинъ, живущий в ней, рыба, яко есть безгласна, молчитъ. Тамо рыбарь кромѣ коня в лодиице приѣдет, господина — рыбу — сѣтью об*в*едет, обведши же мрежею[2], извлечет, а домъ — вода — утечет». Рече паки Тарсиса: «Молю, без гнѣву слыши еще мое гадателство: дщи лѣса краснаго, во*з*раста великаго; неразумѣющу слуги водят и окрестъ ея всегда ходят; много путем ходит, а слѣду не родит». Рече Апполонъ: «Дщи лѣса красного есть

[1] лисичка; [2] сетью.

лодия, от древ великих сотворена. Слуги неразумѣющу водят — вѣтры, и окрестъ ея ходят по рекѣ или по морю. Путем ходит, а слѣду не оставляет». И рече паки Тарсиса: «Что же сие есть: дом в вещех не убогий, господинъ же, гости в нем нагии, нѣкую вещъ в руку имѣют, стыда не разумѣют. Огнь и воду в дому продают, а кожды у себе даром дают». И рече Апполон: «Домъ есть мылня, одежды многихъ имѣет, гости наги — то кто в ню мытися приходит. Вещъ в руках есть вѣник, и стыда друг пред другом не имѣютъ. Тамо огнь и воду продают, а в домѣх своих всяк сие туне[1] имѣютъ». И сказав Апполон гадание, рече к Тарсисе: «Трое твое гадание известих, к тому ми не стужай, но отъиди». Рече же Тарсиса: «Приими свое злато, и аз отъиду». И рече Апполонъ: «Дивлюся дерзости твоей, колико со мною безстудно глаголеши». Она же рече ему: «Нужда мя, бѣдную, к сему привела, яко продана есмь блудницам началнику. Аще же тя ис корабля изведу, Антагор князь обещался мене от сего зла свободити». Рече же к ней Апполон: «Отъиди от мене, не имам тебе ради обещания презрѣти». Рече же Тарсиса: «Вѣм, яко сицевые чести, якоже ты, милостиви суть. Но ты не явиши ли ко мнѣ милости, то возми свое злато; аще ли злата не возмеши, то еще ми изъяви гадание: четыре брата ровно бѣгают, ног у себе не имѣютъ, отца тяготу носятъ, ясти и пити не просятъ, алчюще гласят и напоя*еми* молчат». И рече Апполон: «И сие гадание с детми играя изучила еси: четыре брата — колеса; ног не имѣя, бѣгают, отца — возило — носят. Вѣдомо же, что милости не просят, и помазани молчат, а не помазани скрыпят». И рече Тарсиса: «Благо тому гадати, кий умѣет изъявляти». И паки рече: «Кое сотворение: в немже ни пера вѣсу, тиснено и диряво, не ястъ, устъ не имѣетъ, а в себе приемлет». И рече Апполон: «И сия, дѣвица, мудрость не из Рима; есть бо се губка морская». И рече Тарсиса: «Что есть: малого вида и малый служебникъ, лица не имат, а кто в него зритъ, всего себе видит». И рече Апполон: «А сие есть зерцало. Но доселе и до сего часа аз тя чтил, ныне же к тому не хощу глаголати с тобою, к тому почти сама себе и отъиди от мене». И рече Тарсиса: «О благолюбезный человѣче, аще не хощеши мене ради, бѣдной и злосчасной, то ради горняго промысла и великия ради моея нужды, и сиротства, и многих бѣдъ[2] изыди ис корабля. И твоего ради изшествия мое достоинство будет сохранено. Помилуй мя, горкую, избави мя собою [3]от обыдших мя[3]». И сия рекши, приступи, хотя [4]охапитися о нозе его[4]. Апполон же разгнѣвася, рече: «Аз убо и моим бедам, в нихже есмь, не могу помощи́, тебѣ ли помогу?» И отторже ю от себе ногою. Она же паде на землю до толика, яко крови из носа и из устъ изыти. Укрепи же ся и нача горко плакати, нопоминая злосчастие свое, глаголя: «О презлое злоключение мое, почто бѣдную тако крѣпко держиши? О мати моя, кралева Лучница, почто мя на свѣт породи, и по рождении почто не ввержена вкупе в море с тобою? О отче мой, кралю Апполоне, гдѣ

---

[1] даром; [2] в рукописи после этого слова добавлено «и»; [3—3] от обступивших меня (бед); [4—4] обхватить ноги его.

ныне в печалех своих, не вѣдая зла случая чаду своему, мнѣ бѣдной? Оставил еси мя в Тарсѣ в воспитание Странгвилу и Дионизии, приятелема злыма. Тамо питателница моя Лигория от жития отъиде, аз же от Дионизии повелѣна убиена быти; избы же смерти, юже с радостию бы прияла, паче нежели ныне продана во вселютую смерть злых блудных дѣл началнику блудническу. Имѣла бых сама ся убити, но боюся суда самоубийцъ».

Егда же таковая ей глаголющи и горко плачющи, возревѣ Апполон, яко лев воплемъ крѣпкимъ, горко возрыдав, паде на дщери яко бездушенъ и много вопия и рыдая. Егда же укрепися, зря дщерь, извѣствуяся о ней, обымая и лобызая, и от радости в познании, от слез же в злоключениях недоумеваяся, что глаголати. Возопи же великимъ гласом: «Приидите, братия моя и друзи и бѣдъ моих сострадалцы! Возвеселитеся со мною, за еже возлюбленную мою единую дщерь, юже погубих, обретох». Услышаша сия, друг друга предваряюще, ко Апполону течаху. Притече же и Антагор князь, приятель и острегатель его дщери, и вси граждане. И бысть всѣмъ неизлаголанная радость.

Изыде же ис корабля и со дщерию, радостно слезяще, друг друга объемъше; и приидоша в домъ приятеля своего князя Антагора. Упроси же его Антагор во еже в бани устрабитися[1], и сѣтованная пременити, и власы облехчити. И постави всѣм завѣт Антогор пиршествовати и веселитися с нима. И по веселии же мнозем преда и град свой и всю державу кралю великому Апполону. Апполон же, видя толикое его премногое добро, по многом благодарении, яко прежде сродства любви показа любовь сына, даде ему дщерь свою Тарсису премудрую и красную в жену. И бысть женитва радости и утешения полна. Купивый же Тарсису без вести погибе.

По радости же поят Апполон царь зятя своего со дщерию и иде к Тиру во свое царство. Прииде же к Тарсу граду, игдѣ остави Тарсису воспитати, и по оповѣдании Тарсисы и извопрошением Феофила, Странгвилей и Дионизия прияша, яже Тарсисе показаша: по различным мукам главы их отсекоша. Оттуду жъ приплы во Ефесъ град и изыдоша в первую кумирниц*у*, идѣже Лучница началница; невѣдуще же ю. Егда же в храмъ идолский внидоша, узрѣ Лучница своего возлюбленнаго супруга грядуща и позна его; обаче, яко дщерь по руку ему идя, чая, яко жена его есть, и глаголя в себѣ: «Како такову младу поя?» Не хотяше же себе того ради объявити. Егда же к ней Апполон яко первейше властелинѣ прииде и преда венецъ злат приношение богомъ, глаголя: «Мати великая, помолися, даю сие приношение богомъ, яко дщерь мою возлюбленную обретох сию», указав на Тарсису, — она же восприемши, возложи венецъ на главу свою, сама же с принеможением едва от слез удержися. Прииде же и Тарсиса, подаде другий венецъ златый, глаголя: «Приими сие, честнѣйшая, в дар, яко даде ми вышний промыслъ обрести прелюбезнаго моего отца». Видѣвше же Ап-

[1] восстановить силы.

полон в венцѣ стоящу Лучницу, благородием и красотою сияющу, удивися и непщева ю быти богиню; нача же воздавати хвалу кумиром, глаголя: «Хвалю вас, бози, и тебѣ богине, яко отраду и утешение ми подасте, во еже обрести возлюбленную мою дщерь. Аще ли же бы сего мнѣ вы, милостивыи бози, не подали, во всеконечную пришел убо бых погибель. От младых убо есмь лѣт краль, оттоле жа и бѣдник злополучны. Прося убо нѣкогда у Антиоха дщери в супружество, судом его неправедным едва смерти избегох. Бѣгая же от него, плавая море, едва бѣдне не утопох, но вашею помощию рыбарем потопления избых и в Кипрѣ того ради замедлевъ. Тамо же мя едина славная дѣвица, дщерь краля Алтистратеса именем Лучница, прияла себѣ за мужа, и оттоле злочастие мое преумножися. Егда неотторженою ея любовию идохома в мое отечество, от бѣдъ моря в рождении ея смерти бѣдне разлучихся, и по смерти ея, любве ея ради, во всегдашнем унынии и печали, и отнюдь и до ныне весел быти не могу». Сия же ему глаголющу и горко слезящу.

Дожда же сего словеси Лучница, к тому терпѣти не возможе, но возопи гласом велиимъ, з горкими слезами глаголя: «О предражаиший мой свѣте и прелюбезный государю, кралю Апполоне, аз убо жена твоя Лучница, дщи царя Алтыстратеса!» Нападе же на выю его и многъ час неразлучни плачуще. И егда укрепившеся, рече Апполон: «Во снѣ ли ми яже о тебѣ прелюбезная моя или на явѣ?» Лучница же отвеща: «Во снѣ убо без вести и яко смерти наведения друг о друзе быхом, ныне же разбудихомся». Извести ему Лучница вся еже о себѣ, и по многом в познании друг друга плачю приидоша во всерадостное утешение. И изыдоша из храма богов и идоша в дом, идѣже пребысть Апполон. Слышавше же граждане, зѣло возрадовашеся и прославиша Бога всемогущаго. Повелѣ же Апполон Тиримонуса врача и ученика его Силемонуса призвати и дарова им премногия дары. И по сем в радости неизреченней с кралевою Лучницею, и со дщерию Тарсисою, и со зятем Антагором шествова во свое отечество в Тир град.

Егда же к Тиру приближися, и изыдоша во стретение его мужие во урядстве изящнѣмъ на конех; дѣвицъ же лики во украшении лѣпотне полками; такожде и жены, и малѣйшая отрочата своею особою. И от радости старии и младии плакаху, и бысть приѣздъ его дивен, и славен, и страшен. Апполон же от великие радости что и чинить недоумеваяся, точию привѣт и милость являл и обещал. По семъ принесоша ему великие дары и собрание государства, иже по отшествии его собравше, неизчетное принесоша.

Увѣдѣвше же антиохиане пришествие краля Апполона, иже до дне пришествия его никомуже обещавшеся града отверсти. Тогда же молебно писаша ко всѣм князем Тирской державы, дабы Апполона умолили быти им цесарем и государем и приял град их. И Апполон по прошению князей сотвори по воли антиохиан, егоже цесарем учиниша и предаша ему многочисленное антиохово богатство. Зятя же своего кралем Тиру граду постави. Призва же и Елавика, прия-

теля своего, иже сказа ему заповедь о нем от Антиоха, даде ему великия дары и первосовѣтника себѣ постави.

По сем Апполон изволи ѣхати с кралевою, и со дщерию, и з зятем в Кипръ к Тирону граду, ко Алтистратесу, тестю своему. И шествоваша в славѣ велицей. Пребыша же тамо немало. И даде Алтистратес краль дщери своей Лучнице половину своего царства, другую же внуке своей Тарсисе. Повелѣ же Апполон призвати оного рыбаря, иже избави его от потопления моря, и даде ему премногия дары и обогати его зѣло. По сем славный цесарь еллинский Апполон возвратися во Антиохию Великую и тамо живуще радостны животъ с своею царицею. Прижит же с нею сына и даде ему дѣдне имя Алтистратес. Прииде же во глубокую старость, остави сыну своему свое царство. Сам же до кончины живе во истиннѣ и правде, и послѣдний день сотворися ему миренъ.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

ПОВѢСТЬ ЗѢЛО ПОЛЕЗНА, ВЫПИСАНА ОТ ДРЕВНИХЪ ЛѢТОПИСЦОВЪ, ИЗ РИМСКИХ КРОННИКОВЪ, КОЯ ЦАРИЦА, МОЛЯСЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, СПАСЕНА БЫСТЬ ОТ СМЕРТИ

Бысть в палестинскихъ странахъ,* в нѣкоемъ градѣ велицѣ царь, благочестивъ и славенъ зѣло, имѣя у себя матерь, поимъ себе жену, благочестиву и добронравну, бяше бо образомъ лѣпа, и велми любляше ю, живяста оба вкупѣ, во страсѣ Божии по закону. Мати же царева завиствуя на царицу, невѣстку свою, яко любитъ ея царь и за добродѣтель ея почитаема бѣ от всѣхъ, и не любяше ея, и мысляше всегда во умѣ своемъ на ню пакость навести, и печашеся о томъ всегда.

По временѣхъ же нѣкоихъ благочестивая та царица роди чадъ своихъ, два сына-близнеца. Царь же о семъ радостенъ бысть, рождения ради чадъ своихъ, и востав, иде в церковь Божию с велможи своими, и нача молебная совершати Господеви о благополучении своемъ и о здравии чадъ своихъ, и моляше Бога, и благодаряше его с радостию. Мати же царева обрѣте тогда подобно время злобе своей и научениемъ вражиимъ нача смышляти, да наведетъ на царицу пагубу. Призва к себѣ от царевы полаты мужа нѣкоего, добродна тѣломъ, и рече ему с ласканиемъ: «Сотвори нынѣ повелѣнное мною, и азъ ти честь воздамъ велию и сподоблю тя велика сана, токмо сохрани мною заповѣданная крѣпъцѣ». Он же рече: «Что есть, госпоже-царицѣ, хотѣние твое?» Она же рече ему: «Иди нынѣ в полату к царицы, идѣже почиваетъ, и возлязи с нею на одрѣ». Он же рече: «Не могу сего не токмо сотворити, но ни помыслити на такое злое дело, аще царь увѣстъ, что будетъ? Всяко убиетъ мя». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай, азъ тя избавлю от руки царевы, и не сотворитъ ти ничтоже зла, вѣси бо, яко мощно ми есть. Послушай, сотвори волю мою, не вѣси, чимъ тя прославлю и почту». Он же велми отрицашеся, не хотя сотворити такова зла дела. Она же, злая ехидна, велми нудяше мужа того и прещаще[1] ему смертию, аще не сотворитъ тако, и многими муками прещаще ему. Он же отрицашеся и убоялся, немогий ея прещения преслушати, давъ ей слово тако сотворити.

[1] угрожая.

Она же, востав скоро, и веде его в полату ко царицы, предстоящимъ же дѣвамъ повелѣ отступити и заповѣда имъ, да ничтоже глаголютъ о приходе ея, прещаще им смертию. И откры завѣсу, идѣже царица опочиваше, по рождении младенцовъ спяше бо крѣпцѣ, от истомления и от напоения не чуяше прихода ихъ. Мати же царева повелѣ ему возлѣщи на одръ без гащь[1], он же, послушавъ злыя тоя и лукавыя змии-матере царевы, по повелѣнию ея возлеже на одръ к царицы безъ гащь. Царицы же ничтоже о семъ вѣдущу и не разумѣ злохитрства свекры своея крѣпкаго ради сна.

Лукавая же ехидна и злокозненная змия в то время изыде от царицы ис полаты и скоро иде в церковь не по обычаю, якоже достоитъ. И пришедъ в церковь, необычно возгласи сыну своему царю: «Что тако радуешися и веселишися о рождении чадъ своихъ и молебная соверъшаеши, а не вѣси того, что твоя лукавая и льстивая прелюбодѣица-царица нынѣ творитъ? Возлѣжитъ бо на одрѣ с рабомъ твоимъ и прелюбодѣйствуетъ, якоже обычей прежде. И тыя младенцы рожденныя не твоего зачатия есть, но от оного мужа, любимица ея, иже с нею на одрѣ веселится, и подобятся бо ему. А она льститъ тебе по вся дни своими словесы и ласканьми. Ты же, убо простоуменъ, мнишы ю вѣрну быти къ тебѣ и любезну, мене же, матерь свою, презираеши и не емлеши вѣры рождьшей тя. Аще хощещи правду ея и мой глаголъ истинно увѣдати, иди скоро в ложьницу и виждь лукавыя твоея жены злое дѣйство, како тебѣ ругается и державѣ твоей на лицѣ льститъ и ласкаетъ, аки вѣрна показуется, тиха, яко благонравна, а по злодѣянию своему не токмо быти с тобою во царствии твоемъ, но ни жити с тобою достойна». Царь же, слышавъ сия словеса от матере своея, ужасенъ быв о возвѣщении. И не дождався конца молебнаго пѣния, скоро пойде из церкви со ближними своими к царицы своей в полату. И пришед внезапу, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща на одрѣ без гащъ, наполнився ярости и удари его мечемъ в сердце, прободе. Раб же той велми возревѣ и умре. Царицу свою повелѣ ввовреши в темницу и с чады ея, ничтоже ей о томъ вѣдущу. И много время пребысть в темницѣ, блюдома и с чады своими твердыми стражи по повелѣнию цареву и питаема нужною[2] пищею. Царь же от полаты изыде, во мнозѣ печали и страсѣ быв, в недоумѣнии, срама ради. И размышляя в себѣ: «Что есть се, и како горкое сие измѣнение сотворися?» И много сѣтуя о томъ.

И по лѣте нѣкоемъ призва к себѣ въ полату бояръ своихъ и рече имъ: «Что подобаетъ царице сотворити?» Нѣцыи же от нихъ не мнѣша быти такову царицу, но не смѣяху глаголати, рекоша к царю: «Сердце бо твое в руку Божию есть, якоже той изволитъ, тако и будетъ». И по прехождении времени повелѣ изыти царь той внѣ града, на нѣкое пространное поле, и престолъ царский устроити тамо, и степени, и сѣдолища властемъ. И повелѣ собратися властемъ и велможамъ, и всему сигъклиту,* и купцемъ, и всѣм жителемъ града того, и самъ

---

[1] порты: нижняя, исподняя одежда; [2] скудной.

изыде вооруженъ и сѣдѣ на престолѣ своемъ. И повелѣ молчанию быти и возгласи, и рече властемъ и велможамъ, и всѣмъ собравшимся ту: «Судите мя с царицею моею, понеже велие зло сотвори, и рцыте ми, что подобаетъ сотворити противу злу ея». Власти же и бояре, и вси предъстоящии единогласно рекоша: «Божия воля да будетъ и твоя, о царю, якоже вѣси и хощещи. Мы како можемъ судити государей своихъ?» Повелѣ же царь ту вскрай народа уготовати огнь велий зѣло, и сотвориша скоро велий. Повелѣ же привести и царицу ис темницы, и с чады.

Посланний же скоро шедше в темницу и обрѣтоша царицу, ницъ лежащу пред образомъ Господнимъ и Богородицы и молящуся со слезами, истомленну зѣло от поста и печали; младенцы же близъ ея бяху. Վземше же ю и ведоша ко царю, а чада ея несуще. Царица же, ведома, плакаше горко, глаголаше: «Создателю мой Господи! Ты вѣси, яже[1] суть, вѣси, яже ничтоже согрѣшихъ, о нем же осуждена есмь. Помилуй мя, Создателю мой, щедротъ ради твоихъ и сихъ ради младенцевъ незлобивыхъ; вѣси, яко царстии суть сынове, а не прелюбодѣйчища. Не вѣмъ бо, откуду найде напасть сия на ны, и любимаго ми государя души повреждение, лютыя ради клеветы сея». И паки глаголаше царица: «О всемилостивая Владычице, мати Бога и всѣхъ, нескверная Девице! Ты вѣси, Госпоже моя, яко не осквернихъ девства моего, ни брака царьскаго обезчестихъ. Нынѣ же что приключися, не вѣмъ се, прииде конечное поругателное осуждение, за высокоумие ли или кое иное погрѣшение мое. А я же глаголю: неповинна есмь, ты вѣси, Владычице всѣхъ. Помилуй мя в часъ сей и младенцовъ сих, сиротъ, ниоткуду имѣющихъ помощи. Аще ты не помилуеши, не имамъ, кому помолитися». И егда приведоша ю близъ царя, она приемше младенцы своя на обою руку и поверже пред ногама царю. Младенъцы же оны осязающе руками младенчески за нозѣ царя, отца своего, играюще, понеже второе лѣто бяше по рождении ихъ. Паде же и царица на нозѣ царю, горко вопиюще, со слезами глаголаше: «Помилуй мя, владыко мой, царю праведный, погибшую нынѣ душею и тѣлом, а невѣдущу о сихъ, ничтоже сотворшу, яже есть глаголемое о мнѣ, и како прииде на мя напасть сия смертная и поругательная. Вижду, яко предлежит ми нынѣ повелѣнный тобою огнь и в честную руку твою мечь, мнѣ же, бѣдной, укоризненная смерть. Ей, благий царю, свидѣтель ми небо и земли, паче же Создатель-Богъ, ими ми вѣру, яко таковаго зла не сотворихъ, ни помыслихъ во умѣ своемъ, во вся дни живота своего благая тщахся пред тобою, и сотворихъ по силѣ моей повиновение, и совѣсть имѣхъ, якоже ты вѣси, якоже подобаетъ женамъ благочестивымъ. Помилуй мя, благий царю, господин мой, и не погуби мене нынѣ, смиренныя, погибаемыя напрасно, лютѣ утомленную гладомъ и жаждею истаявшую, от печали сокрушенную, не имущую, гдѣ главы подклонити и у кого милости попросити, развѣ Создателя всѣхъ Бога, в того бо руку твое сердце. Владыко мой, пречестнѣйший мой господине, ей, во истинну живаго на

[1] что.

небесѣ Бога, свѣдущаго всѣхъ тайная сердца, яко не сотворихъ любодѣйства, ниже помыслихъ на державу твою. К тому не имамъ, что глаголати, точию помилуй мя и даруй ми животъ. Аще ли невозможно, поне младенцевъ сихъ незлобивыхъ помилуй, не погуби ихъ со мною. Вѣрую бо, яко по времени извѣститъ ти Богъ, яко твое есть царское законное сѣмя в нихъ и мое, бѣдницы, законное рождение, а не прелюбодѣйчища. Извѣститъ ти свѣдый вся, да не будетъ сокрушение сердцу твоему ихъ ради. Остави ихъ жити, неповинни бо суть, младенцы бо есть». Царь же слышавъ от нея глаголы тыя и видѣ горкие слезы ея и младенцовъ, пред ногама ползающихъ и охапающихъ руками нозѣ его, и помянувъ царицыну вѣру, яже къ Богу, и к нему добродѣтель и к человекомъ, и добронравие, воздержание и молитву, и к нему благий совѣтъ, испусти слезы. Слышав же и нѣкоихъ от боляръ, глаголющихъ между собою тайно, яко младенцы тыя подобни суть царю, отцу своему, во истинну клевета и неповинная бѣда царицы се есть. Велможи же и власти горко плачюще царицы ради, глаголати же не смѣяху на лице[1], матере его ради. И помолчавъ много, царь великимъ гласомъ рече: «Рцыте ми нынѣ, что сотворю страстницы сей, царицы моей, яко злѣ поругася царствию моему, видѣх бо очима моима зло сие, имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтелну, а обрѣтеся, егоже не чаяху, како имѣти ю хощу пред очима моима, а самъ видевъ таковое зло». Предстоящий же царский сигклитъ, и власти, и велможи, и вси боляре малъ часъ умолкоша, захлипающиися в слезахъ. И паки с молениемъ рекоша ко царю, падше, поклонишася ницъ пред ногама его: «Мы, владыко, не смѣемъ много глаголати, токмо насъ послушай, благий царю. Отдаждь ей Богу судити, иже вину и правду ея вѣдаетъ. Мы вины ея не можемъ ни помыслити, а что приключися, Всевидящее око исправитъ. Послушай нас, благий царю, отпусти ю и с чады, младенцы малыми, даруй им животъ, якоже ты изволиши, не повели умертвити царицы и чадъ, отпусти ихъ, якоже ты волиши, понеже єдинъ Богъ вѣсть всѣхъ человекъ тайная сердца, ожидаетъ обращения от всѣхъ. Аще бо и согрѣшила царица, то да покается, аще ли ни, то прославит ю Содѣтель[2] всея твари всещедрый Господь Богъ и Пресвятая Богородица и призритъ на младенцовъ сихъ, и еже хощетъ, сотворитъ с ними смерть или животъ. Токмо молимъ тя, не ослези насъ, всего царства своего жителей, горкимъ симъ осуждениемъ, а негли[3] и ты порадуешся в приидущее время, и присѣтитъ ти Господь Богъ и извѣститъ, яже суть о нихъ». Царь же в размыслѣ быв, и плачася, и видѣ царицу свою плачущуся, и от печали и от истомления скончавающуся пред ногама его, прежде осуждения смертнаго, и младенцовъ ползающихъ, [4] ово к нему радостнѣ, ово[4] к матери, подвизающе востати, немотующе[5] языкомъ младенческимъ, зря на нихъ, умилися и повелѣ царицы дати мало брашна[6] и проводити ю и со младенцы ея в пусто мѣсто, идѣже никто от живущихъ человекъ приходитъ, и тамо оставити повелѣ ихъ, глаголя: «Еже восхощет Богъ о нихъ, то

[1] открыто; [2] Создатель; [3] когда-нибудь; [4]—[4] то... то; [5] лепечущих; [6] еды.

и сотворитъ». И тако печаленъ отиде в полаты своя. Мати же его радующися и веселяшеся, яко улучи желание свое и исполни волю свою.

И тако проводиша мужие царицу в пустыню и со младенцы ея и обрѣтоша мѣсто, имуще древеса, плодовита многа, оставша ихъ тамо. Она же препочинувъ многи дни на мѣстѣ томъ, питающися от плодовъ земных, моляше Господа Бога, и Пресвятую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, плачющися и рыдающи горко о разлучении царства и о поругании своемъ; благодаряше Бога и радовашеся, яко оставлена жити с чады своими. И по нѣколицѣ времени пойде с мѣста того с чады своими, и иде немало дней путемъ своим, и обрѣтоша при потоцѣ мѣсто сѣнно[1] и красно, и плодовито. И нача ту жити, и пребывающу ей и питающуся с чады своими.

И нѣкогда возляже опочинути, прииде нѣкий звѣрь, зовомая лвица, и восхити у нея единаго младенца, и бежа. Царица же, возбнув[2], зря несома сына своего лвицею, от страха оцепене. И внезапу нападоша на лвицу ту птицы велицы, хотяху у нея от'яти младенца, и тако много брашася с нею, прогнаша ю во островъ нѣкий, и тамо уйде в пещеру. И пребываша ту, и не из'яде младенца онаго, но питаше его, якоже обычай ей бѣ. Царица же она, взя младенца другаго на руку свою и велми востенав горко со слезами, в жалости сердца глаголя: «Боже, Создателю мой, паки оставилъ мя еси, люте мучиму быти отлучениемъ чада моего и горкою смертию его уязвихся?» И поиде во следъ звѣря того, правя путь его многое время. И обрѣте во острове ис пещеры исходяща лвицу и с чадомъ ея, и питающу младенца, и играющу с нимъ, и тешащу его. И порадовася царица, яко живъ есть сынъ ея, и благодаривъ о томъ и моляше Бога, и пребысть во островѣ томъ немало время, прямо зря на чадо свое и на лвицу. И по многомъ времени отиде царица от мѣста того и с чадомъ своимъ, а унесенное лвицею возложи Богови, во умѣ своемъ моляшеся о снабдѣнии сына своего.

И тако много время скитаяся по пустыни, взыде на гору высоку, и узрѣ градъ велий, и возрадовася велми, славя и благодаривъ Бога зѣло. И поиде со тщаниемъ на страну ту, идѣже градъ, и прииде близ его. И обрѣте человека, идуша по пути, и вопроси его о жителствѣ града того. Он же повѣда им, яко житель есть града того, и во градѣ живутъ благочестивии христиане, а градъ той державы онаго царя, мужа ея, уразумѣ бо она от глаголъ человека того, но далече есть от царственнаго града. И повѣда себѣ она заблудившуюся с чадомъ своимъ и в пустыни скитающуся боле двою лѣтъ. И моляше человека того онаго со слезами, дабы повелѣлъ ей в дому его поне мало время пребыти. Муж же той старъ бѣ, и благочестивъ, и искусенъ в вещехъ. Видѣ жену добродну и в речехъ разумну, искусну в беседѣ, и одѣяние ея, аще ветхо и раздранно, но честно бяше, и уразумѣ ея быти непросту жену и чада ея, младенца, непроста же разумѣ быти. Он же приятъ ю с радостию и покояше ю и чадо ея, и велию честь воздавая имъ. Она же пребываше в дому его [3]пятъ на десятъ[3] лѣтъ. И изучи сына

[1] тенистое; [2] пробудившись; [3—3] пятнадцать.

своего Божественному Писанию, и навыкновению, и искуству, бяше бо и сама хитра божественъными книгамъ и всякому доброму навыкновению. Отрокъ же, сынъ ея, бяше добророденъ тѣломъ, и прекрасенъ зѣло, и разумен, и дарова ему Богъ и силу велию. Мати же о немъ радовашеся и благодаряше Бога, храня тайну в сердцы своемъ. Благочестивый же мужъ той, у негоже пребываше царица, видя ю постящуся и молящуся часто, и о всякомъ блазѣ[1] прилѣжащу, и сына своего тому же научающу, и никогда же слыша от нея пустошныя глаголы, почиташе и храняше ю, яко матерь, а отрока любляше, яко сына. И сперва бо той мужъ бяше воинъ храбръ зѣло и силенъ, и искусенъ в ратех. Имяше же в дому своемъ щитъ, и колчюгу, и шелом, и палицу, и копие, и вся орудия воинская. Сынъ тоя царицы ходяше во храмину ту часто и тѣ доспѣхи на ся возлагаше многаши, и ношаше храбрующи. Раби же господина видяша его, тако творяща, смѣющеся. И по времени нѣций от нихъ сказаша вся господину своему. Он же, слышавъ, возбрани им пакостити ему. И нѣкогда и самъ смотря отай[2] храбрования его, и уразумѣ, яко воинъ хощетъ быти велий и паче его, и силнѣе, и благодаривъ Бога о томъ, яко наслѣдник хощетъ быти храбрости его, и храбрѣе и силнѣе, не позавидѣ, но и паче чтяше и радовашеся.

По времени же нѣкоемъ, идѣже царствуя царицы оныя мужъ, а отрока онаго отецъ, и прииде на градъ той и на царство его царь нѣкий, славенъ и силенъ, имѣя рать с собою велику зѣло и многи храбры воины и силники[3]. И стояше под градомъ тѣмъ многое время, прося из града храбра мужа, дабы выѣхалъ и брался с ними. Аще ли ни, то бы царство предали ему, чая не обрѣстися во градѣ у нихъ воинъ силныхъ противо его храбрыхъ силниковъ. И прещаще[4] имъ по вся дни люто. Живущии же во градѣ царь и вси людие велми ужасошася о томъ и убояшася прещения царя того противнаго, не чающе у себе силныхъ воинъ противъ супостатъ. Сынъ же оныя царицы, слыша таковая и вѣдая, яко отецъ его царствуетъ во градѣ томъ, нача молити матерь свою, дабы его отпустила с молитвою и благословила ѣхати ко граду тому на свобождение и на отмщение сопостатъ онѣхъ. Мати же его моляше и возбраняше ему от таковаго начинания и глаголаше, дабы отложилъ мысль ту, еже разлучитися от нея. «Како, — рече, — хощеши, возлюбленное мое чадо, на таковое великое дѣло дерзнути, егоже ради мнози силницы отбѣгаютъ, страха ради ратнаго. Понеже тамо и неповинныхъ восхищаетъ смерть, от отцей и матерей отлучаетъ, и рыдание и плачь велий наводитъ. А мене ты, чадо мое драгое, како хощеши оставити без утѣшения? [5]Не вѣси ли[5], что пострадахъ от чего, и во что приидохъ, и разлучихся царства и отца твоего пречестнаго и любимаго ми, и брата твоего, сына моего, в сокрушении и болѣзни воспитанного, такожде от мене злѣ от'ята, яко и ты мало распамятствуеши о нем. Увы мне, увы мне! Нынѣ хощеши мене при старости, сиру и убогу, оставити без утѣшения». Отрокъ же онъ, слыша от матери таковая, с плачемъ паде на

[1] благе; [2] тайно; [3] богатыри; [4] угрожая; [5—5] разве не знаешь.

нозѣ ея, моляся, глаголя: «Аще Богъ молитвъ ради твоихъ святыхъ спасетъ, вѣруй, паки возвращуся. Мати моя, имамъ тя утѣшити. Не в руку ли Божию здѣ есмь азъ? Не можетъ ли тебе ради и тамо мя спасти? Токмо благослави мя и молитвуй о мнѣ». Муж же той, у негоже пребываста, видя отрока, у матери молящася о разлучении, нача ю молити и углаголавати утѣшителными словесы со слезами, а не вѣдаше тайны ихъ, глаголя: «Госпоже благородная и благочестивая, уразумѣхъ бо азъ, яко непроста рода есть ты, но благородна и благочестива, и непроста мужа жена, и что приключися тебѣ и чаду твоему, Богъ вѣсть. Мню, яко не истинну ми рекла еси, [1] но ничтоже ми о семъ[1]. Токмо молю тя, послушай моления сына твоего, отпусти его с миромъ и молитвою. Вѣруй, спасый тя в пустыни толика лѣта от звѣрей и от гаду, и от птиц, и от всякия напасти свободивый, и воспита младенца твоего, и приведый васъ на мѣсто сие, не можетъ ли спасти и тамо, в рати суща, и паки возвратити его к тебѣ и утѣшити тя, а негли имъ свободитъ царьство наше, и проженетъ[2] сопостатъ, и прославитъ имя свое святое на немъ; паче же и тебе прославитъ и утѣшитъ». Она же, слышавши таковая, отпусти его с миромъ и молитвою и слезами, сама же остася, прилѣжа посту, паче же и молитвѣ. Отрокъ же онъ паде на нозѣ господину своему о упокоении матере своея. Муж же той обѣщася пред Богомъ все исполнити прошение его. И даде ему храбрая ополчения своя и воинский конь. И тако, молитвовавъ обще с материю его, отпустиста со слезами. И тако поехавъ ко граду тому.

В то же время корабленицы идяху по морю и присташа ко брегу, ко острову оному, идѣже лвица пребываетъ, иже унесе сына царева. Изшедше ис корабля на островъ той и хождаху по нему плодовъ ради. И видяху слѣдъ звѣрескъ и человеческъ, и идоша путемъ тѣмъ. И узрѣша пещеру и приникше тамо, видяща лвицу лежащу и вскрай ея млада юношу и добропродна, лежаща. И удивишася велми, ужасошася, бѣжаша в корабль и протчимъ виденная повѣдаху. Сущии же в корабли, слышавше таковая, удивишася, хотяще истѣе увѣдати, совѣщавшеся, веземше оружие, поидоша на островъ той видѣти бывшее. И пришедше близъ вертепа того и приникша, видяща лвицу лежащу и вскрай ея юношу доброродна, лежаща нага. Лвица же зряша на нихъ тихимъ взоромъ и обращаху юношу зрѣти на нихъ, яко указуя. Корабленицы же удивишася, мысляху: «Что се хощетъ быти? И како безъ испытания хощемъ быти от дивныя сея вещи?» И веземъ брашно добро, и метнувше ко лвице. Воставши же и юноша; лвица, веземше брашно, ядоша, взирающе на кораблениковъ. Они же метнуша ризу добру. Лвица же, веземши, одѣя отрока. Они же метнуша и опоясание. Отрок же препоясася и близъ лвицы сѣде. Лвица же воставши и поиде ис пещеры, толко скабляющися и веселящися, зря на кораблениковъ образом же, яко любезнуя. Они же ужасошася, отступиша от пещеры. Изыде же юноша в слѣдъ и поклоня-

[1]—[1] но я на это не сетую; [2] прогонит.

шеся имъ. Они же приглашающе его к себѣ, махающе руками, показующе брашно в сосудѣхъ. Он же приступи к нимъ близъ. Они же поемше юношу того и ведоша на корабль свой. Он же не противляшеся имъ, идяше. Лвица же в слѣдъ ихъ идущи. Корабленицы же [1]цку восходную[1] веземше в корабль, дабы оставити лвицу на брезѣ. Она же бредущи, вскочи на корабль скоро. Корабленицы же ужасошася, бѣжаша во един вскрай корабля. А лвица же, пришедши ко отроку своему и видѣ пред нимъ брашно добро, и нача ясти со отрокомъ тѣмъ. И насытився, преклоняше главу свою, ласкаяся тихимъ взоромъ и крабленикомъ тѣмъ придружашеся, аки молвити хотяше. Отрокъ же той кланяшеся имъ. Лвица же ляже ту на корабли. Отрок же иде х корабленикомъ тѣмъ и вземъ единаго за руку, не умѣя глаголати, но немотуя, веде его ко лвице. Той же з боязнию иде по немъ. Отрок же повелѣ гладити лвицу. Она же ласкающися, придружашеся к ним. Корабленицы же удивишася зѣло, и тако единь по единому придружашеся ко лвице и ко отроку и быша без боязни. И поидоша въ путь свой, брегуще отрока и лвицу, и тѣшаще ихъ. Отрок же мало-помалу навыкая языку ихъ и наукомъ и искуству, и сам глаголати начиная.

И Божиимъ изволениемъ приидоша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царьствуетъ, и присташа ко брегу, и идоша во градъ ко царю з дары своими. Царь же приятъ от нихъ дары и почте ихъ. Печаленъ бо бяше нашедшыя ради рати на царство его. Корабленицы же повѣдаша цареви, како на пути обрѣтоша лвицу во островѣ и с нею юношу, добродродна и прекрасна зѣло, и разумична, и имѣютъ ихъ на корабли своемъ. Слышавъ же царь, удивися и повелѣ лвицу и юношу привести пред ся. Корабленицы же, шедше, приведоша ихъ ко царю. Видѣвъ же царь лвицы тоя кротость и взирание ласкателное и юноши того добродродство и красоту и искуство, яко многихъ человекъ превзыде возрастом и добротою, удивишася и почте корабленковъ. И повелѣ лвицу в нѣкоемъ мѣсте хранити и питати доброю пищею. Юноши же тому вда одѣяние честно и устрои его пребывати близъ себе. Повелѣ же и ко лвицѣ приходити часто, да не унываетъ. Юноша же той веселяшеся, навыкая языку и искуству. По времени же нѣцыи видѣша юноши того храбрство, яко воинская тяжкая орудия пыташе, и крѣпкия доспѣхи на ся возлагаше, и храбро хождаше, обрѣтеся паче всѣхъ во градѣ храбрыхъ и силныхъ, и глаголаше: «Исшелъ бы на брань противо ратныхъ». И повѣдаша цареви. Царь же, слышавъ таковая, возрадовася, призва его к себѣ и рече ему: «О юноше, аще даде ти Богъ храбрость и силу на ополчение к ратнымъ, послушай мене, яко отца, и буди ми сынъ, бездѣтну сущу царю. Изыде из града на отмщение ратнымъ и способствуй намъ. Аще подастъ ти Богъ помощъ и возвратися, побѣдивъ, здравъ, азъ ти велию честь учиню. Аще будеши разуменъ и искусенъ в царских вещехъ, устрою тя в чину сана». Юноша же поклонися царю, глаголя: «Богъ да поможетъ ми молитвъ ради твоихъ. Отпусти

[1]—[1] трап.

мя противо сопостатовъ и даждь ми орудия воинская вся». Царь же возрадовася и повелѣ ему устроити, якоже хощетъ, и конь, яковъ ему годенъ. И помолився Богу и поклонився царю, изыде противо сопостатъ. И лвица она, услыша отрока того пошествие из града, растерза замки и двери и изыде ис храмины, идѣже хранима бѣ.

И егда приближися отрокъ к сопостатомъ и нача сѣщи ихъ без милости. А лвица же такоже с нимъ вкупѣ ратныхъ угрызая и растерзая ихъ ногты своими страшно. Со другие же страны тѣхъ ратныхъ полковъ Божиимъ изволениемъ онъ царицынъ сынъ, иже с материю во градѣ воспитанный, в то время приѣхавъ и нача сѣщи и побивати противныхъ без удержания, а не вѣдая того, яко братъ его сѣчетъ от града. И тако смятошася полцы, и силнии ихъ ни во что же быша. А протчии устрашишася, видяща лвицу храбрующу, а воини побивающе безъ удержания, и бѣжати от нихъ не могоша. Они же, два храбрыя воини-юноши, не вѣдуще другъ про друга, съѣхашася и увѣдаша, яко за едино храбруютъ, поклонишася другъ другу, глаголюще: «Богъ да поможет ти, брате, за молитвъ святыхъ своихъ». И тако побѣдиша вся воины противныя и храбрыя оны, ни во что же сотвориша. И видѣша рать побиену, и поѣхаша во градъ ко царю заедино. И ко граду ѣдучи, другъ друга братомъ назваша и во единодушые согласошася. А лвица же в слѣдъ ихъ идяше тихо и кротко, радующися. Юноша же той, иже царицынъ сынъ, вопроси другаго о лвицѣ. Он же глаголаше: «Яко мати ми есть». Царицынъ же удивишася и внимаше умомъ своимъ: «Не братъ ли ми есть сей, унесенный лвицею?» Внимая и храня мысль в сердцы своемъ.

Егда слыша царь и вси людие градстии пришествие ихъ и увѣдаша о побѣде на сопостаты, царь же повелѣ велможамъ своимъ срѣсти ихъ внѣ града и почтити ихъ паче прочихъ. Сам же срѣте во градѣ. Юноши же, слѣзши с коней, поклонишася цареви. Царь же со слезами облобыза ихъ и возблагодаривъ ихъ, радовашася, и иде во церковь. Юноши же, держаша единъ под десницу, другий под шуицу, и идоша во церковь Божию, и сотвориша молебное пѣние Господу Богу, и Пречистѣй Богородице, и всѣмъ святымъ, и воздаша благодарственная. Сотвори же царь милостыню нищимъ и посещение темьничнымъ. И вси людие царьства того возвеселишася и воздаша хвалу Богу. А лвица же она в то время пребываша в припратѣ[1] церковнѣмъ. Царь же повелѣ ю в первую храмину и питати ю доброю пищею и покоемъ. Она же радующися, идяше, ласкающися к нимъ.

Сотвори же царь юношамъ тѣмъ, и боляромъ, и властемъ, и велможамъ радостныя тоя побѣды ради пиръ великъ и торжество. Юноша же, иже звѣринескъ сынъ именовашеся, почиташе брата своего, царицына сына, яко старѣйшаго, бяше искушенъ Божественному Писанию и речевитъ зѣло, и всякому навыкновению хитръ, и той на отвѣте и на вопросѣ пребываше. Пребывающимъ же имъ во единой храмины на упокоении, радующеся другъ другу. И тако по

[1] паперть.

13 Зак. № 3610

многи дни торжество бяше и веселие в полатѣ царевѣ з боляры и велможи. И многими дарьми царь даривъ юношъ тѣхъ и почтивъ юношъ тѣхъ первыми мѣстами в сѣдании и хождении, и любляше ихъ велми, яко чадъ своихъ, и моляше Бога, дабы и оне любили его, яко отца своего, бяху бо подоболична юноши тыя, яко братия. Людие же, зряху на царя и на отроковъ тѣхъ, удивляющися, яко подобятся царю виды своими, и разгарахуся у народовъ сердца к люблению отроковъ тѣхъ.

По времени же нѣкоемъ в торжестве на пировании разблажися сердце царево и вопроси отрокъ тѣхъ, коего граду бяху и коего отечества. Юноша же той, иже от царицы оныя испросився ратоватися с сопостаты, воставъ, рече: «Азъ, благий царю, не вѣмъ, каковъ бѣ отецъ мой, но слышавъ у госпожы святыя моея матере, яко бѣ она царица нѣкоего царя благочестива и славна, живяше со отцемъ моимъ, мужемъ своимъ, в законѣ Божии, в совершенной любьви и союзѣ, и храняста оба союзъ, якоже подобаетъ мужемъ и женамъ благочестивымъ без порока. И бяше бо мати моя милостива и благочестива зѣло и любима бяше отцемъ моимъ, царемъ благочестивымъ, о немъ, и почитаема подначалствующими властьми, князи, и боляры, и велможи, и всѣми народы добродѣтелнаго ради ея нрава. Имяше же царь той, отецъ мой, у себе мать горду, и неблагородну, завистливу и ненавистну, и тая убо бяше от велмож и от народа презираема за злонравие ея, бяше бо властолюбица. И завиствуя бо на матерь мою, яко почитаема паче ея от народа бысть, имя ея обношашеся во всѣхъ устѣхъ паче ея, матере царевы. И искаше времени, да сотворитъ пакость матери моей, и возсмердитъ ея сыну своему, а моему отцу, царю, и народу. И во многое время невозможе обрѣсти вины, всяко злохитрѣствуеши. Егда же Божимъ изволениемъ отецъ и мати моя зачаста насъ законно, и по времени роди мати наю, мене и другаго сыны, царю, и отецъ нашъ ради рождения нашего радостенъ бысть, иде в церковь Божию молебная совершати. В той часъ мати наша по рождению наю в полате почиваше, от истомления и от напоения спяше крѣпко. Мати же царева, окаянная баба наю, навождениемъ вражиимъ от зависти умысли, и призва от царевы полаты мужа, доброродна тѣломъ, а проста нравомъ, часто предстояща цареви. И глагола ему ласковыми словесы, злокозньствуя, ово дары обѣщевая ему, ово сановство велико, принуди его возлещи к матери моей на одръ без гащь. А сама в той часъ скоро шедша к сыну своему, царю, отцу нашему, в церковь и рече ему: „Что ты радостная, царю, твориши торжество рождения ради чадъ своихъ, а не вѣси того, что лстивая жена твоя нынѣ творитъ, в полатѣ с предстоящимъ тебе мужемъ онымъ прелюбодѣйствуетъ. И та рожденная чада не от твоего сѣмени есть, но оного мужа прелюбодѣйца, иже на одрѣ возлежит с нею. Аще ли не имеши вѣры, иди и виждь". Отецъ же мой, царь, слышавъ таковая, оставивъ молебная пѣния, и скоро иде в полату к матери моей. И видѣ у нея на одрѣ лежаща служащего ему, веземъ мечь, пронзе его. Муж же той вскрича и умре. Мати же моя о сихъ ничтоже вѣде, возбнувъ от крича того и ужасеся, не могий,

что молвити. Отецъ же нашъ, царь, повелѣ ю и с нами, с чады своими, в темницу всадити. Опечалися велми, не мня ю такову быти, якову обрѣте. Вѣдый же добродетелное нрава ея, вѣдая бо и жестоту матери своея, вскоре не умертви матери нашей и наю, но повелѣ ю в темницы хранити и питати. И по мнозем времени хотя ю сожещи и с нами, с чады своими, и совѣтом царскаго сигклита и приятель ближнихъ и молениемъ властинымъ не умори наю, ни сожже. Но повелѣ отвести в пусто мѣсто матерь мою и наю, и сотвориша тако. Мати же наю увѣдев о бѣдѣ своей завистную клевету в темницѣ сѣдя, от стражей и от протчихъ, и возложи надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, моляся и благодарнѣ терпящи. Пребываше в пустыни плачущи и питающи нас от плодов земных и отъ сосецъ своихъ. И доиде до нѣкоего потока и мѣста доброплодна, и пребывая ту немало время, и нѣкогда возляже опочинути. И в то время приде на нь звѣрь лютъ лвица, и восхити у нея младенца, брата моего, и унесе. Мати же моя по слѣду тому звѣрску идяше, плакашеся велми, и постиже во островѣ нѣкоем лвицу в примории. И видя сына своего у нея, брегома и питаема, и зря на него, плакашеся, приближитися не смѣя. И отиде, скитающися по пустыни, возложи печаль свою на Бога. И многи дни гладомъ томима и жаждею, и зноемъ опаляема, и студению оскорбляема, ведый с собою и нося мене единаго, и доспѣхомъ нѣкоего града. Из него же азъ нынѣ приидохъ, слышахъ рать сию, нашедъшую на градъ сей. Мати же моя, егда прииде со мною ко граду тому, обита у нѣкоего мужа благочестива и нищелюбива, и престарѣла, и богата зѣло, и до сего времени, иже и мене сподоби бранными орудии». Царь же, слышавъ таковая от юноши, разумѣ, яко быти ему сынове его, смятеся утробою, облияся слезами. И, помолчавъ, вопроси другаго юношу, рече: «А ты, храбрый юноше, откуду сей, и какова града и отечества?» Он же, воставъ, рече: «Азъ, царю, не могу доволно глаголати, понеже ненавыкновенъ есмь языка совершенно глаголати вашего. И не вѣмъ града есмь или отечества, но мало распамятствую, яко по пустыни ходихъ с женою нѣкоею и отрочищемъ другимъ, и мню, яко мати ми бысть и братъ, но мало памятствую. Паче же нынѣ от словесъ его, сего юноши, вразумляюся. Унесе бо мя лвица у матере моея и внесе в пещеру свою. Азъ же от страха изумихся, и егда, отдохнувъ мало, востахъ, хотѣхъ бѣжати от нея, она же охапивъ мя, гладяше, ласкаяся, взирающи ко мне любезно, от'емлющи лизаше и не брежаше мя. Азъ же, видѣвъ, яко не вредитъ мя, но паче утѣшаетъ и питаетъ мя, и многаши по острову оному хождахъ. Она же во слѣдъ мене хождаше, и никому не дадяше мя вредити. В нощи же в пещеру ону идоша и почихомъ ту. Лвица же она питаше мя от сосцу своею, приноша же и плоды земныя, могущыя мя укрѣпляти. И тако жихъ с нею в пещерѣ до дне того, егда корабленицы они придоша и поемше насъ, и представиша мя пред тобою, пречестнѣйший царю, а иного о себе ничтоже вѣмъ». Царь же, слыша от юноши таковая, смущашеся сердцемъ. Князи и людие, слышаху таковая, распыхахуся сердцы в любовъ к ним, зряху бо ихъ подоболична отцу своему, царю, и глаголаху молкомъ другъ

другу: «Что се хощетъ быти?» И паки царь вопроси перваго юношу, рече: «Да гдѣ нынѣ обитаетъ мати твоя?» Он же рече: «Царю, рекохъ ти, яко во ономъ градѣ у онаго благочестиваго и христолюбиваго мужа. И вѣм, яко нынѣ ожидаетъ мя по вся часы слезно, понеже обѣщахся к ней скоро возвратитися. Аще о царѣ своем, отцѣ нашемъ, и о царствии, и о сродницѣхъ, и отечествѣ всегда болѣзнуетъ, слезящи, и о дѣтище своемъ плакаше, но о мнѣ веселящеся по вся дни, и от тоя скорби и печали утѣшение приимаше мене ради и онаго благочестиваго мужа и утѣшителныхъ словесъ. Азъ же согрѣшихъ нынѣ, умедлихъ во упокоении своемъ при державѣ твоей и наведохъ на ню такову скорбь, яко по вся дни и часы, слезящи, умирати ей, не токмо первых ради бѣдъ, но моего ради отшествия. И не вѣмъ, жива ли есть нынѣ или ни от таковыя надсады». Сам же, глаголя, плачася о матери своей.

Царь же, слышавъ от обою юношу таковая, воставъ, возопи гласомъ великимъ: «О возлюбленнии мои князи, и боляри, и велможи, и весь царьский сигклитъ, и вси православные христиане! Днесь радость моя исполнися!» И рече юношамъ: «Вы есте благороднии юноши, во истинну есте моя чада возлюбленная, законная, и от сѣмени моего рожденная, и от матери вашей благочестивой и добродѣтелной, царицы моей, возлюбленной и избранной. А отлучены со благочестивою материю вашею ненависти ради вражия, завистию бѣсовскою». И падъ на выя ихъ, коемужъдо[1] плакася доволно[2]. Плакаху же ся князи, и боляре, и велможи, и народи радостным плачемъ, и возглашаху побѣдная Богови. Промче же ся слово от того часа по весь градъ, и слышашеся по торжищамъ и улицамъ великая гласования радостная. Глагола же царь: «Азъ ради *вас, чада моя, и матери ради* вашея и до сего часа скорбяхъ сердцемъ, печаловахъ же, во царствии живя и многая благая пред собою зря, богатство безчисленное, и славы велики, и всѣхъ предстоящихъ с трепетомъ покланяющихся, никогда же совершенно возвеселихся, но утроба моя велми болѣзнова матери ради вашея и васъ. И до сего дни и часа иныя себѣ царицы-супружницы не пояхъ, то ради надѣяхся на всещедраго Бога, милость и упование на него возлагахъ. Имите ми вѣру, Бог свидѣтель, не осквернихъ себе по вся дни своя блудомъ. И нынѣ, чада моя возлюбленная, вас ради возвеселихся душею и сердцемъ». Они же, храбрии юноши, слышавше таковая, падше, поклонишася царю, отцу своему, со слезами и радостию великою, облобызающе нозѣ его, и славяху Бога, благодарствующе, яко сподоби ихъ видѣти отца своего во царствии и славѣ велицѣй. И в томъ часѣ бысть у царя того во всемъ царствии томъ радость велика и торжество о обрѣтении чадъ своихъ, паче же храбрыхъ и мудрыхъ, и о одолѣнии сопостатъ. И тогда убо цѣлова царь чада своя во уста и в главы. И поиде с ними в церковь Божию, послѣдствующе имъ князи, и боляре, и весь сигклитъ и народи. И сотвориша молитвенное благодарственное пѣние. И учинишася во градѣ томъ звоны вели-

[1] каждому; [2] много.

цы и ликования страшна и велика зѣло. И повелѣ царь вскорѣ написати грамоты, и приписа своею рукою ко царице своей умилно, и посла сына своего, иже ею воспитанный, и даде ему и боляръ своихъ, и князей, и сигклитъ со многою силою и богатствомъ. И тако вскорѣ поидоша со тщаниемъ.

Слышано же бысть матере царевы сия, яко обличися злоба ея, и паче ея прославися невѣстка ея, царица, и противъ ею бысть, по мысли ея, и срама ради и зависти невозможе стерпѣти, испивъ зѣлия люта и умре. Царь же, проводивъ, погребе ея по чину, якоже подобаетъ.

Царевичь же, храбрый юноша, и с полкомъ своимъ, дойде до града, идѣже мати его пребываетъ. Вда ей грамоты царевы, отца своего, и положи пред нею дары велики. Она же паде на выю его, плакашеся, едва от радости не умре. Сказаша же ей, яко вторый сынъ ея, иже восхищенъ бысть звѣремъ лютымъ лвицею, нынѣ живъ обрѣтеся во царствии отца своего, у царя, и о побѣде такожде сказа. Она же прочте грамоты царевы, и видѣ сына своего и слыша о другомъ, отдохнувъ, наполнися радости. И воздавъ благодарение всесилному Богу, поклоняшеся душею и тѣлом, и сердцемъ, благодарствивъ, скоро воставъ съ сыномъ своимъ, идяше къ царствию с полцы своими с великою радостию, благодарствивъ же и одаривъ онаго мужа, у негоже пребываше в дому.

И егда услышано бысть, яко царица близъ есть царьства своего, изыде же сынъ ея, царевичь, иже звѣринескъ нарицашеся, со освященнымъ соборомъ, со кресты и со иконы, и с пѣниемъ. Возслѣдъствующе князи, и боляре, и велможи, и вси людие града того со женами и з дѣтми срѣтоша ю внѣ града с великою честию и звоны великими. И поведоша ю сынове ея в церковь Божию. Прииде же царь в церковь прежде пришествия ея и срѣте ю в церковныхъ дверехъ, прием ю за десную руку и веде ю во церковь Божию. Царь же и царица не могущи стояти от жалости великия на ногахъ своихъ, но поддержими бяху чады своими и боляры. И тако сотворивше молебная пѣния и благодарственное торжество, цѣлова ю во уста. И поидоста в полату, и поклони же ся царица цареви и едва проглагола: «Радуйся и во вѣки живи». Царь же, похвативъ ю, облобыза, глаголя: «Прости ми, любимица моя благочестивая, по бѣсовской зависти в невѣдении согрѣшившаго и оскорбившаго тя, неповинну сущу». И сотвориша тогда празднество велие. Испроси царица у царя, еже отпустити осужденныя на смерть, и темничным разрѣшение, и отдати долги должникомъ, и сотворися тако. И бысть во царствии томъ радость велия зѣло о обрѣтении царицы и чадъ ея. Царь же нача жити во царствии своемъ в радости велицѣ, паче благочестиемъ и добродѣтелию сияя. Слышано же бысть и по окрестнымъ странамъ слава и храбрость дѣтей его. Мнози же и данницы сотворишася им. Они же пребывающе благочестивно и благодарствующе, и славяше собравшаго ихъ вкупѣ Создателя своего, всещедраго Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа. Во вѣки, аминь.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛЬЕ КОСТЕНТИНОВИЧЕ, ПО ИМЕНИ ГРАДА КОСТЕНТИНА

Жилъ себѣ царь Василей в своем градѣ Костентине;* со женою своею живяше, а дѣтей у них не было. И нача Господу Богу молитися со слезами, *чтобы* им Господь Богъ далъ дѣтища, «наслѣдия царству моему». И царь беспрестанно на молитвѣ, и жена ево, царица Ирина, в трудѣх и в посту чуть жива ходит. Услышал Господь молитву царицыну: поради себѣ сына и нарекоша имя ему Костентинъ.* И во сне евися царице: «Береги сына чесно! Силнея ево не будет, а бусармановъ одолѣет!» И стала бѣречь чесно и селнея ево.

А царь ея Василий стал иную вѣру думать и не хощет молитися, и положил хулу на Бога, и послал послов своих в *Долматово* царство: «Великий государь, царь Долматъ Евсеѣвичъ!* Пишу аз, восточный царь, Василей Костентиновичь, тебѣ, царю, сице: хощу аз вашу вѣру принять, а своего Господа Бога вамъ на поругания отдамъ. И вы придите ко мнѣ с силою». Токожде и в разные царства весть тайную *послал*.

И какъ весть пришла до тѣх неверных царей, то всѣ тому ради бысть, скоро пошли к царю Василью. И пришло с царемъ силы 40 000 да два богатыря, ростомъ трех сажень,* толстота ... сажен, очи — аки чаши, в оршинъ у них носы, *усы* локтевые, главы котелные, бороды помельные. Другой царь с ним пришел, крымский ханъ; у хана силы двадцать тысящь, да с ним три черкашенина наемные,* велми сильны. Стали на Сионских горах,* и оступили Костентинъ-град, стояли пятеры сутки; а того в царстве *не знали* стали, и умов отстали, и не знали, что творити. А оне ждали от царя Христовой здачи.

И в те поры бояры пошли к царю и рече ему: «О злохульниче Христов! Что тако творити *хощеши*, предати Царя Небѣснаго, Христа Бога нашего, хощешъ отдати в руки?» Тогда царь нача их бити. И в той час возмутися народ, пришед, взя царя за руки и посади ево в тюрму, в Спаской монастырь. А сами стали неверным лесть чинить и кормъ подавать, а сами нача войска копить. И собра войска своего тритцать тысящь.

В той же час евися гражданом Мать Божья: «Подите, народъ, из града вонъ! Да поможет вам Господь Богъ побити неверных царей!»

Тогда князи костентиновския пошли на вылоску и вознели руце на небо: «О Господи, Господи, Боже нашъ! Ты создал нам святое свое крещение, а мы *должны* истинне, верне служить Господу Богу! А раба твоя, государыня наша царица, к тѣбѣ вѣру держить для того, что намъ *царевича* мудра и сильна порадила!» И пошли в соборную церковь, и взяли со слезами на руки *образ*, и понесли на градовую стену, и поставили высоко, а сами рекли гласно: «*О* злогонители, Христовы хулники! Приимите со града распятаго Господа Бога!» И оне, злочестивыя враги, с радостию ко граду приидоша, и лесницы приставиша. И в той час *вышло* из града войско, и прогнали, и побили много.

И вышли Долматовы богатыри и хановы, и вбили во град войска, и заперлися накрепко. И сами просять Христа на поругание, и упросили, а сами идутъ по граду князи с плачемъ, пошли ко царице. И увидили ис темницы два разбойника: Перша да Ивашка. У Перши руки мѣдью проволошной перевиты, на ногах — сапоги соромятныя, потковы мѣдныя; а Ивашка на ногу припадывает, башмоки турецкия на немъ желтыя, чулки зеленыя, шелковыя, говорять, что в трубу трубятъ: «Великии наши государи, князи и бояри! Донесите наши слова нашей государыни царицы, что мы силу невѣрною двое всю положим и не станут творити пакости!»

И услышели князи, кинулися к царицы: «Государыня царица Ирина, скажем тебѣ повесть доброю! Есть у насъ в темницы сидятъ два разбойника, Перша да Ивашка, велми силны, хвалятся одни силу неверную побить, и царей от града отогнать, и *за* Христа пострадать, чтобы их ослобонить!» И царица рече: «Пожалуйтя, освободитя и приведитя ко мнѣ их, к царицѣ!»

И царица рекла им: «Ой еси, разбойники! Можете ль вы нас оборонить и за Христа пострадать?» И рече ей: «Великая государыня царица, Ирина Дмитревна! Нам глас с небеси явился, чтоб тебѣ при печали не быть, а царя твоего, мужа, Господь приказал смерти предать за то, что он призвал неверных царей и хощеть Христа на поругание им отдати, а тебѣ с сыномъ радостно царствовать во вѣки!» Потомъ царица возвела руце на небо: «О Господь мой и Богъ мой! Что воздам ти, твоему образу святому, толко рада воздавать хвалу тебѣ и радоватися о сынѣ своемъ! А что ты хощешъ, тако и творишъ!»

Пришед в то же время князи и бояры, и взяша из монастыря царя, и приведоша на место уготованное, и растопиша смолы, и роспяша ему рот, и влиша ему в рот, и предаша ему смерть; а сами взяли роспятаго Господа Бога, пришли из града к неверным царям и рекли им слова: «Государи цари, Долмат и Ханъ! Аще ваши воины наших двух *разбойников* побиют, то мы распятаго Господа вам отдадимъ; а если наши разбойники ваших воинов побиютъ, то вы отдайте свои царския главы намъ на поругания».

И цари тому ради сташа, что надѣютца на мочъ своих воинов, приказали сходитися на мѣсто. Перша ухватил воина Долмата царя, а Ивашка взял друга-

го, царя Ханова, и разбили их смертно, такожде и последних воинов побиша, и силу их поплениша. Потомъ взяша разбойники царей живых в полон, и повели ко царицѣ и ко *царевичю* в град, на царев двор, а сила костентиновская неверными пожитками разбогатели.

А царица распрашивала у царей, и они сказали, что, де, «мы приходили по писму царя, мужа твоего, а послы нас послаша и к вам!» Потому царица и *царевичь* приказа с них снять головы и на колья посадить, а своих послов смерти предать.

И послали их в Турецкое царство, в Далмацкое царство, а князи итти в тѣ земли не посмеша, чтобы главы их такожде не поснимали, а послали двух разбойников з головами и да имъ честь боярства. И скоры послы пошли, и пришед, показали головы царевы и положили писма уличныя: «Приходили други ваши, такия же неверныя, что и той царь турецкой, хотѣли взять Господа Бога на поругание. И нашъ Господь на небеси жив есть, а образ ево у нас есть свят и милость нам подает невидимо, а на вас, бусарманов, побѣду посылает и главы с вас, неверных, снимаетъ».

Царь Салтанъ Салтановичь стал велми яростенъ, аки звѣрь, свѣргъ бошмак *с* своей правой ноги и удари посла Першу в груди, и посол Перша стал говорить смела: «*Великий* государь, Салтанъ, царь *турецкий* и злохулник Христовъ! Что яростно взираешь и бошмакомъ бросаешь и биешъ? Пословъ даруют, а не биют!» И рече царь *турецкий*: «Аз стану за царя Долмата и за царя Хана, приду к вамъ, а царя вашего моладова в полонъ возму! Аще млат — научю ево турецкой своей грамотѣ и языку, а градъ вашъ разарю весь, а Христа возьму на позорище!» И рече ему послы: «Неразумный царь! Не видимъ мы такова человека на свѣте тебя глупѣя, что ты! Наш Господь Бог силенъ, а християномъ помощи подает, а на вас побѣду посылаетъ!» Потому пришли ево пажи и вельможи, рече царю Солтану: «*Великий* государь царь, Салтанъ Салтанович! Прикажи послов посадить в темницу, а своих послов пошли в Костентинъ-град и вели лестию прошать Господа их. Когда *младый* царь отдасть Бога своего к нам, послы принесут, тогда ему самъ отмсти и ругайся, что онъ невернымъ царемъ смѣялся!»

Царь Салтанъ послушалъ их совѣту, посадилъ послов констентиновских, а сам скора отредил пословъ своих, а в листѣ[1] писал *бесчестно* лукавствомъ: «Великий государь царь! Млад еси и величеством славен на земли!», потомъ: что «вашъ Господь Богъ силенъ и вам милость подает; имѣешъ веру святую к Богу, также и азъ; прошу любовъ творити, Христа почитати, а с тобою буду во единой вѣри!»

Царь Костентинъ и мать ево, царица Ирина, и всѣ тому ради были, скоро Христа понесли перед послов. И послы, видя Бога, и лукавством своимъ падоша пред образомъ на землю, и царь Костентинъ рече имъ: «Возмитя образ Христа нашего и честно понесите царю своему и молитесь Христу нашему, то вам много

[1] грамоте.

милости подасть! Аще станете Господу Богу нашему ругатися, то Господь Богъ сошлет на вас побѣду!» И отпустил послов неверных. И скоро послы пошли в Царьград и подали Христа в руци царю. Царь радостенъ бысть. А в тѣ числы Ханова царица и Долматова царя царица пришли в Царьград *к* турецкому царю. И приказал царь Солтанъ костентиновскихъ послов привѣсти пред себя и рече им: «Верныи послы! Хотите ль вы веровати нашимъ идоломъ и угодником, Рахлию и Бахмету? Дарую единому — царством Далмацким, а другому — царствомъ Ханским, и станим в любви жити, а вѣру станимъ нашу *хранить*, а Христа вашего станимъ ругать, такожде что и вашъ царь над нашим цари!» И отсече Господу главу и на колъ взаткнул, а самъ рекъ слова: «Скажите мнѣ правду! *Есть* ли у вас такия же воины и *выручат* ли онѣ Господа Бога своего?» И рече послы, а сами прослезились: «О *невѣрный* и злонечестивый царь! Хотя ты образъ Христов ругаешъ, а Господь станет за свой ликъ, и скоро жди на себя побѣды! И приидетъ самъ нашъ царь Костентинъ и станет за Бога, и тебѣ отмститъ!» И царь яростно на них взираша, а самъ рекъ: «Возмите, пилаты, и распнитя их!» И рекли ему бояры: «Государь царь Салтан, пожди царя, либо скоро будет, а пословъ посади в темницу!»

И пасадили накрѣпко, и пала весть от корабленикотв к царю Костентину. И царь Костентинъ скоро пошел к матери своей с плачемъ и почал у матери прошатца. Мать и сынъ поднявъ руки на небо, слезно милости просятъ, чтобы дал Господь помощи на враговъ и *отмстилъ* бы за свой святой образ. И в ту нощъ явися ангелъ, и рече царю: «Вот тебѣ конь! Доиди во град Салтанов, отмсти зло за зло, и тебѣ Господь силу и смѣлость Христосъ прислалъ!» А в конѣ — волотья[1] глава, а во лбу — звѣзда свѣтит.

И *царевич* вздѣлъ венецъ на главу, и наряд доброй златой, и мечь с каменемь, и *шеломъ* с каменми дорагими, и взял юношъ с собою сто человѣкъ, и сѣл на агелскаго коня, аки ангелъ, и поѣхалъ сь юношами своими борзо к Царюграду. А мать ево за ворота провожает, а самъ за городам с матерью прощаетца; и полажила на перси ево чепь златую с каменми, и привешенъ крѣстъ поклонной с мощами, и благославила ѣхать днем и нощию.

И какъ приѣхал ко граду, сталъ сь юноши своими думать: ко царю прямо ли ѣхать, или вѣсть подать. И поѣхаши на *царевъ* двор прямо на пречюдныхъ своих коняхъ.

Приход царя Костентина к царю Салтану на дворецъ: приѣхалъ, слѣз с коня и стал на рундукѣ подперши, и узрилъ Христа своего: на колѣ глава ево Божия. Стал плакать: «О Господи, Боже мой! Что мнѣ воздать царю за твой святый образ? Хотя я самъ пропаду, а за тебя, Христа своего, стану!»

И поѣхалъ со царева двора сь юноши своими, и спрашеваетъ у людей и даетъ ребятам по залотому: «Гдѣ сидятъ послы костентиновски? Аз хощу имъ милостыню подать!» И ребята указали.

---

[1] воловья.

И *царевич* приехалъ ко темнице, а *сторожей* всѣх побилъ смертию, а сам реклъ: «О вѣрные мои, здравствуйте! Аз к вам пришелъ на взыскание Господа своего, и *ваше*, послов добрых!» Трудные[1] и по голосу царя не познали и рече: «Кто ты таковъ, нам глаголешъ?» И рече: «*Младый* царь аз вашъ, Костентин Васильевичь!» И тому онѣ ради. И царь их выпустилъ, и онѣ падоша на землю царю со слезами, и царь имъ даде по каню доброму, и поѣхаша с послами и сь *юношами* в двор царевъ. Сами с коней слезли, и взяли с кола главу Христову и полажили в ковчегъ *златый* и с *крестом*, с честию, а сами пошли в полату цареву.

И у царя много народу. И рече ему царь: «Кто ты таков? Вшел бѣз докладу, а шелому своего з главы не снимаешъ!» И рекъ царь Костентинъ: «Аз пришел к вам, босурманомъ, хощу аз вас всѣх погубити за своего Господа Бога и за146 пословъ своих!» И царь *Салтан* завопил гласомъ: «*Есть* ли у мѣня воины многия? Прикажите пилатомъ смертию всѣх казнити!» И рекъ царь Костентинъ: «Великъ есть Христосъ нашъ! Не выдасть нас невѣрным!» И выняв мечь свой, и пресекъ пашей всѣх, и силных богатырей, и от крови их полата кровию натекшу. А царь и царица падоша пред Костентиномъ. И рече ему царь: «О государю царю! Аз *согрѣшил* пред вашим Господемъ Богомъ!» И рече ему царь: «Проси ты, царь, у своего бога, идола *Ирахлия* и Бохмета, тѣ вас спасутъ от руки моея, а мой Христос отмститъ против своей главы — твою главу сняти!»

И вывел ис полаты вонъ, и поставил на место, и снял с него главу пред всемъ народом, такожде и з боговъ их снял и заткнул на колья пред всемъ народом. И взмутился народ турецкой: собралися множество много народу неверных, и наступили на царя и на послов. И тут царь Костентинъ пресек, аки птенцовъ малых, и пустиша кровь их, аки воду, а сам поѣхал царь на царев двор, и пошли в полату, и увидили царицу Долматову и дочь ея, велми *прекрасну*. И взял дочь Долмата царя и послал в царство разбойника Першу. И Перша с листомъ пришел и справил за царя Костентина, для того, что царь ево «взял вашу царевну за себя!»

И стал Перша царьствовать в Долмацкомъ царствѣ, а Ивашку-разбойника послал в Ханова царьства. И тот такожде справил, и дань наложил, царю бы онѣ, Костентину, служили. А Ивашка жить в неверной странѣ не захотел, и царь посадил ево в турецком царствѣ.

И жил Костентин три месяца, и взял Костентинъ казны и каретъ, и повес с собою царевну; приѣхал в дом *свой*, встретила мать ево чесно, и понесли главу Христову в соборную церковь, и венчалися с царевной, и стали жить честно и радостно. И поставил в царствѣ столпъ среди града, что Господь Богъ показал чудо над бѣзбожными турки и татары. И в тѣх градах устроил столпы, и дань ему взял, а сам живет славно отнынѣ и до вѣка сего. Аминь.

---

[1] пленники.

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

Бысть во Цареграде царь Михаил, благочестивъ и славенъ зело во всѣх странах. И родися у него конь велми чюденъ и грозенъ. И нихто на него не смѣяша сесть, царь на немъ не ѣздиша, в желѣзной конюшне стояше, повинных[1] к нему мѣташе. И повелѣлъ царь Михаил во Цареграде клич кликать: «Хто б царевъ конь укротилъ, чтоб могъ ѣздить царь Михаилъ на чюдномъ и на грозном конѣ?» И розошлася вѣсть по всѣмъ градомъ.

Слышав же то Московские области извозникъ[2] нѣкто, имянем Василей,* и прииде во Царьград. И виде царя Михаила, к вечерне идуща, и воскричал извозникъ, и рече: «Великий царю Михаил! Яз грозново коня твоего укрочю, что имешь ты, царь Михаилъ, ѣздить на грозномъ конѣ!» И слы*ш*евъ же то, князи и бояре и отбиша ево прочъ и рекоша: «Али в *тою* пору во Цареграде нѣтъ ни в князех, ни боярех, кому укротить грозново коня!»

На утре ж увидевъ извозникъ царя, к заутрене идуще, и возопил великимъ гласомъ: «Великий царю, яз конь твой излечю, что ты, царь, имешъ на конѣ ѣздить». Царь же слышавъ и рече: «Аще так сотворишъ, яз тобя учиню вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда,* и князей, и бояр, и велмож».

Извозникъ же поклонився царю и поиде к желѣзной конюшне, гдѣ конь стоит. И ударивъ кулакомъ по замкомъ — замки всѣ с пробоев долой спадоша. И вниде в конюшъню, и ухватил коня одинова пр*и*заромъ[3] за ухо, и бысть конь кротокъ и смиренъ. И положилъ на конь узду, и оседлал грозново коня. И вcase на него и поехал, и объѣхал около Царяграда трожды. И виде коня тиха и кротка и, приѣхавъ на царев двор, воскричал громко: «Великий царю Михаил, чюдной конь твой тихъ, и кротокъ, и смирен. Вели на него положить конской нарядъ». Царь же Михаил со князи и з бояры своими видев грозново коня и много дивовася, и повелѣлъ конской наряд положить. Извозникъ же рече: «Великий царю Михаилъ, всяди на грозной свой конь, тих и кротокъ». Царь же всяде на

---

[1] провинившихся; [2] конюх, возчик; [3] яростно.

конь и поѣха по царскому своему двору, князи же и бояря, и велможи много дивяся царскому на коне сиденью и чюдного коня течению.

Царь же Михаил, велми радостенъ и веселъ, повелѣлъ чюдново коня поставить въ воденой кандуле[1], а извозднику повелѣл подле своего царского двора царской двор устроить. И нарекли извозника царемъ.

По немнозе времени извоздника посадиша на царскомъ престоле и платье царское на него возложиша, и венецъ царской на главу ему возложиша, и скипетръ царьской в руку ему дастъ. И дастъ ему половину князей, и бояр, и велмож, и половину Царяграда. И заповѣда всѣмъ, ево повелѣлъ слушать. Тогда же извоздникъ воцарився и бысть грозенъ велми. Вси князи и бояре, половина Царяграда, славят его во цари всему Царюграду.

Некоторые князи, и бояря, и велможи старого царя благочестиваго, пришед, царю своему рекоша: «Посаженика твоего славят всему Царюграду царем, а тебя, благочестиваго царя, и не слышеть». Царь же Михаил слышавъ и посмеявся, и повелѣлъ царя Василья, посаженика своего, к себѣ на пир звать.

На утрий же день оба цари у заутрени и у литоргѣи быша. И какъ убо время кушать царю Михаилу, послалъ вѣсть ко царю Василью. А самъ царь Михаилъ сяде на престоле своемъ царскомъ и повелѣлъ многимъ около себя быти княземъ, и бояром, и велможамъ. Царь же Василей поиде ко царю Михаилу на пир, а с собою не много взяше князей и бояр, и вниде в полату, гдѣ царь Михаилъ на своемъ на царскомъ престоле сядя. Царь же Михаил не воста с мѣста своего противу царя Василья, посаженика своего, и повелѣлъ царю Василью с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: «Не подобает царю царя розувать и обувать! Царь царю по достоянию честь воздает». Царь же Михаилъ рече: «Аще не снимешь башмакъ и опять не возложишъ, велю тебя казнить». Царь Василей не могъ ничем отнятца[2] и сотворил ухищрение: снял башмакъ с ноги и опять возложил. Царь же Михаил востал, *сш*ѣлъ с престола своего царского и сяде за стол кушать. Царь же Василей *ис*шед во свои хоромы, за стол ко царю Михаилу не пошол.

И пришед в свои хоромы, и начал велми сердитовать, аки левъ ревуще. И повелѣлъ к себѣ всѣм своимъ княземъ и бояромъ быть тотчасъ. Князи ж и бояря всѣ сьѣхашеся. Царь же Василей начал имъ жаловатца: «Князи и бояря и вси велможи! Царь Михаилъ зазвал меня к себѣ на пир, яз к нему пришол, и он меня заставил себя розувать и обувать и меня тѣмъ обесчестилъ. И вы мнѣ придумайте, какъ мнѣ отомстить царю Михаилу позор свой». Князи же и бояре, и вси велможи рекоша: «Великий царю Василей! Подобает тот позор отомстить: единому живу быти, а другому мертву». Царь же Василей, слышав, повелѣл к себѣ всѣмъ быть от мала и до велика в третьемъ часу ночи, всѣмъ вооруженным.

---

[1] Слово неясно; возможно, это испорченное *кодола* — неводной канат (кодолить коня — пустить на вожже); [2] уклониться.

День проиде, бысть ночь. Царь Михаил ляже опочивать, а князи и бояря вси поѣхаша коиждо[1] по себѣ. И бысть третей часъ ночи. Ко царю Василью сьѣхашеся, царь же Василей, вооружася, поиде на царя Михаила. Ко вратомъ царскимъ прииде, пятьсотъ стрелцовъ побил. На двор вниде, а на крылце и в сѣнех болши пятисот побилъ. И прииде г дверям полаты царевы, и выломиша двери, и вниде в полату, гдѣ царь Михаилъ почивает. И прииде ко царю Михаилу, и вынявъ мѣчь свой, и хотѣлъ царю Михаилу главу отсѣчь. А царь Михаилъ опочивает, а руцы его на *выи*. Царь же Василей тялъ[2] мечемъ и отсечѣ обѣ руцѣ. Царь же Михаилъ проснувся от сна и рече: «Царь Василей! Судитъ тобя Богъ со мною, что ты мнѣ за добро зло воздал!» Царь же Василей ужаснулся и побежал ис полаты вонъ. Изменники же царя Михайловы возвратиша царя Василья и рекоша ему: «Царю Василей! Аще ево ныне не докончаешъ, утре тобѣ тою же самому смертью умереть». Царь же Василей возвратився в полату и отсече царю Михаилу главу. И повелѣлъ ево тое ж ночи похоронить по достоянию по царскии, бутто своею смертью умер.

А на утрии же день повелѣлъ столбъ высок сотворить и повелѣлъ в вѣчный колокол звонить, чтобы к столбу вси цареградцкие князи и бояре сьѣхалися. Тот же часъ сьѣхалися всѣ. Царь же Василей вниде на столбъ и нача велегласно говорить: «Князи и бояря, и вси цареградцкие мужи! Царь Михаил царьствовалъ во Цареграде единъ много лѣтъ, а меня сотворилъ над половиною *Царяграда* царемъ, а самъ царствовалъ надъ другою половиною. А ныне царь Михайло преставился, и яз его похоронилъ чесно. И вы кого выбираете на другую половину во цари?» Князи ж и бояря, и вси цареградцкие мужи рекоша: «Царю Василей! Коли царь Михаилъ преставился, кому другому быть? Ты единъ царь, буди надо всѣмъ Царемъградомъ царь». И всему Царюграду прославиша царя Василья царемъ. Царь же Василей, извозъдникъ, всѣмъ Царемъградомъ владѣя многое врѣмя.

---

[1] каждый; [2] ударил.

СКАЗАНИЕ О ДРЕВЕ ЗЛАТОМ И О ЗЛАТОМ ПОПУГАЕ

Бысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и богобоязливъ. Велми былъ к Богу подвиженъ: святая святых созидалъ, сосуды златые и серебреные во церкви поставлял, церкви пресвещенные воздвизалъ[1] и монастыри строил, и грады зиждалъ[2]. И бысть у него древо златое, и ветви у того древа златые и серебреные. А на томъ древе птицы поют различными гласы.

Слышевъ же многие цари и короли про то златое древо и посылаху пословъ своих во Царьград з дары бесчисленными ко царю Михаилу благочестивому, и прошаху у него, чтобы дал древа златова посмотрить. И послы приидоша во Царьград и поклонишася благочестивому царю Михаилу, и дары подаша, и прошаху у царя древа посмотрить. Благочестивый же царь Михаил велѣлъ дары приняти, а послом повелѣлъ древа посмотрить. И послы же видя древо и дивяся много. И поклонишася царю, и пойдоша во свою землю ко царемъ и королемъ своимъ. И пришед, все по ряду[3] поведоша.

Цари ж и короли слышавъ от пословъ своих про златое древо и много дивяся. И умысливъ, совѣтъ сотвориша, хотяху у царя Михаила древо златое отставить. И отрядиша иных послов своих и послаша во Царьград, и повелѣ*ли* давать за златое древо городы и именья многа. Послы же приидоша во Царьград з дары и поклонишася царю Михаилу, и рекоша: «Великий царю Михаилъ! Цари наши и короли нас прислали к тобѣ, великому царю. А велѣли тобѣ говорить и у тебя просить древа златова. А велѣли тобѣ, царю, давать много городовъ и имѣнья много». Благочестивый же царь Михаилъ велѣлъ дары принять, а пословъ повелѣлъ древа смотрить, а на городы и на имѣнья древа златова не отдал. И рече царь Михаил пословъ: «Рките[4] царемъ своимъ и королемъ: цареградцкий великий царь Михаил велѣлъ вамъ говорить: за что царю Михаилу златое древо отдать на городы и на именья? Во Цареграде древомъ златым царь сла-

---

[1] строил; [2] возводил; [3] по порядку; [4] скажите.

венъ, зело изобиленъ во всемъ однеми дарами». Послы же поклонишася царю Михаилу и пойдоша во свою землю ко царемъ своимъ и королемъ. И сказаша все по ряду, что царь Михаил приказал. Цари же много дивяся.

По мнозе же времени благочестивый царь Михаилъ преставися от царствия своего, и на ево мѣсто во Цареграде сяде на царство царь Левтасар. И бысть пьющъ велми, всю царскую казну пропил *цареградцкую*. И князей и бояр много казны взял, все то пропил. Церкви пресвещенные разграбилъ, сосуды серебреные из церквей поимал, все то пропилъ. Монастыри разграбилъ, да уже нѣчево ему пропить. Дограбився до златово древа, и все древо златое розламал, и все то пропил.

И некоторого вечера веселящеся со князи и бояры, пьюще и тѣшася велми. И слышавъ, что древа златова одна ветвь. А на той ветви золотой попугай говорит человеческимъ голосомъ, что сей де нощи царю Левтасару напрасною[1] смертью умереть. Царь же Левтасар рече: «Князи и бояря, слышите, что золотой попугай говорит?» Князи же и бояря рече: «Великий царю Левтасар, слышимъ».

Царь же Левтасар возревъ[2] на подволоку[3] и виде много множество на подволоке рукъ человеческихъ пишуща, а лицъ не видитъ. И велми царь Левтасар ужаснулся и рече: «Князи мои и бояря, видите ли, что на подволоке руцѣ человеческии пишут, а лицъ не видеть? Некоторые[4] волхвы чары на меня нанесоша». И повелѣлъ в вестовой колоколъ звонить,* и проповѣдникомъ повелѣлъ по улицамъ ѣздить, чтобы все князи и бояря, и все мужи ѣхали на царевъ двор велия чюда смотреть.

Тот же час сьѣхашеся весь град на царевъ двор, и начаша ходити смотрить чюда в полату по десяти человекъ. Руки же не бояшеся никого, пишуще харатьи[5], из руки в руку подаяше. Аки буря великая шумяше от харатей в полате. И рече царь Левтасар: «Князи и бояря, и все мужи градцкии! Что у меня в полате велие учинилося? Нѣкоторые волхвы чары на меня нанесоша». Князи же и бояря все рекоша: «Великий царю Левтасару! То намъ чюдо несвѣдома. А свѣдома то чюдо Данилу пророку. Данил пророк живет в монастыри, от Царяграда шестьдесятъ поприщ».

Царь же Левтасар повелѣ послать тотчас по Данила пророка. Посланник же къ Данилу пророку приеде и з Даниломъ пророкомъ стал во Цареграде, у царя в полате, во мгновения ока. И сказаша царю про Данила пророка. Царь же встретилъ среди полаты пророка Данила и рече Данилу пророку: «Что в полате у меня велие чюдо явися? Нѣкоторые волхвы чары нанесоша».

Данил же пророкъ виде: ангельские руцѣ пишутъ. И бысть трепетенъ[6] велми. Пророк же Данил рече: «Великий царю! Не волхвы чары нанесоша на тебя. То пишут ангельские руцы действо твое, царю: что ты царьскую казну пропил, святая святых разорил, сосуды церковные, златые и серебреные, из церк-

---

[1] внезапною; [2] посмотрел; [3] потолок; [4] какие-то; [5] грамота, пергамен; [6] задрожал.

вей поимал, то все пропил. Монастыри розграбилъ, бояр и всяких людей ограбилъ, то все пропил. И златое древо все то пропил. Царьград да и вы, цари во Цареграде, ото всѣхъ царей и королей з древомъ златымъ чесны и славны были, и весь Царьград изобиленъ был древомъ златымъ. Сей тебѣ нощи напрасною смертью умереть».

Царь же Левтасар со гнѣвомъ повелѣлъ Данила пророка посадить в темницу, а сам повелѣл себя стеречи всему царству, чтоб к нему смерть не пришла. И начал он в полате своей един пребывать, толко с ним Дарей Менденис. И дастъ ему копье свое, и приказал ему, никово к себѣ в полату не велѣлъ пускать: «Хто станет царскимъ имянемъ пролыгатца[1], убей ево, не вѣрь ему». — И повелѣлъ ему у дверей стоять.

А самъ царь Левтасар легъ опочивать и уснул три часы. И проснулся от сна, и посмотрил в окошко на двор, и виде на дворѣ огненное пламя, оружное блистание человеческое и говор. И воста, пойде ис полаты сторожи[2] смотрить. И увидеша царя вси с трепетом. И походил царь по двору и виде: крѣпко стерегут. И рече: «Как хочет смерть пройтить ко мнѣ через такую крѣпкую сторожу?» И вниде в полату свою.

И ляже опочивать, и заснул шесть часов. И будет девятой часъ, и проснулся от сна. И пойде ис полаты сторожи смотрить, и виде: крепко стерегутъ. А Дари Менденис не слыхалъ, какъ царь ис полаты вышелъ.

Царь же Левтасар походилъ по двору и пошол в полату свою. Царь отворил дверей, хотел войти, Дарей же Менденинъ вспрянул[3] с копьемъ и скочил ко дверем. И рече: «Ты, смерть, почто идешъ сюды?» Царь же рече: «Дарей, не убей, яз царь Левътасар». Дарей же рече: «Не царь ты — смерть, пролыгаешъся царскимъ имянемъ». И ударилъ его копъем, и прободе его навсквозь. Царь пал мертвъ. Дарей же посмотривъ на царьской постеле царя и *не* найде. И посмотрилъ у дверей и виде мертва царя. И бысть в великой кручине.

И бысть же утру, солнце настало, востече[4] велми красно. А [5]Царьград во тме совлеченъ царскою кровью[5]. Князи же и бояря поутру пошли ко царю здравъствовать: «Дай Бог, здрав был за нашею сторожею». И внидоша[6] в сени и увидеша царя мертва. И ужаснувся весь Царьград. И рече к Дарию: «Что есть великое чюдо учинилось?» Дарей же Менденинъ все по ряду росказал, какъ царь приказал. Князи же и бояря, и вси гражданя рекоша: «Богъ такъ изволил! Что хощетъ, такъ творитъ».

Царя же по достоянию погребли чесно, по-царски, а Дария казнили. И рѣкоша все: «Проклят тотъ, хто государской уби*й*ца».

---

[1] лгать, называться чужим именем; [2] стражу; [3] внезапно вскочил; [4] поднялось; [5—5] Царьград повержен во тьму из-за пролитой царской крови; [6] вошли.

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕВИЧЕ ВАЛТАСАРЕ

ПОВЕСТЬ О ВАЛЪТАСАРЕ КРАЛЕВИЧЕ, КАКО СЛУЖА НЕКОЕМУ ЦАРЮ

Бысть в некоей странѣ град великъ и славенъ зѣло. И в том градѣ бысть царь велми богат и славенъ зѣло, и много земель богатых имелъ у себя в покорении. И бѣ служа ему некоего краля сынъ, именемъ Валтасаръ, и собою вельми пърекрасен и разуменъ, что в державѣ его таковаго лѣпотою не обретеся. И любяше его царь вельми за красоту лица его и за умную речь, и учинил его пред собою стоять. И бѣ от всех чьтимъ. Изволи его царь совокупити честному браку и избра царьства своего девицу, некоего вельможа дщерь, именемъ Фларента прекрасная. И по совокуплении кралевичь нача жити съ сожителницею своею вельми любезно, что и людемъ житию их позавидети.

И по неколицех днех из некоего славнаго далнаго царства пришел к тому царю посол от царя своего о нѣкоих царских вещехъ. И увидѣ той посол кралевича того и велми подивися красотѣ лица его. И рекъ в себѣ: «Подобен се кралевичь царю нашему красотою лица своего». И нача во умѣ своемъ держати, чтобъ по возвращении в царство свое про красоту того кралевича царю своему возвѣстити.

Егда же пришед во свое государство, и в нѣкоторое время рече царю своему о кралевиче: «Великий царю! Был я нынѣ от твоего царскаго величества в послѣх и видѣл того государства у царя из нѣкоего кралевства, служилъ ему кралевъ сынъ, именемъ Валтасаръ кралевичъ. И той кралевичь красотою лица своего подобенъ зѣло твоему величеству».

Слышавъ же се царь и повелѣ к царю тому готову быти нѣкоему вельможе своему посланому. По указу же цареву написаша к тому царю о кралевиче листы[1] по царскому уставу. А в листѣх написаша о кралевиче кроме царских титлъ[2] си*е*: «Аще, царю, того титлъ сице кралевича в наше государство не отпустишь, и мы изволяемъ твою землю всю под мечь подклонити и твое величество жива полонити, и самого тя в тотъ чинъ предъ нашимъ величествомъ учинити.

---

[1] грамоты; [2] именование по сану, достоинству.

Аще ли же наше повелѣние сотвориши, то вѣчный миръ с нами восприимеши» — сей же царь и наипаки того царя сильнее и богатѣе.

Посолъ же прииде в то царство и подаде листы от царя своего. Царь же той, принявъ листы, повелѣ вычесть предъ собою. И услыша писанное о кралевиче, рече послу тому со гнѣвомъ: «Иди ты к царю своему тощъ[1] и скажи ему, чтобы онъ не труждался всуе и не мыслил, что кралевичю бысть у него в царстве». И не даде ему кралевича. Посолъ же той *отъиде* от царства вотще.

По отшествии же посла царю своему рекоша думцы[2] ему: «Великий царю! Зачемъ ты кралевича послу в царство не вручил и хощеши ради единаго человека все царство свое погубити? Воистину, царю, впадеши в раскаяние, и никто тебѣ помощник будетъ. То*т* царь сильнѣе и богатѣе твоего царства и может сотворити противъ послания своего». И сие мысливше на кралевича нѣчто зло ради зависти, чтобы царя двигнути на гнѣвъ: «Воистину возвѣщаем!» Слышав же той царь и размысли по глаголу их, и бысть в недоумѣнии. И паки прелагаетъся на их совѣтъ, разгнѣвася на кралевича, посылаетъ его бесчестна в то царство, гдѣ его желаютъ видѣти, и без сожителницы его.

Кралевичь же, сие слышавъ, вельми бысть печаленъ ни о чесом же, но токмо о разлучении с прекрасною сожителницею своею, плакася горко на многъ час с нею. Она же, взявъ ево и любезно поцеловавъ, рече ему лстивымъ[3] лицемъ, якоже последи укажетъ: «О господине мой драгий и честнѣйший! Не вижу я, бѣдница[4], что заходитъ свѣт от очию моею! И се, господине мой, виждь хартию[5] и чернилы, и разные вапы[6]». И даде ему трость[7] в руцѣ ево и хартию, и рече ему: «Назнаменуй[8], господине мой, своего прекраснаго лица образ на сей хартии по подобию красоты твоей, да яз поставлю его в ложницѣ[9] своей в честнѣмъ мѣсте и стану на него зрѣти и тебе, сожителника своего драгаго, поминати. И, вспаметовавши твою премъногую ко мнѣ любовь, начну горко плакати и от горести сердца своего сей твой начертанный образъ начну любезно лобзати». Онъ же, яко безлобивъ, веземъ хартию и трость, и ва*пы*, и начерта образа своего подоболичие. И вдаде его, отъиде, печалуяся велми и бия в перси своя.

Поиде в царство то с купцемъ. А купецъ поиде в то царство для торговли о товары. Кралевичь же в путном шествии велми печаленъ бѣ, поминая любовь сожителницы своея, и велми вкоренилась в сердце его печаль. Видѣв же его купецъ велми печална, рече ему: «Господине кралевицъ! Вижу я, идеши ты к такому славному царю на честь велию, а велми печалишся. И аз о семъ впадаю в недоумѣние, зело скорблю. Повѣждъ ми, что печаль твоя?» Кралевичь же залився слезами, от горести сердца возрыдавъ, едва рече ему. И сказа про печаль свою, что по дружинѣ[10] своей оставше*й*ся печалитца велми. Купецъ же, яко благоразсмотрителенъ, рече ему: «О семъ не печалься! Узриши, что ти аз покажу.

[1] ни с чем; [2] советники; [3] лживым; [4] несчастная; [5] пергамент; [6] краски; [7] палочка для письма; [8] изобрази; [9] спальне; [10] подруге.

Иди и возвративъся в домы своя. А се нощное время приидемъ и видимъ женъ наших, что творятъ, отпустя государей своих в далъные страны».

Кралевичь же пойде с нимъ во градъ, а товарыщевъ оставиша на страже нощнѣй. И приидоша во градѣ прежде к полатѣ купцевой, гдѣ мать его пребываетъ. И влѣзше к скважини, позрѣвше в полату и видѣша ю, молящуся Творцу своему о возвращении сына своего в домъ свой в добром здравии. Видѣвше же то они, купецъ о семъ радостенъ бысть, а кралевичь подивися и похвали. Пришедше же они к полатѣ же, гдѣ купцева жена пребывает. И поглядѣвше скважнею в полату оконцемъ, и жена купцева тожде творитъ, что и свекровь ея. И купецъ о семъ зѣло возрадовася.

И паки купецъ взявъ кралевича и поведе его к полатѣ, гдѣ пребываетъ кралевичева сожителница. И взявъ купецъ в руцѣ свои мечъ обоюдуострь и рече ему: «Буди, господине кралевичю, на волю твою! А что увидишь, не оглашай. Аще ль тако сотворишь, и аз могу тя у окошка у скважни на углу мечемъ си заклати».

И прилѣзше к скважни, взглянувше же в полату, ажно у сожителницы в полатѣ сидитъ на кровати любовникъ ея, котораго имѣла еще при немъ, кралевиче. Образом же той любовникъ зѣло неискусенъ[1] и нимало не дошелъ до кралевича. И, сидя на ложницѣ[2], бияше ю по ланитома[3] и ругается ей. Кралевичъ же се видѣ, едва и держася на углѣ. И восхотѣ вскричати, но не возможе, что положена межъ ими заповѣдь[4]. И естъли бы у кралевича мечь в руцѣ былъ, то бъ моглъ самъ себя заклати от печали тоя.

Любовник же, сидя на кровати, внезапу увидѣ кралевичево начертание на хартии, рече ей: «Что се за листъ? Повежд ми скоро!» Она же рече ему в слезахъ: «Се начертание драгаго моего сожителника». Онъ же рыкнувъ на ню и повелѣ бити образ той по ланитома. Она же отрицашеся[5] се сотвори*ти*, но не возможе, потому что велми нача ю принуждати. Плакавъ же, она нача персоню мужа своего по ланитома бити. По семъ нача с нею на ложницѣ опочивати и что имъ годѣ творити.

А кралевичь сие все видѣ с купцемъ тѣмъ. И поидоша оттолѣ, пошедьше в... своя. И по обычаю пойдоша в путь свой до царства. Купецъ о преждереченномъ велми бысть радостенъ в путъномъ томъ шествии, а кралевичь и наипаче бысть в печали. И с печали тое путем до царствия бысть лице его не якоже прежде, но ни в полы[6] при прежнемъ.

Егда же пришедше в то царство, и возвѣстиша царю про приходъ кралевичев. И повелѣ царь кралевича поставити предъ себя. Пришедъ же кралевичъ предъ царем. И увидѣ его царь в лице, помня хвалу про него посла своего, и велми ему не показася[7]. И возъярися же зѣло на того посла, которы ему про крале-

[1] недостойный; [2] на постели; [3] по щекам; [4] запрет; [5] отказывалась; [6] в половину; [7] не понравился.

вича сказывалъ. Повелѣ же кралевича ввести в садъ свой. Садъ же той таковъ бѣ: кто иво, того овощу, от человекъ прииметъ в садъ, от болезни или и здравы, то велми прибавливалъ красоты в лицѣ и здравия тѣлу. И нача царь к кралевичю входити в садъ по вся дни и на него взирати, да ли прибудете в лицѣ его красоты ему. Кралевичь, прибывая в саду, поминаючи сожителницы своей любовь, наипаче же беззаконие ея, нимало красоты в лицѣ его не прибуде.

По нѣколицехъ же днех нача кралевичъ от великия кручины своея по саду гуляти и на дъревеся взирати. И подъ некоимъ прекраснымъ древомъ узрилъ ложе царское и постеля, и возглавие, и одеяло. И помысли в себѣ, что царь опочиваетъ с царицею о полудни. И восхотѣ от нѣкоего помысла видѣти царя с царицею на ложе томъ, и взлѣзе на ино древо близъ того. Сѣдящу же ему на древе, бысть день о полудни. И видитъ кралевичь: ползетъ на коленех межъ древес к ложу нѣкакой поползень на древяных колодках. Прииде же той поползень к ложу и колодки повергъ на землю, самъ же вынявъ ис-под возглавия одежду царскую и облечеся, и сѣде на ложе.

Времени же малу минувши, прииде к нему и царица царя того с тремя своими д*е*вками. Той же поползень нача царицу ругати и бити по ланитома. Бивши же приглашаетъ[1], чего ради замешкала к нему приитти. Она же рече ему: «Царь долго убирался, не ѣхалъ за охотою в поле». А той царь полевую охоту зѣло любилъ и непрестанно ездилъ. Поползень же той нача с царицею творити беззаконие. И паки разыдошася же. А кралевичь сей сойде со древа и велми изумелся, рекъ в себѣ: «Воля Божия буди надо мною! Виждь, каковъ сей царь славенъ и образомъ прекрасенъ, а жена ево такъ озорничаетъ, не токмо моя сожителница оставшаяся!»

И отверже всю свою печаль от сердца, бысть в три дни прекрасенъ и здравъ паче прежняго. Царь же пришедъ видети его и велми подивися красотѣ его. Рече ему свѣтлообразно: «Повѣжд ми, человече, чего еси ради, многое время бывъ в саду, не бысть красенъ и здравъ, ныне же вижу тя в маломъ времени премѣнена в красоту». Кралевичъ же бысть призстрашенъ, возвѣсти ему подробну все про печаль свою. И паки рече ему: «Великий царю! Ест ли в семъ саду под древомъ твое царское ложе и когда ты на нем опочиваешь?» Царь же бысть яко во *и*зумлении. Рече ему, что нетъ у него такаго древа, чтобъ было подъ нимъ ложе, и никогда онъ в саду не опочивалъ. Кралевичъ же ему: «Царю, время ти итти в своя царская сокровища. Ко *мн*е же ти приити подобаетъ симъ образомъ, то ти все покажу. Зберися ехать будъто в полевую охоту и, оставя полевую охоту, прииди семо, то узриши желаемое».

Царь же сотвори тако, прииде к кралевичю обычаемъ темъ, яко же выше речеся, в садъ единъ и без руже*й*. Валтасаръ кралевичъ веземъ его за руку и поведе ко древу тому, гдѣ ложе царское, повелѣ же ему лести на ино древо близ

---

[1] приговаривает.

того. Взем же кралевичь в руцѣ свой мечь и полезе за ним же на древо. Рече же кралевичъ: «Великий царю! Воля твоя со мною, рабомъ своимъ. А аще что ни увидишь, то со древа не оглашай, а после воля твоя и с ними. А буде изволишь огласить, то имам тя здѣ на древѣ мечемъ симъ главу твоя отъяти от тя». И сѣдоша оба на древѣ, царь вкупѣ и кралевичь.

И по малу времени о полудни ползетъ к ложу тому вышереченны поползень, котораго виделъ прежде кралевичъ. И прииде тот поползень к ложу и колодки свои по обычаю повергъ под ложе, а самъ travelвземъ ис-под возглавия одежду царскую, облечеся в ню и седе на кровати. И мало время прейде, прииде царица с тѣми же тремя девками. И поползень принявъ ю, нача ругати и беззаконие с нею по-прежнему творити.

Царь же, се видя, оцепенѣ весь и восхотѣ возгласити на них. А кралевичь хотѣ его мечемъ заклати, потому что не бояся его, не виде никого близ древесъ и во всемъ садѣ. Цесарева же, натѣшивъшись, с поползнемъ разыдошась. И послѣ их царь с кралевичемъ соиде со древа и назва кралевича за такую ево любовь братом себѣ. И прииде в домъ свой, и велѣ того поползеня сыскати. И, сыскавъ его, з женою своею повелѣ повѣсити их на ворота. И розстреля их самъ с кралевичем, а тѣло их повелѣ псомъ на ѣдѣние повергнути.

И поживъ после жены своея с кралевичемъ нѣлико лѣтъ. И в нѣкоторое время рече царь кралевичю: «Брате мой, Валтасаре кралевичю! Послушай моего добраго совету, что яз тебѣ изреку. Вишдь, что наши сожителницы, с нами в любви живучи, чинили. И ныне, брате, возмемъ мы моего царства нѣкую прекрасную из женъ и станемъ с нею жить вмѣсте аки с сожителницею. А посадимъ ея в высокую стрелню[1] и приставимъ старуху крепкую. А двери, для вѣрности межъ себя, станемъ печатми своими печатать. А ради любве, чтобъ меж нами не было какие вражды, потому что сие дѣло зѣло мнительно, положимъ межъ себя заповѣдь велию, а ей тое заповѣди не объявимъ». Кралевичъ же рече ему: «Господине, советъ твой благъ. Но восвѣсти ми, что к сему дѣлу заповѣдь ради вражды?» Царь же рече ему: «Сице, брате, заповѣдь: пришед к ней в стрельню оба и положим ея на ложе, а сами ляжемъ по обѣма сторонама ея, единъ о десную[2], а вторы о шуюю[3] сторану ю. И кий из нас похощет с нею пребывати, той втораго ногою своею потрогай. И которого тронетъ, той в тоя поры лежи ничь на ложи, не трогася, а той с нею пребуди».

И похвали кралевичь разумъ царевъ, и сотвориша тако по совѣту своему. И живше с тою любовницею многое время по той заповѣди безложно. Любовница же их по нѣкоему случаю выведав их совѣтъ, паки и заповѣдь. И в нѣкое время поглядѣвъ из стрѣльни в оконце и увиде на земли нѣкоего отрока, и разгорѣвся к нему любовию похоти. Спусти в оконце холстъ и подыме его тѣмъ холстомъ от земли в оконце, пребывъ с нимъ на ложи.

---

[1] башню городового укрепления; [2] правую; [3] левую.

По времени же придоша к ней царь и кралевичь по обычаю своему. Любовница же их, яко лукава зѣло, услыша приходъ их к себѣ, сохрани отрока того от них в сундукъ свой. Царь же и кралевичь пришед и по обычаю своему легше с нею на ложи. И она бѣ лукава зѣло и злохитра, тронула их по заповѣди ихъ своима ногама обѣих вдругъ. Они же легше оба ничь на ложи и держаша во умѣ своемъ другъ на друга, потому что живъ они многое время межъ собою зѣло любовно и безложно. А в тоя поры тотъ ея любовник вышед из сундука и ляже меж ими, и пребывъ с нею. И паки тѣмъ обычаемъ любовница много время с ними живъ.

Царь же и кралевичь друг на друга во умѣ своемъ сѣтоваху, а никоторы выговорить не смѣетъ. И по нѣкому времени рече царь кралевичю яростно зѣло: «Брате мой! Повѣжъд ми, чесо ради ты како творишь напротивъ нашея заповѣди?» Кралевичь же рече ему: «Повѣжъд ми, господине мой, что твоя мысль?» Царь же рече ему: «Для чего ты с сожителницею нашею пребываешь един сия поры?» Кралевичь же, выслушав рѣчи ево, рече ему: «Господине мой! Я тебѣ сии рѣчи говорити *не* обрѣтал времени, потому что и я с тое жъ поры никако не причащся ей. А все чаял, что ты единъ с нею пребываешь. И мъного смотрил для вѣрности иного пришельца к нему у полаты и печати свое, и печати обѣ никако нерушимы пребыша».

Царь же, услышавъ у него сии рѣчи, укротився от гнѣвъ своего. Взем кралевича за руку, поидоша к стрѣльни и начаша по стрѣльне искати вшедшаго к ней. И много время искаше, и обрѣтше в сундуке отрока юна зѣло и прекрасна. Выняша его из сундука и спросиша, како вниде в стрѣльню. Онъ же все сказа имъ подъробну про наложницу их. Они же, восприимше от него такие рѣчи, вземше его и наложницу, повѣсиша на вратѣх и разстрѣлявше обѣих. А сами велми сѣтоваху ни о ч*е*сом же, но токмо о безчастии своемъ и о беззаконии и о лукавствѣ женъ своих.

И в нѣкое время рече царь кралевичю в великой печали свое*й*: «Брате мой, брате мой и господине! Виждь своего, паки и моего лицъ зракъ доброты и велие наше несчастие! И виждь, како прежнии наши законные сожителницы с нами лестно и лукаво жили, паки и ся наша общая наложница, сатанина угодница. О, злое острое дияволе оружие! О, зло всего злее злая жена! Поистиннѣ рече Иоаннъ своими Златыми усты: „Лутче железо варити, нежели злую жену учити". Паки рече: „Лутче жити в земли пустѣ, нежели жити з женою злоязычною и пронырливою".* И ныне, брате, отвержемъ от сердца всю печаль свою и пойдем по далнымъ странамъ стыда ради здѣшних жителей». Кралевичъ же рече: «Буди, господине, на волю твою, якоже хощеши. Аз радъ твоего добронравнаго глагола во всемъ слушати».

И пойдоша по далнымъ странамъ и по пустымъ местам. И ходивше много дней, яко близ и годишнаго времени. И в нѣкоей странѣ найдоша на лугу зѣло предобръ шатер велми прекрасенъ, маковица у того шатра красна и золота, и

велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищренми. И не дошедъ они до того шатра, подумавше промеж себя много, что мочно итти в той шатер, и стояху на многъ час. И паки положиша упование на Господа Бога, поидоша вкупѣ к шатру. Пришедше же в шатер той зѣло дерзостно и опасно, чаяху нѣкоего рыцаря и сирѣчь богатыря. И паки в шатрѣ никого не обрѣтоша. И начаша прилѣжно искати на лугу около шатра. И искавше много, яко вдолѣе и поприща от шатра того, и ничтоже обрѣтоша. И бысть в себѣ яко ужасны зѣло. Нашедше же на том лугу нѣкую стезицу[1] малу, яко в полупоприща от шатра того, и пойдоша по ней к шатру. И увидѣша близ тое стези рѣчку. Пришедше к ней по стези той и приидоша в близость того шатра. Увидѣша близ стези тое и реки, и шатра древо нѣкое, велми прекрасно при иныхъ древесехъ и высоко необычно. Влѣзше на него и начаша ждати, да ли кто по стези той к шатру приидет.

По малу времени зрятъ они, ажно бѣжитъ тою стезею левъ звѣрь, велми пристрашен. Изо устъ у него пламя, а из ушей дымъ чернъ. И во устѣхъ несетъ, яко видимо имъ от древа, кольцо златое, аки от солнечнаго блистания лучи испущает от кольца того.

Прииде же тот левъ в шатер и удари тое кольцо переднею своею ногою. И выйде ис того кольца пречюдная и прекрасная жена. А левъ превратися во образ пре*кра*сного воина во образѣ нѣкоего царя пречюдна и нача с нею в том шатре люб*е*зно опочивати. А царь и кралевичь все то со древа видѣвше и дивишася, но такмо бысть ужасны, да никоимъ обыкновениемъ их увидитъ и поястъ.

Опочивавше же той царь, мнимый лев, с тою изшедшею ис кольца златаго женою на многъ час. И посла ю той царь со златым кубцом для почерпствия воды. Она же, пришедше к рекѣ близ того древа, на немже вседяше царь и кралевичь, нача тѣмъ кубцом воду черпати. И увиде же вкупѣ два зрака человеческаго образа, и бысть во ужасѣ, мня, яко привидение нѣкое от сатаны. И ту воду ис купка вылив, паки почерпе с молитвою. И видѣт то же, что и в прежнем купцѣ, и наикраснѣе образы те и прежних образов. И дивися в себѣ велми, нача озиратися сѣмо и овамо[2]. И напрасно[3] взглянув на то древо, увидѣ царя и кралевича близъ. И рада бысть к растлѣнию грѣха с ними, потому что они зѣло прекрасни ей показалися. А той царь, мнимый левъ, в тоя пору в шатрѣ опочивал..., ожидая ю с водою к себѣ.

Она же, их увидѣв, нача со древа звати, обѣщевая имъ вмѣсто смерти животъ, едва со древа к ней снидут...

---

[1] тропинку; [2] сюда и туда; [3] внезапно.

ПОВЕСТЬ О ПЕРСТНЕ

О ВЕЛМОЖИ ЦАРЕВЕ

Бысть убо нѣкто воевода славен зѣло, егоже царь паче всехъ почиташе велмож. Ему же завидяху тии велможи и много ко царю клевещуще на него, дабы его до конца возненавидѣлъ. И случися всѣм велможам быти у царя на пиру, велию брань сотворше между собою ненависти ради. Он же рече им: «Почто ми, братие, завидите? Ничто же вам зла сотворихъ! Когда мя Господь милуетъ, тогда и царь мя жалует».

Царь же той слышавъ такову рѣчъ от воеводы, вложи врагъ в сердце его злую ту мысль на того воеводу. Начатъ гнѣватися и вины искати, чим его посрамити, не хотѣ слышати слова того: когда человека Господь милуетъ, тогда и царь жалуетъ, и вси его любятъ. И запоивъ его бес памяти, и давъ ему перстень зѣло украшен златом. И повелѣ ему во утрий день таковъ же сотворити. Он же приимъ с радостию сие и сохрани у себе, во всем уповаше на Господа.

Ему же уснувшу, повелѣ царь тихо взяти перстень от него. И ничтоже ему ведущу сия. Царь же в той день изыде на море плавати и повергъ перстень той в море, дабы его никтоже взял оттуду, хотяй тою виною воеводу своего казнити и Бога искусити. И глаголаше: «Что се будет?» А не вѣдый, окаянный, что близъ есть Господь всегда всѣм, сердцем призывающим во истинну его и уповающих на милость его, никогда же человекъ погибнет ни в сий вѣкъ, ни в будущий. Уже бо царь превознесеся мыслию в сердцы своем, не хотя слышати глаголющих, уповающих на Бога во всем. Богъ же, человеколюбецъ, самого царя уничижи, а оного мужа славою превознесе паче первыя чести.

Царь же той наутрия посла по воеводу, велит скоро прийти к себѣ. Он же отречеся того дне быти, ничтоже вѣдяше о перстни том, яко царь хощет его о том истязати.

И паки Божиим промыслом муж той восхотѣ рыбы ясти и посла к рыболовом на море то рыб ловити. И множество рыб яша. Принесше, начаша рыбы ты чистити. И обрѣтоша во единой рыбе перстень злат царевъ, и вдаша господину своему.

Он же яко от сна возбудився и, ничтоже вѣдый царева повелѣния, зѣло радостен бысть. И пришед пред царя, покланяяся ему, прощения прося. Царь же той рече ему: «Дай же ми перстень, его же ти вчера дахъ». Он же вда ему перстень.

Царь же той велми удивися благодати Божии и прослави Бога, и рече: «Во истинну тако есть: кого Богъ милуетъ, того и царь жалуетъ». И повелѣ клевещущих на нь казнити, а инѣхъ от лица своего отринути. А того мужа возлюби паче первыя чести.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ГАЗИЕ

СКАЗАНИЕ О ЦАРѢ ГАЗИѢ

Царь иерусалимский Газиан, пришла на него рать удольна[1] и облегла около города, а лежитъ 4 годы. И бысть таковая дороготня во граде Иерусалимѣ, по 30 рублевъ кобилия голова мяса.

Во единой же храминѣ живут двѣ вдовицы, а имѣют у себя по детяти. Уже они сѣдят алчны вѣлми. И умысля они побити дѣти своя да поясти. Едина глагола: «Убей ты свое детя напередь, да сьѣдим вмѣсте, и потом я свое убью, да с собою же сьѣдим». Едина же детя свое убила и зь сосѣткою своею сьѣла. И кабы и другое убити помышляюще они. И другаго мати его не убила, но да сохранила.

И вышедъ царь Газия рано на град[2] посмотрити ратныхъ, уже имъ было предатися[3] от глада. И пришла к нему вдовица и нача предъ нимъ плакатися, глаголюще: «Царю Газия, помилуй мя!» И рече царь Газия: «Право, мати, не имѣю у собя ни кажново[4] пѣнезя[5] в калитѣ[6] своей, что дати тобѣ». И рече ему вдовица та: «Не милостыни, господине царю, прошу язъ у тобя. Послушай, государь царь, речей моих». Глагола: «Жило, государь, нас 2 вдовицы во единой храминѣ, и у нас, государь, будучи по детяти. И ошибла нас, господине, голотьба великая. И мы, господине, здумали дѣти своя убити поѣсти. Аз же, господине, свое детя убила да и сьѣла с сосѣдкою своею, а сосѣдка моя, господине, своего детяти не убила да сохранила».

И царь Газия сошелъ з горы велми печален и почал думу думати сь своими велможами: «Что есть се, что уже матери дѣтей своих тепутъ[7] да ядят?»

И велможи вздумали да послали единого от велможъ ко пророку Аггѣю. И рече ему пророкъ Аггѣй: «Не дивуйся ты тому, царю, что матери дѣти своя тепут да ядят, занеже[8] бо алчни добрѣ, но нѣсть у нихъ ума. А нынѣ, царю, у тобя дороготня во граде, по тритцати рублем кобылия голова мяса. А заутра у тобя будетъ, царю, по 4 пулы твоя кадь пшеницы,* но некому будетъ ея купити».

---

[1] огромная; [2] на городскую стену; [3] сдаться в плен; [4] никакого; [5] старинное название мелкой монеты; [6] кошель; [7] убивают; [8] потому что.

И велможа повѣдаша же то царю. И рече царь велможам своим: «Соблазнилъся есть пророкъ ваш. Камо сему быти об одну нощъ, отколе ся ему взятись? И около города рать стоитъ. Аще отверзетъ Господь вся хлябы небесныя, но и тутъ об·одну нощь негдѣ взятися».

И послаша к нему вдругоредь того же велможу. И тот же отвѣтъ рече пророкъ Аггѣй, рече велможе тому: «Царю тот хлѣбъ видѣти и ясти, а тобѣ тот хлѣбъ видѣти, а не ясти».

Заутра ж царь с велможами своими въѣхавъ на городъ рано, хотя предатися, и не узрѣ ратныхъ. Он же посла сторожей подозрѣти. Ихъ же не стало никакова человека, [1]всѣ поступили не вѣдать гдѣ[1]. А в станехъ навезено пшеницы и ячмени множество. Тогда царь повелѣ из града пустити люди, наемлются хлѣба. И тогда начаша продавати, всяко надѣяся взяти дорого от глада. Кто ни поторгует, тот дает по 4 пула на цареве мѣре.* Единеми вороты люди идут в город, а другими из града.

А тот велможа поставлен у вратъ царем, которой ходилъ ко пророку Агѣю. И стѣсняся[2] люди, да его удавили. Царь же повелѣ тот хлѣбъ купити по 4 пула. Велможа тот хлѣбъ видѣлъ, а не ял. Збылось имъ слово Агѣя пророка. Аминь.

[1—1] все отступили неизвестно куда; [2] столпились.

СЛОВО О СУДЬБАХ БОЖИИХ

СЛОВО О СУДЬБАХЪ БОЖИИХЪ, ЯКО НѢБО И ЗЕМЛЯ МИМО ИДЕТЪ, А СЛОВЕСА МОЯ НЕ ИМУТЪ ПРЕИТТИ*

Бысть царь нѣки, славенъ и богатъ зело, кипяше богатствомъ многимъ. Едина ему печаль бяше: детей не бысть у него. И о том всегда моляся Богу с супругою своею, дабы имъ поведалъ плод чрева. И услыша милосерды Богъ молитву ихъ, пода имъ плод — дщерь родися. И сотвори царь пиръ велий о рожествѣ ея, и созва вси людие, иже во области его. И призва волхвы и звездоблюстители, и рече имъ: «Зрите и узнавайте деву сию, что и какова будетъ». — Они же царю: «Господине, не смеемъ глаголати». — Царь рече: «Глаголите без боязни». — Они же глаголя: «Девица сия будетъ благочестива и премудра, и всякаго разума исполнена, токмо едино зло: будетъ сия дева во своемъ возрасте обещещена, биена будетъ бичом по нагому телу». — Царь же, сие слышавъ, бысть в великой печали. И отидоша.

И растя же девица, и цветуще лепотою своею велми прекрасно, и разумом и премудростию всехъ превзыде, и научися грамоте и всякой премудрости. И бысть девица в возрасте, отецъ же ея устрои столпъ мраморенъ и позлати златом, и украси в немъ всяким узорочиемъ столы и седалища и подножия, все златомъ и камением украси. И введе ту девицу, и пристави к ней служити благозрачныя девы. Она же живяще, веселящеся.

И единою нача вопрошати девицъ: «Что ради отецъ мой тако ми устрои?» — Едина же дева тайно ей сказа все по ряду, како о ней про разумъ прорековали. Она же о том нача вельми сетовати и тужити, понеже зелен виноград не сладокъ, а млад умъ не крепокъ. Лутчи бы возложити на Бога, нежели свое умышляти, понеже великим и славным людемъ паче греха бесчестие. Сие же умысли девица во уме своемъ: «Лутче мне умрети, нежели обезчещеной быти» — а не помысли судбы Божия бездна.

И повеле царевна под столпъ бочку полну зелия[1] подкатити и свещу прилепити. И взорва столпъ к воздуху со всемъ зданием, и бысть все в прахъ.

Едину же деву, дщерь цареву, маниемъ Божиимъ и несе по воздуху во иное царство и постави в царствующемъ граде среди людей на купилище[2]. Лю-

[1] пороха; [2] торговая площадь, рынок.

дие же того города нача мнози сходитися и обступиша окрестъ. Дѣва же обзирашеся семо и овамо[1], стояще во всемъ царскомъ своемъ платье.

И промчеся чюдо сие до царя. Он же повеле девицу вести пред себя. И видя девицу украшену и благочинну взором и ступаниемъ, удивися и нача вопрошати, коево царства и какова рода. Она же токмо очима зряше, а ничего глаголаше и по семъ, языка ихъ не знаяше.

Бысть же у того царя философъ старъ, живъ много летъ и не моги ходити ногама. И учини ему царь златы коверъ, онъ же на нем почиваше. И повеле царь принести того философа и рече: «Что сие, философе?» — Философъ же рече: «Царю, во веки живи! Видиши ли, сие дело от судебъ Божихъ. Повели девицу языку учити своему». — И быть тако.

И в мале времени научися девица языку и грамоте ихъ, и нача царю поведати страну свою и отца своего, и вся по ряду. И от того времени царь девицу имея в великой чести, и причте ея ко своим дщеремъ.

Обычай же в том царстве таков: полагати на царя на новое лето новый венецъ на главу цареву, сотворенъ от драгаго бисера, и полагаше в нем три драгие камени на славу Пресвятей Троицѣ. И какъ приходитъ новое лето, повеле царь девице делати той венецъ и вда же ей три камени честные и драгие.

Царевна же вземъ, отиде в сокровенную камару и нача делу прилежати, бе бо хитра зело. И постави три камени на оконце на златом блюде. И Божими судьбами прилете вранъ, вземъ единъ камень и улете. Девица, сие увидевъ, нача сетовати и плакати, и поведа царю. Царь же нача деву вопрошати: «Где еси дела камень?» — И кляся она, плакаше, что унесе птичищь.

Царь же возьярися на девицу: «Окаянница, еще еси юна, а старым лжеши! Украла еси камень! Несть другаго таковаго в царской ризнице!» — И повеле девицу обнажити и кнутом пытати. Девица же токмо слезами обливашеся и помянувъ свое первое согрешение, како хотяше судеб Божихъ избыти.

Царь же недоумевашеся, что сотворити. И повеле принести старого философа на златом ковре. [2]Принесену же ему бывшу[2], рече царь философу: «Что учиню девице? Украде у меня догаги камень». — Философ глаголя: «Во веки живи! Аще сие дело от диявола — остави: само скоро обличится и в тлѣние разорится; аще ли от Бога, то ни ты, ни инъ кто можетъ раззорити — остави: само собою объявится. Ими же весть Богъ, судбами». — И послуша его царь, повеле девице пребывати в свободе.

И по семъ прииде инъ год, и паки царь повеле девице венецъ царски устрояти. И даде ей паки три камни, и повеле своей царице дело снабдевати. Девица же отиде во свой теремъ, нача прилежати, а царица у нее седяше, и дщери царевы. И мановениемъ Божимъ прилете вранъ оконцемъ и принесе той камень, положи его на стол на златое блюдо, [3]всемъ ту зрящимъ[3], сам же излете вонъ.

---

[1] сюда и туда; [2—2] когда же его принесли; [3—3] когда все это видели.

Царица же и дева и сущии с нею веземъ камень, дивишася и несе ко царю. И увѣде царь, яко несть неправды в девице, и нача еѣ наиболе чтити.

Девица же вся царю о себе исповеда, чия дочи и за что пострада. И помысли царь отпустити девицу ко отцу ея. И учреди корету, оковав златом, и опоны окрестъ украси камением и чистымъ жемчюгомъ. И посла со девицею посла своего, честна мужа, и иные вельможи, и жены, и отроковицы ко царю, ко отцу ея.

Посол же со девицею прииде во царство ея и посла ко царю посланника своего, чтобы царь повеле полату такову уготовати, еже бы корета прошла: «А посла к тебе братъ твой, царь нашъ, такия дары, яко несть у тебе таковых во всемъ царстве твоемъ».

И повеле царь устроити полату, и вниде сам и со царицею в полату, повеле послу быти з дарами. Посол же идяше и вси вельможи пред коретою откровенными главами, благочество вниде с коретою в полату. И поклонився царю по подобию царскому, и правя от царя своего пословование все по ряду.

И рече царь: «Яви ми, после, дары, якоже ты похвалился еси, что у нас таковыхъ несть во всемъ царствии нашемъ». — Посол же рече: «Воистинну, царю, не солга». — И тако откры запану кореты златую, и выйде ис кореты дьщерь царева. И рече посол: «О царю, познавай честьные дары, еже есть детище». — Царь же и царица позна свою дщерь, охапився[1], паде на выю ея, облобыза ея, плачеся от радости. И бысть радость велия во всемъ царстве, не токмо царь, но и всии людие прославиша Бога, творящаго дивная чудеса, яко мертва бѣ и оживе, погибла бѣ и обретеся. Царь же одаривъ посла много, отпусти восвояси.

Богу нашему слава. Аминь.

---

[1] обнявшись.

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ И ПОХОЖДЕНИЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Бысть у царя Давида три девицы, и не было у царя Давида ни единаго сына; и зачать царица Вирсавия во чреве дѣтище Божиимъ повелѣниемъ. И приспѣ время рождению еѣ, и породи сына, и нарекоша имя ему Соломан. И как будет дѣтище седми лѣт, и даша его хранить *и лѣляти доброму своему слузе Ичкалу*. И нача Ичкал дятка блюсти дѣтище с великою радостию, и единаго никуды не отпущал.

И Вирсавия пошла з дѣвицами на потѣху. И Соломан почал по сѣням ходити и играть со своими отроки. И стал вѣсить песей кал с женьским умомъ. И царица, мати его, пришла к нему на потѣху и рече ему: «Что ты вѣсишь?» И Соломан рече: «Мати моя, вѣшу песей кал с женьским умомъ». И царица, мати его, пошла и рече дятке: «Дятька Ичкал Соломонов, поиди к морю и возми сердце из Соломана, да принеси ко мнѣ живое, и азъ, спѣкши, сьем, а тѣло его кинь в море».

Ичкал дятька рече: «Господине мое чадо Соломоне, мати твоя мнѣ тебя велѣла потерять»[1]. И Соломан рече дятьке Ичкалу: «Дятька Ичкал, пойди и возми сердце изо пса и доспей человеческое, а меня продай гостям-заморяном на корабль». И тот дятька Ичкал вынял сердце изо пса и принесе ко царице, и царица, испекши серьдце, сьела, а Соломана дятька продал гостямъ-заморяном на корабль. Гости же заморяне заставили Соломана на кораблѣ каши варить. И ходилъ по заморию з гостми, и пришли из замория гости богатыя во царство ко царю Давиду. И стали на корабляхъ под царством. И поидоша гости к царю Давиду на двор с великими дары и гостиньцы. И царь Давид принял дары у гостей с великою честию, и против того великую честь имъ воздал. И рече царь Давидъ гостям: «Гости-заморяне, отгоните[2] мнѣ загатку: «По конецъ моего царства стоит древо златовѣтвие, у того древа самоцвѣтное каминие, а сверхъ того древа месяцъ сияет, а около того древа у корении вокругъ по земли — пшеница бѣлоярая, и вкруг того-то нива ржаная сильна». И рече Давидъ гостям: «Отгоните

---

[1] убить; [2] отгадайте.

тому древу цѣну, и вы в моемъ царьствѣ торгуйте бѣзпошлинно, а не отгонете тому древу цѣны, и мнѣ с вас головы поснимать, и товар ваш велю в казну обрать». И гости тому слову отвѣту не могли дать и упрошали у царя сроку. И пошли по своим кораблям. И встретил гостѣй Соломан-кашевар и рече им: «Гости-заморяне, пора за стол и за скатерьть». И гости рекли ему: «Не до стола нам нынѣ, царская кручина на нас и загатка царева мудра, а отвѣту не можем дать». И думают стоя на кораблѣ великую думу: думают о своихъ головах. И рече им Соломан-кашевар: «Гости-заморяне, что мнѣ дадите, аз вам отгану цареву загатку и вам живот дам?» И гости то слово слышали у кашевара, и бьют ему челомъ своими головами, и принесли к нему дары великия от того. И Соломан рече: «Гости-заморяне, дайтѣ мнѣ дороги порты, в чемъ ко царю итти за стол, и царевы загадки отгадать. И гости дали Соломану дорогие порты и пошли ко царю. И царь ихъ чествовал. И после стола царь загадки загануд. И Соломан рече: «По конецъ твоего царства стоит древо во златовѣтвие — то твое государство, а у того древа самоцвѣтное камение — то твои государевы ближние приятели, стольные многие цари, и короли, и князи, и уланые мурзы, а сверхъ того древа сияет месяц — то ты, государь царь Давидъ, и около того древа, у корени вкруг, по земли пшеница бѣлоярая — то твои государевы ближние бояре и столники, и стряпчие, и думные бояре, и дворяне, а вкруг того-то нива ржаная силная — то православное християньство». И царь Давидъ выглянул к Соломану и рече: «Кто ты есть таков, царевы загатки отгадываешь?» И Соломан рече царю: «Азъ есмь из-за мория молодчей детинка». И дивися царь разумному его отвѣту и отпусти ихъ. И гости пошли со царева двора в велицей чести. И Соломан гостей от смерти избавил и живот имъ дал. И торговали в царстве бѣзпошлинно. И гости пошли за море, и Соломан с ними пошел по заморию и обогатѣ зело. И приде с ними, гостми, во царство ко царю Давиду в велицей славе, велми богатъ. И пошел к царю с великими дары и гостинцы. И царь Давидъ принял дары с великою честию и против великую честь ему воздал. И пойде Соломан ко своим на корабль, и в то время пришли от царицы на потѣху заморскаго товару смотрить. И Соломанъ учал девицъ на кораблѣ виноградом кормити и медом поити. И показал им на кораблѣ три камни самоцвѣтные, которые за свещи в нощи сияют, а в день аки злато процветает. И девицы изумѣлись, смотря на самоцвѣтное камение и на Соломонову красоту и мудрость, и шед сказали царицѣ, самоцвѣтныя камени, что у Соломана. И царица велѣла его пред себя поставить. И поиде Соломан ко царицѣ на дворъ и дар подносит царской. И царица спросила его: «Есть ли у тебя самоцвѣтной камень?» И Соломан рече: «Есть, царица, три камени самоцвѣтные, от нихъ в нощи свѣт сияет, а в день, аки злато процвѣтаетъ». И царица рече ему: «Перепусти[1] мнѣ самоцвѣтной камень». И Соломан рече царицѣ: «Тот мнѣ камень нести ко царю Давиду в поминок[2], а другой камень дати в при-

[1] уступи; [2] подарок.

дания, а третей камень держю про себя, на кораблях да свѣтит». И царица рече ему: «Что говоришь, в приданые дать?» И Соломан рече: «Хто со мною пребудет, тому дам камень самоцвѣтной». И царица рече: «Азъ с тобою пребуду, гость-заморянин». И Соломан рече: «Царица, дай мнѣ сроку, отнесу царю Давиду камень и к тебѣ принесу, и с тобою пребуду». И пошел Соломан на корабль свой и взя камыки[1] и пойде ко царю Давиду. И подастъ царю самоцвѣтной камень. И царь Давидъ великую честь воздал ему. И поиде Соломан со царева двора в велицей чести. И узрила его царица и прислала по него: «Скоро буди ко мне и принеси камень самоцвѣтной». И Соломан пойде ко царицѣ и принесе камень и подастъ царице. И погасиша свѣщи и засвѣти камень самоцвѣтной. И царица рече гостю: «Семо иди ко кроватѣ царьской и ляги со мною, со царицѣю, на цареве постелѣ, под царевымъ одѣялом». И Соломанъ ляже со царицѣю на цареве постелѣ под царевым одѣялом. И царица рече: «О чем молвишь, не подвигнешься ко мнѣ?» И Соломан рече: «Страшуся есми царевы постѣли и царева одѣяла». И царица взяла его руку и положила на свои перси и подвигнула его руку на свои груди и промолвила: «То что есть?» И Соломан рече: «Тѣм есми вскормлен». И подвигнула его руку по бѣлому своему чреву и рече: «То что?» И Соломан рече: «А то мои каменные полаты и терем, и в том есми опочивал». И подвигнула его руку ко своему сраму: «Соломан, то что?» И Соломан рече: «Оттуду есми вышел и свѣт Божий увидел и по царству пошел». И царица рече: «О бѣзумный, кто еси ты, и премудръ еси ты добрѣ?» И Соломан скочил с царевы кровати и палъ перед нею и заплакал и рече: «Государыня царица, ты мати моя, а я сынишко твой Соломан, твоя, государыня, опала была. Аз вѣсил ум твой с песьим каломъ. И у всякие жены волосы долги, а ум короток».

И пошел ко царю Давиду и рече: «Государь царь Давыд, ты мой батюшко, а я сынишко твой Соломан». И царь Давид бысть в велицей радости и с своею царицею. И на свое царство посадил Соломана. И царь Соломан поидет многим войском и преклонишись ему многия цари и князи, и подают ему великъ выход[2] своих царствъ. И потом царь Соломан много имѣхъ царей под своею рукою. И царь Давид пропустил многие лѣта и говорит тако: «Сыне, мой, Соломоне, пора тебѣ женится». И царь Соломан по отцову слову, царя Давида повелѣнию, изо многихъ царствъ выбирал собѣ царицу и выбрал собѣ царицу прекрасну и мудру: и послал послание во царьство ко царю Пору. И отписал тако: «В прошлое лѣто был есми в твоем царстве и с царицею твоею пребыл есми в тоем царстве и перьстень с правыя руки снял золотой любимой твой». И послал Соломанъ тот перьстень ко царю Пору в дарѣхъ. И царь Поръ печален бысть, что перстень его; подпись царства его на перьстне томъ.

А самъ царь Соломанъ приведѣ жену свою ко отцу своему царю Давиду. И царь Давид рече: «Сыне мой Соломоне, жена твоя, а моя сноха красна и лѣпа,

---

[1] драгоценные камни; [2] дань, подать.

14 Зак. 3610

и будет в нѣкое лѣто свѣдает царь Поръ, что ты, царь Соломанъ, женатъ, *и он тебе отсмеется*».

И царь Поръ пустил по своему царству клич великъ, кто бы пошел во царство Соломоново и отвѣдал бы, женат ли буде царь Соломан, или не женат. И выискался княженецкой слуга и рече: «Государь царь Пор, аз тобѣ отвѣдаю, что царь Соломан женат ли буде или не женатъ, а только буде женат и азъ тобѣ приведу царя Соломана царицу, жену его, и отсмеешься ему». И рече ему царь Поръ: «Что тебѣ подмогу взять?» И рече ему слуга: «Вели здѣлать золотой венецъ царьской и с самоцвѣтным каменем». И царь Поръ повелѣ драгоценныи венѣцъ царьской зделать и с самоцвѣтным каменем, и дастъ слуге. И пошелъ княженецкой слуга в дальную землю и дошел до царства царя Соломана. И пришед в царство и показа гостю золотой вѣнецъ царской. И гость посмотрил и рече: «Не нашской венецъ, подобенъ царю или царице носити». И иде на царьской двор и скажет царицѣ про вѣнецъ царьской златый. И царица велѣла его пред себя поставить. И поиде посланникъ ко царице и рече ему царица: «Сказали мнѣ, *что есть* у тебя венецъ царьской златый и с самоцвѣтным каменем». И посланник покажет ей венецъ. И царица рече ему: «Что цѣна монисту тому?» И посланникъ рече: «Государыня царица, от неволи продаю, на проходъ, нѣчего на чюжем царьстве ѣсти, снял есми идучи *со* своей дѣвки, с водоноски, тот венецъ да тѣ рукавцы у меня подержаны, и не твойские, царица, сиротье поношение, а у нас тому не жадны». И царица рече ему: «Есть ли у вашего царя Пора царица?» И посланникъ рече: «Пытает нашь царь себѣ царицы и мѣсто ей уготованно». И царица рече: «Азъ хотѣла есми итти за вашего царя Пора премудраго». И посланникъ рече: «А меня для того и послал царь Пор, для тебя». И царица рече: «Пойти мнѣ от царя Соломана немощно, царь Саломанъ премудръ». И посланникъ рече: «Царица, толко бы ты похотѣла, а язъ могу тебя увезти у него». И царица рече: «Пойтти тобѣ со мною по земли и царь Соломанъ лютым звѣрем доступит, а подымешь меня на крылѣ — и царь Соломанъ ясным соколомъ долѣтит, а в море щукою догонитъ». И посланник рече: «Царица, дам тебѣ забудущее зелье и тебя мертвую доспѣю, и унесу на корабль».

И по совѣту дастъ посланник царицѣ зѣлия, и царица мертва бысть; и пришли слуги царевы и рекут царю Соломану: «Государь царь Соломанъ, твоя царица умерла». И Соломанъ рече: «Отца моего слово збылось мнѣ». И поиде к мертвой царице. И узрилъ мертвую свою царицу — лежит на одре. И Соломанъ велѣлъ сковать гвоздье желѣзное и жигало[1], и велить в бѣдру горячей гвоздь колоть. И железо скипѣло в мертвой бѣдрѣ. И Соломанъ рече: «Мертва бысть».

И схоронил еѣ с великою честию и у гробницы поставилъ стражи многие. И пришелъ посланник, а сторожи стерегут крѣпко. И посланник пустил на сторожей сонъ мертвой. И поснули сторожи. И посланникъ вынес гробницу со

[1] каленое железо для прожигания дыр.

царицею и принесе на корабль, и побѣжал на кораблѣ по морю. И прибѣжал к Порову царству, и оживилъ царицу и приведѣ ко царю Пору живую. И царь Поръ посланнику великую честь воздал.

И послѣ того сторожи от сна очьнулись, а гробницы и со царицею нетъ, и сказали царю Соломану: «Государь царь Соломанъ, твоя царица у нас украдена и з гробьницѣю». И царь Соломанъ в великую кручину впаде и в недоумѣние. И полѣтѣ под небѣса ясным соколом, и не обьемлет под небѣсным облаком, и поиде по земли лютым зверемъ, и не оптече нигдѣ же, и попловет щукою в море, и не опловеть нигдѣ же. И бысть Соломан в велицѣй печали.

И пришелъ сылный посол от царя Пора и рече царю: «Соломане, царь Поръ прислалъ к тебѣ, что в прошлое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и перстень златый в дарехъ прислалъ еси и со царицею моею пребыл еси в моемъ царстве, а нынѣ азъ с твоею царицѣю пребываю и твоя царица топера у меня Пора во царстве».

И царь Соломан печаленъ бысть.

И потом учалъ рать копити, и собрал воиска своего 40 тысящ, и пошел на царя Пора со своими со многими силами. И проиде многие царства, и приде во царство ко царю Пору, и поставилъ свои крѣпкия воеводы и силу, и рече своимъ силам: царемъ и уланом, и сильным князем, и крѣпким воеводам: «Стойте вы с силами, а меня отпустите во царство ко царю Пору, увижю и услышу своим оком и ухом свою царицу, а вы, цари и уланы, и сильныя князи, и крѣпкие воеводы, ждите к себѣ от меня троенаго гласу, в кой час труба вострубитъ, и вы седлайте добрых коней, а в другой час труба вострубитъ — и вы поспешите, а добрых коней не жалѣйте, а в третей час труба вострубитъ, а глас заслышите, труба заговорит, аки заплачетъ, и вы напущайте, и секите, и топчите, живота не давайте, милости не кажите, а не будетъ троенаго гласа в день, в десятый час, и вы поидите во свою землю, и в мое царство, а меня не ждите — и в животѣ меня не будетъ и великую память по мнѣ и по моемъ животѣ держите, а меня поминайте. А вы, цари и уланы, и силные князи, и крѣпкие воеводы, простите меня и благословите».

А сам царь Соломанъ пошел во царьство Порово в нищенском образе. И поиде по цареву двору, и узрила Соломона царица его, испужалась зраку его и рекла себѣ: «Не ушла есми от царя Соломана ко царю Пору». И учела в велицѣй тоски быть и думу думать, и приступи страх великъ. И пришел Соломанъ ко царице в полату, и рече ему царица: «Почто ты, царю Соломане, пришелъ?» А страх великъ держитъ от него. И Соломан рече ей: «Али ты меня знаешь, что аз пришелъ за твоею красотою и дорогим умом и сладисловом?» И царица рече ему: «Придет-де ко мнѣ царь Поръ на постелю к потѣхе». И пошлет царица Соломана в полату в переделецъ, тут же прикрыетъ его ковром. В той час пришел царь Поръ ко царице и любует еѣ и изложит еѣ на царьскую постѣлю. И царица рече ему: «Что ты меня любуешь? А толко в тѣ поры придетъ царь Соломанъ?»

И царь Пор рече: «Готов есми бтися с ним острым мечемъ». И царица рече: «Соломанъ, выступай!» И Соломан выступил и не поклонился царю и емълетъ свою царицу за руку и говорит тако: «Моя царица!» А царь Пор рече: «То моя жена, а толко бы твоя царица была, ино бы у тебя во царьстве была. Премудр еси ты, царь Соломан, два медведя в одном берлоге не уживутся, а два мужа у одное жены не могут ужится. Коей ты смерти хощешь?» И Соломан рече: «Вѣдаешь ты, государь царь Пор, у тебя в рукахъ, твоя воля царьская». И царь Поръ рече: «Пошлю тебя к бѣлѣвежи[1] и велю с тебя голову снять острымъ мечем, или по улицам розмыкать, или красной смерти: повесить велю тебя». И Соломанъ рече: «Дай мнѣ красную смерть повѣшеную». И царь дастъ его пилату[2], и пилат поставил на царя Соломана прясла[3]. Воспалив же ся царь Поръ на царя Соломана и велѣлъ на пряслах поставить три осила[4]: осилъ шелковой, а другой осил — серъбряной, а сверхъ тѣхъ золотой осил. И пилат рече: «Государь царь Пор, твоя страшная и грозная смерть поставлена на царя Соломана». И царь Поръ рече: «Поведите его на страшную смерть». И поведе пилат царя Соломана повѣсить. И выехал царь Пор и с царицѣю и весь миръ учели смотреть, какъ повѣдут на смерть Соломана царя. И Соломанъ рече: «Брате пилать, молви своему царю Пору, что царь Соломанъ просит ворона меду испити, чтобы не страшна смерть была царева Порова, и попроси у него златыя трубы: смала был есми охочь в трубную игру играть ратную». И принесе скоро кубецъ ворона меду и златую трубу. И Соломан испивает ворона меду ис купца и емлет златую трубу, у шелкова осила стоячи. И заиграл в златую трубу, ратъным рострубом трубитъ, и земля воздвигнется от трубнаго гласа, тѣмъ рострубом своим слово молвит: «Седлайте добрых коней и поспѣшите, цари и уланы и силныя князи и крѣпкие воеводы!»

И пилат рече: «Царь Соломанъ, видишь, в коем мѣстѣ смерть будет?» И Соломан рече: «Брате пилат, не сойду азъ от осиловъ даром, вижу в коем мѣсте смерть моя будет». И взошел на другой восход — осилъ серебреной — и вострубил ратным голосом, а труба златая говорит тако: «Поспѣшите мои милыя друзи, и не жалѣйте добрых коней. А царь Поръ стоит и сь царицею у моей у страшныя смерти, а вы, цари и уланы, и силныя князи, и крѣпкия воеводы поспѣшите ко мнѣ скоро». И от Соломанова войска земля дрожит.

А сам Соломанъ идет на третей восход к золоту осилу, а у царя Пора просит ворона меду испити, и испивает царь Соломан ворона мѣду, и узрил ясных соколов и бѣлых крѣчат, то ти своих силных воевод, вострубил ратным голосом, а труба златая говорит, что плачет: «Напущайте и секите и топчите, живота не давайте, милости не кажите, поворотите свирлу к земли». И царь Соломанъ в велицѣй радости *идетъ к землѣ на трѣтей исход с первые своея смерти. И его цари и уланы, и крепкие воеводы и все силное войско падают прѣдъ царемъ Соломаном о сыру землю и держатъ царя Пора и с царицею во*

---

[1] ср.: бѣлежити — клеймить; [2] палачу; [3] виселицу; [4] петли.

своих полках. И царь Пор с царицею падаютъ на свои царские колѣни прѣдъ царемъ Соломаном. И рѣче царь Соломан: «Царю Порѣ, царица глупая и неразумная погубитъ человека вскорѣ, велѣла на мѣня три осила поставить: осил шелъковой, а другой осил срѣбряной, а трѣтей сверхъ тѣхъ осиловъ златой. Перевил бы осил веревкою лыченою, лапотною и в том бы удавился, такова же смерть.

И царь Пор повесилъ главу свою буйную и не могъ видеть себя, да не пособить. И царь Соломан скоро велитъ с обѣихъ головы снять вострым мечѣмъ и велит раздергнуть скоро, а Поровых людей, кои старыя и не могли битись, и велѣлъ с собою взять, а то всѣх прибили и присекли, злато же и сребро и многое имѣние велѣлъ к себѣ перевозити, и добрыхъ коней велѣлъ стадами выгонити, а Порово царьство попленил, Пора царя и с царицею погубил, предалъ злой смерти и оттого ему многие цари и князи подклонились подь его руку, слышачи ему премудрость, а царь Соломан сталъ в велицей славе и высокъ. И услышав то царь Давыдъ сына своего премудрость, царя Соломана, что онъ обладал многими землями и всякими ордами и власть над ними взял великую и велми рад бысть тому.

Конец. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ АСТРОЛОГЕ МУСТАЕДДЫНЕ

Всегда предкове наши собраниемъ ходили на волка, егоже такъ удобно ловили. Сим же образомъ вкупѣ на турка идите христиане, аще жити в мирѣ вы хотите.

Лѣта господня 1596-го.

Всякъ вѣдати имать сие, и истинна есть повѣсть моя, зане лутче вѣмъ и совершеннѣе, неже соравненники[1] мои, яко турки по вся времена владѣния своего побѣдительми выну суще над всѣми, ей, народы бывают, но никоегоже к себѣ множае народа не почитаютъ, ниже на каковъ озыраются, ниже коего зѣлнеѣ боятся, яко московского и польского народу. Аще ли кто вѣдати желаетъ, откуду ми сие вѣстно есть, тогда вократце сице обьявлю.

Сулиман, салтанъ турской,* прадѣдъ нынѣшнему Махмету-салтану,* человѣкъ мудръ, праведен, воздержателенъ, милостив зѣло, не точию турские, но и христианские убогие домы милостынями удовольствуяй, и искусенъ сущъ и в художествѣ небесных течений, и из нихже усматривая узналъ, яко государство и монархия Турская ни от коего народу, токмо от польского изгублено будет, откуду ему сие приходило, что польской народ нѣкогда с московским полунощным народом случитися[2] имать. Того ради никогда на Польшу не наступалъ, хотя и иным турком и пашом удобнѣйшее время к разорению и скорѣйшому обладѣнию показалось, будучи так блиско, понеже городовъ и крѣпостей не имѣетъ и приступление[3] абие готовое турком и татаромъ само по себѣ является. И то разсуждая, иных народовъ, яко уже прежде рекох, вмалѣ почитал, брань с ними творя и оных попирая. Народ же польской и московской всегда между иными народы чтилъ, почитал, любилъ, страшился ихъ, перемирья с ними постоянно содерживал. И сверхъ сего, егда выѣхалъ в венгерскую землю, гдѣ потом Сыгерѣ-град взялъ, тогда духовную написав, отдал ю одному славному своему везирю Смахмет-паше, единому от князей словенскихъ наслѣднику, идѣже сие написано бысть: «Вѣмъ, яко из тоя войны не возвращуся, обчае в Бозѣ имамъ надежду и в пророкѣ Махметѣ, что тамо всуе не поѣду. Тѣм же и сынъ мой Се-

---

[1] современники; [2] соединитися; [3] доступность, приступ.

лимъ, иже по мнѣ владѣти учнетъ, и наслѣдники его вѣдати о семъ имѣют, что Богъ, сие небо и звѣзды его изъявляютъ, яко никоторой народ никогда вредити не можетъ сему государству, кромѣ самого народу польского. Тѣмже повелѣваю и увѣщеваю, дабы есте никогда на польской народ не наступали* и сабли свои не подымали. Вельми паче о семъ [1]радѣние чините[1], какъ бы ихъ к тому привести, чтобы со иными корольми и князьми христианскими не соединились, ибо истинно есть, докуль вы тому перемирье нерушимо и вѣру крѣпко содержати учнете, то и они вамъ оное содержатъ. Но какъ скоро вы есте на них неправедно и насильством силою своею восхотѣли наступити, а они бы соединилися со Вѣденским королем* (такъ убо цесаря христианского называют турки) или с царемъ Московским, тогда истинну глаголю, что абие уже надходит падение государства Турского, то есть Отоманского. Заклинаю тогда сына своего и везыровъ его, и всѣхъ наслѣдников Отоманских, дабы никогда с саблями своими против народу польского возноситися не дерзали, аще восхотятъ, чтобы то государство нерушимо долго пребывало».

Сей тогда есть разумъ духовного писма салтанъ-Сулеймана, салтана Турского, которое и по се время соблюдаютъ в казнѣ констянтинопольской, еже салтанъ Селимъ, сын Сулейманов, даже до смерти своея постоянно хранил, содержая нерушимо перемирье с народомъ польскимъ. Послѣди же салтанъ Муратъ* учал сомнѣватися о томъ духовном писмѣ, сказывая, яко сие Сулейман, дѣдъ его, учинил жены своея ради (яже бѣ от рода росийскаго дщерь священника из Рогатына).* И какъ скоро сѣде на государство, помыслилъ воздвигнути войну на христианъ, и иные всѣ везыри и паши совѣтовали ему, чтобы прежде на Польшу войну началъ. И сказали оному вси, имянно чауши[2], которые часто в Польше бывали, что все государство Польское вь единъ годъ овладѣет, только забавитъ[3] Каменецъ и Львовъ, а по сем и обо всемъ христианствѣ покуситися[4] и овладѣти можетъ.

Махметъ-паша понеже в то время еще живъ былъ, которому Сулейман-салтан отдаа духовную свою к сохранению, имѣя первой чинъ, или везырство, у дѣда, и у сына, и у него, — тогда велѣлъ из казны оное духовное писмо принести, дѣда его, салтана Сулеймана, и прочетши оное, пространными словы салтану сие к разсуждению приводил, дабы, мимо пущая Польшу, шел со всею силою *в* венгерскую и немецкие земли. Но между симъ Господь Богъ устроил иную жертву: возбудил персидского шаха и нѣкоторых аравитцких князей, на которых оную силу, против христианъ изготовленную, на арапы и перьсиды обратити принужден. В то же время, будучи он в частых болѣзнях и не могучи сам на войну ѣхать, возлюби отчасти астрологию и призва себѣ от Египта из Александрии, из Дамаска, и из-ыных государствъ наученых звѣздословцевъ, иже его учаху художества того, чтуще ему о том частократно.

[1]—[1] заботу проявляйте; [2] курьеры; здесь, м. б., лазутчики; [3] займет; [4] дерзнет.

Услышав же о сем единъ астролог, Мустаеддинъ прозвищемъ нарицаемый, человѣкъ зѣло ученъ и искусенъ в том художествѣ, поѣхал с купцы персками в Костянтинополь и наняв себѣ избу в Скутарѣ-градѣ, иже древле нареченъ бяше Калкидонъ, положениемъ сопротив Констянтинополя* над самымъ морем, идѣже поживе нѣколико недѣль. О нем же егда салтанъ турской Муратъ вѣдомость восприятъ, повелѣ его призвати к себѣ и вопроси его, аще лутше научен есть в художествѣ? «Болии азъ есмь мастеръ, нежели твои астрологи, однако же еже умѣю, покажу, и они потому же, что умѣютъ, да покажут. Ты же, аки премудрый государь, удобно[1] что бѣло и что черно разсудити можешъ».

Вопроша же его салтанъ Муратъ: «Мустаеддынъ, можешъ ли ми впредь будущая сказати, или ни?» Отвѣщал: «Аще ли то Богъ дал лѣкарю, яко художеством своим познавает по лицу человѣка смертнаго, вельми множае дал Богъ тѣмъ, иже о небесных спрашивают ся вещех и во оных ся обучивают. Господь Богъ да сотворяетъ салтану, государю моему, изо всякого дня тысящу дней во долгое житие, Божиею помощию мошно ми есть и симъ учениемъ небесным сказати будущая, точию бы когда бых имѣлъ какое мѣсто и особной вертоград[2] на высоком мѣсте со орудии звѣздочетными». Велѣлъ ему салтанъ дать вся, яже к тому потребна суть. Придав ему и казначѣя с колико десятъ тысящми червонных золотых. Он же, переѣхавъ чрез море на ту сторону, усмотрѣлъ себѣ изрядное мѣсто и вертоград за Галатою, от которого мѣста не токмо Констянтинополь и корабли к пристанищу приходяще, но и карабли, и катарги[3], и [4]пушечной наряд[4] далече на море сквозь Констянтинополь видѣти моглъ. Якоже тот вертоград пред лѣты красенъ был, належащъ единому италиянину из Венецыи (нѣкоему утаенному, иже из Венецыи ушел бѣ и обусорманился), но по смерти его обрушились были каменные стѣны, тогда тамо послано нѣсколько сот людей адямальгланъ,* (ихже имут за десятину от христиан бѣдных и плачевных), которые, оное мѣсто оградивше каменною стѣною, изрядныхъ древесъ насадиша и различных травъ насѣяша, также и кладезь устрояху зѣло прекрасный. В посреди же того вертограда повелѣ астрологъ тот каменный столпъ поставить вышиною яко на двѣ копии.* А половина того столпа здѣлана была из дерева зѣло стройно вверху каменного тако, что кругом обращался движениемъ единого токмо самаго онаго Мустаеддына-астролога, которой днем и нощию смотрѣл на небо чроз трубу мѣдную, яже здѣлана была чрез деревяной столпъ и прозоръ имѣла от низу к верху. Велѣлъ такожде себѣ зѣло великих мѣдных круглых колес въ 12 саженъ здѣлать, ихже по сем сице спаяно, что вмѣсто складались на образ глобуса,* на коихъ разные арапского и персидского писем слова и небесные знаки были.

Понеже тогда от салтанова двора и из полатъ его видимъ был столпъ тот новоустроеной, вшел салтан по обычаю в лодку с своими комнатными и пере-

---

[1] легко; [2] сад; [3] гребные суда; [4]—[4] артиллерию.

ѣхал через море, всяде на конь и, приѣхав в вертоград, обрѣте астролога, смотрящаго на небо и пишуща нѣкакие черты. Вопроси его по сем: «Скажи ми, не видѣл ли еси какие именитые[1] мимошедшие притчи[2]?» Он же рече к нему: «Господь Богъ тебѣ ото всякого дня единого тысящу дней салтану, государю моему, да сотворит! Нѣсть ничтоже зла тебѣ, все доброе и благополучное видѣх». Рече паки салтанъ: «Но что же видѣлъ еси? Повѣждь ми, да увѣмъ учение твое и искуство». Он же ему: «Буди долговѣченъ, салтан, государь мой великой и знатной! Первоначальнѣйший невольникъ твой лютою смертию згинет». Вопроси его салтанъ: «Аще в Констянтинополи, или во Египтѣ, или во ином коем государствѣ?» Отвѣща, яко «иже под боком твоим пребываетъ, и тот, сѣдяще на судѣ, злѣ погибнет». Ждал же того дни салтанъ, розмышляя в себѣ: «Которой везирь умрет и естьли то збудется, что астролог говорил?» И между симъ абие учинена вѣдомость, что нынѣ един де ли или казакъ бѣдной убил Махмет-пашу, первоначальнѣйшаго везыря. Велѣлъ его салтан к себѣ привести и вопросити, почто онъ везыря убил? Он же отвѣща: «Для того убих его, что мою убогую заслугу, у меня взяв, иному отдалъ. И азъ сотворився безумным и долго его стерегъ, да же усмотрив время, ножем моимъ, в бумагу *обернув* вмѣсто челобитной, убивъ его закололь и обиду мою с великою радостию отомстилъ есми». Повелѣ же салтанъ того измысленного безумного коньми волочить по Царѣграду, да же умре, посем на крюкъ повѣсити.

Дивлялся потом и часто помышлял салтанъ о сем астрологе и о умѣнии его. Прилучися паки, что ѣхалъ морем из единаго доброзрячного вертограда, по которой есть к Черьному морю во Азии,* повелѣ судно припустити[3] к брегу, ко овому астрологу и вертограду, идѣже пребывает. Приѣхав же тамо, повелѣ призвати его к себѣ. Он же изшел, но лицем смущенным. Рече к нему салтанъ: «Узнах уже правду твою со жалѣниемъ моим. Повѣждь нынѣ, аще ли еси видѣлъ нѣчто опасное?» Он же отвѣща: «Здрав буди вовѣки, салтаново величество, все добро в твоей мочи и не есть ничтоже злобное». Салтан же видя его, яко истинно дражащего, рече со гнѣвомъ: «Буде доброе или горчайшее, скажи ми, Мустаеддынъ!» — «Аще, салтан, государь мой, сотворишъ перемирье между гнѣвом своимъ и душею моею, и азъ, раб, должен буду сказати, еже видѣхъ». Рече же салтанъ к нему: «Душею предковъ моих и отца моего кленуся, что тебе ничтоже учинитися имать, повѣждь ми безопасно». Астролог же к нему глагола: «Множество людей твоихъ мусульмянскихъ, имянно же великия войска твои, от неприятелей твоихъ погибнутъ». И по сем салтанъ печален отиде. И не прошло двадесяти дней, когда Османъ-пашу персиды побили под Тивириемъ, градом столнимъ персидские земли,* яко в то время 80 000 турковъ погибло, а Османъ-паша, со осталыми людьми уходя, от печали и болѣзни умре. По сем же

[1] знаменитые; [2] указания, беды; [3] привести.

салтанъ зѣло заскорбѣ, и смутися сердце его против астролога, и чрез многое время у него не бываше.

Потом же помысли еще единожды астролога того посѣтити, но не заста его. И тогда вопрошаше вертоградаря и адямагдаланъ, камо отиде. Они же сказали, яко нѣгде поиде прохлаждатися по винограду. Повелѣ его искати, и не обрѣтоша его. Во утрии же обрѣтше его дверники, к салтану приведоша зѣло страхом исполненного. Узрѣв же его, салтанъ пригласи его умилными словесы к себѣ, глаголя к нему: «Не бойся, под клятвою, юже сотворих ти, ничтоже зло учинится тебѣ. Повѣждь ми точию, что видѣл еси?» Отвѣща ему астрологъ с клятвою, яко «ничтоже вредително видѣхъ». Тогда рече к нему салтан: «Прошу тя, присмотрися прилѣжно течению небесному, да увѣси, долго ли сие государство состоятися[1] может и от какова разорено и погублено имать быти народа?» Он же, поклонився ему, рече: «Сотворю, салтанъ-государь, яко повелѣлъ ми еси», — и отиде. Не истерпѣв же салтанъ, но во третий день в вертоград паки приѣде, прилѣжно вопрошая у астролога своего о будущем, но онъ долгое время возбранися[2] сказати, даже упрошениемъ и обѣщанием обнадеженъ сущъ. Рече по сем сице: «Буди здравъ, салтанъ, государь мой, Господь Богъ да розмножит и сотворит от всякого дня тысящу дней! Ты же в мирѣ поживеши, покамѣстъ самъ похощеши, и побѣду получиши над всѣми неприятельми твоими, и никакой народ тебѣ и государству твоему страшенъ не будетъ, и никто побѣды над тобою не одержитъ, доколѣ в мирѣ сохранишъ и перемирье содержишъ сь единым народом в сосѣдствѣ оттуду, от полунощи, идѣже восходитъ колесница небесная. Сей народ от предковъ своихъ храбръ и славенъ есть, но нынѣ зѣло лѣнив к войнѣ и несогласенъ. Однако же народ тот добрѣ счасливъ, сего ради не задерися с ними, аще похощешъ в покое сохранити государство свое, убо какъ скоро тѣ приобщились бы к людем и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему,* тогда безо всяких трудов сие государство овладѣти возмогутъ».

Поѣхалъ по сем салтанъ прочь от него и, призвав к себѣ пашей своих, также и первоначальнѣйшаго духовнаго своего со иными наученными, извѣщая имъ вся сия будущая и мимошедшая вещи и вопрошая ихъ, что они вѣдают и разумѣют о семъ государствѣ, какъ долго имать пребывати. Повѣсть[3] же творили они и толковали Алкоранъ пророка своего Махмета, показывая, яко до тысящи лѣтъ токмо тому государству пребыти, и тако кончину и послѣднее падение в году 1591-м быти разумѣли тому государству, в то время, егда салтанъ турской посылал войско свое зъ беглербегом грекомъ до Снятина,* о чем, даст Богъ, пространнѣе и во иных вещех в латинском писмѣ воспомяненно будет. Астрологовую [4]рѣчь совершаю[4] и глаголю, яко тѣ люди, в бусурманской ереси Махметовой наученные, салтану то показали, что тая наука, кую персид тотъ умѣет, бѣсовская есть: «И аще ты, салтан, человѣка того не изгубишъ, тогда сия вся,

[1] существовать; [2] отказывался; [3] объяснение; [4—4] рассказ оканчиваю.

яже ти реклъ есть, дѣлом збытися могутъ. Но аще ли умрет, тогда и дѣйства его изреченныя уставитися[1] должны, и государству сему ничтоже вящше вредитися может».

Тогда салтанъ, абие призвавъ старѣшаго от дверников, повелѣ ему итти со нѣколиками, дабы Мустаеддына-астролога взяли и, связавъ, в море его вкинули. Иже как скоро в вертоград внидоша, абие стрѣте ихъ веселым лицем, рекъ: «Здравствуйте, господа, так тыр улла, то есть, суд Божий или предпостановление никогоже мимо идетъ. Рыбы морские днесь ми гробом будут, народ же полуношный вскорѣ вами владствовати учнет». Взяли его по сем и в море междо Галатою и Констянтинополем вкинули и тако утопили. Такову кончину восприят сей славный астрологъ. Его же вертоград, и столпъ, и вся орудия повелѣ абие салтанъ разорити и сокрушити, которой по се время пустъ стоитъ.

[1] отвратиться.

ПОВЕСТЬ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

ПОВѢСТЬ БЫВШАГО ПОСОЛЬСТВА В ПОРТУГАЛСКОЙ ЗЕМЛИ. ИСТОРИА О ПОРТУГАЛСКОМЪ И БРАНДЕБУРГСКОМ* МУДРЕЦАХЪ

В Пуртугалской земли былъ краль, имѣя у себя дщерь [1]чюднѣ доброты[1], велми[2] прекрасну и прѣлѣпу[3] лицемъ, премудру и умомъ и разумомъ, предуспѣвающу во всѣхъ девахъ. Ея же нарицаху — вторая премудрая Никастрата.* Великия же ея ради доброты и премудрости, и красоты лица ея мнози иностраннии царие и крали пословъ своихъ присылаху ко кралю португалскому, да дастъ дщерь свою единому от нихъ в жену. Он же всем единако обѣща: «Аще кий[4] царь или краль восхощет дщери моея в жену, той да пришлетъ премудра человѣка, да нѣмому добръ[5] отвѣтъ дастъ, потомъ [6]и иная отвѣщаетъ[6]. Той да приимет дщерь мою в жену себѣ». И того ради мнози цари и крали посольства с нимъ чинити[7] не хотѣша, понеже[8] невозможно человѣку знати [9]у немого вѣдание[9].

Слышавъ же о добротѣ португалской кралевны, брандебурской земли краль присла и той, якоже и протчии, ко кралю португалскому, яко да дасть ему за сына его дщерь свою, кралевну, в жену. Краль же португалской и тому даде отвѣтъ, якоже и выше явлено[10]. Слышавъ же краль брандебурский от пословъ своихъ таковая, призва к себѣ разумных купецъ своея земли и повелѣ имъ ѣхати в Португалскую землю и заповѣда[11] имъ, [12]да не на лице кралевны португалской видѣвше, знатнымъ или истиннымъ слышаниемъ от видящихъ ю́, напишутъ, да не точию написану доброту ея видѣть[12]. Купцы же, бывше да ти в Португалии, королевского же повелениемъ же, увѣдати и португалской королѣвны видѣти не возмогоша[13], и возвратишася ко кралю своему бездѣлныи[14].

Краль же брандебуръской повелѣ по всей своей королевской державѣ кличь кликати, яко ды изыщется таковый мужъ, кто бы немому отвѣтъ далъ,

[1—1] очень добродетельную; [2] очень, весьма; [3] пригожую; [4] если какой-нибудь; [5] правильный, верный; [6—6] и на другие вопросы ответит; [7] иметь; [8] потому что; [9—9] мыслей немого; [10] сказано; [11] приказал; [12—12] если не увидят лица португальской королевны, то по достоверным свидетельствам очевидцев пусть опишут ее, чтобы не только из рассказов знать о ее достоинствах; [13] не смогли; [14] безрезультатно.

обещеваяся таковаго великими богатствы обогатить, славою же и честию почтитъ. [1]По неколице же времени от проста нѣкто и несълавна рода и весма не имый ни от кого чести[1], рече ко взыскавшему: «[2]Азъ — мний и послѣдний[2] королевские державы человѣкъ, могут и немому отвѣтъ дати!» Вскорѣ же таковая по извѣщению и самому кралю изрече. Краль же, якоже прежде обещася, паки дѣломъ[3] вскорѣ исполнити обещаваетъ. И въскорѣ во славѣ и чести велицей послом в Португалскую землю посылается.

Сему же тако и португалскому королю о приходѣ его увѣдевшу[4], по обычаю тоя земли приемлется и по достоянию[5] в посолская жилища устрояется. По времени же король повелѣваетъ быти посолстсву. [6]Ту же, нигдѣ таи, и самъ се*дя*, — да видитъ таковая[6].

В первой день, во единой от королевских полать, [7]единому прямо другаго[7], по обычаю, [8]мало подалѣ ставшу[8].

Португалской единъ от перстъ своея десницы[9] постави [10]прямо себѣ[10] к высотѣ.

Брандебурской той же перстъ такожде к высотѣ и обрати его к землѣ.

Португалской единымъ перстом показа [11]прямо ему[11].

Брандебурской два перста показа *прямо* ему.

Португалской обоими руками браду свою поглаждая.

Брандебурской такожде обоими руками власы на главѣ своей многажды потре.

По семъ единъ другому покълонися, такожде и оба — королю, хотяще разытися до утрия.

Пославъ же король брандебурскаго посла и своего вопросити о показании перстовъ и поглаждении брады.

Се рекъ мудрецъ: «Показаниемъ перста в высоту вопросихъ его: „Кто сотвори небо и свѣтъ?" Онъ убо[12], в высоту показа и к земли обрати, премудро отвѣща ми, яко — „Той же и землю сотвори". [13]А еже азъ[13] перстом показа прямо ему, — вопросих его: „Кто сотвори Адама?" Он же два перста показа ми, отвѣщая, яко: „Той же и Еву сотвори". А еже обоими руками браду поглаждая, вопросих его: „Кто даде санъ[14] человѣку?" Он же терниемъ[15] власовъ главы своея, отвѣща ми: „Той же даде и главънии власы"».

Слышавъ же сия, король похвали его о мудрости и отпусти его.

Повелѣ же другаго, отвѣтъ дающаго, поставити пред ся, да извѣстнѣ[16] скажетъ о отвѣте, еже[17] отвѣща мудрецу.

[1—1] вскоре некий человек из простых, и незнатного происхождения, и никому не известный; [2—2] я — хотя и небольшой и незнатный; [3] так и в действительности; [4] узнавшему; [5] как подобает; [6—6] тут же (где будет происходить спор), не прячась, решил присутствовать король, чтобы видеть ход спора; [7—7] один против другого; [8—8] недалеко друг от друга встали; [9] правой руки; [10—10] перед собой; [11—11] на него; [12] же; [13—13] а то, что я; [14] лик; [15] трением; [16] точно; [17] что.

И рече: «Твой мудрецъ, державный королю, показаниемъ перста, хотяща жива кверху подняти. Азъ же [1]не точию по егову[1] сотворю, но и къ самой земли приклоню, и ударю о землю, и зъ землею смѣшу[2]. Онъ ми показа единъ перстъ, хотя ми око исколоти, азъ два противо показа, рѣхъ[3]: „И оба ока исколю!" Онъ ми браду поглаждая, хотя мою браду драти, азъ же и главныи власы трохъ, рѣхъ: „Не точию[4] браду твою, но и главния власы всѣ выдеру!"»

Король же, сия слышавъ, подивися и отпусти его. Предстоящим же своим рече: «Видите толику мудрость, яко в помовании[5] рук обоихъ разни добрѣ есть и истинно. Отвѣти же обоих разни, но аще и разни, но [6]по настоящему дѣйству[6] же и помованию, киждо[7] же по своему смышлению надѣяся тако истиннѣ быти».

И сия рекъ, разыдошася до утрия.

Во вторый день паки[8] имъ пред королемъ, по обычаю, ставшим, португалской мудрецъ двократно и трикратно пожимая и потирая персты рукъ своих.

Брандебурской, якоже у рукъ, такоже и у ногъ пожимая и потирая.

Португалской приимъ воду и десницею поливая на лице свое.

Брандебурской такожде приимъ воду и веземъ десницею своею мало земли и с водою персть[9] поливая на лице свое.

Португалской десную руку показа, таже[10] лѣвую.

Брандебурской едину лѣвую показуя [11]двократы и трократы[11].

И по семъ абие[12], по обычаю, един другому поклонися. Такожде и оба королю, и разыдошася.

По обычаю же своему король единаго отсылаетъ, а другаго вопрошаетъ о бесѣдѣ ихъ.

И рече: «Азъ пожиманиемъ рукъ вопрошахъ его: „Кто сотвори множества народа?" Онъ, руками и ногами пожимая, отвѣща ми, яко: „Со множествомъ народа и бесловесныя[13] вся сотвори Богъ" — руками объявляя множества народа, ногами же — бѣзсловесное всѣ. Поливаниемъ же воды на лице свое вопрошахъ его: „[14]Киихъ вящих[14] на земли, — чистыхъ[15] ли человѣкъ и достойных Богу, — или недостойных?" Он же перстию и водою поливал лице свое, отвѣща ми, яко: „Множае[16] сѣкверныхъ человѣкъ и недостойных Богу". Азъ десную руку показах, потом лѣвую, вопрошахъ его: „Мужеска ли полу вящши или женьска?" Он же, едину точию[17] лѣвую показуя, отвѣща, яко: „Болѣ есть женскаго роду"».

Слышавъ сия король от мудреца своего, похваливъ его и отпусти.

Потом другаго вопрошает.

[1—1] не только, как он; [2] смешаю; [3] сказал; [4] не только; [5] в знаках; [6—6] в соответствии с их движениями; [7] каждый; [8] снова; [9] землю, грязь; [10] потом, затем; [11—11] дважды и трижды; [12] внезапно, сразу; [13] бессловесных — животных; [14—14] кого больше; [15] праведных; [16] больше; [17] только.

И рече: «Честныя твоя королевские державы мудрецъ хощет мя бити и персты рукъ моихъ ломати. Азъ не точию у рукъ, но и у ногъ переломаю! Онъ, воду лия на ся, хощетъ мя в водѣ потопити. Азъ надѣюся и всего в грязь втопътати! Онъ, руце *мнѣ* показуя, хощетъ мя бити. Азъ единою точию преодолѣю ему рукою!»

Слышавъ же сия, краль подивися о отвѣтехъ его, и отпусти его до утрия.

В третий же день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, и бесѣдѣ бывши.

Португалской, приимъ жезлъ и подержа его мало стоячего, таже положи на землю и паки взятъ.

Брандебурской такожде жезлъ приимъ и броси на землю, и не прикоснуся ему.

Португалской сосудъ воды около нѣкия малыя персти круговидно обнѣсе и постави, по семъ малую персть[1] земли около воднаго сосуда обнесе и землю на свое мѣсто положи.

Брандебурской тую же воду около малыя персти обнесѣ и постави. Малую же персть земли въсыпа в сосудъ, и отшед, и ста на своемъ мѣсте.

Португалской малую персть земли окружая малыми и великими круги своея руки.

Брандебурской единѣмъ точию перстомъ уткну в землю.

По семъ паки, по обычаю, единъ другому поклонися и разыдошася.

Король же, якоже и прежде, единаго отсылаетъ, а своего вопрошаетъ.

И рече: «Жезлъ стоящий, положихъ и пакы взяхъ, — вопрошах его: „Коего древа болши — стоящаго ли или лежащаго?" Онъ повержениемъ жезла отвѣща ми, яко: „Лѣжащаго болши, нежели стоящаго". Азъ убо водою в сосудѣ и малую перстию земли вопросихъ его: „Воды ли болши или земли?" Онъ водою отвѣща ми, яко: „Да вода всю землю окружаетъ, но обаче[2] земли болши, понеже[3] вóды внутрь себѣ имѣютъ горы великия" — [4]еже землю въ воду вложи[4]. Азъ убо землю перстомъ окружахъ, — вопросихъ его: „Велика ли земля пред водами?" Онъ отвѣща ми, яко: „Пространство ея подобно сему единому ткнению перста"».

Слышавъ сия, король сего отпусти, другаго вопрошаетъ.

Вскорѣ же абие отвѣщаетъ: «Твой убо мудрецъ, державный королю, хощетъ мя жезломъ бити и паки хощетъ въ совѣте со мною быти. Азъ не тако: но единою ударю и не будетъ живъ. Твой мудрецъ о смерти спрашивает: „От земли или от воды будетъ?" Азъ, не много говоря, возму и в воду брошу. Твой мудрецъ спрашиваетъ мя: „Много ли мнѣ земли на *положение* тѣла надобно?" Азъ хощу его во единомъ точию перста ткнении вместити».

---

[1] горсть; [2] однако; [3] потому что; [4—4] это он обозначил тем, что положил землю в воду.

Слышавъ же сия, король зѣло удивися вымышленному его отвѣту. И тако скончается немая ихъ бесѣда.

В четвертый день паки, по обычаю, пред королемъ имъ ставшимъ, португалской рекъ: «[1]Имаши ли языкъ, да глаголеши ми, о нихъже имамъ вопрошати тя?[1]»

Брандебурской языкъ мало показа от устъ своих, ничтоже глаголя.

Португалской: «Высоко ли от насъ и далико ли небо?»

Брандебурской: «Дивлюся твоимъ [2]глаголомъ, яко бы не вѣдая вопрошаешъ[2]. Небо недалече от насъ и весма близъ есть: громъ убо, егда тамо грѣмитъ, — мы, живущия на земли, велми его гремение [3]явно и чудно[3] слышимъ».

Португалской: «Колико есть растояния от востока до запада?»

Брандебурской: «[4]Не вѣмъ, что вопрошаешъ! Не вѣси ли[4], яко единем днемъ солнце преходитъ от востока до запада — и ничтожѣ имать дальнаго растояния».

Португалской: «Коли есть глубина морская величествомъ?»

Брандебурской: «От множества рыбъ увѣримся[5], яко море не велику глубину имать: они бо единым днемъ по верху воды и во глубинѣ, сна ради, бываютъ, понеже они не спят на верху воды».

И паки, по обычаю, единъ другому поклонишася, такожде и оба королю, и разыдошася.

В пятый день паки пред королемъ, по обычаю, ставше, португалской рече: «Кто не родився умре?»*

Брандебурской: «По истиннѣ той есть, которой состарѣвся в матернѣ чрево вниде».*

Португалской: «Кто есть той человѣкъ, [6] ниже с небеси сниде[6], ни от человѣкъ родися, ни от земли созданъ, а человѣкъ бысть?»*

Брандебурской рече: «По первом вторый, и от деснаго взято шестое,[7]и в томъ единомъ той устроенъ бысть[7], без негоже и родитися не мощно».

Португалской рекъ: «Кто родися не умре?»*

Брандебурской рече: «По истинѣ не сохранения ради заповѣди таковая пострада, но восхотѣ видѣти погибель ближняго».

И тако, по обычаю, единъ другому поклонишася, также и оба — королю и разыдошася.

В шестый день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшим, вопроси португалской мудрецъ глаголя: «*Кия* двѣ души прежде Адама сотворены?»

[1—1] есть ли у тебя язык, чтобы отвечать мне на то, о чем я буду тебя спрашивать?; [2—2] речам, спрашиваешь, как будто сам не знаешь; [3—3] отчетливо и прекрасно; [4—4] удивляюсь — о чем спрашиваешь! Неужели не знаешь; [5] можем убедиться; [6—6] и не с неба сошел; [7—7] и из этого одного создан был.

Брандебурской: «Истинну глаголеши, яко обоя нами видима — Еноха убо и Елиофамова».

Португалской: «Кто преждѣ Адама со брадою сотворен бѣ?»*

Брандебурской: «По истиннѣ той, иже стремителное паче нежели тихое и простое любитъ. И от рыбъ нѣцыи велегласие ихъ велми слышати любитъ, яко и близъ брега витати[1] имъ».

Португалской: «Что от чего — курица ли от яйца или яйцо от курицы?»

Брандебурской: «Вѣмъ[2], яко от исперва въ 5 день птицы сотворени и от нихъ нача плодитися яица и, по обычаю, нача плод быти».

И паки, по обычаю им, королю поклонися и разыдошася.

В седмый день паки имъ пред королемъ, по обычаю, ставшимъ, вопроси его португалской мудрецъ рече: «Что есть в тебе и что у тебѣ и что с тобою?»

Брандебурской: «Имамъ в себѣ душу, и слово — у себѣ, и плоть — съ собою».

Португалской: «От чего сотворени птахи и *звери*?»

Брандебурской: «Птахи есть двояки, — едины от водъ, яко поныряющия[3] и в водах жити любящии, друзии[4] же от воздуха, якоже лѣтающии. Есть же нѣцыи[5] от земли, — иже не могущии лѣтати, яко звѣрие вси».

Португалской: «Кия[6] птахи и звѣри [7]во своихъ си началствующи и кральми зватися *могутъ*[7]?»

Брандебурской: «Во *птахах* — высокопарный орелъ, во зверях же — жестокий и несклонный[8] от гнѣва лѣвъ, в рыбах снѣдаемыхъ[9] — самоубиваемая бѣлуга, въ нѣснѣдаемыхъ и змиина прирожения — великий китъ, именитый[10] же и притворный во слезахъ коркодилъ».

И паки, по обычаю, разыдутся.

Король же повелѣ брандебуръскаго мудрец отпустити, своего же удержати. И вопроси его: «Что [11]ти ся мнитъ[11] о мудрецѣ семъ — егда благоразуменъ[12] есть или неразуменъ?»

И рече ему мудрецъ: «Мню, яко не точию въ Португалской и во окрестных королевствахъ, но и во многихъ далнихъ градехъ такова мудреца не точию нѣсть, но и не бывало и не слышано!»

Король же рече къ мудрецу: «7 дней беседѣ бывши нѣмой и глаголанной, и на киждо день по три вопроса твоих к нему слышано. Во всехъ же разумности отвѣща. Аще и в нѣмовныхъ твоихъ вопросѣхъ не тако онъ но [13]ни весма свойственно[13] отвѣща тебѣ, но обаче[14] тобою нигдѣ не обличен, и сего ради совершенъ во отвѣтех и благъ и искусенъ являшеся». Показа же ему и написание отвѣтовъ

---

[1] обитать; [2] знаю; [3] ныряющие; [4] другие; [5] некоторые; [6] какие; [7—7] среди своих правят и королями называются; [8] неумолимый; [9] съедобных; [10] знаменитый; [11—11] ты думаешь; [12] мудр; [13—13] совсем не соответственно; [14] однако.

его. [1]И протче разумѣти, яко ни мало своиственъно вопросомъ его[1], похулив[2] убо его и весма [3]недостаточна в разумѣ нарече[3].

И рече х королю: «Вѣждь[4], державный королю, яко отнынѣ в малыхъ словесех онъ мною препренъ[5] будетъ и уничиженъ, точию повели ми его в свой домъ часто призывати на обедъ, да тамо о всяких вещехъ и дѣлехъ бесѣдуя с нимъ, возмогу препрети его и уничижити».

И глагола ему король: «Мнѣ же точию мнится, яко всяко нынѣ настоитъ ми время, еже прежде глаголанное свое исполнити слово, — еже дщерь свою тому обещалъ дати в жену к тому, бы моглъ нѣмому отвѣт дати. И се нынѣ то збыстся. Всяко хощу дати дщерь свою за сына брандебурскаго короля».

Рече ему мудрецъ: «Державный королю, потерпи мало! Всѣ твое слово на иномъ нѣкоемъ исполнится».

Глагола ему король: «Аще надѣешися препрѣти его, — твори, еже хощеши, и от моихъ королевскихъ обиходовъ взимая потребная. Егда ли препренъ тобою будетъ, вѣдый[6], яко велми от менѣ пожалованъ будеши и честию великою почту тя, дшерь же моя паче всѣхъ дщерей царских и кралевскихъ славна будетъ».

Приимъ же мудрецъ от короля своего волю.

По нѣкоемъ времяни посла к нему слугу своего, яко да обѣдает у него. [7]Се же и бысть[7]. Бѣседующама же има, по обычаю, по времени же рече к нему: «Чим тя, друже мой, имамъ потчивати, яко не имамъ многоразличныхъ ядей?»

Отвѣща ему брандебурской мудрецъ, рече: «Предлагаемая намъ — ядимъ и, елико имам, тѣмъ доволни будемъ».

Въскоре же господинъ дому повелѣ принести сосудъ вина, да пиют е[8]. Се же и бысть. Налиявъ чашу и держа в руце своей, и рече к мудрецу: «Повѣждь ми[9], друже, что есть: стоить море на пяти столбахъ,* близъ того моря стоит царь с царицею и на море смотрят. Царь рече: „Море — утѣха моя!" Царица рече: „Море — погибель моя!"?»

Брандебурской: «Море убо не на пяти столпахъ, но на трех точию вижу, а еже царя и царицы рѣчи: с вечера — веселие, с полунощи — сонъ, во утрии — болѣзнь».

И пивъ самъ португалской мудрецъ, поднесе же и брандебурскому. Той же, приимая, рече: «Приемлю, яко друга, боюся же, яко врага!»

[10]Усумнѣвся же португалской о словеси семъ[10], и рече ему: «Единным хвалиши словомъ, а другимъ браниши?»

Отвѣща ему: «[11]Ни, не буди то![11] Азъ о приемлемой чаши рекъ: приемлю, яко друга во утѣшение и веселие плоти своей, боюся же яко врага, да бы ми

[1—1] и, прочитав ответы, уразумел, что они совершенно не соответствуют его вопросам; [2] осудил; [3—3] и неразумным назвал; [4] знай; [5] переспорен; [6] знай; [7—7] и так и было; [8] его; [9] скажи мне; [10—10] удивился португальский мудрец этим словам; [11—11] нет, не так!

в пьянствѣ чимъ не погрѣшити предъ Богом, людемъ же добрымъ не досадити — вся бо сия случается от пияньства!»

Услышавъ сия, португалской мудрецъ [1]преста от мнѣния[1] и бѣ , якоже и прежде. И начаше купно с радостию обѣдати.

Обѣдающиима же има, изобретъ[2] португалской мудрец время, еже вопрошати его о родѣ же, чину и сану, рече: «Повѣждь ми, добродѣю мой, во своей ты земле Брандебурии при королевской милости в коемъ бѣ чину и сану? Не точию не видѣхомъ подобна тебѣ мудростию, но ни слышахомъ!»

Отвѣща ему брандебурской: «Азъ при милости королевской послѣдний рабъ и велми малаго чина же и богатства, [3] но сказываютъ нѣцы, паче же единъ нѣкоторый, вданны ми ново, сѣмо посылая, яко у отца моего служилъ много лѣтъ[3] и былъ, де, отецъ мой при королевской милости [4]велми честенъ[4], купно же и богатъ. И азъ благодѣйствия отца моего не помню, понеже остался его малъ велми между же нѣкоторыми людьми».

Принесоша от слугъ его двое сыръ велми великъ и поставиша пред ним по обычаю.

Вопроси его портогалской мудрецъ: «В вашей земли у честънаго короля вашего [5]сицевым величеством[5] сыръ бываетъ ли?»

Отвѣща брандебурской: «Азъ убо [6]не вся глаголю[6], еже гдѣ что вижу. И не всѣму вѣры иму, еже что гдѣ слышу. [7]Нѣсть азъ посланъ до съвоей земли что повѣдаю на ней же преславнѣ[7]. А отъ сицевыхъ великихъ сыровъ маниемъ нѣчто от стариннаго отца моего слуги слышавъ, яко в дому отца моего велии, повѣдаютъ, сыры великии бывали».

— «Имаши ли здѣ слугу того?»

Отвѣща: «Имѣю при себѣ».

Возвавъ его, мудрецъ вопроси: «У отца сего господина въ дому сицевы великия сыры бывали ли?»

Отвѣща слуга: «У господина нашего, у его отца, таковы величествомъ сыры бывали: нѣкогда осмую часть сыра далъ работником, а всѣхъ было пятьдесятъ человѣкъ; и егда[8] они, на работѣ будучи, во время обѣда разломиша его, обрѣтоша[9] в немъ два жеребенка, да двугодовалаго теленка».

Португалской мудрецъ вельми ему подивися и вопроси паки: «Откуду в немъ жеребенок и телѣнок обретеся?»

Отвѣща ему слуга: «Таковъ имѣютъ обычай в Брандебурии: егда в тыя великия творила накъладутъ множество творогу и настелютъ по немъ холстовъ и по них коньми и коровами топчютъ. И тѣснуючися отъ множества коней и коровъ подавляхуся в сырѣ».

[1—1] отбросил сомнение; [2] выбрал; [3—3] но многие говорят, особенно один человек, только что данный мне, когда сюда посылали, который служил у моего отца много лет; [4—4] в большой чести; [5—5] такой величины; [6—6] не о всем рассказываю; [7—7] не для того я послан, чтобы рассказывать о достопримечательностях своей земли; [8] когда; [9] нашли.

Слышавъ сия, велми подивися и вда ему малый нѣкий напитокъ и отпусти.

По мнозѣхъ же инныхъ ядей принесоша лопатку велми велику, еже и поставиша пред нимъ.

Вопроси португалской мудрецъ: «У отца твоего сицевыя великия скотины бывали, якоже *сия* лопатка скотия?»

Отвѣща ему брандебурской мудрецъ, рече: «Азъ доброденствия великихъ богатствъ отца своего не помню, нѣчто похощеши слуги моего вопросить».

Се и бысть.

Рече слуга: «У господина нашего, у его отца, бывалъ таковъ быкъ трехъ лѣтъ и того быка на единой лопаткѣ селитвы[1] было сорокъ пять дворовъ жилцовъ».

Вопроси брандебурской мудрецъ слуги, рече: «Како толико превыше мѣры сказуши скотину быти — аще на единой лопаткѣ толико селитвы, на всѣхъ же костех быка того колико можетъ быти селитвы?»

Отвѣща слуга: «Вѣру ми ими, доброчестный господине, а я буду правду сказывати: той быкъ всегда самъ о себѣ, единъ пасящеся, и на 7 верстахъ около себе по вся лѣта траву подъялъ[2]. Того быка вышелѣтний орел убилъ. И [3]чрезъ годишное время[3] зверие сходящеся ядяху его. Лопатка же быка того случися пасти [4]на угоднѣ мѣсте и нарочистѣ[4], и поселишася на ней по совѣту господина нашего, его отца, сорокъ пять дворовъ со всемъ строениемъ. По неколице же времяни лисица зѣло малую нѣкую той лопатки части мяса обрѣте, [5]и той под нѣкою храминою[5]. И сего ради часто прихождаше, гложушѣе лопатку, [6]и абие некако потрясе ею[6], и всѣ дворовое строение падеся[7] до основания».

Слышавъ же сия, португалской мудрецъ рече: «Всякъ человѣкъ от своихъ словесъ осудится и оправдится. Се ты неправедными своими словесы и ложными самъ ся осуди!»

Рече ему слуга: «Честнѣйший господине, вѣсть твоя честность, яко Писание орломъ называетъ самого Бога? Вѣси же, кто можетъ ему противитися? Той бо порази быка того страхом своимъ. Человѣка лукава и лстива называетъ лисицею: от лукаваго бо и лстиваго человѣка то селение разорися. Обадиво[8] брандебурскому королю, яко в томъ селении нѣкий человѣкъ имѣетъ в дому своемъ великия скарбы от давныхъ лѣтъ сохранено и сего ради разорися селение то и ничтоже сему дивно».

Сему же мудрецъ повѣривъ и, по обычаю, отпусти его.

По совершении же стола въ последней яди принесоша, дыню велми великую, яко едва мощно человѣку подъяти. И, по обычаю, поставиша на столѣ.

---

[1] селение; [2] съел; [3—3] в течение года; [4—4] на удобном и хорошем месте; [5—5] которая находилась под одним из домов; [6—6] и внезапно покачнулась лопатка; [7] разрушилось; [8] наговорили.

Вопроси португалской мудрецъ, глаголя: «У отца твоего сицевы бывали ли дыни?»

Отвѣща ему брандебурской мудрецъ, рече: «Якоже прежде, и нынѣ реку ти: не помню того. Аще ли волиши — вопроси слуги моего: вѣсть или не вѣсть он?»

Сему же бывшу.

Вопроси же португалской мудрецъ слугу о дыни. И рече слуга: «*У господина нашего, у его отца, вящи сих бывали дыни*. Нѣкогда, пре множествѣ гостей, даде дворецкому своему ножъ свой, яко да часть нѣкую изрѣзав от дыни, принесетъ. Сему же бывшу. И егда вырѣза часть, яко бы осмую точию, и абие некако упусти из рукъ нож внутрь дыни. И убояся господина своего велми, яко да того ради ножа мучити его будет, понеже бес того ножа никогда не кушивалъ, от великаго страхования и боязни остави часть дыни и, обнаживъ себѣ от обычныя одежди, и ринувся в дыню, да тамо либо утонетъ либо ножъ сыщет. Повѣданное же бысть господину нашему, абие самъ со многи гостми прииде видѣти, и повелѣ кричати гласомъ великимъ, яко да услышитъ глас, да изыдетъ, и не бѣ ничтоже. Вскорѣ повелѣ добыти колокол во пятьдесятъ пуд вѣсомъ и [1]на тое дынную утлину[1] повѣсити, и звонища жестоко[2] и едва в другий день на колокольны звонъ изыде, нося съ собою и ножъ. И тако свободися от гнѣва господина нашего».

Слышавъ же сия, португалской мудрецъ велми дивися и рече: «Ни в писаниихъ о толикихъ дыняхъ читал, ниже[3] слыхалъ».

По отъядѣнии же повелѣ португалской мудрецъ единому от служащихъ своихъ принести капусты кочанъ. Еже и бысть. И бѣ велми великъ видѣти.

Вопроси брандебурского мудреца, глаголя: «У васъ, во Брандебурии, сицевы велицы кочаны капусты бывают ли?»

Отвѣща ему брандебурской, рече: «Азъ нѣкогда в преѣзде ѣхалъ, видѣхъ пятисаженую избу, покрыту яко нѣкакою тонкою кожею, и вопросих, чем она покрыта. Отповѣдали намъ, яко капустным листомъ. И азъ сему не повѣрилъ: вѣмъ, яко капуста такова величествомъ не бываетъ. Они же, крѣплящеся[4] тако быти, показаша ми для истиннаго увѣрения и целый кочань. И бѣ видѣти велий, яко храмина великая, и от сего увѣрихся истинно.

Португалской вопроси: «*Можешь ли* познати единовозрастных и единоодежныхъ отрочат, да бы разумѣти мужеский полъ и женский?»

Отвѣща брандебурский: «Дивлюся о семъ, яко бы о нѣкоемъ мудромъ вопрошаеши! Повели убо среди двора своего или храмины просыпати нѣчто ко угождению малымъ дѣтемъ и повѣле имъ разсыпная збирати, да ту разумѣеши кое мужеский или женский полъ».

[1—1] и на тот вырез в дыне; [2] громко; [3] и не; [4] уверяли.

Сему же бывшу, и не познавше ихъ, паки вопроси: «По чему познати ихъ?»

Рече: «Которыя в подолъ собираютъ, вѣдый буди, яко мужеский есть полъ, кия же в пазуху кладутъ и в рукав завертываютъ, тия суть женский полъ».

[1]И свидѣтелствоваше сие[1] — бысть тако, якоже брандебурской мудрецъ сказа.

Прохладився упокоениемъ разнаго пития, возведоша в превысокии храмы мудреца и вопроси паки: «В вашей земли таковую высотою храмы бывают ли?»

Отвѣща брандебурской: «Азъ нѣгдѣ видалъ и самъ у нѣкоего в гостяхъ бывалъ, и храми его толико высокия: егда из верхного жилища смотритъ кто внизъ, то и земли не видитъ. [2]И мнѣхъ азъ[2], яко выше зимных облаковъ, и сквозѣ ихъ земли не видитъ. И егда в тѣх хоромѣхъ во окнѣ свѣщу поставить — за много поприщъ сродники к нему приежали: той бо имъ знакъ, егда увидит в хоромѣхъ огнь».

Португалской: «Мнитъ ми ся[3], яко неправда сие».

Брандебурской: «Вѣру ими ми, яко той есть и слуга мой старинной вѣсть». И позван*у* бывшу слугѣ его и вопрошену, рече слуга: «Видѣлъ я таковы храмины высоки, что нѣкогьда плотники храмины крыли и близко небѣсныя звезды видѣша, земли жъ отнюдь не видали. И тѣхъ храмовъ на самой кровли краснопѣснивыя[4] сирины ходятъ и нынѣ бо есть прилѣтаютъ. И огнь во храмех тѣхъ велми за много поприщ видомъ бываетъ, и на той огнь смотря, многия люди к нему в гости приѣзжаютъ».

Рече португалской: «Дивлюся вамъ, яко едино от моихъ показаний дивно вамъ есть!» Таже повелѣ принести вина, да пиютъ, еже и бысть. И абие принесоша скляницу с питием, бѣ бо в ней яблоко велие.

Португалской: «Повѣждь ми, како ту яблоко израсте или како сѣмо *вниде: бѣ бо нѣвмѣстно*?»

Брандебурской: «Не дивно есть се, но возможно есть се всякому имущему садъ творити. Егда младораслено яблоко вложитъ в ню и оставити в ней по обычаю расти, не отъемля от сущыя яблони».

И пив от принесенаго того пития, паки повелѣ принести свежей огурецъ да заядаютъ питие, бѣ бо время зимнѣе.

Се же бысть.

Португалской: «Обрѣтают ли ся гдѣ в зимнѣе время свѣжие огурцы, якоже нынѣ зде видиши?»

Брандебурской: «Не дивно сему! Егда во младую капусту огурецъ положенъ будетъ, да капуста по обычаю растетъ, внутрь себѣ его имѣя. Да колико время капуста блюдома *будетъ, толико* и огурецъ *цѣлъ* соблюдетъся».

---

[1]—[1] и когда проверили это; [2]—[2] и догадался я; [3] кажется мне; [4] сладкоголосые.

Португалской: «Повѣждь ми, отчего в мирѣ брани, и свары, и гнѣвъ бываетъ?»

Брандебурской: «Два пустынника нѣгде жили — единъ глух, но зрячь, другий слѣпъ, но слышитъ. Принѣсе же нѣкто им хлѣбъ недопеченъ, дая глухому рече: „Приими, отче, хлѣбъ да сыр". Онъ же приятъ неразсудно[1]. Другий же, аще и слѣпъ, но обаче слышитъ, яко дали имъ хлеб да сыръ. По времени они начаша ясти, рече ему слѣпый: „Сей хлѣбъ есть, гдѣ убо сыръ?" Рече ему братъ: „Единъ подали хлѣбъ, сыра же не было". Слѣпый же разгнѣвася, рече: «Не самъ ли азъ слышахъ, яко давый рекъ: „Приими, отче, хлѣбъ да сыр". И оттого межъ ими нача быти велий гнѣвъ за потаение сыра. Слѣпъ — кто будет не разсуждая, таковый всякому слову вѣритъ и неправедному даянию внемлетъ и оттого скоро на гнѣвъ подъвизается, и гнѣвается, и сварится. Глухъ же — кто без оговору что примаетъ и смутному слову не внимаетъ. Смутитель есть той, иже сприглагола и семъ лишняго слова; оттого бо всяка смута и гнѣвъ бывает».

Португалской: «Виновенъ ли бесъ всякому согрѣшению нашему или ни?»

Брандебурской: «Нанесенными мысльми виновенъ есть, а не дѣломъ».

Португалской: «По чему разумѣти, яко дѣломъ не виновенъ, но точию мысльми?

Брандебурской: «У нѣкоего пустынника молитвою связанъ[2] бѣсъ стрежаше рѣпы его. И нѣкогда прииде человѣкъ, нача рвати рѣпы, яко да возмет ю[3] себѣ. И бѣсъ его окликалъ, дабы не рвалъ рѣпы, и хотѣлъ сказати пустыннику. Онъ же мнев, яко привидѣние чюдится, *а* не истинное глаголание. И егда хотяше отити, не можаше подняти носила от множестъва рѣпы. Изчезе шедъ бѣсъ, сказа пустыннику о немъ. И изъшедъ пустынникъ, потяза[4] его о крадѣние рѣпы. Онъ жѣ, кланяяся ему, прося прощения и рече: „Прости мя, святъче Божий — бѣсъ научи се творити". Абие воскрича бѣсъ: „О неправеднѣ! Не трижды ли оглашу[5] тя: «Не рви рѣпы, скажу старцу!» Почто ты напрасно мя злословишъ и клевещиши на неповиннаго крадению твоему?" И паки человѣкъ той рече: „Простите мя, старче, Бога ради. От своея мысли смущенъ бе о сем". И абие простивъ, отпусти его с рѣпою. Посемъ[6] мнитъ ми ся, яко невиненъ намъ бѣсъ дѣломъ, но мыслию точию».

Португалской некаку харатийцу[7] announcement вземъ и в руку свою держа, [8]заваду себѣ творя[8], и абие вопроси: «Что есть — ни небо, ни земля, а видомъ же свѣтъла. На томъ садятся птицы черныя; главы у нихъ червленыя[9]; тыхъ птицъ три назидаютъ[10], два назираютъ, единъ повелѣваетъ. И от тыхъ птицъ многи спасени и от королей в чести бываютъ, нѣция же погибаютъ?»

Брандебурской: «Ни небо, ни земля, ни ина кая тварь видомъ бѣла с черными птицами и с назиратели и с протчими твоими сказании во многихъ го-

[1] не задумавшись над сказанным; [2] заклят; [3] ее; [4] осудил, укорил; [5] призывал; [6] поэтому; [7] бумажку, грамотку; [8—8] немного помедлив; [9] красные; [10] здесь: создают.

сударствахъ и королевствах обрѣтается. И мнитъ ми ся велми нѣчто мало есть, идѣже быти того не было, но аще индѣ того и по малу, но обаче вездѣ есть. Червленыя же главы не вездѣ обрѣта*ю*тся, но точию в Росии — тамо бо ихъ велми любятъ и зѣло любителни к сказанию птицъ тѣх [1] паче многих языкъ[1], но сво*им*ъ точию любомудръствомъ не толико же *друком*».

Португалской: «[2]Не истинно ми вѣщаеши о семъ[2]. Мню, яко ты сего не вѣси. Рцы ми о семъ истинно, что есть, что хощу бо тя симъ посрамити».

Брандебурской: «Ни небо, ни земля, ни иная кая тварь видомъ свѣтла — бумага. *Птицы* черныя — слова книжныя или писма. Главы червленыя — пропись въ книгахъ, слова красныя. Сие бо, кромѣ Русии, мало обрѣтается. Три назидаютъ — треми персты пишутъ. Два назираютъ — очи. Единъ повелѣваеть — умъ. Многие от того писания спасаются и в чести бываютъ, нѣцыи ж погибаютъ».

Видѣвъ же португалской, яко добро отвѣща, рече к нему: «Прости мя, яко словомъ оскорбих тя!»

Португалской, видѣвъ от домовыхъ своихъ рабынь нѣкую, рече ему: «О комъ [3]кощунники и суесловцы[3] говорятъ: совѣщавшеся пятеро, взяша единаго и вѣдоша его в темницу. Вѣдомый же в темницу, радуяся идяше; оттуду же исходя, плача и дряхлуя идет немощенъ?»

Брандебурской: «Азъ о семъ здѣ отвѣ*т*а не глаголю, но егда возвращуся во своя[4], то сотворю то дѣло — имамъ бо у себя супругу. Здѣ же о семъ не отвѣщаю, и не взираю на ню, ибо намизание[5] очесъ убиваетъ душу. Добро всякому человѣку доволну быти [6]своими оброки[6] и чужих кладезей не касатися, да свои не пролиются!»

Упокоивъ его многими различными питии, провождая из дому своего, увидѣв котелъ, в немъ бо про свой обиходъ пиво варяше, бѣ бо велий зѣло, вопроси брандебурскаго мудреца, глаголя: «В вашей странѣ сицевы котлы бываютъ ли?»

Отвѣща брандебурский: «Видѣлъ негдѣ котелъ, в немъже ядь варя всѣмъ живущимъ в дому его. И в томъ котлѣ *в суднѣ* два человѣка плаваютъ: единъ гребетъ и весломъ правитъ, другие же от края весломъ крупу, положенную в котлѣ, отгребаютъ, да не пригоритъ в котлѣ положенная крупа. В то же время повару годенъ былъ нѣкия ради потребы топоръ и кликалъ велми гласно другаго повара, дабы ему топоръ ему подалъ шибениемъ на ус*п*ехъ — самому же не досужно ити по топоръ, [7]понеже растояние не было кругъ котла того[7]. И поваръ броси ему топоръ, но *далнего ради растояния не прекину топор, но* в котелъ впаде, его же при мнѣ выняли, егда испразнили[8] его».

---

[1]—[1] больше других народов; [2]—[2] непонятно мне говоришь об этом; [3]—[3] балагуры и пустословы; [4] домой; [5] подмигивание, нескромные взгляды; [6]—[6] принадлежащие ему; [7]—[7] потому что очень долго идти вокруг котла; [8] опорожнили.

Португалской: «Что есть: стоитъ древо бес корения, а на немъ цвети различны, под древомъ стоитъ корыто, на древѣ сидитъ птица, воронъ без крылъ. Та птица цвѣты урываетъ и в корыто бросаетъ, зъ древа цветовъ не убываетъ, корыто не наполняется, воронъ сытъ не бываетъ?»*

Брандебурской: «Днесь совершеннѣи познахъ благоразумие твое и всесовершенной смыслъ, яко всего много и пространно глагол вопрошая мя, а трехълакотнаго жилища не оставихъ, но симъ многую и пространную бесѣду покрылъ. Поистиннѣ сие от великаго благоразумия глаголеши, понеже, колико жити на земли, а о памяти смертной и о исходѣ души от тѣла помышляти надобно всегда. Но, прошу тя заутра[1] къ себѣ, снѣсти[2] пирогъ без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ».

И единъ другому поклонися по обычаю честнѣ и разыдошася кождо во своя домы.

Во утрии же брандебурской мудрецъ посла своего слугу к порътугалскому мудрецу, звати его на снѣдение вышепомянутаго онаго пирога. Сему же бывшу, абие обещася к нему быти. По времени же, [3]от верстникъ своихъ яви двумъ[3] пр*о* оной пирогъ.

Португалской мудрецъ иде с ними ко брандебурскому мудрецу. И прилучившимся брашномъ и питиемъ, почте я. Послѣди же постави и пирогъ, на негоже и званъ бѣ, и рече: «Сей пирогъ без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ».

Ядущимъ же имъ пирогъ онъ, и показася имъ, яко велми от добрыя муки постныя устроенъ и в кравием[4] маслѣ жаренъ. И ничтоже ему о томъ глаголя, по времени же отидоша от него.

Во утрий же день португалской мудрецъ иде к королю и рече ему: «Велможный и всечестный королю! Прости мя, яко просихъ тя о ономъ мудрецѣ бранъдебурскомъ, да его каковымъ словомъ во многомъ речении обвинна чиню. И велми доволно глаголал с нимъ в дому *моем*, *и* ни единым словомъ вины не могохъ обрѣсти, но во всемъ мудръ бѣ: дѣлателно[5] отвѣщеваше. *И* нынѣ какъ твое державство о немъ разсудитъ?»

Король рече: «Всяко дошло время вдати ми дшерь свою за королевича ихъ. Точию[6] во единомъ — немолвленномъ отвѣте вопрошу, егда онъ не тако отвѣща, яков*о* ты вопрошал. Аще дастъ отвѣтъ по вопросу, то реку ему, дабы королю своему сказалъ, яко бракъ хощет быти, во оно время, *что*бы готовилъ сына своего ко браку. Аще же не отповѣсти по вопросу истиннаго вопроса — во всемъ откажу. Вопросы и отвѣты во всѣхъ написахъ, х королю пошлю. Твоихъ же вопросов и его отвѣтовъ в дому твоемъ бывши*х*, написах, вдай ми».

Се же и бысть.

---

[1] завтра; [2] поесть; [3—3] сказал двум своим сверстникам (товарищам); [4] сливочном; [5] дельно; [6] только.

Рече паки к нему мудрецъ: «Велможный королю! Вопроси его о пирогѣ, егоже аз со инѣми двѣма ѣли у него. Он о немъ сказалъ, яко без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ. Намъ же явися самыя добрыя пшенишныя муки на кравиемъ маслѣ жаренъ».

В утрий же день повелѣ король предъ собою поставити мудреца брандебурскаго и рече ему: «Не довлѣетъ ми[1] исполнити слово обѣщанное о дщери, яко тыя во отвѣтехъ немолвленныхъ мудрецу моему отвѣтъ не тако далъ, якоже онъ вопрошалъ, но противно нѣкако и весма непристойно вопросу, точию помывания рукъ тако являшеся».

Брандебурской рече: «Велможный королю, азъ, мню, по своему размышлению отвѣща, а его вопърошение и истиннѣ извѣстнѣ вѣмъ. Молю, аще велиши, деръжавный королю, дати бумаги и чернилъ, то извѣстнѣ вопросы и отвѣты *по* его разуму, напи*шу* ти». Еже и бысть.

И видѣ король, яко ничто же разньствуетъ противо его мудреца. Паки вопроси его король: «Скажи ми, мудрече, каковъ у тебя пирогъ ялъ мой мудрец?»

Отвѣща: «Твоя воля, державней королю! За бывшѣе у него пирование звалъ его к себѣ в гости точию пирога ясти, каковыя мы дѣлаемъ для поспешения — без муки и воды, ни печенъ, ни варенъ, ни жаренъ».

И рече король: «Странна нѣкая незнаемая влагаеши во ушеса наша! Повѣждь ми вскорѣ и на дѣле покажи, како таковый пирогъ счинити. Аще тако сотвориши, будеши от меня велми пожалованъ и с честию великою во свою землю отпущенъ будеши. И о чемъ же приезжалъ, правда будетъ!»

И отвѣща ему мудрецъ: «Воля твоя буди, державный королю, но прикажи мнѣ к такому строению приставнику[2] быти, и еже вопрошу у него, всѣ бы было готово». Еже и бысть.

И абие в подобающѣе время содѣла пирогъ той. Во время же кушания по обычаю столовому поставиша той пирогъ пред короля. И вопроси приставника о строении пирога: «Егда безъ муки есть, якоже мудрецъ рекъ? Мнѣ мнится, яко от обычныя пшеницы *в* кравием маслѣ пряженъ!

Приставникъ подаде ему о пирогѣ писание, имущѣе сице: «Сказание, како дѣлати пирогъ про свой обиход без муки и воды, ни печен, ни варенъ, ни жаренъ. Масло кравие, млеко, яицъ свѣжихъ пятьсотъ втолъцати в сосудъ бѣлокъ и желток. Скорлупы яичныя велѣть вымыть в теплой водѣ, в двух или в трех. И, вымывъ скорлупы начисто, сушить ихъ в печи на вѣне желѣзномъ. И, высуша ихъ, толчи в ступѣ мелко велми. И, истолкъши, смолоть мѣлко, что перецъ мѣлютъ. И просѣявъ гривенным ситомъ дважды или трижды, чтоб была велми мѣлка. И на той мукѣ замесить тѣ желтки *и белки* и, [3]розоскавъ сочень[3], приготовить сковорода по мерѣ сочня. И положить той сочень на сковороду, и

[1] нельзя мне; [2] свидетелю; [3—3] раскатав лепешку.

начинка была бы готова. Слой налити яблокъ, да предсыпать подъ яблокомъ шафраномъ, и на шафранъ слой ягод винныхъ, и под ягодами пересыпать шафраномъ, и паки слой ягод, изюму кафимскаго, и по изюму тѣмъ же шафраномъ пресыпать, да корица тертая. И весь тако пирогъ с начинками и ягодами исполня, положить в горшекъ, и ещѣ положить в горшекъ масла кравия, 2 гривенки или болши. И поставить в жаркую печь, дондеже все масло попьетъ. И тако добрѣйший пирогъ состроит*ся*».

Прочетъ же король писание, разумѣх, яко кромѣ всехъ обычныхъ припасовъ содѣла*н*ъ, ко вкушению же велми потребенъ. Абие, сего ради пирога и мудрыхъ ради отвѣтовъ, брандебуръскаго мудреца велми почтил честию великою и пъремноги*м*ъ богатьством. И пусти его ко своему государю, и повелѣ ему сказати, да уготовитъ сына своего ко браку.

И вда дшерь свою, и бысть между ими велия любовь во много лѣтъ. Конечъ истории.

ПОВЕСТЬ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

[1]ОТ КНИГ БЫТЕЙ[1] ТАТАРСКИХ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Бысть *в* дрѣвняя лѣта, в татарской арде был нѣкий царь, имѣнемъ Слам-гирѣй, жесток и нѣмилостив и срѣбролюбец паче мѣры, а лжи нѣ любя. И бысть у нѣго нѣкий вельможа, ближний человекъ, а у него два сына: большой был сынъ дороденъ и богатырь, да глуп; а меньшой сынъ был *рождением* худ и ростом мал, да разумен, а у царя был ближний человекъ, а имянем его звали Алтын Золотое Слово. А таков был разумен — от всякого слова царь ему давалъ по триста алтын.

Лучилося ему поехати к сѣбѣ в улус,* а большой его брат поехал на лов зверь гонять да, приехав с поля, почал царю сказывать: «Государь-царь, вольной человекъ! Ездилъ яз[2] на лов и убил еленя в правое ухо, и вон — в левое ухо да в заднюю в левую ногу, в копыто». И царь удивися и почал ему говорити: «Какъ, де, ты так говоришь, что не станется! Как тѣбе так убити?» И почал царь на него кручинитца, и собор[3] почал у царя о том быти, о той лъжи. И приговорили его всѣ ближние люди, что казнить смертью, что царю он солгал. А у них в обычье так: кого уличат ложью, того казнити смертию. Послал царь, велел его казнити, а за ним послал пристава.*

И встречю ему изъ улуса едет брат его Алтын Золотое Слово. И он того ужаснулся, что брата его вѣдут казнити, и учал роспрашивати пристава да и брата, за что его царь велел казнити. И пристав ему сказал: «Велел, де, царь его казнити за то, что он уличен ложью». И дѣло ему сказал. Й Алтын Золотое Слово почал говорити приставу: «Пожалуй, не пролѣй напрасной крови [4]до тех местъ[4], доколе яз царевы очи вижю, а брат мой не солгал, з глупости нѣ умел росказать царю».

Пошел Алтын Золотое Слово къ царю, учал ему бити челом: «Государь-царь, вольной человекъ! Пощади холопа своево — брата моего, не вели напрасно крови пролить. А брат мой тебѣ, государю, не солгал, полно, з глупости

[1—1] из исторических книг; [2] я; [3] совет; [4—4] до той поры.

не умел росказать. Тебѣ, государю, весно, что он дороден и богатырь, да глуп. А то он тебѣ, государю, не солгал. [1]Дѣялось то тем обычаем[1]: лучилося ему приехати к оленю, а олень, стоячи в болоте, отбивает лѣвою ногою от левого уха мухи и мошки; и он, приехав, ево застрелил в правое ухо, а левым ухом и копытом — вон». И царь учал говорить: «Станетца, де, так! Прямой[2], де, еси человекъ. Он, де, мнѣ не умел росказати, а мне то [3]стало за кручину[3]». И царь его пощадил, не велел казнить.

Иная притча о том же царѣ. Лучилося тому же царю ехати зверь гоняти, а с ним многия князи и уланы,* и Алтын Золотое Слово туто же. И приежжает царь х кладбищу к татарскому, и тут стоит мизгить, по-руски церьковь. Увидел тут человека, и он его велел изымати, да к себѣ велел привести, да учал роспрашивать: «Какой еси человекъ, и почто тут пришел? Тут входу нет никому». И он ему сказал: «Человекъ, де, есми гулящей;* а увидел, де, вас и яз, де, тут хотел поукрытца». И царь ему учал говорити: «Нет, то, де, ты так крадешь сокровища мертвых» (понеже у них в обычьи, мертвых погрѣбают с великим богатеством). И он учал царю бити челом: «Государь-царь, вольной человекъ! Никако за мною такова воровства нет, а человекъ есми надобной. Будет холопа пощадишь, и яз тебѣ, государю, скажю». И царь ему молвил: «Скажи де, нѣ бойся; а яз, де, тебя пощажю». «Умѣю, де, есми, государь, птичью языку и зверину: что говорит птица со птицою, а зверь з зверем». И царь тому удивися и на то прельстися, хотячи, чтобы царю то самому знати. И царь ему молвил: «Мне такие люди въ государьстве годны». Да кликнул Алтына Золотово Слова, да велел ему тово мужика взяти, а молвил ему то: «Алтын, научися, де, тому языку; яз, де, тебя пожалую; а яз у тебя научюся». Да гулявши, царь поехал опять к сѣбе.

И привел Алтынъ Золотое Слово таво мужика и учал ему говорити: «Сказывал еси царю за собою ремесло, и царь мне тому велел учитца, и ты мне скажи». И он ему отказал: «Яз, де, теперьво человекъ бедной, голодной, и мнѣ то на ум не идетъ. Дай, де, мнѣ поотдохнуть, тогда, де, у меня и рѣчи будут». И он — спустя — учал его опять спрашивать, и он ему почал говорити: «Дивлюся, де, я твоему разуму, называют, де, тебя Золотым Словомъ. Яз, де, человекъ простой. Кому, де, Богъ то далъ знать, кромѣ себя! А мне бы то знать!» И он ему молыл: «Чего для, де, ты то царю солгал, что тому гораздъ[4]? Царь, де, велит казнити». — «А тогда есми царю того для сказал, что было мне от царя быти въскорѣ казнену». — «Да ведь тебя и нынѣча царь велит за то казнити?» — «В том ведает Богъ да царь. А нынѣча яз не чаю от царя казни».

[1—1] произошло это таким образом; [2] правдивый; [3—3] пришлось не по душе; [4] хорошо научен.

И царь про тово человека пропамятовал, Алтын Золотое Слово вскорѣ царю не сказал. И умысля Алтын, хотя царя привести от немилости в милость и от сердца в кротость.

И лучилося царю опять ехать тою же дорогою мимо тое же мизгити. И сидят на той мизгити две совы, друшка к друшкѣ носами, кабы что говорят. И царь, на них глядя, вспаметовал да учал спрашивать: «Кто, де, бе же у меня языку птичью гораздъ?» И царь того спамятовал: «Мужика тут видал, а отдал его Алтыну Золотому Слову, а велел ему тому языку научитись». И он кликнул Алтына Золотова Слова: «*Учился*, де, ты у того мужика языку птичью?» И он царю сказал: «Научился, де, государь. Токо, де, тебѣ, государю, не явил, не къ слову сказати». «Поеди, де, да послушай, что, де, две те совы межи собою говорят».

И он к нимъ поехал, да приехал опять от них, да учал царю сказывать: «Вѣликое, де, дело, государь, говорят, да не смею тебѣ, государю, сказывати». Да приник к царю на ухо и учал сказывать: «Государь, де, царь, вольной человекъ! Слышел, де, есми, что онѣ говорят, да не смею тебѣ, государю, сказывать: блюдусь от тебя, государя, опалы». И царь ему молвилъ: «Скажи, де, не блюдися. Мне, де, про чюжие рѣчи, тобя про что[1] казнити?» «Говорят, де, государь, онѣ, сидячи, о сватание. А женит, де, сова у совы сына; дает, де, сова совѣ приданые триста селищ пустых.* А та, де, у ней просит тысячю селищ пустых, а трех сот не возьмет. А имъ то и кормление, что ищет себѣ по пустым селищам *мышей* да и *всякого* гаду, тем и кормятца. И она молвила той совѣ: «Будет, де, не возьмешь трех сот селищь, а больши, де, четырех сот селищ дати нельзя, потому — будет царь наш еще побудет на государьствѣ, а повыпустошит и больши тово, и яз тебѣ дамъ и две тысячи. А будет государьство переменитца, или тово Богъ скротит, а станет лготу давать и дани поубавит, и государьство опять полно наполнитца, селища опять жили будут, и мне тебѣ болши четырех сот селищ дать нельзя».

И царь услышел то слово, удивися и учал себѣ размышлять: «Гораздо, де, есми немилостив, что про меня птицы розсужают, уведав, де, мое немилосердие ко всей земле моей».

И от тех местъ сталъ царь милостив и првосуден, и лготу сталъ давать, и дани поубавил, и опять стало все жило, и Алтына Золотого Слова учал царь жаловать больши старово.

Видишь, разумъ каков человеческой? Разумной человекъ не одну душу свою спасетъ, но и людцкия многия.

---

[1] за что.

БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

СКАЗАНИЕ И БЕСѢДА ПРЕМУДРА И ЧАДОЛЮБИВА ОТЦА, ПРЕДАНИЕ И ПОУЧЕНИЕ К СЫНУ, СНИСКАТЕЛНА ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПИСАНИЙ БОГОМУДРЫХЪ ОТЕЦЪ И ПРЕМУДРОГО СОЛОМОНА И ИСУСА СИРАХОВА И ОТ МНОГИХЪ ФИЛОСОФ И ИСКУСНЫХ МУЖЕЙ О ЖЕНСТЕЙ ЗЛОБЕ

«Послушай, сыне мой, приклони уши свои, внуши словеса устъ моихъ, да скажу ти: исперва сотвори Богъ человека единаго от всѣх стихий и нарече имя ему Адам, и потом успе Адам, и взят Богъ ребро его и сотвори ему жену. И Адам не прелстися, но жена его прелстися советом змииным, и тоя ради вины все отъято самовластие у жены. И рече Богъ ко Евѣ: „Отныне буди ты покорена мужу своему во всем и повинуйся ему и не буди тебѣ ни единыя въласти над нимъ, той глава тебѣ и господинъ, да владѣет тобою во всем, преступила бо еси повелѣние мое и не восхотѣла еси свободна быти".

Зри же, сыне мой, яко отъя Богъ у жены самовластие, да не вопреки глаголют мужу своему. Единою бо поучи Евва Адама и всему миру клятву наведе, и запрещение прият прабаба наша в печалех родити чада».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, обоим сим вещем Писание свидѣтелствует быти истинънѣ. Благовествуя бо Богъ ко своему созданию, посла архангела своего Гаврила к деве Марии, вместо древние печали Еввѣ — радость Богородице принесе, рече: „Радуйся, благодатная, Господь с тобою и благословенна ты в женах!" Сия радость сопротивна печали и благословение сопротивно клятвы, и вмѣсто Адама — новый Адам — Христос, и вмѣсто Еввы — благословенная Богородица Мария. И без болезни Адама породи, той же чистотѣ девичести лицы ревнующе и жены по Христе мучившеся, на уди разсѣкаеми, и ко Христу приведошася, того ради вся нова бысть, и женское племя благословися, и яко жена добра мужа своего и по смерти спасет, и дому строителница бывает, и венец похвалы на главу мужу своему сплетши полагает, и яко слаткия воды от устъ ея истекают, и горесть сердечную мужу своему услаждает, милосерда, чадолюбива детем своим бывает, и дом свой въсякими добродѣтелми наполняет; бескровных покрывает, беспомощным помогает, бѣдных призирает, нагих одевает, алчных и жадных накормляет, болных и в темницах посѣщает. И по писанному, всего силнеѣ жена бывает: жена и царей породи и одеяние имъ сотвори,

ибо всяк человек от жены рождается и сосцами еѣ питается. И прирече: „Не суть зло естество женское"».

Рече отецъ сыну своему: «Сыне, аще бы не благоволил Богъ от жены родитися и водою креститися и на кресте распятися, то уже приближися весь род ко вратом адовым. О сем, сыне, известно буди тебѣ: в нынешних лѣтех едина жена от тысящи такова, якоже ты глаголеши, обрящется. А сия в Бытии глаголется: „Позна Адам жену свою и роди от нея сына". Не Евва роди, но Адам роди. И во Евангелии глаголет: „Авраам роди Исаака". Слыши, сыне, не Сарра роди, но Авраам. Но аще и сосцами питаемся, но множицею от них кровию венчаемся; от жен бо многи крови пролияшася, *и царства разоришася*, и царие от живота гонзнули[1], села и домы раскопаша[2].

Горе граду тому, в немже властелинствует жена! Горе, горе дому тому, имже владѣет жена! Зло и мужу тому, иже слушает жены! В нынѣшних вецех мнози человецы грады многими владѣют, а женам своим работают. Извыкли бо жены ихъ в зерцало призирати и вапами[3] лица помазовати, и вѣжда свои возвышати, и черновидно лица воображати, и многимъ себѣ уряжением украшати; и многих очеса на видѣние красоты своея превращати: украшают бо телеса своя, а не душу. Уды своя связали шелком, лбы своя подтягнули жемчюгом, ушеса своя позавѣсили драгими серезами[4], да не слышат гласа Божия, ни святых книгъ писания, ни отецъ своих духовных учения. Жены бо познали путь заблуждения, мужие же возлюбили на женах своих многая украшения, а сами восприяли убогое одѣяние на себѣ носити, все для жен своих украшения. О мужие! От кого есть прияли сия обычаи, иже многая полагают на женах своих украшения? От сего вам нѣсть ползы, толко лише вам злое погубление, ибо женское украшение — всегдашняя мужу сухота и приводит его до остраго меча. Много бо сего бываетъ, еже в великия долги себѣ влагают и от того вѣчно погибаютъ, понеже своего не имут, а жен украшают.

Аще же кто хотѣния ея не исполнит, тогда она зелне воздыхает, слезит и шепчет, ни худа, ни добра не глаголет, очи свои изменяет, нос потупит и зубы своими скрегчет, и что речет муж ея, и она, что меденица[5] пыхнет и пред ним плачет день и нощь и мужу своему покоя не даетъ, гнѣв имѣет, и муж ея от нея покоя не имат. И она глаголет: „Оных мужей жены ходят красно, и вси их чтут, аз же бѣдная, в женах возненавиденая, и всѣми незнаема и от всех укоряема. Почто ты мнѣ нынѣ муж? Дабы аз тебѣ не знала! Аз была дочь богатого отца и матери добрыя и племяни славнаго и таковых бы родителей дщерь, а толко б аз была девицею, был бы мнѣ муж отца богатого и была бы есмь госпожа добру многу, и вездѣ бы чесна, и хвална, и почитаема от всѣх людей!"

Хочет убо жена, дабы ея вси хвалили и любили и почитали, аще ли иную похвалят, то она возненавидит и вмѣняет не в дружбу, и чужую похвалу в студ

[1] лишились; [2] разрушили; [3] красками; [4] серьгами; [5] змея.

влагает. Аще ли муж ея угодити восхощет, то всех ему любити, ихже она любит, тако и всѣх сих в ненависти имѣти, ихже она возненавидит. И всегда хощет болшину имѣти и никому не хощет покоритися, ни послушати. Всегда хощет повелевати и всего хощет вѣдати, и поучати, и умѣти, аще и не умѣет и не знает, а глаголет: „Умею и знаю". Аще будет прекрасна и лѣпа, многи очи имут на ню зрѣти. Якоже бо в луже вода сѣмо и овамо преходя погибает, такоже и женский разум, [1]яко храмина непокровенна[1] и яко вѣтрило на верхъ горъ скорообразно вертящеся. К таковым женам мнози человецы прелщаются: ов добролѣпием жен, ов разумом, а ин смехотворными утѣхами, инъ краснословием и дарованием и протчими лѣстьми прелщаются. Яко речено есть: „Лутчи купите коня или вола, или ризу, нежели злую жену поняти", понеже не мощно познати, какова обычаем: аще и недобролѣпна или буя, или болна, или блядлива, или горда, или гнѣвлива или иным пороком повреждена и к тому невозможно иныя за себя поняти, доколе она жива. Аще хощеши, сыне мой, без печали жити, то лутче не женитися и опосле не тужити».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, во Евангелии речено: „Сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилѣпится женѣ своей и будета оба в плоть едину".* Богъ же ми дастъ жену добронравну, всякими добродетелми украшенну: смирѣнием, молчанием, послушанием, доброумием, пощением и нищелюбием, рукодѣлием, несквѣрноложием. Таковыя жены у Бога милости просят о мужех своих, и когда в дому будут и доброй женѣ возрадуются и о дѣлех еѣ, чюжей же радости не зазрю, но всегда радость в дому моем будет».

Рече отецъ к сыну своему: «Сыне, аще будет тебѣ тако, якоже реклъ еси, блажен еси и добро тебѣ будет, жена твоя, яко лоза плодовита, аще же грѣх ради житие злѣ проводиши и такову жену не обрящеши, якоже хощеши, всегда о ней сердцем скорбиши и в горести сердца речешь: „Блажен той, иже дѣвством живет, да сицевыя жены не обрящет". И ты, сыне, последи злонравную жену не возлюбишь, и в раскаяние придешь, и ничто тебѣ успѣет[2]. Аще ли сицевую обрящеши: пронырливу, лстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоязычну, обавницу[3], еретицу, медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску аспидну».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, не могу разумѣти словес твоих, скажи ми извѣстно».

Рече отецъ к сыну своему: «Слыши, сыне мой, про лстивую и пронырливую. Сия рукодѣлия дѣлати не хощет, а как муж ея придет, и она лежит — шипит, стонет, востает — охает, и муж ея сия речет: „Жено, что и о чем скорбиши и *ни* о чем нерадиши?" И она хотя и здрава, а речет: „Не могу". Сия не строителница дому своему и мужу своему не помощница, и нужного одѣяния не сотворит. Аще что муж ея припасет, и она пронырством все изнуритъ[4].

[1]—[1] как дом без крыши; [2] не поможет; [3] колдунью; [4] истратит, издержит.

15 Зак. 3610

Слыши, сыне мой, про сварливую и злоязычную: имѣет язык, яко бритву изощренну, на всякого человека наскачет, аки лев, всѣх злословит и укоряет, и осуждает, и на всѣх яд своего языка испущаетъ.

Слыши, сыне мой, про лукавую и крадливую. Лукавство женское сице: имѣет умъ остр, пред мужем своим показует, и никако же муж ея не может лукавства женского разумѣти, ибо с мужем живет аки бы единодушно, а в сердцы своем мыслит: „Аще муж мой умрет, а живота своего мнѣ не прикажет, и мнѣ за иного мужа поити не с чем и никто меня убогую за себя не возмет". И се глаголя, мыслит: „Ныне есми всему добру госпожа, учиню себѣ сокровище тайное". И начнет у мужа своего красти, а он того не вѣдает и сице к ней речет: „Жено, что обнищахом и в велицей скудости дом нашъ сотворися?" Она речет: „А то, господине, грѣх ради наших". Сия ли не крадливая, иже все имѣние мужа своего погубит и оба обнищают?

Слыши, сыне мой, про лстивую и блядливую. Таковая жена мужу своему во стретение[1] изыдет, ланитами склабящися[2] и нравом уничижающися, и за руце мужа принимающе, и одѣяние совлачающе; словесы лстящи, усты лобызающи, сице глаголющи: „Поиди, государю мой, свѣт очей моих, сладость гортани моему, зрѣти я без тебя, свѣта моего, не могу, и ни единого слова проглаголати. Лице мое потекло, и сердце мое окаменнело, и егда возрю на тя, свѣта моего, тогда зѣло возрадуюся: составы мои разступаются и вси уди *т*ѣла моего трепещутся и руце мои ослабѣвают. Брак ты мой любезный, всегда пред очима моима есть, егда услышу слаткая твоя словеса, тогда не смѣю что отвѣщати: не отвѣрзутся ми уста, огнь в сердцы моем горит и лице мое палитъ и все составы мои грѣ*ю*тся." И аще будет юн мужъ, и она его вскоре оболстит; и аще в дому его не прилучится, и она близ оконца присѣдит, сѣмо и овамо колеблющися, а со смирением не сидит: скачет, пляшет и всѣм телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи пременяет и в оконцо часто призирает, подобно Иродиаде чинится и многим юнным угодит, и всякого к себе лстит.

Слыши, сыне мой, про обавницу и еретицу. Из детска начнет у проклятых баб обавничества навыкать и еретичества искать и вопрошати будет многих, какъ бы ей замуж вытти и как бы ей мужа обавить на первом ложе и в первой бане. И взыщет обавников и обавницъ и волшебств сатанинских, и над ествою будет шепты ухищряти, и под но*з*е подсыпати, и возглавие и в постелю вшивати, и в порты рѣзаючи, и над челом втыкаючи, и всякия прилутшихся к тому промышляти: и корѣнием, и травами примѣщати, и все над мужемъ чарует. Сердце его выс*о*сет, тѣло его изсушит, красоты в лице не оставит, и во очесех

[1] на встречу; [2] ухмыляясь, улыбаясь.

свѣтлость погубит, и разум отымет, и всякому в поношение вложит его. Сицева сотворит мужа своего и тако его возненавидит, юнных же возлюбит и умерщвляющее зелие сыщет, и подобно время обрящет, и смертным вкусом мужа своего покусит, якоже клас прежде времяни исторгнет.

Слыши, сыне мой, про медведицу и лвицу. Якоже от таковых зверей едина, егда узрит человека, тогда главу свою похилит и очи свои посупит в землю и злобою пыхнет, на человека нападет и задушит его вскоре, тако и злая жена: главу свою наклонит, и очи посупит, и уста стиснет, даже злобою на мужа своего дыхнет, и на шию его сило[1] наложит, и гортанное дыхание займет, и злѣ кончает.

А лвица в пустыни на всякого человека и звѣря наскачет и затерзает, тако и злая жена, яко лвица: и домочадец возненавидит, и ризы растерзает, и тѣло кровию обогряет, и власы искореняет, и на мужа рыкает, и злобою восхищает[2], не лвовы убо зубы ухапает, ни мечем, ниже копием мужа своего заколает, но нравом злѣе лвицы бывает.

Слыши, сыне мой, про змию и скорпию, ибо змиин род велми в ползающих злобою злѣйши иных гадов: изначала бо велика зла сотвори человеку и проклята от Господа змия, того ради пресмыкаяся по земле чревом своим ходит, того же роду и скорпия, и жаба, и черепаха, аще бьешь, или колешь, или стреляешь — ничто ея не возмет, тощию[3] разжещи клещи и имати ю и в огни сожещи, а секнутие ея таково зло, скоростию и до смерти приводит, тако и злая жена в человецѣх инех злѣйши суть.

Сълыши, сыне мой, ис куста исходит змия и узрит человека и от него бѣжит, а злая жена подле человека лежит, а змииным ядом дышет — сеи истинная запазушная змия: донележе муж ея по ней ходит и вопреки ничего не глаголет, и она ему терпит, а егда муж чем погрозит или досадит, и она на него, что змия, шипит, и аще ю бьет жезлием или пинанием, или за власы рванием, то злую жену ничто неймет, но точию разжизает[4], и она злобою своею, что змию, шипит, в сердце его злохитръством секнет, по времени же и сама умрет, аще не покается — во огнь ввергнется да тамо окаянная накажется.

Слыши, сыне мой, про ехидну. Такова суть, ибо своих чад ненавидит, аще хощет родити, подшися[5] их съести. Они же прогрызают у неѣ утробу и на древо от нея отходят, и она от того умирает. Сей же уподобишася ехиднѣ нынешние девицы многие: не бывают мужем жены, а во утробѣ имѣют, а родить же не хощет и помышляет: „Егда отроча от чрева моего изыдет, и аз его своими руками удавлю". Ибо аще девическую печать и разорит, а девицею именуется, образ бо, яко девица, а нравом, яко окаянная блудница. Ибо кому прилучится таковою женитися, виждь и разумѣи, та бо ходит быстро и очима обзорлива, и нравом буя, и всѣм несчаслива.

---

[1] силок; [2] одолевает, побеждает; [3] только; [4] разжигает; [5]старается.

Слыши, сыне мой, про змию василиску. Такова суть, ибо зрѣнием убивает человека, гдѣ завидит — тамо и побивает. Такова бо есмь змия василиска, стрѣлами своими смертными люта велми человека умерщвляет. Također и прокудливая[1] жена нравом злѣе змия василиска, ибо прехитро себѣ украшает и опрятни сандалия обувает, и вѣжда свои ощиплет, и духами учинит, и лице, и шыю вапами повапит[2] и румяностию, и черностию во очьсех себе украсит, и в одѣяние червленое себѣ облачает, и персни на руце возлагает и вѣрх главы своея златом и каменнием драгимъ украшает и на лукавыя дѣла тщится. Егда же и грядет, ступает тихо и выю кротце обращает, и очима невскоре *смотряет*, и зрѣнием умилно взирает, и устне гладце отвѣрзает и вся составы свои на прелести ухищряет, и многия души огнепалными стрелами устреляет, яко ядом змииным, видѣнием своим юнных убивает, яко разслаблении удове ихъ бываютъ.

Сыне мой, глаголах ти про аспида, иже зело золъ велми в роду змиевом в семидесяти родехъ, а сей аспид первый от них злобою, и в которую сторону вселится и сотворит ю пусту, а нравом таков есть, еже не может слышати гласа трубного, но разбивает себѣ о камень и скончавается. Тако и злонравная жена не может слышати доброго еи поучения: и уши свои затыкает непослушания камением и непокорѣния жемчюгом драгим, яко аспид хоботом, в которой дом такая жена вселится и сотворит его пуста. Ибо всяка печаль, зло бывает, а корень всему — женская злоба».

Рече сын ко отцу своему: «Отче, апостол рече: „Лутче женитися, нежели разжизатися". Якоже палима пещь огнем, такоже и юношеская плоть к вожделению женскому разжизается, ибо огнь естественный не ветром разгнѣщается[3], но видѣнием красных лиц прелщаются: и время и мѣсто согрѣшению враг полагает. Женская красота мя прелщает, на ню же взирая — веселъ бываю».

Рече отец к сыну своему: «Сыне, аще ли не разумѣеши словес моихъ, якоже рекох тебѣ, слыши, да скажу ти извѣстно подробну.

Сотвори Богъ человека единого и помысли, яко недобро единому быти ему, и успи его в *породе райстей*, и взят ребро его, и сотвори ему помошницу, рекше жену. Егда же прабаба наша Евва прелстися советом змииным, такоже и мужа своего прелсти, и посети Богъ Адама в раи и рече ему: „Адамѣ!" Он же рече: „Се аз, Господи". Господь же к нему рече: „Почто заповѣдь мою преобидел еси?" Адам же ко Господу рече: „Господи мой, Боже, жена мя прелсти, ю же ми дал". И рече ему Богъ: „Почто послушал еси совѣта жены своея? Аз бо дал тебѣ не совѣтницу, ни владѣтелницу над тобою, но поручницу[4] и помочницу тебѣ". И того ради изгна Богъ Адама и жену ево от райския пищи. И по изгнании нача Адам плакатися, сидя и сѣтуя, с плачем взываше: „Увы мнѣ, раю мой прекрасный, яко мене ради сотворен еси, а Еввы ради заключен еси. Увы мнѣ, яко погубих Божие человеколюбие и Духа Святаго благодати удалихся, и коим плачем

---

[1] проказливая; [2] красками раскрасит; [3] разжигается; [4] поручительницу.

восплачюся, или которым рыданием возрыдаю, или коим сѣтованием возсѣтую! От рая мое изгнание, и в потѣ и в трудѣх терновное прозябение, и в преисподнех адских мѣстѣх воздыхание помяну". И сице рече: „Увы мнѣ, вся злая сия содѣлавшая и внезапу постигоша тебѣ ради, жено прелесная. Ты мнѣ незрелое безсмертие пожала еси серпом лукавства змиина, ты бо мою власть на рабство преложила и во очесех свѣтлость помрачила, и нуждею реки слез изливаю. Увы мнѣ, о жено безумная! Почто отлучи мя ангелского мирования и студным дѣлом принуди мя? Ты, прелстившая мя, отиде от мене, уже бо не требую к тому совету твоего пагубного и лукавого, ниже будет о тебѣ промышление мое от сего времяни". И по Адаме правнуцы его многими напастьми и бѣдами пострадали от жен.

Слыши, сыне мой, како святыи пострадали от жен.

Ной праведный от жены напоен бысть квасом, смѣшеным с травою и увѣщаем от нея о тайне, иже заповѣда ему ангелъ Господенъ з запрещением николиже повѣдати, но ум его не возможе терпѣти от воняния травного и отбеже от главы его, и в забытие прииде память его о запрещении, и сказа таину женѣ своеи и яко отщетився и прииде на мѣсто, идѣже ковчег дѣлая, и виде, яко разсыпася дѣло его и всѣх живущих на земли, и плакася на мѣсте том 40 дней.

Такоже Лот праведный в Содомѣ живяше з беззаконными людми и не прикоснуся, и не восколебася имъ, и никогождо осуждая, и того ради Содомского запаления убѣжа, но от лукавства дщерей своих не может убѣжати, но напоен бысть виноградным вином и падеся со дщерми своими и зачат во чревех. Последи же уведѣт грѣх свой, начат сомнѣватися и душею ужасатися, и плакася на горах горко, и бысть Лот дщерем своим посягатель, отец и муж.

Слышы, сыне мой, про Иосифа праведного, яже рече Писание, в раб продан бысть Иосиф и живяше чистотою душевною и красотою телесною, и лице его, яко солнце, сияя. Зряще же на него господина его жена и желаше насытитися красоты его и тщашеся ласканием запяти Иосифа. И без мужа своего призва его в ложницу свою и нача его увѣщевати, лстящи его и напрасно[1] его охапи руками своими к падению себѣ. Той же отторгнуся от нея, она же ят за ризу его, он же оставив ризу свою в руце ея и отбѣже от нея внѣ двора.

Прииде же муж ея от полаты царевы, она же взем ризу Иосифову и показа мужу своему и с великою злобою поношаше на Иосифа: «Сей раб твой восхотѣ мнѣ ругатися, женѣ твоей, аз же не восхотѣ осквернити ложа твоего и возва, иже в дому нашем, он же, оставль ризу, беже от мене».

Петерфирий же ят вѣру словесем ея и повѣле Иосифа затворити в темнице и смириша во оковах нозе его, лукавыя ради жены. И избави его Бог и сотвори царя Египту.

---

[1] неожиданно, внезапно.

Слыши, сыне мой, про царя Давида, како блуда ради хотя смерть прияти. Богоотецъ великий во пророцех царь Давидъ, когда виде Вирсавию, жену Урину, красну лицем и величеством, и повелѣ привести во свою полату и падеся с нею, и по сотворении блуда озрѣвся вспять и виде ангела стояща и держаща наг мечь над главою его. И паде ниц на землю, молящеся и плачася горко, глаголюще: „Безвѣстная и тайная премудрости твоея явил ми еси" — и паче рехъ: „Возсмердиша и согниша раны моя, от лица безумия моего пострадах, яко беззаконие мое аз знаю и грѣх мой предо мною есть всегда, тебѣ единому согрѣших и лукавое пред тобою сотворих, отврати лице твое от грѣхъ моих и вся беззаконие мое очисти".*

И услыша Господь молѣние его, и возвратися от него ангелъ Господень бес крови его, и прия Давидъ Духа Святаго благодать, и глаголаше: „Аз рѣх, во обилие моем не подвижуся во вѣки"».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, прияхъ поучение твое и во уверѣние ми бысть. Приточникъ[1] рече: „Не пощади жезла твоего и учи сына своего, егоже любиши".* Уже аз слышах от тебѣ все по ряду и от словес твоих уразумѣх, и смыслъ свой укрепих, и разума наполнихся, наказанию твоему и опасному житию научихся, и укрепихся, и искусен быхъ».

Рече отецъ к сыну своему: «Сыне мой, несть тако, якоже реклъ еси, ибо дивна сия вѣщь — жена злая: кротима высится, а биема бѣсится и сворится, а подобна болѣзни нѣкакой. Не превозносися, сыне мой, и не рцы во умѣ твоем и не уповай на премудрость твою и на мужество свое и на храбрость, еже жити со звѣрем сим, что укротити его свирѣпие, и безстуднее сущи полских[2] зверей, и невозможно сущи убѣжати ею. Обрѣли бо есми в Писаниих: „Кто Соломона премудрее или кто Самсона силнее и Александра храбреѣ?" И ти от жен пострадали и скончалися. Соломон в юности своей наполнися разума, яко река многотекущая исполнися притчами и гадании; яко звѣзда утренняя, яко облак и яко луна полна, и во дни сияя, яко солнце и яко маслина славы, от неяже сладкий плод приходит; имя его и мудрость во вся страны прослышася, жены же лукавые умъ его помрачиша и, яко рѣку многотекущую, пресушиша, и доброту его погубиша, обратиша на пагубу, и блудом растлиша его, и прелстиша его во идолобѣсие, и сотвориша его поклонятися твари. И тоя ради прелести пророческого дара лишен бысть.

Слыши, сыне, про Самсона силнаго, иже по благовѣстию родися, да будет силен, и глаголаше: „Аще бы Бог укрепилъ колце, то бы моглъ всею вселенною поворотить". И челюстию скотиею по 1000 на день иноплеменных побивалъ, а жена любодѣица не убояся силы его и напоив, на колѣнех своих успи его и власы, ими же силен бысть, остриже и очи ему ископа и на поругание иноплеменным его предаде.

---

[1] составитель притч (о царе Соломоне); [2] диких.

Слыши, сыне мой, про царя Александра, яко храбръ бѣ и полестинския страны от востока солнечного вся царствия мира сего своею храбростию к себѣ приклони, а от жены отравлен бысть зелием травным и скончася.

Илия пророк, славный во пророцех, иже молитвою своею на три лѣта и на шесть месяцъ небо заключи и не одожди земли толико время, и огнь с небесе сведѣ и пятдесятников пожже, а жена любодѣица лютостию на него дыхну и смертию ему погрози. Пророк же Божий убояся злобы и, шед, скрыся в пустыни Хоривстей.

Иоаннъ великий во пророцех Предтеча, глас слова, светилник света, дѣнница солнца и воинъ царев, иже достоинством своим велику славу имѣя в зачатии и рожествѣ и житии своем, велику честь имѣя в проповѣдании покаяния, велик проповѣдникъ пред Богомь и человеки, достоинством славы своея положи руку свою на пречестнѣю вѣрсе великого Бога и первие видѣв славу триипостасного Божества и свидѣтель истинненъ, и житие его, яко солнце, сияя, якоже и нѣкое зерцало пред очима нашима, ибо елико имуть святии жития и сия вся имѣя святый Иоаннъ. И прия от Бога имя — ангелом наречен бысть, и в рожденных женами болии не бысть.

Терпѣния же и проповѣдания ужасеся диавол и нача трепещущи глаголати: „Горе мнѣ, что сей муж *творит*, и кто ми возвестит будущаго гнѣва бежати? Горе мнѣ, яко будущая возвещает, един стоит пришедший у народа и всѣх учит, укоряет и обличает Ирода и советницу мою Иродиаду! Горѣ мнѣ, ничтоже могу сотворити ему, но вниду во *угодницу* мою Иродиаду и наполню ея гнѣва".

И сквѣрная любодѣица испусти гнѣв свой на праведного, не убояся великого во пророцех: скакавши и плясавши Иродовии, и полюбися плясание Ироду, и клятся Ирод дати и до полцарствия своего. Она же, научена матерью своею, испроси главу Иоанна Предтечи. Ирод же повѣле Иоанну главу отсѣщи, и усеченною главою Предтечевою, яко яблоком, поиграв на блюде. Егоже в пустыни дивии зверие убояшася, змии и аспиды честно нозе его лижуще, а жена зла такова светильника не убояся.

А великого во апостолѣх евангелиста Иоанна Богослова, наперстника и возлюбленника и друга Господня, со учеником его Прохором злая жена по ланитама бияху.

А великого во святителех покаянию проповѣдника, вселенней учителя и светилника Иоанна Златоустого, учение же его во всю вселенную проиде, яко река многотекущая, царица властолюбица, не терпя обличения его, с престола его изгна и в далныя страны в заточение засла его.

Слыши, сыне мой, уразумѣх ли еси словеса моя, яко тебѣ про праотец и про патриархъ, и про пророк, и святых апостол, и святых отецъ рекох, елико они пострадали от неистовства женского, толико разумных пострадали от них, ибо диавол не может самъ сотворити таковыя пагубы святым, якоже наводит злыми женами, то бо есть оружие дияволе, и мечь сатанин и оболгателница святым.

И обретохом азъ написано в „Старчествѣ": „Нѣкто человекъ добронравен живяше со злою женою и имѣя семь сынов, а всѣ в совершенном возрастѣ, и многаго ради злонравия ея наказуя муж жезлом, она же окаянная убеже в нѣкую пустыню к нѣкоему затворнику старцу, толкися, глаголаше: «Сего ради пришла к твоей святыни, да избуду напрасные смерти». Он же прият ю в пещеру свою. И помале прелсти его окаянная, и падеся с нею, яко со своею женою, и елико муж ея бияше, она же к затворнику убѣгаше в пустыню и глаголаше: «Уморю мужа своего». Потом же муж ея бияше про злонравие ея, она же умори мужа своего и шести сынов умори по единому, а седмый сынъ, шед во град, сказа народу, и изыдоша людие в пещеру, яша старца и жену ту и, испытавше ихъ огнемъ, сожгоша".

О сей повести не могу глаголати без слез многих и горкого воздыхания, понеже очи мои зѣлне плачют и душа моя люте трепещет. Слыши, сыне мой, кто не прослезится о сем великом старцѣ? Здѣ огнем скончася, а в будущем вѣце злѣ лютей адской муце предастся! О люте! Очи мои слезы многия испустиша, а душа моя зжалѣся и сердце мое восколебася! Колико сей старец подвизався в пустыни, со многочисленными бѣсы боряся, а женою злоокаянною вмале прелстися и погибе, о сем всяк да восплачет умилными слезами и горким воздыханием, сердечным возрыданием!

Слышах, сыне мой, про нѣкоего мужа, пришедша в дом к женѣ вдовице, и хваляху людие ему, да ся оженит ею, понеже юнъ бяше. Она же, окаянная, злонравно с ним живяше нѣколико лет, по времени же умре жена та, онъ же нача продавати дѣти своя и ея. Людие же кленяху его, что тако творит. Он же рече: „Егда возрастут и будут обычаем в матерь свою, тогда и мене продадут". И плакася по женѣ своей, людие же глаголаху: „*Почто плачешися, понеже зла была?*" *Он же рече*: „Плачюся, дабы другая такова не была".

Нѣкий человекъ рече: „Аз есмь бых в трех нуждах: в темъницы, у вѣсилицы, и двух нужд убежах, а от третие нужды — от злыя жены — не могъ убѣжати"».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, отяготѣх тягостию, рцы ми слово вкратце: что лихая жена и что злоба еѣ, скажи ми и напиши на сердцы моемъ».

Рече отецъ к сыну своему: «Слыши, сыне мой, жена злая — домовная буря, многим потоп, неудѣржимое стремление, сердцу копие, иноком жжение, очесем напълзение, покоище змиино, смертоносная бесѣда, неоставляющая трясовица, неутолимая огневица, мужу спящая лѣсть, востающая печаль, самохотная злая ратница, грехом учителница, тѣмный вождь, хоругвии адова, ниспадаемое желание, вѣтвь дияволя, спасаемым соблазн, болѣзнь неисцѣлная, злоба безувѣтная, удобь[1] уловляюща дерзость; жена злая — вѣтр сѣвѣр, день неведрян, гостиница жидовская, совокупленница бѣсовская, несытная похоть. Якоже ров глубок не наполнится водою и огнь дровами, тако и злая жена николиже на-

[1] легко.

полнится хотѣния своего, и злоба ихъ не умаляется, имѣя сокровище злобы, источникъ зла кипя непрестанно».

Рече сынъ ко отцу своему: «Отче, слухи моя наполнишася твоего наказания, уже душа моя ужасѣся, и разум мой умилися, и сердце мое восколебася, стоя пред очима твоима».

Рече отецъ к сыну своему: «Сыне мой, не буди укоряти собою естество женское велми есть зло. Приточник же рече: „Бѣжи и не озирайся красот жен, яко Ной потопа и яко Лот Содомского запаления, и не буди с прилежанием зрѣти на чюжия жены, и не объят буди руками их, и не желаи ея, та бо погубляет человеки острѣйша меча". Нѣкто рече: „Стрѣтил бѣ на пути лва, и на распутии разбойника и обоих сих убежах, а злыя жены не могох убѣжати. Аще кому случится злая жена пояти, то над чюжим мертвецом не ходи плакати, всегда бо ти есть у себѣ в дому плачь".

Сыне мое и любимое мое чадо, вся сия видехъ и в писании обрѣтох и согласию твоему рекохъ».

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ ДЛЯ РИЧАРДА ДЖЕМСА В 1619—1620 гг.

⟨ПЕСНЯ О ВЕСНОВОЙ СЛУЖБЕ⟩

Бережечикъ зыблетца,
да песочикъ сыплетца,
а ледочикъ ломитца,
добры кони тонутъ,
молотцы томятца.

Ино, Боже, Боже!
сотворилъ ты, Боже,
да и небо-землю,—
сотвори же, Боже,
весновую службу!

Не давай ты, Боже,
зимовые службы;
зимовая служба —
молотцам кручинно
да сердцу надсадно.

Ино дай же, Боже,
весновую службу:
весновая служба —
молотцамъ веселье,
а сердцу утѣха.

А емлите, братцы,
яровы веселца,
а садимся, братцы,

в ветляны стружечки,
да грѣнемъте, братцы,
вь яровы веселца,
ино внизъ по Волги!

Сотворилъ намъ, Боже,
весновую службу!

⟨ПЕСНЯ О ВОСПРИЯТИИ В МОСКВЕ ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА-ШУЙСКОГО⟩

Ино что у нас в Москвѣ учинилося:
с полуночи у насъ в колоколъ звонили.
А росплачются гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила!»

А сьезжалися князи-бояре супротиво к нимъ,
Мъстисловской князь, Воротынской,
и межу собою онѣ слово говорили;
а говорили слово, усмѣхнулися:
«Высоко соколъ поднялся
и о сыру матеру землю ушибся!»

А росплачютца свѣцкие немцы:
«Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
Побѣжали немцы в Новъгородъ,
и в Новегороде заперлися,
и многой миръ-народъ погубили,
и в латынскую землю превратили.

⟨ПЕРВЫЙ ПЛАЧ ЦАРЕВНЫ КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ⟩

Сплачетца мала птичка,
бѣлая перепелка:
«Ох-те мнѣ молоды горѣвати!

Хотятъ сырой дубъ зажигати,
мое гнѣздышко разорити,
мои малыи дѣти побити,
меня пелепелку поимати».

Сплачетца на Москвѣ царевна:
«Ох-те мнѣ молоды горѣвати,
что едетъ к Москвѣ измѣнникъ,
ино Гриша Отрепьевъ ростriга,
что хочет меня полонити,
а полонивъ меня, хочетъ постритчи,
чернеческой чинъ наложити!

Ино мнѣ постритчися не хочетъ,
чернеческого чину не здержати,
отворити будетъ темна келья,
на добрыхъ молотцовъ посмотрити.

Ино, охъ, милыи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
послѣ царского нашего житья
и послѣ Бориса Годунова?

Ахъ, милыи наши теремы!
А кому будетъ в васъ да сѣдети
послѣ царьского нашего жития
и послѣ Бориса Годунова?»

〈ПЕСНЯ О ВЪЕЗДЕ В МОСКВУ ВОЗВРАЩАВШЕГОСЯ ИЗ ЛИТОВСКОГО ПЛЕНА ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА〉

Зрадовалося царство Московское
и вся земля Святоруская:
умолил государь православной царь,
князь велики Михайло Федорович.

А что скажутъ, вьѣхалъ батюшко
государь Филарет Микитичъ,
из невѣрной земли из Литовской.

С собою он вывез много князей-бояръ,
еще онъ вывезъ государева боярина,
князя Михаила Борисовича Шеина.

Сьезжалися многии князи-бояря,
князи-бояря и многие власти
ко силнему царьству Московскому:
хотятъ встрѣчать Филарѣта Микитича.

Из славнаго града каменной Москвѣ
не красное солнце катилося,
пошелъ государъ православной царь
встрѣчати своего батюшка,
государя Филарѣта Микитича.

З государемъ пошел его дядюшка,
Иванъ Микитичъ бояринъ.
«Дай, Господи, здоровъ был государь мой батюшко,
а батюшко государь Филарѣтъ Никитичъ!»

А какъ будутъ онѣ в каменной Москвѣ,
не пошли онѣ в хоромы в царьские,
а пошли онѣ к Пречистой соборной,
а пѣти чесныхъ молебеновъ.

Благословлялъ своего чада милого:
«И дай, Господи, здоровъ был православной царь,
князь великий Михайло Федоровичъ,
а ему здержати царьство Московское
и вся земля Святоруская!»

⟨ВТОРОЙ ПЛАЧ КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ⟩

А сплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино, Боже, Спасъ милосердой!
За что наше царьство загибло:
за батюшково ли согрѣшенье,
за матушкино ли немоленье?

А свѣты вы, наши высоки хоромы!
Кому вами будетъ владѣти
послѣ нашего царьсково житья?
А свѣты, браныи убрусы!
Береза ли вами крутити?
А свѣты, золоты ширинки!
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣты, яхонты-серешки!
На сучье ли васъ задѣвати
послѣ царьсково нашего житья,
послѣ батюшкова преставленья,
а свѣта Бориса Годунова?

А что едетъ к Москвѣ Рострига,
да хочетъ теремы ломати,
меня хочетъ, царевну, поимати,
а на Устюжну на Желѣзную отослати,
меня хочетъ, царевну, постритчи,
а в рѣшетчатой садъ засадити.
Ино ох-те мнѣ горѣвати:
какъ мнѣ в темну келью ступити,
у игуменьи благословитца?»

⟨ПЕСНЯ О НАШЕСТВИИ КРЫМСКИХ ТАТАР НА РУСЬ В 1572 г.⟩

А не силная туча затучилася,
а не силнии громы грянули:
куде едетъ собака крымской царь?

А ко силнему царству Московскому:
«А нынѣчи мы поедемъ к каменной Москвѣ,
а назадъ мы поидемъ, Рѣзанъ возмѣм».

А какъ будутъ онѣ *у* Оки-рѣки,
а тут онѣ станут белы шатры роставливать.
«А думайте вы думу с цѣла ума:

кому у насъ сидеть в каменной Москвѣ,
а кому у насъ в Володимере,
а кому у нас сидетъ в Суздале,

а кому у насъ держать Рѣзань Старая,
а кому у насъ в Звѣнигороде,
а кому у насъ сидеть в Новегороде?»

Выходитъ Диви-Мурза сын Уланович:
«А еси государь нашъ, крымской царь!
А табе, государь, у насъ сидеть в каменной Москвѣ,
а сыну твоему в Володимере,

а племнику твоему в Суздале,
а сродичю в Звѣнигороде,
а боярину конюшему держать Рѣзань Старая,

а меня, государъ, пожалуй Новымъ городомъ:
у меня лежатъ тамъ свѣтъ-добры-дни батюшко,
Диви-Мурза сынъ Улановичъ».

Прокличет с небесъ Господенъ гласъ:
«Ино еси, собака, крымской царь!
То ли тобѣ царство не свѣдомо?

А еще есть на Москвѣ Семьдесятъ апостоловъ
опришенно Трех святителей,
еще есть на Москвѣ православной царь!»

Побежалъ еси, собака, крымской царь,
не путемъ еси, не дорогою,
не по знамени, не по черному!

ПЕСНИ В ЗАПИСИ С. И. ПАЗУХИНА

ПЕСНЯ ИВАН ЛУКЬЯНОВИЧА... НЕВА

Д'ой не плачьте мои ясные очи,
а не все натсажайте мое серце.
Как увижю мила друга очи,
о здоровье мила друга спрошаю.
О здоровье мила друга спрошаю,
про свое я житье ему скажу.
А не то мнѣ на мила друга досадно,
а што долго мила друга нѣту,
а и то мнѣ на мила друга досадно,
а что прельстила мила друга иная.
А всем мнѣ надежа полюбился:
а умом он и ростом дородился.
Лишь однем мел надежа провинился:
а что смолода с ыными поводился.

ПЕСНЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПЕСТОВА

Пойду я, молоденька, погуляю,
я на свои новые на сени;
посмотърю-ка я далече в чисто поле,
хорошо ли в поле луги зеленеют.
Хорошо ли в поле луги зеленеют,
лазоревые цвѣты росцвѣтают.
Зеленеются в чистом поле луги,

лазоревые цвѣты розцвѣтают.
А всех людей в поле я вижю,
одного свѣта милова не вижю.
А все люди *с* службы едут,
моево свѣта милова нѣту.
По здорову ли мой миленькой едет,
али то воеводы не отпустят.

ПЕСНИ П. А. САМАРИНА-КВАШНИНА

ПЕСНЯ

Светъ моя, милоя-дарогая,
не дала мнѣ на себѣ наглѣдетца,
на хорошой-прекрасной лик насмотретца.
Поиду ли я в чисто поля гуляти,
наиду ли я мастера-живописца,
я велю списать образ, ей, на бумаге,
хорошей-прекрасной ликъ на персонѣ[1].
Поставлю я во светлую светлицу.
Какъ взойдет на меня тоска и кручина,
поиду ли я в *светлую* светлицу,—
Спасову образу помолюся,
на персуну мила друга насмотрюся,
убудет тоски моей и кручины,
и великое чежелое возрыданье.

* * *

Не по лѣтнему солнышка на небѣ грѣетъ,
на всех красно солнышко обогрела,
одное меня, бѣдную, ознобила.
Ко всем милой другъ заежжаетъ,
он к одной ко мнѣ, бѣдной, не заедетъ,
а хотя онъ ко мнѣ и заедетъ,
он тайные мнѣ он не скажетъ.

---

[1] портрете.

* * *

Не голубка з голубем ворковала,
сестрица з братцом говорила.
Говоря сестрица з братцом,
стала-учела сестрица братца хвалити:
«Ой мой миленкой братецъ сердешной,
дружечикъ дорогой мой ненаглядной!
Как не могу на тебя, братецъ, насмотретца!
Хорош мой миленькой, что наливная яблонька,
пригошъ молоденекъ мой милой, какъ маков цветочикъ,
молоденекъ мой братец, как ... вишенька.
Кали я тебя, братецъ, не вижу,
тогда я с тоски пропадаю.
Коли мнѣ будет по любимова братца поменути,
нельзя мнѣ по нем не вздохнути.
Крепкая моя дума и вѣрное он мое слово,
неизменная мая дружба».
Говоря сестрица з братцом.
стала сестрица жалобу творити:
«Тошно ль мне, братец, напраслину слыша
в напрасной небылицѣ.
Ой суди, Боже, кто нашему совѣту завидит
и меня, молоденьку, небыльными словами поносит,
кто хочет меня з братцем розлучити ... ,
не прибыль себѣ хочет учинити,
что меня оглашает или разлучити,
хотя же мнѣ огласку великую приняти,
а от милова братца не отстати,
кручины же ...
... ходячи во садку,
взговорит слова плачючи,
чежело вздыхаючи:
«Адин был у сестрицы любимай дружечикъ,
ее сердешной братецъ,
и на милого-та напраслину взводят.
Ой, суди, Богъ, и *ненавистника* моего,
лихова злодея недруга,
кто меня небылицею оглашает,
а хочет меня он с милым братцем розлучити.
Да дай же мнѣ, Боже, напраслину терпети!

Хотя, де, мне, младенкѣ, и горько,
хотя же мнѣ и тошно,
и того уже мнѣ тем не отбыти,
что мнѣ братца избыти — не любити.
Воздай ему, Боже, а и по ево великой правдѣ,
и чтобы моему недругу по той правдѣ
с молодою женою век скоротати.
Ни буйны ветры с меня той напраслины не свѣяли,
ни вода с меня не слѣлѣяла[1].
Ах, тошно ль бѣлой рыбицѣ бѣз воды,
тошнее ль тово терпеть и слышать напраснину,
... так что моя душа напраснины ...
была б моя правда пред Богом ...

* * *

На тихой на завади
воскликнула громко голосом
бела лебедь жалобно добрѣ,
тужила по белом лебеде,
что покинулъ ее белъ лебедь:
«Понялся мой бел лебедь с ыною лебедкою».
Во высоком тереме
сидит под окошечком красна девка,
ясны у неи очи заплаканы,
во слезах она взговоритъ,
насилу слова молвила,
и взговоритъ она слова плачючи:
«Ой, на свет, мой милой другъ
покинул меня, девицу!»
Ай, не павушка по двору ходила,
а не золото перье она ронила,
ходила девица красная,
во чисто поля смотрила:
«Дорого, дорого золота красное,
дороже чиста жемчюгу скатиста[2],
дороже того мое милое, мое ненаглядное» ...

---

[1] не смыла; [2] круглого, крупного.

* * *

Не сон меня, молодца, клонит,
не дрема меня изнимает,
изнимает меня кручина великая,
на житье свое горькое смотречи,
на бѣсчастье свое глядячи.
С той ли та моей кручины
исчеплялись[1] мои кудри,
болит моя буйная головушка.
Нихто молодца не любитъ,
всякъ ево ненавидит, беднова.
А и Богъ то их судит,
за што меня не любят, молодца,
за што оглашают.
Никому я не грубитель,
кромѣ слова ласкова
да поклона нискова.
Пойду ли я гуляти во чистое полѣ,
красные смотреть на цветочки,
размычю свою злую кручину
по чистому полю.

* * *

Жарко, жарко красно солнышко грѣетъ,
ясно, ясно светел месяцъ светит,
хорошо, хорошо мой милой другъ в чисто полѣ ездитъ.

* * *

Развейтѣ мою кручину, буйные ветры,
разсажу свою кручину по лазоревым цветочкам,
расти, моя кручина, по чистому полю,
цвети, моя кручина, пустым пустоцветом, травою лихою.

[1] свалялись.

* * *

Прилѣтала ко молодцу птичка,
приносила ко к нему вестку,
а вестка злу досадна,
сказала мнѣ про милова, про друга,
что мила другъ не можетъ ...

* * *

Износилъ свою молодость для друга, для милова,
истаскалъ красоту свою.
Многа та гулена, многа та видена,
такова та друга не наживана,
какъ мой миленкой.
Краше была краснова золота,
дороже был чистова жемчюгу,
нраву былъ послушного,
слова был утешного,
очами был, какъ ясен сокол,
лицом онъ был, какъ белой снегъ,
черны кудри шапкою.
Оставайся, мой милой другъ,
розживайся, мой недругъ!

* * *

Ой, сахор мой, сахор, бѣл крупичетой, канарской!
Хто тебя станет кушеть — насладит свою душу.
Ой, бархот мой, бархот, [1]черевчетой веницейской[1]!
Хто тебя будет насити — в тебѣ будет красаватца.
Ой, свѣт мой, друк сердечной, душа моя надёжа!
Хто тебя станет любити, хто твоею будет слыти—
всегда станет веселитца, серцемъ в радости жити.
Настругалъ ты, мой сердечный друг, стружекъ
ис калѣновых стрелакъ
и разклал из нихъ огникъ[2] на моих бѣлых грудех;
и загарелася искра к ретиву сердцу блиска.

[1—1] багряный венецианский; [2] костер.

Гарит мое серца во моем бѣлом тѣле,
палитъ мою душу день и ночь непрестана,
па тебѣ, мая надёжа, животъ мой сакрушается,
и со слез, мой друкъ сердешной, ясны очи памутились,
са вздыханьяя, мой надежа, ретиво серце натъселась.
Али то тебѣ, друг, годна, что меня умарити?
И тебѣ, мая надёжа, ни хитро то учинити,
лише бы Богу не дати ли тебѣ в том ответу,
что меня умарити бѣ-своего привету.
А кали меня избудешь, и либо па мнѣ патужишь,
и тагда, мой надёжа, той печалью не пасабишь.
Умились ты нада мною,
чтоб всегда была я с табою,
и тагда бы я, младенъка, непрестана веселилась,
и с табою б, мой светок, я всегда бы утешалось.
И мая бы злая кручина в веселья превратилась,
а та уже меня кручина да *канца* сакрушила
и меня, маладенку, с умом разлучила.
Только моего и веселья, кали я с табой увижусь,
а кали ты отъедешь ...

* * *

Не ясен сокол летает,
ай, не маков красной цветъ рано расцвѣтаетъ,
мой миленкай дружечикъ ранешенко вставает.
Не лехкой заечикъ протѣкаетъ,
красна девица из терема поглядываетъ,
своего мила друга посматриваетъ.
Не зелена трава зелѣнѣетца,
душа-девица усмѣхаетца.
Не тиха дождь опускаетца,
не пава-птица воскликнула,
красна девица слово промолвила:
«Ой, светъ же мой, доброй молодецъ!
За што на меня, красну девку, бѣзвинно разкручинился,
Ко мнѣ не ходишъ, не любишъ, не жалуешъ?
Или хто тебѣ обнес лихим словом,
или хто огласил бѣзделицею,
или кто меня с тобою смутил ссорою великою?

Ой, суди, Богъ, неприятеля, кто смутил с тобою нас!
Или я не любила тебя, друга милова,
про тебя что говаривала,
чем поносила тебя, мила друга?
Была я тебѣ, другу, ни в чем не ослушница.
Когда ты был, мой миленкой, на дальнѣй на службѣ государевой,
тогда я с тоски убивалася,
и со слез мои очи помутилися,
и ретиво сердцѣ по тебѣ я надорвала,
и заочно по тебе, другъ сердечной, я умирала.
Нынѣ я сама вижю, что на меня и ты розкручинился ...»

* * *

Как изсохла трава-былиночка осенью.
Не воркуй, голубчик, над своею голубкою, во голубенке сидечи,
не давай мнѣ *назолы*[1], краснай девицѣ.
А и так мнѣ, девицѣ, тошно по миленьком дружочке,
что, живши со мною, другъ меня да покинул.
Со кручины мнѣ, *молоде*, со кручины пропадаю,
с таски мнѣ по моем друге засохло мое ретивое серце,
помутились мои ясные очи,
выступил румянец из моего из бѣла лица,
со вздыханья ль живот мой надорвался.
Жалела я милово, какъ свою душу в лѣпом[2] телѣ.
Государи люди добрые!
Ой, суди, Богъ, моего неприятеля,
кто смутил меня с милым другом!
Не велику прибыль себѣ получает
мой миленкой, лиша меня надсажает.
Кабы знала немилость к себѣ друга милова,
не тужила бы я по милом друге,
не надрывала бы своего ретива серца,
не открывала бы я ему всей тайны своей,
А и нынечи миленькой мнѣ же насмѣхаетца,
оглашает меня небылицею!
Поиду ль, младенка, со печали я либа постригуся,
со великие кручины посхимлюся,
или я, младенка, утоплюся.

[1] досады, огорченья; [2] красивом.

А коли меня ты покинешъ,
и сам ты загинешъ.
Не тужи ...

* * *

Ай, не красной цвет рано увядает, засыхаетъ,
у мила любовь угасаетъ.
Ай, не селезень от утицы отлѣтаетъ,
мил сердешной другъ от меня отъежжает.
Ой, не голубица да от голубя отлетела,
от меня милова любовь отдалела.
Не знаю я, молодец, вины своей, не ведаю,
за что друг разкручинился,
ай, держит на меня великой гнев,
Не может меня, миленкой, нынѣ навидети,
да не токмо навидети,
не хочетъ про меня и слышети.
Ай, доселѣва мой милой другъ
какъ любил меня и жалывал,
имел меня, какъ свою душу в бѣлом телѣ.
Бывало, мой сердешной другъ,
гдѣ услышит про мила друга —
ой, не можетъ наслышатись,
где увидит мила друга —
тут не может на мила насмотретися.
Ай, нынечи милоя гдѣ услышит про мила друга —
тут не можетъ слышети.
и гдѣ увидитъ — тут не может видети.
Ой, Богъ над молодцом прогневался,
и сердешной другъ разкручинился.
Ой, не пламя розгорается,
розрывается *серце* ретивое,
слышечи про друга милова ...
неприятства друга милого,
что покинула меня моя милая, друга старога,
и выбрала моя сердешная друга нового,
ой, друга себѣ вѣрнаго.
О да и не то мнѣ, молодцу, досадно,
что на меня мой другъ кручинитца,

о том мнѣ, молодцу, досадно,
что меня оставляет,
бѣдную мою голову сокрушаетъ,
а иного себѣ друга выбираетъ.
Ой, выбрала друга новаго, друга вернаго,
прельстилась моя милая на ево слова лживыя.
Или тово мой милой друг не ведает,
что живетъ он с тобою неправдою, и душею льстивыею,
о кольцѣ онъ насмѣхаетца,
говорит про мила друга безделицу.
Ой, тошно ль мнѣ, молодцу, замутошнилося
и на сердцѣ мнѣ замутилося,
и в очах мнѣ, молодцу, помутилося,
слышечи про мила друга небылишную бѣзделицу.
Уж я молодецъ, моя милоя, я сокрушяюся,
горчае ль мнѣ пелыни вогорчилося,
тошнее ль всякой тоски востошнилося,
поминаючи любовь друга милова.
Уж веть я, молодецъ, сокрушился,
там меня кручина с ногъ меня свалила,
и со слез, мой другъ сердешной, ясны очи помутилися,
загорелась во мнѣ сердешноя искра,
сожгла мое сердце,
палит мою душу день и ночь непристанно!
И, ай, вешний лед, друг, обломливой,
а новой друг обманчивой.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
ИРЛИ — Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПДП — Памятники древней письменности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ФИРИ — Филиал института российской истории (Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

Повесть дошла до нас в единственном списке XVII—XVIII вв. (в сборнике *РНБ*, собр. Погодина, № 1773, л. 295—305 об.). Она была открыта в 1856 г. А. Н. Пыпиным, когда тот познакомился с погодинским собранием. И тогда же впервые опубликована Н. И. Костомаровым в мартовском выпуске «Современника».

В тексте Повести есть непонятные места, ошибки и повторы, причем некоторые из них были замечены переписчиком: они взяты в тексте рукописи в прямые скобки. В настоящем издании повторы, отмеченные скобками и не отмеченные, исключены, сделано несколько необходимых исправлений (набрано курсивом); непонятные места даются без толкований.

Стр. 32. ...*неправдѣ*... — В рукописи: «правде».

...*перечине* — В рукописи: «ечерине».

Стр. 34. ...*меду*... — В рукописи: «и мему сладково».

Стр. 38. ...*нази*... — В рукописи: «нани они во гробъ вселилися». Исправлено, во-первых, потому, что далее упоминается босота и нагота, а во-вторых, ошибочно «ни» в слове «нази» могло появиться из-за последующего «они».

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

«Повесть о Савве Грудцыне» написана в 60-х гг. XVII в. как эпизод из недавнего прошлого. Она начинается с 1606 г., когда «попусти Бог на Московское государство... Гришку Отрепьева»; герой принимает участие в борьбе с поляками за Смоленск в 1632—1634 гг. Безымянный автор пишет не историю России, он рассказывает о частной жизни купеческого сына Саввы Грудцына . Повесть на русском материале разрабатывает фаустовскую тему: тему продажи души дьяволу за мирские блага и наслаждения.

Грудцыны-Усовы — существовавшая в реальности купеческая фамилия. Ее представители торговали в Москве и Великом Устюге, участвовали в земских соборах и закладывали храмы, входили в гостиную сотню, т. е. принадлежали к самой верхушке торгового сословия (данные о них см.: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. Т. II. М.; Л., 1935. С. 181—214; Т. III. М.; Л., 1936. С. 99—152). Возможно, что повесть отразила какие-то реальные беды, пережитые этой семьей, что беспутный недоросль из рода Грудцыных-Усовых соблазнил замужнюю купчиху. Возможно также, что «присушить» купчиху он пытался с помощью сатаны.

В «Повести о Савве Грудцыне» использованы две сюжетные схемы. Это, во-первых, схема «чуда», религиозной легенды с ее, как правило, тремя сюжетными узлами: прегрешения, несчастья или болезни героя; затем покаяние, молитва, обращение к Христу, Богоматери, святым за помощью и наконец — отпущение греха, исцеление, спасение. В повести отразились религиозные легенды о юноше, который согрешил, продав душу дьяволу, затем покаялся и был прощен (см. наблюдения Д. С. Лихачева в кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 525—536).

Второй сюжетный источник повести — волшебная сказка (см.: ТОДРЛ. Т. XXVII. Л., 1972. С. 290—304). Сказкой навеяны сцены, в которых бес выступает как волшебный помощник, «даруя» Савве «премудрость» в военном деле, снабжая его деньгами, излечивая от раны. К сказке восходят поединки Саввы с тремя вражескими богатырями под Смоленском (троичная символика здесь явно фольклорного происхождения).

Автор строит повествование то по законам «чуда», то по стереотипам сказки. В художественном отношении эти переключения с одного сюжетного прототипа на другой, с религиозной легенды на сказку и снова на религиозную легенду создают эффект обманутого ожидания, не характерный для средневековой литературы, когда знакомая сюжетная ситуация влекла за собой другую,

столь же знакомую. Такой прием характерен для искусства Нового времени, в котором ценится неожиданное и непривычное. Именно поэтому «Повесть о Савве Грудцыне» принято считать первым русским опытом романа.

Для автора важна мысль о разнообразии, пестроте жизни. Многообразие жизни очаровывает молодого человека. С точки зрения автора, совершенный христианин обязан противиться этому наваждению. Автора ужасает плотская страсть, как и вообще стремление к наслаждению. Но сила любви-страсти, притягательность пестрой жизни уже вошли в плоть и кровь людей «бунташного века». Автор противится новым веяниям (поэтому его повесть — печальная повесть), но как истинный художник признает, что эти веяния прочно укоренились в русском обществе.

ВАРИАНТ ОКОНЧАНИЯ:

И егда же приспѣ время июля 8-го числа, бысть праз*д*ник Пресвятыя Богородицы Казанскиа. Абие повелѣваетъ царь болящаго оного Савву нести до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборныя апостолския церкви Пресвятыя Богородицы, в том же году был и самъ царь.

И егда же начаша Божественную литоргию, принесенну же бывшу болящему оному Саввѣ и положену внѣ церкви на ковръ. Егда же бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапу бысть глас, яко бы громъ велий возгремѣ: «Савво, востани, что бо медлиши, и прииди в церковь! Мню, здравъ будеши. К тому не согрѣшай». И абие спаде[1] от верху церкви богоотметное оное писание Саввино, все заглажено, что никогда же писано, пред всѣм народом.

Царь же, видѣвъ сие чюдо, велми подивися. Болный же той Савва скочивъ с ковра, яко бы никогда болѣвъ, и притече скоро в церковь, паде пред образом Пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати: «О преблагословенная Мати Господня, христианская заступница и молебница о душахъ наших к сыну своему и Богу! Избави от пропасти адския, азъ вскорѣ исполню обѣщание свое».

Сие же слышавъ, великий государь, царь и великий князь Михайло Феодоровичь всея России повелѣ призвати к себѣ оного Савву, и воспросивъ ево о бывшемъ видѣнии. Он же повѣда ему все по ряду и показавъ писание свое. Царь же подивися зѣло милосердию Божию и несказанному чюдеси.

Егда же отпѣша Божественную литоргию, поиде Савва в домъ сотника Иакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ над нимъ милосердие Божие, благодарив Бога и Пречистую его Богоматерь. Потом же Савва раздавъ все имѣние свое, елико имѣяше, убогимъ, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, идѣже лежатъ мощи святителя Божия Алексия митрополита, еже зоветца Чюдовъ. И воспriятъ иноческий чинъ, и нача тутъ жити в постѣ и молитвахъ, безпрестанно моляся Господеви о согрѣшении своемъ. В монастырѣ же оном поживъ лѣта доволна, ко Господу отиде, идѣже святии пребываютъ. Буди же Вседержителю Богу слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

«Повесть о Савве Грудцыне» публикуется по списку *РНБ*, Q.I.762 (середина XVIII в.), л. 73 об.—99 об. По классификации М. О. Скрипиля (ТОДРЛ. Т. V. М.; Л., 1947. С. 225—308) список принадлежит к первому варианту I редакции. В этом списке сюжет передан достаточно точно, но архаизированный язык произведения несколько облегчен. Исправления, дополнения и вариант окончания даны по списку *РНБ*, Q.XVII.196 (середины XVIII в.), л. 110—122.

Стр. 44. *...оставляетъ великий градъ Устюгъ...* — После того как летом 1612 г. интервенты были разгромлены у стен Москвы, два отряда, состоявшие в основном из «черкас», т. е. запорожских казаков, двинулись на север. Они разграбили вологодский Прилуцкий монастырь, захватили Сольвычегодск, а в конце января 1613 г. предприняли два приступа на Великий Устюг, но были отбиты (см.: Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 374—377).

...до лѣт благочестиваго царя... Михаила Федоровича... — Царь Михаил Федорович правил с 1613 по 1645 г.

Обычай же имѣяше той Фома куплю дѣяти... — Казань была центром торговли с Востоком, в частности с Персией.

---

[1] упало.

Стр. 45. *...бысть мещанинъ именемъ Баженъ Вторый...* — Бажен — мирское имя. Определение «*Вторый*» говорит о том, что у него был старший брат с тем же прозвищем, Бажен Первый.

...поятъ ея сущую дѣвою. — Это значит, что третьим браком Бажен женился не на вдове, а на девице.

Стр. 49—50. *...стѣны и помостъ... и веду тя к нему.* — В рукописи отсутствует; восполняется по списку *РНБ.*

Стр. 50. *...около его стояща множество юношей крылатыхъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ багряны, иныя яко смола черная.* — По православным представлениям, божественному «свету» противостоит дьявольская «тьма» (она «кромешная», потому что вне, «кроме» света). Соответственно сам дьявол и его слуги «темны», отчего и назывались обычно «синьцами» и «ефиопами».

Стр. 52. *...по ево, великаго государя, указу во всей России набираху новобраныхъ салдатъ.* — Формирование (по западному образцу) солдатских полков началось в 1630 г. Воинскому артикулу их обучали служилые иноземцы.

Стр. 53. *...немалу власть имяше шуринъ царевъ болярин Семенъ Лукояновичь Стрешневъ.* — Имеется в виду брат царицы Евдокии Лукьяновны, урожденной Стрешневой. Чином боярина был пожалован позднее.

Стр. 54. *...тогда былъ командующим болярииъ Федоръ Ивановичь Шеин.* — В действительности Шеина звали Михаилом Борисовичем. За неудачную осаду Смоленска он был обвинен в измене и казнен в 1634 г.

Стр. 55. *Болярин же нача его нелѣпыми словами поносити...* — По царскому указу торговых людей в солдатские полки не записывали, поэтому воевода и прогоняет купеческого сына из войска.

Стр. 57. *...Казанския Богородицы, что в Китае...* — Церковь Казанской Божьей Матери в Китай-городе, на Красной площади, «на пожаре».

ПОВЕСТЬ НИКОДИМА ТИПИКАРИСА СОЛОВЕЦКОГО О НЕКОЕМ ИНОКЕ

Повесть была создана в 1640—1650-е гг., вероятно в Троице-Сергиевом монастыре. События повести приурочены к 1638 г. и излагаются от лица самого героя, безымянного троицкого инока, который, как сообщается в начале произведения, поведал свою историю типикарису (уставщику) Соловецкого монастыря Никодиму, а тот в свою очередь пересказал ее неизвестному автору.

Композиционно повесть четко распадается на две части. В основе каждой из них лежит традиционная схема религиозной легенды: прегрешение и болезнь героя — его покаяние и обращение за помощью к небесным силам — прощение и исцеление (см. наблюдения А. М. Панченко в: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 503—513). Первая часть повести написана в жанре видений потустороннего мира и является одновременно чудом архангела Михаила. Вторая же часть — типичная богородичная легенда, рассказ о чуде исцеления от иконы Богородицы в Нерехте. Несмотря на натурализм отдельных сцен, повествование выдержано в целом в традициях абстрагированного житийного стиля. Автор насыщает текст библейскими цитатами (преимущественно из Псалтири), использует «высокую» книжную лексику («жезл наказания», «радованною ногою» и др.).

В повести разрабатываются традиционные для «душеполезной» литературы темы: пагубность греха и благодатность покаяния, столкновение человека с враждебными силами и сопротивление им. Исходной «архетипической» основой для автора повести послужила известная евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15, 11—32). С этой притчей и различными ее литературными интерпретациями (ср.: Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Савве Грудцыне и др.) повесть объединяет не только идея о всесильности покаяния и о милосердии Творца. Здесь получает развитие восходящая к

этой притче и столь актуальная для XVII в. тема скитальчества. Как и герои повестей о Горе-Злочастии и о Савве Грудцыне, «некий инок» все время находится в пути. Из Соловецкого монастыря он уходит в Троицкий монастырь, оттуда — в одно монастырское село, затем — в другое. Он оказывается то в Костроме, то в Нерехте, то на Соловках, путешествует и наяву, и в видении. Его путь не ограничивается земными пределами: герой поднимается к небесному престолу, спускается в преисподнюю. Инока как бы преследуют его собственные грехи: он предается неумеренному пьянству и «всякой нечистоте», временно избавляется от этих «недугов», но вскоре подчиняется им вновь. Такая подвижность героев, колебания в их судьбе, переменчивость и неустойчивость их положения вообще являются типичными чертами в изображении человеческой жизни русскими писателями XVII в.

Посещение иноком матери («...в мегновении ока обрѣтохомся во градѣ Костроме, в немже мати моя живяше, и с нею видѣхся, еще бо тогда жива бяше») — сразу после обещания отказаться от греховной жизни — по своей человеческой сути напоминает ту материнскую «напевочку», которую поет безымянный молодец в Повести о Горе-Злочастии и которая отвращает его от Горя (см.: Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 143). Ассоциацию с сюжетом о блудном сыне поддерживает и еще одна важная деталь повести: все злоключения инока происходят после ухода его из Соловецкого монастыря, где началась его иноческая судьба, и до возвращения в него. «Идѣже власы своя остригох, тамо бы и кости своя положити» — такова реализованная в повести «монастырская» версия этой притчи. В описании жизни своего героя автор повести не поднялся до такого исторического и философского обобщения, каким отличаются истории других «блудных сыновей» «бунташного века» (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Савве Грудцыне). И все же само сходство — пусть очень отдаленное и неполное — судьбы инока с судьбами этих персонажей свидетельствует о том, что в повести оказались запечатлены некоторые характерные черты эпохи.

Повесть известна сейчас в трех редакциях, две из которых были созданы в середине XVIII в. в Выговской поморской пустыни (наиболее существенная особенность этих поздних редакций — сокращение второй части). Исследование и издание всех редакций повести см. в: Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке / Подгот. текстов и исслед. А. В. Пигина. СПб., 2003. Повесть публикуется в ее первоначальной редакции по списку 1680—1690-х гг.: Государственный объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Владимир), № В-5636/76, л. 116—122. Отдельные исправления и добавления внесены по другому списку первоначальной редакции: *РГБ*, Музейное собр., № 5470, л. 426 об.—432 об., кон. XVII в., а также по списку второй (Выговской) редакции: *ИРЛИ*, Карельское собр., № 37, л. 316—324 об., сер. XVIII в.

Стр. 59. *Никодим* (ум. 1655) — уставщик (типикарис) Соловецкого монастыря в первой пол.—сер. XVII в. Известно, что Никодиму был сдан по приговору от 27 июля 1649 г. «под крепкое начало» сосланный на Соловки «на покаяние» Арсений Грек. Никодим был причастен к созданию Жития Анны Кашинской (до 1652 г.), которое по его повелению писал соловецкий книжник Игнатий. Подробная характеристика Никодима как человека книжного, просвещенного в духовных богословских вопросах, дана соловецким книжником Герасимом Фирсовым в его «Показании от божественных писаний». До нашего времени сохранились некоторые рукописи, принадлежавшие Никодиму (*РНБ*, Соловецкое собр., № 575/594 и др.). Не исключено, что повесть о «некоем иноке» была написана неизвестным автором по поручению Никодима (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 51—52; Ч. 4. С. 506—507).

...о нѣкоемъ братѣ... — По мнению О. В. Панченко, «реальным прототипом героя мог быть старец Ипатий Ожега, соловецкий постриженик, происходивший из Костромы и находившийся в 1630—1640 гг. на службе в Троице-Сергиевом монастыре» (см.: Словарь книжников... Вып. 3. Ч. 4. С. 507).

...киновиархъ Зосимы и Саватия... — Святые Зосима и Савватий Соловецкие (XV в.), основатели общежительного монастыря (киновии) на Соловецком острове в Белом море.

Михаил Федорович — первый русский царь из династии Романовых (1613—1645).

И аще не Господь Богъ помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во ад душа моя... — Ср.: Пс. 93, 17.

«Накажет мя праведникъ милостию... и в разум истинный приити». — Ср.: Пс. 140, 5; Иез. 33, 11; 1 Тим. 2, 4.

Стр. 60. *...во дни пентикостиа, близ празника Святаго Духа сошествия...* — Т. е. незадолго до праздника Троицы, пятидесятого дня после Пасхи.

«Спящии бо в нощи спят, и упивающиися в нощи упиваются». — 1 Фес. 5, 7.

Тогда нападе на мя боязнь, и страх, и трепет, и ужасъ объятъ мя. — Ср.: Пс. 54, 6.

...щедроты его на всѣх дѣлех его. — Пс. 144, 9.

Поженѣте и имѣте его. — Пс. 70, 11.

...фиалъ горести своея на мя излиати. — Ср.: Апок. 16, 1.

...яко пчелы сот обыдоша мя. Аз же именем Господним противляхся им. — Ср.: Пс. 117, 12.

...«О тебѣ радуется»... — Молитва Богородице, составленная Иоанном Дамаскиным.

Стр. 61. *...миръ и утвержение... внезаапу нападе на мя всегубителство.* — Ср.: 1 Фес. 5, 3.

Стр. 62. *«Врази мои душу мою удержаша, уста их глаголаша гордыню, изгонящии мя нынѣ обыдоша мя».* — Ср.: Пс. 16, 9—11.

И начаша глаголати мнѣ с поношением: «Гдѣ суть Богъ твой?» — Ср.: Пс. 41, 11.

И тако врази мои рѣша мнѣ злая: «Се нынѣ уже умерлъ еси, и погибе имя твое от земля живыхъ». — Ср.: Пс. 40, 6.

Держаще и душу мою и вкупѣ глаголюще: «Нынѣ уже... нѣсть избавляяй его». — Ср.: Пс. 70, 10—11.

И тако на мя шептаху... глаголюще: «Сердце его собра беззаконие ему». — Ср.: Пс. 40, 7—8.

Михаил — архангел Михаил, предводитель небесного воинства. Роль освободителя от бесов и проводника по загробному миру отводится Михаилу и во многих других древнерусских произведениях, а также в духовных стихах.

Пенязь — мелкая медная или серебряная монета.

Стр. 64. *Елисей* — исторические сведения о нем отсутствуют. В более поздней редакции повести, составленной в сер. XVIII в. в Выговской поморской пустыни, инока сопровождает в его путешествии некий «блаженный» Тимофей, «Христа ради юродивый», «живый на Кулишках в Москве» (*ИРЛИ*, Карельское собр., № 37, л. 323 об.).

Церковь Спасова — главный соборный храм Соловецкого монастыря в честь Преображения Господня.

Церковь преподобных — придел Преображенского собора, где почивали мощи преподобных Зосимы и Савватия Соловецких.

...се есть зовомая кикимора... — Вероятно, это первое упоминание кикиморы в русской литературе (изредка кикимора упоминалась также в актовом материале XVII в.). Семантика этого мифологического персонажа в повести близка народным представлениям о кикиморе как о духе сна, ужасном ночном привидении, кошмаре.

Великая четыредесятница — Великий пост, заканчивающийся Пасхой.

Стр. 65. *Объятъ же мя страх велий, и вниде трепетъ в кости моя...* — Ср.: Иов. 4, 14.

...о обличении моемъ о беззаконииих моих. — Ср.: 2 Петр. 2, 16.

...яко зол душа моя наполнися, и живот мой аду приближихся... — Канон Пресвятой Богородице, песнь 6, ирмос (Часослов, Павечерница малая).

...страшно есть еже впасти в руцѣ Бога живаго. — Евр. 10, 31.

...уповаю на милость Божию... — Пс. 51, 10.

...милостивъ и щедръ... — Пс. 110, 4.

...«Поражю и аз исцѣлю». — Вт. 32, 39.

«Во гнѣвѣ же моем поразих его и за милость мою исцѣлихъ й». — Ср.: Ис. 60, 10.

Поприще — древнерусская путевая мера (около 1.067 км).

В том селѣ есть монастырь... Богородицы нареченныя Владимерския. — В 1630-е гг. в Нерехте прославились своими чудотворениями две богородичные Владимирские иконы, сказания о которых сохранились лишь в поздних переработках XVIII в. (*РНБ*, собр. Титова, № 3716). Обе иконы были перенесены в Нерехту из Ярославля (одна — в 1634 г., другая — в 1636 г.) и находились в Сретенском женском монастыре.

Стр. 66. *Идѣже умножися грѣхъ, ту преизбыточествова благодать.* — Рим. 5, 20.

Кто Богъ велий... творяй чюдеса един. — Ср.: Пс. 76, 14—15.

Наказал мя еси от юности моея... от бѣзднъ грѣховных паки возвелъ мя еси. — Ср.: Пс. 70, 17—20.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

Бесспорно замечательная по своим художественным достоинствам, «Повесть о Фроле Скобееве» до сих пор продолжает оставаться предметом научных споров. Время ее создания не может пока считаться аргументированно установленным и варьируется от 1680 г. (даты, вынесенной в заглавие одного из списков) до 20-х гг. XVIII в. (по некоторым лексическим данным и историческим реалиям). Однако как бы ни был решен впоследствии этот вопрос, несомненно, что «Повесть о Фроле Скобееве» блистательно завершает литературную традицию средневековья. Эта типичная плутовская новелла о ловком обманщике, решившем жениться на стольничьей дочери и обеспечить себе тем самым безбедное существование в будущем, может рассматриваться и как своего рода прообраз будущего жанра святочного рассказа.

Известно 9 списков повести, все они относятся к XVIII в. Текст публикуется по Погодинскому списку (*РНБ*, собр. Погодина, № 1617, л. 59—71). Подробное изложение истории изучения повести и наиболее полную библиографию см.: Душечкина Е. В. Стилистика русской бытовой повести XVII века. (Повесть о Фроле Скобееве.) Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин, 1986.

Стр. 67. *...двоворенинъ Фролъ Скобеевъ... столника Нардина-Нащокина...* — Упоминающиеся в повести фамилии зафиксированы документами XVII в. Прототипом стольника Нардина-Нащокина мог послужить боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1645—1676), возглавлявший Посольский приказ.

Святки — с 25 декабря по 6 января (ст. ст.).

Стр. 69. *...денгами 300 рублев.* — Такая значительная для XVII в. сумма вряд ли могла быть в распоряжении стольничьей дочери.

Стр. 70. *...толко великой ябида...* — Площадной подьячий, занимавшийся составлением и перепиской деловых бумаг.

Стр. 72. *...на Ивановской площеди...* — Ивановская площадь, названная по колокольне Ивана Великого в Кремле, была центром приказно-административной жизни столицы.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

«Повесть о Карпе Сутулове» относится к новому для русской литературы жанру новеллы, появившейся на рубеже XVII и XVIII вв. Для повести характерны черты как древнерусской антиклерикальной демократической сатиры, так и беллетристического произведения нового времени; в ней сочетаются элементы назидательной притчи, веселого рассказа, народной сказки. То, что отрицательными персонажами повести выступают духовные лица, указывает на ее оппозицию официальному укладу, на протест против роли церковников в жизни горожан.

16 Зак. 3610

В повести присутствует смех открытый и скрытый: всенародному осмеянию подвергаются незадачливые «любовники» Татьяны, над ними откровенно смеется воевода; скрытый смех заключен в «перевернутости» ролей — вместо того чтобы быть поучаемой и наставляемой, женщина-мирянка сама читает проповеди духовным отцам и пастырям, прибегая к изречениям, напоминающим тексты Священного Писания.

Действие повести происходит в русской среде: читателю хорошо знакомы социальные типы и имена персонажей, места действия — Литва, куда едет купец; воеводский двор, где завершается интрига Татьяны. Тем не менее, как отметил А. Н. Пыпин (История русской литературы. Т. II, изд. 2-е. СПб., 1902. С. 552) и подробнее исследовали Ю. М. Соколов (Повесть о Карпе Сутулове. Текст и разыскания в истории сюжета. М., 1914) и С. Ф. Ольденбург (Фаблио восточного происхождения // Журнал Министерства народного просвещения. 1907, май. С. 46—82), сюжет произведения широко распространен в мировой литературе: подобные сюжеты знакомы «Декамерону» Боккаччо, восточным литературам (древнеиндийской, древнеарабской, персидской, турецкой, афганской). Путь проникновения этого сюжета на Русь не известен. Встречается он в русских сказках, однако ни одна из них не повторяет всех мотивов «Повести о Карпе Сутулове».

Текст издается по единственному списку XVIII в., хранящемуся в Москве (*ГИМ*, собр. М. И. Соколова, № 196, л. 95—99 об.). В 1914 г. повесть была издана Ю. М. Соколовым по материалам его отца М. И. Соколова, который внес в текст, отличающийся большим количеством описок и испорченных чтений, много исправлений и конъектур (Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове (Текст и разыскания в истории сюжета). Древности // Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического Общества. Т. IV. Вып. 2. М., 1914). Все публикации повести, предпринятые в советское время, воспроизводили это издание с переводом на современную орфографию. В настоящем издании исправления М. И. Соколова оставлены только в самых необходимых случаях, в остальном сохранены особенности списка.

Стр. 76. *...именем Татиану...* — В переводе с греческого Татьяна — учредительница.

...именемъ Афанаси Бердов. — Фамилия Бердов встречается в русских документах XVII в. С другой стороны, бéдро — деталь ткацкого станка, двигающаяся взад и вперед; по свидетельству В. Даля, слово «бéрдить» означает: «подавшись вперед, пятиться... назад», отступаться от слова или дела (Даль В. Толковый словарь. Т. I).

С. 78. *...како я могу убежати от огня будущаго?* — Татьяна говорит об адском огне, в котором будут гореть грешники.

...во всемъ разрешу. — Т. е. отпущу грехи.

...в третием часу дни... въ 6 часу дни... в 10-м часу дни. — В Повести дан древнерусский счет времени. До 1722 г. время дня отсчитывалось от восхода солнца, отчего в разные времена года длительность дня была неодинаковой — от 9 часов в декабре до 15 часов в июне. В быту день делился на заутреню, зарю, раннюю зарю, начало света, восход солнца, утро, середину утра, обедню, обед, полдень, уденье, полуденье, паобед, вечерню, вечер, ночь, полночь. В церковной практике день разделялся на 12 часов или на четыре периода, в которых первые три часа были утром, вторые три часа — первой половиной дня, третьи три часа — второй половиной дня, четвертые три часа — вечером (Прозоровский Д. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда в Санктпетербурге. Вып. 2. СПб., 1881. С. 105—194).

Стр. 79. *А не ли же некоему человѣку мнози люди похвалиша жену, она же зело зла бяше, он же целомудренны тогда похвалу.* — Это место испорчено; имеется в виду сюжет из «Пчелы» или из «Слова о злых женах»: некто женился на богатой, но злой вдове, которую ему хвалили люди; муж же на это отвечал: «Не ныне ми хвалите, но егда же избуду ея».

...шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводѣ... — Упоминание воеводского двора, возможно, указывает на то, что повесть написана до 1708 г., когда городовые воеводы еще не были заменены комендантами.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, КУПИВШЕМ МЕРТВОЕ ТЕЛО И СТАВШЕМ ЦАРЕМ

«Повесть о купце», созданная на основе сказочного сюжета о «благодарном мертвеце» (см. записи сказок в сборниках А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, Д. И. Садовникова), разрабатывает тему, характерную для оригинальной русской литературы «переходной поры», — тему необычной судьбы героя и его приключений. В качестве главного героя выступает купеческий сын, и в этом отношении повесть напоминает такие повести XVII в., как «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне». Однако добродетельный и разумный купеческий сын контрастно противопоставлен «блудным сыновьям» XVII в. (он «хочет быть в торгу смыслом лутче» отца и т. п.); а в финале повести, преодолев все испытания, получает богатство, жену-царевну и, наконец, царство. Таким образом, герой повести оказывается литературным и нравственным антиподом Саввы Грудцына: попадая в аналогичную жизненную ситуацию (он полностью растратил отцовские деньги, отпущенные на покупку товара), купеческий сын получает в «помощники» не беса, но ангела, с помощью которого выходит победителем из замысловатых сказочных испытаний. Активность и удачливость купеческого сына напоминает о героях повестей более поздней — петровской — поры, о персонажах типа Василия Кариотского. Повесть не содержит исторических реалий, которые могли бы помочь точно определить время ее создания. Однако тип героя, характер разработки темы судьбы и лексика повести (в списках используются такие слова, как «сенатор», «квортера») сближают ее с началом XVIII в. Новый (по сравнению с XVII в.) тип перипетий (нечаянная встреча с разбойниками, выслеживание купца царским сенатором, тайна его женитьбы на царевне и др.), натурализм описаний — все это отвечало новым читательским вкусам демократической городской среды, ее интересу к литературе приключений. Вполне в духе конца XVII— начала XVIII в. — как сюжетный материал — используются в повести элементы агиографической легенды: герой повести — «вымоленный сын», слугою становится ангел (вместо мертвеца, как это было в сказке), погребение происходит в монастыре святого Николая (повесть соотносится с циклом народных легенд о Николе-чудотворце) и др. Совмещение в одном литературном тексте элементов разных жанровых источников привело к тому, что герои начинают совершать действия, не свойственные их жанровому амплуа: царь — хитрит, заманивая купца в зятья, ангел — становится убийцей, и др. Дисгармония в литературном этикете изображения героев ведет к стилистической пестроте текста и также указывает на «переходный период» конца XVII—начала XVIII в., как на время создания повести.

Повесть издается по списку середины XVIII в.: *РНБ*, собр. *ОЛДП*, Q. 137, л. 1—15 об. (издан в кн.: Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 126—135), с исправлениями (курсивом) по вновь найденному нами списку: *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 2344 (середина XVIII в.).

Стр. 84. *...монастырь чудотворца Николая.* — Не может быть локализован географически: известие о нем литературного происхождения.

Сорокоусты — плата за церковное поминовение и службы в течение 40 дней после смерти, а также атрибуты поминального обряда: свечи, ладан, вино.

Стр. 85. *...что сии две дороги... «А сей двор чей?»* — Порча текста в ркп., восполняется по списку *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 2344.

Стр. 86. *Купец же... с собою?* — Порча текста в ркп., восполняется по тому же списку.

Стр. 87. *Друшка* — свадебный чин (дружка).

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, ЗАЛОЖИВШЕМСЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ ЖЕНЫ СВОЕЙ

«Повесть о купце...» переведена с польского языка во второй половине XVII в. Ее оригиналом послужила «Historia krotofilna o kupcu, który się z drugim założił o cnote żony swoiey» Б. Будного, польского гуманиста конца XVI в., представляющая обработку девятой новеллы второго дня «Декамерона» Дж. Боккаччо. На Руси списки этого произведения встречаются, как правило, вместе с фацециями, а позднее — с новеллами из Великого Зерцала. Возможно, повесть и была переведена вместе с фацециями, т. е. около 1680 г., по польскому изданию «Апофегматы» (1614 .), принадлежавшему перу того же Б. Будного: сборник «Апофегмата» русскому читателю в XVII в. был известен.

Восприятие «Повести о купце...» на Руси шло двумя путями: с одной стороны, стремились дословно передать текст, который в итоге пестрит полонизмами и кальками; с другой — повесть существенно редактировалась, в результате сближаясь в проблематике и стилистике с русской литературной традицией. Возникновение русского варианта повести относится к концу XVII в. Известно девять ее списков, но ни один из них не является оригиналом. Так, список *ГИМ*, собр. Соколова, № 75, относящийся к XVIII в., имеет следы основательной правки: изменен порядок эпизодов, ряд их вообще исключен; несмотря на это, объем повести увеличен почти в два раза, так как развернуты характеристики героев, чаще используется прямая речь, усилена религиозно-нравственная тема.

Свидетельством полного усвоения «Повести о купце...» в русской словесности являются воспринявшие ее сюжет сказки («Верная жена», «Как купец бился об заклад о своей жене», «Оклеветанная купеческая дочь», «Три купца», «Оклеветанная жена» и мн. др.). В сказке действие обычно переносится в эпоху, близкую рассказчику, вводятся новые действующие лица, отношения между героями усложняются; переводная новелла, становясь русской сказкой, приобретает национальный колорит и типично сказочные черты.

Текст, близкий польскому источнику, был опубликован по рукописи *БАН*, 45.5.30 в кн.: Державина О. А. Фацеции. М., 1962. В наст. изд. издается по списку: *ГИМ*, собр. Соколова, № 75, XVIII в., л. 233—264.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ГРИГОРИИ

«Повесть о купце Григории» была создана, скорее всего, на рубеже XVII—XVIII вв. как прямая переделка переведенного с польского «Приклада о преступлении душевнем и о ранах, уязвляющих души человеческия», иначе называемого «О чернокнижнике и рыцаревой жене» (Римские деяния, вып. I. СПб., 1878, с. 107—113). Русский автор полностью переработал текст, не только освободившись от полонизмов, но и придав иное словесное оформление диалогам, а также по-новому изобразив магические действия мудреца и оттенки реакций героя на увиденное в зеркале. Кроме того, автор преобразил социальный облик героя, заменив безымянного благочестивого рыцаря — паломника в Святую землю — купцом с православным именем Григорий, а также ввел более традиционную для древнерусской литературы характеристику жены, которая изменяет мужу «по действу диаволю», под влиянием «волхвования», а не из-за склонности к «чужеложству», как говорилось в западном источнике.

Переработка привела к созданию оригинальной русской повести на международный сюжет с заранее заданными элементами повествования. Едва ли не впервые в древнерусской литературе тема колдовства и доброй магии освобождена от чисто церковных оценок и подчиняет себе все остальные стороны произведения.

Текст «Повести» был опубликован по рукописи: *РГБ*, собр. Большакова, № 314, л. 612—618, первой четверти XVIII в., с разночтениями по другим спискам: Скрипиль М. О. Не-

известные и малоизвестные русские повести XVII в. // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 328—332. Переиздается по той же рукописи с исправлениями текста по списку: *ГИМ*, собр. Забелина, № 502, XVIII в.

ЖИТИЕ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

«Житие Юлиании Лазаревской» — необычное житие. Созданное в первой половине XVII в., оно отразило особенности «переходного века» в истории русской литературы: в нем соединены черты традиционного жития и бытовой биографической повести. Это обстоятельство стало причиной переименования памятника: в 1940-е гг. он получил второе название — «Повесть об Ульянии Осорьиной», закрепившееся за ним в литературоведении.

Героиня жития праведная мирянка Юлиания Лазаревская — это реальное историческое лицо, муромская помещица Ульяния Устиновна Осорьина (в девичестве Недюрева), жившая в XVI в. С XVII в. она стала почитаться как местночтимая святая города Мурома, получив имя Юлиании Лазаревской по месту погребения в селе Лазарево Муромского уезда.

Автором жизнеописания Ульянии стал ее сын Дружина (по крестному имени Каллистрат) Осорьин, известный по актовым материалам как губной староста Мурома в 1610—1640 гг. Его имя читается в заглавии Пространной редакции памятника: «Житие и преставление святыя и преподобныя и праведныя матере нашея Иулиании Лазоревския. Списано многогрешнымъ Калистратомъ, пореклу Дружино Осорьинымъ, сыномъ ея, что въ Муромскихъ пределехъ. Благослови, отче» (*РНБ*, собр. *ОЛДП*, Q. 688, л. 144). Обращение сына к описанию «добродетельных трудов и подвигов» своей матери — исключительное явление в истории древнерусской литературы. Этим, по-видимому, во многом определяется художественное своеобразие памятника.

Житие «Юлиании Лазаревской» было создано в 20—30-е гг. XVII в. Как следует из текста заключительного фрагмента, оно было написано не ранее 1614 (по некоторым спискам — 1615) г., после погребения сына Ульянии Георгия.

Композиционно памятник выстроен по традиционной житийной канве, в нем присутствуют все элементы агиографической схемы — от рождения героини от благочестивых родителей до честного преставления и исцелений у гроба святой. Однако традиционная форма оказалась наполненной новым содержанием. Ореолом святости наделена обычная женщина-мирянка. Главные добродетели Ульянии, которые постоянно подчеркивает автор, расценивая их как подвиги благочестия, — это трудолюбие и сострадание страждущим. Суть подвижничества Ульянии заключается в той «любви нелицемерной», которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь. Восхищаясь «смиренной красотой» подвига Юлиании Лазаревской, Г. П. Федотов писал: «Хотя Юлиания Лазаревская прошла через суровую аскезу и мечтала о монашестве, но не внешние причины помешали ей принять его. Она осталась верной своему личному христианскому призванию служения миру и деятельной христианской любви».

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли Дружине Осорьину создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ, «идеальный женский характер Древней Руси», по определению Ф. И. Буслаева. Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили жизнеописание Ульянии элементами психологизма и художественными деталями. Традиционное по форме и предназначению (жизнеописание святой подвижницы), «Житие Юлиании Лазаревской» стало одной из первых «биографий частного лица». Обращение к новому герою, частному лицу, — характерная черта литературного развития XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». Поэтичность жизнеописания Юлиании Лазаревской, русской женщины, причисленной к лику святых за праведные труды и милосердие, а также жанровое и художественное своеобразие произведения Дружины Осорьина определили особое место этого памятника в истории литературы Древней Руси.

О популярности «Жития Юлиании Лазаревской» в читательских кругах свидетельствует широкое распространение его в рукописях: в настоящее время известно 58 списков произведения XVII—XIX вв., а также особый текст «Обретение мощей преподобной Ульянии» и одна выписка из жития в сборнике полемического характера. Существует 3 редакции «Жития Юлиании Лазаревской»: Краткая, Пространная (представлена двумя вариантами) и Сводная. Краткая редакция, являющаяся первоначальной, сопровождается описанием посмертных чудес и исцелений у гроба Ульянии. Пространная редакция снабжена риторическим вступлением (или послесловием — во 2-м варианте) и распространена в основном цитатами из Священного Писания и святоотеческих сочинений. В ней особенно акцентирована идея возможности «спасения в миру» — в семье и деятельной любви. Сводная редакция имеет в основе текст Краткой, но расширена переработанными вставками из Пространной редакции и особым вступлением, не встречающимся в других списках памятника.

В настоящем издании публикуется Краткая редакция жития по основному списку середины XVII в. — *РНБ*, Q. I. № 355, л. 59—75. Исправления внесены по рукописи: *РНБ*, О. I. № 25.

Стр. 108. *Во дни... великого князя Иоанна Василиевича...* — В годы правления Ивана IV, Грозного (1533—1584).

...Иустинъ, пореклом Недюревъ... — Иустин Васильевич Недюрев, отец Ульянии Осорьиной, в 1542 г. был ключником (т. е. служащим Дворцового или других приказов) во Владимире. В актовых материалах XVI в. упоминаются также имена и других названных в Житии родственников Ульянии — представителей дворянских родов Недюревых, Осорьиных, Лукиных, Дубенских, Араповых, многие из которых занимали довольно прочное положение в среде приказных людей и служилых дворян: были стряпчими, стольниками, дьяками, писцами, приказчиками (см.: Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргиных. Известия русского генеалогического общества. Вып. I. СПб., 1900; Скрипиль М. О. Повесть об Улиянии Осорьиной. (Комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 257—264).

...Лукина... — Исправлено по другим спискам, в рукописи ошибочно «Церлукина».

...«и не угасаше свѣща ея вся нощи». — Ср.: Притч. 31, 18.

Стр. 109. *...но яко два поприща.* — Поприще — наименование некоторых древнерусских путевых мер; здесь употребляется в значении «верста» (приблизительно 1.067 км).

...попа, именем Потапия... — Священник Потапий позднее (в 1571 г.) был поставлен архимандритом Муромского Спасо-Преображенского монастыря с монашеским именем Пимен.

...в селѣ мужа ея. — В селе Лазарево Муромского уезда, родовом имении Осорьиных.

Еще бо свекру и свекрови ея в животѣ сущимъ... — В Пространной редакции Жития названы их имена: Василий и Евдокия Осорьины.

...мужу ея на царьскихъ службах бывающу... во Асторохани... — Муж Ульянии, служилый дворянин Юрий (Георгий) Осорьин, упоминается в Муромской десятне 1578 (7086) г.: «Юрий Васильевъ сынъ Осоринъ — самъ за собою и окладчики за нимъ сказали въ Новѣ городѣ в Нижнемъ помѣстья четыреста четьи...».

...по вся нощи без сна пребывающи... нищимъ цѣну даяше... — Здесь и далее при описании добродетелей Ульянии использованы образы библейской похвалы «доброй жене» из Притчей Соломоновых (см.: Притч. 31, 10—31).

...и никого простымъ именемъ назваше... — Т. е. не называла своих слуг неполными именами (Ванька, Юшка и т. п.).

...кротостию наказуя...— Ср.: 2 Тим. 2, 25.

И явися ей святый Никола, держа книгу велику... — Николай Мирликийский (Чудотворец, Угодник, Святитель) — архиепископ Мир Ликийских, один из наиболее почитаемых на Руси святых; в иконографии традиционно изображается держащим книгу (Евангелие) в левой руке.

...яко дым бо изчезоша. — Традиционная агиографическая формула, используемая при описании изгнания бесов; восходит к 67-му псалму: «Яко исчезает дым, да исчезнут» (Пс. 67, 3).

Стр. 110. *Сорокоуст* — плата за сорокадневное церковное поминовение и службы по умершему; атрибуты поминального обряда: свечи, ладан, вино.

Литургия (литоргия) — главное христианское богослужение.

...во всю 40-цу... — В течение сорокадневного поминания умершего.

...и роди сыны и дщери. — Из 13 детей Ульянии шестеро умерли во младенчестве, два сына погибли, и только пятеро детей пережили мать: дочь инока-схимница Феодосия и четверо сыновей — Дружина (Каллистрат), Юрий (Георгий), Иван и Дмитрий.

Стр. 111. *...и Духъ Святый на ней почиетъ.* — Ср.: 1 Петр 4, 14.

...молебная совершивъ... — Молебен (молебная) — богослужение, носящее благодарственный или просительный характер.

Стр. 112. *Иисусова молитва* — одна из основных молитв, обращаемая к Иисусу Христу с просьбой о помиловании.

Аще ядяще и пияаше или что дѣлая... — Ср.: 1 Кор. 10, 31.

...бысть гладъ крѣпокъ... — Лк. 15, 14.

В то же время бысть гладъ крѣпокъ во всей Русстѣй земли... — В годы правления Бориса Годунова (1598—1605) Россия пережила страшный трехлетний голод (1601—1603). Холодное лето, проливные дожди и ранние морозы 1601 г. привели к недороду в 1602 и 1603 гг. Стали массовыми смерти от голода. Население питалось корой деревьев и травой, мясом кошек и собак; по свидетельствам очевидцев, были даже случаи людоедства (см.: Сказание Авраамия Палицына. — Наст. изд., т. 14, с. 238—356; Маржарет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 262—263 и др.).

В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградъцкия... — В Пространной редакции Жития сообщается, что последние годы жизни Ульяния провела в селе Бочнево Нижегородского уезда — поместье своего мужа (в большинстве списков читается искаженное наименование «Вочнево»).

...поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва... — Св. Корнилий — по библейскому преданию, сотник Италийского полка в Кесарии Палестинской во времена апостольские; один из первых язычников, обращенных в христианство. Его молитва в дому была услышана и принята Богом (Деян. 10, 30—31).

Стр. 112—113. *И повелѣ оставшим рабомъ собирати лебеду... и в томъ хлѣбъ сотворити... и молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ.* — Эпизод о сладком хлебе в «Житии Юлиании Лазаревской» содержит сюжетную, а иногда и текстовую перекличку с рассказом о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского Патерика (см. Слово 31-е «О Прохоре-черноризцѣ, иже молитвою въ былии, глаголлемѣй лобода, творяше хлѣбы и въ пепелу соль». Наст. изд., т. 4, с. 426—434), что позволяет, по-видимому, считать его одним из литературных источников, использованных Дружиной Осорьиным при создании Жития Юлиании.

Стр. 113. *...не согрѣши ни во устах своихъ, и не дастъ безумия Богу.* — Ср.: Иов 1, 22.

Желаниемъ возжелах... — Лк. 22, 15.

В руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой. — Ср.: Лк. 23, 46; Пс. 30, 6.

Стр. 114. *Миро* — благовонный маслянистый состав, употребляемый при совершении таинства миропомазания.

Мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство. — Сведений об официальном освидетельствовании чудес и канонизации Юлиании Лазаревской нет. Известно, однако, что уже со второй половины XVII в. она почиталась святой в селе Лазарево и за его пределами.

Стр. 116. *Града Мурома с пасаду Матфея Черкасова...* — Черкасовы — один из самых известных купеческих родов Мурома. В муромской писцовой книге 1636 г. (опись Бартенева) двор Черкасовых назван вторым в списке «самых лутчих людей» города.

Московский дворянинъ Иосифъ Ковковъ... — Имеется в виду Иосиф Севастьянов сын Кровков (в рукописи фамилия искажена), представитель известного муромского рода Кровковых (или Кравковых), ктиторов и вкладчиков муромского Спасского монастыря. В 30-х гг. XVII в.

Иосиф Кровков жил в Москве, что зафиксировано в «Росписном списке города Москвы 1638 года» (М., 1911. С. 144), и, вероятно, поэтому назван в тексте чудес московским дворянином.

Стр. 117. *...ко многимъ прощамъ... приходила молитися.* — Т. е. к местам (обычно храмам), где совершались чудесные исцеления от недугов. Иногда слово «проща» входило в название церквей: церковь Параскевы-великомученицы Христовой Пятницы Проща, церковь Николая Чудотворца Старая Проща и др.

ПОВЕСТЬ О МАРФЕ И МАРИИ

Повесть написана в первой половине XVII в. в Муроме. В ней использован широко распространенный мотив средневековой литературы — перенесение или создание какой-либо святыни с Божественной помощью. Однако появление чудесного креста в соборе Архангела Михаила в Унженском погосте оказалось тесно связанным с сюжетом, посвященным судьбе двух сестер, происходящих родом из города Мурома. И непроизвольно на первый план повествования здесь выступили человеческие взаимоотношения, обусловленные бытом и нравами той эпохи. Благодаря вниманию автора к характеру поведения отдельных лиц в соответствующих обстоятельствах «Повесть о Марфе и Марии» — рассказ не о чуде, а скорее о психологии человеческих взаимоотношений.

Повесть известна в нескольких редакциях. См. об этом: Демкова Н. С. Повесть о Марфе и Марии (Сказание об Унженском кресте) и ее переделки в XVII веке // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1977. С. 103—121.

Текст издается по списку XVII в.: *РНБ*, собр. Погодина, № 1582, л. 55—66 об., опубликованному без предисловия и послесловия в книге «Русская повесть XVII века». Л., 1954. С. 48—53; исправления внесены по списку XVII в.: *ГИМ*, Синод. собр., № 850, опубликованному Н. С. Демковой в сб.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 201—208.

Стр. 118. *Списано по благословению Моисѣя, архиепископа Рязанского и Муромского.* — Моисей был архиепископом Рязани и Мурома в 1638—1651 гг.

Стр. 119. *«Просите и приимите, толцыте и отверзется вамъ».* — Цитата из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф. 7, 7; Лк. 11, 9); следует отметить, что здесь первая часть цитаты приведена в измененном виде, по Евангелию от Иоанна (Ин. 16, 24); у Матфея и Луки: «Просите и дастся вамъ».

...всякъ бо... «просяй приимет и ищай — обретает»... — Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

«Не можете без мене творити ничесоже». — Ин. 15, 5 (в цитате изменен порядок слов).

...якоже нѣкогда немому повелѣ глаголати и глухому слышати. — Имеется в виду евангельский сюжет об исцелении Иисусом глухого косноязычного (гугнивого) человека (Мр. 7, 32—37).

Стр. 120. *...бысть между има пря о сѣдении мѣста...* — В России до 1682 г. существовал узаконенный обычай считаться «местами» (занимать определенное место) за столом и на служебной лестнице в зависимости от родословной и служебного положения. Местнические споры носили подчас весьма острый и трагический характер. Повесть о Марфе и Марии свидетельствует, что споры о местах существовали и в повседневном быту.

«Иже хотяй в вас болий быти... последний»... — Мк. 9, 35.

«Иже высоко в человецех... Богом». — Лк. 16, 15.

Стр. 123. *...поставиша той святый и животворящий крестъ... на реке Унжѣ...* — Погост Животворящего креста и архангела Михаила известен по писцовым книгам 1629—1630 гг. Еще в конце XIX в. в церкви Архангела Михаила Унженского погоста сохранялся золотой крест, вложенный в серебряный ковчег. На ковчеге имелась надпись, что он сделан по повелению царя Михаила

Федоровича и его матери иноки Марфы в 1615 г. Следует обратить внимание на то, что и в самой повести сообщается о внимании московских царей к этой святыне.

Стр. 124. *...аки гривною... украшается.* — Гривна — украшение (или знак отличия), которое носилось на шее.

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСАХ ВИЛЕНСКОГО КРЕСТА

«Повесть о чудесах Виленского креста» — местное муромское сказание, повествующее о святыне Троицкого девичья монастыря, — чудотворном напрестольном кресте, принесенном в Муром из литовского города Вильны. Созданием Повести о Виленском кресте завершилось формирование муромского литературного цикла, объединившего жития муромских святых и сказания о местных святынях. Помимо Повести о Виленском кресте в него вошли созданные в XVI—XVII вв. «Житие князя Константина Муромского и чад его Михаила и Феодора», «Житие Петра и Февронии Муромских» (Повесть о Петре и Февронии), «Житие Юлиании Лазаревской» (Повесть об Ульянии Осорьиной), а также «Сказание об Унженском кресте» (Повесть о Марфе и Марии). Таким образом сложился рукописный сборник устойчивого состава, так называемый «муромский сборник», получивший в дальнейшем широкое распространение в рукописной традиции.

Герои «Повести о чудесах Виленского креста» — муромец, купец гостиной сотни Тарасий Борисов сын Цветнов, по прозвищу Богдан, и арзамасец, сын боярский Василий Сергеев сын Микулин — реальные исторические лица (см. об этом: Б р у н Т. А. Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 323—326). Описываемое в Повести событие — передача чудотворного креста — точно датировано в тексте памятника: действие происходит в июле 1658 г., «въ субботный день». Однако, несмотря на такую конкретность дат и описаний, вопрос о времени создания памятника достаточно сложен. Исследовательница Повести Т. А. Брун первоначально датировала ее последней третью XVII в., однако позднее перенесла датировку памятника в первую половину XVIII в. на основании анализа перечня частиц от мощей, содержавшихся в Виленском кресте, который включают все списки Повести (см.: Б р у н Т. А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVII—начало XVIII в. М., 1989. С. 206—216). Точность же описаний Повести и сохранившиеся в ней следы устного рассказа объясняются, по мнению исследовательницы, тем, что письменным источником Повести о Виленском кресте, вполне вероятно, могла послужить челобитная ее героя сына боярского Василия Микулина о его «полонном терпении».

Однако отсутствие полного текстологического анализа всех сохранившихся списков памятника (а они содержат различные варианты текста) не позволяет считать вопрос о времени создания «Повести о чудесах Виленского креста» окончательно решенным. С учетом некоторых новых материалов (см.: Р у д и Т. Р. Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 52. С. 232—242) наиболее вероятной нам представляется датировка памятника концом XVII в.

Все сохранившиеся списки Повести (18) поздние: они датируются 2-й—4-й четвертями XVIII в. и известны только в составе «муромских сборников». В настоящем издании текст «Повести о чудесах Виленского креста» публикуется по списку последней четверти XVIII в. — *ИРЛИ*, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Ф. А. Каликина, № 39, л. 12—15 об.

Стр. 125. *...иже изволилъ быти в Троицком дѣвичье монастырѣ.* — Муромский Троицкий женский монастырь был основан муромцем Богданом Цветновым в 1642—1643 гг.; строительство ансамбля монастыря продолжалось до 1648 г.

...гостиной сотни торговой человѣкъ Богдан Борисов сынъ Цвѣтновъ... — Купец гостиной сотни Богдан (Тарасий) Цветнов (Цветной) — представитель одной из самых богатых купеческих фамилий Мурома, его имя читается первым в списке «самых лутчих людей» города в двух му-

17 Зак. 3610

ромских Писцовых книгах — 1625 и 1636 гг.; поставил на свои средства несколько храмов, в том числе церковь Живоначальной Троицы, при которой его тщанием был открыт женский монастырь, куда среди других богатых вкладов — икон, церковных сосудов и книг — и был вложен Виленский крест.

...с каменiемъ и жемчугом украшенъ... — Сейчас на кресте камней и жемчуга нет, он вложен в складень-кузов с изображением двунадесятых праздников, в чеканном окладе (см.: Сухова О. А. Древности Муромского Троицкого монастыря // Уваровские чтения-II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 141). Издавая в 1899 г. текст Повести во Владимирских губернских ведомостях, Н. П. Травчетов также сопроводил указанную фразу комментарием: «В настоящее время таковых украшений на кресте не имеется». (Владимирские губернские ведомости. 1899. № 34. Часть неофиц. С. 5). По-видимому, можно предположить, что за время своего существования Виленский крест претерпел некоторые внешние изменения.

...Я де града Арзамаса... зовут Василиемъ, Сегѣевъ сынъ Микулинъ. — Имена многих представителей рода Микулиных встречаются в изданных С. Б. Веселовским Арзамасских поместных актах 1578—1618 гг., однако имени героя Повести Василия Микулина в исторических источниках пока не обнаружено (Т. А. Брун).

В прошломъ, де, во 165-м ⟨1657⟩ году, какъ великому государю Богъ поручилъ взять литовский град Вилну... — Хронологическая неточность: Вильна была взята русскими войсками 29 июля 1655 г.

Стр. 126. *...поставилъ в девичье монастырѣ в церкви Живоначалныя Троицы... гдѣ и доныне благодатию Божиею обретается.* — Виленский крест вместе с другой церковной утварью был изъят из Троицкого монастыря в феврале 1930 г. и хранился до последнего времени в Муромском историко-художественном музее. В мае 1996 г. крест был торжественно возвращен в Троицкий собор монастыря.

...под Конотопомъ на бою... — Сражение под Конотопом состоялось 28 июня 1659 г.

Стр. 127. *Ушолъ, де, гауръ маскаран Василей.* — Бранная фраза, слышанная Василием от преследователей-татар, воспроизводится в Повести в сочетании русских и татарских слов. «Гяур» у мусульман — наименование иноверца; слово «маскаран», по мнению Т. А. Брун, может быть объяснено с помощью близких языку степных татар гагаузского и караимского (кыпчакско-огузская подгруппа кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков) языков, в которых слово «маскара» (или «маскъара») имеет, среди прочих, значения «грубиян», «безобразник», «бесстыдник» и т. п. (см.: Брун Т. А. Возможный источник «Повести о чудесах Виленскогокреста» // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький. 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 91).

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

«Повесть о Тверском Отроче монастыре» написана в Твери, скорее всего в самом Отроче монастыре, во второй половине XVII в. Хотя легенда, которая легла в ее основание, была известна несколько раньше: она нашла свое отражение в памятнике первой половины XVII в. — Пискаревском летописце (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. Подробно об этом см.: Демкова Н. С. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и «Сказание о Отроче монастыре, еже есть во Твери»: оправдание любви // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 147—163). Однако в отличие от Повести действующими лицами легенды являются великий тверской князь Михаил (имеется в виду Михаил Ярославич Тверской, сын героя Повести Ярослава Ярославича) и его вымышленные супруги (первая жена княгиня Марфа, которую он постригает в монастыре, и вторая — безымянная красавица, отнятая князем у своего отрока). Все это позволяет датировать Повесть: совершенно очевидно, что изменение действующих лиц произошло после того, как в середине XVII в. установился культ настоящей жены Михаила Ярославича великой княгини

Анны Кашинской (принадлежность открытых в 1649 г. мощей была установлена, как мы предполагаем, в 1652 г., что и было зафиксировано в ее житии; см. об этом: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 221—231). Но в Повести не только иные действующие лица, изменился сам характер текста. С одной стороны, Повесть, по сравнению с легендой, более «исторична» (если вообще это понятие применимо по отношению к вымыслу). Князь и княгиня носят имена реальных исторических персонажей, не совпадает с действительным лишь отчество героини, и это следует отметить, так как, изменяя имена действующих лиц легенды, автор Повести, скорее всего, обращался к какой-то летописи, а в летописях отчество княгини Ксении встречается очень редко. Повесть насыщена историческими и географическими реалиями, с помощью которых, как это показала Р. П. Дмитриева, автор в условиях XVII в. пытается воссоздать картину жизни второй половины XIII в. (см.: Дмитриева Р. П. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 210—213). Кроме того, при создании Повести автор пользовался и документальными материалами. Сообщая о «граммате великихъ князей тферскихъ», он имел в виду две грамоты (одну 1361—1365 гг., другую — 1437—1461 гг.), хранившиеся тогда в Отроче монастыре и впоследствии опубликованные в «Актах, собранных... Археографическою экспедициею...» (СПб., 1836. Т. 1. С. 2—3, 26—27). Это «Жалованная грамота кашинского великого князя Василия Михайловича и удельных тверских князей: Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея Александровичей, Иеремия и Симеона Константиновичей и Михаила Васильевича, об освобождении людей Тверского Отроча монастыря от пошлин, даней и проч.» и «Жалованная грамота тверского князя Бориса Александровича и удельных тверских князей: Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Димитриевича и Федора Александровича, об освобождении людей Отроча монастыря от княжеских даней и пошлин, о подсудимости их монастырскому тиуну и проч.». Но под пером автора реальные документы превращаются в фольклорно переосмысленную грамоту «за девятью печатми». Поскольку перед автором стояла задача прославления монастыря, все князья были названы великими, хотя лишь четверо из них носили (в разное время) титул великого князя Тверского, остальные же владели различными удельными княжествами (Кашинским, Дорогобужским, Зубцовским, Телятевским) или вовсе не имели собственных уделов. Несмотря на такое широкое использование исторического материала, сама Повесть не является достоверным историческим источником. Перед нами не столько историческое сочинение, содержащее значительную долю вымысла, сколько своеобразный опыт исторического романа (см.: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 90).

Другое весьма существенное отличие Повести от легенды заключается в характере разработки сюжета. Повесть была задумана как произведение о монастыре, объясняющее его название и рассказывающее о его легендарном основании и славной истории. Она строится в соответствии с каноном повестей об основании монастырей: решение основать монастырь, поиски места для монастыря, ряд знамений, указывающих на это место, расчистка места, строительство монастыря и сообщение о его процветании. Из ряда традиционных повестей об основании монастырей «Повесть о Тверском Отроче монастыре» выделяет романическая история, предшествующая собственно рассказу о создании монастыря и объясняющая решение главного героя удалиться от людей и основать монастырь. Эту историю автор Повести и почерпнул из легенды. Но сюжет легенды не был механически перенесен в Повесть, а подвергся серьезному художественному переосмыслению, и переосмысление это происходило под воздействием свадебного обряда. Сюжетная коллизия легенды как бы была наложена на самый драматичный эпизод свадебного обряда — «сымание свадебного отрока», когда дружка жениха или сам жених, которого на протяжении всего обряда величают князем, прогоняет юношу, выполнявшего в первой части обряда роль ложного жениха (см. об этом подробнее: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре. С. 41—61). Не случайно кульминационной становится сцена появления князя в доме Ксении, в то время как в легенде о всей свадьбе сообщается одной фразой: «И едва князь сотвориша волю их, и как прииде время браку, в той часъ приеха внезапу князь великий и поя себѣ ю въ жены...». И состав персонажей Повести (князь, княгиня, отрок, бояре), и их поведение во многом определяются не легендой, а свадебным обрядом.

Но автора Повести привлекают не столько поступки людей, сколько их чувства и переживания. Внимание к человеку, к его чувствам делает Повесть необычайно поэтичной, и эта поэтичность усиливается использованием образов и художественных средств свадебной лирической поэзии. Эта поэтичность Повести, яркий нетрадиционный характер главного героя, отрока Григория, острота конфликта и перенесение этого конфликта, по словам Д. С. Лихачева, «в самую суть человеческой природы» (интересно, что одним из главных двигателей сюжета является любовь, причем любовь до брака, что нельзя назвать традиционным для древнерусской литературы) — все это приближает «Повесть о Тверском Отроче монастыре» к произведениям литературы Нового времени, и не случайно она неоднократно привлекала к себе внимание авторов XVIII—XX вв., создававших на основе ее сюжета повести, поэмы, драмы; среди тех, кто обращался к сюжету «Повести о Тверском Отроче монастыре», — В. Т. Нарежный, Ф. Н. Глинка, С. Н. Глинка, В. С. Глинка, В. К. Кюхельбекер, Н. Третьяков, Н. Полевой, Т. Северцов (Полилов) и др.

Художественное своеобразие «Повести о Тверском Отроче монастыре» во многом обусловлено тем, что она возникла на стыке различных, порой прямо противоположных, традиций: книжной традиции повестей об основании монастырей, тесно связанной с агиографическим жанром, и традиции фольклорной, представленной, с одной стороны, устной легендой, с другой — свадебным обрядом.

Отличия между двумя редакциями текста повести (Краткой и Распространенной) и между двумя видами Распространенной редакции (А и Б) не слишком значительны. Текст печатается по списку вида Б Распространенной редакции, отличающейся большей художественной цельностью: *БАН*, собр. Лукьянова, № 12 середины XVIII в.

Стр. 128. *...составленъ бысть Отрочь монастырь...* — Летописных данных о времени основания Отрочь-Успенского монастыря нет.

...великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго... — Ярослав Ярославич (1230?—1271) — сын Ярослава Всеволодовича, внук Всеволода Большое Гнездо, брат Александра Невского, великий князь Тверской (с 1247 г.), основатель династии тверских князей, великий князь Владимирский (с 1263 г.).

...великия княгини... Ксении... — Ксенией звали вторую жену Ярослава Ярославича (ум. в 1312 г.), дочь новгородского боярина Юрия Михайловича.

...по совокуплении ихъ законнаго брака в четвертое лѣто... — Летописи называют разные даты второй женитьбы Ярослава Ярославича: 1263, 1264 и 1266 гг.

...в селѣ, нарицаемомъ Едимоново... — Едимоново — село на левом берегу Волги, приблизительно в сорока верстах от Твери.

Стр. 129. *...насадъ...* — Тип судна. На полях рукописи помета: «сирѣчь полубарокъ».

Стр. 132. *...в пустыню.* — Здесь: пустынное, уединенное место.

...срѣтоша ея на брезѣ у церкви архаггела Михаила. — Вероятно, имеется в виду известный с начала XV в. и упраздненный к концу XVII в. Михаило-Архангельский монастырь, находившийся на берегу Волги.

Стр. 133. *...от града Тфери пять на десять поприщъ, на мѣсто боровое...* — На полях рукописи помета: «нынѣ стоитъ именуемое село Бор». Вероятно, имелось в виду село Пречистый Бор в 15 верстах от Твери.

Стр. 134. *...в верхния палаты...* — По мнению Н. Н. Воронина, княжеский дворец в Твери был двухэтажным.

...со святителемъ Петромъ митрополитомъ Московским... — Петр, митрополит «всея Руси», родился во второй половине XIII в., хиротонисан в 1308 г., умер 20 декабря 1326 г., канонизирован в 1339 г.

Стр. 135. *...назвася мѣсто от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь...* — По мнению В. Ф. Ржиги, наиболее вероятная этимология слова «отрочь» — «мужской» (в противоположность «девичью» — «женскому»).

ПОВЕСТЬ О ЗАЧАЛЕ МОСКВЫ

Среди литературных памятников середины—второй половины XVII в. существуют четыре произведения, посвященные основанию Москвы. Это «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», «Предание об основании Москвы Олегом», а также «Повесть о зачале Москвы». При сложении этой повести была использована сформулированная в первой половине XVI в. старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем (в его посланиях дьяку Мисюрю Мунехину и Василию III — см. наст. изд., т. 9, с. 290—305) идея «Москва — третий Рим». Она утверждала, что Россия, после падения первого Рима и второго Рима — Константинополя из-за уклонения от «истинной веры», стала до скончания веков единственным центром христианства, а государь Василий III ответственен за судьбу всего христианского мира. Автор повести, обратившись к теории «Москва — третий Рим», использовал ее в своих целях: он приравнял Москву к «первым Римам» по сходству обстановки, в какой города были основаны: на месте, где возникли Рим и Константинополь, пролилась кровь. На крови, как следует из текста повести, была основана и Москва. Источниками ему послужили поздний летописец, где находился рассказ об основании Москвы князем Юрием Долгоруким, легенда о боярине Кучке как первом владельце Москвы, летописное «Сказание об убиении Андрея Боголюбского», где упоминались имена Кучковичей, и, возможно, какие-то предания, сохранившие воспоминания об участии в убийстве князя своей жены. Кроме того, автор повести использовал два фрагмента из Хронографа редакции 1512 г.: из главы «Царство Левкиа Таркиниа» (рассказ об основании Капитолия (храма Юпитера) в Риме) и из главы, повествующей о византийском императоре Никофоре Фоке (обе главы представляют собой извлечение из переведенной с греческого на среднеболгарский язык в XIV в. Хроники Константина Манассии (см.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 135—136, 209). В своем повествовании автор убрал имевшие место в «Сказании об убиении Андрея Боголюбского» политические мотивы убийства, заменив их изображением семейной драмы, воспользовавшись для этого хронографическим рассказом об убийстве византийского императора Никофора Фоки при участии его жены Феофаны. Таким образом был создан вымышленный, занимательный рассказ, в котором основное внимание было уделено не столько боярину Кучке, на крови которого собственно и была основана Москва, сколько судьбе его потомков. Далее в повести говорится о расправе Михаила, брата Андрея, с заговорщиками и кратко, в форме погодных записей, излагаются основные этапы истории Москвы и великих князей Московских.

Повесть известна в 30 списках второй половины XVII—XVIII вв. Текст повести печатается по списку *ГИМ*, Синодальное собр., № 964, являющемуся старейшим списком, датируемым 1674 г. и изданным в книге: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 173—175. Исправления внесены по списку: *ГИМ*, Синодальное собр., № 607, начало XVIII в.

Стр. 136. *Вся убо христианская... а четвертому не быти.* — Эта фраза почти дословно повторяет слова старца псковского Елеазарова монастыря Филофея (см. выше), обращенные к дьяку Мисюрю Мунехину (см. наст. изд., т. 9, с. 298).

...от Рома и Ромила. — Согласно преданию Рим был основан Ромулом, но легенда утверждает, что в самом начале строительства города принимал участие, правда вскоре погибший, и его брат Рем.

...здати и ров копающе... по пролитии кровей многихъ. — Весь отрывок заимствован из главы «Царство Левкиа Таркиниа» Хронографа 1512 г. Глава является извлечением из славянского перевода «Хроники Константина Манассии». Значение слова «ентинарии» становится понятным, если обратиться к греческому тексту «Хроники Константина Манассии». Слово «ентинарии» есть не что иное, как выражение, по-видимому неправильно понятое еще славянским переводчиком «Хроники» и в переводе означающее «В Тиррении» (в Этрурии) (см.: Салмина М. А. «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 362—363).

...князя Владимира Всеволодича Монамаха... — Его княжение в Киеве падает на 1113—1125 гг.

...князь Юрий Владимировичь Манамащъ... — Князь Юрий Владимирович Долгорукий (ок. 1090—1157), сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Князь ростово-суздальской земли с 1125 г. С 1155 г. — великий князь Киевский. Весь дальнейший рассказ о встрече Юрия по пути следования им в 1158 г. (дата явно вымышленная) во Владимир с боярином Кучкой, казни последнего из-за неуважительного его отношения к князю, основании Юрием града Москвы на месте сел убитого им боярина Кучки и т. п. является легендой. В летописях же Москва первый раз упоминается под 1147 г.: здесь состоялось свидание Юрия Долгорукого со Святославом Ольговичем.

...князь Всеволод Юрьевич... — См. ниже, примеч. к стр. 495.

...князя Андрѣя Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимерѣ. — Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174) — сын Юрия Долгорукого. Исторические сведения здесь искажены. Юрий Долгорукий, после того как в 1155 г. стал великим князем Киевским, посадил Андрея в Вишгороде. Но Андрей против воли отца ушел в Суздальскую землю и в 1157 г. был избран ростовцами и суздальцами на княжение. Он сделал столицей ростово-суздальской земли Владимир. С 1157 г. по 1174 г. он князь Владимирский. По-видимому, искажение исторических фактов: «посажение» Юрием Долгоруким Андрея во Владимире, его пребывание здесь, участие в бракосочетании сына с дочерью Кучки понадобились автору для того, чтобы и второе «кровавое» событие (убийство Андрея Боголюбского во Владимире) также связать с именем основателя Москвы.

Стр. 136—137. *...болярину нѣкоему, богату сущу, зовому Кучку Иванову.* — Имя боярина Кучки в летописях не встречается. В то же время «Кучковичей» летописи упоминают (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 467—468). Упоминаются Кучковичи и в летописном «Сказании об убиении Андрея Боголюбского» под 1175 г.: здесь называются убийцы князя «окаяннии» Кучковичи (Яким Кучкович и его зять Петр) (см.: ПСРЛ. Лаврентьевкая летопись. Л., 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 368—369).

Стр. 137. *...за Неглинною* — Река Неглинная — левый приток Москва-реки, впадающий в нее в пределе города. При впадении р. Неглинной в Москву-реку, считается, и была построена Москва.

...по имени рѣки, текущия под нимъ. — Т. е. по имени реки Москвы.

...со дщерию Кучковою. — Существование дочери боярина Кучки, вышедшей замуж за Андрея Боголюбского и впоследствии участвовавшей в убийстве мужа, летописями не подтверждается. Но намеки на существование каких-то преданий, сохранивших воспоминания об участии жены князя Андрея в его убийстве имеются. Следы этих преданий Н. Н. Воронин обнаружил в миниатюре Радзивиловской летописи конца XV в., иллюстрирующей рассказ о смерти Андрея. Отрубленную руку князя на этой миниатюре летописи держит женская рука (см.: Вестник АН СССР. 1945. № 9. С. 112). Некоторые намеки имеются и в рассказе Тверской летописи об убийстве Андрея, где упоминается «болгарка», которая «държаше к нему злую мысль» за походы на «Болгарскую землю» и жаловалась на него втайне Петру, «Кучкову зятю».

...и с нимъ отиде в Киевъ и сынъ его, князь великий Андрѣй Боголюбский. — В 1158 г. Юрия Долгорукого уже не было в живых, а Андрей Боголюбский находился в ростово-суздальской земле. И летописи этот поход Андрея не подтверждают.

...и принесе с собою ис Киива во Владимир икону Пресвятыя Богородицы... из Царяграда... — Здесь речь идет о принесении князем Андреем во Владимир на Клязьме знаменитой византийской иконы Богоматери (по преданию, писанной евангелистом Лукой). Икона была установлена в Успенском соборе и получила имя «Владимирской».

...и созда церковь каменну Успения Пресвятыя Богородицы... — Успенский собор во Владимире был заложен Андреем Боголюбским в 1158 г. и отстроен в 1160 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. М., 1961. Т. 1. XII столетие. С. 149).

...и вда ей села лутчая и десятое во всемъ. — Речь здесь идет о «десятине». Древнерусская десятина — отчисление одной десятой доли от всех поступающих на княжеский двор доходов в пользу церкви (см.: Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 76—77). Далее в повести следует текст, где автор развертывает картину убийства князя Андрея.

В летописях эта картина представлена следующим образом: убийцы, приближенные князя, среди которых были Яким Кучкович и Петр, Кучков зять, сговорившись, в ночное время с оружием ворвались в ложницу князя. В первой стычке им удалось только ранить его. Окончательно убийцы расправились с ним уже «под сенями», куда укрылся раненый. Тут Петр Кучков отрубил ему левую руку. Приводилась и политическая причина убийства: Андрей собирался казнить брата Якима Кучковича (см. наст. изд. Т. 4, с. 210). Не то мы видим в повести. Автор ее не упоминает о политических причинах убийства, а создает занимательный рассказ о конфликте между мужем-аскетом и чувственной женой. Он обратился к рассказу Хронографа 1512 г. об убийстве императора Фоки с участием его жены Феофаны и перенес всю картину этого убийства в повесть. Весь отрывок повести со слов«яко орел ношашеся» по слова «якоже древле Авелева» (за исключением летописных данных, слов «церкви созидая и нищих удовляя» и фразы, в которой упоминаются Кучковичи) является дословным заимствованием из главы «Царство Никифора Фоки» Хронографа 1512 г.

...Давидъ медоточный... — Имеются в виду псалмы, ветхозаветные религиозные хвалебные песни, которые, по преданию, были сложены древнееврейским царем Давидом.

...бысть птица и нощный вран без сна на ныришци. — Ср.: Пс. 101, 7.

Стр. 138. *...яко Сампсона Далида...* — Согласно преданию (см.: Суд., 16, 17—21) Далида, филистимлянка, возлюбленная Самсона, знаменитого библейского героя, выведав тайну его необыкновенной силы, заключавшейся в семи прядях волос, остригла Самсона во время сна и предала его в руки врагов.

...Тиндарида... храбраго ироя. — Здесь имеется в виду Клитемнестра, дочь спартанского царя Тиндарея и Леды, убившая своего мужа царя Микен — Агамемнона.

В лѣто 6683-го (1175) июня в 29 день... — Андрей Боголюбский был убит в ночь с 28 на 29 июня 1174 г. в своем пригородном замке Боголюбово (откуда и прозвище «Боголюбский»).

...Авелева. — Авель (Быт. 4, 2—8) — второй сын Адама и Евы, убитый своим старшим братом Каином из зависти за то, что жертва Авеля была принята Богом более благосклонно.

Еще же и ино зло... предаша водамъ. — Возможно, не соответствующее историческим сведениям известие повести, будто тело убитого князя «предаша водам», опирается на описание казни убийц, тела которых бросили в озеро.

...Михайло Юрьевичь... — Михаил Юрьевич, сын Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского, умер в 1176 г., пробыв, как сообщают летописи, князем Владимирским всего один год. О мести его за убийство брата летописи не сообщают. Изображение расправы с княгиней-убийцей, по-видимому, авторский вымысел.

...Всѣволод Юрьивичь... и позлати я... — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), сын Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского, с 1177 г. (или с 1176 г.) князь Владимирский. Построенная в 1158—1160 гг. Андреем Юрьевичем Боголюбским во Владимире церковь Успения Пречистой Богородицы «об едином версе» была в 1185 г. повреждена пожаром, и Всеволод Юрьевич приступил к ее восстановлению. В 1189 г. происходит «великое священие собора». Летопись сообщает: «Всеволод же четыре верхи назда и позлати» (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. С. 149, 354).

...а на своемъ дворѣ... и верхъ ея позлати. — Речь идет о постройке Всеволодом во Владимире Дмитриевского собора, который предположительно был заложен в 1194 г. (см. там же, с. 398). «Гробная доска» святого Дмитрия Солунского была положена в соборе в 1197 г.

...великий князь Юрий Всеволодичь... — Князь Юрий (или Георгий) Всеволодович (1189 или 1187—1238 гг.), сын Всеволода Большое Гнездо. Его владимирское княжение падает на 1218—1238 гг.

Батый — сын Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана. Умер в 1255 г. Основатель Золотой Орды, завоеватель Восточной Европы в конце 30—40 гг. XIII в. Монголо-татары во главе с Батыем завоевали и Русь (литературные памятники, посвященные монголо-татарскому нашествию на Русь, см. в наст. изд., т. 5).

...Владимира Юрьевича... — Владимир Юрьевич — сын великого князя Юрия Всеволодовича.

...воеводу Филиппа Няния... — Филипп Нянько — воевода, защитник Москвы от войска Батыя. Его существование подтверждается летописями.

...на Ситѣ. — Река Сить — правый приток реки Мологи, впадающей в Волгу (Ярославская обл.).

...Всеволодъ, Мстислав, Владимир. — Летописи подтверждают существование таких сыновей у великого князя Юрия Всеволодовича.

...Ярослав Всеволодичь. — Князь Ярослав Всеволодович (1191—1246), сын Всеволода Большое Гнездо, занимал великокняжеский стол с 1238 по 1246 г.

...князя Александра... — Александр Ярославич Невский (1220—1263), сын Ярослава Всеволодовича. С 1236 г. — князь Новгородский, с 1252 по 1263 г. великий князь Владимирский.

Стр. 138—139. *...Новградъ Нижней созда и монастырь Пресвятыя Богородицы Печерския.* — Георгий (или Юрий) Всеволодович основал в 1221 г. Нижний Новгород. Под 1229 г. в летописях упоминается монастырь Святой Богородицы под Нижним Новгородом («вне града»). Это, видимо, и есть Печерский монастырь. В нем находилась икона Печерской Божьей матери.

Стр. 139. *...преставися... Ярославъ Всеволодичь во Ордѣ нужною смертию.* — По сообщению летописных источников, Ярослав Всеволодович, будучи в Орде у великого хана, был там оклеветан, а затем отравлен. Умер он в 1246 г., а не в 1238 г. (6746), как указано в повести.

...преставися... во иноцѣх и в схимѣ. — Александр Ярославич перед смертью принял монашество. Существование у Александра Невского сыновей с такими именами подтверждается летописями.

...князь Данило Московский. — Князь Даниил Александрович (1261—1303), сын Александра Невского, считался родоначальником великих московских князей. Москву в удел он получил не позднее 1283 г. Даниилу удалось расширить территорию своего княжества. Так, он присоединил к своим владениям Коломну и Переславль, тем самым увеличив население в своих владениях.

...Юрий, Александръ, Борис, Иванъ, Афанасий. — Эти имена сыновей Даниила Александровича известны из летописей.

...во своемъ ему в Даниловскомъ монастырѣ. — Древнейший московский Данилов монастырь основан князем Даниилом Александровичем, вероятно, незадолго до своей смерти (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. М., 1962. Т. 2. XIII—XV столетия. С. 150—151).

В лѣто 813 (1305) прииде на Русь Петръ митрополитъ.. юже самъ созда. — Петр (ум. в 1326 г.) митрополит всея Руси. Как следует из повести, посвященной его житию (XIV в.), Петр был поставлен в митрополиты всея Руси патриархом Афанасием Царьградским в 1308 г. (по другим источникам в 1305 г.). Он был союзником московских князей в их борьбе за великое княжение. Московского князя Ивана Даниловича Калиту Петр уговорил построить в Москве собор Успения Богородицы, где собственными руками создал себе усыпальницу. Но собор был заложен не в 1323 г., как указано в повести, а в 1326 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 152). Сам Петр умер также на три года позже, чем это указано в повести. Это был первый московский епископ, в XIV в. церковь причислила его к лику святых и память его чествуется 21 декабря.

...князь Иванъ Даниловичь, зовомый Калита. — Иван Данилович Калита (ум. в 1341 г.) с 1325 по 1328 г. владел только московским уделом, а с 1328 г. стал и великим князем Владимирским. Ко времени его правления относятся расширение территории Московского княжества и усиление значения Москвы.

...церковь каменна святаго Иоанна списателя Лѣствицы. — Церковь Иоанна Лествичника была заложена в Москве 21 мая 1329 г. (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 157). Иоанн Лествичник — преподобный, написавший руководство к иноческой жизни «Лестница райская» (VI—VII вв. н. э.).

...постави на Москвѣ церковь каменну Преображения Господне у своего двора. — В 1330 г. Иваном Калитой был заложен храм, получивший название Спаса на Бору (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 158).

...содѣла церковь каменну архистратига Михаила. — Это известие подтверждается летописными источниками (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 161).

...содѣла около Москвы новый древян град... — В 1337 г. старые стены московской крепости были разрушены пожаром, и в 1339 г. Иван Калита закладывает новую деревянную крепость (см.: Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. С. 164—165).

...Иванъ Даниловичь Владимерский и Московский и всеа России. — Такое титулование Ивана Калиты появилось много позже, в XVI в. (см.: ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 203).

...во Арханьгеле. — Имеется в виду Архангельский собор Московского Кремля, служивший родовой усыпальницей московских великих князей и царей.

...Симеонъ, Иванъ, Андрей. — Летописи подтверждают существование таких сыновей у Ивана Калиты.

СКАЗАНИЕ О ЗАЧАТИИ МОСКВЫ И КРУТИЦКОЙ ЕПИСКОПИИ

«Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии» — одна из четырех повестей, посвященных основанию Москвы. Оно написано во второй половине XVII в. Автор его, имя которого неизвестно, решив в завуалированной форме отразить реальные исторические события, имевшие место в середине XVII в., — борьбу между патриархом Никоном и крутицким митрополитом, создал вымышленный рассказ о возникновении Москвы и Крутицкой епархии, основанной фантастическими Сарой и Подоном. Он проявил знакомство с легендарной родословной русских князей от Августа-кесаря, с легендами о построении городов, со сказаниями о начале монастырей.

Текст «Сказания» публикуется по списку: *РГБ*, собр. А. Н. Попова, № 2425, конца XVII—начала XVIII в., изданному в кн.: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 245—247; исправления внесены по спискам: *ГИМ*, собр. Муз., № 998; *РНБ*, собр. Погодина, № 1442.

Стр. 140. *Данил Ивановичь.* — Лицо вымышленное.

...Рюрика, короля римскаго... — Рюрик, согласно легендарно-политическим сказаниям, распространенным в русской литературе в XIV—XVI вв. (см. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимерских. М.; Л., 1955), приглашенный новгородскими послами из «Прусской земли» на княжение в Новгород и ставший основателем рода русских князей, был «сродником» римского императора Августа.

князь Георгий — лицо вымышленное.

...церковь... во имя Георгия Страстотерпца... — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, воздвигнутый в 1230—1234 гг.; украшен резьбой.

...царствие троеугольное... — С. К. Шамбинаго (Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 96) высказывал предположение, что под этим выражением следует подразумевать «триличное царство», возглавлявшееся царем Михаилом Федоровичем, его отцом Филаретом и матерью Марфой. Есть другое толкование: «троеугольное царство» — это «Великая, Малая и Белая Россия» (Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. С. 164).

Стр. 141. *Москва.* — Первое упоминание Москвы — селения, впоследствии главного города Московского княжества, столицы русского централизованного государства, согласно Ипатьевской летописи, относится к 1147 г., когда князь Юрий Долгорукий принимал в ней одного из князей.

... князь Алексѣй, князь Петръ — имена вымышленные.

...Алексинъ. — Здесь имеется в виду не город Алексин, расположенный к югу от Москвы, а находящееся севернее ее, как и сообщает «Сказание», село Алексино, принадлежавшее Крутицкой епархии, митрополиту Сарскому и Подонскому.

...на горахъ Подонскихъ... горы нарекоша Крутицы. — В действительности же история образования Крутицкой епархии иная: сначала это была Сарайская епархия, учрежденная в XIII в. в золотоордынском городе Сарае для облегчения участи христиан — русских пленников. В XIV в. она

распространила свои владения на зе́мли по Дону и сарайские епископы стали именоваться «сарскими и подонскими». В XV в. епископство было перенесено из Сарая в Москву на Крутицы (возвышенное место на левом берегу Москвы-реки), но «из почтения к древности» наименование крутицких владык сарскими и подонскими сохранилось. Автор «Сказания», как предполагается, сознательно прибег к вымыслу, утверждая, что Крутицкая епархия образовалась около Москвы изначала.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» — одна из четырех повестей, посвященных основанию этого города. «Сказание об убиении...» сложилось между 1652 и 1681 гг., в составе летописца, и впоследствии распространилось в отдельных списках. В «Сказании» излагается легендарная история основания столицы, расцвеченная рядом вымышленных подробностей. Засвидетельствованные летописными источниками события, имевшие место в XII в. (основание Москвы князем Юрием Долгоруким, убийство Андрея Боголюбского Кучковичами), автор «Сказания» переносит в XIII в. и включает в вымышленные биографии сыновей Александра Невского — Даниила и Андрея Александровичей (умерших в начале XIV в.). Автор «Сказания» превращает свой рассказ в занимательное повествование о трагических событиях, будто бы предшествовавших основанию Москвы, и прежде всего о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Наличие любовной интриги, насыщенной драматизмом подробностей, связанных с убийством Даниила, сделало «Сказание» излюбленным чтением на протяжении XVII—XVIII вв.

Текст печатается по списку: *ГИМ*, Муз. собр., № 3996, сер. XVII в., являющемуся старейшим списком «Сказания», изданному в кн.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 199—212. Исправления внесены по списку: *РНБ*, собр. Титова, № 3997, первой пол. XIX в.

Стр. 142. *...боярина Кучка Стефана Ивановича.* — О самом Кучке источники ничего не сообщают. В летописях упоминаются Кучковичи — Аким Кучкович и Петр, «Кучков зять».

...в стольники... в чашники. — Стольник и чашник — дворцовые чины-должности в Русском государстве в XIII—XVII вв. В XIII в., когда происходит действие в повести, чашники руководили дворцовым ведомством, в их ведении находились также питейные погреба. В XVII в., когда создавалась повесть, стольники прислуживали великим князьям и царям на торжественных обедах и сопровождали царя в его поездках; в обязанности чашников входило лишь почетное присутствие на праздничных обедах.

...княгине Улитѣ Юрьевне... — В исторических источниках не упоминается. Прототипом героини «Сказания» является жена князя Андрея Боголюбского «Повести о зачале Москвы».

Стр. 143. *...ко князю Андрѣю Александровичю...* — По-видимому, имеется в виду сын князя Александра Невского, умерший в 1304 г.

Стр. 144. *Первыи мученики, Борис, и Глѣбъ, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганого полка.* — Борис, Глеб и Святослав — сыновья киевского князя Владимира Святославича, убитые их братом Святополком в 1015 г., Борис и Глеб были причтены Церковью к лику святых.

Сыне же его, Ивану Даниловичю... — Иван Данилович Калита, великий князь Московский, ум. в 1341 г.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ МОСКВЫ ОЛЕГОМ

«Предание об основании Москвы Олегом» — одно из четырех произведений, посвященных началу Москвы. Основание города приписывается в нем Олегу, регенту при малолетнем князе Игоре Рюриковиче. Олег также помогает Игорю получить киевское княжение. После смерти Олега Игорь становится полновластным хозяином всех приобретенных Олегом земельных владений. При этом подчеркивается родство Игоря Рюриковича с римским императором Августом.

Памятник дошел в списках конца XVII—начала XVIII в. И вполне возможно (по мнению М. О. Скрипиля), что целью автора было исторически оправдать происшедшее в 60-х гг. XVII в. воссоединение Украины с Москвой: Москва и Киев оказались в руках родоначальника великих князей Московских, а в XVII в. — московских царей.

Текст «Предания» публикуется по списку *БАН*, 33.10.5 конца XVII в., изданному в кн.: Повести о начале Москвы / Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 259; исправление внесено по списку *РНБ*, F.IV.343.

Стр. 147. *...Рюрика... Олгови...* — Речь идет о князе Рюрике (ум. в 879 г.), его сыне князе Игоре (ум. в 945 г.) и Олеге (ум. в 912 г.), который согласно преданию, отразившемуся в Повести временных лет, был регентом при малолетнем Игоре. По Новгородской первой летописи, Олег был воеводой князя Игоря.

...Оскольдъ и Дир, князи киевстии... — Об убийстве Олегом князей Аскольда и Дира говорится в Повести временных лет под 882 г.

...от Кия... начася. — В Повести временных лет рассказывается о князьях — основателях Киева — Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеде; имя Хорива здесь искажено.

...от колѣна Августа... римскаго. — Согласно легендам XVI в. (см. «Сказание о князьях Владимирских» — см. наст. изд., т. 9, с. 278—289) русские князья происходили от римского императора Августа. Почему Август назван здесь «тивириатским» неясно.

Олгъ прииде... и нарече Москва... — Основателем Москвы считается князь Юрий Владимирович Долгорукий (1090?—1157). Впервые Москва упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г.

...Олгою... правнукою Гостомысловою... — То, что жена князя Игоря Ольга была правнучкой новгородского старейшины Гостомысла, пóзднее предание (XVI в. ?).

Владимир Киевский — князь Киевский Владимир Святославич (980—1015).

СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ

«Сказание о киевских богатырях» относится к числу интереснейших литературных повестей начала XVII в., разрабатывающих героическую и патриотическую темы на фольклорной основе. Используя мотивы былин об Илье Муромце и Идолище, об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, «Сказание...» воспевает подвиги семи киевских богатырей — Ильи Муромца «с товарищи», спасшими Киев от набега царьградского царя Константина и его сорока двух богатырей (эпический «Царьград» — Константинополь, находящийся с 1453 г. под властью турок, осознается автором XVII в. уже как земля, враждебная Киеву). «Сказание...» долгое время рассматривалось как запись былины, причем более древней, чем известные в настоящее время варианты (Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский, М. Н. Сперанский и др.). Однако, несмотря на большую близость «Сказания...» к былинным текстам, образам и стилистике, в нем иначе, чем в былинах, характеризуются отношения князя и богатырей (богатыри называют себя его «холопями» и хотят сложить голову «за государеву чашу», «за его хлеб-соль великую»; вместо «полей русских» возникает «княжеская вотчина» и др.), что обнаруживает приспособление элементов эпического былинного сюжета к идеологии служилых — воен-

ных и приказных — людей; именно в этой среде создается «Сказание...» как литературная повесть на основе былинных сюжетов и мотивов (В. Миллер, Н. К. Гудзий, А. В. Позднеев и др.). Древнейший список «Сказания...» датируется 1630-ми гг. и имеет владельческую запись 1642 г.; идеи его сформировались несомненно уже после разгрома татарских ханств — после взятия Казани (1552) и Астрахани (1556). Не исключено, что мажорное утверждение «Сказания...» — «А татар всѣх побили — тѣм на Русь не бывати!» — могло возникнуть в период прочной стабилизации внешнеполитического положения Русского государства после преодоления кризиса Смуты в 1620—1630-е гг. (еще в конце XVI в. крымские татары совершали опустошительные набеги на «украйны» Руси и активно действовали во время Смуты на стороне врагов государства).

Текст «Сказания...» публикуется по древнейшему списку 1630-х гг.: *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 1463, л. 198—221.

Стр. 149. *...12 поприщь...* — Поприще — путевая мера, здесь: эпический счет.

...перезжаючи Смугрю-реку... — В названии реки, не встречающемся в былинном эпосе, видимо, произошла контаминация эпического названия реки Смородины и пограничной Угры (приток Оки), где остановились войска Ахмет-хана в 1480 г., что означало конец монголо-татарского ига.

Карачевець — человек родом из Корачева, древнего города Черниговского княжества; в былинах упоминается село Карачаево (Карачарово) — родина Ильи Муромца.

...гуни голуба скорлату... — *Гуни* — верхние кафтаны, *скорлат* — сукно особой выделки.

...терлики... камки венецкие... — *Терлики* — исподние кафтаны, *камка* — шелковая цветная узорчатая ткань.

Стр. 150. *...Скоропѣевичь...* — От слова «скорпия» — змея.

Стр. 153. *...ни черным волосом...* — По-видимому, заговорное средство.

...шубы под аксамиты... — Шубы, крытые аксамитами — плотной драгоценной тканью с золотыми и серебряными нитями.

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

«Повесть о Сухане» представляет собой переработку XVII в. былины о богатыре Сухане (Сухмане, Сохмате и т. п.). В основу повести лег один из вариантов былины, акцентирующий героическую тему, подвиг богатыря. По своему жанру повесть может быть отнесена к воинским повестям; в ее тексте запечатлелось знакомство автора с «Повестью о разорении Рязани Батыем» и «Сказанием о Мамаевом побоище» и с другими жанрами исторического повествования. В то же время в «Повести о Сухане» есть характерные черты охотничьего и воинского быта XVII в. с типичными для этого столетия понятиями «дéла государева», «службы государевой». Да и сама тема борьбы с татарами продолжала для России оставаться актуальной.

Текст печатается по единственному сохранившемуся списку конца XVII в. (*ИРЛИ*, Древлехранилище, Отд. пост., оп. 23, № 39), один лист рукописи утрачен. Подробное исследование повести с публикацией текста и фототипическим воспроизведением рукописи см.: Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.; Л., 1956.

Стр. 155. *При великом князе Манамахе Владимеровиче...* — Имя князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1053—1125) заменило в повести традиционного былинного Владимира Красное Солнышко.

Потѣха кречятная — соколиная охота.

...с красным кречятом... — Особенно ценившаяся разновидность сокола с красноватым цветом оперения.

На празникъ... Ивана Предотечи. — Т. е. 29 августа; с этого дня обычно начинался осенний период соколиной охоты.

Непра Слаутича... — Сходная форма обращения к Днепру встречается в плаче Ярославны в «Слове о полку Игореве».

Стр. 156. *Азбукъ Товруевичь* — искаженное имя одного из татарских ханов или военачальников.

В правой руке и в лѣвой... — Имеется в виду фланговое построение полков.

И царьские приходы вѣсно чинили... — Подразумеваются выезды русских князей весной в Орду с данью.

Саадака — заимствованное из татарского языка слово «саадак» означало часть экипировки воина, состоящую из лука с налучником и колчана со стрелами.

Стр. 157. *...костры...* — В народном языке «костер» означает поленницу дров; подобное сравнение известно и по другим воинским повестям.

Стр. 158. *...три порока...* — Крепостные стенобитные орудия.

...у Софѣи... — Имеется в виду Софийский собор в Киеве.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

«Повесть об Азовском осадном сидении» — поэтическое описание действительных событий: четырехмесячной осады Азова турками в 1641 г. Мощная Азовская крепость — важный опорный пункт турецких владений в Причерноморье — была захвачена в 1637 г. без ведома и согласия русского правительства донскими казаками. В 1641 г. турецкий султан Ибрагим I послал под Азов огромную армию, насчитывающую около 250 000 человек. В Азове же находилось (по документальным данным) лишь около пяти с половиной тысяч казаков. Казаки отвергли предложение турок сдать крепость и героически обороняли ее в течение четырех месяцев, отбив 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Однако Земский собор, собравшийся в январе 1642 г., опасаясь войны с Турцией, отказался принять Азов в русское подданство, и летом 1642 г. остатки казачьего войска покинули город. Азов был присоединен к России лишь в 1696 г. в результате похода Петра I.

Существует три разновидности повестей об Азове. Здесь публикуется одна из них — так называемая «поэтическая» «Повесть об азовском осадном сидении». Ее автором был участник казачьего посольства в Москву, войсковой подьячий (начальник войсковой канцелярии) Федор Иванов Порошин, в прошлом — беглый холоп князя Н. И. Одоевского. По мнению исследователя повести А. Н. Робинсона, она была написана в конце декабря 1641 г.—начале января 1642 г., накануне созыва Земского собора, и являлась своеобразным литературным призывом поддержать героическую борьбу казаков. В своем произведении Порошин широко использовал образцы древнерусской воинской повести и казачьего фольклора.

Текст повести публикуется по списку: *БАН*, 32.11.7, XVII в. Исправления внесены по списку: *РГБ*, собр. Ундольского, № 794, опубликованному в кн.: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949, и спискам: *РНБ*: НСРК, 1936, № 164; Q. XVII, 143 и Q. XVII. 209. Исправления отмечены курсивом.

Стр. 160. *...атаманъ казачей Наум Василевъ...* — Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачью «станицу» (посольство) в Москву.

В прошлом, де, во 149-м году июня въ 24 день... — Осада Азова и приезд казачьей станицы в Москву происходили в одном и том же — 1641 г., но по летосчислению XVII в. год начинался с 1 сентября, и поэтому автор называет здесь 7149 и 7150 гг.

...окроме поморских и кафимских и черных мужиков... — Т. е. подданных турецкого султана (в том числе — русских), живших по берегам Черного моря и в Кафе (Феодосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные).

...орды крымские и нагайские... — Ногаи — тюркская народность.

...загребаютъ люди персидские. — Имеются в виду земляные валы, сооружавшиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

...народым Крым-Гирей царевичь... — Крым Герай — брат крымского хана Бегадыра Герая; народым (нур-эн-дин) — титул первого сановника ханства.

Стр. 161. *...буданы... башлаки. — Буданы* — мадьярское (венгерское) племя; *башлаки* — возможно, жители Боснии.

А збирался турской царь... четыре годы. — Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.

Стр. 162. *...Муратъ-салтанова величества, царя турского.* — Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV.

...Фому Катузина... — В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина (грека, принявшего мусульманство), заподозрив его в попытке связаться с осажденным ими Азовом.

Стр. 163. *...от царства вашего силнаго... не будетъ... помощи и выручки.* — Русское правительство в дипломатических сношениях с Турцией стремилось подчеркнуть свой нейтралитет и снять с себя ответственность за действия казаков, хотя фактически тайно поддерживало их, регулярно посылая им жалованье, снабжая хлебом, оружием и припасами.

Стр. 164. *И не сидятъ люди ево персидские противу насъ, турок...* — В 1639 г. закончилась ирано-турецкая война победой турок; персидский шах вынужден был отступить из захваченных им районов Месопотамии.

...казачьих зипуновъ... — Зипун — название одежды и одновременно — добычи, трофеев.

А холопи мы природные государя царя християнскаго... — Намек на то, что казаки в основном были беглыми холопами (крепостными крестьянами).

Стр. 165. *То царство было християнское.* — Отражение популярных на Руси и особенно в казачьей среде надежд на освобождение от власти «басурман» Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

А сребро и золото... от вас же водим. — Намек на ежегодные опустошительные набеги донских и запорожских казаков на турецкие города. В 1623 г. казаки разорили предместья самого Константинополя.

Стр. 166. *...украиною... от орды нагайские...* — Украиной (т. е. окраиной) называлась пограничная полоса («черта») с укреплениями и городами-крепостями, отделявшая Русское государство от Поля, т. е. южных степей.

...Костянтина благовернаго. — Византийский император Константин XI Палеолог погиб при взятии Константинополя турками 29 мая 1453 г.

Стр. 168. *...вынесли болшое знаме на выласке, царя турскаго...* — Захваченное знамя было впоследствии доставлено казаками в Москву.

...у Предотечина образа... — Святой Иоанн Предтеча считался покровителем донских казаков.

Стр. 169. *«С нами Богъ! Разумейте, языцы... яко с нами Богъ!»* — Ср. рефрен из Великого повечерия. См. Часослов.

Стр. 170. *...Николинъ дом...* — Церковь Николая-чудотворца.

Стр. 172. *...торжище тут... и от матерей.* — В Азове, во времена владычества в нем турок, шла торговля «полоном» — угнанными во время турецких и татарских набегов жителями русских земель.

ПОВЕСТЬ О СЕМИ МУДРЕЦАХ

«Повесть о семи мудрецах», или «История семи мудрецов», — памятник средневековой литературы, берущий начало на Востоке. Известны по свидетельствам древних авторов, а затем и как конкретные сохранившиеся тексты пехлевийские, персидско-таджикские, сирийские, грече-

ские, древнееврейские, арабские, испанские, латинские, французские, английские, немецкие, нидерландские, валлийские, датские, идишские, польские, древнерусские, армянские и многие другие варианты и изводы этого сюжета (Runte Hans R., Wikeley J. Keith and Farrell Anthony J. The Seven sages of Rome and the Book of Sindbad. An Analytical Bibliography. New York, 1984).

Основная структура сюжета такова: жена царя влюбляется в его сына от другого брака и, отвергнутая им, обвиняет юношу в попытке овладеть ею. Царевича ждет смерть, но он не может оправдаться, так как узнает по расположению звезд, что должен молчать в течение семи дней. Для того чтобы отсрочить казнь, советники царя рассказывают ему поучительные истории о женском коварстве и об опрометчивости поспешных поступков, царица же противопоставляет им свои истории.

Первоисточником Повести является широко распространенная на Востоке «Книга Синдбада», или «История философа Синдбада».

В восточных версиях воспитание принца поручено одному мудрецу — философу Синдбаду, а в западных — семи мудрецам, этим и объясняется разница в названии.

Промежуточной между восточными и западными версиями является древнееврейская версия XII в. «Мишлей Сендебар», в которой впервые мудрецы названы по именам и борются за право воспитания принца.

Наибольшее распространение в средневековой Европе получила латинская «Historia septem sapientium» XIV в., которая была переведена на многие европейские языки.

В европейских обработках все более стирался восточный колорит, заменяясь представлениями христианизированного рыцарства, появлялись имена популярных царей — Кира, Веспасиана, Диоклетиана, место действия переносилось из одной страны в другую, увеличивалось число мудрецов (оно доходило до сорока), и в зависимости от этого менялось число новелл, вводились новые рассказы.

В польской литературе, откуда повесть пришла на Русь, перевод с латинского текста был сделан бакалавром Краковского университета Яном из Кошичек в 1540 г.

Русские тексты повести о семи мудрецах известны в обращении с начала 10-х гг. XVII в. (Азволинская И. Д. Повесть о семи мудрецах (датировка древнейших русских списков XVII в.) // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 255—258). Их общее число (свыше 70) свидетельствует о значительной популярности этого произведения, а переход отдельных сюжетов в устную сказку показывает, что не только средневековые представления о «женской злобе» поддерживали интерес к сюжету повести. Обилие сказочных элементов в повести рождало ассоциацию с русской сказкой: говорящие птицы, вещие сны, предсказания, игра на сходстве героев, исцеление детской кровью, воскресающие дети и т. п.

«Повесть о семи мудрецах» принесла в русскую литературу первые образцы забавной новеллы. Наиболее занимательные из них — о короле, отдавшем рыцарю своими руками жену, и о двух друзьях — Александре и Лодвике — уже в XVII в. выделились из общей канвы повести и существовали в виде самостоятельных историй.

Текстологическое изучение повести привело к выделению трех редакций — *А*, *В* и *С*. Редакция *А* содержит наиболее краткий текст, изобилующий полонизмами; редакция *В* содержит наиболее связный и подробный рассказ, в котором число полонизмов значительно уменьшается; редакция *С* представляет собой переработку, носящую наиболее литературный характер.

Текст повести публикуется по списку редакции *С* начала XVII в.: *РНБ*, О. XV. 2, л. 208—387.

Стр. 176. *Положимъ ему под нози по листу коблющему...* — Писцовая ошибка, неправильное разделение на слова; в польском тексте читаем: «...podłożymy po listku bluszczowem...» — «подложим по листку плющевому». См.: Poncjan (Historja o siedmi mędrcach). Przekladanja Jana z Koszyczek. 1540. Wydał Juljan Krzyżanowski. Kraków, 1927. Str. 7.

Стр. 177. *...внѣкоем граде Костеле...* — Искаженное название Кастилии, естественного и политического центра Пиренейского полуострова.

Стр. 181. *Тимпаны* — древний ударный музыкальный инструмент род тарелок, а также литавры.

Стр. 191. ... *и повѣле ей на верхъ клетки дробин намѣтати...* — Во всех русских списках польское слово «drabina» — «лестница» переведено неправильно: «дробина». В польском тексте жена приказала девке взять лестницу, влезть на крышу, сделать в крыше дыру над тем местом, где стояла клетка с сорокой, и бросать на нее камешки, песок и лить воду.

Стр. 194. ... *и обрете под постелею родникъ, а на немъ седмь строментовъ ворочаютця...* — Это место не понято переводчиком, ошибка повторяется во всех русских списках. В польском тексте читаем: «zródł z którego płyneł śiedm strumieniów wrzących» — «источник, из которого вытекало семь горячих ручьев» (Murko M. Die Geschichte von den sieben Wiesen bei den Slaven. Sitzungsber. d. phil.-histor. Classe d. keis. Akad. d. Wiss. Bd. 122, X. Wien, 1890. S. 94, 95).

Стр. 216. ...*в кравчих*... — В Русском государстве до XVII в. боярин, ведавший царским столом.

Стр. 217. ...*чашник*... — В Русском государстве до XVIII в. в обязанности чашников входило лишь почетное присутствие на праздничных обедах, в XVIII в. чашники руководили дворцовым ведомством, в их ведении находились также питейные погреба.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ АГГЕЕ

«Повесть о царе Аггее» была создана в конце 1670-х гг. в кругах образованных книжников, близких к московскому Печатному двору. Ее автор использовал международный сюжет о царе, лишенном престола за «гордость», привлекая в качестве источников прежде всего новинки своего времени — рассказ о гордом царе из «Неба Нового» украинского просветителя и церковного деятеля Иоанникия Галятовского, сборника, впервые переведенного с украинского на русский язык в 1677 г. (впрочем, в Москве читали его в оригинале), и «Слово о богатом и Лазаре» из «Обеда душевного» Симеона Полоцкого, работа над которым окончилась в 1675—1676 гг. Кроме того, есть внутренняя перекличка «Повести...» и «Жития Алексея человека Божия»: герои обоих произведений попадают в сходные ситуации, но реакции их контрастны, поэтому внешне близкие ситуации «Повести...» и «Жития...» имеют прямо противоположные оценочные знаки.

Внимание к «Житию Алексея человека Божия» вызывалось серьезными причинами. Как придворная, так и массовая литература всеми доступными средствами прославляла официального небесного патрона царя Алексея Михайловича, сближая таким образом правящего государя по признаку «святости» со святым. Однако автор «Повести о царе Аггее», вводя новый для русской литературы мотив подмены гордого царя ангелом, в противовес «Житию...» противопоставляет земного правителя и его небесного защитника. «Повесть...», по всей видимости, выражала взгляды той «фронды», которая была недовольна церковной политикой Алексея Михайловича, но не решалась выступить против нее открыто. Скорее всего, «Повесть...» была написана кем-то из сторонников опального патриарха Никона.

«Повесть о царе Аггее» представляет типичный образец повести-притчи, характеризующейся четкостью сюжета в сочетании с его многозначностью. С одной стороны, изначально присущая повести-притче дидактичность отходила на второй план перед занимательностью сюжета, с другой — позволяла использовать повесть в идейной борьбе своего времени. Благодаря этому в разной читательской среде «Повесть о царе Аггее» воспринималась и как занимательный рассказ о необычайном происшествии, и как нравоучительное повествование, долженствующее внушить читателю определенный эталон поведения, и как политический памфлет, в аллегорической форме высказывающий критику в адрес правящего государя.

Активная жизнь «Повести...» в рукописной традиции охватывает около двух веков — от последней четверти XVII до середины XIX в. В настоящее время известно шестнадцать ее редакций, подразделяющихся на многочисленные варианты и виды. Основная их группа появилась в 1680-х гг. Характерно, что в этот период редакторов почти не привлекают чисто литературные задачи; их волнуют идеологические проблемы. Исключение составляет лишь редакция, созданная Никифором Симеоновым (Симеоновская).

Никифор Симеонов (ум. в 1686 г.) был справщиком Печатного двора, чрезвычайно образованным книжником и владельцем огромной библиотеки, насчитывавшей не менее 300 рукописных и печатных фолиантов на разных языках. Он интересовался всеми литературными новостями и пользовался большим авторитетом в писательских кругах, хотя и стоял несколько в стороне от активной идеологической борьбы. «Повесть о царе Аггее» в Симеоновской редакции по своим художественным достоинствам — одна из наиболее значимых самостоятельных обработок сюжета о гордом царе. Симеонов свободно перестраивает сюжет, отказывается от книжных оборотов и от утяжеляющих действие эпизодов, заменяет их заново написанными сценами; яркость бытовых сцен, тонкое чувство слова у создателя повести, наибольшая цельность в передаче авторского замысла присущи этой редакции.

Основные редакции «Повести о царе Аггее» опубликованы в кн.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. В наст. издании печатается в редакции Никифора Симеонова по рукописи: *ГИМ*, Синодальное собр., № 294, л. 117—119.

Стр. 228. *...чтуще святое Еванъгилие... «Богатии обнищают, а нищии обогатѣют»...* — Отсылка к Евангелию, характерная для большинства вариантов «Повести...», ошибочна; здесь несколько искаженно цитируется Псалтырь, ср.: Пс. XXXIII, 11.

ПОВЕСТЬ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ

«Повесть об Андрее Критском» входит в группу древнерусских произведений, написанных на один из популярнейших сюжетов мировой литературы и фольклора — «Эдипов сюжет». В отличие от других произведений этой группы — «Повести о папе Григории» и «Сказания Иеронима о Иуде-предателе», восходящих к западноевропейским источникам, «Повесть об Андрее Критском» известна у восточных славян не ранее XVI в. Вопрос о ее происхождении пока остается открытым, хотя наиболее убедительной представляется гипотеза Н. К. Гудзия о том, что повесть — оригинальный русский памятник, в котором были творчески соединены многие популярные мотивы других произведений (Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. № 1. С. 3—30).

Важной особенностью «Повести...» является то, что сюжет о герое, убивающем отца и вступающем в брак с матерью, связывается здесь с именем византийского церковного писателя и православного святого — Андрея, архиепископа Критского. Каноническое житие Андрея при этом не имеет ничего общего с бурным и грешным жизненным путем героя повести. Источником «апокрифической биографии» архиепископа неожиданно становится его наиболее известное творение — «Великий покаянный канон», включенный в состав обязательных служб Православной церкви. В основу повести кладутся некоторые буквально понятые признания безымянного героя канона, прямолинейно отождествленного с самим его автором. Повесть, таким образом, оказывается как бы легендарной предысторией создания канона. Основная его идея — патетическая вера во всесильность раскаяния — также получает в повести рельефное, яркое и даже полемическое воплощение, неоднократно обыгрываясь в ходе повествования.

Сюжет «Повести...», полный драматических поворотов и полусказочных деталей, а также облик ее главного героя весьма далеки от агиографических канонов. Псевдожитие Андрея Критского находится явно на пути к занимательной новелле Нового времени.

Текст «Повести...», дошедшей в полусотне списков XVI—XIX вв., известен в шести редакциях и многочисленных вариантах. Древнейший список «Повести...», опубликованный Н. К. Гудзием в приложении к его статье, содержит очень краткое изложение событий без детализации и почти без прямой речи (сейчас *БАН Украины*, ДА/II. 581, к. XVI—XVII вв.). Эта редакция (краткая) сохранила многие черты архетипа памятника. Однако в XVII в. наибольшую популяр-

18 Зак. 3610

ность снискала другая распространенная редакция, известная во множестве вариантов. В настоящем издании текст печатается по списку: *РНБ*, Q. XVII.57, н. XVIII в. Он относится к третьему варианту распространенной редакции и впервые был издан Н. И. Костомаровым (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. II. С. 415—417). В выверенный (по микрофильму) текст внесено несколько исправлений по смыслу (обозначено курсивом).

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

Средневековый рыцарский роман о подвигах Бово д'Антона возник во Франции и в различных стихотворных и прозаических версиях обошел всю Европу. На Русь эта повесть попала сложным путем: в середине XVI в. в Дубровнике, славянской республике на берегу Адриатического моря, широко обращались издания соседней Венеции, в том числе и книги с итальянской версией романа о Бово д'Антона. Сделанный здесь (и не сохранившийся) сербскохорватский перевод стал в том же XVI в. источником белорусского пересказа. К нему в конечном счете и восходят все русские списки.

Первый раз повесть о Бове королевиче была упомянута в одном московском источнике второй четверти XVII в. Списки памятника относятся к еще более позднему времени. Однако есть все основания считать, что он стал популярным очень рано, о чем свидетельствует великорусский именослов. Так, среди «мирских имен» (или прозвищ) эпохи Ивана Грозного находим *Бову*: в середине XVI в. в Рязани жил некий *Бова* Семенович Воробин, сын боярский (дворянин) из захудалой, но старинной фамилии Шевлягиных, дальних родственников Романовых и Шереметевых (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 42). В 1590 г. с Терека в Москву приехал с грамотами пятидесятник *Бова* Гаврилов. Десять лет спустя патриарший сын боярский (дворянин, служивший патриарху) *Бова* Иванов из рода Скрипицыных сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь. В 1604 г. из Москвы в Нижний Новгород вез государеву грамоту некий *Лукопер* Озеров. К Смутному времени повесть прочно вошла в русскую культуру: это ясно из рукописного англо-русского словаря конца XVI в. врача Марка Рибли, служившего при московском дворе. К слову «a knight» (рыцарь) этот англичанин дает русский эквивалент «*личарда*», а Личарда — имя одного из персонажей повести. Она, быть может, сначала проникла в Московскую Русь в устной передаче и только позднее попала в письменность.

Из рыцарских романов и авантюрных повестей, вошедших в русскую литературу в допетровское время, на долю «Бовы королевича» выпал наибольший успех. Число известных нам рукописей, которые содержат это произведение, приближается к сотне. Кроме того, известно свыше двухсот лубочных изданий «Бовы» — последние из них выпускались даже после революции, в 1918 г. Отдельные сцены «Бовы» (картины боя Бовы с Полканом, с войском Маркобруна, с Лукопером, встречи Бовы с женой и детьми), а также портреты героя и Дружневны, Гвидона и Салтана изображались на многочисленных «забавных листах». «Бова королевич» перешел в русский фольклор, чему способствовала его близость к богатырской сказке.

Популярность «Бовы» предопределила сложность его литературной истории. Современные исследователи (см.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964) насчитывают пять рукописных редакций памятника. Он постепенно русифицировался и сближался с устным народным творчеством. Если белорусская версия была куртуазным романом со сложной интригой, на русской почве куртуазные черты ослаблялись и даже стирались. Лукопер стал похож на былинное Идолище, герои жили в теремах златоверхих и тешились соколиной охотой, Бова из европейского рыцаря превратился в православного витязя.

Повесть публикуется по списку конца XVII в.: *РНБ*, Q. XVII. 27, л. 365—403 об. (издан Ф. И. Булгаковым с многочисленными ошибками в кн.: Памятники древней письменности. СПб., 1879. Вып. I. С. 45—79), который по классификации В. Д. Кузьминой относится к 3-й редакции повести.

Стр. 236. *...и написала грамоту государю... королю Додону, пожаловать бы...* — Здесь очевидно влияние стиля канцелярского, приказного делопроизводства (ср. обычное заключение челобитных на царское имя: «Государь, смилуйся, пожалуй!»). «Пожаловать» в данном случае означает не «явиться самолично», не «придти», а «соблаговолить, почтить, наградить».

Стр. 238. *И гости-корабелщики послали ярышков...* — Слово «гости» (это высший слой купечества, см.: *ПЛДР*, 8, с. 636) вызывало у русского читателя определенные ассоциации, включавшие наряду с богатством контакты с иноземцами и дальние путешествия: «гости» выполняли казенные поручения по финансовым делам, вели заграничную, в том числе и заморскую, торговлю. «Ярыжками» (ярыгами, ярыжными) именовались не только бродяги и мошенники (ср. пословицу: «С ярыжкой поводиться — без рубахи находиться»), но и должностные лица низшего разряда, так называемые «земские ярыжки», которые наблюдали за порядком на улицах, использовались в качестве посыльных и т. п.

Стр. 239. *...промеж собою хотят смертныя чаши пити о Бовѣ.* — Это иносказание в соответствии со средневековым литературным этикетом, означает смертельную битву или смертельный поединок: «гости» с оружием в руках собираются решить, кто будет хозяином Бовы.

...300 литръ злато. — Литра — единица и веса (один фунт 72 золотника), и меры (12 мотков-цевок пряденого золота; золото и серебро продавалось не слитками, а цевками, литрами).

Стр. 240. *...а отроду Бовѣ семъ лѣтъ.* — Противоречие между детской немощью Бовы (ему не удержаться на скачущем коне и не справиться с тяжелым оружием) и его «взрослым» поведением (старшинство над конюхами, любовная история с Дружневной и т. п.) — это противоречие между реально-бытовым и этикетным изображениями персонажа. Согласно средневековому литературному этикету, после «посага на коня» (этот ритуал совершался в раннем детстве) князь изображался уже не как ребенок, а как взрослый человек.

Стр. 241. *...королевна на Бовинъ слѣдъ не могла насмотрѣтца.* — На Руси был распространен обычай колдовать по следу. След «заковывали» (втыкали в него гвоздь), чтобы вызвать хромоту; след «вынимали» (вырезывали землю или скребли пол) и нашептывали над ним — например, с целью «присушить», заставить сохнуть от любви; след «наговаривали» («насылали по следу»), насылая болезнь, порчу или опять-таки любовь.

Стр. 242. *...а промеж плечми мѣрная сажень.* — Встарь различали сажени *мерную* (*казенную, печатную*) — в 3 аршина, или 12 четвертей; *маховую* — в размах рук, по концы средних пальцев, в 2.5 аршина; *косую*, которая превышала мерную сажень, — от левой пятки до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки.

Стр. 247. *...превращу в свою вѣру латынскую и в нашего бога Ахмета...* — Объединение «латынства» (католицизма) и магометанства — не показатель невежества. Для человека Древней Руси, убежденного в истинности одного православия, «инославие» (неправославные христианские вероисповедания — несторианство, католицизм, лютеранство, кальвинизм и т. д.) уравнивалось с «иноверием» (иудаизмом, магометанством, буддизмом и проч.), объединяясь в понятие «безбожия». Ср., например, характеристику отрицательного героя в «Сказании о Мамаевом побоище»: он «еллинъ сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ» (*ПЛДР*, 4, с. 132). Мамай, ортодоксальный мусульманин, о чем знал каждый, представлен здесь и поклоняющимся олимпийским богам язычником, и еретиком-христианином, отрицающим почитание икон, т. е. вообще «безбожником».

Стр. 253. *...опахнулъ на себя шубу одевалную.* — Слово «шуба» обозначало не только верхнюю одежду, но также теплое одеяло (в костромских и вологодских говорах) и вообще покрышку для сбережения тепла (*шуба избы* — зимняя покрышка из соломы и навоза). Чтобы читатель не подумал, будто лежавший в постели Бова накинул на себя одеяло, слово «шуба» сопровождается определением «одевальная», которое сигнализирует, что речь идет именно об одежде.

Стр. 255. *...у церковнаго пѣния.* —Выражение «церковное пѣние» (и даже просто «пѣние», «пѣньé») — синоним выражений «церковная служба, храмовое богослужение». Русская православная традиция в отличие от западной предусматривала безусловный отказ от инструментальной музыки (исключая колокола).

Стр. 258. *...сорокоусты роздал.* — См. коммент. к с. 84.

ПОВЕСТЬ О ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

«Сказание о Еруслане Лазаревиче» — одна из популярных русских повестей XVII в., прочно вошедшая в круг народного чтения. Ее герой Еруслан, несмотря на свое иноземное происхождение (часть его приключений основана на восточном сказании о Рустеме, популярнейшем эпическом герое средневекового Востока), стал народным русским богатырем, подобным былинному Илье Муромцу или сказочному Ивану-царевичу, а сама повесть о его приключениях (первые дошедшие списки датируются 1640-ми гг.) стала превращаться (как и роман о Бове) в народную книгу. Существуют многочисленные переделки повести — лубочные и сказочные, разнообразные издания, бойко раскупавшиеся на ярмарках и доставлявшие много радости любителям приключений. «На Руси не одна одаренная богатою фантазией натура, подобно Кольцову, — писал В. Г. Белинский, анализируя стихотворения А. В. Кольцова и круг его юношеского чтения, — начала с этих сказок (с «Бовы» и «Еруслана». — *Н. Д.*) свое литературное образование». В творчестве русских поэтов XVIII—XIX вв., начиная с М. М. Хераскова, фигура Еруслана стала символом бесстрашия русского воина и «витязя» времени «чудесного века» князя Владимира (Н. Львов). А. С. Пушкин навсегда закрепил это представление о Еруслане своей поэмой «Руслан и Людмила». «Сказание о Еруслане Лазаревиче» имеет европейскую известность (текст лубочной версии был переведен на немецкий язык уже в 1831 г. и издан в Лейпциге для широкого читателя, а сказка о Еруслане, возникшая на основе повести, неоднократно переводилась на немецкий и чешский языки) и воспринимается за рубежом как выдающийся литературный памятник русского средневековья, наряду со «Словом о полку Игореве» представляющий героическую тему в национальной русской традиции.

Восточное сказание о Рустеме, богатыре персидского шаха Кейкауса (в тюркском варианте сказания герой носит имя Арслан, т. е. лев), было распространено в Персии и у народов Кавказа и Средней Азии с глубокой древности; уже в X в. сказание было обработано выдающимся персидским поэтом Фирдоуси и вошло в его эпопею «Шахнаме» («Книгу о царях»). На Русь сказание могло попасть также издавна, так как торговые контакты с Востоком существовали с эпохи Киевской Руси. Они стали особенно интенсивными в конце XVI в., когда усилились дипломатические связи Московской Руси с Персией (известие о знакомстве русских с именем Рустема датируется 1592 г.: с ним сравнивался царь Федор Иванович в грамоте шаха Аббаса), и вновь окрепли после кризиса Смуты. К этому времени и относится, по-видимому, письменная фиксация сказания о Еруслане, причем не исключено, что создатель русской версии был знаком с текстом Фирдоуси (возможно, в устном пересказе). Повесть сохранила имена основных действующих лиц «Шахнаме»: Уруслан (Еруслан, Еруслон) — это Рустем (Арслан), царь Киркоус (или Картаус) — шах Кейкаус, отец Еруслана Залазар Залазарович (или Лазарь Лазаревич) — это богатырь шаха Заль-Зар, «вещий Араш» — легендарный конь Рустема Рахш, и др. (особенно близки «Шахнаме» имена героев в первоначальном варианте текста — в списке 40-х гг. XVII в.: *РГБ*, собр. В. М. Ундольского, № 930). Два основных эпизода повести — освобождение Ерусланом шаха Киркоуса и его богатырей из темницы царя Данилы Белого и возвращение им зрения и бой Еруслана с сыном — также имеют близкие параллели в сюжете поэмы Фирдоуси. Кроме того, повесть использует мотивы, специфические для восточного сказочного фольклора: выбор коня из табуна, происхождение богатырского коня от коня морского и его повадки в бою, женщина-лебедь, переносящая героя из царства в царство, и т. д. К восточному фольклору восходит и ряд стилистических черт первоначального текста повести, например специальные термины-названия вооружения и деталей конского убора, некоторые поговорки Еруслана или «формулы»-характеристики героев. Однако, несмотря на эти восточные мотивы, литературная разработка отдельных эпизодов повести, как и сюжета в целом, зиждется на русском фольклоре (в повести принципиально иной, чем в «Шахнаме», исход боя отца с сыном: в «Шахнаме» богатырь убивает сына), имеет своим истоком художественный мир образов русской сказки и былины. При последующей обработке повести в XVII в. из нее исключаются мотивы восточной волшебной сказки, текст разрастается за счет стремления редактора к полноте описания: все герои получают имена, описание детализуется, разрабатываются новые эпизоды (история богатырской головы); Еруслан приобретает черты «романного» героя, действующего в духе героев городского «рыцар-

ского» романа. Одновременно эта новая редакция насыщается русскими эпическими и сказочными формулами, придающими ей законченный в стилистическом отношении вид и делающими повесть полностью «русской». Именно эта редакция XVII в. легла в основу всех последующих переделок произведения — рукописных и лубочных; она публикуется в настоящем издании по списку конца 1710-х гг. (*РНБ*, собр. Погодина, № 1773, л. 207—238), ранее изданному в кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. II. СПб., 1860. С. 325—339.

Стр. 260. *...во аграмаках...* — Т. е. в аргамаках; *аргамак* — конь-иноходец из породы крупных азиатских лошадей.

...ни единаго пѣнязя... — Т. е. ни одной монеты.

...седло черкаское... — Т. е. казачье; «черкасами» в XVII в. назывались запорожские казаки.

...по губамъ морскимъ — Т. е. по заливам морским.

Стр. 265. *Кондурия, Прондора, Мендора, Легия.* — Грецизированные имена героинь отсутствовали в первоначальном тексте и появились при последующих переработках повести книжником второй половины XVII в. аналогично тому, как это происходило в других повестях этого периода (ср. «Повесть о Василии Златовласом»). *Легия* — возможно, значимое имя от греческого глагола ληγω — сдерживать, унимать.

Стр. 266. *...во объѣждихъ головах.* — Объезжий голова — русский термин XVI—XVII вв. для обозначения начальника конного отряда, несущего службу по охране города.

Гоголь — утка-нырок.

Стр. 268. *...во бѣлой япанчѣ...* — Япанча — накидка, плащ.

...шляпа сорочинская... — Т. е. сарацинская.

Стр. 279. *Солнце мое равитцкое...* — Видимо, от «аравитцкое», т. е. аравийское; формула устнопоэтического происхождения.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ

«Повесть о Петре Златых Ключей» возникла при дворе бургундских герцогов в XV в. (Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964), и в основе ее лежит древняя итальянская легенда, связанная с островом Магелон у Средиземноморского побережья Франции (Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. Изд. подг.: Москалева Н. А., Пуришев Б. И., Френкель Р. В. М., 1986, с. 283—287). Россия узнала роман о Петре и Магелоне (таково его французское название) в середине XVII в. в польской обработке.

Рыцарский роман, и в частности «Повесть о Петре Златых Ключей», принес в старинную русскую литературу любовную интригу, благородную чувствительность героев, тему рыцарского подвига и рыцарского поведения (турниры, верное служение даме сердца), прославление красоты в героине и силы в герое, многочисленные приключения, часто грозящие героям гибелью. В повести также много элементов, присущих и авантюрно-приключенческому западноевропейскому роману: герои влюбляются друг в друга с первого взгляда, Петр скрывает свое происхождение и подлинное имя, тайным свиданиям влюбленных помогает наперсница-мамка Магилены, герой также тайно увозит королевну из отцовского дома, затем герои надолго разлучаются, а встретившись случайно, переодетые, не узнают друг друга. Под пером русских редакторов «Повесть о Петре Златых Ключей» приобрела еще и сказочный колорит, кроме того, подчеркнуто и богатырство Петра.

Сравнив русский текст «Повести...» с польским изданием, исследователи В. И. Резанов (Из истории русской драмы. Действие о князе Петре Златых Ключах // *ИОРЯС*. Пб., 1906. Т. 11. Кн. 4), а вслед за ним В. Д. Кульмина (Из истории русской драмы. Школьные действа XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910) отметили, что русский переводчик придал ей новые от-

тенки: вставил имя Петра в заглавие, тогда как в польском тексте указывалась одна Магилена, снял католическую окраску набожности обоих героев, по разным причинам сократил польский текст. Русский вариант — это «вольное, несколько сокращенное переложение польского оригинала».

Самый ранний из восточнославянских списков относится к 1660 г., а русский перевод — к 1662 г. Он выполнен переводчиками Посольского приказа во второй половине XVII в. В 90-е гг. XVII в. «Повесть о Петре Златых Ключей» вместе с другими «потешными книгами» читают маленькому царевичу Алексею Петровичу.

В XVIII в. повесть имеет широкое распространение в дворянской, мещанской, купеческой, а в XIX в. — в крестьянской и в солдатской среде. Вместе с «Повестью о Бове Королевиче» она входит в русский лубок.

В настоящем издании текст печатается по книге В. Д. Кузьминой «Рыцарский роман на Руси». М., 1964, в которой на с. 275—331 воспроизведен старейший полный список I редакции, 1702 г. (Киев, ЦНБ Украины, Муз. собр. 677/ДА 892, л. 227—346); все списки XVII в., как установила В. Д. Кузьмина, дефектны. Текст для настоящего издания заново сверен с рукописью, внесены некоторые поправки, устранены неточности. Принимается в основном членение текста на фразы, произведенное В. Д. Кузьминой, ее поправки затемненных и ошибочных мест русского текста, восстанавливаемые ею по польскому изданию «Повести...» (Краков, 1701). Однако сохраняются «неправильные» с точки зрения современной орфографии чтения рукописи там, где правильное чтение (падежные окончания, согласования) легко восстанавливаются по смыслу.

Стр. 281. *...кралю Неопалитанскому...* — Все географические названия в тексте, кроме городов Александрии и Рима, не находят прямых аналогий со сходными реальными названиями и носят фантастический характер. Можно предполагать, что действие развертывается по французскому, итальянскому и египетскому побережья Средиземного моря.

Стр. 283. *И велѣлъ здѣлать два ключа златые.* — Апостол Петр — страж райских врат, традиционно изображавшийся с ключами на поясе или в руках. Вот почему князь Петр выходит на рыцарский турнир в шлеме, к которому приделаны два золотых ключа, атрибуты его небесного покровителя. В эпоху Петра I возникла аллюзия имени главного героя с царским и апостольским одновременно.

Стр. 298. *Ланцылатъ* — один из героев рыцарских романов Артуровского цикла, рыцарь Круглого Стола (Ланцелот).

Стр. 311. *Воспомяни патриарха Иакова, въ какой жалости по сыне своемъ Иосифе былъ...* — Иаков — патриарх Ветхого завета, легендарный родоначальник «двенадцати колен Израиля». Имеется в виду библейское предание о том, как старшие братья продали в рабство любимого сына Иакова Иосифа, ставшего впоследствии фактическим правителем Египта.

...воспомяни жъ и Иева праведнаго... — Иов — ветхозаветный праведник, идеал долготерпения и покорности судьбе.

Стр. 319. *...накупила златоглавовъ... драгихъ поставовъ...* — Златоглав, поставы — шелковые и атласные ткани.

Стр. 326. *...ударили въ политавры и заиграли в шаломеи, и в ыные различные игры.* — Имеются в виду разные музыкальные инструменты, звучание которых сопровождало свадебное шествие.

ПОВЕСТЬ О БРУНЦВИКЕ

Во второй половине XIV в., в эпоху национального и государственного подъема, ознаменованного основанием в Праге, тогдашней столице Священной Римской империи, Карлова университета — первого университета в Средней Европе, комплекс литературных памятников на чешском языке пополнился прозаическим диптихом. Он объединил повесть о Штильфриде (ее не дошедший

до нас прототип был, видимо, сложен либо так называемым «безразмерным» стихом, либо рифмованной прозой) и повесть о Брунцвике (в ней использованы средневековые германские поэмы на тему «рыцарь со львом»). В результате объединения герои повестей были связаны родственными узами (чешский князь Штильфрид стал отцом князя Брунцвика) и общими целями: оба они стремятся к подвигам, дабы заслужить новые гербы. Смена гербов чешских государей (орел — лев), изложенная в повестях эпическими средствами и отнесенная к вымышленным князьям, соответствует исторической реальности. Древнейшая рукопись с диптихом датируется серединой XV в. (Университетская библиотека в Праге, XI. B. 4). Впоследствии, в XVI—XIX вв., повести печатались в пражских и провинциальных (чешских, моравских, словацких) типографиях, перешли в разряд «книжек народного чтения», переводились на немецкий и венгерский языки (см.: Kolár J. Česká zábavná próza 16. století a tzv. knížky lidového čtení. Praha, 1960).

Между тем в художественном плане две части диптиха — совершенно различные произведения. Первое представляет собой повествование о рыцаре без страха и упрека, который на великолепном турнире побеждает одного за другим двенадцать грозных соперников. Второе — это рассказ о полных опасностей странствиях, где в центре внимания оказываются описания фантастических островов и земель, сказочных чудовищ и волшебных замков. Интерес к экзотике и занимательности, столь характерный для русской литературы XVII в., обусловил обращение именно ко второй части чешского диптиха.

Большинство мотивов и ситуаций повести о Брунцвике находит аналогию в русской словесности. Таков мотив «муж на свадьбе своей жены», известный в Европе по крайней мере с «Одиссеи»: он присутствует в сказочной былине «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши». Здесь же мы встречаемся с узнаванием по кольцу (это излюбленный мотив сказок). В роли «благодарного животного» фольклор знает сокола, орла и ворона, медведя и коня, а также и льва. Лев — нередкий персонаж древнерусской литературы. Он верно служит авве Герасиму (легенда о нем входит в Синайский патерик в качестве 134 главы и встречается как самостоятельное произведение; эта легенда была обработана Н. С. Лесковым). В притче «О некоем вельможе» из «Римских деяний» (они вошли в круг русских переводов примерно в то же время, что и повесть о Брунцвике) герой спасает льва «из рва глубока» и получает в награду сокровища. В 1670-х гг. Симеон Полоцкий написал для сборника «Вертоград многоцветный» стихотворение «Лев». Это переложенная тринадцатисложником известная античная легенда Авла Геллия об Андрокле и льве. Меч «всем головы долой», который оказывается у Брунцвика, — фольклорный меч-самосек из разряда волшебных предметов (таким же мечом-кладенцом располагает и Бова). О песьеглавцах и карбункуле, «господине всех камней», идет речь в «Сказании об Индийском царстве». В «Александрии» говорится о зверях, стерегущих ворота, о магнитной горе и т. п.

Однако сюжет — это не простая сумма мотивов. До перевода повести о Брунцвике в русской литературе не было памятника, построенного исключительно на описаниях приключений человека в фантастических землях. Если переводная рыцарская беллетристика XVII в. говорит о взаимоотношениях людей и люди играют в ней главные роли, то здесь изображен грандиозный и вневременной конфликт — конфликт человека и природы. Он подчеркнут «значащими» именами (Еуропа, Африка) и осложнен тем, что герой странствует не только по земле, но и по преисподней (ономастикон повести недвусмысленно указывает на нечистую силу). Отсюда — рефлексия Брунцвика, его колебания и страхи, вообще не свойственные рыцарской беллетристике.

Самые ранние списки русского перевода относятся к третьей четверти XVII в. (в изданиях использовано в общей сложности 12 списков, см.: Петровский М. История о славном короле Брунцвике // ПДП, вып. 75. СПб., 1888; Polívka J. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře // Rozpravy České akademie. R. I, tř. 3, č. 5. Praha, 1892). Это — единственное указание на время перевода, которым мы пока располагаем. Сравнение с чешскими текстами показывает, что оригиналом перевода была, скорее всего, рукопись, архаичная по языку и достаточно близкая той версии, которая представлена в пражской Университетской рукописи XI. B. 4. Впрочем, вопрос об оригинале остается открытым, ибо не сохранились древнейшие чешские старопечатные издания, в том числе оломоуцкое 1565 г.

Ныне известно 35 списков русского перевода. В нем под пером редакторов и переписчиков стирался чужеземный колорит (опускались упоминания о гербе, «ческая» и «чешская» страна

превращалась в «некую», «великую», даже «французскую»). В XVIII в. повесть бытовала в демократической среде — в среде мелких чиновников, грамотных крестьян, ремесленников и дворовых, пономарей и дьячков. Тула, Новгород, Троице-Сергиев монастырь, Воронеж и Петербург, Москва и Псковская губерния, Тверь, Казань, Муром, Великий Устюг и Устюжский уезд — такова поистине «всероссийская» география распространения повести о Брунцвике.

Повесть печатается по старейшему и не публиковавшемуся ранее списку: *БАН*, 34.8.25 (л. 467 об.—485 об., 530—530 об.), который принадлежит к первой группе основного вида краткой редакции (см.: Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969. С. 102—105). Этот список сохранил много богемизмов — и в морфологии («помогл», «плове»), и особенно в лексике. Так, здесь говорится о «паньях и панах», в диалогах часто употребляется слово «пане» (звательная форма). Из других лексических заимствований из чешского оригинала укажем на «теж» (тоже), «торгатися» (чешское trhati se — драться, таскаться), «долов» (старочешское dolu-ov — вниз).

Этот список, однако, уже достаточно далек от архетипа русского перевода. Здесь немало механических ошибок (исправленных в публикации по другим спискам и по смыслу), разнобоя в именах персонажей, есть и стилистическая правка. Список, по-видимому, переписывал украинец или белорус, на что указывает регулярная путаница *ѣ* и *и* («мирами» вместо «мѣрами», «никѣй» и проч.). Она устраняется лишь в тех случаях, когда затрудняет понимание текста. Украинизмы (или белорусизмы) вовсе не означают, что повесть о Брунцвике позволительно включать в круг украинских переводов XVII в. (см., напр.: Колесса О. Погляд на історію українсько-чеських взаемин від X до XX в. В Празі, 1924, с. 6). Ни лексических, ни синтаксических украинизмов либо белорусизмов в повести о Брунцвике нет. Переводчиком ее был великоросс.

Стр. 327. *...моя милая Неомения!* — На латыни имя героини означает «новолуние».

Стр. 328. *...и волна силная...* — В оригинале vuoně silná (сильный запах).

Стр. 329. *...а словет ног.* — Чудовище с телом льва и орлиными крыльями, грифонес. Ног (русский фольклорный вариант «ногай») известен восточным славянам уже из древнейшего перевода Библии (Левит, XI, 13; Второзаконие, XIV, 12) и из «Александрии»: «Грифонес, еже есть ног, и того гнездо бяше ногово на 15 древ» (Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 188). В волшебных сказках типа «Золотая гора» чудовище называется иногда «птицей-львицей». Русский читатель XVII в. получал сведения о ней из азбуковников.

Стр. 332. *Тая гора бѣ славна, именуема Карванкулос...* — Имеется в виду карбункул, который в средние века считался «господином всех камней» («Сказание о Индийском царстве»).

...короля мѣста того Отлибриуса. — Имя короля (в оригинале Olibrius) заимствовано автором чешской повести из средневековой легенды о св. Маркете.

Стр. 335. *...в той своей скинии, алюбо в печери...* — Для русских читателей XVII в. скиния — это вовсе не пещера, а куща, сень, шатер, т. е. походная церковь израильского народа («святая святых»), которой он пользовался в скитаниях, до сооружения иерусалимского храма. В оригинале v té své jeskyni (в пещере). Переводчик прибег к транслитерации и тем самым исказил смысл, хотя текст понимал правильно.

...бродяше до пояса в гаду. — Очевидно, что в оригинале было v gedu (в яде, в отраве). Переводчик знал, что в чешском языке произошла перегласовка *a* в *e*, и правильно сделал обратную перегласовку, но не учел, что в старинной чешской графике *g* может читаться как *j*.

...яко великая кафа винная. — В оригинале был употреблен германизм (нем. Kufe — бочка). Для русских переписчиков этот фрагмент оставался камнем преткновения: в рукописной традиции встречаются невразумительные варианты «кафидина», «кохопутина», «кафадина».

Стр. 337. *Едини бо колют, а другии колибы дѣют, друзии тонцы водят...* — Здесь переводчик допустил ошибки: kolí означает «кружатся», а не «колют»; выражение «тонцы водят» отсылает к музыке (игре на струнном инструменте или пению), а в оригинале речь идет о танце (tancují). Сочетание «колибы дѣют» — видимо, вставка переводчика: он пытался изобразить беспорядочное веселье, которому предавались «Ашметове дияволи» (в оригинале Azmodeové d'ábli, асмодеи), их беспорядочное «колебание».

Стр. 338. *Мѣсто же то нарицаемо Ейбатамис.* — Здесь переводчик неправильно прочел *g* как *j* (в оригинале Egbatanis).

Стр. 339. ...*именем Клеофа.* — Это имя (Kleofáš, Clcophas) попало в чешскую повесть из чешской версии псевдокаллисфеновой «Александрии», где носящему это имя персонажу Александр Македонский дарует персидскую державу.

Стр. 340. ...*со единыя страны орла на красной земли, а з другия страны лва сѣрого на черной земли.* — В действительности гербы чешских князей выглядели иначе (черная орлица в серебряном поле и двухвостый серебряный лев в красном поле).

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ ЗЛАТОВЛАСОМ

Вопрос о происхождении повести и времени ее создания до сих пор остается открытым. В повести нет каких-либо достаточных языковых примет, чтобы более или менее достоверно определить ее происхождение. Единственное, что обращает на себя внимание, — это греческие имена героев, причем они соответствуют функциям героев в повести. Так, у греков прозвище Златовласый означало умного, благородного, красивого человека; и действительно, в повести все отмечают красоту и благородство «гусельника Василия». Имя королевы Полиместра в переводе с греческого означает «многосватанная, объект святовства», а ближайшие аналогии сохранившемуся в некоторых рукописях изначальному имени главного героя «Валамих», «Валамем», «Валаомем» (т. е. «отвергнутый» или «первый встречный, всякий желающий») также соответствуют функции героя. В то же время исторические и бытовые реалии повести, ее лексика не противоречат нашим представлениям о литературе конца XVII в. Несомненна связь повести с русским фольклором: в основе ее лежит сюжет сказок о разборчивой невесте, есть сюжетные совпадения с былиной о Соловье Будимировиче и Забаве Путятишне. Герой повести не только далек от рыцарских идеалов, он как бы противопоставлен им. За «смех свой» он воздает сторицею, предавая свою «прекрасную даму» публичному осмеянию. Вполне вероятно, что повесть была написана русским книжником, знакомым с греческим языком.

Известно восемь списков «Повести о Василии Златовласом»: семь Краткой и один Пространной редакции. Все они относятся к XVIII в. Текст публикуется по списку Пространной редакции (*РНБ*, собр. Погодина, № 1603, л. 168—217), изданному впервые И. А. Шляпкиным в ПДП, вып. XXXI. СПб., 1882.

ПОВЕСТЬ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

«Повесть об Аполлонии Тирском» является русской обработкой XVII в. популярного средневекового произведения, время и место возникновения которого точно не установлены. Ученые считают, что латинская «История Аполлония, царя Тирского» — не оригинал, а перевод или переделка несохранившегося греческого романа II—III вв. н. э. На это, по их мнению, указывают особенности сюжета, построенного с использованием многих мотивов позднеэллинистических романов (скитания героев, похищение морскими разбойниками, кораблекрушения, мнимая смерть, разлука любящих, эффект неожиданных встреч и т. д.), а также значимые имена действующих лиц, смысл которых понятен только с учетом их значения в греческом языке.

Традиция раннего романа требовала придать ему видимость действительной истории. Этим, вероятно, объясняется введение исторической фигуры царя Антиоха и использование, при указаниях на место действия, названий реально существовавших городов и местностей.

Одной из особенностей романа об Аполлонии является смешение в нем языческих и христианских понятий и представлений.

«История Аполлония, царя Тирского» была очень популярна в средневековой Европе. Она известна, например, латинской, испанской, новогреческой, английской, немецкой, голландской, венгерской, чешской, польской, русской и скандинавским литературам. Сюжет романа использовали в своих произведениях Шекспир, Лилло, Генрих Нейштадтский, Стефан Шолуха.

При переводе на другие языки латинская версия романа нередко претерпевала значительные изменения. Существенной переработке подверглась она и при переводе на чешский язык. Повествование стало значительно короче, утратились многие поэтические подробности, поведение героев по образцу рыцарских романов стало аффектным: они много плачут, падают в обморок, лобзают друг друга, произносят пространные патетические монологи. Чешская версия романа об Аполлонии была почти без изменений переведена в XVI в. на польский язык, а в середине XVII в. — с польского на русский в составе сборника «Римские деяния».

Не позднее 70-х гг. XVII в. русский перевод повести был основательно переработан, возникла дидактическая редакция произведения. Целью книжника-моралиста было перевести «Повесть...» в разряд традиционного «душеполезного» чтения. Основные приемы переработки приключенческого романа в дидактический таковы. Во-первых, повесть преподносится здесь не как занимательный приключенческий сюжет, интересный сам по себе, а как свидетельство всесилия и всеведения Бога — того, что ни один грех не остается без наказания, а за благочестие и смирение следует вознаграждение. Во-вторых, автор дидактической редакции использует агиографический метод изображения персонажей, который состоит в идеализации положительных героев с позиций христианской морали, наделения их христианскими добродетелями. Значительно изменен, например, характер Лучницы — супруги Аполлона. Если в первоначальной русской редакции героиня отличается независимостью, самостоятельностью, решительностью, то в дидактической редакции она мягче, добросердечнее, проявляет больше смирения и кротости. Наконец, переработка «Повести...» в дидактическое произведение отразилась на языке и стиле произведения: в новой русской редакции «Повесть...» пересказана намеренно архаизированным церковнославянским языком, «украшенным», экспрессивно-эмоциональным стилем, характерным для церковно-учительных жанров.

Текст дидактической редакции публикуется по рукописи: *РГБ*, собр. Беляева, 12 (1518), вт. пол. XVII в.

Стр. 358. ...*Антиох Великий* — Антион III Великий в действительности царь не греческий, а сирийский, правивший с 222 по 187 г. до н. э. Сообщаемые в романе факты его жизни: преступная связь с дочерью, убийство его молнией — литературный вымысел. Антиох III был убит в Элиманде местными жителями при разграблении его войсками храма бога Бела.

Антиохия Великая — Антиохия, древний город на Ближнем Востоке, некогда великолепная столица Сирийского государства. Антиохия была основана не Антиохом III, как сообщает повесть, а его дедом, первым сирийским царем Селевком Никатором (300 г. до н. э.), который и дал ей наименование в память своего отца Антиоха. В 1270 г. город был разрушен мусульманами до основания. На месте Антиохии находится сейчас г. Антакья.

Стр. 360. *Тир* — в древности знаменитый финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря. Разрушен мусульманами в 1291 г. На месте Тира сейчас находится г. Сур в Ливане.

Тарс — в древности главный город Киликии. Теперь — остатки поселения на окраине современного г. Тарсуса в Турции.

Пенязи — название серебряной монеты в Древней Руси.

...*образ его посреди града поставиша.* — Эпизод раздачи Аполлоном хлеба гражданам Тарса, пострадавшим от неурожая, и помощь в отстраивании города воспроизводит характерные черты греческой жизни первых веков н. э. Соответствует реальной действительности и сооружение на форуме («посреди града») статуи Аполлона за оказанную им щедрую помощь городу. Обычай отливать и ставить на площадях медные статуи основателям, восстановителям и благодетелям городов был широко распространен в то время.

Стр. 362. *Пентополь* (Пентаполь) — со времен Птолемеев название Киренаики с ее пятью городами. При римском владычестве вновь вошло в употребление прежнее название страны.

...шумерскими... науками утешается. — Шумеры, шумерийцы — древний народ, населявший Южное Двуречье. В первой половине II тысячелетия до н. э. шумеры и восточные семиты слились в один аккадский народ. Шумерский язык оставался в Двуречье языком науки и религии до II—I вв. до н. э.

Стр. 366. *Ефес* (*Эфес*) — город на западном побережье Малой Азии, основанный в XII в. до н. э. греками. От древнего Эфеса сохранились руины некоторых построек.

Стр. 367. *...упроси ю, еже стояти ей в болшей божнице вмѣсто богини или вмѣсто властелинии...* — Данное место искажено при переводе с польского на русский язык. В латинской повести Архистратида (Лучница) служит в храме богини-девы Дианы (в польской — в храме богини Весты) и в силу этого обязана соблюдать целомудрие.

В та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завещася. — Выражение скорби, традиционное для язычников.

Стр. 369. *Мельхин* — искаженное Мерсин — древний город в Малой Азии недалеко от Тарса. Сейчас — развалины близ современного г. Мерсин на юге Турции.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ И ЛЬВИЦЕ

«Повесть о царице и львице» — русская версия широко известного в европейской средневековой литературе сюжета о приключениях оклеветанной и изгнанной царицы и ее сыновей. Повесть возникла в России в 1673—1677 гг. как русский перевод польского рыцарского романа об Оттоне и Алунде; не позднее 1690-х гг. этот перевод был переработан. Заинтересовавший русского книжника новизной и занимательностью повествования, рыцарский роман в то же время не соответствовал полностью его литературным вкусам, пока еще довольно традиционным; поэтому и возникает повесть на тот же сюжет, но написанная по канонам древнерусской литературы. Фигура напрасно гонимой, страдающей, но испытывающей в конце концов на себе Божию справедливость царицы подходила для цели автора — на основе занимательного сюжета создать христианско-дидактическое произведение. Русский редактор исключает из повести о римском цесаре Оттоне и его цесаревне Алунде тему рыцарских подвигов героев, сокращает описания, диалоги и монологи, и в то же время умело использует агиографический метод изображения событий и персонажей, столь характерный для древнерусской литературы: в основе конфликта «Повесть о царице и львице» обязательный элемент житий — противопоставление добра и зла; герои житийно-условны, покорны воле Бога. Автор рассматривает жизнь своих героев как эталон нормы, вечный и повсеместный, и в связи с этим опускает личные и географические имена (некоторые позднейшие варианты повести нарушают первоначальную безымянность героев, наделяя их самыми разнообразными именами).

Сочетание дидактичности и занимательности обеспечило «Повести о царице и львице» долгую литературную жизнь: до нас дошло около 250 списков конца XVII—начала XX в. в сборниках агиографического состава, а также в сборниках, содержащих выписки из Месяцеслова, Пчелы, Измарагда, Звезды Пресветлой.

Текст публикуется по рукописи: *БАН*, 38.5.32, конца XVII в., исправления внесены по рукописи: *БАН*, Каргопольское собр., № 101, XVIII в.

Стр. 377. *...в палестинскихъ странахъ...* — Место действия, которое выбрал русский книжник для своей повести, традиционно для патериков и прологов.

Стр. 378. *Сигъклит* — синклит — здесь: приближенные царя.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ВАСИЛИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

«Сказание...» — памятник демократической беллетристики рубежа XVII—XVIII вв., известный по единственному списку середины XVIII в. Первый издатель и комментатор «Сказания...» В. В. Сиповский (Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905) полагал, что «Сказание...» — поздняя «русская народная переделка» иноземного текста, однако анализ текста повести обнаруживает ее исконно русское происхождение. Автор повести — начитанный книжник: «Сказание...» сохранило следы его знакомства с популярными на Руси историческими сочинениями о византийском иконоборчестве и об осаде Царьграда (Константинополя), с легендарными рассказами о поругании христианских святынь и их чудесном избавлении; близки ему также народные представления о царе-мучителе и об идеальном царе, о героях-разбойниках, спасших государство, о поединке, который должен решить судьбу города, о чудесном богатырском коне, и др. В «Сказании...» отразилась (в переосмысленном виде), по-видимому, реальная историческая действительность конца XVII—начала XVIII в.: напряженные русско-турецкие отношения несколько раз приводили к военным действиям. Мажорный конец повести — победа «молодого царя», ряд других идей и деталей текста (водружение «столпов», предсказание царице Ирине перед рождением сына о нем как о победителе «бусурманов» и др.) напоминают об исторической ситуации конца XVII в. (взятие Азова в 1696 г.) и позволяют предположить, что эти мотивы «Сказания...» навеяны азовской победой Петра I и ее триумфальным празднованием (см.: Демкова Н. С. Стилистическая «пестрота» народной беллетристики рубежа XVII—XVIII вв. (Сказание о царе Василии Константиновиче) // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 182—192). Повесть публикуется по списку: *РГБ*, ф. 236, № 71, л. 9—20 об.; очевидные пропуски текста отмечены многоточием в угловых скобках.

Стр. 390. *...в... градѣ Костентине...* — «Костентин-град» — не имеет реального соответствия, выступая как «заместитель» захваченного турками Царьграда — Константинополя.

...имя ему Костентинъ. — Имя царя соответствует имени «младого Константина», о котором повествовал Русский Хронограф и различные выборки из него: это Константин VI, восстановивший (вместе с матерью императрицей Ириной) иконопочитание на VII Вселенском соборе в Никее (797 г.); ср. в русской былине имя «царь Константин Боголюбович» (былина «Илья Муромец и царь Константин Боголюбович»).

...царь Долматъ Евсеѣвичъ! — Имя царя напоминает о персонаже популярной в XVII в. «Повести о Еруслане Лазаревиче», а отчество его могло быть навеяно духовным стихом «О Голубиной книге», где фигурирует царь «Давид Иесеевич».

...ростомъ трех сажень... — Эпическая формула описания богатыря противника, напоминающая описание Идола Скоропеевича в тексте «Сказания о киевских богатырях».

...три черкашенина наемные... — «Черкасами» в конце XVI—XVII в. именовали «заднепровских» казаков, тогда выступавших — в качестве союзников крымского хана — враждебно по отношению к московскому правительству; счет «три» — эпический.

...на Сионских горах... — В фантастическом «географическом» мире «Сказания...» центр православия «Костентинъ-град» находится среди священных библейских гор (Сион — название одного из холмов, на которых расположен Иерусалим).

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ

«Слово о благочестивом царе Михаиле» создано русским автором в середине XVII в. и является одним из первых опытов свободного варьирования на исторические темы. Автор прекрасно ориентируется в греческих хрониках — в том виде, в каком к середине XVII в. они существовали на Руси. Судя по ряду деталей, автор пользовался, скорее всего, русским переводом Хроники Георгия

Амартола (возможно, что он знал ее лишь по какой-либо из древнерусских исторических компиляций).

Герой повести византийский царь Михаил (842—867) был известен древнерусскому читателю по хроникам Зонары, Георгия Амартола, Манассии, по русским хронографам, Никоновской летописи и Степенной книге. Его характеристика, как правило, однозначна: недаром он получил прозвище Пьяницы, а греческие историки говорят о его попойках, самодурстве, увлечении конями. Однако об отрицательных чертах Михаила ничего не говорится, царь традиционно изображается «благочестивым», славным «во всех странах» и не имеет почти ничего общего со своим историческим прототипом. Мало этого: рассказ о воцарении «извозданика» Василия, прототипом которого также был реальный византийский император Василий Македонянин (867—886), приближается к типу сочинений об узурпаторах престола, хитростью или коварством занявших место истинных правителей; в этом контексте Михаил предстает невинной жертвой. Может быть, мольба царя в сцене убийства навеяна и русскими памятниками («Повесть об убийстве Андрея Боголюбского», «Сказание о Борисе и Глебе»).

«Слово о царе Михаиле» наполнено русскими реалиями, характерными для московского быта XVI—XVII вв.: пребывание царя у литургии и заутрени, стрельцы как царская охрана, «князи и бояры» как приближенные царя. Михаил принимает Василия, сидя на престоле, а последний для сообщения о смерти царя велит соорудить «столп», подобный московскому Лобному месту. От русской сказки несомненно типичная ритмичность речи, внутренняя рифма, гиперболы, общий зачин, а также награда Василию за подвиг — полцарства.

«Слово о благочестивом царе Михаиле» опубликовал Сперанский по рукописи: *РГБ*, собр. Ундольского, № 942, сер. XVII в. (Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в. // ТОДРЛ. Т. 1. С. 161—164. Л., 1934). Печатается по той же рукописи.

Стр. 395. *...Московские области извозникъ нѣкто, имянем Василей...* — Московские — явная ошибка русского писца, должно быть Македонские; Василий, исторический прототип будущего императора, происходил из македонских крестьян и, основав на византийском престоле македонскую династию, получил у потомков прозвище Македонянин.

...вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда... — Для истории Византии характерно одновременное правление двух императоров, о чем русские читатели знали из многочисленных исторических хроник и компиляций. Обещание не только поделить престол, но и отдать «половину Царяграда» сходно с типичным сказочным мотивом «отдать половину царства».

СКАЗАНИЕ О ДРЕВЕ ЗЛАТОМ И О ЗЛАТОМ ПОПУГАЕ

«Сказание о древе златом и златом попугае» создано в середине XVII в., возможно, тем же автором, что и «Слово о благочестивом царе Михаиле». Для него также характерно свободное отношение к источнику, вольное варьирование разнообразных мотивов, ориентация на сказовый стиль и русский фольклор; героями повествования также являются императоры Царьграда, образы которых столь же далеки от их исторических прототипов.

Основным источником для автора «Сказания...» послужила византийская история в переложении Русского Хронографа. Именно там сохранился наиболее подробный рассказ о создании императором Феофилом золотого дерева с драгоценными птицами и о его сыне царе Михаиле, который, пропив все богатства отца, разломал под конец чудесное дерево (см.: ПСРЛ. СПб., 1911. Т. XXII. Ч. I. С. 338, 342, 349). Однако царь Михаил в «Сказании...», как и в «Слове...», изображается благочестивым, мудрым правителем и не имеет ничего общего с реальным императором. В «Сказании...» на Михаила перенесены положительные черты его отца, ему приписано и сотворение золотого дерева. Отрицательные же черты исторического Михаила, его неблаговидное поведение переданы вымышленному царю Левтасару, поскольку реально сменивший Михаила на престоле

Василий Македонянин по чертам характера и поступкам не подходил к образу нечестивого наследника.

Источником для второй части «Сказания...» послужил широко известный древнерусскому читателю ветхозаветный сюжет о пророчестве царю Валтасару (Книга Даниила, гл. V).

Это не случайно, в большинстве хроник распутный Михаил сравнивается с вавилонским царем Валтасаром. (Видимо, имя Левтасар — видоизмененное Валтасар). Третья часть «Сказания...» — об убийстве Левтасара Дарием Мидянином (лишь упомянутым в Книге Даниила) — скорее всего, сочинена автором.

Столь смелое соединение сюжетов, традиционно закрепленных в определенном историческом контексте и не связанных между собой, — новаторство в русской литературе XVII в. Таким путем создается то, что позднее получит название «исторической беллетристики».

«Сказание...» получило довольно широкое распространение. Особый вид его представляют списки XVIII в., где появляются мелкие детали, иногда объясняемые большей близостью к источнику. Однако, как правило, подобные детали вторичны и связаны с позднейшей «логизацией» повествования.

На основе третьей части «Сказания...» была создана особая повесть «О царе Валтасаре Вавилонском», где нет речи о золотом дереве, а ветхозаветный сюжет дополняется рассказом о убийстве грешного царя собственной стражей.

Два варианта «Сказания о древе златом и златом попугае» опубликованы: Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 164—170.

В настоящем издании печатается наиболее ранний вариант «Сказания...» по рукописи: *РГБ*, собр. Ундольского, № 943, XVII в.

Стр. 399. *И повелѣлъ в вестовой колоколъ звонить...* — Вестовой — видимо, вечевой колокол, собиравший в Новгороде и Пскове горожан на общее собрание — вече.

ПОВЕСТЬ О КОРОЛЕВИЧЕ ВАЛТАСАРЕ

Повесть о королевиче Валтасаре была создана на рубеже XVII и XVIII вв. Три ее основных эпизода встречаются по отдельности или в разных взаимосочетаниях во многих памятниках мировой литературы и фольклора, наиболее известными среди которых являются вступительный рассказ «Тысячи и одной ночи» о царе Шахрияре и его брате Шахземане, новелла об Астольфе и Иоконде в «Неистовом Роланде» Л. Ариосто (песнь XXVIII), новелла из сборника Дж. Серкамби (XV в.). Судя по всему, русский автор впервые установил четкую последовательность всех трех эпизодов в едином повествовании, где функциональные места обманутого, обманщицы и обманывающего занимают разные действующие лица в ситуациях все более и более необычайных, благодаря чему читатель все глубже погружается в атмосферу женского коварства. Повесть вобрала в себя все возможные варианты сюжета о женских изменах, став своеобразной его «энциклопедией».

Отсутствие конца в единственном сохранившемся списке повести позволяет только предположить характер ее развязки. Судя по всем известным вариациям данного сюжета, герой должен признать «непобедимость» женщин в их стремлении к изменам и примириться с собственной женой. Повесть о королевиче Валтасаре занимает промежуточное положение между средневековой традицией обличения «злых жен» (рудиментом чего является цитата из слова Иоанна Златоуста) и новеллистикой ренессансного типа с новым изображением земной любви и женского характера.

Повесть о королевиче Валтасаре была опубликована Н. К. Пиксановым по рукописи *РГБ*, собр. Пискарева, № 172 (Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 86—92). В наст. изд. публикуется по той же рукописи.

Стр. 406. *О, зло всего злее... злоязычною и пронырливою.* — Цитата из слова Иоанна Златоуста о злых женах (Пролог под 20 июля).

ПОВЕСТЬ О ПЕРСТНЕ

Повесть о перстне представляет редкую для древнерусской литературы обработку мирового сюжета, известного после баллады Шиллера под названием «Поликратов перстень». Ранее мотив предмета, найденного в рыбе, не играл самостоятельной роли, а главное — не был связан с *потерей* (случайной или нарочитой) этого предмета. Двучастный мотив (потеря предмета и его находка) встречается прежде всего в переводных памятниках и, возможно, пришел к нам в XVII в. из западных литератур, где он значительно более распространен. Публикуемый памятник — единственно известное до сих пор произведение, специально трактующее этот сюжет.

Повесть о перстне сохранилась в двух версиях (обе — XVII в.) под названиями: «Притча о истинне господине» и «О вельможи цареве». Сюжетная схема их полностью совпадает, и вторая, вероятно, явилась обработкой «Притчи». В «Притче» внимание автора сосредоточено на философских вопросах отношений владыки земного (царя) и небесного («истинна господина», т. е. Бога). В повести о вельможе внимание перемещено на отношения царя и мудрого советника.

Текст «Притчи о истинне господине» опубликован В. П. Адриановой-Перетц по рукописи конца XVII в. (Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской повести XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 199—202). Повесть «О вельможи цареве» публиковалась по списку *РГБ*, собр. Шибанова, № 132, л. 85 об.—86 об., последней четверти XVIII в. (см.: Ромодановская Е. К. К истории сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 400—404). В наст. изд. публикуется по недавно обнаруженному списку *ГИМ*, Синодальное собр., № 908, л. 51—53.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ГАЗИЕ

Повесть о царе Газие, созданная в середине 1640-х гг., представляет наиболее ранний опыт обращения к библейским сюжетам в чисто художественных целях и использования их для создания беллетристических сочинений. Ее автор использовал ветхозаветный рассказ о царе, не поверившем слову пророка (см. 4 Цар., гл. VI—VII), введя ряд русских реалий и сюжетных изменений. Так, имя главного героя явно навеяно образом прислужника пророка Елисея Гиезии, который в древнерусской литературе служил символом корыстолюбия. С обличением неправого богатства, к которому стремится герой повести, собирающий деньги за чудесно явившийся хлеб, связано и имя пророка Аггея: ему приписано одно из самых распространенных слов в обличение «златолюбивых».

Три сохранившихся списка «Повести о царе Газие» представляют три особые редакции памятника. Наибольший интерес представляет вторая редакция, сложившаяся не позднее 1680-х гг. Она отличается наибольшей цельностью, освобождением от противоречивости первоначального источника, усилением антицаристского аспекта всего сочинения: подчеркнуты не только корыстолюбие и скупость Газии, но и его «гордость».

Тексты «Повести» по всем известным редакциям опубликованы в кн.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985. В наст. изд. печатается текст второй редакции по рукописи *РГБ*, собр. Большакова, № 88, л. 96 об.—98, 1680-х гг.

Стр. 410. *...по 4 пулы твоя кадь пшеницы...* — Пуло, или пул — разменная медная монета очень малой ценности, чеканившаяся в XV в. в ряде городов на Руси; в текстах XVII в. употребляется как символ ничтожной стоимости. *Кадь* — традиционная древнерусская мера сыпучих тел, лишь в XVII в. заменяемая четвериком; на окраинах государства кадь употреблялась вплоть до 1630—1640-х гг.

Стр. 411. *...на цареве мере...* — Понятие «царевой меры» связано с политикой русского правительства XVI—XVII вв. по введению единой системы мер; соответствие меры принятому образцу удостоверялось царской печатью.

СЛОВО О СУДЬБАХ БОЖИИХ

«Сло́во о судьбах Божиих, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут прейти» сохранилось в единственном списке первой трети XVIII в. Оно относится к беллетристическим повестям о «проверке Писания», широко распространенным в литературе XVII в., что подчеркнуто вынесенной в заглавие цитатой из Евангелия. Для повести характерно оригинальное сочетание фольклорных и книжных традиций: исконная правота евангельского текста доказывается разработкой чисто сказочного сюжета, напоминающего сюжет «спящей царевны» (предсказание грядущих бедствий при рождении ребенка, безуспешные попытки родителей избежать их, волшебное исполнение предсказанного). Чисто сказочный мотив ворона, крадущего, а затем возвращающего драгоценный камень, соседствует с книжными элементами, созданными под влиянием официального законодательства (мотив «бесчестия» и наказания «бичом по нагому телу») и реалий нового времени (бочка с порохом — «зелием»). Индивидуальным авторским творчеством можно объяснить эпизоды с философом «на златом ковре» и торжественное описание посольства, везущего царскую дочь.

Повесть послужила основой для сказки, дважды записанной на Пинеге и получившей название «Царевнина Талань» (талань — судьба), см.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (736В*).

Повесть публикуется по списку *ГИМ*, собр. Забелина, № 510, л. 14—17, ранее издававшемуся: Ромодановская Е. К. Неизвестная повесть-сказка в рукописном сборнике XVIII века // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 234—241.

Стр. 412. *...небо и земля ... не имут преитти.* — Ср.: Мф. 24, 35; Мр. 13, 31.

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ И ПОХОЖДЕНИЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

«Повесть о рождении и похождениях царя Соломона» — оригинальное русское сочинение второй половины XVII в. В повести объединены два наиболее популярных в мировой литературе сюжета, берущих свое начало в древнейших индийских сказках. Один из сюжетов представляет собой рассказ о рождении Соломона, его изгнании из дома, долгих скитаниях по чужим землям и о возвращении в родительский дом, другой — о женитьбе Соломона и похищении его жены. Каждый из этих сюжетов имеет самостоятельное развитие в устном народном творчестве и древнерусской литературе. Так, сюжет, связанный с умыканием Соломоновой супруги, нашел свое решение еще в двух повестях, широко распространенных в русской рукописной традиции XVI—XVII вв. Первая из них — «Повесть о царе Соломоне и Китоврасе» — рассказывает о похищении Соломоновой царицы мифическим существом Китоврасом; вторая — «Повесть о Соломоне, его жене и Кипрском царе» — широко известная в средние века у южных славян, а в XVI—XVII вв. и на Руси — называет похитителем царя Кипрского.

Известна письменная фиксация сюжета о рождении Соломона и его судьбе до женитьбы (см.: *РНБ*, собр. Погодина, № 1612, л. 154—155), хотя более популярен этот сюжет был в устной традиции (см. записи сказок: Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 206—221; Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915. С. 203—206; Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок. Пг., 1917. С. 282—285; Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 99—108, и др.).

Автор «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» совместил и обработал два сюжета, уже имевших в XVII в. свою письменную историю. (Подробнее о происхождении этой повести см.: Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. (Характеристика редакций) // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 257—273).

Повесть о рождении и похождениях царя Соломона стала в XVII в. самым популярным сочинением среди сказаний Соломонова цикла. Многочисленные ее переделки (XVII и XVIII вв.) были в основном направлены на усиление фольклорной струи (см.: Титова Л. В. Фольклорные обработки XVIII в. Повести о рождении и похождениях царя Соломона // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 209—251).

Текст «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» печатается по одному из наиболее ранних списков (посл. четверть XVII в.) — *РГБ*, собр. Ундольского, № 632, л. 143—164 об. Исправления вносятся по списку: *РГБ*, собр. Румянцева, № 363, л. 418—439 об.

ПОВЕСТЬ ОБ АСТРОЛОГЕ МУСТАЕДДЫНЕ

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» переведена с польского языка в 70-х гг. XVII в. Как установила польская исследовательница Элиза Малэк, оригиналом для перевода послужило произведение польского шляхтича Кржиштофа Дамианеуса, написанное в 1596 г. Автор несколько лет провел в турецком плену, знал историю Турции, бывал в Константинополе (Стамбуле), был знаком с турецкой литературой. Возможно, что «Повесть об астрологе» создана на основе турецких легенд (Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 242—258).

В 70-х гг. XVII в. Турция начинает войну против Польши и России. Русская дипломатия пыталась создать антитурецкую коалицию, заключив союзы с Польшей, Священной Римской империей (Австрией), южногерманскими княжествами, Венецией. Однако из-за внешнеполитических противоречий между этими странами антитурецкая лига не состоялась, и в войне 1677—1678 гг. за Украину Россия оказалась один на один с Турцией. В этой обстановке появилась в русской литературе «Повесть об астрологе» — антитурецкое политическое произведение, внушающее читателям мысль о необходимости объединения государств против общего врага и предсказывающее сокрушение Турецкой империи в войне с северными соседями — Московским и Польским государствами. Таким образом, перевод «Повести об астрологе» выполнял агитационно-публицистические задачи и, возможно, был сделан в Посольском приказе по поручению царского двора. Кроме того, повесть отвечала познавательно-историческим интересам русских читателей, сообщая сведения о турецких султанах и событиях турецкой истории. Читателя того времени интересовала и астрология, с которой в его представлениях связывалась возможность предсказаний и пророчеств. Политические идеи произведения были поданы в занимательной беллетристической форме.

В списках XVII в. повесть содержит немало полонизмов, а вирши, с которых она начинается, передают синтаксические особенности польского стихотворного эпиграфа. В списках XVIII в. полонизмы устраняются, относительно равносложные вирши сменяются неравносложными стихами с русским порядком слов: «Всегда предкове наши собранием на волка ходили, // Его же так удобне ловили. // Сим образом христиане вкупе на турка идите, // Аще вы жити мирно хотите».

«Повесть об астрологе Мустаеддыне» нашла себе место не только в древнерусской литературе, но и в литературах XVIII, XIX и даже начала XX вв. Интерес к этому тексту возникал периодически при обострении русско-турецких отношений. В этих поздних обработках из «Повести...» полностью исчезает упоминание о Польше и все предсказания о государстве, которому суждено победить Турцию, относятся только к России.

Научное издание «Повести об астрологе Мустаеддыне» осуществила Элиза Малэк по списку: *РНБ*, собр. СПб. Духовной академии, № 302, 70-х гг. XVII в. (ТОДРЛ. Т. XXV. С. 254—258).

Настоящее издание подготовлено по этому же списку с небольшими исправлениями по списку: *БАН*, собр. Архангельской семинарии, № 228, XVII в.

Стр. 422. *Сулиман, салтанъ турской...* — Сулейман I (1520—1566), известный в Европе под прозванием Великолепный, а у турецких историков названный Эль-Кануни (Законодатель). Его царствование было временем наибольшего военного могущества Турции. При нем были завоеваны юг Венгрии, остров Родос, Тунис, Триполи, Багдад, Грузия, часть Азербайджана.

...нынѣшнему Махмету-салтану... — Правнук Сулеймана I, Магомет III (1593—1603). Вступив на престол, казнил девятнадцать своих братьев. В его правление Турецкая империя начала клониться к упадку.

Стр. 422—423. *Сыгерѣ-град взялъ, тогда духовную написав... Тѣмже повелѣваю и увѣщеваю, дабы есте никогда на польской народ не наступали...* — При осаде венгерской крепости Сигета Сулейман I умер, а крепость была взята великим визирем Соколлу Мехмет паша Тавил. Рассказ о завещании Сулеймана не лишен исторической основы: Сулейман в 1521 г. принял послов Венеции, России и Дубровника. Послу Василия III Третьяку Губину было обещано, что крымский хан не будет беспокоить Московское государство набегами.

Стр. 423. *...со Вѣденским королем...* — В эти годы главой Священной Римской империи Габсбургов со столицей в Вене (Ведне) были Максимилиан I (1564—1576) и Рудольф II (1576—1612).

...салтанъ Муратъ... — При Селиме II (1566—1574) и его сыне Мураде III (1574—1595) Турция постепенно теряет свои позиции мощной военной державы.

...дѣдъ его, учинил жены своея ради (яже бѣ от рода росийскаго, дщерь священника из Рогатына). — Хоррем-Султане, мать Селима II, по свидетельствам европейцев, была пленной украинской поповной по имени Роксолана из г. Рогатына, находящегося к юго-востоку от Львова.

Стр. 424. *...в Скутарѣ-градѣ, иже древле нареченъ бяше Калкидонъ, положениемъ сопротивъ Констянтинополя...* — Ускюдер (Скутари) — часть Стамбула, расположенная на азиатском берегу Босфора. В античные времена на этом месте находился город Халкидон.

...нѣсколько сот людей адямальгланъ.. — Слово «адямальгланъ» (в другом случае — «адямагдаланъ»), по-видимому, искажено, однако в нем можно узнать турецкое словосочетание: «имя их рабочая скотина» (перевод А. Д. Желтякова). Судя по тексту, речь идет о рабах-христианах. В Турции большое количество этих рабов было украинцами: часть пленных, захваченных крымскими татарами в набегах на Украину, отправлялась как обязательная дань султану. Пленные использовались на тяжелых работах в садах, на пристанях, на галерах.

...на двѣ копии. — В рукописи на полях к слову «копии» дано пояснение «пики».

...зѣло великих мѣдных круглых колес... на образ глобуса... — Древний астрономический инструмент армиллярная сфера, или армилла, составленная из нескольких металлических кругов или обручей, соединенных между собой шарнирами.

Стр. 425. *...ѣхалъ морем... к Черьному морю во Азии...* — По-видимому, автор так называет Босфор, на берегу которого в пригороде Стамбула находятся дворцы и сады.

...когда Османъ-пашу персиды побили под Тивириемъ-градом столнимъ персидские земли... — Не ясно, о каком событии идет речь. Тивирий — город Тебриз, столица Персии с 1358 г. до середины XVI в. При Мураде III в 1590 г. шах Аббас заключил мир с турками, уступив им Азербайджан с Тебризом. Но при Магомете III в войне 1603 г. турки потерпели несколько серьезных поражений и должны были вернуть Персии Тебриз и некоторые другие территории.

Стр. 426. *...доколѣ в мирѣ сохранишъ и перемирье содержишъ сь единым народом в сосѣдствѣ оттуду, от полунощи, идѣже восходитъ колесница небесная... убо какъ скоро тѣ приобщились бы к людем и к народу себе ближнему, от полунощи к востоку живущему...* — Мустаеддын иносказательно говорит о Польше и России.

...и тако кончину и послѣднее падение в году 1591-м быти разумѣли тому государству, в то время, егда салтанъ турской посылал войско свое зъ беглербегом грекомъ до Снятина... — Беглербег, или беглербей, правитель турецкой или персидской области; Снятин — Снятынь, город на левом берегу реки Прут. О каком походе говорит автор, установить не удалось.

ПОВЕСТЬ О ПОРТУГАЛЬСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Время создания «Повести о португальском посольстве» — конец XVII—начало XVIII в. Последний исследователь «Повести...» (см.: Малэк Э. О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в Португальской земле» // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria. 1988. Т. 22. С. 7—16) доказывает, что это произведение «принадлежит к памятникам русской оригинальной прозы». По своему характеру «Повесть...» относится к популярному в средневековье жанру вопросо-ответной литературы. С одной стороны, что отвечает традициям вопросо-ответного жанра, в «Повести...» большое место занимают схоластические остроты, но, с другой — и по построению, и по содержанию целого ряда эпизодов она носит сказочный характер. Несмотря, однако, на сказочность «Повести...», анализ ее источников, проведенный Э. Малэк, убедительно показывает книжный характер произведения. О возникновении «Повести...» в среде русских книжников наглядно свидетельствует загадка о письме и книге, в разгадке которой говорится, что киноварью начальные буквы и строки особенно любят писать на Руси.

Повесть сохранилась в трех списках XVIII в. По одному из них (сборник первой половины XVIII в. *БАН*, 13.6.8; собр. Яцимирского, № 37, л. 1—39) она была издана: Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905. С. 268—284. В наст. издании текст печатается по этому же списку. Исправления ошибок этого списка, обозначенные курсивом, сделаны по списку *БАН*, 21.8.34. (Все три списка «Повести...», как вполне обоснованно считает Э. Малэк, восходят к одному протографу).

Стр. 428. *Бранденбург* — одно из крупнейших княжеств средневековой Германии.

Никастрата — аркадская нимфа, прорицательница.

Стр. 432. *Кто не родився умре?* — Адам.

...в матернѣ чрево вниде. — Адам, созданный Богом из земли, был погребен в земле.

Кто есть той человѣкъ, ниже с небеси сниде... а человѣк бысть. — В вопросе и ответе имеется в виду Ева: она вторая после Адама и создана Богом из его шестого правого ребра.

Кто родися не умре? — В вопросе и ответе имеется в виду Богородица: рожденная людьми, она была взята во плоти на небо.

Стр. 433. *Кто преждѣ Адама со брадою сотворен бѣ?* — Козел. Иносказательный смысл ответа, в котором говорится о рыбах, неясен.

Стр. 434. *...что есть: стоить море на пяти столбахъ...* — Смысл загадки — чаша с вином, которую держат на пяти пальцах.

Стр. 441. *Что есть: стоитъ древо бес корения... сытъ не бываетъ?* — Смысл загадки: дерево — земля; цветы — люди; корыто — могила; птица — смерть.

ПОВЕСТЬ О РАЗУМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

Повесть состоит из двух коротких новел (притч), основанных на восточном фольклоре. Оба сюжета были включены в конце XVII в. в «Книгу мудростей и лжи» мусульманского кавказского писателя Сулхана Сабы Орбелиани (1658—1725), состоящую из собранных им народных повестей и притч. Рассказ о двух совах широко распространен в азербайджанском фольклоре и зафиксирован в классических бейтах великого азербайджанского поэта XII в. Низами, в его эпосе «Сокровищница тайн» («Рассказ о шахе Хосрове Нуширване и его везире»); текст повести весьма близок тексту Низами (см.: Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Баку, 1947. С. 56—59 / Пер. М. Шагинян). В раскрытии основной идеи фольклорного источника (похвала человеческому разуму, помогающему людям защитить свое достоинство в условиях деспотического правления, похвала мудрому — «золотому» — слову, спасающему человеческую жизнь) повесть близка таким выдающимся памят-

никам переводной и оригинальной русской литературы XI—XVI вв., как «Повесть об Акире Премудром» и «Повесть о Петре и Февронии», также выросшим на основе эпического нравственного идеала. Время написания повести может быть определено лишь приблизительно как начало XVII в. (один из двух известных списков повести датируется 1629—1640-ми гг.). Заглавие повести, имеющееся в списках («От книг бытей татарских»), указывает не только на источник, но и на среду возникновения повести: она была написана в кругах книжников, имевших доступ к «татарским книгам» или к устным пересказам восточных притч (известно, что русские посольства в Персию в первой четверти XVII в. — Ивана Петлина, Федора Котова — записывали «татарские» рассказы). Древнейший список повести находится в конце рукописи, содержащей Пискаревский летописец, созданный в 1610-х гг. в кругах московских приказных (автор его, по гипотезе акад. М. Н. Тихомирова, — знаменитый книгопечатник Никита Фофанов, закончивший работу над ним в Нижнем Новгороде в 1612—1615 гг.). Предположение об авторе повести как о человеке, связанном с печатным или посольским делом, хорошо согласуется с ее основным смыслом: образованные люди — «въ государьстве годны», разум спасает души.

Повесть издается по списку 1620—1640-х гг.: *РГБ*, ф. 228, № 176, л. 717—722 об. Впервые издана М. О. Скрипилем (ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 324—327).

Стр. 444. *Улус* — территория, занятая кочующим родом, и одновременно указание на самый род кочевников.

Пристав — гонец.

Стр. 445. *Уланы* — конные воины, охрана.

Человек... гулящей... — В системе понятий XVII в. это человек вне социальных связей, бродяга.

Стр. 446. *Селища пустые* — запустевшие поселения, из которых ушли крестьяне, забросив пашни.

БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ

«Беседа...» написана в характерной для средневековой учительной литературы форме диалога. Практически же — это развернутый монолог. Отец, делясь с сыном своим жизненным опытом, использует яркие примеры как из самой жизни, так и из авторитетных книг, таких как Священное Писание, Патерики, Слова Иоанна Златоуста и др. Среди источников «Беседы...» также Изборник 1073 г., Слова о добрых и злых женах, приписываемые Иоанну Златоусту, а также статьи из «Азбуковника», «Физиолога», сведения из Александрии, Проложные Слова. При таком пестром материале «Беседа...», естественно, представляет собой «мозаику», искусно составленную автором, как отмечено в названии, «от различных писаний...».

Основную же роль в создании «Беседы...» сыграли анонимные Слова о добрых и злых женах. Об этом говорят и ряд близких чтений и само построение «Беседы...», основанное на сопоставлении двух точек зрения (отца и сына) относительно женских характеров. Однако это не простое копирование. Так, в Словах только намечен ряд страдальцев от злобы женской (Адам, Иосиф Прекрасный, Давид, Самсон, Соломон, Александр Македонский) — в «Беседе...» рассказы о них даются с большей полнотой.

Относительно происхождения «Беседы...» у ученых прошлого столетия были противоречивые мнения. А. Н. Пыпин считал «Беседу...» творением русского автора (П ы п и н А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е. СПб., 1902. Т. 2. С. 528), А. Н. Веселовский же предположил, что это «обработка какой-нибудь западной статьи» (В е с е л о в с к и й А. Н. Памятники литературы повествовательной // Г а л а х о в А. История русской словесности, древней и новой. Изд. 2-е. СПб., 1880. Т. 1. С. 443). В настоящее время исследователи склоняются к тому, что «Беседа...» принадлежит перу русского книжника XVII в. (Т и т о в а Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе» / Исследо-

вание и публикация текстов. Новосибирск, 1987). Широкое распространение «Беседы...» и живой интерес к ней читателей привели к тому, что до наших дней сохранилось свыше ста списков в 5 редакциях и большом количестве вариантов текста.

Текст «Беседы отца с сыном о женской злобе» публикуется по наиболее исправному и раннему списку (90-е гг. XVII в.) первоначальной редакции: *ГПБ*, собр. *ОЛДП*. Q. № XVIII, л. 148—169. Исправления вносятся по списку первой четверти XVIII в.: *ГПБ*, собр. Титова, № 71.

Стр. 449. «*...Сего ради оставит человек... в плоть едину*». — Мф. 19, 5.

Стр. 454. «*Безвѣстная и тайная премудрости твоея... Возсмердиша и согниша раны моя... и вся беззаконие мое очисти*». — Ср. Пс. 37, 6; 50, 5—11.

«*Не пощади жезла твоего и учи сына своего, егоже любиши*». — Ср. Пс. 13, 24.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ ДЛЯ РИЧАРДА ДЖЕМСА В 1619—1620 гг.

Ричард Джемс (ок. 1592—1638 гг.) — англичанин, посетивший в 1618—1620 гг. Россию, в записной книжке которого обнаружилась запись русских народных песен. Уроженец Ньюпорта, Ричард Джемс окончил Оксфордский университет, стал (примерно в 1615 г.) священником и в этом качестве принял участие в посольстве английского короля Иакова I к царю Михаилу Федоровичу. Королевское посольство было ответным: в 1617 году русский царь посылал дворянина Степана Ивановича Волынского и дьяка Ивана Поздеева в Англию с целью укрепить существующие и уже традиционные дружественные отношения и ускорить обещанный заем.

Английское посольство отплыло из Англии 3 июня 1618 г. и 16 июля прибыло в Архангельск. Глава посольства, сэр Додлей Диггс, услышав, что по стране бродят и разбойничают шайки поляков, возвратился из Холмогор в Англию. Остальные послы, сопровождаемые Федором Владимировичем Уваровым, через Вологду прибыли 19 января 1619 г. в Москву и были размещены в большом Посольском дворе в Китай-городе. 16 марта они были приняты царем. 15 июля состоялась прощальная аудиенция, и 20 августа в сопровождении Ивана Фомича Сытина англичане уехали из Москвы в Архангельск. Но когда они туда прибыли, навигация уже окончилась. Спутники Ричарда Джемса отправились на запад посуху, а сам он остался в Архангельске и, проведя там зиму 1619/20 г., весной уплыл на родину.

В Англии Ричард Джемс продолжал служить в церкви и писал. После его смерти (похоронен около церкви св. Маргариты в Вестминстерском аббатстве) в Оксфордскую Бодлеянскую библиотеку был передан 31 том его рукописей, содержащих главным образом тексты проповедей, стихи, богословские произведения и разного рода заметки. Согласно описи, среди них находились и его записки о путешествии в Россию, но они пропали. Уцелела, однако же, под номером 43, его записная книжка, самодельная, со сделанным в Архангельске черным кожаным переплетом с клапаном и узеньким ремешком-обмоткой. В этой книжке на 73 страницах помещается русско-английский словарь; а в особой вплетенной в записную книжку тетрадке из 8 листов, несколько меньшего размера, находятся шесть русских народных песен, записанных каким-то русским грамотным человеком великорусской скорописью первой четверти XVII в.

Первая из этих песен, о «весновой» службе, более легкой, чем «зимовая», — очевидно, песня отряда военных людей, может быть, судя по ритму, походная. Ее вариант был записан от казаков на Алтае около Семипалатинска совсем недавно, в XIX в. Вторая песня исторического содержания: она посвящена популярному герою борьбы с польско-литовскими интервентами воеводе князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Третья и пятая песни — о царевне Ксении Борисовне Годуновой, потерявшей свое положение после гибели ее отца. В ней отразилось сочувственное отношение народа к судьбе этой девушки. Схожие со свадебными плачами невесты, песни эти пелись о ней еще при ее жизни (она умерла в 1622 г. монахиней в Суздале). Четвертая песня — о въезде возвращавшегося из литовского плена в Москву патриарха Филарета Никитича. Он вернулся 14 июня

1619 г., стало быть, Ричард Джемс сам мог быть свидетелем этого события. Песня точно передает известные по надежным источникам подробности, а именно то, что Филарета Никитича сопровождал вернувшийся с ним из плена боярин Михаил Борисович Шеин и что по вступлении в Москву «пошли они к Пречистой соборной», т. е. в кремлевский Успенский собор. Кстати сказать, время возвращения Филарета Никитича, о котором поется в этой песне, показывает, что все песни были записаны — а записаны они одним почерком — в 1619—1620 гг. последняя, шестая песня — о набеге на Русь в 1572 г. крымского хана Девлет-Гирея с сыном, внуком, дядей и воеводой Диви-Мурзой. Татары заранее поделили русские города, причем Диви-Мурзе достался Новгород, но были отбиты московскими воеводами, и взятый в плен Диви-Мурза был отправлен «на бреженье» именно в Новгород. Запись этих песен — древнейшая из известных сейчас записей русских народных песен — могла быть сделана для Ричарда Джемса как в Москве, так и в Архангельске или в Холмогорах. По оценке Буслаева, песни, записанные для Ричарда Джемса, — лучшие русские исторические песни XVII в.

Текст Песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг., издается по фототипическому воспроизведению этой записи в книге: Симони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907.

Курсивом набираются слова, очевидно пропущенные переписчиком.

ПЕСНИ В ЗАПИСИ С. И. ПАЗУХИНА

Две лирические песни в записи Семена Ивановича Пазухина обнаружены на обороте одного из документов XVII в., хранящихся в архиве дворянского рода Пазухиных в *РГБ*. Они были опубликованы в 1953 г. И. М. Кудрявцевым (Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVII веке // ТОДРЛ. М.; Л,, 1953. Т. 9. С. 380—386). Семен Иванович Пазухин — прадед Н. М. Карамзина по материнской линии. Он был служилым дворянином: в 1669—1673 гг. принимал участие в посольстве в Среднюю Азию, по возвращении стал стрелецким головой в Корсуни, затем, в 1677 г., — в Тагаеве на Симбирской черте; в 1678 г. он был под Чигирином, в 1679 г. — под Киевом, в 1680 г. — в Путивле; в том же году под Тамбовом и Козловом «вал по черте делал»; тогда же по приказу К. О. Щербатова вел розыск в г. Тальце по жалобам рейтар, ограбленных посадскими людьми. На обороте черновика этого дела, датированного 1680 г., он и записал две лирические песни. После этого С. И. Пазухин был в Белгороде, участвовал в Азовском, Ругодевском и Дорогобужском походах; конвоировал пленных шведов из Москвы в Нижний Новгород. Умер в 1709 г.

Судя по почерку записи песен, она сделана около 1680 г., не позднее 1680-х гг. Лица, чьи имена как владельцев (или авторов?) песен С. И. Пазухин записал, неизвестны. Песни созданы, как видно, в служилой среде (упоминаются «служба», «воеводы»). Они свободны от влияния книжной силлабической поэзии; основа их — народная лирика. Это старейшие образцы такого рода лирических песен-стихотворений. И. М. Кудрявцевым опубликована и фотокопия записи С. И. Пазухина. Он обратил внимание на то, что перед фразами «о здоровье мила друга спрошаю» (в первой песне) и «хорошо ли в поле луги зеленеют» (во второй) стоит обведенная кружочком буква «в», т. е. цифра 2, указывающая на повторение. В записи эти фразы не повторяются.

Текст песен воспроизводится здесь с учетом оригинала записи: восстановлены еры, слова «да родился» в публикации И. М. Кудрявцева исправлены на «дородился».

ПЕСНИ П. А. САМАРИНА-КВАШНИНА

В конце 1920-х гг. при разборе документов XVII в. из архива московских дворян Самариных-Квашниных были обнаружены — на обороте писем, челобитных и прочих бумаг хозяйственного назначения — записи (свыше 20) любовных песен и фрагментов из них, написанные неразборчивой черновой скорописью. Анализ почерка записей и их содержания, проделанный М. Н. Сперанским, их первым издателем (см.: Сперанский М. Н. Из материалов для истории устной песни // Изв. АН СССР. VII серия. 1932. № 10. С. 913—934), показал, что все записи (за исключением одной) являются автографом Петра Андреевича Самарина-Квашнина и датируются временем после 1681 г. Согласно мнению М. Н. Сперанского, эти записи представляют собой фиксацию (по памяти) народных песен и должны рассматриваться как ранние записи устнопоэтической лирики. Последующее изучение записей и рукописей, их содержащих (В. В. Данилов, В. П. Адрианова-Перетц и др.), позволило установить, что записи П. А. Самарина отражают процесс индивидуального творчества; этим объясняются многочисленные исправления в рукописных текстах, существование рядом нескольких вариантов одного и того же фрагмента, неоконченность некоторых записей. Песни П. А. Самарина — это авторский текст, созданный на основе народной лирической песни.

П. А. Самарин-Квашнин (родился предположительно в 1671 г., умер — не ранее 1736 г.) происходил из старинного (времен Дмитрия Донского) боярского рода Квашниных (отец его, Андрей Никитич, гордясь древностью рода, писал в одной из челобитных: «...а мы... людишка родословные болши трех сот лет...»), однако ни его отец, служивший стольником у царя Алексея Михайловича, затем — воеводой в Самаре, ни тем более он сам, отнюдь не входили в круг «первых людей» государства. О биографии П. А. Самарина известно немногое: в 1685 и 1698 гг. был стольником царицы Прасковьи Федоровны (жены царя Ивана, брата Петра), почему-то не участвовал в Азовском походе 1696 г. (в Разрядный приказ были внесены деньги — 100 рублей — вместо «Азовской службы»), в 1698 г. женился на вдове, Аграфене Михайловне Ржевской, в 1700 г. — был воеводой в Ярославле.

Записи песен (судя по их характеру и датам документов, использованных в качестве писчего материала) относятся, по-видимому, к концу 1680-х—началу 1690-х гг. Любопытно, что ряд мотивов песен П. А. Самарина и даже совпадающие фрагменты текстов можно обнаружить в записях XIX в. П. И. Якушкина, в том числе сделанных в Тверской губернии (ср.: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. № 304, 362, 366, 377, 380, 396, 422, 449 и др.), что вряд ли является случайным совпадением, так как родовые поместья матери П. А. Самарина Аксиньи Семеновны Шаховской — тверские (ржевские, елецкие) села. Техника создания стихов П. А. Самарина еще достаточно наивна: отдельные, запомнившиеся фразы из народных песен П. А. Самарин использовал как «кирпичи» для «строительства» нового — своего — текста (в отношении к исходному литературному материалу П. А. Самарин был вполне средневековым автором, использовавшим привычный метод компиляции). Одновременно в песнях П. А. Самарина возникает ряд новых — книжных по происхождению — мотивов, навеянных переводной галантной повестью конца XVII в. (мотив женской красоты, портрета возлюбленной и др.). Песни молодого стольника царицы Прасковьи Федоровны — яркий памятник русской любовной лирики эпохи культурного перелома: они позволяют наглядно увидеть возникновение в конце XVII в. индивидуальной авторской лирики, вырастающей из двух начал, — стихии народной лирической песни и традиций книжной культуры.

Для публикации отобрано тринадцать песен (полное современное издание: Демократическая поэзия XVII в. / Подг. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 93—104); тексты сверены с автографами (*ГИМ* ОПИ, ф. 253, д. 26, л. 7 об., 13, 50 об., 50, 51, 18 об., 34 об., 35 об., 52).

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Том 15

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *О. И. Буркова, Н. И. Журавлева,*
З. Ю. Иванова и *Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 15.02.06.
Подписано к печати 16.10.06. Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43.5. Уч.-изд. л. 37.
Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 3610. С 235

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru
www.nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027075-X